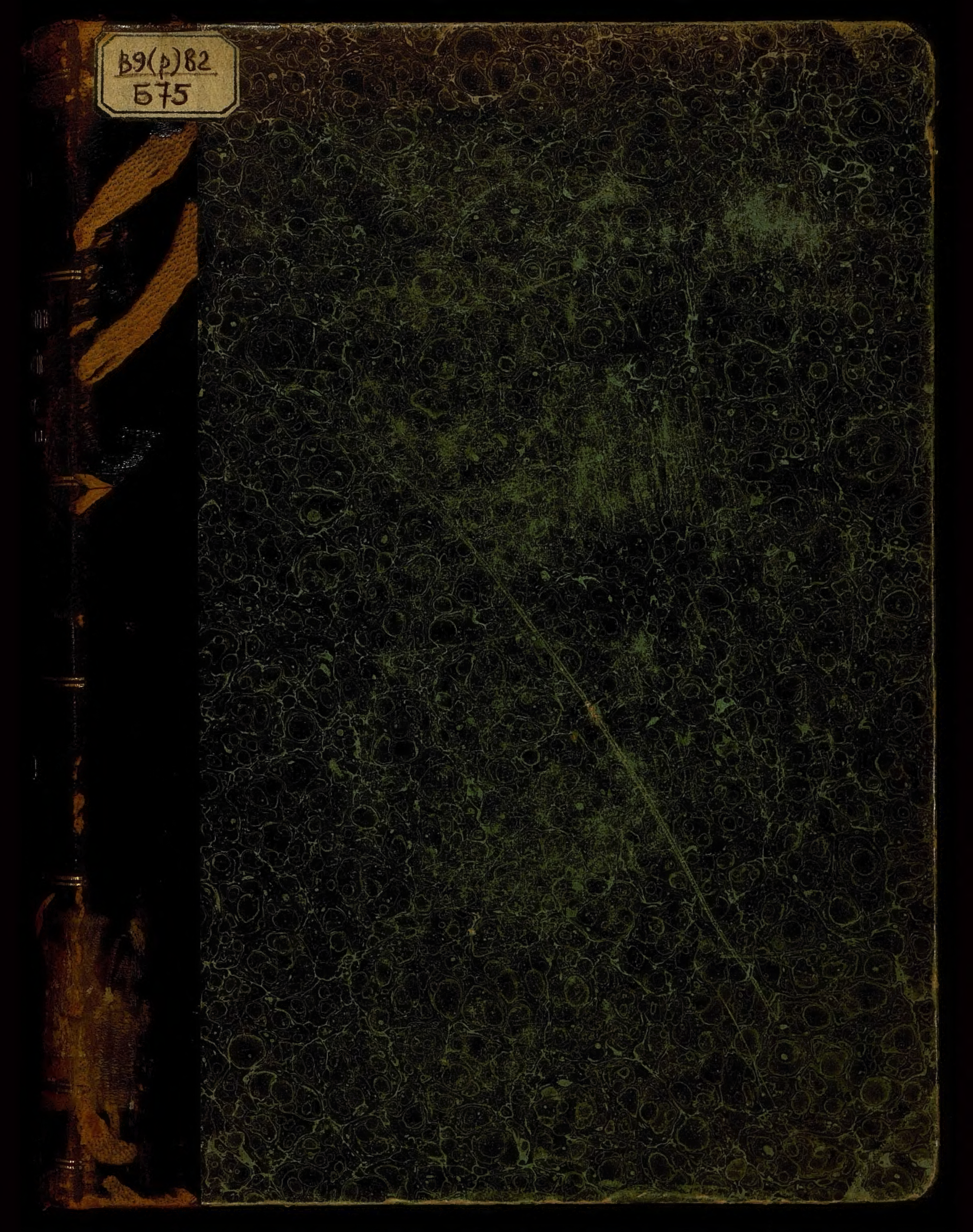
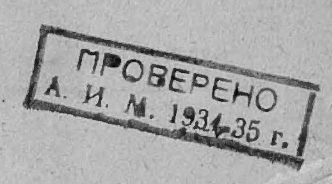

1984

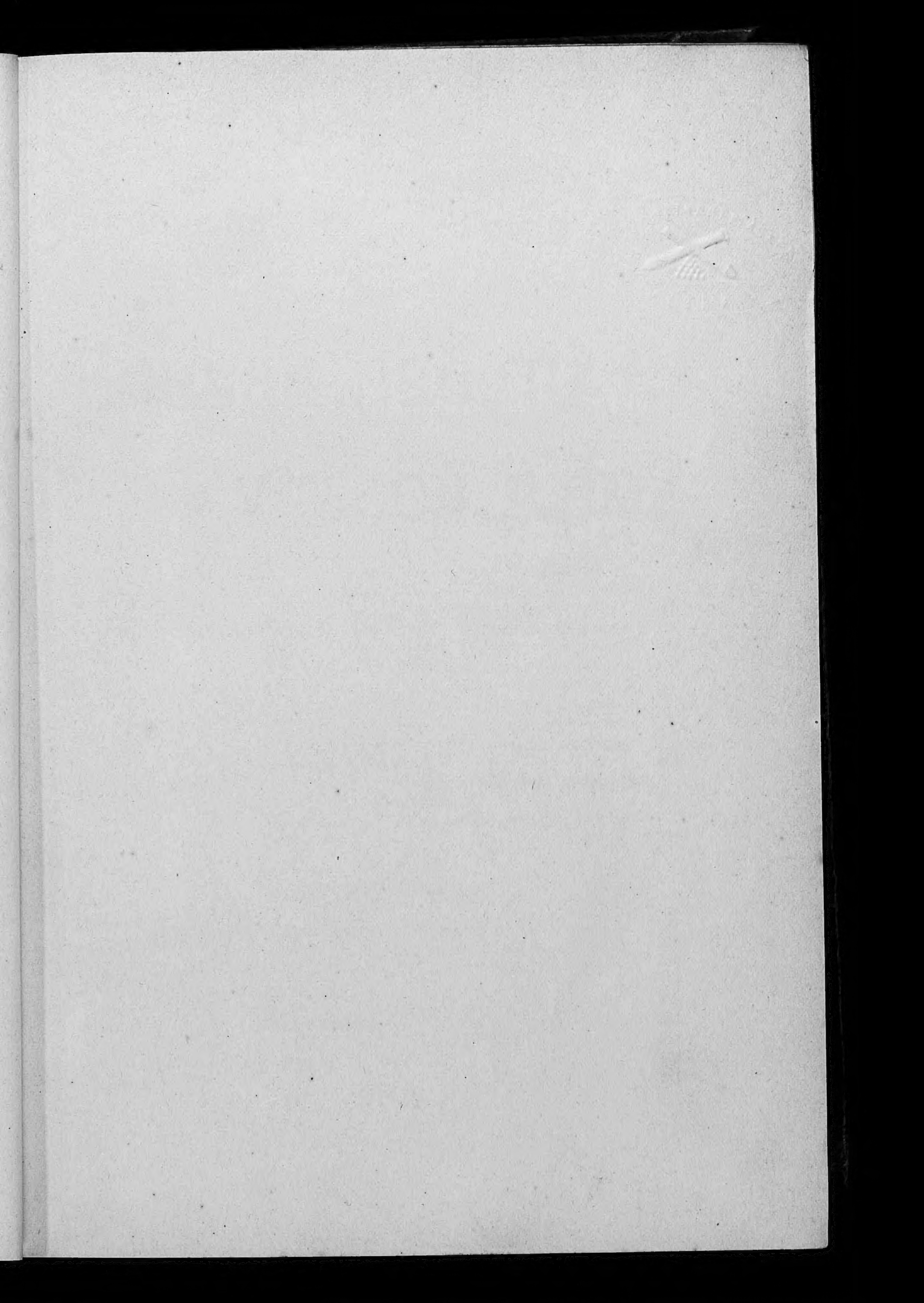
ИЗДАНІЕ КНЯЗЯ АБАМЕЛЕКЪ-ЛАЗАРЕВА.

Боевая работа Русской Арміи

въ войну 1904—1905 г.г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія З. Соколинскаго. Надеждинская, 33.
1913.

Оглавленіе.

Борьба за Портъ—Артуръ.

Картографическія приложенія.

Схемы къ части II-й труда «Боевая работа Русской Арміи».

1. Расположеніе войскъ передъ началомъ наступленія Маньчжурской Арміи 22-го Сентября.
2. Положеніе 27 сентября.
3. Расположеніе 2 октября.
4. Расположенія 2-й Маньчжурской арміи вечеромъ 15 января 1905 г.
5. Положеніе передъ Мукденскими боями.
6. Располож. II арміи къ 16 февр. Наступл. арміи Ноги.
7. Положеніе 19-го февраля.
8. Положеніе войскъ западнаго фронта 20-го февр.
9. Положеніе къ утру 25-го февр.
10. Планъ Портъ-Артура.

Отъ издателя.

Составленіе 2-й части труда: „Боевая работа Русской Арміи“. — поручено мною г. В. Марушевскому; очеркъ дѣйствій подъ Портъ-Артуромъ составленъ г. П. Орловымъ.

ГЛАВА I.

Послѣ Ляояна. Подготовка Шахейской операціи. Переходъ въ наступленіе.

Закончилась Ляоянская операція. Только участники грандіозныхъ боевъ этого періода, только свидѣтели этой самоотверженной боевой работы Русской Арміи могутъ оцѣнить ея поразительную моральную устойчивость и безпредѣльную боеспособность.

Несмотря на огромныя потери въ бояхъ, несмотря на огромныя трудности переходовъ по невылазной грязи, когда одну пушку приходилось вытаскивать цѣлою дюжиною лошадей, огромная армія въ самой невозможной обстановкѣ совершила отступательный маршъ къ Мукдену, и сторонній наблюдатель уже лишь черезъ нѣсколько дней послѣ боевъ не нашелъ-бы въ арміи и слѣдовъ неудачныхъ боевъ, горечи, унынія.

Отличная осенняя погода сильно помогла оправиться и отдохнуть поработавшимъ частямъ Маньчжурской арміи. Закипѣла бивачная жизнь, по огромному раіону занятому войсками стали раздаваться пѣсни.

Вотъ какъ описываетъ стоянку подъ Мукденомъ нашъ спеціальный военный корреспондентъ:

„Въ эти золотые августовскіе дни въ окрестностяхъ Мукдена отдыхала Маньчжурская Армія. Всюду биваки. Нѣтъ ни одной китайской деревни, ни одного хутора, ни одной одинокой фанзы гдѣ бы не ютились войска“.

„Маленькія палатки безконечными рядами раскинулись по вытоптаннымъ полямъ гаоляна. Въ ивовой рощѣ раскинулась артиллерія, возлѣ коническихъ кучъ китайскихъ могилъ протянулись коновязи обозовъ. Непріятельскому развѣдчику трудно сосчитать сколько войска, гдѣ оно, его много и оно вездѣ. По обѣимъ сторонамъ тихой и мутной р. Хунь-хэ стоятъ биваки. Они подходятъ къ самому берегу, занимаютъ поля и огороды, стоятъ на дворахъ фанзъ, стоятъ въ самыхъ фанзахъ. У самыхъ стѣнъ Мукдена, въ его предмѣстьи стоятъ солдаты, да и Мукденъ полонъ ими и онъ, какъ Ляоянъ, принимаетъ характеръ русскаго военнаго города. Солдаты поодиночкѣ, солдаты цѣлыми командами,

наполняютъ улицы. Одни озабочены отыскиваніемъ сапожнаго товара для починки своихъ, уже веревочками связанныхъ сапогъ, другіе покупаютъ ватные халаты, что-бы замѣнить ими шинели, брошенныя въ дни жаровъ и усталости на походѣ. Вновь прибывшіе и расположившіеся съ сѣверной стороны Мукдена полки 1-го армейскаго корпуса, въ зеленоватыхъ рубахахъ и новыхъ фуражкахъ, съ удивленіемъ смотрятъ на оборванныхъ въ боевыхъ и походныхъ невзгодахъ сибиряковъ [1])".

„Въ началѣ отступленія отъ Ляояна Генералъ-Адъютантъ Куропаткинъ не имѣлъ еще опредѣленнаго рѣшенія, гдѣ остановить армію для новаго отпора врагу. Какъ ни важно было политическое значеніе Мукдена—столицы Маньчжуріи, какъ ни дороги были сосредоточенные около него обширные запасы, какъ ни цѣнно было для эксплоатаціи желѣзной дороги сохраненіе въ нашихъ рукахъ Фушунскихъ каменно-угольныхъ копей, но все-же наша армія, вѣроятно, отошла-бы прямо къ Тѣлину, если-бы Японцы преслѣдовали насъ [2])".

Но Японская армія, не менѣе насъ измученная и разстроенная боями, была не въ состояніи развить хотя-бы частью силъ преслѣдованіе нашихъ отступающихъ частей и потому уже за переходъ до Мукдена войскамъ было ясно, что въ Мукденѣ будетъ отдыхъ, что берега р. Хунь-хэ будутъ раіономъ новыхъ оборонительныхъ сооруженій.

„Уже 27-го Августа Генералъ-Адъютантъ Куропаткинъ доносилъ, что армія провела спокойно нѣсколько ночей, обезпечена продовольствіемъ и готова къ новому бою [2])".

„Послѣ сосредоточенія къ Мукдену Маньчжурской арміи предстояло отдохнуть, устроиться, привести въ порядокъ матеріальную часть, пополнить запасы, выждать прибытія подкрѣпленій и укомплектованій съ тѣмъ, что-бы приготовиться дать упорный бой подъ Мукденомъ и, если-бы удалось отразить наступленіе противника, довершить его пораженіе переходомъ въ наступленіе [3])".

„Послѣ сраженія подъ Ляояномъ наши силы увеличились на 1-й Арм. и VI Сиб. корпуса. Всего въ Сентябрѣ въ нашихъ девяти корпусахъ (I—VI Сибирскіе, I, X, XVII армейскіе) насчитывалось *257½ бат. пѣхоты, силой въ 195000 штыковъ, 143 эск. и сотни, 758 орудій и 32 пулемета.*

---

1) Годъ Войны. П. Красновъ т. II стр. 2.
2) Русско-Японская война 1904—05 г.г. Александра Свѣчина гл. XVI стр. 229.
3) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Генер. Адъютанта Куропаткина стр. 4.

Японскія силы состояли изъ тѣхъ-же восьми дивизій, участвовавшихъ въ Ляоянскомъ сраженіи и пополненныхъ до штатнаго состава, и 5—8 резервныхъ бригадъ. Обнаружившаяся недостаточная численность Японскихъ войскъ и противъ Маньчжурской арміи и подъ Артуромъ заставила Японію сдѣлать новыя чрезвычайныя усилія; мобилизовался еще цѣлый рядъ частей; рѣшено было отказаться отъ мысли объ операціи къ Владивостоку. Сильныя подкрѣпленія были направлены въ Маньчжурію, но голова ихъ—8-я дивизія и 5-я рез. бригада—пришла только въ началѣ октября и участія въ сраженіи на р. Шахэ не приняла.

Ляоянское сраженіе открыло намъ глаза на силы Японцевъ, и въ сентябрѣ наше развѣдывательное отдѣленіе, оцѣнивая численность японскихъ войскъ *въ 144000 штыковъ, 6300 сабель и 648 орудій, было весьма близко къ истинѣ.*

Мы ощущали перевѣсъ въ своихъ силахъ; сосредоточеніе Маньчжурской арміи можно было считать законченнымъ. Постепенно выяснявшаяся обстановка конца Ляоянскаго сраженія указывала на истощеніе противника и на ошибку, которую мы сдѣлали, оборвавъ своимъ отступленіемъ бой. Дальнѣйшимъ выжиданіемъ можно было разсчитывать еще усилить нашу армію, но и противникъ усиливался на столько-же; оттягивать переходъ въ наступленіе, что-бы еще болѣе измѣнить условія численности въ свою пользу, было-бы безполезно. Положеніе Артура внушало опасенія и заставляло торопиться ударить на врага, какъ только тылъ арміи будетъ подготовленъ къ наступленію.

Климатическія условія маньчжурской осени благопріятствовали развитію активныхъ дѣйствій [1])".

Такимъ образомъ обстановка складывалась сама собою такъ, что необходимость перехода въ наступленіе начала естественно проникать въ сознаніе командпаго состава арміи.

Однако переходъ въ наступленіе послѣ упорныхъ Ляоянскихъ боевъ требовалъ огромной подготовительной работы, непонятной не только широкому кругу всѣхъ лицъ, интересовавшихся военными событіями, но даже и лицамъ командпаго состава младшихъ степеней, оцѣнивавшихъ событія съ узко-полковой точки зрѣнія.

Упорные бои подъ Ляояномъ вызвали прежде всего огромный расходъ артиллерійскихъ снарядовъ, который при общей пере-

---

[1]) Русско-Японская война 1904—05 г.г. Александра Свѣчина стр. 230.

грузкѣ нашей желѣзной дороги нелегко было пополнить. Къ этому надо прибавить еще и то, что у насъ съ 1878 года не было опыта „большой войны“, а нормы нашей Русско-Турецкой войны не имѣли никакой цѣнности при силѣ современнаго огня нашихъ отличныхъ скорострѣльныхъ орудій.

Матеріальная часть вообще нуждалась въ большихъ поправкахъ. Близки уже были холодные дни. По утрамъ бывали уже легкіе морозцы, а многіе полки были не обезпечены шинелями, что исправлялось широкою закупкою ватныхъ китайскихъ халатовъ. Работа шла непрерывная и неустанная.

Скучная, невидная работа по обезпеченію арміи всѣмъ необходимымъ оцѣнивалась, однако, не всѣми одинаково. Верхи арміи, видѣвшіе всю ея необходимость и понимавшіе все ея значеніе, проводили эту подготовительную работу не безъ треній. Вотъ какъ относились къ ней нѣкоторые изъ начальствующихъ лицъ:

„Сначала предписывали всѣмъ готовиться къ наступленію, а затѣмъ опять дается еще недѣля—обдумывать это наступленіе. Позволю себѣ утверждать, какъ командиръ полка, стоявшій, значитъ, непосредственно у самыхъ войскъ,—что никакой надобности не было въ особыхъ приготовленіяхъ къ наступленію ни по части хозяйственной, строевой или боевой; что если-бы приказаніе начать наступленіе было получено совершенно неожиданно, безъ предваряемыхъ и нескончаемыхъ приготовленій, то совершили-бы наступленіе съ одинаковымъ успѣхомъ и ни въ чемъ не встрѣтилось-бы задержки.... [1]).

Не такъ относились къ заботамъ Командующаго Арміей нижніе чины, беззавѣтно любившіе А. Н. Куропаткина до самаго конца кампаніи.

На ряду съ этими заботами чисто матеріальнаго характера была еще одна крайне важная данная, повліявшая на исходъ всѣхъ боевъ на р. Шахэ.

Со времени занятія нами Квантуна нашими топографами была сдѣлана громадная героическая работа по съемкамъ 2-хъ верстной карты, охватывающей огромный раіонъ между Артуромъ и Ляояномъ. Съемка эта запечатлѣна кровью многихъ отважныхъ работниковъ, производившихъ ее мелкими партіями въ тайгѣ, подъ выстрѣлами хунхузовъ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни мѣсяцами подъ открытымъ небомъ.

---

[1]) М. Грулевъ. ч. 2, стр. 42—43.

Ко времени нашего отступленія отъ Ляояна эту героическую работу довели лишь до параллели Ляояна, а полоска между Мукденомъ и Ляояномъ, въ которой и розыгрались Шахейскіе бои, осталась не снятой.

Немедленно, по сосредоточеніи нашей арміи подъ Мукденомъ, началась самая интенсивная работа по развѣдкѣ и рекогносцировкѣ раіона предстоящихъ боевыхъ дѣйствій.

Всѣ добытыя кроки, маршруты, а также весь старый матеріалъ по маршрутнымъ съемкамъ, добытый еще до начала военныхъ дѣйствій свели вмѣстѣ, отпечатали и роздали въ войска. Въ этой, составленной на-спѣхъ картѣ, если только можно назвать это картой, была масса треугольниковъ и квадратовъ, не пройденныхъ маршрутами, и оставшихся совершенно бѣлыми.

Въ склонномъ къ шуткѣ, даже въ критическія минуты, нашемъ офицерствѣ немедленно появилось выраженіе: „ходить по бѣлому“.

Эта карта являлась единственнымъ матеріаломъ для всѣхъ соображеній не только тактическаго, но и стратегическаго характера, почему отъ предстоящаго перехода въ наступленіе можно было ожидать самыхъ неблагопріятныхъ случайностей.

Все это затягивало дѣло и требовало огромной работы, какъ со стороны тыловыхъ учрежденій, такъ и отъ самихъ войскъ, въ смыслѣ самыхъ энергичныхъ рекогносцировокъ и развѣдокъ, какъ мѣстности такъ и противника.

Работа войскъ оставалась, какъ и въ предыдущій періодъ, самоотверженной. Даже въ этотъ періодъ остановки военныхъ дѣйствій крупными частями, войска, наши давали многіе примѣры безтрепетнаго исполненія святого долга служенія Родинѣ, одинъ изъ коихъ сохранился благодаря случаю, именно по дошедшему до насъ письму, присланному капитаномъ штаба японской арміи. „Согласно рапорту командира 10-го армейскаго корпуса отъ 25-го Сентября, № 1289, видно, что японское письмо найдено было разъѣздомъ 3-ей сотни 1-го Оренбургскаго каз. полка къ югу отъ д. Яншутунь (Яншоутунь). Письмо было положено на видномъ мѣстѣ при запискѣ на китайскомъ языкѣ, въ которой сказано было, что китайцы не должны уничтожать это письмо, какъ адресованное въ русскую армію.

Содержаніе письма слѣдующее:

„Запасный солдатъ Василій Рябовъ, 33 лѣтъ, изъ охотничьей команды 284-го пѣх. Чембарскаго полка, уроженецъ Пензенской

губерніи, Пензенскаго уѣзда, села Лебедевки, одѣтый какъ китайскій крестьянинъ, 27 сентября сего года былъ пойманъ нашими солдатами въ предѣлахъ передовой линіи. По его устному показанію выяснилось, что онъ, по изъявленному имъ желанію, былъ посланъ къ намъ для развѣдыванія о мѣстоположеніяхъ и дѣйствіяхъ нашей арміи и пробрался въ нашу цѣпь 27 (по русскому стилю 14) сентября, черезъ Янтай, по юго-восточному направленію. Послѣ разсмотрѣнія дѣла установленнымъ порядкомъ Рябовъ приговоренъ къ смертной казни. Послѣдняя была совершена 30 Сентября (по русскому стилю 17-го Сентября) — ружейнымъ выстрѣломъ. Доводя объ этомъ событіи до свѣдѣнія русской арміи, наша армія не можетъ не высказать наше искреннѣйшее пожеланіе уважаемой арміи, что-бы послѣдняя побольше воспитывала такихъ истинно прекрасныхъ, достойныхъ полнаго уваженія воиновъ, какъ означенный рядовой Рябовъ. На вопросъ, не имѣетъ-ли что высказать передъ смертью, онъ отвѣтилъ: „готовъ умереть за Царя, за Отечество, за Вѣру“.

На предложеніе: мы вполнѣ входимъ въ твое положеніе, обѣщаемся постараться, что-бы было передано твоимъ родителямъ, женѣ, дѣтямъ, что ты такъ храбро и твердо шелъ на подвигъ смерти за Царя и Отечество, при томъ, если есть, что передать имъ отъ тебя, пусть будетъ сказано, онъ отвѣтилъ: „покорнѣйше благодарю, передайте, что было“.... и не могъ удержаться отъ слезъ. Перекрестившись, помолился долго въ четыре стороны свѣта, съ колѣно-преклоненіями, и самъ вполнѣ спокойно сталъ на свое мѣсто.... Присутствовавшіе не могли удержаться отъ горячихъ слезъ. Сочувствіе къ этому искренно храброму, преисполненному чувства своего долга, примѣрному солдату достигло высшаго предѣла. „Подписано: съ почтеніемъ капитанъ Штаба Японской арміи [1])“.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что въ Сентябрѣ 1904 г., передъ самымъ началомъ наступательныхъ дѣйствій, у насъ было много затрудненій и въ отношеніи знакомства съ мѣстностью и въ отношеніи освѣдомленности о расположеніи противника. Вотъ почему Генералъ-Адъютантъ Куропаткинъ, обращаясь передъ началомъ наступленія къ начальствующимъ лицамъ арміи, далъ слѣдующія указанія: „Наше наступленіе сначала должно быть очень осторожнымъ и вслѣдствіе сего медленнымъ; мы должны, за

---

[1]) Работа Воен. Ист. Комиссіи. Т. IV, стр. 15.

неимѣніемъ свѣдѣній о силахъ противника и ихъ расположеніи, идти какъ-бы ощупью [1])“.

19 Сентября Командующій Арміей обратился къ войскамъ съ приказомъ, въ которомъ между прочимъ указывалось:

„Войска Маньчжурской арміи, неизмѣнно сильные духомъ до сихъ поръ не были достаточно сильны, что-бы разбить выставленныя противъ нихъ японскія арміи“.

„Требовалось, много времени, что-бы одолѣть всѣ препятствія и усилить дѣйствующую армію въ такой мѣрѣ, что-бы она съ полнымъ успѣхомъ могла выполнить возложенную на нее трудную, но почетную задачу“.

„Вотъ почему, несмотря на многократное отраженіе атакъ японцевъ на наши позиціи у Ташичао, Ляньдянсяна и на позиціи у Ляояна, я не признавалъ своевременнымъ использовать эти успѣхи переходомъ въ наступленіе и приказывалъ отступать“.

„Я приказывалъ вамъ отступать съ горемъ въ сердцѣ, но съ непоколебимою вѣрою, что отступленіе наше на подходящія подкрѣпленія было необходимо для одержанія, рѣшительной побѣды“.

„Теперь настало желанное и давно ожидаемое всею арміей время идти самимъ впередъ навстрѣчу врагу, заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы Маньчжурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе“.

„Вы должны, однако, непрерывно помнить, что для побѣды надъ сильнымъ и храбрымъ противникомъ, кромѣ численности войскъ, необходима твердая рѣшимость всѣхъ чиновъ арміи отъ мала до велика одержать эту побѣду, какихъ-бы жертвъ для сего не потребовалось“.

„Проникнетесь всѣ сознаніемъ важности побѣды для Россіи, въ особенности помните, какъ нужна намъ она, дабы скорѣе выручить нашихъ братьевъ въ Портъ-Артурѣ, семь мѣсяцевъ геройски отстаивающихъ ввѣренную ихъ оборонѣ крѣпость [2])“.

Въ оперативномъ приказѣ по арміи, еще отъ 15 Сентября, указывалось арміи перейти въ наступленіе „и атаковать противника въ занимаемомъ имъ расположеніи, имѣя первоначальною цѣлью—владѣть правымъ берегомъ р. Тайцзыхэ“.

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Г. А. Куропаткина. Составилъ Полк. Болховитиновъ, стр. 21.

[2]) Труды Воен. Истор. Комиссіи. Т. IV, стр. 408.

Группировка нашихъ силъ была нижеслѣдующая:

„*Восточный отрядъ* Ген.-Лейт. барона Штакельберга—1-й, 2-й, 3-й Сиб. корпуса и отрядъ Ген.-Лейтен. Ренненкампфа,—всего 86 бат., 32 пулемета, 198 орудій и 50 сотенъ,—наступалъ на фронтъ д.д. Падяза—Хышинпу—Тайдямяуза для нанесенія главнаго удара противнику съ фронта и праваго фланга. Первоначальною цѣлью дѣйствій ставилось овладѣніе позиціями противника у Ваньяпузы.

Западный отрядъ Ген.-Лейт. барона Бильдерлинга—X, XVII арм. корпуса и отрядъ Ген.-Лейт. Дембовскаго—всего 77 бат., 222 орудія 56 эск. и сотенъ—выдвигался на линію р. Шахэ для дальнѣйшаго наступленія вдоль желѣзной дороги; Западный отрядъ въ первые дни послѣ сближенія съ Японцами долженъ былъ дѣйствовать съ крайней осторожностью, пріостанавливая наступленіе, быстро укрѣпляя занимаемыя позиціи, находясь въ постоянной готовности къ отраженію японскихъ атакъ.

Общій резервъ образовывался двумя группами; наибольшая группа—IV Сиб. и 1-й арм. корпуса и отрядъ Ген.-Маіора Мищенко,—всего 56 батал., 228 ор., 20 сот., направлялась уступомъ позади 12 верстнаго интервала между Восточнымъ и Западнымъ отрядами и, естественно, должна была скоро влиться въ боевую часть, образовавъ центральный участокъ; другая группа—VI Сиб. корпусъ—24 бат. 96 ор. и 6 сот.—направлялась уступомъ за правымъ флангомъ Западнаго отряда; два полка корпуса оставались для охраны укрѣпленій Мукдена и Тѣлина [1])“.

Не вдаваясь въ детальный разборъ указанной группировки, считаю необходимымъ привести краткую критику ея сдѣланную А. А. Свѣчинымъ:

„Группировка силъ не отвѣчала и принятой наступательной идеѣ. Силы слабыхъ по числу рядовъ корпусовъ Восточнаго отряда представляли только одну четверть состава арміи; надо было считаться съ тѣмъ, что японцы примкнутъ свой флангъ къ р. Тайцзыхэ, и имѣть возможность широко размахнуть охватъ и по лѣвому ея берегу.

Недостаточной была и численность Западнаго отряда. При твердомъ рѣшеніи наступать и Западному отряду нельзя было ограничиваться развертываніемъ предъ Японцами. Онъ долженъ былъ связать своими атаками Японскій фронтъ, а для этой цѣли

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война. Стр. 231.

силы Западнаго отряда были слишкомъ слабы. Конница была подѣлена поровну между нимъ и Восточнымъ отрядомъ, хотя въ горахъ ей дѣйствовать было трудно.

Войскамъ въ приказѣ указывалось „непрерывно помнить, что для побѣды надъ сильнымъ и храбрымъ противникомъ, кромѣ численности войскъ, необходима твердая рѣшимость всѣхъ чиновъ арміи, отъ мала до велика, одержать эту побѣду, какихъ-бы жертвъ для сего не потребовалось“. Между тѣмъ въ группировкѣ войскъ этой твердой рѣшимости не было—слишкомъ много войскъ удерживалось въ резервѣ. Проще было подѣлить центральную группу резерва—I арм. и IV Сиб. корпуса—между Восточнымъ и Западнымъ отрядами, оставивъ въ резервѣ одинъ VI-й Сиб. корпусъ. Оставленіе одной бригады VI Сиб. корпуса для охраны Тѣлина и Мукдена не вяжется съ основнымъ началомъ искусства побѣждать—напряженія всѣхъ силъ съ цѣлью добиться рѣшенія [1]“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе и нѣкоторая условность подчиненія VI-го Сибирскаго Корпуса Генералу Адъютанту Куропаткину. Корпусъ этотъ предназначался въ составъ 2-й Маньчжурской арміи, формированіе которой уже было въ принципѣ рѣшено. Въ виду этого Генералъ-Адъютантъ Алексѣевъ въ письмѣ отъ 18-го Сентября 1904 года, между прочимъ, давалъ Командующему арміей слѣдующія указанія:

„6-й Сиб. корпусъ назначенъ мною для содѣйствія ввѣренной Вамъ арміи и временно подчиненъ Вамъ, безъ включенія въ ея составъ и при непремѣнномъ условіи, чтобы изъ означеннаго корпуса не выдѣлялись части въ другіе корпуса и отряды, и чтобы корпусъ этотъ, за исключеніемъ двухъ полковъ, оставленныхъ въ Тѣлинѣ, дѣйствовалъ въ совокупности или-же въ опредѣленномъ раіонѣ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ выдѣлять отъ себя авангарды и другія охраняющія части, не присоединяя ихъ къ отрядамъ первой Маньчжурской арміи“....

„Само собою разумѣется, что, если, пользуясь видимою неготовностью еще японцевъ къ активнымъ дѣйствіямъ, Вы предпримете противъ нихъ наступленіе, то въ немъ можетъ принять участіе и временно подчиняемый Вамъ 6-й Сибирскій корпусъ [2]“.

Эта условность подчиненія и пользованія VI Сиб. корпусомъ

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война. Стр. 234.
[2]) Труды Воен. Истор. Комиссіи. Т. IV, стр. 394.

для боевыхъ дѣйствій въ результатѣ отразилась и на боевой работѣ всего Западнаго отряда въ тяжелые дни конца Сентября мѣсяца.

„Въ двадцатыхъ числахъ Сентября расположеніе Японцевъ было таково:

„въ центрѣ, между желѣзной дорогой и копями Янтай, развернулась IV-я армія Нодзу—2 дивизіи (5-я и 10-я) и 3 резервныхъ бригады; лѣвое крыло—западнѣе желѣзной дороги—образовала II-я армія Оку (3-я, 4-я и 6-я дивизіи); правое крыло, восточнѣе копей Янтай, образовали главныя силы арміи Куроки—3 дивизіи и 1 резервный полкъ. Общій резервъ—до 3 резервныхъ бригадъ съ тяжелой артиллеріей — занималъ Ляоянъ. Передъ лѣвымъ флангомъ къ р. Хуньхэ выдвинулась 1-я кавалерійская бригада Акіямы, передъ правымъ флангомъ — 2-я кавалерійская бригада принца Канъ-инъ, а еще правѣе стояла у Ваньяпузы резервная бригада Умесавы [1])“.

22-го Сентября Маньчжурская армія перешла въ наступленіе по всему фронту. Войска находились въ особенно бодромъ настроеніи; неудачи были забыты, какъ-то особенно вѣрилось въ полную возможность успѣха.

Наше наступленіе было крайне медленнымъ. Огромный литературный матеріалъ, появившійся послѣ войны крайне легкомысленно винитъ въ этой медленности нашего движенія впередъ А. Н. Куропаткина. Выше уже было упомянуто, что какъ разъ въ раіонѣ боевъ на р. Шахэ мы имѣли лишь скудный картографическій матеріалъ. Упоминая объ этой грустной подробности этого періода военныхъ дѣйствій Военно-Историческая комиссія такъ описываетъ находившуюся на рукахъ въ частяхъ войскъ карту:

„Кое-какія, довольно скудныя топографическія данныя показаны только вдоль нѣкоторыхъ маршрутныхъ путей пройденныхъ въ свое время при рекогносцировкахъ. Вся-же мѣстность, лежащая въ сторонѣ отъ этихъ путей, представляетъ собою большей частью обширныя бѣлыя пятна, что равносильно отсутствію картъ“.

„Это обстоятельство и вынуждало войска прибѣгать къ частымъ рекогносцировкамъ, что-бы сколько нибудь облегчить свое положеніе относительно оріентировки на совершенно незнакомой мѣстности,—что неизбѣжно отражалось на ходѣ военныхъ дѣй-

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 235.

ствій, такъ какъ приходилось тратить время на рекогносцировки тогда, когда нужно было дѣйствовать [1])“.

Такимъ образомъ наше наступленіе, при условіи хотя и довольно близкихъ къ истинѣ, но все-же туманныхъ свѣдѣній о противникѣ, въ странѣ съ безусловно нерасположеннымъ къ намъ населеніемъ, въ незнакомой и пересѣченной мѣстности—не могло быть построено на основаніяхъ быстрыхъ, рѣшительныхъ маршей, по примѣрамъ нашихъ знаменитыхъ полководцевъ.

Приходилось останавливаться съ каждымъ шагомъ, осматриваться и тяжелымъ трудомъ подготавливать возможность слѣдующаго шага.

„Уже 23-го Сентября Западный Отрядъ продвинулся главными силами на линію р. Шахэ, укрѣпился здѣсь и выдвинулъ впередъ авангарды на 6—7 верстъ. Восточный отрядъ къ вечеру уже занялъ угрожающее положеніе, охватывая правый флангъ Умесавы. Крайній лѣвый флангъ—отрядъ Ген. Лейтенанта Ренненкампфа—достигъ р. Тайцзыхэ [2])“.

Въ періодъ времени съ начала нашего перехода въ наступленіе и до 27-го Сентября включительно боевая работа Маньчжурской арміи носитъ характеръ развѣдочный; мы постепенно сближаемся съ противникомъ и въ этотъ періодъ имѣемъ лишь боевыя столкновенія передовыми частями. Болѣе усиленная работа въ этотъ періодъ выпадаетъ на долю Восточнаго отряда.

Еще передъ началомъ нашего движенія впередъ особенное вниманіе Командующаго арміей было направлено на расположеніе Японцевъ у с. Ваньяпузы.

„Наши тайные развѣдчики—Китайцы, работавшіе весьма неудовлетворительно, доставили свѣдѣніе, что въ раіонѣ Ваньяпузы силы Японцевъ достигаютъ 200 тысячъ.

Но войсковыя развѣдки указывали, что здѣсь имѣются лишь весьма скромныя силы, и Генералъ-Маіоръ Мищенко доносилъ, что онъ почти убѣжденъ, что при наступленіи Восточный отрядъ не встрѣтитъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Тѣмъ не менѣе 24-е Сентября, когда обстановка складывалась для насъ чрезвычайно выгодно, чтобы атаковать большей частью силъ Восточнаго отряда 6 баталіоновъ Умесавы и разсѣять ихъ, мы потеряли на рекогносцировки, хотя позиція у Ваньяпузы изучалась нами

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія. Т. IV, стр. 142.
[2]) А. Свѣчинъ Русско-Японская война стр. 236.

еще до начала наступленія. Утромъ 25 Сентября мы замѣтили исчезновеніе японцевъ; первый благопріятный случай нанести ударъ живой силѣ противника былъ упущенъ, но, оцѣнивая событіе съ точки позиціонной тактики, Командующій Арміей въ то время призналъ безкровное овладѣніе позиціей у д. Ваньяпузы важнымъ успѣхомъ, достигнутымъ благодаря удачному направленію колоннъ Восточнаго отряда [1])".

„Войска Восточнаго отряда послѣ занятія, безъ боя, японской позиціи у д. Ваньяпуза, при дальнѣйшемъ движеніи наткнулись на сильно занятые противникомъ горные перевалы и массивы, при чемъ весь раіонъ наступленія оказался заполненнымъ горными дебрями, весьма трудно доступными. По условіямъ мѣстности, въ особенности въ раіонѣ дѣйствій 3-го Сиб. Корпуса, войска не могли даже пользоваться содѣйствіемъ артиллеріи, которую вынуждены были оставить въ тылу, въ виду невозможности протащить ее съ собою черезъ горы [2])".

„Съ утра 26-го Сентября Конница Ген. Самсонова развернулась противъ горъ восточнѣе перевала В. Тумынлинъ, откуда была встрѣчена огнемъ. Правѣе ея развертывались, противъ переваловъ В. и З. Тумынлинъ, авангарды 1-го Сиб. Корпуса. Лѣвѣе—на фронтѣ Каотайцзы—Іогу—развертывался III Сиб. корпусъ, выдвинувшій 24-й В. С. стр. полкъ для поддержки конницы Самсонова. Отрядъ Генер.-Лейт. Ренненкампфа занялъ высоты у долины Іогу—Уйнюнинъ еще наканунѣ, произвелъ небольшими частями наступленіе въ направленіи къ Беньсиху, былъ встрѣченъ огнемъ съ высокихъ и крутыхъ горъ и остановился. Для обезпеченія переправы черезъ р. Тайцзыхэ на лѣвый берегъ ея выдвинулся отрядъ Полковника Дружинина. Отрядъ Ген. М. Любавина выдвинулся еще далѣе внизъ по лѣвому берегу Тайцзыхэ и разстрѣлялъ (!) боевой комплектъ конно-горныхъ орудій по тылу Японской позиціи [3])".

„Какъ ни вяло развертывались войска Восточнаго отряда, слабымъ Японскимъ силамъ приходилось напрягать всѣ усилія, что-бы сдержать ихъ напоръ. Японскія 7 ротъ у Беньсиху отъ нашихъ развѣдочныхъ дѣйствій потеряли 2/3 состава и принуждены были очистить двѣ важныхъ скалистыхъ вершины. Особенно большое значеніе прекраснаго наблюдательнаго пункта имѣла

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 236.
[2]) Военно-Историч. Комиссія Т. IV, стр. 145.
[3]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 230.

вершина Лаутхалаза (Оленья скала), командовавшая всѣми японскими и нашими позиціями. Хотя съ нашей стороны подступы и преграждались огромными 15-ти саженными обрывами, но 9-й ротѣ и охотничьей командѣ 24-го В. С. стр. п. удалось съ наступленіемъ темноты взобраться на вершину и выбить Японцевъ [1]".

Съ разсвѣтомъ 27 Сентября около горы Лаутхалазы разыгрывается рядъ эпизодовъ, повлекшихъ за собою очищеніе ея и этой доблестной ротой, и охотничьей командой.

Какъ оказалось—ни командиръ 24-го полка, ни даже командиръ баталіона этой роты по недоразумѣнію не знали что Лаутхалаза занята нами. А между тѣмъ раннимъ утромъ 27-го Сентября для атаки ея направляется отрядъ Подполковника Гарницкаго, въ составѣ 3-хъ баталіоновъ 6-й В. С. стр. дивизіи.

„Когда отрядъ Подполковника Гарницкаго выступилъ уже для атаки г. Лаутхалазы, онъ получилъ одновременно два донесенія: первое, что гора Лаутхалаза занята 9-й ротой и пѣшей охотничьей командой и второе, что гора эта ими уже очищена. Въ виду этого отрядъ продолжалъ движеніе съ цѣлью атаки Лаутхалазы".

„Пользуясь густымъ туманомъ баталіоны незамѣтно для противника приблизились къ предмету атаки, отъ котораго находились уже въ разстояніи около 600 шаговъ, когда внезапнымъ порывомъ вѣтра Туманъ былъ разсѣянъ и сразу обнаружилось наступленіе стрѣлковъ. Въ то-же время со всѣхъ, прилегающихъ къ Лаутхалазѣ окоповъ Японцы открыли сильный перекрестный огонь, заставившій наши баталіоны остановиться, что-бы воспользоваться ближайшими закрытіями".

Тѣмъ не менѣе наступленіе продолжалось другими частями этого отряда. Командиръ 1-го баталіона 21-го В. С. стр. полка Подп. Некрасовъ, разсмотрѣвъ рельефъ мѣстности и подступовъ къ Японской позиціи, замѣтилъ, что роты 22-го полка предпринимаютъ слишкомъ далекій обходъ, неминуемо связываемый при дальнѣйшемъ его развитіи, съ опаснымъ переходомъ черезъ очень широкую пядь, подъ выстрѣлами противника и рѣшилъ, подъ прикрытіемъ наступившаго тумана, произвести ближній обходъ подъ самыми позиціями Японцевъ; для этого Подполковникъ Некрасовъ, подъ прикрытіемъ дозоровъ, двинулся со своимъ баталіономъ по намѣченному имъ пути".

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 239.

„Приблизительно черезъ часъ времени (8 ч. утра) впереди и наверху Японской позиціи раздалось „ура“. Приказавъ ротамъ продолжать двигаться Подполковникъ Некрасовъ, поспѣшилъ впередъ, дабы узнать ближе обстановку случившагося. Оказалось, что передніе дозоры баталіона, во главѣ съ безстрашными стрѣлками 1-й роты Гайдамакомъ, Шинкаренкомъ, Толстиковымъ и Подкорытовымъ, пользуясь туманомъ, уже ворвались на гребень Японскихъ позицій, но сбиты были брошенными огромными камнями и сорвались почти съ отвѣсныхъ кручъ, причемъ особенно пострадали Толстиковъ и Подкорытовъ, сильно разбившіеся о камни. Извѣстіе объ этомъ принесъ стрѣлокъ Гайдамакъ, на-лету удержавшійся за кустъ и такимъ образомъ пострадавшій менѣе другихъ“.

„Японцы открыли по баталіону жестокій ружейный и пулеметный огонь, не-причинившій, однако, почти никакого вреда, вслѣдствіе густого тумана и нахожденія головы баталіона уже въ мертвомъ пространствѣ. Когда туманъ внезапно разсѣялся, то въ раіонѣ обстрѣла противника находилась еще вторая полурота 4-й роты, поэтому наиболѣе пострадавшая отъ непріятельскаго огня, за время, пока не успѣла примѣниться къ мѣстнымъ закрытіямъ. Остальныя части баталіона были уже въ совершенно мертвомъ пространствѣ подъ отвѣсной скалой, надъ которой почти непосредственно находились позиціи противника“.

„Въ это-же время роты, разсмотрѣвъ мѣстность и дальнѣйшіе подступы на самую сопку, перемѣстились и продвинулись слѣдующимъ образомъ: 2-я рота, по частному почину своего ротнаго командира Шт.-Кап. фонъ-Брадке, съ горнистомъ Родіоновымъ во главѣ, лично развѣдавшимъ эту мѣстность, заняла небольшую террасу еще выше—и удачнымъ залповымъ огнемъ во флангъ Японской позиціи заставила прекратить разстрѣлъ 4-й роты. По указанію, прежде сдѣланному Подполковникомъ Некрасовымъ, 3-я рота Кап. Киткина, съ охотниками всего баталіона во главѣ, частью перебѣжала, частью переползла еще далѣе въ обходъ и вверхъ къ позиціямъ противника, причемъ охотники открыли другой подступъ къ Японскимъ позиціямъ, со стороны, противуположной подступу, найденному Шт.-Кап. фонъ-Брадке и стрѣлкомъ Гайдамакомъ. Движеніе этихъ двухъ ротъ совершено было подъ прикрытіемъ залповаго и пачечнаго огня 1-й роты, препятствовавшаго Японцамъ становиться на самый гребень для стрѣльбы, по условіямъ мѣстности, возможной только стоя“.

„Рѣшено было занять этотъ гребень въ этотъ-же день, во что-бы то-ни-стало, что было-бы вѣроятно исполнено, такъ какъ 2-й и 3-й ротамъ оставалось добѣжать до Японскихъ позицій только нѣсколько десятковъ шаговъ при поддержкѣ: съ одного фланга 2-й роты—первою ротой, а съ другого фланга 3-й роты—четвертою ротой; но начавшаяся послѣ полудня наша артиллерійская канонада по гребнямъ скалы вынудила не только прекратить развитіе окончательной атаки, но даже передвинуть передовыя части нѣсколько ниже, что-бы не заставить терпѣть людей отъ своихъ-же артиллерійскихъ недолетовъ. Наша канонада кончилась въ этотъ день только съ наступленіемъ темноты".

„Вечеромъ командиръ баталіона Подполковникъ Некрасовъ получилъ отъ Начальника дивизіи приказаніе убрать съ этой сопки ночью баталіонъ назадъ на линію 5-й и 6-й ротъ 22-го полка для того, что-бы не препятствовать утромъ 28 Сентября въ использованіи всѣхъ наличныхъ средствъ артиллерійскаго огня 3-го Сиб. Корпуса".

„Противникъ все время поддерживалъ весьма сильный огонь, поражая имъ не только атакующія части, но и всю мѣстность въ тылу ихъ, ущелья у д. Чуйдягоу и самую деревню. Почти ни одинъ человѣкъ не проходилъ безнаказанно по ущельямъ [1])".

Въ то время какъ на нашемъ Восточномъ фронтѣ разыгрывались вышеупомянутые эпизоды—Западный отрядъ на 27-е Сентября имѣлъ задачею оставаться на мѣстѣ, укрѣпляя занятые имъ пункты. Авангарды Западнаго отряда къ этому времени были выдвинуты на фронтъ Эртайцзы—Улитайцзы—Гушуцзы.

Въ теченіе всего дня происходили отдѣльныя стычки въ передовыхъ частяхъ, причемъ совершенно опредѣленно выяснилось, что японцы переходятъ въ наступленіе противъ фронта Западнаго отряда.

И дѣйствительно, „въ ночь на 27-го Сентября японскія арміи получили распоряженіе объ общемъ переходѣ въ наступленіе, съ цѣлью охватить правый флангъ русскихъ и отбросить ихъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. 1-я армія осталась 27 Сентября на мѣстѣ, а IV и II арміи поддались впередъ; общій фронтъ японскихъ армій зашелъ нѣсколько лѣвымъ плечомъ впередъ [2])".

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія Т. IV, стр. 149—150.
[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 248.

Между тѣмъ еще 26-го Сентября было отдано распоряженіе 4-му Сиб. Корпусу, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Зарубаева выдвинуться въ пространство между Восточнымъ и Западнымъ отрядами, дабы служить связью между ними.

4-й Сиб. Корпусъ, предшествуемый коннымъ отрядамъ Мищенко, къ вечеру сосредоточился у с. Хаматанъ, выдвинувъ авангардъ Генерала Левестама къ с. Цунью, гдѣ остановился и отрядъ Генерала Мищенки.

Потѣснивъ сторожевое охраненіе Японцевъ, мы заняли высокій горный массивъ къ сѣверу отъ станціи Янтай-Копи. Съ вершины массива войска радостно наблюдали виднѣвшіяся на юго-западѣ знакомыя очертанія характерной Маѣтунской сопки и силуэтъ исторической Ляоянской башни.

27-е число простояли на мѣстѣ энергично рекогносцируя мѣстность и расположеніе противника. Въ сторожевыхъ частяхъ вспыхивала перестрѣлка.

„На 28-е Сентября предполагалась въ Западномъ отрядѣ не продвигаться впередъ съ авангардныхъ позицій, ограничившись обороною, до выясненія успѣховъ Восточнаго отряда. Въ центрѣ предполагалось нѣсколько продвинуться впередъ и оказать поддержку Восточному отряду, который долженъ былъ 28 Сентября рѣшительно атаковать перевалы и сдѣлать захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ [1]).

28-го Сентября началось рѣшительное столкновеніе по всему огромному фронту Маньчжурской арміи.

---

[1]) Болховитиновъ. Сраженіе на р. Шахэ, стр. 206.

ГЛАВА II.

Бой 28, 29 и 30 Сентября въ Восточномъ и Западномъ отрядахъ и въ центрѣ, къ сѣверу отъ Янтайскихъ копей.

28-е Сентября. Дѣйствія Восточнаго отряда.

Еще вечеромъ 27-го Сентября Генералъ-Лейтенантъ баронъ Штакельбергъ обратился къ войскамъ со слѣдующимъ приказомъ:

„Доблестныя войска Восточнаго отряда и Ген.-Лейтенанта Ренненкампфа. Съ завтрашняго дня намъ предстоитъ цѣлый рядъ боевъ съ японцами. Помните, что вся Россія смотритъ на васъ въ эти дни съ трепетнымъ сердцемъ и ожидаетъ отъ васъ высокой доблести, мужества, геройскихъ подвиговъ. Вспомнимъ, что мы русскіе, что мы должны побѣдить [1])“.

Ближайшей цѣлью дѣйствій на 28-е Сентября ставилась атака противника на его передовыхъ позиціяхъ и занятіе переваловъ „во что-бы то ни стало“.

„Части III-го Сиб. корпуса и отрядъ Ген.-Лейт. Ренненкампфа атаковали японскія позиціи съ фронта, хотя ничто не мѣшало производству ихъ обхода [2])“.

И дѣйствительно—еще два дня назадъ обойдя флангъ Японцевъ и переправившись черезъ р. Тайцзыхэ въ виду с. Бенсиху появился конный отрядъ Генерала Любавина: Оттѣснивъ Японцевъ съ лѣваго берега, отрядъ этотъ занялъ возвышенный берегъ прямо противъ наведеннаго Японцами моста черезъ Тайцзыхэ. Вотъ какъ описываетъ этотъ эпизодъ участникъ боевъ у Бенсиху Полковникъ А. Квитка:

„Съ послѣдней позиціи противъ моста открывалось рѣдкое зрѣлище. Мы зашли непріятелю въ тылъ и могли наблюдать за каждымъ его движеніемъ—вся его позиція была у насъ, какъ на ладони. Самыя удаленныя точки его линіи обороны были отъ насъ на разстояніи не болѣе двухъ верстъ, т. е. на близкомъ пушечномъ выстрѣлѣ и почти въ раіонѣ ружейнаго выстрѣла“.

---

[1]) Воен.-Истор. Комисс. Т. IV, стр. 155.

[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 240.

„Городокъ (Бенсиху) лежалъ въ котловинѣ, по обѣ стороны рѣчки, впадающей въ Тайцзыхэ. Сопки окружали его съ трехъ сторонъ амфитеатромъ, въ нѣсколько ярусовъ, отступавшихъ одинъ за другимъ и представлявшихъ сильныя позиціи для обороны; но онѣ теряли всякое значеніе, если-бы серьезный противникъ занималъ нашу позицію—тогда держаться тамъ было-бы невозможно [1])“.

Несмотря на то, что обходъ непріятельскаго фланга фактически уже совершился отъ развитія дѣйствій по лѣвому берегу р. Тайцзыхэ, командиръ 3-го Сибирскаго корпуса отказался, предпочитая лобовые удары на скалистые кряжи занятые Японцами.

„Наступленіе организовано такъ: отъ 9 ч. до 11 ч. 30 м. стрѣляетъ артиллерія, затѣмъ штурмуетъ пѣхота. Артиллерійскій огонь до начала пѣхотнаго наступленія билъ по скаламъ, никѣмъ не занятымъ, а при малѣйшемъ его ослабленіи ружейный огонь Японцевъ возобновлялся съ прежнею силой [2])“.

4 колонны Генералъ-Маіора Данилова, всего 9½ баталіоновъ направились для атаки Лаутхалазы; 10½ бат. Ген.-Лейтенанта Ренненкампфа наступали на перевалы восточнѣе Бенсиху со стороны д. Уйнюнинъ. 24-й полкъ оставался для связи съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ на правомъ флангѣ; слабый отрядъ Г.-М. Самсонова (1 бат. 2 ор. 12 сот.) прикрывалъ артиллерію Ген.-Лейт. Ренненкампфа, мостъ и поддерживалъ конницу Генерала Любавина на лѣвомъ берегу р. Тайцзыхэ. Резервъ удерживался въ составѣ 9½ баталіоновъ [3])“.

Рано утромъ 28-го числа Генералъ Даниловъ обратился къ войскамъ своего отряда съ приказомъ о предстоящей атакѣ. Приказъ этотъ по своей краткости, энергіи и ясности такъ хорошъ, что привожу его содержаніе полностью:

„Ввѣренный мнѣ отрядъ атакуетъ Скалистую сопку четырьмя колоннами:

Начало атаки въ 12 ч. дня.

Правая колонна	подполк. Гарницкій.
Средняя „	подполк. Некрасовъ.
Лѣвая „	подполк. Станиславовъ.

---

[1]) А. Квитка. Дневникъ Забайкальскаго Казачьяго офицера, стр. 277.
[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 241.
[3]) Тотъ-же стр. 241.

Между средней и лѣвой—части Красноярскаго полка.

Начальники колоннъ Красноярскаго полка по назначенію Командира полка. Поворота нѣтъ. Дойти до вершины, во что-бы то ни стало, и тамъ разложить 3 костра. Середины нѣтъ. Большая похвала или большое порицаніе.

Снимаю вмѣстѣ съ отрядомъ фуражку и кладу крестное знаменіе. Да благословитъ насъ Господь Богъ. Надо-же покончить съ японцами. Задайте этотъ вопросъ богатырямъ солдатамъ. Я буду при правой колоннѣ, но буду зорко слѣдить за всѣми колоннами.

Знаменамъ и начальникамъ колоннъ участвовать въ побѣдѣ [1])".

Для подготовки атаки артиллерія открыла оживленный огонь съ 9 ч. утра по занятымъ японцами позиціямъ у д. Ходигоу и по г. Лаутхалаза. Изъ 198 орудій Восточнаго отряда въ этой работѣ участвовало лишь 24 пѣш. и 14 горныхъ орудій, что, конечно, нельзя признать достаточнымъ.

„Огонь продолжался до 11 ч. 30 м. утра, затѣмъ въ виду того, что развертываніе пѣхоты замедлилось, а также и того, что при малѣйшемъ ослабленіи нашего артиллерійскаго огня, ружейный огонь противника съ главнаго гребня возобновлялся съ прежнею силой, Г.-Л. Ивановъ приказалъ, согласно просьбы Генерала Данилова, продолжать огонь до 1 часа дня. Къ этому времени атакующія колонны уже настолько подвинулись впередъ, что дальнѣйшее продолженіе огня могло оказаться, въ случаѣ окруженія горы Лаутхалазы, опаснымъ для своихъ собственныхъ атакующихъ войскъ. Въ дѣйствительности, однако, этого окруженія на самомъ дѣлѣ и не было, вслѣдствіе крайне спутаннаго рельефа мѣстности".

„Послѣ артиллерійской подготовки въ теченіе 3-хъ часовъ колонна Г.-М. Данилова повела наступленіе, раздѣленная въ свою очередь на три колонны: на правую колонну Подполк. Гарницкаго (2 бат. 22-го и 3-й бат. 21-го полковъ), среднюю Подполк. Некрасова (1-й и 2-й бат. 21-го п.) и лѣвую Подполк. Станиславова ($2^1/_2$ бат. Енисейскаго п. и 5 ротъ Красноярскаго п.). Колонны должны были въ 12 ч. дня начать наступленіе съ занимаемыхъ ими позицій и концентрически атаковать Лаутхалазу и гребень южнѣе ея".

---

1) Военно-Истор. Комисс. Т. IV, стр. 173.

„Колонна подполковника Гарницкаго прибыла къ мѣсту назначенія около 9½ ч. утра и была встрѣчена командующимъ 6-й стр. дивизіей Г.-М. Даниловымъ. По указанію командующаго дивизіей назначены были пункты атаки каждой ротѣ передовой линіи. Начальникъ дивизіи приказалъ двигаться въ атаку какъ можно быстрѣе, безъ выстрѣла, съ разсчетомъ, что-бы къ 12 ч. дня попасть къ подножію хребта. Съ движеніемъ въ атаку выяснилось, что мѣстность, по которой приходилось двигаться, оказалось трудно проходимой, вслѣдствіе глубокихъ овраговъ съ отвѣсными скалами.

Только-что колонна двинулась въ атаку и перевалила хребты, составлявшіе продолженіе позиціи 5-й роты 21-го полка, какъ баталіоны были осыпаны губительнымъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ, въ особенности съ лѣвой стороны, гдѣ никто не ожидалъ противника. Всѣ роты обстрѣливались продольно и и не было мѣста, гдѣ-бы стрѣлки, хотя на минуту, могли укрыться отъ огня. Въ пунктѣ, указанномъ для правой колонны, позиція противника образовала входящій уголъ, почему колонна съ самаго начала наступленія подвергалась сильному огню съ фронта и съ праваго фланга, двѣ лощины, по которымъ велось наступленіе, были пересѣчены нѣсколькими рядами овраговъ и холмовъ. Такъ какъ въ вершинахъ большинства овраговъ противникомъ были устроены окопы, то они не только не представляли закрытій, но наоборотъ—особенно сильно поражались. Тѣмъ не менѣе, наступленіе шло въ образцовомъ порядкѣ и съ особенно умѣлымъ примѣненіемъ къ мѣстности: каждый камень, кустъ или ложбина были использованы, какъ закрытіе. Перебѣжавъ первую лощину съ глубокимъ оврагомъ (гдѣ многіе стрѣлки оборвались и расшиблись), роты начали быстро подыматься на первый хребетъ и тутъ наткнулись на передовыя части японцевъ. Часть людей 11-й, 9-й и 10 роты 21 В. С. стр. полка съ крикомъ „ура" бросилась на японцевъ, которые не принявъ атаки, быстро осадили назадъ. Роты въ полномъ порядкѣ продолжали движеніе на хребетъ бѣгомъ и попали подъ разстрѣлъ съ фронта и слѣва. Огонь слѣва буквально косилъ людей. Въ особенности здѣсь пострадали люди изъ полуроты 9-й роты, двигавшіеся во главѣ съ поруч. Зборовскимъ. Спускаясь въ лощину, 3-й баталіонъ 21-го В. С. стр. полка потерялъ много людей, въ особенности переходя овраги съ отвѣсными скатами, гдѣ многіе при паденіи расшиблись; тутъ-же расшибся поруч. Зборовскій. Послѣ долгихъ уси-

лій баталіонъ достигъ каменной отвѣсной скалы, высотой около 15 саженъ.

Во время наступленія выбыли изъ строя подполковникъ Гарницкій много офицеровъ и около 150 нижнихъ чиновъ. Г.-М. Даниловъ, двигавшійся со свитою на высотѣ правой колонны, нѣсколько лѣвѣе ея по гребню, былъ въ 1 ч. 30 м. дня, въ 1000 шагахъ отъ позиціи противника, раненъ въ ногу на-вылетъ, но остался въ строю и на носилкахъ приказалъ нести себя къ колоннѣ подполк. Некрасова“.

„Колонна подполк. Некрасова начала наступленіе въ 12 ч. дня по пространству, пройденному ею наканунѣ. 1-й бат. 21-го В. С. стр. полка вмѣстѣ съ пѣшими охотниками вторично началъ наступленіе подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, по тѣмъ-же мѣстамъ, которыя уже пройдены были наканунѣ. Непосредственно слѣдовавшій 2-й баталіонъ былъ сосредоточенъ на ближайшей террасѣ, готовый всякую минуту поддержать штурмъ 1-го баталіона. Оба баталіона къ 2 час. дня, неся тяжелыя потери, достигли снова подножья отвѣсной 15 саженной стѣны, въ 500 шагахъ отъ противника. Дальнѣйшее движеніе было невозможно. По стѣнѣ вилась единственная едва доступная тропинка, по которой гуськомъ было возможно вкарабкаться лишь 5—10. Японцы, стоя на вершинѣ, на выборъ, почти въ упоръ, выводили изъ строя всякаго появившагося на тропинкѣ. Въ то-же время на атакующихъ смѣльчаковъ скатывались обломки скалъ и крупные камни, сбрасывались и трупы убитыхъ японцевъ. Въ числѣ раненыхъ колонны подполк. Некрасова почти половина пострадала отъ переломовъ и ушибовъ, причиненныхъ камнями“.

„Для соблюденія поставленнаго условія—совмѣстной и одновременной атаки позиціи противника, подполк. Некрасовъ на лѣвомъ флангѣ слѣдилъ въ бинокль съ одной изъ высшихъ точекъ за движеніемъ частей 3-го корпуса—лѣвѣе перваго баталіона. Выжидая возможности одновременной атаки со всѣми частями корпуса до 3 час. дня, командиръ 1-го баталіона рѣшилъ произвести атаку непріятельскихъ позицій собственными силами. Во исполненіе этого, 1-я, 2-я и 3-я роты, съ пѣшими охотниками во главѣ, подъ руководствомъ вр. командующаго баталіономъ Кап. Киткина, вскарабкались еще выше на послѣднюю узкую террасу, находящуюся всего въ нѣсколькихъ шагахъ ниже японской позиціи. Терраса, занятая баталіономъ, была такъ близка къ японской позиціи, что сторонніе наблюдатели считали этотъ такти-

ческій ключъ уже занятымъ нашимъ баталіономъ, а бѣлыя носилки 3-й роты сочли за бѣлый флагъ начальника дивизіи, выставленный, какъ условный знакъ занятія японской позиціи; не ограничиваясь этимъ успѣхомъ, подполк. Некрасовъ приказалъ пѣшимъ охотникамъ, поддержаннымъ 3-й ротой, произвести окончательный штурмъ непріятельской позиціи.

Для этого направились впередъ 11 человѣкъ охотничьей команды, которымъ дѣйствительно удалось взбѣжать по узкой тропинкѣ и ворваться въ окопы, гдѣ они встрѣчены были жестокимъ перекрестнымъ огнемъ. Послѣдствіемъ жестокаго огня и града камней, посыпавшихся вслѣдъ упавшимъ раненымъ, была гибель почти всей партіи охотниковъ. Возвратился обратно лишь одинъ охотникъ Пилецкій, терпѣливо пролежавшій между камнями до наступленія темноты, послѣ чего онъ вернулся и указалъ, гдѣ находились остальные раненые и побитые камнями товарищи".

„Въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи очутились оба баталіона, висѣвшіе въ теченіе дня на скалахъ подъ самыми японскими позиціями, осыпаемые градомъ камней и осколками скалъ, къ счастью въ большинствѣ перелетавшихъ черезъ головы. Тѣмъ не менѣе стрѣлки были охвачены одной мыслью—добраться до верхушки Скалистой сопки. Тяжело раненый, истекающій кровью стрѣлокъ 2-й роты Князевъ передъ смертью просилъ позвать къ своимъ носилкамъ ротнаго командира; казалось, что онъ желаетъ сказать ему свою предсмертную волю и распорядиться имуществомъ, какъ человѣкъ сравнительно богатый. Въ дѣйствительности оказалось, что Князевъ съ посинѣвшимъ лицомъ, запекшимися губами и кровавой пѣной у рта, прерывающимся голосомъ разсказываетъ Шт.-Кап. Ф. Брадке расположенія японскихъ позицій и указываетъ еще одну тропинку, по которой можно туда пробраться".

„Не теряя надежды на успѣхъ подполк. Некрасовъ рѣшаетъ произвести ночную атаку и во что-бы то ни стало занять японскія позиціи на разсвѣтѣ. Прибывшій со спѣшеннымъ конно-сапернымъ взводомъ офицеръ 2-го В. С. сап. баталіона предложилъ воспользоваться имѣвшимися у него пироксилиновыми шашками. Подполковникъ Некрасовъ рѣшилъ во главѣ двухъ штурмующихъ колоннъ послать по два подрывщика-сапера, которые, подобравшись на 8—10 шаговъ, должны были бросить эти шашки съ заложеннымъ Бикфордовымъ шнуромъ въ наиболѣе

густо занятыя мѣста японскихъ окоповъ, дабы четырьмя взрывами уничтожить возможно больше противника, а главное, воспользовавшись четырьмя ошеломляющими эффектами взрывовъ, ворваться въ возможно большемъ числѣ въ японскіе окопы. Когда все уже было приготовлено для штурма, получено было приказаніе командующаго дивизіей занять въ эту-же ночь такую позицію, съ которой возможно отступленіе даже и днемъ. Оба баталіона, провожаемые огнемъ и камнями противника, по различнымъ путямъ, сравнительно съ небольшими потерями успѣли отойти и, когда уже разсвѣтало, заняли вторую тыловую позицію, гдѣ 1-й и 2-й баталіоны совмѣстно съ 3-мъ баталіономъ 21-го полка и 2-мъ баталіономъ 22-го полка, поступившими подъ общую команду подполк. Некрасова, провели весь день 29 Сентября въ перестрѣлкѣ съ японцами".

„Въ ночь на 30 Сентября было получено приказаніе всѣмъ 4 баталіонамъ, находившимся въ распоряженіи подполковника Некрасова и разбросаннымъ по сопкамъ на разстояніи 6-ти верстъ, отойти на д. Лидяуопань."

„Дѣйствія лѣвой колонны подполк. Станиславова разыгрались слѣдующимъ образомъ. Въ 8 ч. утра въ Енисейскомъ полку была получена диспозиція для общей атаки; въ 11 час. утра $2^1/_2$ баталіона этого полка, усиленные 5-ю ротами Красноярцевъ, съ развернутыми знаменами и музыкой, подъ начальствомъ подполк. Станиславова, двинулись впередъ; 2 роты были остановлены на позиціи и образовали ружейную батарею, обстрѣливавшую противника на дистанціи 2400 шаговъ. Наступленіе велось подъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, выводившимъ изъ строя значительное число нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Тѣмъ не менѣе, роты подошли на разстояніе 800 шаговъ къ непріятельскимъ окопамъ, залегли и открыли огонь. Спустя нѣкоторое время, колонна снова двинулась впередъ, но дойдя на дистанцію 500 шаговъ къ позиціи, была снова остановлена огнемъ и неприступнымъ скалистымъ обрывомъ. Къ 5 час. дня на поддержку колонны прибылъ 3-й баталіонъ 10-го В. С. стр. полка, который при этомъ наступленіи изъ 500 чел. потерялъ 130".

Тѣмъ временемъ начальникъ колонны, командующій Енисейскимъ полкомъ подполк. Станиславовъ пропалъ безъ вѣсти. Продержавшись на этихъ позиціяхъ до наступленія темноты, части колонны отошли на свои окопы [1]).

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 173-178.

Такое-же положеніе получилось за день 28-го Сентября и на крайнемъ лѣвомъ флангѣ 3-го Сибирскаго корпуса. Колонна Генерала Ренненкампфа, усиленная стрѣлками изъ состава 6-й В. С. стр. дивизіи, съ 11 часовъ утра повела наступленіе на позиціи японцевъ къ востоку отъ с. Бенсиху.

Атака не была доведена до конца, такъ-какъ наступающія части останавливались передъ высокими, почти отвѣсной крутизны скалами, на которыхъ укрѣпились японцы, поражая сверху наши роты огнемъ и камнями.

Почти столь-же безрезультатными оказались и дѣйствія Г.-М. Самсонова по лѣвому берегу р. Тайцзыхэ. Съ утра 28-го числа Генералъ Самсоновъ, вмѣсто содѣйствія колоннѣ Генерала Ренненкампфа, принужденъ былъ двинуться для поддержки Генерала Любавина, уже тѣснимаго японцами. Спѣшенная конница не могла продвинуться впередъ, а между тѣмъ къ вечеру получились свѣдѣнія, что съ Юга угрожаетъ отрядъ противника, въ составѣ 3-хъ родовъ войскъ.

На правомъ флангѣ 3-го Сиб. корпуса, какъ уже выше указано было, наступалъ 1-й Сиб. корпусъ. На 28-е Сентября 1-й Сиб. корпусъ долженъ былъ атаковать перевалы Ченгоулинъ и западный и восточный Тумынлины.

Наступленіе, веденное болѣе сдержанно, чѣмъ въ войскахъ 3-го Сибирскаго корпуса, не было особенно удачнымъ, но все-же средней колоннѣ, въ составѣ 3-го и 33-го В. С. стр. полковъ съ тремя батареями и полуротой саперъ, удалось потѣснить японцевъ и, несмотря на большія потери, утвердиться на сопкахъ по обѣ стороны Тумынлинскаго перевала (Западнаго) и на перевалѣ Чаусанлинъ.

Остальныя части 1-го Сиб. Корпуса за день 28-го Сентября только лишь подошли къ переваламъ и потому атаку ихъ рѣшено было произвести ночью.

Въ ночь съ 28 на 29 Сентября части Восточнаго отряда вновь повели атаку по всей линіи противъ пунктовъ, намѣченныхъ днемъ.

Въ 1 Сиб. корпусѣ атака Восточнаго Тумынлина была поручена Полковнику Мусхелову, съ 34 В. С. стр. п. и 2-мя баталіонами 36-го В. С. стр. п.

„Имѣя въ головѣ колонны 1-й баталіонъ 34-го полка подъ

командой Кап. Москвина, хорошо знавшаго предлежащій путь и характеръ подступовъ къ японской позиціи, стрѣлки энергично и безостановочно двинулись впередъ и безъ выстрѣла подошли почти къ самымъ сопкамъ, занятымъ японцами; чтобы отвлечь вниманіе противника, уступомъ впередъ съ лѣваго фланга, направлены были охотники, которые должны были завязать перестрѣлку раньше, чемъ колонна приблизится къ позиціи японцевъ. Маневръ этотъ удался и атакующая колонна обнаружена была японцами лишь въ разстояніи 200 шаговъ отъ окоповъ, которыми быстро овладѣла, переколовъ ихъ защитниковъ; вслѣдъ затѣмъ стрѣлки ворвались во второй рядъ окоповъ, которыми укрѣплены были болѣе высокія сопки второй линіи, и уже готовились атаковать наиболѣе высокую сопку, командующую надъ всей позиціей и впереди лежащей равниной, но встрѣченные сосредоточеннымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ съ разныхъ сторонъ, вынуждены были остановиться въ разстояніи 100—500 шаговъ отъ тактическаго ключа всей японской позиціи, неся огромныя потери. Такъ какъ начало уже свѣтать, при томъ изъ всей колонны уцѣлѣло только около 200 стрѣлковъ, съ которыми нельзя было разсчитывать на успѣхъ при атакѣ съ фронта днемъ весьма сильной позиціи, то подполк. Мусхеловъ приказалъ остаткамъ ротъ 34-го полка отойти на свою позицію“.

„Одновременно съ движеніемъ въ атаку колонны 34-го полка, на обоихъ ея флангахъ двинулись оба баталіона 36-го полка для атаки намѣченныхъ съ вечера сопокъ, ближайшихъ къ пункту атаки 34-го полка. Овладѣвъ высотами стрѣлки и здѣсь не могли удержаться на занятыхъ сопкахъ, такъ какъ подвергались убійственному перекрестному огню японцевъ, которые вслѣдъ затѣмъ сами перешли въ наступленіе. Неся огромныя потери, лишившись своихъ командировъ, баталіоны вынуждены были отступить подъ прикрытіемъ огня трехъ ротъ 35-го полка и 2-й батареи, остановившихъ въ самомъ началѣ преслѣдованіе японцевъ. Во время этой атаки былъ убитъ также и. д. начальника штаба дивизіи Генеральнаго штаба подполковникъ Пекута.

Въ колоннѣ Полк. Лисовскаго 3-й бат. 33-го В. С. стр. полка, подъ начальствомъ Полковника Владимірова, двинулся въ штыки на упомянутый выше горный хребетъ, перпендикулярный къ занятой позиціи на перевалѣ Западный Тумынлинъ, и къ разсвѣту занялъ вершину сопки, но, встрѣченный сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, не могъ удержаться на занятой позиціи

и вынужденъ былъ для уменьшенія потерь отъ огня, спуститься съ вершины, имѣя между собою и японцами разстоянія около 100—500 шаговъ.

Роты 3-го полка атаковали высоты противъ Чаусанлинскаго перевала. Японцы повсюду были выбиты штыками, но удержаться въ окопахъ стрѣлки не могли, такъ какъ съ разсвѣтомъ выяснилось, что въ разстояніи 100—150 шаговъ впереди только-что занятыхъ окоповъ возвышается другая весьма сильная японская позиція съ высокими отвѣсными скатами, которую атаковать съ фронта днемъ почти невозможно, при томъ японцы сосредоточили сильный огонь по занятымъ окопамъ, что заставило стрѣлковъ отступить на прежнія позиціи [1])“.

Въ 3-мъ Сиб. Корпусѣ для поддержки ночной атаки, которую предполагалось произвести войсками колонны Генер.-Лейт. Ренненкампфа, Командиръ Корпуса направилъ на лѣвый флангъ расположенія корпуса бригаду Ген.-Маіора Марданова (9-й и 10-й В. С. стр. п.).

„Время атаки, первоначально назначенное Г.-Л. Ренненкампфомъ на 8 ч. вечера, было перенесено на 2 часа ночи, съ 28 на 29 Сентября, съ цѣлью имѣть возможность съ разсвѣтомъ распространиться и укрѣпиться на захваченныхъ позиціяхъ и развить успѣхъ, достигнутый ночью; но затѣмъ время атаки было вновь перенесено на 4 часа утра.

Между тѣмъ въ 12 ч. 50 м. ночи получено было донесеніе отъ Генер. Самсонова о томъ, что противникъ потѣснилъ его со стороны Фаньдяпу (по отчету Г.-А. Куропаткина Фанцзяпуцзы) отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія. Обстоятельство это, въ случаѣ дальнѣйшаго успѣха противника съ этой стороны, могло сдѣлать повтореніе атаки не только безуспѣшнымъ, но даже и безполезнымъ. Въ виду этого обстоятельства, а также принимая во вниманіе большія потери, понесенныя войсками въ теченіе дня, и въ особенности большую убыль офицеровъ, Ген.-Лейт. Ивановъ (командиръ 3-го Сиб. Корпуса) рѣшилъ отмѣнить ночную атаку [2]).

„Отмѣна атаки бригады Г.-М. Марданова была получена Г.-Л. Ренненкампфомъ въ то время, когда колонны, назначенныя для ночной атаки, уже выступили. Къ 11 ч. ночи полки бригады Г.-М. Марданова заняли указанное имъ положеніе противъ брода на правомъ берегу р. Тайцзыхэ“.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 186--187.

[2]) Тамъ-же стр. 187.

„Въ 1-мъ часу ночи было приказано 9-му полку двинуться впередъ для атаки позиціи противника, причемъ полкъ былъ раздѣленъ на три колонны по баталіонно: колоннымъ были приданы части Читинскаго и Черноярскаго полковъ (всего до 1$^{1}/_{2}$—2 бат.) и проводники изъ нижнихъ чиновъ отряда Г.-Л. Ренненкампфа. Съ началомъ движенія проводники сбились съ дороги, и всѣ три баталіона 9-го полка сошлись въ 3 часа ночи у позиціи Черноярскаго полка. Въ виду того, что до момента, указаннаго для общей атаки, оставался только 1 часъ, командиръ Черноярскаго полка Полк. Тихоновъ, какъ старшій, рѣшилъ атаковать находящуюся впереди высокую лѣсистую сопку и ближайшіе участки позиціи противника двумя баталіонами 9-го полка и двумя сотнями Читинскаго полка, имѣя роту 23-го В. С. стр. полка въ резервѣ“.

„Во время движенія колоннъ было получено, какъ сказано въ реляціи 9-го В. С. стр. полка, „какое-то приказаніе“ отъ Генерала Ренненкампфа, но части находились уже въ непосредственной близости отъ противника, подъ сильнымъ его огнемъ. Приказаніе это, какъ видно изъ той-же реляціи, полк. Тихоновымъ не было прочитано, а 9-й полкъ бросился въ атаку. Ночь была чрезвычайно темная, мѣстности не зналъ никто; обѣ колонны и резервъ вышли на лѣсистую сопку и, выбивъ японцевъ штыками изъ окоповъ, заняли ихъ. Японцы зажгли было сигнальную вѣху, но старшій унтеръ-офицеръ 9-го В. С. стр. полка Цыбизовъ опрокинулъ и потушилъ ее“.

„Тѣмъ временемъ, при окончаніи штыкового боя, совершенно разсвѣло и части, расположившись у занятыхъ окоповъ на открытомъ мѣстѣ, завязали жаркую перестрѣлку съ противникомъ, занявшимъ вторую линію обороны, охватывавшую Лѣсистую сопку. Къ этому времени потери полка достигли уже 400 нижнихъ чиновъ и изъ строя выбыли всѣ офицеры. Въ такомъ положеніи полкъ оставался до 11 час. утра. Въ 8$^{1}/_{4}$ час. утра командующій 10-мъ В. С. стр. полкомъ получилъ отъ ген. шт. Полковника Бѣляева приказаніе послать баталіонъ на поддержку 9-го полка и для преслѣдованія противника, въ распоряженіе полк. Тихонова, для развитія достигнутаго успѣха. Но, явившись къ командиру 9-го полка, командующій 10-мъ полкомъ Подполк. Горскій никакого указанія отъ него не получилъ и узналъ что Полк. Тихоновъ не знаетъ, куда направить этотъ баталіонъ. Къ этому времени къ подножію сопки приб. 2-й бат. 10-го В. С. стр. полка и

въ то-же время на лѣвомъ берегу р. Тайцзыхэ появилась японская пѣхота съ артиллеріей и пулеметами, тѣснившая отряды Генераловъ Любавина и Самсонова и открывшая огонь въ тылъ 9-му полку. Одновременно съ этимъ было получено приказаніе Генерала Ренненкампфа отойти на прежнія позиціи. Такъ какъ по лѣвому берегу р. Тайцзыхэ уже наступалъ противникъ, то Г.-М. Мардановъ приказалъ баталіонамъ 9-го и 10-го полковъ отходить не черезъ бродъ на лѣвый берегъ р. Тайцзыхэ, а по высотамъ праваго берега, что и было исполнено перекатами, послѣ чего баталіоны сосредоточились въ резервномъ порядкѣ у д. Уйнюнинъ".

„Дальнѣйшее движеніе впередъ 9-го В. С. стр. полка и посылка на его поддержку частей 10-го полка были крайне затруднительны еще и потому, что занятая нами японская Лѣсистая сопка спускалась къ сторонѣ противника крутымъ обрывомъ".

„Дѣйствовавшая нѣсколько сѣвернѣе Г.-М. Марданова, колонны Г.-М. Кричинскаго—изъ 22-го В. С. стр. п., сведеннаго въ одинъ баталіонъ въ виду большихъ потерь, и 5 ротъ 23-го полка—двинулась въ атаку по приказанію Г.-М. Экка въ 4 ч. ночи. Подкравшись къ японской позиціи, стрѣлки сбили передовую часть японцевъ штыками и ворвались въ непріятельскіе окопы, имѣя впереди пѣшую охотничью команду 22-го полка во главѣ съ ея начальникомъ поруч. Варшавецъ. Вправо и влѣво все было тихо, поэтому противникъ не тревожимый на другихъ пунктахъ, сосредоточилъ противъ 22-го и 23-го полковъ свои резервы и въ 6 ч. 35 м. утра принудилъ ихъ очистить занятые окопы. Кромѣ того, въ 6 ч. 35 м. утра, Г.-М. Кричинскимъ было получено отъ Генерала Экка приказаніе отойти на позиціи занятыя вечеромъ. Во время описанной атаки части понесли крайне тяжелыя потери (напримѣръ въ 23-мъ полку въ 5 ротахъ осталось всего 2 офицера), тяжело ранены командующій 23-мъ полкомъ Полковникъ Туровъ и начальникъ пѣшей охотн. команды 22-го п. поруч. Варшавецъ".

Такимъ образомъ ночныя атаки, предпринятыя войсками Восточнаго отряда, окончились такъ-же неудачно [1])".

Собственно дѣйствіями 28-го Сентября и ночи на 29-е и закончились наиболѣе активныя попытки Восточнаго отряда. Какъ видно изъ приведенныхъ описаній работы отдѣльныхъ колоннъ—

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія. Т. IV, ч. I, стр. 189—190.

войска Восточнаго отряда показали себя вполнѣ достойными своихъ предковъ. Наша пѣхота безъ отказа бросалась съ музыкой и распушенными знаменами на отвѣсныя кручи. Первый порывъ не исчерпывался частными неудачами. Повторныя атаки велись съ тѣмъ-же геройствомъ и широкимъ размахомъ, какъ и первые натиски, сопрягавшіеся съ огромными потерями.

Наши стрѣлковые полки еще разъ доказали, что для Русскихъ войскъ недоступныхъ мѣстъ нѣтъ, такъ какъ многіе части Восточнаго отряда побывали на японскихъ позиціяхъ, но не могли удержать ихъ въ рукахъ.

Подробный разборъ дѣйствій и ихъ критика не входятъ въ задачу нашего труда, но здѣсь нельзя не обратить вниманія читателя, что собственно отвѣтственность за неудачу Восточнаго отряда несутъ конечно не войска, „управленіе ими".

Наши атаки были разрозненными. Достигнутые съ огромными потерями частные успѣхи—не поддерживались и не развивались, а между тѣмъ половина войскъ Восточнаго отряда къ моменту отказа въ продолженіе наступательныхъ дѣйствій оставалась нетронутой, въ резервахъ. Высшій командный составъ Восточнаго отряда проявилъ въ эти тяжелые часы крайнюю нерѣшительность и полное отсутствіе настойчивости.

Нельзя не упрекнуть въ этомъ, какъ Начальника Восточнаго отряда Генерала Бар. Штакельберга, такъ и въ особенности подчиненныхъ ему Генераловъ Иванова и Ренненкампфа. Не сказывалось вліяніе старшаго начальника и въ дѣлахъ 1-го Сибирскаго корпуса. Всюду работаютъ младшіе начальники и отдѣльныя части.

А между тѣмъ, „несмотря на не вполнѣ отвѣчавшій обстановкѣ планъ наступленія, говоритъ А. А. Свѣчинъ, въ самой природѣ активныхъ дѣйствій, связанныхъ съ захватомъ иниціативы, заключается столько выгодныхъ сторонъ, что наши войска въ теченіе 25-29 Сентября нѣсколько разъ оказывались въ весьма выигрышномъ положеніи и были очень близки къ первой крупной частной побѣдѣ. Даже потерпѣвъ неудачу, даже при всѣхъ допущенныхъ ошибкахъ, наше наступленіе произвело глубокое впечатлѣніе на противника. Не только крайнее правое крыло японской арміи осталось бездѣятельнымъ на все время операціи, но и на лѣвомъ японскомъ крылѣ нашла широкій откликъ небольшая доля проявленнаго нами у Лаутхалазы волевого усилія [1]".

[1] А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 245.

28-е Сентября. Дѣйствія Западнаго отряда.

Уже ночью на 28-е Сентября на фронтѣ Западнаго отряда обстановка стала складываться какъ-будто-бы несовсѣмъ благопріятно. Какъ уже выше было сказано, 27-го числа выяснилось, что японцы переходятъ въ наступленіе противъ войскъ Западнаго отряда.

Уже днемъ 27-го начали поддаваться назадъ выдвинутые впередъ авангарды. Конница Г.-М. Грекова бездѣйствовала на правомъ флангѣ Западнаго отряда, а отрядъ Полковника Стаховича отошелъ къ Яндіовану. Къ ночи на 28-е Сентября отошли назадъ и передовые отряды 17-го армейскаго корпуса, на линію Шилихэ-Эндоніулу.

При этомъ получились нѣкоторыя недоразумѣнія. По свидѣтельству Полковника Боховитинова [1]) правый отрядъ 17-го Корпуса отходилъ тогда, когда началъ отступать лѣвый. Этотъ послѣдній (Полковника Грулева) къ ночи очистилъ Улитайцзы, главнымъ образомъ потому, что яко-бы отступили сосѣднія части авангарда 10-го Корпуса, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Такимъ образомъ уже въ ночь на 28 число въ передовыхъ частяхъ Западнаго отряда были замѣтны неблагопріятныя тренія, вызванныя пока еще небольшимъ движеніемъ японцевъ.

„Утромъ 28-го числа Начальникомъ Западнаго отряда получено было приказаніе Командующаго Маньчжурской арміей, въ которомъ предписывалось войскамъ 10-го и 17-го корпусовъ занять съ боемъ всѣ тѣ позиціи авангардовъ, которыя занимались ими наканунѣ, 27-го Сентября, причемъ предполагалось подкрѣпить для этого, если встрѣтится въ томъ надобность, войска авангардовъ—частями изъ главныхъ силъ; въ случаѣ общаго перехода японцевъ въ наступленіе, авангарды должны были, сдерживая противника и раскрывая его силы, подъ напоромъ превосходныхъ силъ, отходить на укрѣпленную позицію главныхъ силъ, гдѣ и принять рѣшительный бой. Вмѣстѣ съ тѣмъ Командующій арміей предлагалъ на выбранной командирами корпусовъ линіи усиленно подготовлять новую позицію для главныхъ силъ, которыя должны

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Г. А. Куропаткина, т. 2 стр. 184.

были перейти на эту позицію по указанію Командующаго арміей въ зависимости отъ дѣйствій Восточнаго отряда [1])“.

Расположенный въ д. Гушуцзы головной отрядъ 10-го Корпуса, подъ начальствомъ Полковника Соломко, въ теченіе ночи на 28-е Сентября выдержалъ нѣсколько атакъ японцевъ, но къ утру, имѣя указанія не ввязываться въ бой съ превосходными силами, отступилъ къ д. Хуньдялуань, гдѣ къ утру 28-го сосредоточится авангардъ 10-го корпуса, подъ начальствомъ Г. М. Рябинкина.

„Едва лишь авангардъ Г. М. Рябинкина устроился на позиціи, какъ обнаружилось наступленіе японцевъ со стороны Гушуцзы, съ 9 часовъ утра завязалась артиллерійская перестрѣлка, которая поддерживалась японскими батареями со стороны Гушуцзы и со стороны д. Импань“.

„Еще не было приступлено къ исполненію перваго приказанія Командующаго арміей о занятіи оставленныхъ авангардныхъ позицій, когда, около полудня, Командиромъ 10-го Корпуса получено было новое приказаніе Г.-Ад. Куропаткина — поддержать хотя-бы артиллерійскимъ огнемъ бригаду Г. Л. Мау (выдвинутую къ Востоку, на сопки у с. Танхайши), въ виду опасности, угрожавшей правому флангу этой бригады.

Вскорѣ получено было предписаніе Командующаго арміей съ тою-же цѣлью занять д. Импань, въ которой находилась только конно-охотничья команда изъ отряда Г.-М. Рябинкина. Такъ какъ этотъ послѣдній съ трудомъ держался на своей позиціи на линіи Хуньдялуань-Фанцзятунь противъ превосходныхъ силъ японцевъ, наступавшихъ со стороны д. Гушуцзы, имѣя въ резервѣ только два баталіона, то для занятія д. Импань предписано было Г.-М. Гершельману выдѣлить два баталіона Сѣвскаго полка (изъ состава 9 дивизіи, расположенной сѣвернѣе, въ раіонѣ с. Хунбаошань), которые подчинены были Г.-М. Рябинкину и въ то-же время должны были войти въ связь съ бригадой Генерала Мау. Авангардъ Г.-М. Рябинкина продолжалъ держаться на своей позиціи, неся все время потери отъ огня японскихъ батарей, расположенныхъ за д. Гушуцзы, къ которымъ наша артиллерія не могла пристрѣляться. Къ 4-мъ час. дня авангарду пришлось уже израсходовать послѣдніе два баталіона своего резерва, вслѣдствіе чего авангардъ Г.-М. Рябинкина распоряженіемъ Командира Кор-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, гл. I стр. 197.

пуса былъ поддержанъ еще двумя баталіонами Брянскаго полка".

„Главныя силы корпуса (9-я пѣх. див.) въ теченіе дня оставались на занятыхъ мѣстахъ, продолжая работы по укрѣпленію позиціи [1])".

Войскамъ 17-го Корпуса, расположеннымъ западнѣе 10-го Корпуса предписывалось, въ случаѣ наступленія противника, принять бой на позиціи Шилихэ — Наньулигай — Эндоніулу — Сяодунтай.

Для обороны этой позиціи назначена была 3-я пѣх. дивизія (Г.-М. Янжулъ), а 35-я пѣх. див. (Г.-Л. Добржинскій) должна была оставаться въ резервѣ, сѣвернѣе, у д. Чэнлютангоу и Люцзясанцзяцза.

Непосредственное охраненіе праваго фланга было возложено на отрядъ Полковника Стаховича (1 бат., 5 эск. 2 ор.)—у с. Янцзяванъ.

За правымъ флангомъ 17 Армейскаго Корпуса, уступомъ назадъ были расположены 24 баталіона 6-го Сибирскаго Корпуса Генерала Соболева.

Условность подчиненія 6-го Сибирскаго Корпуса Командующему арміей, о чемъ упоминалось выше, не могла не отразиться, на дѣйствіяхъ этого корпуса въ Шахейскихъ бояхъ.

По свидѣтельству оффиціальнаго описанія войны [2]) на требованіе Начальника Западнаго отряда Генерала Барона Бильдерлинга, еще отъ 27-го Сентября, выдвинуться впередъ—Генералъ Соболевъ отвѣтилъ отказомъ, мотивированнымъ яко-бы особыми указаніями Командующаго арміей и соображеніями, что 17-й Корпусъ, отступая къ сѣверу, самъ сближается съ расположеніемъ 6-го Корпуса.

Самъ Генералъ Соболевъ не пишетъ объ этомъ въ своемъ трудѣ „Куропаткинская стратегія", но на стр. 20-й этой книги приводитъ телеграмму Командующаго арміей отъ 26-го числа, гдѣ Ген.-Ад. Куропаткинъ указываетъ, что Генералу Бильдерлингу предоставлено—обратиться къ 6-му Сибирскому корпусу за содѣйствіемъ, если противникъ перейдетъ въ наступленіе.

Поддержка 6-го Корпуса въ концѣ концовъ была все-же необходима и, какъ будетъ видно ниже, части 6-го Корпуса были двинуты впередъ 28-го числа.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія т. IV, ч. I. стр. 191.

[2]) Военно-Истор. Ком. т. IV, ч. I. стр. 193.

Въ ожиданіи боя, между тѣмъ, войска Г.-М. Янжула заняли, еще ночью на 28-е, позицію по линіи Эндоніулу — Сяодунтай — Шилихэ.

Едва лишь войска заняли назначенныя имъ мѣста, „какъ Японцы съ разсвѣтомъ 28-го числа повели энергичную атаку на лѣвофланговый участокъ (Полковника Грулева). Опасаясь возможности прорыва японцевъ между 10-мъ и 17-мъ корпусами, Г.-М. Янжулъ направилъ на подкрѣпленіе Полковнику Грулеву баталіонъ 12-го Великолуцкаго полка; но еще до прибытія поддержки атака противника была отражена сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, поэтому изъ присланнаго баталіона двѣ роты были возвращены обратно въ д. Бейулигай для присоединенія къ резерву, а другія двѣ роты были выдвинуты на лѣвый флангъ боевой линіи, связавъ такимъ образомъ весь участокъ—съ охотничьей командой Псковскаго полка, занимавшей с. Сандуянъ“.

„Отраженные на лѣвомъ флангѣ, Японцы вслѣдъ затѣмъ начали подготовлять атаку нашего праваго фланга, сосредоточивъ сильный артиллерійскій огонь противъ с. Эндоніулу и противъ батарей правофланговаго участка, съ цѣлью подавить нашъ артиллерійскій огонь. Въ 8 ч. утра Японцы быстро устремились въ атаку на с. Эндоніулу, переходя мѣстами въ штыки, но были отбиты. Тогда 3-й и 4-й баталіоны 9-го полка бросились въ контръатаку, и затѣмъ, увлекшись преслѣдованіемъ отступавшихъ Японцевъ, выдвинулись впередъ на разстояніе 1½ верстъ.

Опасаясь возможности отдѣльнаго пораженія, вслѣдствіе слишкомъ выдвинутаго положенія этихъ баталіоновъ, эти послѣдніе, по приказанію Г.-М. Защука, возвратились обратно на свое мѣсто. Тѣмъ не менѣе удержаться въ с. Эндоніулу стало весьма трудно въ виду того, что Японцы сосредоточили послѣ того ожесточенный ружейный и артиллерійскій огонь противъ этого селенія, заставившій наши баталіоны очистить деревню; находившіяся здѣсь роты 10-го полка отошли въ д. Лунванмяо, а 4-й баталіонъ 9-го Ингерманландскаго полка отступилъ въ сосѣдній оврагъ, расположившись за 3-мъ баталіономъ, который нѣсколько загнулъ свой правый флангъ назадъ. Японцы немедленно заняли с. Эндоніулу и пытались переходить въ дальнѣйшее наступленіе, но всѣ ихъ попытки дебушировать изъ этого селенія были остановлены сильнымъ ружейнымъ огнемъ нашихъ баталіоновъ [1])“.

[1]) Военн. Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 194.

Послѣ этого, въ теченіе дня 28-го Сентября, командующій 3-й дивизіей пытался подготовить атаку для овладѣнія с. Эндоніулу, но произведенныя развѣдки выяснили, что селеніе сильно занято противникомъ. Кромѣ того, въ 7 часовъ вечера Японцы атаковали нашъ правофланговый участокъ (17-го корпуса), что было отражено, но заставило насъ потерять время на устройство частей послѣ атаки.

Въ общемъ, селеніемъ Эндоніулу было рѣшено овладѣть ночнымъ штурмомъ.

Для штурма были назначены 139-й Моршанскій полкъ и 1-й, и 2-й баталіоны 140-го Зарайскаго, подъ общимъ начальствомъ Г. М. Гласко. Непосредственное руководство атакой было возложено на Командира Зарайскаго полка Полковника Е. И. Мартынова. Для ознакомленія съ обстановкой изъ штаба дивизіи были присланы Генеральнаго штаба Кап. Габаевъ и Корнетъ Романовъ, совмѣстно съ которыми Полковникъ Мартыновъ и произвелъ предварительный осмотръ мѣстности съ окраины д. Лунванмяо.

Для непосредственной атаки были назначены 3 баталіона и пѣшая охотничья команда Моршанскаго полка и одинъ баталіонъ и баталіонные охотники Зарайскаго полка.

Вотъ какъ описываетъ эту атаку руководившій боемъ Е. И. Мартыновъ:

„Эти части я вывелъ на дорогу, ведущую изъ Лунванмяо въ Ланцзыгай, и построилъ ихъ въ одну линію ротъ съ интервалами въ 30 шаговъ, каждая рота въ двухъ-взводной колоннѣ. На правомъ флангѣ стала охотничья команда Моршанскаго полка; лѣвѣе ея—роты 4-го, 3-го и 2-го баталіоновъ того-же полка; еще лѣвѣе—роты 1-го баталіона Зарайцевъ и, наконецъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ—баталіонные охотники Зарайскаго полка. Означенная боевая линія, имѣвшая протяженіемъ около 1000 шаговъ, была обращена фронтомъ на югъ, причемъ разстояніе отъ середины ея до д. Эндоуніулу составляло менѣе полуверсты“.

„Передъ началомъ движенія я приказалъ солдатамъ оставить на мѣстѣ все снаряженіе, за исключеніемъ патронныхъ сумокъ, и переодѣться въ шинели. Послѣднее было исполнено по указанію Генерала Гласко для того, чтобы легче отличать своихъ отъ непріятеля, такъ какъ Японцы одѣты въ темныя пальто. Затѣмъ я безусловно воспретилъ стрѣлять, а приказалъ дѣйствовать исключительно штыками“.

„Принимая во вниманіе указанные корнетомъ Романовымъ размѣры очертанія деревни и пользуясь виднѣвшимися въ темнотѣ отдѣльными оріентировочными предметами, я далъ частямъ боевой линіи слѣдующія направленія: охотничьей командѣ и 4-му баталіону Моршанскаго полка—въ охватъ съ Западной стороны деревни; 3-му и 2-му баталіонамъ того-же полка—прямо на сѣверную окраину деревни; 1-му баталіону Зарайскаго полка — въ охватъ съ восточной стороны и, наконецъ, баталіоннымъ охотникамъ Зарайскаго полка, коихъ взялся провести Корнетъ Романовъ, — въ тылъ деревни, гдѣ предполагалась батарея. При этомъ двумъ среднимъ баталіонамъ было указано двигаться нѣсколько медленнѣе, съ остановками, дабы дать время фланговымъ баталіонамъ охватить деревню“.

„Резервъ, въ составѣ 1-го баталіона Моршанскаго полка и 2-го баталіона (который прибылъ въ 9 часовъ вечера) Зарайскаго полка, былъ поставленъ за д. Лунванмяо. Батарею Генералъ Гласко пока оставилъ въ 2-хъ верстахъ позади, у южной окраины безымянной деревни, подъ прикрытіемъ роты Моршанцевъ“.

„Въ то время какъ мы готовились къ атакѣ, въ Эндоуніулу царствовало полное спокойствіе. Только изрѣдка оттуда раздавались одиночные выстрѣлы, по всѣмъ вѣроятіямъ, Японскихъ часовыхъ. Между прочимъ, одна изъ такихъ случайныхъ пуль попала въ ногу Генерала Гласко, но, къ счастію съ рикошета, причинивъ ему лишь легкій ушибъ“.

„Въ десятомъ часу вечера, когда всѣ приготовленія были окончены, я двинулъ впередъ длинную линію ротныхъ колоннъ, самъ-же перешелъ къ окраинѣ д. Лунванмяо, такъ какъ въ этомъ пунктѣ меня всего легче можно было найти людямъ, посылаемымъ съ донесеніями. Кромѣ того, для поддержанія связи между мною и наступавшими частями, я приказалъ начальнику баталіонныхъ охотниковъ Зарайскаго полка оставить при переходѣ черезъ р. Шилихэ, на правомъ ея берегу—промежуточный постъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Вмѣстѣ со мною расположились Генералъ Гласко и Капитанъ Габаевъ“.

„Едва атакующія колонны скрылись въ ночной темнотѣ, какъ вправо отъ нихъ началась ружейная перестрѣлка. Огонь вскорѣ распространился по всей линіи. Впослѣдствіи выяснилось, что въ это время японцы предприняли наступленіе на оба фланга позиціи 3-й дивизіи. При такихъ условіяхъ намъ всѣмъ казалось, что нечаянное нападеніе не удастся и придется отложить дѣло до

разсвѣта, какъ это было рѣшено на совѣщаніи. Однако, бѣшенный огонь японцевъ принесъ намъ лишь пользу: пули проносились высоко надъ нашими атакующими колоннами, не причиняя имъ никакого вреда, а между тѣмъ трескъ стрѣльбы заглушалъ совершенно шумъ шаговъ".

„Вскорѣ колонны подошли къ находящемуся у сѣверной окраины д. Эндоуніулу обрывистому оврагу, по дну котораго протекаетъ рѣчка Шилихэ. Это препятствіе на нѣкоторое время задержало движеніе. Раньше другихъ перешли черезъ оврагъ, устроились и ворвались въ деревню: съ восточной стороны 4-я рота Зарайскаго полка, имѣя впереди Поручика Ратнека, а съ западной стороны, по свидѣтельству командующаго полкомъ подполковника Бутъ-Гуссаинова, роты 4-го баталіона Моршанскаго полка съ подполковникомъ Богдановымъ и Штабсъ-Капитаномъ Бажинымъ во главѣ. Баталіонные охотники Зарайскаго полка сбились съ пути и вмѣсто того, чтобы выйти въ тылъ деревни, проникли въ нее съ востока".

„При атакѣ съ нашей стороны не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Японцы были застигнуты врасплохъ. За исключеніемъ стрѣлковъ, занимавшихъ сѣверную окраину деревни, они сидѣли на улицахъ, во дворахъ и по фанзамъ, занимаясь приготовленіемъ пищи, починкою одежды, снаряженія и т. п. Многіе не успѣли даже разобрать ружей".

„Въ деревнѣ начался ожесточенный штыковой бой, причемъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, руководство старшихъ начальниковъ исчезло и весь отрядъ разбился на отдѣльныя кучки подъ предводительствомъ младшихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и даже предпріимчивыхъ рядовыхъ. Японцы, находившіеся въ сѣверной части деревни, почти поголовно были истреблены, вслѣдствіе того, что колонны, направленныя мною въ охватъ съ двухъ сторонъ, отрѣзали имъ путь отступленія. Изъ южной части Эндоуніулу непріятелю удалось своевременно уйти и окопаться шагахъ въ тысячѣ къ югу, на гаоляновомъ полѣ".

„Въ деревнѣ осталось нѣсколько сотъ труповъ и еще большее количество ружей. Въ монографіи Германскаго Генеральнаго Штаба сказано, что японцы понесли тяжелыя потери, причемъ особенно пострадалъ 33-й пѣх. полкъ. Дѣйствительно, убитые, лежавшіе въ сѣверной части деревни, принадлежали къ этому полку".

„Первое извѣстіе объ одержанномъ успѣхѣ я получилъ отъ присланнаго поручикомъ Ратнекомъ рядового Волосянникова, ко-

торый доложилъ мнѣ, что 4-я рота Зарайскаго полка ворвалась въ деревню. Немедленно Генералъ Гласко, я и Капитанъ Габаевъ отправились въ Эндоуніулу, гдѣ къ нашему приходу рукопашный бой уже затихалъ. Кое-гдѣ раздавались еще отдѣльные выстрѣлы, укрывшихся въ фанзы японцевъ. Повсюду лежали убитые и раненые, жалобно стонавшіе отъ тяжелыхъ штыковыхъ ранъ. Плѣнныхъ было всего нѣсколько человѣкъ. На площадкѣ въ восточной части деревни мы увидѣли около 300 ружей, составленныхъ въ козлы. Генералъ Гласко взялъ себѣ одно изъ нихъ на память. Вездѣ были брошены предметы одежды, ранцы, патронныя сумки, котелки съ приготовлявшейся пищей, банки съ консервами и т. п. Тотчасъ по прибытіи я сдѣлалъ распоряженіе, по возможности скорѣе, собрать разбредшіяся роты въ колонны и выдвинуть на окраину деревни сторожевые посты [1]".

Оборона с. Эндоуніулу была организована немедленно. Между тѣмъ, одновременно съ нашей блестящей ночной атакой, Японцы сами произвели атаку на нѣкоторые участки позиціи 17-го Корпуса.

Въ 10 часовъ вечера загорѣлась перестрѣлка по всей линіи, и вслѣдъ затѣмъ Японцы повели бѣшеную атаку на с. Шилихэ, на лѣво-фланговый участокъ Полковника Грулева.

„Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Японцы успѣли уже добраться до окоповъ Псковскаго полка, и только благодаря ожесточенному ружейному огню и удачному огню 6-й батареи, пристрѣлявшейся еще днемъ по разнымъ направленіямъ, атака противника была отражена; изъ окоповъ 8-й роты Псковскаго полка нѣкоторые взводы бросились преслѣдовать отхлынувшихъ Японцевъ и захватили нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ и транспортъ лошадей съ вьюками патроновъ и шанцеваго инструмента [2]".

Въ центрѣ, противъ участка Полковника де-Витта, японскія атаки, приближавшіяся до 40—50 шаговъ къ нашимъ окопамъ, также были отбиты.

Положеніе войскъ Г. М. Янжула, несмотря на одержанные успѣхи у Эндоуніулу и отбитыя атаки, все-же нельзя было не признавать серьезнымъ.

Въ распоряженіи Генерала Янжула не оставалось больше никакихъ резервовъ, а между тѣмъ съ разсвѣтомъ надо было ожидать новыхъ и новыхъ атакъ. Это заставило Генерала Янжула

---

[1]) Е. И. Мартыновъ. Воспоминаніе о Русско-Японской войнѣ, стр. 275-280.
[2]) Военн. Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 198.

оттянуть изъ боевой части два баталіона Болховскаго полка и сосредоточить ихъ въ резервѣ за центромъ, у с. Бейулигай.

На крайнемъ правомъ флангѣ 17-го Корпуса небольшой отрядъ Стаховича уже съ утра 28-го Сентября былъ потѣсненъ Японцами. Отстаивая каждый рубежъ отрядъ тѣмъ не менѣе уже днемъ долженъ былъ отойти къ с. Цунлунъянтунь. Поддержанный двумя баталіонами съ батареей, Полковникъ Стаховичъ попытался перейти въ наступленіе, но, потерявъ 60 человѣкъ убитыми и ранеными, вечеромъ отошелъ обратно къ Цунлунъянтуну.

Въ отрядѣ Дембовскаго, на крайнемъ правомъ флангѣ арміи, за день 28-го Сентября были лишь небольшія стычки въ нашихъ сторожевыхъ частяхъ.

28-го Сентября. Дѣйствія въ центрѣ.

Утромъ 28-го Сентября 4-й Сибирскій Корпусъ, выдвинутый вмѣстѣ съ отрядомъ Генерала Мищенки на высоты къ сѣверу отъ Янтайскихъ копей, занималъ слѣдующее положеніе: Авангардъ Генерала Левестама (8 батал. 32 ор.) занималъ высокій горный массивъ, къ югу отъ с. Цуню, расположивъ на самомъ массивѣ баталіоны 8-го Сиб. Томскаго полка.

Отъ с. Янсанзай къ перевалу Чаусанлинъ вытягивался отрядъ Генерала Шилейко, въ составѣ 6 баталіоновъ 3 Сиб. дивизіи, съ одною батареей. Отрядъ этотъ былъ направленъ для содѣйствія войскамъ 1-го Сибирскаго Корпуса, по приказанію Командующаго арміей, полученному еще съ вечера 27-го Сентября.

Въ виду того, что изъ состава войскъ 4-го Сибирскаго Корпуса еще передъ началомъ выступленія, была выдѣлена бригада (Енисейскій и Красноярскій полки) для усиленія войскъ 3-го Сибирскаго Корпуса, къ утру 28-го Сентября въ распоряженіи Генерала Зарубаева оставалось лишь 10 баталіоновъ, сосредоточенныхъ около с. Сяліухецзы.

Вправо, къ западу отъ 4-го Сиб. Корпуса, сопки къ Югу отъ с. Хаматанъ занимала бригада Генерала Мау, изъ состава 10-го Корпуса, временно подчиненная Генералу Зарубаеву, какъ по близости своего расположенія къ 4-му Корпусу, такъ и въ виду общности задачъ по удержанію въ своихъ рукахъ группы высотъ между Восточнымъ и Западнымъ отрядами.

28-го Сентября Японцы съ первыми лучами солнца повели атаку на расположеніе 8-го Сиб. Томскаго полка.

Уже до 8 часовъ утра полкъ выдержалъ нѣсколько атакъ, отбитыхъ съ большимъ урономъ для Японцевъ мѣткимъ огнемъ Томцевъ; но уже къ этому времени ряды Томцевъ сильно потерпѣли отъ огня противника и въ командованіе полкомъ, за убылью всѣхъ Штабъ-Офицеровъ, вступилъ Капитанъ Селядцевъ.

Къ этому времени отрядъ Генерала Мищенки развернулъ боевой порядокъ въ 2-хъ в. восточнѣе д. Цунью, а на большомъ массивѣ къ югу отъ с. Цунью развернулись кромѣ Томцемъ и баталіоны Иркутскаго сибирскаго полка.

Японцы не переставая дѣлали попытки къ переходу въ наступленіе, но все время встрѣчали сильный отпоръ съ нашей стороны ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Однако части несли все болѣе и болѣе сильныя потери, что вызывало необходимость все время поддерживать ихъ свѣжими частями. Генералъ Зарубаевъ послѣдовательно ввелъ въ боевую линію около пяти баталіоновъ. Общій резервъ корпуса состоялъ всего изъ $4^1/_2$ баталіоновъ.

Между тѣмъ съ высотъ у с. Тумынцзы наша боевая линія стала поражаться фланговымъ огнемъ Японцевъ; потери возрасли еще болѣе.

Настойчивыя просьбы Генерала Левестама и приказанія Генерала Зарубаева, обращенныя къ отряду Генерала Мау — о выдвиженіи его впередъ, не имѣли результатовъ. Съ одной стороны Генералъ Мау получалъ приказанія двигаться впередъ, съ другой стороны до него доходили извѣстія о неблагопріятномъ поворотѣ дѣлъ въ Западномъ отрядѣ, а въ общемъ—отрядъ оставался на мѣстѣ, не облегчая положенія войскъ 4-го Сибирскаго Корпуса.

Около полудня Генералъ Зарубаевъ получилъ приказаніе Командующаго Арміей, въ которомъ между прочимъ указывалось:

„Общаго перехода въ наступленіе не производить, продвинуться насколько возможно впередъ; желательно захватить раненыхъ Японцевъ и трупы убитыхъ, продолжать укрѣпляться на занятой позиціи, прислать донесеніе о подробностяхъ боя и о нашихъ потеряхъ. Помогите Штакельбергу“....

„Опасаюсь за правый флангъ бригады Генерала Мау. Примите мѣры къ обезпеченію его. Повторяю, никакихъ атакъ сего числа на укрѣпленныя непріятельскія пункты Вы не должны предпринимать [1])....

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 202—203.

Между тѣмъ послѣ полудня Японцы повели уже штыковыя атаки на позиціи Томскаго полка. Въ полку оставалось на лицо 3 офицера, изъ нихъ Капитанъ Селядцевъ, дважды раненый и не оставлявшій строя. Потери въ людяхъ — огромныя. Къ вечеру отъ всего Томскаго полка осталось лишь около 600 человѣкъ.

Въ боевыя линіи Томскаго полка былъ направленъ баталіонъ Семипалатинцевъ, командиръ которыхъ—Полковникъ Стельницкій быстро устроилъ растрепанныя части и возстановилъ бой.

Вправо, отъ д. Санцзяцзы направляется одинъ баталіонъ Барнаульскаго полка. Выдержавъ двѣ штыковыя атаки баталіонъ засѣлъ въ деревнѣ.

Сближеніе съ противникомъ—настолько тѣсное, что среди конныхъ охотниковъ, передававшихъ донесенія изъ боевой части Командиру Корпуса—лошадь одного изъ нихъ была ранена Японскимъ штыкомъ.

Въ шестомъ часу вечера положеніе войскъ корпуса было тяжелое. Весь районъ обстрѣливался сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Въ с. Сяліухецзы запылали фанзы, подожженныя шимозами; потери несли даже резервы.

На закатѣ солнца съ гребня у с. Сяліухэцзы простымъ глазомъ стало замѣтно какое-то движеніе въ облакахъ пыли у самой лѣсистой сопки, занимаемой войсками Генерала Мау. Грохотъ пушекъ и ружейной перестрѣлки слился въ общій гулъ.

Изъ облаковъ пыли стали вырисовываться длинные ряды бѣгущихъ въ направленіи къ сопкѣ людей... Какъ оказалось впослѣдствіи это была атака сопки бригадой Окасаки.

Немедленно Командиръ Корпуса направилъ въ поддержку Генерала Мау, въ направленіи на лѣсистую сопку 6 ротъ Барнаульцевъ изъ остатковъ своего резерва. Къ сожалѣнію, части Тамбовскаго полка, оборонявшіе сопку, истомленныя боемъ и потерями, подались назадъ и сопка была взята.

Съ наступленіемъ темноты бой не прекращался. Перестрѣлка трещала по всему фронту. Принимая во вниманіе потери Корпуса, а отчасти и подъ вліяніемъ неудачъ въ Западномъ отрядѣ и—видимаго неуспѣха въ Восточномъ, Генералъ Зарубаевъ рѣшилъ отвести войска на удобный для обороны гребень къ югу отъ с. Хаматанъ, оставивъ на оборонявшихся въ теченіе дня высотахъ лишь сторожевое охраненіе. Однако, это рѣшеніе не удалось привести въ исполненіе, такъ какъ Командующій арміей приказалъ

во что-бы то ни стало удерживать высоту у с. Сяліухэцзы.

Во исполненіе этого приказанія рѣшено было собрать Барнаульскій, Омскій и Тобольскій полки, вернувъ отрядъ Г. Шилейко, и занять ими указанную позицію.

Томскій, Иркутскій и Семипалатинскій полки, понесшіе огромныя потери—собрать въ общій резервъ къ с. Хаматанъ.

Отрядъ Генерала Шилейко, въ день 28-го Сентября, къ 7 ч. 20 м. утра, подошелъ къ с. Ліухэцзы, и вошелъ въ связь съ фланговымъ отрядомъ 1 Сибирскаго Корпуса, въ составѣ 4-го В.-С. стрѣлковаго полка, съ одною пѣшей батареею, занимавшимъ позицію у д. Падяза.

Подчинивъ себѣ этотъ отрядъ, Генералъ Шилейко развернулъ свои силы лѣвѣе и правѣе стрѣлковъ и сталъ продвигаться впередъ на гребни занятые Японцами, стараясь удерживать занятыя высоты въ центрѣ и на правомъ флангѣ и тѣсня Японцевъ своимъ лѣвымъ флангомъ, гдѣ было развернуто 6 ротъ Тобольскаго и Омскаго полковъ.

„Около 3 ч. дня Командующій 3-мъ баталіономъ Тобольцевъ Капитанъ Ермолаевъ, съ 6-ю ротами перешелъ въ наступленіе, которое начато было слѣдующимъ образомъ: сперва одна рота (12-я), подъ прикрытіемъ огня остальныхъ, была направлена на сопку влѣво, откуда анфилировалась вся позиція Японцевъ; когда эта рота заняла сопку, Капитанъ Ермолаевъ, оставивъ на прежней позиціи передъ фронтомъ противника одну роту (10-ю), двинулся съ двумя своими и двумя Омскими ротами, подъ прикрытіемъ огня 10-й и 12-й ротъ, на сопку, уже занятую 12-й ротой. Достигнувъ сопки, онъ началъ съ 5-ю ротами дальнѣйшее движеніе къ флангу позиціи противника. Встрѣченный сильнѣйшимъ огнемъ послѣдняго, Капитанъ Ермолаевъ остановилъ свои роты и открылъ огонь залпами по Японцамъ.

Черезъ полчаса послѣдніе, повидимому уже разстроенные предыдущимъ нашимъ артиллерійскимъ огнемъ и находясь подъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ съ фронта и праваго фланга, не выдержали, были сбиты съ позиціи и обратились въ бѣгство въ юго-восточномъ направленіи, при чемъ при перебѣганіи долины, на разстояніи 1000 шаговъ, были преслѣдуемы самымъ убійственнымъ огнемъ, какъ отряда Капитана Ермолаева, такъ и роты Тобольцевъ (14-й), расположенной лѣвѣе его. Уцѣлѣвшія части Японцевъ скрылись затѣмъ въ горахъ, находящихся верстахъ въ 2-хъ на юго-востокѣ отъ позиціи, занятой Тобольцами.

„Пользуясь этимъ успѣхомъ Г. М. Шилейко рѣшился продвинуться впередъ такъ-же и правымъ флангомъ, какъ въ виду того, что этимъ наступленіемъ можно было заставить Японцевъ оттянуть ихъ батареи и облегчить положеніе войскъ отряда, дѣйствовавшихъ въ центрѣ, такъ и потому, что около этого времени, къ 2-мъ часамъ дня, продвинулись впередъ также дѣйствовавшія вправо бригады Генераловъ Огановскаго (4-й Сибирскій корп.) и Мищенки [1])“.

„Оставивъ часть ротъ Тобольскаго полка на занятой позиціи, Полковникъ Душкевичъ (Командиръ Тобольцевъ) съ 1-мъ баталіономъ около 3-хъ ч. дня началъ энергичное наступленіе противъ лѣваго фланга позиціи противника и къ 5 час. вечера отнялъ у Японцевъ съ бою одну за другою двѣ сопки, при чемъ особенно отличилась 4-я рота съ ея командиромъ Капитаномъ Орѣховымъ, который при занятіи съ ротой первой сопки былъ раненъ двумя пулями, въ плечо и въ руку, и, несмотря на это, сбилъ противника и со второй сопки, занявъ которую, отразилъ, уже въ темнотѣ, нѣсколько атакъ Японцевъ и удержалъ за собою сопку; самъ-же отправился на перевязочный нунктъ только послѣ того, когда былъ раненъ еще тремя пулями въ голову и руку [1])“.

Между тѣмъ обнаружилось энергичное наступленіе Японцевъ на д. Чаусанлинъ, въ обходъ нашего лѣваго фланга. Не видя поддержки со стороны 1 Сиб. Корпуса, наступленіе коего не обнаруживалось, и опасаясь своего выдвинутаго положенія, Генералъ Шилейко рѣшилъ свое наступленіе пріостановить.

Въ полночь было получено приказаніе отойти къ с. Сяліухэцзы, гдѣ и войти въ составъ отряда Г. М. Коссовича. Нелегкимъ было это отступленіе баталіоновъ Генерала Шилейко:

„Съ вечера 3-я рота Тобольцевъ находилась въ 150 шагахъ отъ позиціи противника, прочія роты—въ 200—300 шагахъ, такъ что слышны были даже разговоры японцевъ, рывшихъ окопы. Съ часу ночи начались непрерывныя атаки японцевъ. Несмотря на дружные залпы и пачки, непріятель назойливо лѣзъ, такъ что нѣсколько разъ приходилось сбрасывать его штыками. При атакахъ японцы старались обойти 1-й баталіонъ и справа, и слѣва. Особенно трудно было положеніе 3-й и 1-й ротъ, геройски штыками отбивавшихъ отчаянныя атаки врага съ 1 часа ночи до 6 ч.

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 207—208.

утра. Затѣмъ, получивъ приказаніе отходить на Ліухэцузы и далѣе, эти баталіоны Тобольцевъ въ 6 ч. утра начали отступленіе частями, занимая послѣдовательно рядъ позицій, при чемъ послѣднимъ отошелъ 2-й баталіонъ. Отступленіе происходило подъ сильнѣйшимъ натискомъ японцевъ съ трехъ сторонъ, подъ самымъ убійственнымъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ и съ невѣроятными трудностями, особенноп ри проходѣ долины, отдѣляющей послѣдніе] гребни позиціи отъ д. Ліухэцзы и вдоль обстрѣливаемой японцами.

Къ утру 29-го Сентября отрядъ Г. Шилейко присоединился къ войскамъ отряда Г. М. Коссовича, которыя въ это время вели бой около д. Янсанзая [1])".

Нелегкимъ былъ сборъ и частей отряда Г. М. Коссовича (Барнаульскій полкъ и 2 бат. Омскаго). Всю ночь роты Барнаульцевъ выдерживали безпрерывный огонь противника, усиленно укрѣпляя занятую позицію.

Въ этотъ-же день 28-го Сентября получили боевое крещеніе и части 37-й пѣх. дивизіи изъ состава 1-го Армейскаго Корпуса, слѣдовавшаго въ резервѣ.

Около полудня Командующій арміей приказалъ выдвинуть изъ авангарда 1-го Армейскаго Корпуса 3 баталіона Новочеркасскаго полка, съ одною батареею, съ цѣлью утвердиться на Двурогой сопкѣ съ кумирней, служившей продолженіемъ къ Западу—позицій, занимаемыхъ отрядомъ Генерала Мау.

Въ виду того, что днемъ уже японцы тѣснили войска Г. Мау, занимавшія Лѣсистую сопку, въ 2 часа въ направленіи на Двурогую сопку было двинуто еще два баталіона (остатки Новочеркасцевъ и одинъ б. Царицынцевъ) съ батареею.

На самую Двурогую сопку было предположено выслать двѣ роты, но когда эти роты двинулись, то онѣ были встрѣчены Командующимъ Арміей, который указалъ, что для занятія самой сопки довольно будетъ и одной роты.

„Для занятія Двурогой сопки направилась такимъ образомъ одна 1-я рота, которая расположилась около кумирни, находившейся между двумя горбами, давшими названіе этой сопкѣ. Здѣсь Новочеркассцы вошли въ связь съ Елецкимъ полкомъ посредствомъ заставы этого полка, находившейся въ д. Тагау, а также и съ Воронежскимъ полкомъ посредствомъ заставы этого

---

[1]) Военн. Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 208—209.

полка, расположенной около д. Танхайши. Для наблюденія за впереди лежащей мѣстностью съ Двурогой сопки были выставлены два поста, которые слѣдили за дѣйствіями японцевъ, направлявшихъ въ это время свою атаку на Лѣсистую сопку, обороняемую отрядомъ Г.-Л. Мау.

„Вслѣдъ за тѣмъ изъ состава Новочеркасскаго полка, согласно упомянутому словесному приказанію Командующаго арміей, направлены были въ д. Танхайши остальныя роты 1-го баталіона, а также весь 2-й и 4-й баталіоны со 2-й батареей 43-й арт. бриг., подъ общей командой командира полка полковника Карепова, съ цѣлью оказать поддержку войскамъ генерала Мау, подвергавшимся энергичнымъ атакамъ японцевъ со стороны д. Суйцзяшань. Двѣ роты Новочеркасскаго полка (13-я и 14-я) выдвинуты были на югъ отъ д. Танхайши, гдѣ заняли позицію на такъ называемой Плоской сопкѣ".

„Съ самаго начала движенія всѣ эти части подверглись артиллерійскому огню японскихъ батарей, которыя перенесли свой огонь также и на Двурогую сопку, въ то же время напрягая всѣ силы для атаки Лѣсистой сопки. Чтобы парализовать успѣхъ противника, скоро введены были въ боевую линію, на одной высотѣ съ упомянутыми баталіонами Новочеркасскаго полка, также и 4-й баталіонъ этого полка и 1 баталіонъ 146-го Царицынскаго полка, занявшій позицію между линіей 4-го баталіона и Лѣсистой сопкой. Тѣмъ не менѣе къ вечеру, когда стемнѣло, японцы успѣли овладѣть какъ Лѣсистой сопкой, такъ и примыкавшими къ ней высотами, которыя быстро освѣтились сигнальными кострами. Изъ сосѣднихъ высотъ въ нашихъ рукахъ осталась только Двурогая сопка, но очевидно было, что японцы неминуемо будутъ стремиться овладѣть и этой сопкой, которая днемъ уже нащупывалась непріятельскимъ огнемъ".

„Предвидя возможность ночной атаки, командиръ расположенной на двурогой сопкѣ роты Новочеркасскаго полка принялъ необходимыя мѣры предосторожности: заняты были окопы внизу и на склонѣ сопки, установлена была связь съ примыкавшими съ лѣвой стороны ротами 4-го баталіона, высланы секреты и т. п. Ближайшія части къ Двурогой сопкѣ расположены были: 3-й баталіонъ—влѣво, а далѣе 4-й баталіонъ—уступомъ впереди д. Танхайши".

„Главный возвышенный пунктъ, имѣвшій значеніе тактическаго ключа для всей позиціи, занятой баталіонами Новочеркасскаго

полка, представляла собою Двурогая сопка. Съ тыловой стороны, возвышалась отвѣсная скала высотой въ 1½—2 саж., на которой помѣстилось нѣсколько нашихъ стрѣлковъ. Впереди къ сторонѣ непріятеля сопка оканчивалась почти отвѣснымъ обрывомъ, имѣвшимъ въ вышину около 20 саж., съ крутизной около 60—70 саж.; далѣе шла пологая площадка, выдвинутая впередъ уступомъ слѣва, гдѣ возведены были окопы 4-го баталіона. Съ обоихъ фланговъ на сопку извивались узкія пѣшеходныя тропинки, которыя вели къ кумирнѣ; обѣ тропинки представляли собою своего рода углубленныя ущелья, по которымъ могли только пробраться одиночные люди. Такимъ образомъ, подступы на Двурогую сопку со стороны противника могли быть признаны весьма трудными".

„Согласно японскимъ источникамъ, обстоятельства, сопровождавшія со стороны противника ночную атаку японцевъ на Двурогую сопку въ ночь съ 28 на 29 сентября, а также организація самой атаки представляются въ слѣдующемъ видѣ:

„Мысль о слабости нашего центра, могущаго легко быть прорваннымъ, окончательно созрѣла у Маршала Ойямы къ вечеру 28 сентября, послѣ того, какъ 15-я пѣх. рез. бригада, подъ начальствомъ генерала Тераяма, овладѣла сопкой съ кумирней. Маршалъ Ойяма, благодаря этому успѣху, убѣдился, что вся мѣстность къ востоку отъ лѣваго фланга позицій нашего 10-го арм. корпуса занята лишь слабыми наблюдательными отрядами. Вслѣдствіе этого японскій главнокомандующій тотчасъ же рѣшился, съ направленной сюда 10-й пѣх. дивизіей и двумя рез. бригадами своего армейскаго резерва, прорвать центръ русскаго фланга, разъединивъ, такимъ образомъ, Западный и Восточный отряды и отрѣзавъ этотъ послѣдній отъ кратчайшихъ путей на Мукденъ".

„Для выполненія этого плана направленіе японскихъ атакъ лежало черезъ Двурогую сопку и прилегающіе къ ней подступы, которые, къ счастью, какъ мы это видѣли выше, были уже съ утра заняты выдвинутымъ въ этотъ интервалъ отрядомъ г.-м. Мандрыко".

„Японцы рѣшили прорваться въ указаннномъ направленіи ночнымъ нападеніемъ на Двурогую сопку и прилегающую мѣстность. Съ этой цѣлью артиллерія 10-й японской дивизіи уже послѣ полудня открыла огонь для подготовки ночной атаки. Къ вечеру начальникъ дивизіи собралъ всѣхъ частныхъ начальниковъ на высоту юго-западнѣе д. Тапу, ознакомилъ ихъ съ задачей, поставленной главнокомандующимъ, и указалъ на предстоящія

трудности, сопряженныя съ ночной атакой, въ особенности въ виду стоявшихъ тогда темныхъ ночей“.

„О силахъ и расположенiи русскихъ войскъ у японцевъ не имѣлось никакихъ свѣдѣнiй. Какъ указано было выше, здѣсь расположены были всего пять баталiоновъ (145-й Новочеркасскiй полкъ и 1-й баталiонъ 146-го Царицынскаго полка) при 2 батареяхъ (1-я и 2-я батареи 43-й арт. бриг.), подъ начальствомъ начальника авангарда 1-го арм. корпуса г.-м. Мандрыко. Баталiоны были расположены слѣдующимъ образомъ: 1-я рота Новочеркасскаго полка занимала самую сопку, 3-й и 4-й баталiоны занимали высоты къ юго-востоку отъ кумирни на Двурогой сопкѣ, южнѣе д. Танхайши; далѣе, на юго-востокъ, гдѣ виднѣлась Лѣсистая сопка, въ теченiе дня расположенъ былъ отрядъ г.-л. Мау, оборонявшiй эту сопку, которая, однако, къ вечеру была уже занята японцами“.

„Къ юго-западу отъ Двурогой сопки расположены были на позицiи остальныя роты 1-го баталiона Новочеркасскаго полка; 2-я батарея подъ прикрытiемъ 5-й роты этого полка расположена была на позицiи сѣвернѣе Двурогой сопки, имѣя фронтъ обращеннымъ на юго-востокъ, съ цѣлью держать подъ огнемъ подступы къ Лѣсистой сопкѣ, а также подступы съ Лѣсистой сопки къ Двурогой. Но, въ виду особенныхъ условiй рельефа мѣстности, батарея могла держать подъ своимъ огнемъ подступы съ Лѣсистой сопки, которые вели только къ нѣкоторымъ участкамъ позицiи, занятой 4-мъ баталiономъ; подступы же къ другимъ участкамъ этого баталiона были закрыты для огня нашей батареи, такъ какъ ей приходилось стрѣлять черезъ Двурогую сопку. Такимъ образомъ, на значительномъ пространствѣ и подступы къ Двурогой сопкѣ были для японцевъ безопасны отъ нашего артиллерiйскаго огня“.

„При такой обстановкѣ назрѣвала ночная атака японцевъ, порученная маршаломъ Ойямой начальнику 10-й пѣх. дивизiи, въ распоряженiе котораго предоставлено было 23 баталiона, т. е. силы, превосходившiя почти въ пять разъ боевыя силы г.-м. Мандрыко [1])“.

Самая атака была организована японцами слѣдующимъ образомъ: всѣ 23 баталiона, принимавшiе участiе въ атакѣ, были построены въ 3 линiи.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссiя, т. IV, ч. I, стр. 215—217.

Въ 1-й линіи 6 баталіоновъ, развернутымъ фронтомъ, протяженіемъ около 5 верстъ, во 2-й линіи—8 баталіоновъ—колоннами, и наконецъ въ 3-й линіи 9 баталіоновъ—вздвоенными колоннами.

Люди были переодѣты въ свои темныя шинели и имѣли для распознаванія своихъ бѣлыя повязки на лѣвомъ рукавѣ.

Около часу ночи на высотѣ у д. Тапу, гдѣ находился Штабъ дивизіи, былъ зажженъ стогъ чумизной соломы, что послужило сигналомъ для начала наступленія.

Передъ выступленіемъ людямъ была роздана горячая пища, всѣмъ были объяснены точно предстоящія трудности и указаны оріентировочные пункты.

„Около 3 час. ночи лѣвый флангъ первой линіи приблизился къ позиціи 1-го баталіона Новочеркасскаго полка, прогнавъ встрѣченные по пути секреты. Вслѣдъ затѣмъ съ этой позиціи открытъ былъ оживленный огонь. Такъ какъ выстрѣлы направлены были высоко, то огонь этотъ причинялъ вредъ не столько баталіонамъ первой линіи, сколько японскому резерву, т. е. баталіонамъ 3-й линіи и штабамъ дивизій и армій, находившимся къ югу отъ д. Тапу".

„Не обращая вниманія на огонь русскихъ, часть японскихъ баталіоновъ продолжала движеніе впередъ, часть залегла, стараясь подвигаться впередъ ползкомъ. Въ этомъ направленіи, согласно японскимъ источникамъ, наступающіе баталіоны наткнулись на нашу батарею, которой, однако, удалось ускользнуть, пользуясь суматохой и паникой, возникшей въ рядахъ японцевъ, гдѣ топотъ удалявшихся въ ночной темнотѣ лошадей принятъ былъ за приближеніе русской кавалеріи".

„Правый флангъ первой линіи японцевъ, направленный, какъ указано было, на д. Наньшаньпуза, не встрѣтилъ вовсе никакихъ нашихъ войскъ, такъ какъ войска генерала Мау отступили здѣсь еще до наступленія вечера. Вслѣдствіе этого японцы повернули налѣво и атаковали д. Танхайши, гдѣ завязался жестокій бой съ ротами 4-го баталіона Новочеркасскаго полка".

„Между тѣмъ, пока шли приведенныя выше приготовленія японцевъ къ ночной атакѣ, на позиціи, занятой отрядомъ г.-м. Мандрыко, чувствовалось присутствіе значительныхъ силъ противника, ощупывавшихъ нашу позицію со всѣхъ сторонъ. Отдѣльныя его партіи ощупывали нашу позицію, стараясь одиночными и групповыми выстрѣлами вызвать огонь съ нашей стороны, линія свѣтовыхъ сигналовъ охватила насъ по обширной дугѣ отъ

Лѣсистой сопки до Тапу. При этой обстановкѣ прибытіе 1-го баталіона Самарскаго полка, подошедшаго къ д. Цаньдятунь, было какъ нельзя болѣе кстати. Начальникъ отряда приказалъ 1-й ротѣ этого баталіона занять кумирню, а тремъ остальнымъ ротамъ занять окопы, оставленные Царицынцами; но не успѣли еще Самарскія роты начать выполненіе полученнаго приказанія, какъ начался сильнѣйшій огонь пачками и изъ пулеметовъ, главнымъ образомъ, противъ позиціи занятой ротами 4-го баталіона 145-го полка, и частью слѣва со стороны Лѣсистой сопки. Въ виду загорѣвшагося серьезнаго ночного боя, начальникъ отряда приказалъ одной ротѣ Самарцевъ занять кумирню, придержавъ остальныя три роты за восточнымъ угломъ Двурогой сопки. Сильнѣйшій огонь противника и нашъ отвѣтный продолжался около часа".

„Было начало второго часа ночи, когда со 2-й батареи послѣдовали одинъ за другимъ три орудійныхъ выстрѣла, послѣ чего на нѣкоторое время наступила сразу гробовая тишина. Опасаясь за участь батареи, начальникъ отряда тотчасъ же выслалъ къ ней одну роту Самарцевъ изъ резерва. Нѣсколько минутъ спустя дозоръ, пришедшій отъ 5-й роты (прикрытіе 2-й батареи), доложилъ, что батарея снялась съ позиціи и уѣхала въ д. Цяньдятунь, оставивъ на позиціи два ящика, что атаки противника на нихъ не было, а былъ открытъ огонь со стороны Лѣсистой сопки; въ это же время получено было донесеніе командира 4-го баталіона Новочеркасскаго полка подполк. Клингенберга, что онъ держится на пологой сопкѣ, но что противникъ близокъ, окружаетъ сопку съ трехъ сторонъ и что влѣво въ тылу у 4-го баталіона была атакована полурота 11-й роты, возводившая окопъ впереди и лѣвѣе д. Танхайши; справа—отъ 1-й роты было получено также свѣдѣніе о близости противника и о томъ, что части его охватываютъ насъ справа".

„Около 2 час. ночи снова возобновился сильнѣйшій огонь противника, который, съ незначительными перерывами, уже не прекращался до утра; въ небольшіе перерывы между огнемъ слышны были крики „ура", которыми противникъ, вѣроятно, желалъ вызвать наше движеніе на встрѣчу, такъ какъ послѣ этого сейчасъ же начиналась усиленная дѣятельность японскихъ пулеметовъ. Около 4 час. утра крики и стрѣльба противника особенно усилились, а черезъ нѣсколько времени получено было свѣдѣніе, что начальникъ лѣваго участка подполк. Клингенбергъ раненъ и 4-й баталіонъ оттѣсненъ противникомъ въ д. Танхайши. Справа до-

носили, что полурота 1-й роты выбита изъ нижняго окопа подъ Двурогой сопкой, что другая полурота 1-й роты окружена японцами на юго-западныхъ скатахъ сопки, и въ это же время видна была и рота Самарскаго полка, отходившая отъ кумирни".

„Возвративъ обратно Самарскую роту къ кумирнѣ, начальникъ отряда приказалъ выдвинуть въ поддержку 1-й ротѣ Новочеркасскаго полка одну изъ ротъ резерва. 2-я и 4-я роты и часть саперъ помогали въ это время 1-й батареѣ 43-й бригады убирать орудія съ позиціи въ д. Тапу".

„Выдвинутой въ поддержку 1-й ротѣ, 6-й ротѣ приказано было вернуть потерянный окопъ 1-й роты. Бодро выдвинулась 6-я рота и вскорѣ послышались ея ровные выдержанные залпы. Громкіе крики противника и трескотня пачекъ и пулеметовъ не прекращались ни на минуту. Въ самомъ началѣ былъ убитъ командиръ 6-й роты кап. Лѣсникъ; рота подъ начальствомъ поруч. Юшманова залегла и открыла близкій огонь по противнику, но вернуть окопа 1-й роты уже не могла, также не могла Самарская рота вернуть кумирню, занятую уже противникомъ около 5 час. утра. Свѣтало. Въ такихъ обстоятельствахъ начальникъ отряда рѣшилъ отдать приказаніе объ отступленіи. Самъ онъ отправился въ д. Цаньдятунь, чтобы занять опушку деревни 8-й ротой 145-го полка (со знаменемъ) и одной ротой Самарскаго полка, приказавъ командиру Новочеркасскаго полка держаться подъ Двурогой сопкой, пока не отойдутъ изъ-за сопки защитники д. Танхайши. Положеніе ихъ было въ высшей степени затруднительное, такъ какъ приходилось пробиваться изъ деревни штыками, а затѣмъ двигаться у подошвы Двурогой сопки подъ перекрестнымъ огнемъ японцевъ, занявшихъ эту сопку, а также наступавшихъ со стороны Лѣсистой сопки. Чтобы облегчить положеніе отступавшихъ, направлены были въ атаку на сопку 7-я рота, а также рота Самарскаго полка. Увлекаемые офицерами люди бѣгомъ бросились впередъ и, хотя не могли взобраться на верхніе отвѣсные камни сопки, осадили всетаки противника и не позволили ему стрѣлять по отступавшимъ, чѣмъ значительно облегчили отступленіе; при этомъ оба офицера 7-й роты пали жертвами этой атаки: шт.-кап. бар. Штакельбергъ былъ тяжело раненъ пулею въ грудь навылетъ, а подпор. Михайловъ убитъ".

„Имѣя въ резервѣ всего лишь 2 роты 145-го и 2 роты 147-го полковъ, г.-м. Мандрыко послалъ словесное донесеніе начальнику

дивизіи, или въ находившійся недалеко Штабъ арміи слѣдующаго содержанія:

„Обстановка трудная. Отрядъ атакованъ превосходными силами японцевъ. 2-я бат. 43-й арт. бригады, а также части Царицынскаго полка и отрядъ генерала Мау отошли. Ввѣренный мнѣ отрядъ изолированъ, но продержится до разсвѣта. Прошу подкрѣпленій“.

„Въ отвѣтъ на это донесеніе получено было извѣстіе, что, по приказанію Командующаго арміей, посылаются для поддержки два баталіона изъ 2-й бригады 37-й дивизіи; но уже до прибытія этой поддержки вынуждены были отступить 6 орудій 1-й батареи 43-й арт. бриг., при чемъ два орудія, подъ прикрытіемъ 1-го баталіона 145-го полка, остались у д. Тапу; у этой послѣдней, а также у д. Танхайши, завязался жаркій бой. Скоро обнаружилось, благодаря фонарикамъ, что японцы появились также и на флангахъ у д. Цаньдятунь, вслѣдствіе чего туда направлены были части 145-го и 147-го полковъ, отходившія отъ д.д. Танхайши и Тапу и отъ Двурогой сопки. Приведенныя здѣсь въ порядокъ роты упомянутыхъ полковъ къ 8 час. утра встрѣтили фланговые охваты японцевъ дружнымъ огнемъ, а вслѣдъ затѣмъ энергичная атака 2-й роты 147-го и 7-й роты 145-го полковъ, при поддержкѣ сильнаго огня изъ двухъ орудій 1-й батареи 43-й арт. бригады, взявшихъ во флангъ захваченную уже японцами Двурогую сопку съ кумирней, дала намъ возможность снова овладѣть этой сопкой [1])“.

Утромъ 29-го Сентября, части, столь блистательно оборонявшія сопку, были отодвинуты къ д. Санцзяцзя, а затѣмъ и еще больше къ сѣверу на позицію у д. Тунсанхо.

Наши потери были значительны, но и японцы потеряли въ этомъ дѣлѣ 60 офицеровъ и 1250 нижнихъ чиновъ [2]).

10-я японская дивизія, участвовавшая въ атакѣ, была до такой степени „надорвана впечатлѣніями боя, что Ген. Нодзу нашелъ необходимымъ вывести ее изъ боевой части: дальнѣйшее наступленіе съ разсвѣтомъ продолжали 10-я и 11-я резервныя бригады, подъ прикрытіемъ коихъ 10-я дивизія устраивалась [3])“.

День 28-го Сентября признается историками Русско-Япон-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, 219—221.

[2]) А. Свѣчинъ. Рус.-Японск. война, стр. 251.

[3]) Тамъ-же.

ской войны, „поворотнымъ пунктомъ“ въ нашей наступательной операціи.

Ясно сознавалось, что изъ операціи Восточнаго отряда ничего не выйдетъ, вѣра въ успѣхъ начала надламываться. Какъ ни старались замаскировать отходъ войскъ Западнаго отряда выраженіями: „отойти на главную позицію“, „сосредоточиться“ и т. д.—войска поняли, что въ Западномъ отрядѣ—неудача. Всѣ эти неблагопріятныя данныя страшно сковывали инициіативу частныхъ начальниковъ, могучій порывъ впередъ былъ безвозвратно потерянъ.

Къ этому необходимо прибавить, что взаимное расположеніе частей войскъ, благодаря неудовлетворительной картѣ, сознавалось крайне плохо. Трудно было отдать себѣ отчетъ въ крайне выгодномъ положеніи всего Восточнаго отряда, охватившаго весь правый флангъ японцевъ, трудно было разобраться и съ положеніемъ Западнаго отряда.

Выраженія „обножили флангъ“, „обойдены японцами“, „очистили сопку, деревню“—разносившіяся по рядамъ войскъ, при общей туманности обстановки, вызывали опасенія, излишнюю осторожность въ дѣйствіяхъ, а въ концѣ концовъ создали впечатлѣніе общей неудачи, чего на самомъ дѣлѣ, конечно, не было.

29-го Сентября. Дѣйствія Восточнаго отряда.

Какъ уже было выяснено—ночныя атаки, веденныя Восточнымъ отрядомъ въ ночь на 29-е Сентября, успѣха не имѣли.

Трудно было разсчитывать, послѣ понесенныхъ потерь и нѣкотораго разстройства войскъ послѣ штыковыхъ боевъ, что повтореніе атакъ на перевалы днемъ будетъ имѣть шансы на успѣхъ. Поэтому возобновленіе наступательныхъ дѣйствій было отложено на ночь, а днемъ войска Восточнаго отряда ограничивались лишь обстрѣливаніемъ японскихъ позицій артиллерійскимъ огнемъ.

На крайнемъ правомъ флангѣ 1-го Сибирскаго Корпуса 4-й В.-С. стр. полкъ влился въ составъ отряда Генерала Мищенки, который самъ подчинилъ себѣ этотъ полкъ и приказалъ ему оборонять высоты сѣвернѣе с. Сяліухэцзы.

Отрядъ Генерала Грекова, тѣснимый японцами, поддавался на сѣверъ. Успѣхи японцевъ въ этомъ направленіи остановлены были 17-мъ и 18-мъ В.-С. стр. полками, выдвинутыми на „сопку съ кумирней“, около с. Вайтхошань.

Войскамъ 1-го Сиб. Корпуса была поставлена задача лишь „по удержанiю занятыхъ позицiй“.

Въ 3-мъ Сибирскомъ Корпусѣ, съ утра 29-го Сентября, дѣло ограничилось только артиллерiйской канонадой.

Атака сводной бригады Генерала Кричинскаго, описанная выше (стр. 28), успѣха не имѣла и къ 10 ч. утра стрѣлки вернулись на свои позицiи.

На лѣвомъ берегу р. Тайцзыхэ, то есть тамъ, гдѣ намъ посчастливилось зайти въ тылъ японцамъ, непрiятель замѣтно усиливался противъ лѣваго фланга Генерала Самсонова, угрожая обходомъ.

Въ 10 ч. 40 м. утра 29-го Генералъ Самсоновъ донесъ Командиру 3-го Сиб. Корпуса, что японцы обходятъ его лѣвый флангъ.

Бой на лѣвомъ берегу р. Тайцзыхэ разгорался, но происходилъ, собственно, въ обстановкѣ, невнушающей особыхъ опасенiй. Вотъ какими словами описываетъ этотъ день участникъ боя А. Квитка:

„Было еще темно, когда Заботкинъ и я отправились пѣшкомъ на позицiю, оставивъ лошадей подъ защитою крутого лѣваго берега рѣчки. Идти было недалеко, такъ какъ со вчерашняго утра мы были выбиты съ перваго кряжа и перешли на второй. Бой на сопкахъ кипѣлъ съ ожесточенiемъ—наши немного продвинулись впередъ, но остроконечная сопка была все еще въ рукахъ японцевъ“.

„Наша полубатарея перемѣстилась немного ниже и лѣвѣе, на край чумизнаго поля, въ вырытыя, еще не вполнѣ законченныя укрытiя“.

„Подъ утро подошли къ намъ на подкрѣпленiе четыре сотни 4-го Сибир. каз. полка и стали правѣе нашей цѣпи, до конца кряжа, гдѣ было небольшое возвышенiе“. . .

„Ружейный огонь непрiятеля съ нашихъ прежнихъ позицiй все усиливался. Къ нему подходили подкрѣпленiя изъ Бенсиху и съ юго-востока, т. е. со стороны Сихеяна. Оттуда-же показались два эскадрона кавалерiи на рослыхъ лошадяхъ темной масти и направились къ высотамъ, тянувшимся отъ моста до Столовой горы; слѣдомъ за ними шла пѣхота. Съ прибытiемъ новыхъ частей линiя огня непрiятеля удлиннилась и подалась влѣво, т. е. противъ нашего лѣваго фланга“.

„Нашъ правый флангъ былъ обезпеченъ отъ обхода тѣмъ,

что онъ былъ въ сферѣ огня нашей пѣхоты, по ту сторону Тайцзыхэ, а съ лѣвой стороны наша позиція примыкала къ высокому хребту, съ занятіемъ котораго непріятелемъ—мы были-бы вынуждены отступать подъ его фланговымъ огнемъ и понесли бы при этомъ большой уронъ. Я предложилъ Генералу Любавину стянуть всѣ цѣпи влѣво и занять хребетъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Онъ согласился и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ меня начальникомъ передовой цѣпи Забайкальцевъ и охотничьей команды, а Плаутина—начальникомъ цѣпи Сибирцевъ".

„Я въ первый разъ видѣлъ сибирскихъ казаковъ въ дѣлѣ, каждый изъ нихъ глядѣлъ смѣло и внимательно въ сторону непріятеля и дѣлалъ выстрѣлъ осмысленно и съ увѣренностью"...

„Японцы громили нашу батарею залпами—сразу разрывалось надъ нею по шести гранатъ (*вѣроятно шрапнелей*), но она все держалась, какимъ-то чудомъ уцѣлѣли прислуга и орудія, были потери только у казаковъ въ прикрытіи. Это, однако, такъ продолжаться не могло, тѣмъ болѣе, что мы не отвѣчали на выстрѣлы противника, не зная точно его расположенія. Я послалъ батарейному командиру кроки съ указаніемъ, гдѣ находилась непріятельская батарея, но оно могло быть полезнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы были у насъ вѣрныя и точныя карты. Орудія были откатаны и увезены за д. Сяогусянцзы, откуда они продолжали содѣйствовать наступленію отряда г. Ренненкампфа".

„Покончивъ съ соперникомъ, японская артиллерія накинулась теперь на насъ—одна за другой стали рваться ихъ гранаты на узкомъ гребнѣ, который мы занимали. Пачечный ружейный огонь японцевъ былъ тоже безпрерывный. Изъ-за высотъ, занятыхъ непріятелемъ, показалась колонна, направлявшаяся къ Столовой горѣ, въ обходъ нашего лѣваго фланга. Я приказалъ графу Келлеру подняться съ 5-й сотней на лѣвый хребетъ и занять позицію лѣвѣе 6-й сотни".

„Генералъ Любавинъ приказалъ отступать частями до слѣдующихъ высотъ, гдѣ недавно стояла наша полубатарея [1])".

Такъ шагъ-за шагомъ, отходя съ гребня на гребень, боролись съ противникомъ наши слабыя спѣшенныя казачьи части. Прислать въ поддержку пѣхоту, послѣ неуспѣха ночныхъ атакъ, командиръ 3-го корпуса—затруднился. За отрядомъ Любавина и

---

[1]) А. Квитка. Дневникъ Забайкальскаго Казачьяго офицера, стр. 294-296.

Самсонова началъ поддаваться назадъ и лѣвый флангъ отряда Генерала Ренненкампфа, уже по правому берегу Тайцзыхэ.

Въ общемъ, ночью войска 3-го Сиб. Корпуса подались назадъ—на высоты къ сѣверо-востоку отъ линіи д.д. Каотайцзы—Іогоухэ.

„Такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ боевъ Восточнаго отряда за 29 Сентября вполнѣ опредѣлился переходъ отъ наступательныхъ дѣйствій къ оборонѣ, а мѣстами даже и къ частному отступленію, которое уже предвидѣлось и ожидалось для всѣхъ войскъ отряда [1])“.

29 Сентября. Дѣйствія Западнаго отряда.

„Съ разсвѣтомъ 29-го Сентября обнаружилось наступленіе японцевъ на всемъ протяженіи фронта 17-го Корпуса, сопровождавшееся усиленнымъ артиллерійскимъ огнемъ, имѣвшимъ очевидною цѣлью подавить огонь нашихъ батарей [2])“.

„Въ 4 часа утра 29-го Сентября Ген.-Ад. Куропаткинъ предупреждалъ Начальника Западнаго отряда, что по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ можно предполагать, что японцы сегодня предпримутъ обходъ нашего праваго фланга; чтобы уклонить флангъ и собрать растаявшіе въ боевой части корпусные резервы, Ген.-Ад. Куропаткинъ находилъ необходимымъ очистить р. Шилихэ и отвести Западный отрядъ на главную позицію по линіи Лютангоу-Хунбоасань. Но XVII корпусъ съ утра ввязался въ сильный бой на р. Шилихэ; исполнить засвѣтло, въ разгаръ боя, предписанное отступленіе было весьма рискованно; оно повело-бы къ большимъ потерямъ. XVII корпусъ отложилъ отступленіе до вечера; положеніе его становилось тѣмъ болѣе рискованнымъ, что X корпусъ началъ отходить уже въ 10 час. утра на указанную „главную“ позицію. Распоряженіе командиру X корпуса было передано помимо начальника Западнаго отряда“.

„Хотя вся складывавшаяся обстановка заставляла насъ особенно настороЖиться къ сторонѣ праваго крыла XVII-го корпуса, однако, японскій охватъ явился здѣсь для насъ совершенно неожиданнымъ. Въ ночь на 29-е Сентября, 6-я японская дивизія приблизилась къ нашему расположенію; когда мы открывали сильный огонь, японцы задерживались и окапывались, затѣмъ

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 234.

[2]) Тамъ-же, стр. 237.

пользуясь затишьями, подавались снова впередъ; къ разсвѣту японскіе окопы оказались въ разстояніи 800 шаговъ отъ нашихъ позицій, артиллерія заняла позицію всего въ 2—3 верстахъ, и съ разсвѣта завязался жестокій бой [1])“.

„Нѣсколько позади окоповъ въ направленіи на с. Яндіавань (Янцзявань) были расположены пулеметы, осыпавшіе наши окопы у с. Эршидіаза и Сяодунтай непрерывнымъ огнемъ“.

„Вскорѣ японцы повели на этотъ участокъ атаку, но были отбиты огнемъ 1-го и 2-го бат. 9-го п. Ингерманландскаго полка, 1-го баталіона 10-го Новоингерманландскаго и 2-го бат. Нѣжинскаго полка [2])“.

„Около 9 ч. утра, японскія батареи перенесли огонь на с. Сяодунтай и оврагъ за нимъ, что вынудило передвинуть вправо расположенный здѣсь резервъ въ составѣ 5-ти ротъ 12-го пѣх. Великолуцкаго полка.

„Въ это же время былъ раненъ въ правую ногу Генералъ Маіоръ Защукъ, но остался въ строю, руководя боемъ сидя.

Между 8 и 9 час. утра Генераломъ-Маіоромъ Защукомъ были получены донесенія объ обходѣ его праваго фланга густыми колоннами японцевъ. Усматривая въ этомъ признакъ готовящейся атаки, Генералъ-Маіоръ Защукъ подкрѣпилъ центръ 1-го и 2-го баталіоновъ 9-го пѣх. полка ротою резерва (11-я рота) и удлинилъ правый флангъ этого полка другой ротой (13-я рота); оставшіяся роты резерва были передвинуты по оврагу вправо“.

„Въ это время начались новыя атаки японцевъ со стороны сел. Яндіавань и вдоль оврага рѣки. Атаки отбивались ружейнымъ огнемъ, но возобновлялись непрерывно при помощи свѣжихъ резервовъ, подходившихъ къ противнику“.

„Повидимому, къ этому времени слѣдуетъ отнести очищеніе сел. Эршидіаза 2-мъ баталіономъ 137-го пѣх. Нѣжинскаго полка, а затѣмъ 1-мъ баталіономъ 10-го пѣх. Новоингерманландскаго полка, потерявшимъ въ короткій промежутокъ времени многихъ офицеровъ. Роты 10-го полка, стоявшія на правомъ берегу рѣки, совмѣстно съ правофланговыми ротами 9-го пѣх. Ингерманландскаго полка, открыли по этому селенію учащенный огонь, но вскорѣ затѣмъ также отошли“.

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 252.

[2]) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Г.-А. Куропаткина. Сост. Болховитиновъ, стр. 293—294.

„9-й полкъ, однако, продолжалъ стойко держаться, руководимый командиромъ полка полковникомъ Криштопенко. Около 10-ти час. утра, послѣднiй былъ убитъ. Оставшись послѣ смерти полковника Криштопенко и выбытiя изъ строя по случаю раненiя командира 1-го дивизiона 3-й артиллерiйской бригады полковника Подвальнюка - безъ ближайшихъ помощниковъ, Генералъ-Маiоръ Защукъ послалъ къ начальнику 3-й пѣх. дивизiи слѣдующую записку: „Командиръ 9-го полка убитъ. Я раненъ, остался въ строю. Прошу прислать замѣстителей“.

Записка эта была получена въ штабѣ дивизiи около 11 час. утра и начальникомъ праваго участка былъ назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Ванновскiй, командовавшiй дивизiономъ въ 51-мъ драгунскомъ Черниговскомъ полку“.

„Между 10 и 11 час. утра Генералъ-Маiоромъ Защукомъ были получены донесенiя объ отходѣ Генералъ-Маiора Грекова, 2-го дивизiона 35 артил. бригады, 3-го эскадрона 51-го драгунскаго Черниговскаго полка и отряда полковника Стаховича. (Послѣднее было не вѣрно)“.

„Имѣя извѣстiя, что еще рано утромъ части 6-го Сибирскаго армейскаго корпуса находились въ 6 верстахъ отъ занятой отрядомъ г.-м. Защука позицiи и простымъ фронтальнымъ движенiемъ брали во флангъ обходящiя части противника, г.-м. Защукъ, несмотря на рядъ донесенiй объ обходѣ японцами его праваго фланга, рѣшилъ оставаться на позицiи“.

„Въ 11 ч. 30 мин. утра появились густыя цѣпи и колонны японцевъ, обходившiя правый флангъ 9-го пѣх. Ингерманландскаго полка и открывшiя со стороны сел. Эршидiаза и оврага перекрестный огонь во флангъ и тылъ этого полка. Оставшiяся въ резервѣ три роты 12 пѣх. Великолуцкаго полка были выведены изъ оврага, заняли сѣверо-западную часть сел. Лянцзыгай и правѣе“.

„Становилось ясно, что дальнѣйшая борьба на участкѣ непосильна, а на поддержку 6-го Сибирскаго корпуса надежды не было“.

„Въ такихъ обстоятельствахъ г.-м. Защукъ отдалъ приказанiе объ отходѣ, сдѣлавъ распоряженiе о занятiи глинобитой стѣны сел. Лянцзыгай, вдоль праваго берега рѣки, частями 9-го пѣх. Ингерманландскаго полка“.

„Какъ только части 9-го пѣх. полка стали отходить изъ окоповъ, огонь противника усилился до послѣдней степени. Убыль

офицеровъ была велика. Части 9-го полка, переходя оврагъ, закрыли на нѣкоторое время огонь ротъ Великолуцкаго полка, вызванныхъ передъ тѣмъ изъ резерва; люди столпились въ сел. Соядунтай, куда скоро подобрались японцы; послѣдніе влѣзли на крыши фанзъ и оттуда поражали огнемъ густую толпу. Скоро стали охватываться и поражаться фланговымъ огнемъ также и роты 12 пѣх. Великолуцкаго полка, занимавшія сѣверо-западную часть сел. Лянцзыгай“.

„Генералъ-маіоръ Защукъ, послѣ отдачи необходимыхъ распоряженій, пошелъ, поддерживаемый подъ руки, къ сел. Лянцзыгай, гдѣ встрѣтился съ присланнымъ замѣстителемъ полковникомъ Ванновскимъ, которому и передалъ управленіе участкомъ.

„Полковникъ Ванновскій, однако, былъ уже не въ состояніи остановить отступленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оставленіе орудій 1-й и 2-й батарей 3-й артил. бригады“.

„Приказаніе о заблаговременномъ отходѣ батарей, повидимому дано не было и едва ли могло быть дано, разъ въ умѣ и сердцѣ начальника праваго участка, а также всѣхъ чиновъ 9-го и 12-го пѣх. полковъ было одно лишь стремленіе—отстоять во что бы то ни стало позицію и полная надежда осуществить это стремленіе. Послѣдующія событія разыгрались очень быстро, а убыль начальниковъ и офицеровъ къ тому времени была такъ велика, что распоряжаться было очень трудно“.

„Обѣ батареи, какъ было уже сказано, расположились на ночь на новыхъ позиціяхъ по сѣверную сторону оврага и вблизи отъ сел. Лянцзыгай. За ними находилось топкое болото, далѣе совершенно открытое мѣсто со снятымъ гаоляномъ“.

„Передки батарей были расположены въ д. Безымянной въ 300 саж. позади батарей. Но въ виду того, что вся площадь сильно обстрѣливалась и передки несли потери, они отошли на 2 версты къ сел. Ченліутхангоу“.

„Когда обнаружился отходъ нашихъ войскъ, было послано за передками. Передки 1-й батареи уже подошли къ мѣсту своего прежняго расположенія, но встрѣченные отступавшими частями разныхъ полковъ, попавъ подъ огонь, были увлечены общимъ отступленіемъ назадъ. Почти тоже самое случалось съ передками 2-й батареи“.

„Обѣ батареи еще оставались нѣкоторое время съ ротами прикрытія (5-я и 9-я роты 9-го Ингерманландскаго полка), от-

стрѣливавшимися залпами. Японская пѣхота уже заняла с. Ляйцзыгай и обстрѣливала огнемъ обѣ батареи".

„2-я батарея открыла огонь съ прицѣломъ 10 и выпустила всѣ патроны до послѣдняго. Увезти орудія на рукахъ по открытому мѣсту, частью по болоту, на протяженіи 2 — 2½ в. было немыслимо; оставаться на мѣстахъ нельзя. При такой обстановкѣ орудія, насколко возможно, были испорчены, прислуга отошла назадъ, а вслѣдъ за нею отошли также и роты прикрытія, присоединившись къ остаткамъ своего полка и принявъ участіе во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ [1])".

Одновременно съ движеніемъ въ атаку на позицію Генерала Защука японцы повели наступленіе и противъ с. Цунлунъ-Янтунь, занимаемаго отрядомъ полковника Стаховича.

Превосходство въ артиллеріи дало противнику возможность подавить огонь нашей батареи.

Въ виду тяжелаго положенія отряда ему была прислана поддержка въ составѣ 4-хъ ротъ Моршанскаго полка. Въ это время полк. Стаховичъ получилъ просьбу полковника Ванновскаго, смѣнившаго Генерала Защука, о поддержкѣ его и о помощи правому участку.

Полковникъ Стаховичъ рѣшилъ перейти въ наступленіе двумя баталіонами на Югъ, въ направленіе на с. Сяодунтай, оставивъ одинъ баталіонъ на позиціи въ Цунлунъянтунѣ. Наступленіе наше было остановлено огнемъ японцевъ со стороны с. Эршидяза. Баталіоны пріостановились и оставались въ этомъ положеніи до 3½ ч. дня.

Къ вечеру, по отступленіи участка полк. Ванновскаго, полковникъ Стаховичъ отошелъ къ окопамъ у с.с. Хунлину и Чэнлютангоу.

„Почти одновременно съ отступленіемъ отъ с. Эршидяза отступили такъ-же части Моршанскаго и Зарайскаго полковъ отъ Эндоніулу. Уже въ 7 час. утра японцы повели энергичную атаку на это селеніе, обороняемое частями упомянутыхъ полковъ, подъ начальствомъ Команд. Моршанскимъ полкомъ подполк. Бутъ-Гуссаинова. До полудня японцы три раза повторяли свои атаки, но безуспѣшно. Когда, около полудня, обнаружилось отступленіе частей 3-й пѣх. дивизіи отъ Эршидяза, японцы сосредо-

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Г.-А. Куропаткина. Составилъ П. Болховитиновъ, стр. 294—296.

точили на с. Эндоніулу всю силу ружейнаго и артиллерійскаго огня, вслѣдствіе чего подп. Буть-Гуссаиновъ обратился съ запросомъ къ командиру Зарайскаго полка, полк. Мартынову, „что дѣлать“; въ отвѣтъ на этотъ запросъ полк. Мартыновъ прислалъ записку начальника 3-й пѣх. дивизіи, которой разрѣшалось отступать „въ случаѣ невозможности держаться“. Въ виду этого под. Буть-Гуссаиновъ приказалъ очистить Эндоніулу, начавъ съ отвода батареи, которая отступила на позицію къ западу отъ Лютангоу. Вслѣдъ за батареей отступили, около $1^1/_2$ час. дня, и Моршанцы съ с. Чэнлютангоу, а вмѣстѣ съ ними отошли скоро и баталіоны Зарайскаго полка отъ с. Лунванмяо, направившись на с. Ліусандяза. Осталось на позиціи лишь 7 ротъ 10-го Новоингерманландскаго полка, подъ начальствомъ подп. Шестакова, которыя въ виду обнаженія ихъ фланга, послѣ отступленія отъ Эндоніулу частей 2-й бригады 35-й п. дивизіи, подверглись жестокому фланговому огню японцевъ и вынуждены были отступить: сначала на сѣв. окраину д. Лунванмяо, а затѣмъ, согласно полученному приказанію начальника 3-й дивизіи, къ с. Лютангоу“.

„Такъ какъ въ распоряженіи начальника Западнаго отряда имѣлась изъ состава войскъ 6-го корпуса 2-я бригада 55-й пѣх. дивизіи, при четырехъ батареяхъ, то командиромъ 17-го Корпуса испрошено было разрѣшеніе направить одинъ изъ полковъ бригады, чтобы возстановить бой на правомъ флангѣ. Съ этою цѣлью двинутъ былъ на правый флангъ, на участокъ Г.-М. Защука, 219-й пѣх. Юхновскій полкъ; остальныя части, прибывшія изъ состава 6-го корпуса (220-й Епифанскій п. и 4 батареи), были направлены для занятія тыловой позиціи, между с.с. Хунлипу и Чэнлютангоу; на эту-же позицію двинуты были еще раньше 1-й и 4-й батал. Нѣжинскаго полка, съ цѣлью принять на себя отходящія части праваго фланга [1])“.

Тѣмъ временемъ смѣнившій Генерала Защука полковникъ Ванновскій приводилъ въ порядокъ отступавшія части 3-й пѣх. дивизіи. Въ упорядоченіи отступленія принималъ участіе и слѣдовавшій на перевязочный пунктъ Генералъ Защукъ и находившійся при немъ Штабсъ-Капитанъ Шелавинъ, тоже раненый.

При помощи оставшихся цѣлыми Штабъ-Офицеровъ было сформировано изъ разстроенныхъ потерями частей 3 сводныхъ

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 242—243.

баталіона, съ которыми полковникъ Ванновскій сдѣлалъ попытку перейти въ наступленіе, что-бы вернуть оставленныя батареи.

Эти баталіоны, подъ прикрытіемъ огня батарей, расположенныхъ сѣв.-западнѣе с. Чэнлютангоу, повели наступленіе въ 2 ч. дня, но истомленные боемъ люди, вновь встрѣченные сильнѣйшимъ огнемъ, залегли и стали окапываться всего-лишь въ 200 шагахъ отъ покинутыхъ батарей.

Между тѣмъ 219 п. Юхновскій полкъ, вмѣсто того, что-бы направиться на участокъ Г. Защука, направился восточнѣе, въ промежутокъ между с.с. Сяодунтай и Лунванмяо. Двигаясь въ густыхъ походныхъ колоннахъ и постепенно мѣняя ошибочно принятое направленіе, полкъ попалъ подъ жестокій огонь и потерялъ 2 штабъ-офицеровъ, 14 об.-офицеровъ и 832 нижнихъ чина.

Полкъ пріостановился и сталъ отступать.

Здѣсь надо оговориться, что полкъ состоялъ почти цѣликомъ изъ запасныхъ и попалъ подъ жестокій огонь безъ малѣйшей втянутости въ боевыя дѣйствія. При наличіи весьма плохой карты необходимо еще прибавить, что оріентировка въ районѣ, къ западу отъ желѣзной дороги была очень трудной за отсутствіемъ рельефа на большихъ площадяхъ, а всѣ китайскія деревушки походили другъ на друга. Путаница, если и не была простительна— то была во всякомъ случаѣ легко объяснима.

Вмѣстѣ съ Юхновскимъ полкомъ были вовлечены въ отступленіе и сводные баталіоны полковника Ванновскаго.

„Къ 4-мъ час. дня отступленіе сдѣлалось общимъ по всему фронту 17-го корпуса [1]“.

Расположенные на позиціи Чэнлютангоу-Хунлипу Епифановскій полкъ и баталіоны Нѣжинскаго и Болховского полковъ, по отступленіи участка Полк. Ванновскаго, оказались подъ шрапнельнымъ огнемъ съ лѣваго фланга.

„Такъ какъ оборона войскъ на этой позиціи и безъ того уже не соотвѣтствовала общей обстановкѣ“ [2]) команд. 17-мъ армейскимъ корпусомъ приказалъ отвести Епифановскій полкъ къ с. Пендіаза, Юхновскій полкъ ночевалъ въ ночь на 30 въ с. Линшинпу.

Такими событіями сопровождался бой 29-го числа на правомъ участкѣ 17-го корпуса. Восточнѣе—отъ Лунванмяо до с. Шилихэ до 3-хъ часовъ шла сильная, артиллерійская стрѣльба.

---

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 244.

[2]) Тамъ же стр. 245.

Ружейная перестрѣлка не достигала большой силы. Когда замѣтили отступленіе войскъ участка Г. Защука—были отданы распоряженія объ отходѣ войскъ и средняго участка полк. Де-Витта и лѣваго - полк. Грулева.

Отходъ участка Полк. Де-Витта, начался спокойно, перекатами, подъ сильнымъ огнемъ противника.

4-я батарея 3 арт. бригады въ это время расположена была между желѣзной дорогой и с. Шилихэ, недалеко отъ ограды деревни. 5-я батарея—по сторонамъ желѣзной дороги.

Въ 4-мъ часу дня начался отходъ частей, занимавшихъ с. Шилихэ.

„Части эти отходили черезъ деревню, закрытую зарослями, почему съ батареи отходъ не былъ замѣченъ своевременно“.

„Въ 4 часа дня на батареѣ внезапно замѣтили, что черезъ глинобитный заборъ, въ западной части с. Шилихэ, начали перелѣзать японцы, открывшіе ружейный огонь съ разстоянія всего нѣсколько десятковъ шаговъ. Немедленно были потребованы передки и люди прикрытія, а прислугѣ приказано катить навстрѣчу 5-е и 6-е орудіе, ближайшія къ противнику, а потому оказавшіяся въ наиболѣе опасномъ положеніи. Въ это время штабсъ-капитанъ Тарновскій открылъ картечный огонь изъ 1-го орудія (единственнаго, изъ котораго по мѣстнымъ условіямъ можно было стрѣлять) въ упоръ насѣдавшему противнику. Подъ прикрытіемъ этого огня удалось надѣть на передки и увезти 2-е и 4-е орудія. Въ это время японцы успѣли подвезти батарею къ самой деревнѣ Шилихэ и въ свою очередь открыть огонь картечью. Батарея сразу потеряла изъ 42 человѣкъ 17, а въ подскакавшихъ передкахъ было убито 5 лошадей и 10 ранено. Отъ залпа разорвавшихся надъ батареею шрапнелей испуганныя лошади передковъ, частью раненыя, бросились въ сторону и понесли“.

„Передки болѣе на батарею не возвращались; люди прикрытія схватились за орудія съ цѣлью катить ихъ на рукахъ, бросились и къ орудію, изъ котораго стрѣлялъ штабсъ-капитанъ Тарновскій, но послѣдній, отстранивъ ихъ, сказалъ, что онъ будетъ продолжать огонь, подъ прикрытіемъ котораго должны уходить остальныя орудія. Въ это самое время прискакалъ на батарею ординарецъ командира 2-го дивизіона съ приказаніемъ отступать“.

„Попытка увезти орудія на рукахъ поперекъ гаоляноваго поля на этотъ разъ успѣха не имѣла: японцы показались изъ

оврага, ружейный огонь начался съ другого фланга—со стороны желѣзной дороги (съ запада). Орудія были испорчены насколько возможно, а затѣмъ командующій батареей, капитанъ Володкевичъ, приказалъ отступать. На полѣ сраженія остался и былъ окруженъ японцами штабсъ-капитанъ Тарновскій, который до послѣдней минуты, несмотря на многочисленныя раны, велъ огонь въ упоръ противнику".

„Трое изъ бывшихъ съ нимъ нижнихъ чиновъ убито, самъ штабсъ-капитанъ Тарновскій былъ взятъ въ плѣнъ. При отступленіи батарея двигалась послѣдней и, только пройдя 2—3 версты, вышла въ линію пѣхоты [1])".

На участкѣ Полковника Грулева отступленіе было начато въ $4^1/_2$ часа дня, послѣ отступленія частей войскъ средняго участка. Войска испытали большія трудности лишь въ томъ отношеніи, что приходилось часть пути тащить чуть не на рукахъ орудія, завязавшія въ грязи.

„Поздно ночью утомленныя боемъ части 17-го Корпуса сосредоточились на правомъ берегу Шахэ и расположились: 11-й и 12-й полки—въ с. Ингуа, а полки 35-й дивизіи—около с. Линшинпу. Разстроенныя боемъ части 9-го и 10-го полковъ съ наступленіемъ темноты, въ крайнемъ изнеможеніи остановились на ночлегъ на лѣвомъ берегу р. Шахэ, не будучи въ силахъ продолжать движеніе къ переправѣ; только съ разсвѣтомъ 30 Сентября эти части перешли на правый берегъ и присоединились къ остальнымъ частямъ 3-й пѣх. дивизіи".

„Отрядъ полк. Стаховича, отступившій сначала въ Хунлипу, подъ давленіемъ огня противника вынужденъ былъ продолжать отступленіе на Чанлинпу и Кисяотунь, а затѣмъ и далѣе къ с. Даліантунь и Кудяза, гдѣ и остановился на ночлегъ [2])".

Въ 10-мъ Арм. Корпусѣ противникъ лишь ограничивался артиллерійскимъ огнемъ.

Около 4 час. дня, согласно полученныхъ приказаній, авангардъ Генерала Рябинкина началъ отступленіе къ д. Ченхуанхуадянъ, гдѣ и составилъ резервъ корпуса, главныя силы котораго расположились на высотѣ у Хунбаошаня.

Въ теченіе дня корпусъ выдѣлилъ 6 баталіоновъ въ поддержку 17-го Корпуса. Считая, что бригада Генерала Мау, дѣй-

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отч. Г.-А. Куропаткина, стр. 313—314.
[2]) Воен.-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 246.

ствовавшая въ центрѣ, не была въ распоряженіи Командира 10-го Корпуса — полагая, что въ распоряженіи Генерала Случевскаго было всего 18 баталіоновъ.

Имѣя обнаженнымъ свой правый флангъ, Командиръ Корпуса къ ночи отошелъ на позиціи южнѣе с. Шахэпу. Движеніе было выполнено по приказанію начальника Западнаго отряда, но по недоразумѣнію, вопреки волѣ Командующаго Арміей.

Въ День 29-го Сентября были втянуты въ бой и части 6-го Сиб. Корпуса.

О необходимости поддержки 17-го Корпуса и объ обходѣ нашего *праваго фланга* сообщалось Командиру 6-го Сиб. Корпуса еще 28-го Сентября и въ ночь на 29-е. Лишь въ 5 ч. 30 м. утра на поддержку 17-го Корпуса выступила бригада 55-й дивизіи, изъ состава которой Юхновскій полкъ дѣйствовалъ, какъ мы видѣли выше, неудачно.

Имѣя категорическія приказанія и Начальника Западнаго отряда, и Командующаго Арміей о поддержкѣ Западнаго отряда, уже днемъ, въ поддержку отряда Полковника Стаховича, начальникъ авангарда 6-го Сиб. Корпуса Генералъ Болотовъ рѣшилъ выдвинуть части Кирсановскаго и Мценскаго полковъ, къ д. Сунцзятатай.

Наступленіе было ведено и Кирсановцами, и Мценцами бодро, энергично, до небольшихъ штыковыхъ схватокъ включительно. Попавъ подъ сильный огонь роты пріостановились. Начальникъ Авангарда призналъ задачу по поддержкѣ—исполненной и поэтому отвелъ части назадъ на свою укрѣпленную позицію.

Въ этотъ день части 6-го Сиб. Корпуса, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, могли рѣшить участь боя. По какому-то роковому недоразумѣнію—результаты работы частей корпуса, дѣйствовавшихъ вразбродъ были ничтожными и, въ сущности, для арміи не дали ничего.

29-го Сентября. Дѣйствія въ центрѣ.

„Событія предшествующаго дня обнаружили стремленіе противника прорваться въ направленіи на Хаматань, съ цѣлью разъединить дѣйствія двухъ главныхъ группъ войскъ Маньчжурской арміи—отряды Восточный и Западный. Въ виду этого, съ утра 29-го Сентября Командующимъ Арміей были приняты мѣры для усиленія войскъ центра, притянувъ сюда, съ одной

стороны, отрядный резервъ Восточнаго отряда—войска 2-го Сиб. Корпуса" . . . . ., а также оставшіяся свободными въ общемъ резервѣ войска 1-го арм. Корпуса, дѣйствія которыхъ въ этотъ день выразились въ слѣдующемъ [1])":

Собранныя, послѣ отхода авангарда Генерала Мандрыко части 37-й пѣх. дивизіи—всего около 10 бат., съ 44 орудіями, заняли д. Санцзяцза и высоты сѣвернѣе этой деревни (въ раіонѣ Тунсанхо—Санцзяцза— Хаматань).

Дѣйствія японцевъ за 29-е Сентября на этомъ участкѣ выразились лишь въ поддержаніи артиллерійскаго огня въ теченіе цѣлаго дня. Съ наступленіемъ темноты огонь стихъ.

Въ 2 часа ночи на 30 Сентября японцы произвели ночное нападеніе на д. Санцзяцзы. Первая атака была отбита ротой Самарскаго полка дружными залпами и ударомъ въ штыки, вторая атака отбита только огнемъ.

4-ый Сибирскій корпусъ въ этотъ день оказался въ довольно трудномъ положеніи и выдержалъ упорнѣйшіе бои по всему фронту.

Къ разсвѣту 29 Сентября положеніе дѣла въ 4-мъ Сибирскомъ корпусѣ складывалось такъ: генералъ Коссовичъ съ Барнаульскимъ полкомъ и двумя батареями занималъ позицію на холмахъ къ востоку отъ сел. Сяліухецзы; генералъ Левестамъ съ Иркутскимъ, Томскимъ и Семипалатинскимъ полками сосредоточивался у Хамытаня; генералъ Мищенко со своимъ отрядомъ ночью отошелъ къ Хамытану, выдѣливъ находившіяся у него части Омскаго полка въ резервъ корпуса. Генералъ Шилейко двигался на присоединеніе къ генералу Коссовичу.

Ружейный огонь не стихалъ.

Въ 5-мъ часу утра положеніе праваго фланга г.-м. Коссовича начало становиться опаснымъ, такъ какъ отрядъ г.-л. Мау, занимавшій высоты Танхайши—Сяліухецзы, повидимому, сдалъ лѣвымъ флангомъ нѣсколько назадъ, вслѣдствіе чего японцы могли прорваться между отрядами генераловъ Коссовича и Мау, о чемъ еще ночью доносилъ командиръ Барнаульцевъ, полковникъ Добротинъ.

Части, собранныя г.-м. Огановскимъ въ резервѣ, были сильно утомлены боемъ 28 Сентября. Въ Томскомъ полку оставалось лишь 5 офицеровъ и около 1000 нижнихъ чиновъ. Потери въ

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 252.

Иркутскомъ и Семипалатинскомъ полкахъ, хотя и не были столь же тяжки, но все же доходили до 1000 человѣкъ въ обоихъ полкахъ.

Тѣмъ не менѣе пришлось обратиться къ расходованію этого небольшого резерва и еще до разсвѣта вновь направить въ бой Семипалатинскій полкъ, на правый флангъ г.-м. Коссовича.

Не увѣренный въ твердомъ занятіи войсками отряда г.-м. Мау сопки къ югу у самаго Хаматаня, составлявшей ключъ всей позиціи, г.-л. Зарубаевъ въ 5 ч. 30 м. утра приказалъ направить туда 2 баталіона Иркутскаго полка.

Въ 6 ч. 30 м. утра японцы изъ д. Сяліуходзы открыли ружейный огонь вдоль по дорогѣ, ведущей на Хамытань, по выходившему изъ Безымянной деревни Семипалатинскому полку. Командиру полка было приказано тотчасъ же развернуться, примкнуть лѣвымъ флангомъ къ Барнаульскому полку и по возможности заполнить прорывъ между этимъ полкомъ и отрядомъ г.-л. Мау.

„Открытый по Семипалатинцамъ огонь какъ бы послужилъ сигналомъ для общей канонады. Обѣ батареи участка оказались подъ ружейнымъ огнемъ. Наши цѣпи отвѣчали, батареи открыли по наступающимъ японцамъ бѣглый огонь: 3-я батарея при прицѣлѣ 18 (360 саж.), а 4-я батарея, стрѣлявшая на западъ, сначала при нулевомъ прицѣлѣ (картечное дѣйствіе), а потомъ при прицѣлѣ 14 (280 саж.); почти одновременно со своей пѣхотой открыли огонь и японскія батареи, расположенныя на югъ, западъ и юго-западъ отъ нашей позиціи. Нашимъ батареямъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ приходилось то отбивать пѣхотныя атаки японцевъ, то отбивъ ихъ, начинать состязаніе съ батареями противника. Уже къ 8-ми часамъ утра части пѣхоты и артиллеріи стали нести сильныя потери [1]“.

Въ это время, какъ было изложено въ описаніи боя 28 Сентября, г.-м. Шилейко подходилъ къ Янсанзаю, присоединивъ баталіоны Омскаго полка, бывшіе въ отрядѣ генерала Мищенко. Какъ было выяснено, опасное положеніе отряда генерала Коссовича побудило г.-м. Шилейко занять позицію къ югу и западу отъ Янсанзая двумя баталіонами Омскаго полка; къ югу и восточнѣе Янсанзая (сопки) двумя баталіонами Тобольцевъ, двумя ротами

---

[1] Сраженіе на р. Шахэ. Отч. Г.-А. Куропаткина, стр. 340—341.

стрѣлковъ 4-го В.-С. стрѣлковаго полка, съ 4-й батареей 1 В.-С. стрѣлковой артиллерійской бригады.

Между тѣмъ, позиція г.-м. Коссовича была подъ огнемъ съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Въ 4-й батареѣ 1-й Сибирской артиллерійской бригады къ 9-ти час. утра остался лишь одинъ офицеръ и 8 человѣкъ прислуги, могли дѣйствовать только 4 орудія, остальныя были подбиты. Атаки японской пѣхоты не прекращались. Число японскихъ батарей, дѣйствовавшихъ по позиціи, достигало 5—6.

Тѣмъ временемъ генералъ Мищенко, въ силу данныхъ ему указаній Командующимъ арміей, „охранять лѣвый флангъ 4-го Сибирскаго корпуса“, выдвинулся влѣво, къ востоку отъ высотъ, занимаемыхъ г.-м. Шилейко.

Въ 10-мъ часу утра къ общему резерву прибыли два баталіона 147 пѣх. Самарскаго полка, съ двумя батареями 43-й артиллерійской бригады.

Въ 9-мъ часу утра, получивъ свѣдѣніе о прибытіи отряда г.-м. Шилейко, Командиръ корпуса приказалъ ему направить Омскій полкъ на помощь генералу Коссовичу. Такъ какъ къ этому времени совершенно ясно обозначился глубокій обходъ нашего лѣваго фланга, то распоряженіе г.-м. Шилейко о занятіи имъ позиціи къ югу и юго-востоку отъ Янсанзая было утверждено. Въ распоряженіе же генерала Коссовича могло быть направлено лишь два баталіона Омцевъ съ батареей, которые и были поставлены въ тылу лѣваго фланга Барнаульцевъ. Таково было положеніе къ 9-ти час. утра 29 Сентября [1]).

Въ $10^1/_2$ час. утра 4-я батарея 1-ой Сибирской артил. бригады окончательно замолкла; послѣдовало приказаніе снять ее съ позиціи съ помощью пѣхоты. Какъ только люди начали свозить орудія, японцы замѣтили и открыли сильнѣйшій орудійный и ружейный огонь. Барнаульцамъ все-таки удалось спустить батарею съ гребня въ лощину. 3-я батарея продолжала еще бороться, но въ 11 час. утра она замолкла.

Между тѣмъ, японцы все усиливали огонь, „снарядовъ выпускалась ими такая масса, что стрѣльбу можно было назвать орудійными пачками. Подъ прикрытіемъ этого огня непріятельская пѣхота въ массахъ начала перебѣгать со стороны д.д. Цуньо и Сяліухедзы. Барнаульцы и Семипалатинцы держались стойко,

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Г.-А. Куропаткина, стр. 342.

но ряды ихъ таяли; выносъ большого числа раненыхъ также отвлекъ значительное число людей. Въ 12 часу утра на однихъ только Барнаульцевъ наступало не менѣе трехъ полковъ пѣхоты.

Въ эти тяжелыя минуты отрядъ г.-м. Коссовича могъ быть поддержанъ незначительными частями корпуснаго резерва. Постепенно на высоты къ югу отъ Хамытаня были высланы два баталіона Иркутскаго полка и одинъ изъ вновь прибывшихъ баталіоновъ Самарцевъ. Къ 11¹/₂ час. утра части Семипалатинцевъ, подавляемыя превосходными силами противника должны были податься на востокъ. Командиръ Барнаульцевъ раненъ. Къ этому времени, по мнѣнію командира 4-го Сибирскаго корпуса, уже назрѣла необходимость занять вторую позицію къ югу отъ Хамытаня, иначе являлась опасность для отряда быть отрѣзаннымъ.

Въ 11 ч. 30 м. утра командиръ корпуса послалъ Командующему Арміей слѣдующую телеграмму: „Барнаульскій полкъ, въ которомъ раненъ командиръ полка и почти всѣ офицеры, держаться не можетъ. Тобольскій и Томскій полки потеряли вчера половину состава. Сильная атака идетъ на позицію у Сяліухэцзы, несмотря на высланныя поддержки, слѣва идетъ обходъ значительныхъ силъ со стороны Нанчжанпу (Ицзяппу). Въ резервѣ имѣется лишь одинъ баталіонъ 37-й пѣх. дивизіи. Вынужденъ отвести войска на вторую позицію, южнѣе д. Янсайзай. Едва-ли на этой позиціи съ ослабленными силами при недостаткѣ орудійныхъ патроновъ буду въ состояніи держаться подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля. Генералу Штакельбергу сообщаю Ваше приказаніе двинуть 2-й Сиб. Корпусъ на Фыньдяпу“.

Отрядъ генерала Коссовича подъ сильнѣйшимъ огнемъ началъ отходить на вторую позицію. Уцѣлѣвшіе офицеры энергично руководили отходомъ, который былъ совершенъ въ порядкѣ. Особенно было тяжело перейти лощину, которую японцы обстрѣливали очень сильнымъ огнемъ и которую вслѣдствіе этого нижніе чины назвали „райской“. Г.-М. Коссовичъ получилъ приказаніе отъ командира корпуса принять подъ свое начальство всѣ части, выставленныя на позиціи и быть начальникомъ боевой линіи. Къ 12-ти часамъ дня на этой позиціи получился слѣдующій боевой порядокъ: большую сопку къ югу отъ Хамытаня занимали Иркутскіе баталіоны, къ которымъ присоединились и тѣ, что были посланы въ поддержку генералу Коссовичу. Влѣво, примыкая къ нимъ правымъ флангомъ, стояли три баталіона Семипалатинцевъ, еще далѣе влѣво стоялъ одинъ баталіонъ Омскаго полка; частный

резервъ этого участка образовали 2 баталіона Омскаго полка и 1 баталіонъ Самарцевъ.

На обратномъ скатѣ, къ востоку отъ сопки, занятой Иркутцами, позади Семипалатинцевъ, стояли пять орудій 1-й и 2-й батарей 1-й Сибирской артил. бригады (11 орудій выбыло изъ строя), далѣе 4-я батарея 43 артил. бригады, еще влѣво съ Омцами 1-й Сибирскій артил. дивизіонъ.

Восточнѣе былъ расположенъ отрядъ г.-м. Шилейко, въ составѣ баталіона Омскаго полка, 1½ баталіона Тобольцевъ, двухъ ротъ 4 В.-С. стрѣлковаго полка и 4-й батареи 1 В.-С. стрѣлк. артил. бригады. Къ общему резерву у Хамытаня собрался Барнаульскій полкъ и одинъ баталіонъ Самарскаго полка.

Къ этому времени удалось собрать и разсчитать на четыре роты остатки Томскаго полка, сюда же къ резерву подошли 2½ баталіона Тобольцевъ изъ отряда г.-м. Шилейко (28 Сентября). Сборомъ частей въ резервъ и приведеніемъ ихъ въ порядокъ руководилъ генералъ Огановскій; для лучшаго укрытія резерва онъ приказалъ подать его нѣсколько назадъ и расположить у Безъимянной деревни въ верстѣ къ сѣверу отъ Хамытаня.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ расположенія г.-м. Шилейко, нѣсколько уступомъ, стоялъ отрядъ г.-м. Мищенко.

Правѣе сопки, занятой Иркутскимъ полкомъ, былъ расположенъ отрядъ г.-л. Мау.

Непріятельскій огонь стихъ; части устраивались на позиціи [1]).

Около 4-хъ часовъ дня было получено донесеніе г.-л. Мау, что онъ счелъ себя вынужденнымъ „перевести отрядъ на позиціи у Иншоутуна“ и что отходъ войскъ начался. Сознавая, что съ отходомъ отряда г.-л. Мау, правому флангу корпуса держаться будетъ невозможно, г.-л. Зарубаевъ послалъ просить г.-л. Мау возвратить войска на прежнія позиціи и продолжать держаться [2]).

Послѣ 4-хъ часовъ дня японцы вновь стали усиливать огонь. Они такъ хорошо пристрѣлялись по занимаемымъ окопамъ, что ихъ снаряды ложились вблизи послѣднихъ и наносили значительныя потери. Нѣкоторыя роты были выведены изъ окоповъ шаговъ на 150 впередъ, благодаря чему уменьшилась убыль.

Снова началось наступленіе по всему фронту, части держались стойко, атака была отбита дружными залпами. Потребо-

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Г.-А. Куропаткина, стр. 345—346.
[2]) Тамъ-же, стр. 346.

валось нѣсколько усилить отрядъ г.-м. Шилейко, которому было послано изъ частнаго резерва отряда г.-м. Коссовича двѣ роты Омскаго полка. Отрядъ же г.-м. Коссовича былъ въ свою очередь усиленъ послѣднимъ баталіономъ Самарцевъ изъ корпуснаго резерва. Въ сумерки огонь опять стихъ [1]).

Стемнѣло. Впередъ были высланы секреты. На случай наступленія японцевъ, на нѣкоторыхъ участкахъ было приказано встрѣтить ихъ въ окопахъ молча штыками, безъ стрѣльбы, безъ крика „ура“, а лишь сомкнувшись плотнѣе другъ къ другу. Дѣйствительно, послѣ затишья японцы въ 11 часу открыли сильнѣйшій орудійный и ружейный огонь.

Въ 12 часу вечера начались атаки. Главный ударъ направлялся на сопку, занятую Иркутцами и Самарцами. 2-й и 3-й баталіоны Иркутскаго полка, занимавшіе сопку, получили приказаніе или „удержать ее, или умереть“. Къ ночи, въ ожиданіи атаки, цѣпи были сгущены и приведенное приказаніе повторено вновь. Японцы послѣдовательно произвели три атаки; первыя двѣ были отбиты ружейнымъ огнемъ, а послѣдняя штыковымъ ударомъ. Атака японцевъ производилась такъ: сначала былъ слышенъ гулъ отъ сбора войскъ, затѣмъ шумъ двигающихся колоннъ, который скорѣе угадывали, чѣмъ слышали, вслѣдъ затѣмъ раздавался дружный и единодушный крикъ „банзай“. Японцы обыкновенно не выдерживали гробового молчанія нашихъ ротъ и шаговъ съ 500 открывали очень частый огонь; получивъ дружный отпоръ, отступали.

Къ ночи всѣ батареи съ позиціи были сведены къ общему резерву, а потому атаки противника отражались исключительно ружейнымъ огнемъ.

Главная тяжесть японскихъ атакъ легла на Иркутцевъ и Самарцевъ. Атаки были отбиты блестяще.

Ночью разразилась сильная гроза съ холоднымъ дождемъ. Людей, взволнованныхъ боемъ, пришлось успокаивать еще и отъ случайнаго явленія природы: на штыкахъ, на усахъ и на всѣхъ выдающихся предметахъ показывались маленькіе блуждающіе огоньки, приводившіе людей въ суевѣрный трепетъ.

Между тѣмъ, сосѣднія съ Иркутцами части отряда генерала Мау, послѣ атаки очистили правофланговую сопку; частные резервы Иркутцевъ заняли ее.

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отч. Г.-А. Куропаткина, стр. 347—348.

Ружейная перестрѣлка не прекращалась всю ночь.

Несмотря на дурную погоду: холодъ, дождь и вѣтеръ, за ночь позицію укрѣпили [1]).

Заканчивая обзоръ боевой работы арміи 29 Сентября необходимо все-же придти къ заключенію, что несмотря на многія частныя неудачи нашихъ войскъ—положеніе наше далеко еще не было безнадежнымъ.

„Западный отрядъ отошелъ, въ общемъ, на 8 верстъ; центръ съ боя уступилъ полосу мѣстности въ 3—4 версты; Восточный отрядъ окончательно перешелъ къ оборонѣ. Такимъ образомъ, японцы, сдѣлавъ 29 Сентября крайнія усилія по всему фронту, всюду одержали успѣхъ. Но онъ дался имъ дорогою цѣной. Многія части были приведены въ полное разстройство, у русскихъ-же всюду выростали свѣжія части, которыя продолжали съ упорствомъ оборону. Несмотря на успѣхъ боя на 30 верстномъ протяженіи теченія р. Шилихэ, обстановка, создавшаяся къ вечеру 29 Сентября, являлась далеко не столь благопріятной, какъ то разсчитывалъ маршалъ Ойяма. Обходъ въ широкомъ смыслѣ русскаго расположенія съ запада не удался, такъ какъ за русскимъ правымъ флангомъ обнаружился сильный уступъ. Русскіе отошли прямо въ сѣверномъ направленіи. Отбросить ихъ въ сѣверовосточномъ направленіи и прервать ихъ сообщенія съ Мукденомъ оказалось невозможнымъ. Съ наступленіемъ японской арміи 12-я дивизія и отрядъ Умесавы остались значительно позади. Японская армія вытянулась на значительномъ протяженіи, многіе полки уже истратили всѣ свои силы, а оба фланга были открыты и надъ ними висѣли свѣжія русскія силы—VI Сибирскій корпусъ и отрядъ Дембовскаго съ запада, а съ востока—войска барона Штакельберга. Нигдѣ у японцевъ не оказалось достаточно силъ, чтобы навязчивымъ преслѣдованіемъ обратить неудачу русскихъ въ пораженіе.

Всѣ эти соображенія заставили маршала Ойяму, послѣ успѣшнаго боя 29-го Сентября, отказаться отъ первоначально поставленной цѣли—нанести русскимъ рѣшительное пораженіе. Директива, отданная имъ 29-го Сентября послѣ полудня, указывала задачу — оттѣснить русскихъ за р. Шахэ. „Если противникъ большими силами займетъ укрѣпленную позицію на правомъ берегу р. Шахэ, то его не должно болѣе атаковывать“. Итакъ,

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отч. Г.-А. Куропаткина, стр. 347—348.

упорство нашего центра не пропало даромъ—противникъ сильно ограничилъ свои стремленія[1])".

Не трудно, конечно, разбираться въ событіяхъ сейчасъ, имѣя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ обѣихъ сторонъ и болѣе или менѣе исправленныя карты. Въ тѣ минувшіе дни — событія, затуманенныя неясными данными о противникѣ, имѣли совсѣмъ другую окраску. Неудачныя атаки барона Штакельберга, отступленіе Западнаго отряда, съ потерей орудій, казались полною неудачей. Геройская оборона занятыхъ позицій, блестящій штурмъ Эндоніулу, масса другихъ подробностей, свидѣтельствующихъ о геройскомъ духѣ войскъ—все это начало выясняться впослѣдствіи, а въ дни боя въ высшемъ Командномъ персоналѣ не было этой счастливой догадки, этой проникновенности, свойственной Суворову, Скобелеву, которые умѣли почувствовать разстройства врага и въ критическую минуту удвоить и настойчивость въ достиженіи цѣли и моральную упругость руководимыхъ ими войскъ.

30-го Сентября.

Въ теченіе дня 30-го Сентября всѣ боевыя дѣйствія сгруппировались, главнымъ образомъ, въ центрѣ, противъ войскъ 4-го Сибирскаго корпуса. Въ Восточномъ и Западномъ отрядѣ происходили, главнымъ образомъ, лишь передвиженія войскъ и дѣло ограничилось лишь небольшими боевыми столкновеніями.

Между тѣмъ, Начальникъ Восточнаго отряда отъ атакъ на перевалы совершенно отказался, въ виду неуспѣховъ 28-го и 29-го Сентября, и окончательно перешелъ къ оборонѣ.

Въ двѣнадцатомъ часу дня Начальникъ Восточнаго отряда получилъ приказаніе Командующаго арміей о высылкѣ резерва (2-го Сиб. корпуса) въ поддержу генерала Зарубаева, въ центръ.

Въ виду того, что къ этому времени часть силъ 2-го Сиб. корпуса была двинута къ правому флангу 1-го Сиб. корпуса, чтобы парализовать выяснившееся здѣсь наступленіе противника, въ распоряженіе генерала Зарубаева могло быть двинуто лишь $6^1/_2$ баталіоновъ, при 4-хъ батареяхъ.

Около часа дня генералъ Штакельбергъ получилъ приказаніе стянуть весь Восточный отрядъ къ сѣверу и занять положеніе, обезпечивающее лѣвый флангъ арміи.

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 253--254.

Несмотря на то, что часть войскъ 2-го Сиб. корпуса къ этому времени ввязалась въ бой, складывавшійся удачно,—приказано было пріостановить атаку и отвести войска въ резервъ Восточнаго отряда. Такимъ образомъ, на операціяхъ Восточнаго отряда, казалось, сулившихъ такой успѣхъ, окончательно была поставлена точка.

Въ Западномъ отрядѣ—войска 10-го корпуса послѣ отступленія на линію р. Шахэ заняли позицію южнѣе д. Шахэпу, по линіи д.д. Чанлинза—Ламатунь.

Войска 17-го корпуса устраивались на позиціи Ламатунь—Линшинпу, имѣя за своимъ правымъ флангомъ еще уступную позицію Сыфонтай—Кудяза. Войска 6-го Сиб. корпуса работали по укрѣпленію позиціи на линіи Ланьшаньпу—Кудяза. На фронтѣ Западнаго отряда дѣла 30-го Сентября ограничивались лишь канонадой и частью—ружейной перестрѣлкой.

Въ центрѣ, въ 4-мъ Сибирскомъ корпусѣ, обстановка складывалась такъ:

Послѣ полуночи съ 29-го на 30-е Сентября въ штабъ 4-го корпуса, расположенный у Хамытаня, прибылъ урядникъ 4-го Уральскаго казачьяго полка Яковъ Андреевъ Силантьевъ, который доложилъ начальнику штаба корпуса, что направо, къ западу, нѣтъ ни одной пѣхотной части, что весь отрядъ генерала Мау ушелъ, и что по распоряженію Командующаго арміей эта Уральская сотня двинута, чтобы сторожевою цѣпью закрыть прорывъ между частями 1-го армейскаго и 4-го Сибирскаго корпусовъ.

Въ 1 часъ 50 мин. ночи командиръ 4-го Сибирскаго корпуса писалъ г.-л. Мау: „Получилъ свѣдѣнія, что Тамбовскій и Пензенскій полки опять отошли безъ всякой причины. Приказалъ баталіону Нейшлотскаго полка, посланному Вамъ въ поддержку, занять ихъ мѣста. Прошу не отходить. Вы ставите 4-й Сибирскій корпусъ въ безвыходное положеніе, а ему приказано держаться во чтобы то ни стало“.

Объ изложенномъ было донесено также Командующему арміей [1]).

Къ счастью, японцы не воспользовались отходомъ бригады генерала Мау и не заняли очищенныя нами позиціи, поэтому, г.-л. Мау удалось вновь занять эти позиціи безъ боя.

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Г. А. Куропаткина, стр. 399.

Для облегченія имъ занятія позиціи командиръ 4-го Сибирскаго корпуса приказалъ выдвинуть три новыя батареи 7-й артил. бригады, которыя стали на перевалѣ въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ Хамытаня фронтомъ на юго-западъ и немедленно открыли огонь въ направленіи на Двурогую сопку и селеніе Танхайши.

На позиціи корпуса пѣхотныя части занимали тѣ же участки, что и днемъ 29-го Сентября, за слѣдующей перемѣной: г.-м. Шилейко усилилъ свой правый флангъ и заполнилъ промежутокъ между участками—присланными въ его распоряженіе еще 29-го Сентября тремя ротами Омскаго полка.

Въ резервѣ у г.-м. Коссовича оставались двѣ роты того же полка и Томцы, сведенные въ баталіонъ; около 11 час. утра пришелъ Барнаульскій полкъ.

Батареи нѣсколько измѣнили свои мѣста въ видахъ затрудненія противнику пристрѣлки. Выѣхавшія батареи были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ и принуждены были сначала выбивать засѣвшую на сопкахъ, въ разстояніи менѣе версты, японскую пѣхоту и только послѣ этого могли перенести огонь на батареи противника.

Съ разсвѣтомъ японцы открыли по всему фронту огонь. Окопы поражались мѣстами такъ сильно, что на нѣкоторыхъ участкахъ позиціи части изъ окоповъ продвигались впередъ во избѣжаніе потерь. Такое движеніе вводило въ заблужденіе японцевъ, очевидно полагавшихъ, что мы сами переходимъ въ наступленіе, вслѣдствіе чего они пріостановили свое движеніе впередъ.

Въ 9-мъ часу утра генералъ Коссовичъ доносилъ: „обстановка боя походитъ на вчерашнее утро; лидитная батарея справа обстрѣливаетъ уже тылъ лѣваго фланга; батарея слѣва обстрѣливаетъ тылъ праваго фланга и вообще всѣ позиціи и тылъ ея обстрѣливаются перекрестнымъ огнемъ. Позиція наша опять имѣетъ видъ подковы“.

Къ 9 часамъ утра обстановка складывалась слѣдующимъ образомъ; на всемъ фронтѣ шелъ бой, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, обезпечивая весь боевой порядокъ 4-го Сибирскаго корпуса отъ обхода, съ ранняго утра велъ горячій бой генералъ Мищенко. Въ резервѣ корпуса находились 7 баталіоновъ 22 пѣх. дивизіи (4 бат. Выборгскаго и 3 батал. Нейшлотскаго) и 2-я батарея 43 артил. бригады.

Части отряда генерала Мау двигались на высоты Танхайши—Сяліухедзы; туда же была выслана охотничья команда 85 пѣх. Выборгскаго полка.

Въ 10-мъ часу утра получены были свѣдѣнія о томъ, что отрядъ генерала Мищенко находится въ тяжеломъ положеніи. Отъ 10 часовъ утра генералъ Мищенко доносилъ слѣдующее: „Необходима немедленная поддержка цѣлымъ полкомъ съ артиллеріей. Сейчасъ на насъ идетъ сильное наступленіе, но, что всего хуже, насъ обходятъ слѣва. 4-й В.-С. стрѣлковый полкъ дерется молодецки, но уже весьма большая убыль въ людяхъ; батареѣ необходимо стать справа отъ занимаемой позиціи, большая убыль въ офицерахъ. Прошу еще разъ немедленно поддержки“.

Въ то же время отъ командира 1-го Читинскаго казачьяго полка, полковника Павлова, командовавшаго лѣвымъ флангомъ расположенія отряда генерала Мищенко, прибылъ офицеръ съ просьбой объ оказаніи помощи пѣхотными частями, такъ какъ лѣвый флангъ его все болѣе и болѣе обходится противникомъ.

Въ виду этого, были направлены изъ резерва корпуса баталіонъ Выборгскаго полка съ батареей 7-й артил. бригады на правый флангъ боевого порядка генерала Мищенко, а два баталіона того же полка лѣвѣе Читинцевъ, при чемъ за лѣвымъ флангомъ Выборгцевъ стала 2-я батарея 43 артил. бригады, фланкировавшая противника. Принятыми мѣрами обходъ лѣваго фланга противникомъ пріостановленъ.

Съ 10 час. утра начали поступать къ генералу Коссовичу просьбы съ праваго фланга отъ баталіоновъ Иркутскаго полка о помощи. Туда были посланы двѣ роты Томскаго полка, другія двѣ роты двинуты на подкрѣпленіе участка г.-м. Шилейко. Къ центру—Семипалатинскому полку и баталіону Омскаго—были высланы остальныя двѣ роты того же полка. Въ частномъ резервѣ оставался только Барнаульскій полкъ и охотничья команда.

Начальникамъ участковъ было послано приказаніе „удержаться на позиціяхъ, во что бы то ни стало, возможно экономнѣе расходовать резервъ, такъ какъ болѣе подкрѣпленія ждать неоткуда“.

Въ виду того, что части отряда генерала Мау еще двига-

лись, то опасаясь за правый флангъ Иркутцевъ, послѣдніе были подкрѣплены еще однимъ баталіономъ Нейшлотскаго полка [1]).

Съ полудня наступило сравнительное затишье. Въ 11 часовъ 20 мин. утра Командующій арміей прислалъ слѣдующее приказаніе: „Ночью японцы вынудили 17-й корпусъ къ отступленію къ р. Шахэ; за 17-мъ корпусомъ отступилъ и 10-й корпусъ“. „Вынужденнымъ нахожусь приказать очистить занимаемыя Вами позиціи къ югу отъ Хамытаня и отойти, нѣсколько къ сѣверу, на позицію, по Вашему усмотрѣнію [2])“.

Обстановка пока не измѣнилась; части держались твердо.

Командиръ 4-го Сибирскаго корпуса полагалъ, что немедленное отступленіе войскъ имѣло бы слѣдствіемъ—занятіе японцами цѣлой гряды командующихъ высотъ, подковой огибавшихъ мѣстность, по которой надо было уходить. „Близкихъ удобныхъ позицій не было. Отступать необходимо было сразу къ Шахэ“. Кромѣ того, ближайшій тылъ былъ загруженъ ранеными, требовалось время на эвакуацію.

Въ виду изложеннаго, г.-л. Зарубаевъ рѣшилъ держаться до темноты, дабы избавить корпусъ отъ полнаго разстройства, о чемъ были посланы донесенія командующему арміей и генералу барону Мейендорфу. Около часу дня наступило затишье. Чувствовалось, что японцы собираются съ силами для новой атаки. Дѣйствительно около 3 часовъ дня, точно по командѣ, открылся сильнѣйшій артиллерійскій огонь; стрѣляло не менѣе 12—15 батарей (?) съ трехъ сторонъ, такъ что тылъ позиціи прорѣзывался продольно артиллерійскими снарядами. Въ это время послышалась артиллерійская пальба далеко влѣво и впередъ: то, очевидно, былъ Восточный отрядъ. Сразу явился сильный подъемъ духа; начавшееся наступленіе японцевъ и ихъ сильный огонь были встрѣчены бодро и спокойно.

Но около $3^1/_2$ часовъ дня съ удивленіемъ замѣтили, какъ частями отряда генерала Мау правильными колоннами покидали свои сопки, составлявшія естественное продолженіе позицій корпуса, и спокойно уходили назадъ.

Въ виду того, что между позиціей корпуса и оставленными частями генерала Мау была долина, выходившая къ д. Хамытань, т. е. въ глубокій тылъ отряда, генералъ Коссовичъ рѣшилъ продвинуть

---

1) Отчетъ Ген.-Ад. Куропаткина. Сраженіе на р. Шахэ, стр. 401—402.
2) Тамъ же, стр. 402.

правый флангъ расположенія отряда до этой долины, для чего былъ посланъ Барнаульскій баталіонъ.

Японскія атакующія части нѣсколько разъ подходили до 1000 шаговъ, но были отбиваемы ружейнымъ огнемъ. Артиллерійскій огонь былъ такъ силенъ, что вершины сопокъ, занятыхъ Иркутцами и Семипалатинцами, были окутаны дымкой отъ разрыва многочисленныхъ снарядовъ. Наша артиллерія также сильно терпѣла отъ огня и орудія пришлось убирать на рукахъ. Атаки японцевъ становились упорнѣе.

Въ 6-мъ часу вечера, вправо отъ расположенія корпуса, на высотѣ праваго его фланга, въ долинѣ отъ Двурогой сопки, появилось нѣсколько японскихъ батарей, ясно видимыхъ невооруженнымъ глазомъ и сосредоточившихъ такой огонь по тылу всей позиціи и по боевой части генерала Коссовича, что, казалось, японцы только однимъ огнемъ отрѣжутъ путь отхода отряда. Всю долину заволокло дымомъ. Оставшіеся баталіоны Барнаульцевъ подкрѣпили Иркутскій полкъ.

Послѣ 5 часовъ г.-л. Зарубаевъ отдалъ приказаніе привести въ исполненіе отданный еще до $3^1/_2$ час. дня и тогда же разосланный приказъ объ отходѣ. Отходъ надлежало начать съ наступленіемъ темноты. Такъ какъ сумерки начались уже въ 6 часовъ, то было рѣшено убирать сейчасъ же всѣ батареи, которыя и были выкачены на рукахъ.

Барнаульцы прикрывали отходъ отряда съ праваго и средняго участковъ. Генералу Шилейко, положеніе котораго было не столь тяжелое, послано приказаніе отойти послѣднимъ, облегчивъ, по возможности, отходъ остальныхъ участковъ. Отступленіе началось послѣ 6-ти часовъ вечера; наши части мѣстами нѣсколько разъ переходили въ контръ-атаку и отбрасывали японцевъ. Покинутые нами окопы были немедленно заняты противникомъ, который поставилъ три горныя батареи и сильнымъ огнемъ провожалъ отступающія части.

Верстахъ въ двухъ съ половиной къ сѣверу отъ Хамытаня развернулся арріергардъ г.-м. Новикова. Части отряда г.-м. Коссовича, подъ прикрытіемъ этого арріергарда, стягивалось на ночлегъ къ д. Фындяпу на р. Шахэ.

Изложенными событіями закончились бои 4-го Сибирскаго армейскаго корпуса [1]).

---

[1]) Отчетъ Г.-А. Куропаткина. Сраженіе на р. Шахэ, стр. 402—405.

Особенно отличился въ этой доблестной оборонѣ весь составъ отряда генерала Мищенки. Несмотря на огромныя потери, спѣшенныя части коннаго отряда работали наравнѣ со стрѣлками 4-го В.-С. стр. полка, подчиненнаго генералу Мищенки. Наша Военно-Историческая комиссія отмѣчаетъ слѣдующій эпизодъ изъ боя 10-й роты 4-го В.-С. стр. полка:

„Капитанъ Триковскій стоялъ въ разстегнутомъ мундирѣ на окопѣ съ револьверомъ въ рукахъ среди такъ-же поднявшихся на насыпь 20—25 стрѣлковъ и 12—15 Выборгцевъ. Одинъ изъ стрѣлковъ схватилъ камень, съ ругательствомъ бросилъ его впередъ, что начали дѣлать и другіе нижніе чины, бывшіе на лѣвомъ участкѣ. Въ эту минуту трое стрѣлковъ поднесли 6 жестянокъ съ патронами, изъ окопа снова затрещалъ огонь пачками и, когда я подбѣжалъ къ капитану Триковскому (доноситъ вр. командующій полкомъ) атака японцевъ была уже имъ отбита. Передніе убитые лежали въ 15 шагахъ отъ окоповъ и весь скатъ шаговъ на 800 былъ усѣянъ тѣлами непріятеля [1])“.

Части 1-го Армейскаго Корпуса, занимавшія въ день 30 Сентября высоты къ югу отъ с. Тунсанхо,—имѣли лишь артиллерійскую и ружейную перестрѣлку. Въ виду отхода 10-го Армейскаго корпуса къ сѣверу, позиція 1-го Армейскаго корпуса оказалась слишкомъ выдвинутой впередъ, съ оголеннымъ правымъ флангомъ. Этимъ объясняется то, что 1-й Армейскій корпусъ сталъ подаваться на сѣверъ еще днемъ 30-го Сентября, увлекая за собою и отрядъ Генерала Мау. Этотъ послѣдній самыми энергичными мѣрами снова возвращался назадъ съ Генераломъ Зарубаевымъ.

Къ ночи части 1-го Армейскаго корпуса сосредоточились на Яншоутунскихъ высотахъ, имѣя уступомъ назадъ и справа—88-й Петровскій полкъ, съ батареей на высотахъ у д. Пуцаова.

Начиная съ 30-го Сентября японцы оставляютъ почти безъ вниманія войска нашего Восточнаго отряда и вся ихъ энергія направляется на то чтобы оттѣснить еще далѣе къ сѣверу войска Западнаго отряда и прорвавъ нашъ центръ, отрѣзать Восточный отрядъ отъ путей отступленія къ Мукдену.

Такимъ образомъ главнѣйшая боевая работа въ послѣдующіе дни, главнымъ образомъ, группируется въ раіонѣ Западнаго отряда и въ центрѣ.

---

[1]) Военно-Ист. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 280.

1-е Октября.

За день 1-го Октября части Восточнаго отряда уже поддались къ сѣверу и подравнялись по фронту съ центромъ и Западнымъ отрядомъ. Части отходили въ спокойной обстановкѣ и боевыя столкновенія были лишь на фронтѣ 2-го Сиб. Корпуса около „сопки съ кумирней", которую мы сначала отбили у японцевъ, но потомъ добровольно очистили.

Отряды Генерала Самсонова и Любавина прикрыли отходъ 3-го Сиб. Корпуса и отряда Генерала Ренненкампфа, наиболѣе удаленныхъ отъ центра и Западнаго отряда.

Вечеромъ Генералъ Баронъ Штакельбергъ получилъ приказаніе выдѣлить съ разсвѣтомъ изъ состава Восточнаго Отряда 1-й Сибирск. Корпусъ и направить его къ центру, въ раіонъ Санцзяцза—Лосянтунь.

Въ Западномъ отрядѣ въ этотъ-же день суждено было вновь разыграться цѣлой серіи крупныхъ боевыхъ столкновеній, при весьма тяжелой обстановкѣ.

Начальникъ Западнаго отряда Генералъ Баронъ Бильдерлингъ получилъ къ 1-му Октября въ свое подчиненіе и 6-й Сиб. Корпусъ и отрядъ Генерала Дембовскаго (войска 5-го Сиб. Корпуса). Эти подкрѣпленія рѣшено было выдвинуть прежде всего на одну высоту съ войсками Западнаго отряда. Между тѣмъ положеніе 10-го и 17-го армейскихъ корпусовъ уже ночью на 1-е Октября стало тяжелымъ.

Еще наканунѣ, 30-го Сентября, предусматривалась вѣроятность атаки японцами центра позиціи 10-го корпуса на Хоутхайскую сопку, въ виду тактическаго значенія этого пункта и растянутаго положенія всей позиціи, слабо занятой войсками корпуса „ослабленнаго командированіемъ бригады 9-й дивизіи для поддержки 17-го корпуса.

Въ ночь на 1-е Октября войска 10-го корпуса были расположены слѣдующимъ образомъ: Общее начальство надъ боевой частью было возложено на командующаго 9-й дивизіей Генерала Гершельмана.

„Вершина Хоутхайской сопки была занята 4-мъ бат. Сѣвскаго полка, командиръ этого баталіона Подполковникъ Карповъ былъ назначенъ комендантомъ сопки. Примыкающіе къ сопкѣ окопы до д. Юделлада, а также и эта послѣдняя, заняты были Козловскимъ полкомъ. Участокъ позиціи между д.д. Юделлада и

Ламатунь оборонялся двумя баталіонами Воронежскаго полка, а далѣе къ востоку лѣвый участокъ отъ Хоутхайской сопки до д. Чанлинза оборонялся 1-й бриг. 9-ой пѣх. дивизіи и двумя баталіонами Воронежскаго полка. Артиллерія размѣщена была на обоихъ берегахъ Шахэ; дивизіонъ 31-й арт. бригады—на правомъ берегу, подъ прикрытіемъ баталіона Брянскаго полка, занималъ позицію между д.д. Шахэпу и Ламатунь, а дивизіонъ 9-ой арт. бригады расположенъ былъ въ окопахъ къ сѣверу отъ д. Юделлада. Резервъ составлялъ одинъ баталіонъ Елецкаго полка, расположенный у д. Шахэпу [1])".

Около 3½ часовъ ночи японцы повели атаки на Хоутхайскую сопку и на д. Юделладу. Первоначально атаки были отбиты, но въ концѣ концовъ Подполковникъ Карповъ очистилъ сопку, а передъ разсвѣтомъ пѣхота очистила и д. Юделладу, не предупредивъ объ этомъ стоявшій къ сѣверу—дивизіонъ 9-ой арт. бригады Подполковника Смоленскаго.

Вытѣснивъ нашу пѣхоту изъ д. Юделлада, японцы ворвались и на позицію артиллеріи. Послѣдствія получились самыя ужасающія. Вотъ какими словами описываетъ этотъ кровавый эпизодъ П. Красновъ, жившій, какъ корреспондентъ, въ 10-мъ Корпусѣ, и пережившій это событіе вмѣстѣ съ немногими уцѣлѣвшими участниками боя:

„До разсвѣта еще было далеко, всего было 3 часа ночи, когда впереди батареи раздались ружейные выстрѣлы. Въ ночной тишинѣ они отдались гулко и громко и, смѣшавшись со свистомъ пуль, нарушили тишину ночи и напряженное молчаніе батареи. Батарея проснулась. Появились офицеры. Номера стали при орудіяхъ. Черезъ минуту неумолкая затрещали пачками японцы и начались сухіе и отрывочные залпы нашихъ. Ночное нападеніе состоялось. Полковникъ Смоленскій приказалъ вынуть установленные на картечь патроны, поставить прицѣлы на 50—65 дѣленій и открыть стрѣльбу по площадямъ впереди лежащихъ деревень съ цѣлью обстрѣлять могущіе тамъ скрываться резервы атакующаго непріятеля.

Ночь не спала уже больше. Тяжелые удары пушечныхъ выстрѣловъ, скрипъ снарядовъ, непрерывный трескъ ружей, командные крики—прогнали тѣ таинственныя тѣни, что шуршали

---

[1]) В.-Ист. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 286.

и шептались въ серебристомъ сумракѣ не разбуженной еще людьми ночи.

Но вскорѣ все стихло. Отбили наши атаку японцевъ или они сами отошли—на батареяхъ не знали. На батарѣе воцарилась тишина. Говорить не хотѣлось. Трудно было бороться съ предъутренней дремой. Легкій туманъ сгущался. Луна скрылась и только звѣзды кротко мигали на какъ будто раздавшемся, разширившемся небѣ.

Но тишина длилась не долго. Въ 4 часа утра, впереди у деревни и сопки, загорѣлась частая непрерывная перестрѣлка и долго не умолкала. Выстрѣлы какъ будто приближались. Чувствовалось, что врагъ насѣдаетъ. Батареи снова открыли огонь съ прицѣломъ 40 по прежнимъ площадямъ, но, выпустивши нѣсколько очередей, замолчали. Огонь продолжался около получаса и снова все затихло. Какая это была томительная тишина! Что-то зловѣщее уже висѣло въ воздухѣ. Но на батарѣе никто не замѣчалъ этого и счастливые приближающимся разсвѣтомъ люди готовились къ болѣе легкому дневному бою. Батареи пополнили патроны. Къ ротѣ прикрытія пріѣхала кухня и люди сошлись изъ окопа, чтобы горячимъ чаемъ подкрѣпить свои силы послѣ безсонной ночи. Новый день боя готовился вступить въ свои права.

Наступалъ туманный разсвѣтъ. Гасли одна за другой звѣзды. Еще было темно, но за этой темнотой какъ бы уже чувствовался источникъ свѣта, и туманъ изъ серебристаго становился розовымъ. У деревни впереди опять затрещали ружья, батареи открыли бѣглый огонь съ установкой на 40 дѣленій и сейчасъ же замолчали. Огонь стихъ. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Мимо батарей проворно проходила измученная пѣхота. Полковникъ Смоленскій приказалъ офицерамъ собрать людей и оставаться при орудіяхъ.

Чувствовалось что впереди что-то произошло, но что—никто не зналъ. Теперь вся батарея была наготовѣ. Полковникъ Смоленскій и батарейные командиры стояли на брустверахъ и вглядывались въ даль. Вдругъ въ волнахъ тумана показалась темная линія надвигавшихся людей. Прошло двѣ, три томительныя минуты. Силуэты обратились въ людей, стали видны краски.. Это были солдаты въ шинеляхъ и фуражкахъ съ бѣлыми околышами, между ними видѣлись люди въ бѣлыхъ папахахъ.

Они шли къ батареямъ быстрымъ шагомъ, постепенно заги-

бая правымъ флангомъ впередъ. Ружья они несли на плечо. Сзади нихъ виднѣлись еще темныя линіи людей и оттуда раздавались выстрѣлы.

„Ваше высокоблагородіе, это японцы“: воскликнулъ кто-то изъ солдатъ, бывшій близко отъ Смоленскаго. Нѣтъ это свои это наша пѣхота,—отвѣчалъ командиръ дивизіона и, спустившись набросалъ донесеніе, что наша пѣхота отходитъ и онъ несчитаетъ возможнымъ оставаться съ батареями на этой позиціи. Подпоручикъ Гудимъ открылъ огонь своей полуротой и отправилъ кухню назадъ. Но его огонь сейчасъ же былъ остановленъ по приказанію полковника Смоленскаго, все еще увѣреннаго, что это наша пѣхота.

Опасаясь поражать ее и желая обстрѣлять тѣхъ, которые шли сзади, полковникъ Смоленскій приказалъ батареямъ открыть бѣглый огонь съ установкой прицѣла не менѣе 30 дѣленій.

Между тѣмъ цѣпи спустились съ сопки и быстро охватывали лѣвый флангъ 6-й батареи. Разстояніе между ними и батареей быстро уменьшалось; а недоразумѣніе продолжалось: „Это японцы“—говорили одни,—„нѣтъ, наши, смотрите бѣлые околыши —нашего пѣхотнаго полка“. И вотъ ближе и ближе, уже всего полторасто шаговъ отдѣляетъ ихъ отъ орудій. Теперь ясно видно, что это японцы. Однотипныя морды, одинаковые черные усы. . . .

„Бѣглый огонь, трубки на ноль“. . . . раздается команда, но уже поздно. . . . Шрапнель не картечь, она рвется сзади приноситъ слишкомъ мало пораженій, она не въ силахъ остановить стремительную атаку японцевъ. Прикрытія кидаются къ батареѣ и открываютъ жестокій огонь по японцамъ. На секунду они сдержали порывъ японцевъ, но въ слѣдующій мигъ японцы уже были на батареяхъ. Батареи, какъ самостоятельныя единицы, умерли и начали порознь умирать тѣ лица, которыя одушевляли ихъ, которыми жили и дѣйствовали пушки. . . .

По Мандаринской дорогѣ двигались густыя колонны японцевъ; батареямъ и прикрытію оставалось одно изъ двухъ: или бѣжать, бросивъ все, укрываясь балками, или умереть. Никто не колебался. Вѣрные своему долгу, офицеры и солдаты остались на батареяхъ.

Наступила мучительная агонія ихъ. Она продолжалась не долго. Нѣсколько минутъ... Но эти нѣсколько минутъ были такъ тяжелы, что много дней прошли съ тѣхъ поръ, а оставшіеся въ

живыхъ все еще не могутъ оправиться отъ тяжелаго нравственнаго потрясенія.

Однимъ изъ первыхъ, пораженный пулей, упалъ Смоленскій. Къ нему кинулись его солдаты, но онъ не позволилъ нести себя, а приказалъ убирать затворы и стрѣляющія приспособленія. Самъ же, въ смертельной агоніи, вползъ на брустверъ и оттуда смотрѣлъ, какъ умирала 4-я батарея. Теперь уже никто не стрѣлялъ изъ орудій. Не было ни пачекъ, ни залповъ, а шла страшная штыковая работа. Иногда раздается одинокій выстрѣлъ и прерветъ чье либо тяжелое хрипѣнье.

Первые проблески зари освѣтили отчаянную рукопашную схватку. Одинаково одѣтые люди дрались до изнеможенія. Дорого продавали свою жизнь артиллеристы и прикрывавшіе артиллерію пѣхотинцы и японцы пробивали штыками и прикладами черепа уже лежащимъ на землѣ солдатамъ.

Каждый человѣкъ сталъ героемъ. Тутъ передъ лицомъ смерти все позабылось. Домъ, семья, всѣ радости жизни. Тутъ или дрались до безумія, съ пѣной у рта, или спасали раненыхъ, обезцѣнивали орудія, вынимая изъ нихъ затворы, прицѣлы, стрѣляющія приспособленія.

Смертельно раненый штабсъ-капитанъ Исаевъ бросился на брустверъ и выпустилъ всѣ патроны изъ своего револьвера по окружавшимъ его со штыками японцамъ. — „Не бросайте орудія!“—въ предсмертныхъ судорогахъ говорили офицеры.

Передки кидались въ эту кипень людской борьбы и раненые люди поднимали забытые орудія и падали тутъ же среди страшной бойни. Видя гибель лошадей, командиръ роты капитанъ Петкевичъ приказалъ своимъ людямъ увозить орудія на себѣ. Младшій офицеръ его роты подпоручикъ Ждановъ уже кинулся въ самую сѣчу, ведя за собою людей, уже взяли и повезли они два орудія, но убитый палъ Ждановъ, пали и тѣ, кто потащилъ эти орудія.

Врядъ ли помнили и соображали въ эти минуты люди то, что они дѣлали. Они знали одно, что потеря орудій несмываемымъ позоромъ ляжетъ на ихъ совѣсть и они предпочитали умереть за нихъ; и низкія пушки, эти куски желѣза, стали и дерева, покрывались тѣлами храбрыхъ во имя чести русской артиллеріи и пѣхоты. Даже раненые не бросали своего дѣла. Штабсъ-капитанъ Лунскій, раненый однимъ изъ первыхъ, наскоро перевязавшись у Шахепу, бросился снова къ уже занятой японцами

батареѣ и съ оставшимися въ живыхъ поручиками Студенцовымъ, Животовскимъ и Брянчаниновымъ, собиралъ отходившихъ людей и снова велъ ихъ въ бой, пытаясь отнять дорогія орудія. Тутъ не было чиновъ, не было частей. Артиллеристы, пѣхотинцы всѣ стали русскими людьми и всѣ равно бились за русскія пушки, за честь своего мундира. Неохотно уходили раненые. Живые старались, если не увезти, то дорого отдать свои орудія.

4-я батарея, какъ нѣсколькими мгновеніями позже охваченная потокомъ японской атаки, успѣла унести всѣ замки и стрѣляющія приспособленія. Взводный фейерверкеръ этой батареи, Павелъ Калачникъ, оставшись за старшаго при передкахъ этой батареи и видя, что попытки сосѣдей увезти орудія кончились гибелью лошадей, подъ сильнымъ огнемъ, отвелъ передки, искусно лавируя по балкамъ, и тѣмъ спасъ конскій составъ батареи отъ неминуемой гибели. Канониръ 4-й батареи, Кириллъ Левада, схвативъ у убитаго солдата винтовку и патроны, прикрывалъ своею стрѣльбою товарищей, уносившихъ замки отъ орудій. Бросавшіеся на него японцы, всѣ были поражены его мѣткими и спокойными выстрѣлами. Батарея пустѣла постепенно. Медленно и неохотно уходили съ нея люди. Фельдшеръ Семенъ Дмитренко до конца оставался въ окопѣ, перевязывая раненыхъ, и ушелъ послѣднимъ.

5-й батареи канониръ Гордѣй Кормухинъ поднялъ на могучія плечи свои раненаго въ ногу поручика Крамарева и несъ его на себѣ до тѣхъ поръ, пока самъ не упалъ раненый въ обѣ ноги. Ему помогалъ канониръ Логинъ Роговъ, но когда Кормухинъ былъ раненъ, Роговъ одинъ донесъ своего офицера до перевязочнаго пункта.

И все это дѣлалось подъ градомъ пуль, дѣлалось тогда, когда подойти къ раненому это было идти на вѣрную смерть, на вѣрныя раны. Канониры Модестъ Перчукъ и Михаилъ Протоцкій, увидѣвъ что ихъ фейерверкеры ранены, вынесли каждый своего фейерверкера.

Когда 5-я батарея потеряла убитыми и ранеными всѣхъ офицеровъ и почти всю прислугу, а японцы были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ батареи, взводные фейерверкеры Семенъ Кротковъ, Василій Маховъ, и канониры Николай Чеченъ и Ефимъ Пындекъ остались одни при своихъ орудіяхъ и, работая сами, успѣли еще дать по нѣсколько выстрѣловъ по японцамъ и отошли отъ орудій только тогда, когда японцы бросились въ штыки и вскочили на

бруствера ложементовъ. Въ той же батареѣ фельдфебель Андрей Далниченко и младшій фейерверкеръ Архипъ Кондратенко, увидѣвши, что лошади, подававшія передокъ, испуганныя окружавшей свалкой, опрокинули его, несмотря на то, что кругомъ были японцы, выпрягли лошадей и тѣмъ спасли ихъ.

Больше и скорѣе всего пострадала 6-я батарея. Потерявши всѣхъ офицеровъ, кромѣ поручика Животовскаго, поскакавшаго за передками, она осталась безъ начальниковъ и безъ прислуги.

Но тѣ, что остались еще въ живыхъ, частью уже раненые, не теряли надежды на спасеніе батареи.

Взводный фейерверкеръ Маркъ Калишевскій, вмѣстѣ съ раненымъ фейерверкеромъ Иваномъ Старченко и бомбардиромъ-наводчикомъ Лаврентіемъ Шимашикомъ, собирали отступавшую пѣхоту въ свой окопъ и вмѣстѣ съ нею отстрѣливались отъ японцевъ, пока не были выбиты штыками, причемъ Шимашикъ былъ убитъ. Доведенные до отчаянія, сознавши, что уже нѣтъ больше спасенія, люди хотѣли сдѣлать хотя что либо. 6-й батареи бомбардиръ-лаборатористъ Иванъ Диденко, вынулъ рукоять затвора изъ орудія, понесъ ее съ батареи, но въ это время замѣтилъ раненаго младшаго фейерверкера Григорія Морозова. Несмотря на то, что кругомъ уже завершался финальный аккордъ кровавой драмы, Диденко остановился, закопалъ рукоять затвора и вынесъ изъ огня Морозова.

Даже раненые, въ тяжелыхъ мученіяхъ, люди помнили свой долгъ и не думали о личномъ спасеніи. Канониръ Ѳедоръ Гусаровъ вынулъ стрѣляющій механизмъ изъ своего орудія и пошелъ съ батареи, занимаемой японцами, но въ это время услышалъ окликъ—„помоги!“. Его звалъ бомбардиръ-наводчикъ Присяжнюкъ, несшій изъ окопа раненаго поручика Лещинскаго. Они проходили подъ перекрестнымъ огнемъ японцевъ и Присяжнюкъ, вскорѣ былъ убитъ. Гусаровъ понесъ одинъ трупъ уже скончавшагося у нихъ на рукахъ Лещинскаго и несъ его до тѣхъ поръ, пока не получилъ самъ мучительной раны въ мочевой пузырь.

Тогда только оставилъ онъ трупъ убитаго Лещинскаго, но стрѣляющій механизмъ донесъ все таки до перевязочнаго пункта, гдѣ и сдалъ его фельдшеру. Ѣздовые Петръ Гришкинъ и Степанъ Палевинъ прорвались со своимъ передкомъ въ самую чащу боя, канониръ Матвѣй Сивковъ подавалъ имъ орудіе... Но лошади

были убиты подскочившими японцами, а сами они ранены и, отбиваясь саблями, проползли на перевязочный пунктъ.

Батарейный фельдшеръ Павелъ Медяникъ перевязалъ въ батарейномъ окопѣ всѣхъ раненыхъ и вынесъ на себѣ всѣ переданныя ему части орудій.

Славно и честно сражались батареи полковника Смоленскаго, мстя за смерть своего начальника. Достаточно сказать, что 5-я батарея потеряла всѣхъ своихъ офицеровъ и 64 нижнихъ чиновъ; 6-я батарея потеряла 4-хъ изъ 5-ти офицеровъ и 59 человѣкъ прислуги; 4-я батарея во время этой суматохи дала 10 залповъ, привела орудія въ негодность и потеряла командира батареи, одного офицера и 16 человѣкъ прислуги; ѣздовые пятой батареи, пытавшіеся подать передки, потеряли 100 лошадей изъ 114...

Въ эту тяжелую ночь пѣхотное прикрытіе умирало вмѣстѣ съ артиллеристами на батареяхъ. Находившаяся при 5-й батареѣ рота, подъ командою подпоручика Гудима, и при прапорщикѣ Казначеевѣ, имѣя въ своемъ составѣ 158 человѣкъ, бросилась на японцевъ въ штыки. Подпоручикъ Гудима былъ убитъ, но рота не дрогнула; ее продолжалъ вести Казначеевъ и велъ, пока его не ранили въ колѣно. Тогда команду принялъ фельдфебель Бугайцевъ, но и онъ вскорѣ палъ, тяжело раненый... Рота дралась безъ начальника.

Когда разсвѣло и солнце освѣтило унылую картину мертвыхъ батарей, къ нашему резерву пришло 7 человѣкъ пѣхотнаго прикрытія. Это были послѣдніе, которые ушли вмѣстѣ съ артиллеристами. Раньше уносили раненыхъ, но и такихъ было немного. Къ вечеру отъ одной изъ ротъ прикрытія набралось 35 человѣкъ; 80% потерь вынесла эта доблестная рота, свято погибавшая на своемъ посту.

Остальныя двѣ роты прикрытія держались еще нѣкоторое время. Когда капитанъ Петкевичъ, командиръ одной изъ этихъ двухъ ротъ, былъ взятъ въ плѣнъ, а подпоручикъ Ждановъ, смѣнившій его, былъ убитъ, ротами командовалъ командиръ другой роты зауряд-прапорщикъ Лабунинъ. Но и онъ былъ раненъ. Роты принялъ фельдфебель Черкашинъ, отведшій жалкіе остатки ихъ къ резерву [1])...

Постепенно развивая свой успѣхъ, японцы около 10 ч. утра

---

[1]) П. Красновъ. Годъ войны, т. II, стр. 49—52.

вытѣснили уже части 10-го корпуса изъ южной половины д. Шахэпу, хотя здѣсь былъ введенъ въ дѣло послѣдній резервъ корпуса — баталіонъ Елецкаго полка и часть Орловцевъ, едва прибывшихъ изъ 17-го корпуса, въ составѣ котораго они дрались наканунѣ.

При оборонѣ с. Шахэпу, утромъ, былъ смертельно раненъ въ голову бригадный командиръ 9-го п. дивиз. генералъ Рябинкинъ.

Части занимавшія Шахэпу не выдержали и стали отступать къ Падьязѣ.

Генералъ Гершельманъ и генералъ Шатиловъ бросились къ отступавшимъ частямъ и, устроивъ ихъ, остановили въ окопахъ на полдорогѣ между Шахэпу и Падьязой.

Около полудня командиръ 10-го корпуса получилъ свѣдѣніе, что Командующій арміей переходитъ въ наступленіе со всѣми имѣющимися подъ рукой силами въ направленіи Нанганза — Кудяза (Юделлада), то есть на правый флангъ наступающихъ японцевъ. Одновременно начальникъ западнаго отряда требовалъ— вернуть потерянныя на р. Шахэ позиціи.

На лѣвомъ флангѣ корпуса полки Елецкій и Сѣвскій держались и только лишь загнули свой правый флангъ, примкнувъ его къ р. Шахэ.

Для атаки с. Шахэпу было назначено 4 баталіона, два съ фронта и два со стороны д. Шанланцза. Избитые и измученныя боями части двинулись впередъ и овладѣли сѣверною частью с. Шахэпу, въ которой и засѣли до самой ночи.

Такимъ образомъ къ ночи положеніе 10-го корпуса было все же тяжелое, неустойчивое. Резервы были всѣ израсходованы.

Въ 17-мъ арм. корпусѣ съ разсвѣтомъ загорѣлась сильная канонада. Японскій огонь сосредоточивался преимущественно на с. Линшинпу.

Въ виду отступленія войскъ 10-го корпуса изъ Шахэпу — лѣвый флангъ 17-го корпуса уже съ утра началъ поражаться косымъ огнемъ. Селеніе Ламатунь, на которое опирался лѣвый флангъ 17-го корпуса пріобрѣло особо важное значеніе.

Для поддержки войскъ, занимающихъ с. Ламатунь, былъ направленъ баталіонъ Зарайскаго полка, а семь ротъ того же полка, съ батареей, заняли уступную позицію, въ верстѣ къ сѣверу отъ этой деревни.

Пѣхота противника, пользуясь рощицей и кладбищемъ къ востоку отъ ст. Шахэ, въ теченіе дня постепенно приблизилась къ Ламатуни на 800—1000 шаговъ и стала окапываться. Положеніе защитниковъ было тяжелое, но съ помощью подкрѣпленій, присланныхъ частями уже подъ вечеръ, мы держались. Люди стояли въ окопахъ по колѣно въ водѣ. Ружейный и артиллерійскій огонь не прекращался весь день.

Съ наступленіемъ темноты части войскъ разобрались, деревня была раздѣлена на участки, назначены начальники участковъ, патроны пополнены [1]).

Между тѣмъ уже съ 9 ч. утра стало ясно, что японцы угрожаютъ правому флангу 17-го корпуса — въ раіонѣ с. Линшинпу.

Массовыя атаки противника съ утра были остановлены ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, но отдѣльныя группы японцевъ постепенно приближались къ селенію, охватывая его съ востока.

Въ 2 часа дня, подъ прикрытіемъ разразившейся грозы съ проливнымъ дождемъ, японцы ворвались въ селеніе.

Съ помощью высланныхъ въ поддержку двухъ баталіоновъ Великолуцкаго полка и геройской работы батареи 35-й арт. бригады подполковника Тихонравова, не отступавшей несмотря на явную опасность, удалось задержать отступившія было части на высотѣ сѣверной части с. Линшинпу.

Одновременно съ этимъ очищеніемъ нашими войсками с. Линшинпу, позиціи 17-го корпуса угрожала серьезная опасность на правомъ флангѣ со стороны с. Даліантунь, гдѣ дѣйствовали войска 6-го корпуса. Японцамъ удалось къ полудню 1-го Октября опрокинуть 2-ю бриг. 55-й пѣх. дивизіи, которая при отступленіи вынуждена была бросить 7-ю батарею 6-й арт. бригады. Такимъ образомъ для противника открывалась возможность безпрепятственнаго движенія черезъ с. Даліантунь въ обходъ праваго фланга позиціи 17-го корпуса и всей арміи. Для возстановленія боя на правомъ флангѣ направленъ былъ изъ д.д. Кудяза командиръ Псковскаго полка полк. Грулевъ, съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами этого полка и 4-й батареей 3-й арт. бригады.

Псковцы немедленно отправились въ Даліантунь, не дожидаясь присоединенія батареи, которой послано было приказаніе слѣ-

---

[1]) Сраженіе на р. Шахэ. Отчетъ Г.-А. Куропаткина, стр. 439.

довать немедленно въ догонку за баталіонами. Впослѣдствіи оказалось, что 4-я батарея, получивъ приказаніе направиться вслѣдъ за баталіонами Псковскаго полка, осталась на позиціи къ сѣверу отъ д. Кудяза, надѣясь поддержать Псковцевъ, не передвигаясь на новую позицію.

Такимъ образомъ для атаки позиціи къ югу отъ Даліантуня баталіоны Псковскаго полка двинулись безъ артиллеріи.

По пути слѣдованія этихъ баталіоновъ встрѣчались отступающіе нижніе чины 6-го корпуса; они задерживались и возвращались обратно. Между тѣмъ японцы уже приближались къ оставленнымъ орудіямъ 6-й арт. бриг.; баталіоны Псковскаго полка двигались бѣгомъ по глубокой грязи, такъ какъ шелъ ливень, который обратилъ дороги въ скользкую, липкую грязь.

Люди изнемогали отъ тяжести и форсированности движенія. Когда баталіоны поравнялись съ с. Даліантунь, японцы открыли сильный ружейный и шрапнельный огонь; въ 10—15 минутъ 3-й бат. Псковскаго полка потерялъ 1 офицера и 66 нижн. чин. убитыми и ранеными; но тѣмъ не менѣе 3 роты 1-го баталіона, подъ начальствомъ кап. Гарбуза, быстро добѣжали до орудій и, въ свою очередь, открывъ по противнику сильный огонь принудили его отойти назадъ. Подъ прикрытіемъ этого огня Псковцамъ удалось спасти орудія, которыя были вывезены людьми на рукахъ и сданы командиру батареи.

Полк. Грулевъ занялъ позицію къ западу отъ с. Даліантунь. Для занятія этого селенія и связи съ Моршанцами былъ вызванъ изъ резерва 4-й баталіонъ Псковскаго полка.

Въ теченіе ночи было приступлено къ устройству окоповъ и приведенію въ оборонительное состояніе с. Даліантунь.

Въ ожиданіе возобновленія боя на слѣдующій день командиръ 17-го корпуса предписалъ начальнику 35-й дивизіи вернуть всѣ части 3-й дивизіи, высланныя для подкрѣпленій въ теченіе дня изъ состава корпуснаго резерва, который къ вечеру состоялъ всего лишь изъ баталіона 10-го и 2 баталіоновъ 12-го полковъ, расположенныхъ въ д.д. Ингуа и Сыфантай [1]).

Перешедшія въ наступленіе части VI-го Сиб. корпуса имѣли столкновенія съ японцами по всему фронту, но рѣшительныхъ результатовъ не имѣли и къ наступленію темноты частью отошли на исходные пункты.

---

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 292—293.

Тѣмъ не менѣе наступленіе 6-го корпуса облегчило положеніе 17-го корпуса, удержавшаго благодаря этому свои позиціи на р. Шахэ.

Фланговый отрядъ генерала Дембовскаго 1-го Октября перешелъ въ наступленіе и послѣ незначительныхъ столкновеній съ передовыми частями японцевъ — съ боя занялъ д.д. Фуцзячжуаньцза и Лидіутунь.

„Дѣйствія въ центрѣ 1-го Октября группировались, главнымъ образомъ на позиціяхъ войскъ 1-го арм. корпуса и сводятся къ оборонѣ позицій 37-й дивизіи на линіи Шэшанцза-Иншоутунь и къ наступленію частей войскъ 22-й дивизіи подъ руководствомъ Командующаго арміей по направленію д.д. Сандяцза-Нанганза съ цѣлью пріостановить наступленіе противника, прорвавшаго центръ 10-го корпуса у д. Хоутхай [1])“.

Позиція частей 37-й пѣх. дивизіи была протяженіемъ около пяти верстъ и тянулась по сопкамъ отъ д. Шэшаньцза къ югу, почти подъ прямымъ угломъ поворачивая на востокъ у д. Тунсанхо и заканчивалась у д. Яншоутунь. Далѣе на сѣверо-востокъ по сопкамъ былъ расположенъ отрядъ генерала Мищенки.

Для прикрытія позиціи съ сѣверо-запада, съ праваго фланга на позиціи западнѣе д. Пуцаово, былъ расположенъ 88-й Петровскій полкъ, съ батареей 7-й арт. бригады.

Лѣвый флангъ расположенія дивизіи былъ нѣсколько неустойчивъ, такъ какъ обезпечивавшій его отрядъ генерала Мау оказался отошедшимъ еще ночью на сѣверъ къ с. Хуань-Шань.

Около 9 часовъ утра японцы произвели нѣсколько попытокъ къ наступленію на центръ и оба фланга 37-й дивизіи, но попытки эти были отражены огнемъ частей дивизіи и батарей отряда генерала Мищенки.

Около 10 часовъ утра японцы вновь повели наступленіе противъ лѣваго фланга позиціи, причемъ разгорѣлась артиллерійская перестрѣлка. Невыгодное расположеніе частей дивизіи— угломъ, дало японцамъ возможность, сосредоточивъ 48 орудій, поражать не только флангъ, но и тылъ нашей позиціи.

Между тѣмъ Петровскій полкъ съ успѣхомъ отражалъ натискъ японцевъ, двигавшихся со стороны Хоутхая, но въ 11 ч.

---

[1]) Воен.-Ист. Комиссія, т. IV, ч. I. стр. 301.

30 минутъ было получено приказаніе объ отходѣ къ сѣверу въ д. Сандяцза—въ резервъ Командующаго арміей.

Оттяжка Петровскаго полка вызвана была необходимостью сосредоточенія всей 22-й дивизіи, съ цѣлью перехода въ наступленіе противъ прорвавшихся на сѣверъ, на фронтѣ 10-го корпуса непріятельскихъ силъ, но вполнѣ цѣлесообразная идея въ данномъ случаѣ не отвѣчала обстановкѣ и выполненія ея произвело совершенно ложное впечатлѣніе на полки 37 дивизіи, правый флангъ которыхъ оказался обнаженнымъ.

За отступленіемъ Петровцевъ—очистилъ свою позицію и обойденный японцами баталіонъ Новочеркасскаго полка.

Японцы быстро воспользовались отходомъ войскъ съ праваго фланга и, выдвинувъ батарею на высоты у с. Шешаньцза, начали продольнымъ огнемъ поражать участокъ Новочеркасскаго полка.

Между тѣмъ Командующій, арміей требовалъ отъ командира 1-го арм. корпуса—перехода въ наступленіе, дабы ударомъ съ востока парализовать прорывъ японцевъ на фронтъ 10-го корпуса. Не имѣя резервовъ 37-я дивизія могла лишь держаться съ трудомъ на своихъ позиціяхъ.

Въ 12 ч. 30 м. дня японцы атаковали Новочеркасскій и Самарскій полки съ фронта. 1-й баталіонъ Самарцевъ энергично бросился въ штыки, но непріятель не принялъ нашего удара и отступилъ передъ нимъ.

Около двухъ часовъ сталъ подаваться къ сѣверу лѣвофланговый, въ отношеніи 37-й див. отрядъ Г. Мищенко, и фланги дивизіи оказались въ критическомъ положеніи.

Несмотря на огромныя потери дивизія все-же продолжала свою геройскую оборону и лишь подъ вечеръ начала медленный отходъ на высоты у с. Эрдагоу, при чемъ части вынесли не только своихъ раненыхъ, но даже успѣли собрать и унести оружіе убитыхъ товарищей.

Такимъ образомъ нанести ударъ въ правый флангъ японцамъ, потѣснившимъ сосѣдній 10-й корпусъ; частямъ 37-й дивизіи не удалось, но все-же переходъ въ наступленіе, задуманный Командующимъ Арміей, состоялся, для чего были использованы Вильманстрандскій и Петровскій полки, съ батареями 7-й Арт. бригады и 2-й и 3-й Забайкальской, присоединившимися къ этой перешедшей въ наступленіе группѣ.

Этимъ частямъ приказано было поддержать 2 баталіона

Воронежскаго полка, занимавшіе раіонъ къ югу отъ сопки съ отдѣльнымъ деревомъ, на самомъ берегу р. Шахэ.

Пристроившись къ баталіонамъ Воронежскаго полка части 22-й пѣх. дивизіи въ $5^1/_2$ часовъ дня двинулись въ атаку, по сигналу поданному старшимъ изъ присутствующихъ, Полковникомъ Сивицкимъ (командиръ Вильманстрандскаго полка).

„Послѣ ожесточенной схватки роты Воронежскаго полка ворвались въ д. Нанганза, Петровскій полкъ занялъ д. Чанлинза, а нѣкоторыя передовыя роты продвинулись еще далѣе впередъ по направленію къ Хоутхайской сопкѣ [1])“.

Наступила ночь. Успѣхи достигнутые полками 22-й дивизіи, съ Воронежцами—развить оказалось невозможнымъ, такъ какъ 37-я дивизія отступила, а 10 корпусъ не могъ продвинуться впередъ. Положеніе отряда оказалось выдвинутымъ.

Полковникъ Сивицкій, съ разрѣшенія Командующаго Арміей къ утру 2-го Октября отошелъ назадъ къ сопкѣ съ отдѣльнымъ деревомъ.

„Въ общемъ итогѣ дѣйствій войскъ 1-го Октября, Командующему арміей не удалось парализовать прорывъ центра, достигнутый японцами наканунѣ на фронтѣ 10-го корпуса. Попытка перехода въ наступленіе частями 22-й дивизіи, подъ руководствомъ Командующаго арміей, не привела къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе опасное положеніе войскъ Восточнаго отряда было парализовано благодаря тому, что они своевременно были оттянуты на сѣверъ, на одну высоту съ войсками центра“.

„Положеніе войскъ Западнаго отряда, казавшееся шаткимъ, въ виду ожидавшагося движенія японцевъ въ обходъ праваго фланга, упрочилось благодаря частичному наступленію войскъ 5-го и 6-го Сиб. корпусовъ, хотя достигнуто это было цѣною тяжкихъ жертвъ, понесенныхъ войсками 6-го корпуса [2])“.

2-е Октября.

Положеніе войскъ Западнаго Отряда, потерявшаго въ теченіи 1-го Октября нѣкоторые пункты на линіи р. Шахэ, оторванность Восточнаго отряда, оперировавшаго въ горномъ раіонѣ, заставили Командующаго Арміей принять мѣры для обра-

---

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 308.
[2]) Тамъ же стр. 311.

зованія сильной группы армейскаго резерва—для поддержки какъ Западнаго отряда, такъ и центра.

Въ виду этого въ ночь на 2-е Октября Генералу Барону Штакельбергу было приказано двинуть весь 1-й Сиб. корпусъ—къ Фыньдяпу, а затѣмъ и далѣе къ Западу—къ д.д. Санцзяцзя—Лосянтунь.

Генералъ Баронъ Штакельбергъ выслалъ ближайшія къ центру части, всего 22 баталіона и 4 батареи, подъ общимъ начальствомъ Генерала Гернгросса, смѣнивъ уходящія войска соотвѣтственными передвиженіями по всему фронту.

На фронтѣ Восточнаго отряда въ теченіи 2-го Октября серьезныхъ боевыхъ дѣйствій не было.

Въ Западномъ отрядѣ день 2-го Октября прошелъ такъ-же относительно спокойно, но на фронтѣ 17-го Армейскаго корпуса произошли нѣкоторыя передвиженія и перемѣщенія войскъ, причемъ д. Ламатунь къ вечеру оказалась нами оставленной.

Попытки снова овладѣть с. Линшинпу не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ наша артиллерія не имѣла гранатъ, что-бы разрушить заборы и глинобитныя стѣны домовъ, за которыми укрывались японцы.

Селеніе Ламатунь было очищено около 4-хъ часовъ дня, такъ какъ полковникъ Мартыновъ (начальникъ этого участка) принялъ передвиженіе къ сѣверу нѣкоторыхъ частей съ сосѣдняго участка—за общее распоряженіе къ отступленію.

Приказаніе командира 17-го армейскаго корпуса—объ обратномъ овладѣніи селеніемъ—за наступившею темнотою осталось безъ исполненія.

На фронтѣ 6-го корпуса, а такъ-же отряда Генерала Дембовскаго, дѣло ограничилось перестрѣлкою въ теченіе цѣлаго дня.

Въ центрѣ за день 2-го Октября произошли нѣкоторыя меремѣны въ расположеніи войскъ 1-го армейскаго корпуса.

Въ Общемъ къ вечеру 2-го Октября Вильманстрандскій и Петровскій полки 22-й дивизіи, съ тремя батареями 7-й арт. бригады, расположились у д. Сахоянъ, занявъ двумя баталіонами „сопку съ отдѣльнымъ деревомъ“, на самомъ берегу р. Шахэ.

Два полка 22 й дивизіи остались въ Западномъ отрядѣ, на усиленіе 10 и 17 корпусовъ, 37-я дивизія находилась въ раіонѣ Санцзяцзя—Эрдагоу, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ войсками 4-го Сиб. корпуса.

4-й Сиб. корпусъ занявъ тремя полками возвышенный

берегъ р. Шахэ, въ раіонѣ около Эрдагоуской горы, всѣ свободныя силы еще наканунѣ направилъ къ Западу, въ резервъ командующаго арміей.

Въ теченіе дня части корпуса усиливали свои позиціи, противникъ почти не безпокоилъ.

Въ итогѣ за день 2-го Октября существенныхъ перемѣнъ не было, но стало ясно, что стремительныя атаки японцевъ остановлены и на правомъ флангѣ, и въ центрѣ. Въ общемъ войска находились въ крайнемъ утомленіи и разстройствѣ.

Ряды порѣдѣли не только за убылью убитыми и ранеными, но и за цѣлыми массами носильщиковъ, выносившихъ этихъ раненыхъ. По невылазной грязи на носилки приходилось назначать по 8—10 человѣкъ. Люди возвращались назадъ очень регулярно, но все-же учетъ былъ весьма труденъ.

Подходили команды запасныхъ на пополненіе убыли и тутъ-же на полѣ сраженія распредѣлялись по полкамъ.

3 Октября.

Въ Восточномъ отрядѣ за день 3-го Октября дѣло ограничилось лишь небольшими стычками въ передовыхъ частяхъ и перестрѣлкою. Части 2-го Сиб. корпуса съ бою заняли и утвердились на высокой горѣ съ кумирнею, находившейся противъ фронта корпуса.

Въ Западномъ отрядѣ войска готовились къ общему переходу въ наступленіе, такъ какъ Командующій арміей требовалъ рѣшительныхъ активныхъ дѣйствій.

Однако событія, разыгравшіяся въ центрѣ у „сопки съ деревомъ“ заставили отъ общаго перехода въ наступленіе отказаться, при чемъ боевыя дѣйствія въ Западномъ отрядѣ за день 3-го Октября ограничились лишь дѣломъ у д. Шанлацза, которая была нами очищена, а 4-го числа вновь занята, и наступательными дѣйствіями 6-го корпуса и отряда Дембовскаго.

Въ 4 часа дня наступленіе, развивавшееся довольно успѣшно, было пріостановлено, причемъ Командиръ 6 корпуса приказалъ занять позиціи на линіи Синтайцза—Сандіоза—Сяохобетай.

Между тѣмъ въ теченіе 3-го октября въ центрѣ событія развивались слѣдующимъ образомъ:

„Войска 1-го арм. корпуса, какъ указано выше, расположены были къ утру 3-го Октября въ двухъ группахъ: полки 22-й ди-

визіи занимали позицію у Сопки съ деревомъ, а три полка 37-й дивизіи расположены были у д. Хуаньшань [1])".

Съ разсвѣтомъ 3-го Октября японцы сосредоточивъ сильнѣйшій ружейный и пулеметный огонь по сопкѣ заставили части 22-й дивизіи отступить за рѣку Шахэ.

Положеніе бригады генерала Новикова у д. Сахоянъ, подъ самой сопкой—стало невозможнымъ, а потому вся бригада подалась назадъ къ сѣверу на одну версту и расположилась на позиціи у д. Удьятунь.

Однако командиръ 10-го корпуса, коему временно подчинялись части генерала Новикова, приказалъ вновь овладѣть сопкой и д. Сахоянъ.

Подготовка атаки была сдѣлана 3-мя батареями 7-й арт. бригады. Въ 3 часа дня охотники Вильманстрандскаго полка, подъ начальствомъ шт.-капит. Ломоносова, подкрались къ окопамъ у д. Сахоянъ и выбили оттуда японцевъ. Подоспѣвшіе пять ротъ Нейшлотскаго полка ворвались въ деревню и утвердились въ ней. Дальнѣйшая атака сопки производилась уже не только отрядомъ генерала Новикова, но и частями общаго резерва Командующаго арміей, изъ состава войскъ прибывшихъ изъ восточнаго отряда.

Между тѣмъ въ третьемъ часу дня была двинута впередъ и 37-я пѣхотная дивизія на линію д.д. Нанганза—Люцзятунь.

Въ 4 часа дня части дивизіи, выдвинувшіяся на линію р. Шахэ, были остановлены и начали окапываться, составляя поддержку войскъ атаковавшихъ сопку съ деревомъ.

Наступательную задачу получили и войска 4-го Сибирскаго корпуса, кои направлены были на Синлуньтунь; но едва лишь наступленіе было организовано, какъ уже было приказано пріостановиться.

Весь день 3-го Октября, да и въ послѣдующіе дни, на фронтѣ 4-го Сиб. корпуса наступило полное спокойствіе, причемъ войска корпуса непрерывно работали и совершенствовали свою образцовую позицію по высотамъ берега р. Шахэ, въ раіонѣ между Фыньдяпу и Эрдагоу.

Отрядъ генерала Мищенко остановился на позиціи у д. Хуанди (около Фыньдяпу) и несъ развѣдывательную службу,

---

[1]) Воен.-Ист. Комисс. Т. IV, ч. I, стр. 334.

время отъ времени перестрѣливаясь съ японцами, укрѣплявшими высоты противоположнаго берега р. Шахэ.

14-го Октября отрядъ Мищенко былъ смѣненъ пѣхотою 4-го Сибирскаго корпуса.

„Въ виду важнаго значенія оставленной частями 22-й дивизіи и занятой японцами сопки съ деревомъ, съ которой противникъ поражалъ огнемъ всѣ наши позиціи на Шахэ, къ востоку и къ западу отъ этой сопки, рѣшено было снова овладѣть этой позиціей. Съ этой цѣлью для поддержки отряда г.-м. Новикова направлена была бригада 5-й В.-С. стрѣлк. дивизіи подъ начальствомъ г.-м. Путилова“.

„Прославившіяся лихой атакой нашихъ войскъ двѣ отдѣльныя сопки, названныя впослѣдствіи Путиловскою и Новгородскою, представляютъ собою довольно обширную возвышенность, съ тремя возвышающимися холмами, обращенными своими покатостями на востокъ, юго-западъ и сѣверъ; въ послѣднемъ направленіи возвышенность спускается крутымъ обрывомъ къ р. Шахэ у д. Сахоянъ. Одна изъ этихъ возвышенностей—Сопка съ деревомъ, расположенная на восточной окраинѣ, названа была впослѣдствіи Новгородской; вторая сопка, къ западу отъ первой, названа была Путиловской. Ширина рѣки Шахэ въ этомъ мѣстѣ не превышаетъ 6—7 саж. при глубинѣ 1—2 фута; дно рѣки песчаное, удобно для движенія въ бродъ; съ этой цѣлью еще 25 сентября, въ началѣ наступленія, частями 22-й дивизіи устроенъ былъ у д. Сахоянъ удобный спускъ къ броду. Вдоль сѣвернаго берега рѣки отъ д. Сахоянъ до д. Люафантунь тянется рядъ отдѣльныхъ деревьевъ, окаймляющихъ обширную равнину, вполнѣ обозрѣваемую и обстрѣливаемую съ сопки [1]“.

„Въ началѣ 12-го часа дня командиръ 1-го Сибирскаго корпуса получилъ приказаніе Командующаго арміей поддержать лѣвый флангъ 10-го армейскаго корпуса въ направленіи на д.д. Шанланцза и Шахэпу. Согласно этому приказанію двинута была бригада г.-м. Путилова, какъ понесшая наименьшія потери въ предшествовавшихъ сентябрьскихъ бояхъ, для поддержки лѣваго фланга 10-го армейскаго корпуса. Въ тоже время предложено было г.-м. Путилову оказать поддержку также и войскамъ 22-й дивизіи, занимавшимъ подъ начальствомъ г.-м. Новикова,

---

[1]) В. И. К., т. IV, ч. 1, стр. 337.

Сопку съ деревомъ, въ случаѣ атаки этой сопки со стороны японцевъ.

Эта послѣдняя, между тѣмъ, по личнымъ наблюденіямъ въ бинокль командира 1-го Сиб. корпуса, представлялась занятой не нашими войсками, а японскими. Хотя за дальностью разстоянія установить точно это и нельзя было, тѣмъ не менѣе г.-м. Путилову приказано было г.-л. Гернгроссомъ атаковать Сопку съ деревомъ, если она окажется занятой японцами. Объ этомъ приказаніи донесено было и Командующему арміей, который и утвердилъ таковое.

„Ко времени прибытія по назначенію бригады г.-м. Путилова отрядъ г.-м. Новикова занималъ слѣдующее положеніе: три батареи, имѣя при себѣ прикрытіе изъ трехъ ротъ 87-го полка, были поставлены между д.д. Удьятунь и Фындятунь; эта артиллерійская позиція оказалась очень удачно замаскированной и въ теченіе всего дня 3-го Октября не понесла почти никакихъ потерь, отлично поражая все время позицію противника. 2½ баталіона 87-го полка расположены были за д. Удьятунь; здѣсь же, въ пространствѣ между д.д. Удьятунь и Сахоянъ, расположены были полки Петровскій и Вильманстрандскій, имѣя развѣдывательныя части выдвинутыми впередъ къ д.д. Сахоянъ и Люафантунь [1])“.

„Около 4 час. пополудни въ д. Удьятунь прибыла бригада г.-м. Путилова, который совмѣстно съ г.-м. Новиковымъ выработалъ планъ атаки сопки, заключавшійся въ слѣдующемъ: со стороны д. Удьятунь наступаютъ съ фронта Вильманстрандскій, Нейшлотскій и Петровскій полки, подъ начальствомъ г.-м. Новикова; въ охватъ сопки съ Запада, направляясь на редутъ, двигается бригада стрѣлковъ подъ начальствомъ г.-м. Путилова, имѣя 19-й полкъ впереди, а 20-й полкъ въ резервѣ“.

„Почти одновременно съ выработкой этого плана, но нѣсколько ранѣе—именно около 2—3 часовъ дня командиръ 1-го Сибирскаго корпуса пришелъ къ заключенію, что Сопку съ деревомъ выгодно атаковать также и съ Востока, со стороны д. Сахэтунь, вслѣдствіе чего имъ посланъ былъ съ этой цѣлью для доклада Командующему арміей офицеръ генеральнаго штаба. Предложеніе г.-л. Гернгросса было утверждено Командующимъ арміей, который приказалъ назначить для этой цѣли одинъ полкъ изъ состава 1-го Сибирскаго корпуса“.

---

[1]) В.-И. К., т. IV, ч. I, стр. 338.

„Согласно указанному распоряженію, въ 3 часа 15 мин. отдано было приказаніе 36-му В.-С. стр. полку направиться для атаки Сопки съ деревомъ съ востока, со стороны д. Сахэтунь, въ связи съ отрядами г.-м. Новикова и Путилова, съ подчиненіемъ послѣднему“.

„Кромѣ 36-го полка для атаки Сопки съ деревомъ назначены были еще Семипалатинскій и Енисейскій полки, съ двумя батареями 7-й артил. бригады, и расположенный у д. Удьятунь отрядъ г.-м. Новикова; начальникомъ штаба этого отряда былъ назначенъ генер. штаба подполк. Запольскій.

Такимъ образомъ всего для атаки Сопки съ отдѣльнымъ деревомъ направлено было 25 баталіоновъ. Общее начальствованіе было ввѣрено командиру 1-го армейскаго корпуса г.-ад. барону Мейендорфу. Артиллерійская подготовка атаки начата была съ 3 ч. пополудни батареями 7-й артил. бригады, при участіи затѣмъ 2-й Забайкальской каз. батареи и двухъ батарей (3-й Сиб. дивизіи) прибывшихъ съ Семипалатинскимъ полкомъ“.

„Самую атаку предположено было произвести одновременно въ 6 час. пополудни, но части 22-й дивизіи оказались вынужденными начать эту атаку нѣсколько раньше, въ виду того, что находившіяся въ д. Сахоянъ охотничья команда и роты 87-го Нейшлотскаго полка, подвергавшіяся случайнымъ выстрѣламъ нашей артиллеріи, начали отходить назадъ; единственнымъ средствомъ остановить это отступленіе признанъ былъ немедленный переходъ въ наступленіе 86-мъ и 88-мъ полками, что ими и было исполнено въ 4 часа 50 мин. пополудни, т. е. за часъ 10 мин. до времени, назначеннаго для общей атаки“.

„Рѣшеніе о переходѣ въ наступленіе ранѣе указаннаго часа принято было съ общаго согласія командировъ 86-го, 87-го и 88-го полковъ въ виду временнаго отсутствія г.-м. Новикова, отлучившагося для доклада къ г.-м. Путилову. По сигналу „слушайте всѣ“ и „наступленіе“ полки двинулись черезъ с. Сахоянъ, направляясь на сопку. Замѣтивъ общій переходъ въ наступленіе, роты Нейшлотскаго полка, которыя незадолго передъ тѣмъ оставили свою позицію у д. Сахоянъ, снова вернулись и заняли ее. Обстоятельство это въ значительной степени облегчило наступленіе на сопку, давъ возможность подъ прикрытіемъ этой деревни собирать и устраивать наступающія части для атаки высотъ“.

„Наступленіе нашихъ войскъ встрѣчено было со стороны японцевъ губительнымъ артиллерійскимъ, а равно и пулеметнымъ

и ружейнымъ огнемъ; особенно чувствительныя потери полки понесли при переходѣ черезъ р. Шахэ, которая обстрѣливалась сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ фронта и съ фланговъ; нѣкоторое замѣшательство, которое тутъ произошло сначала, было скоро прекращено энергичными дѣйствіями г.-м. Новикова, а также благодаря подоспѣвшему съ тыла Семипалатинскому полку и появленію съ праваго фланга 14-й роты Нейшлотскаго полка, а вслѣдъ за нею роты и баталіоны Петровскаго и Вильманстрандскаго полковъ. Было около 8 час. вечера; почти совершенно стемнѣло. Одновременно выбыли ранеными всѣ три командира полковъ 22-й дивизіи; при общемъ наступленіи перемѣшались люди разныхъ полковъ: частью разбрелись по склонамъ сопки, частью выбыли ранеными, а также и для переноски раненыхъ, и начальствующимъ лицамъ стоило не мало труда собрать людей по частямъ.

Тѣмъ временемъ производилась атака на Сопку съ деревомъ съ востока 36-мъ В.-С. стрѣлковымъ полкомъ, направившимся около 4 час. дня со стороны д. Лосянтунь на д.д. Сандяцза, Сахэтунь и Люцзантунь, съ цѣлью охватить сопку съ юга, гдѣ предполагались резервы противника. Движеніе это было замѣчено японцами и приближеніе полка было встрѣчено сильнымъ шрапнельнымъ огнемъ; тѣмъ не менѣе шедшему въ головѣ 2-му баталіону удалось выбить японцевъ изъ д. Люцзятунь. Вскорѣ сюда же подоспѣли и остальные баталіоны. Здѣсь полкъ развернулъ боевой порядокъ и въ 6 час. пополудни двинулся дальше въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди направленъ былъ 2-й баталіонъ на сопку въ обходъ съ юга-востока; за 2-мъ баталіономъ уступомъ слѣдовалъ 3-й баталіонъ, направляясь на сопку съ востока; 1-й баталіонъ шелъ въ резервѣ за центромъ. Взятое баталіонами направленіе оказалось весьма удачнымъ; 3-й баталіонъ ворвался въ 1-ю линію японскихъ окоповъ одновременно съ ударомъ въ тылъ съ юга 2-мъ баталіономъ; первымъ вскочилъ въ окопы подпор. Журавлевъ, но былъ сейчасъ же тяжело раненъ штыкомъ въ бокъ и пулей въ голову.

„Завязалась кровопролитная рукопашная схватка, которая продолжалась недолго; защитники были частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ. Полкъ утвердился на сопкѣ около 9—10 час. вечера и роты быстро начали окапываться. Тѣмъ не менѣе удержаться на сопкѣ для полка оказалось затруднительнымъ, въ виду того, что баталіоны все время подвергались ружейному

огню справа, повидимому, со стороны своихъ же войскъ, причинявшему большія потери. Съ юга же и съ запада наступали японцы въ большихъ, повидимому, силахъ, открывшіе сильнѣйшій огонь по нашимъ стрѣлкамъ. 36-й полкъ несъ большія потери, но тѣмъ не менѣе держался, надѣясь получить подкрѣпленіе, о присылкѣ котораго командующій полкомъ подполк. Быковъ просилъ сейчасъ же по занятіи сопки; съ этой цѣлью въ штабъ 1-го Сиб. корпуса посланы были офицеръ и конный охотникъ, но посланные вернулись безъ подкрѣпленія, такъ какъ по незнакомству съ мѣстностью, не розыскали въ темнотѣ штаба корпуса. Между тѣмъ, полкъ продолжалъ нести большія потери, а наступающіе японцы, казалось, охватывали положеніе полка съ обѣихъ сторонъ. Къ тому же роты перепутались, необходимо было разобраться и возстановить порядокъ. Сдѣлать все это подъ жестокимъ огнемъ противника оказалось невозможнымъ".

„При такихъ обстоятельствахъ командующій 36-мъ полкомъ оказался вынужденнымъ покинуть занятую сопку и отойти на д. Сахэтунь, гдѣ при наступленіи оставлены были вещевые мѣшки и шинели.

Въ то же время съ западной стороны производилась атака на сопку 19-мъ и 20-мъ В.-С. стрѣлк. полками.

Получивъ донесеніе въ $5^1/_2$ час. пополудни, что полки 22-й дивизіи начали наступленіе, г.-м. Путиловъ приказалъ и своей бригадѣ начать движеніе.

Впереди шелъ 19-й полкъ, за нимъ въ резервѣ 20-й полкъ, уступомъ справа. Такъ какъ предстоялъ переходъ черезъ рѣку, а затѣмъ движеніе къ атакуемой сопкѣ на протяженіи около $1^1/_2$ верстъ, то, во избѣжаніе разстройства ротъ при переходѣ черезъ рѣку, командующій 19-мъ полкомъ, полковникъ Сычевскій, занялъ тремя ротами въ видѣ опорнаго пунка небольшую горку на лѣвомъ берегу противъ мѣста переправы. При наступавшей уже темнотѣ полки двинулись впередъ, направляясь на сопку; разстояніе въ $1^1/_2$ версты было пройдено ими безъ остановки стремительнымъ шагомъ. Японцы подпустили наши роты на разстояніи 400 — 500 шаговъ и затѣмъ открыли убійственный огонь залпами и скорый; но стрѣлки безъ выстрѣла съ криками „ура" ворвались въ 1-ю линію окоповъ, гдѣ завязалась ожесточенная рукопашная схватка".

„Въ числѣ первыхъ ворвались въ японскіе окопы 19-го стрѣлк. полка кап. Каченгинъ, подпор. Плескачевскій и поруч. Алек-

сандеръ; послѣднiй былъ поднятъ на штыки и тутъ же скончался, а подпор. Плескачевскiй получилъ 5 штыковыхъ ранъ: три въ животъ и двѣ—въ спину. Вслѣдъ за первой линiей укрѣпленiй взята была и вторая. 2-й баталiонъ 19-го полка на плечахъ бѣгущихъ японцевъ ворвался на горную батарею, гдѣ прислуга и прикрытiе частью были истреблены, частью разбѣжались; одно изъ орудiй стояло въ сторонѣ, при немъ былъ и японскiй офицеръ; видя свое безвыходное положенiе, онъ обхватилъ дуло орудiя и тутъ же застрѣлился.

Уступомъ въ тылу за горной батареей оказалась расположенной и полевая батарея, на которую стрѣлки наткнулись при преслѣдованiи японцевъ, и быстро овладѣли ею по личному указанiю командира 19-го полка полковника Сычевскаго".

„Жестокая борьба завязалась въ оставленной позади деревнѣ между 1-й и 2-й линiями окоповъ, гдѣ въ фанзахъ засѣли японцы, поражая оттуда 1-й и 2-й баталiоны 19-го полка, увлекшiеся преслѣдованiемъ бѣгущаго противника; шедшiй въ резервѣ 3-й баталiонъ этого полка, подъ начальствомъ подполк. Тихомирова, при содѣйствiи ротъ 20-го полка ворвался въ эту деревню, которая пылала со всѣхъ сторонъ, и послѣ кровопролитной схватки частью уничтожилъ, частью выбилъ оттуда противника".

„Къ полуночи позицiя японцевъ, а также и двѣ батареи были въ нашихъ рукахъ. Увлекаясь преслѣдованiемъ бѣгущаго противника, люди разбрелись по всѣмъ склонамъ сопки, вслѣдствiе чего остальную часть ночи пришлось посвятить сбору и устройству частей съ цѣлью приведенiя ихъ въ порядокъ".

„Получивъ донесенiе объ удачной атакѣ, Командующiй армiей приказалъ упорно отстаивать занятыя позицiи и быть готовымъ къ контръ-атакѣ японцевъ. Какъ лучшее средство противодѣйствовать послѣдней, приказано было тревожить противника въ ту же ночь, для чего назначить охотничьи команды. Въ то же время предписывалось избѣгать скопленiя войскъ; все лишнее требовалось отвести назадъ".

„Тѣмъ временемъ оставалась неизвѣстной судьба атаки полковъ 22-й дивизiи на Сопку съ деревомъ, получившую названiе Новгородской; даже около 11 час. вечера г.-м. Новиковъ оставался еще въ неизвѣстности, очищена ли эта сопка или нѣтъ. Съ цѣлью утвердиться окончательно на всей позицiи японцевъ,

г.-м. Путиловъ приказалъ г.-м. Новикову овладѣть этой сопкой до 5 час. утра“.

„Для исполненія этого приказанія весь отрядъ г.-м. Новикова, изъ 86-го, 87-го и 88-го полковъ, а также двухъ баталіоновъ Семипалатинскаго полка, сосредоточился къ 3 час. ночи вблизи сопки. Для атаки вершины сопки назначена была охотничья команда 87-го полка и, кромѣ того, сдѣланъ былъ вызовъ охотниковъ, при чемъ вышла вся 7-я рота 87-го Нейшлотскаго полка подъ командой кап. Кузнецова, при шт.-кап. Берндтъ. Рота эта и охотничья команда въ 4 часа утра молча безъ выстрѣла, двинулись на штурмъ вершины сопки. Вслѣдъ за ними направились и остальныя части отряда г.-м. Новикова. Ударивъ въ штыки, рота и команда быстро ворвались въ окопы, откуда японцы были выбиты штыками. Овладѣвъ окопами, охотничья команда направилась далѣе на д. Ялунсанъ, гдѣ засѣли японцы, но также скоро были оттуда выбиты штыками.

Такимъ образомъ, къ разсвѣту 4 Октября вся позиція японцевъ, а также и двѣ батареи были въ нашихъ рукахъ [1])“.

„Согласно всеподданнѣйшей телеграммы отъ 11 октября, наши потери при атакѣ Путиловской сопки составили: офицеровъ убито 15, ранено 79; нижн. чин. убито 532, ранено 2.308 и безъ вѣсти пропало 156“.

„11 Октября закончено было погребеніе съ отданіемъ воинскихъ почестей убитыхъ японцевъ. Всего похоронено было на участкѣ 19-го и 20-го полковъ—900 японскихъ труповъ, а на участкѣ полковъ 22-й дивизіи—600 труповъ; кромѣ того, большое количество японскихъ труповъ къ этому времени оставалось еще непогребенными впереди расположенія нашихъ войскъ“.

„Кровопролитный штурмъ, произведенный нашими войсками въ ночь съ 3 на 4 Октября на Путиловскую сопку, и жестокое пораженіе, нанесенное въ этомъ мѣстѣ японскимъ войскамъ, показали противнику, что онъ имѣетъ дѣло съ войсками далеко еще не надломленными, способными переходить отъ обороны къ смѣлымъ атакамъ. Обстоятельство это не могло не повліять на дальнѣйшій ходъ событій и заставило японцевъ отказаться отъ попытокъ прорыва къ Мукдену впредь до того времени, когда удастся снова собраться съ силами“.

„Такимъ образомъ, предпринятая Маньчжурской арміей насту-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 337—343.

пательная операція задержалась на линіи р. Шахэ. Постепенно ослабѣвали также и активныя дѣйствія японцевъ, начатыя ими переходомъ въ наступленіе 27 Сентября на фронтъ войскъ западнаго отряда“.

„Что касается дѣйствій противника на фронтѣ войскъ восточнаго отряда, то здѣсь, съ самаго начала операціи, японцы держались пассивнаго образа дѣйствій, возложивъ оборону операціоннаго направленія на Беньсиху не столько на живую силу имѣющихся здѣсь у нихъ войскъ, сколько на дикій неприступный характеръ мѣстности“.

„Это послѣднее обстоятельство, еще въ самомъ началѣ операціи, именно 27 Сентября—т. е. послѣ того, какъ авангардными боями 26 числа выяснилась сила японскихъ позицій — склоняло г.-л. бар. Штакельберга къ мысли о необходимости оставить заслонъ съ фронта противъ японскихъ позицій у Лаотхалазы и на перевалахъ, и повернуть главными силами на западъ въ направленіи Ліухецзы—Хаматань. Еще болѣе укрѣпился въ этой мысли начальникъ Восточнаго отряда, когда обнаружился переходъ въ наступленіе японцевъ и отступленіе войскъ Западнаго отряда: движеніемъ своихъ войскъ на западъ генералъ бар. Штакельбергъ надѣялся получить возможность атаковать японцевъ въ открытомъ полѣ, а не на сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ въ горныхъ трущобахъ. Наконецъ, когда начальникъ Восточнаго отряда опять возымѣлъ намѣреніе измѣнить направленіе дѣйствій своихъ войскъ и захожденіемъ лѣвымъ плечомъ на западъ атаковать японцевъ, напиравшихъ на войска 4-го Сиб. корпуса, всѣ вышеприведенныя стремленія начальника Восточнаго отряда перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, отказавшись отъ лобовыхъ ударовъ противъ Лаотхалазы и на перевалахъ, не получили надлежащаго разрѣшенія“.

„Точно также и со стороны начальника Западнаго отряда стремленіе перейти въ рѣшительное наступленіе 3 Октября не получило надлежащаго разрѣшенія. Вниманіе Командующаго арміей было направлено на то, чтобы стать прочно на линіи р. Шахэ, остановивъ дальнѣйшее наступательное движеніе японцевъ къ Мукдену. И это ему удалось вполнѣ штурмомъ Путиловской сопки“.

„Штурмомъ и занятіемъ Путиловской сопки закончились активныя дѣйствія обѣихъ сторонъ, относящіяся къ Шахэйской операціи. Обѣ стороны остановились на занятыхъ ими мѣстахъ, начали укрѣплять свои позиціи и собираться съ новыми силами“.

„Наступилъ періодъ затишья, тѣмъ болѣе, что приближалась зима, сама по себѣ затруднявшая боевыя дѣйствія".

Въ общемъ итогѣ Шахэйская операція кончилась нерѣшительными результатами для обѣихъ сторонъ, при почти одинаковыхъ потеряхъ: Маньчжурская армія потеряла убитыми и ранеными и оставшимися на поляхъ сраженій 1.021 офицера и 39.748 нижнихъ чиновъ; таковы же, приблизительно, были и потери японцевъ [1]).

---

[1]) Военно-Ист. Комиссія, т. IV, ч. I, стр. 344—345.

ГЛАВА III.

Періодъ затишья. Стоянка на р. Шахэ. Подготовка къ переходу въ наступленіе.

Едва закончились кровавые бои на линіи р. Шахэ, какъ обѣ враждебныя арміи стали съ лихорадочною поспѣшностью зарываться въ землю. Наступившій чисто-позиціонный характеръ военныхъ дѣйствій объясняется, съ одной стороны, огромными потерями и утомленіемъ, какъ нашей, такъ и японской арміи, съ другой стороны—на способъ веденія войны, несомнѣнно, оказало вліяніе условіе пользованія лишь единственной желѣзной дорогой, единственной артеріей, которая питала всю армію.

Въ расположеніи войскъ стѣной, на огромномъ фронтѣ—сказывалось желаніе всюду перегородить подступы къ этой желѣзной дорогѣ, такъ какъ повсюду ударъ былъ опасенъ, всюду—угроза желѣзной дорогѣ приводила къ трагическимъ послѣдствіямъ.

Обѣ враждебныя арміи остановились въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, въ особенности на фронтѣ Западнаго отряда.

„Боевая жизнь протекала сама собою, унося ежедневно свои жертвы, обреченныя непредотвратимымъ приговоромъ судьбы. Въ особенности жгучее положеніе давало себя чувствовать подъ Линшинпу. Около одной, двухъ недѣль обстановка здѣсь была такая, какую едва ли можно встрѣтить въ исторіи, всѣхъ временъ и народовъ. Небольшія разрозненныя части войскъ, которыя ходили въ атаку Линшинпу, сосредоточились на окраинѣ хутора и здѣсь прижались къ каменной стѣнѣ, обращенной къ сторонѣ японцевъ, скрытыхъ въ кумирнѣ и въ сосѣднихъ фанзахъ; въ этой стѣнѣ и сосѣднихъ стѣнкахъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенныхъ фанзъ, наши солдаты продѣлали бойницы и перестрѣливаются безпрерывно, днемъ и ночью съ японцами: кто съ нашей стороны высунется изъ-за стѣнки на полкорпуса, встрѣчаетъ десятки пуль лучшихъ отборныхъ стрѣлковъ съ разстоянія

300—400 шаговъ. Отойти назадъ тоже нельзя, ибо тылъ обстрѣливается японцами губительнымъ перекрестнымъ огнемъ.

„Вотъ положеніе, дѣйствительно, безвыходное; ни впередъ, ни назадъ. Да, назадъ нельзя, приказано держаться. Въ томъ же осадномъ положеніи мы держимъ и японцевъ; при бойницахъ дежурятъ у насъ лучшіе стрѣлки, которые не пропускаютъ малѣйшей неосторожности со стороны противника, съ крышъ наши стрѣлки уже „сняли“ всѣхъ японскихъ наблюдателей, и обѣ стороны притаились, такимъ образомъ, за стѣнами, за бойницами. Единственная слабоватая, впрочемъ, выгода японцевъ—что ихъ тылъ мы держали подъ артиллерійскимъ огнемъ, они-же нашъ тылъ, ближній конечно—до деревни Сыфонтай включительно, обстрѣливаютъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ“.

Мало-по малу и волей-неволей свыклись съ безвыходнымъ положеніемъ. Остальное подсказалъ инстинктъ самосохраненія. Чтобы прикрыться отъ огня японцевъ, люди стали зарываться въ землю; чтобы не гулять по открытымъ поражаемымъ мѣстамъ, взводы, роты, баталіоны прорыли между собою ходы сообщенія, глубиною въ ростъ человѣка. Сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ все еще окупается кровью, но люди немножко оглядѣлись кругомъ, оріентировались: высмотрѣли и намѣтили направленія въ тылу болѣе обстрѣливаемыя и менѣе обстрѣливаемыя; главное—свыклись, вѣрнѣе, примирились со своимъ положеніемъ. Хотя каждый,—нижній чинъ и офицеръ склоненъ вѣрить что едва ли удастся увидѣть опять свѣтъ Божій живымъ и не раненымъ, все же съ теченіемъ времени моральное настроеніе воспрянуло и окрѣпло; тѣмъ болѣе, что дней 9—10 спустя стали приносить—ночью, конечно, поодиночкѣ, и безъ шума—пищу въ котелкахъ, патроны. . .“

„Но не подъ однимъ только Линшинпу получилась такая обстановка. На всемъ фронтѣ 17 корпуса положеніе воюющихъ сторонъ можно было бы характеризовать положеніемъ сцѣпившихся рогами двухъ козловъ: уткнулись другъ въ друга лбами и разойтись не желаютъ и не могутъ, и продвинуться впередъ тоже нельзя. Словомъ, тутъ въ настоящую минуту борьба сводится къ игрѣ характеровъ,—кто первый сдастъ. . . А сдать, повидимому, ни одна сторона не желаетъ и не думаетъ. Въ этомъ упорствѣ лучше всего сказывается непоколебимая стойкость обѣихъ сторонъ: какъ уперлись на своихъ позиціяхъ 1—5 Октября съ участками несообразно выдвинутыми впередъ (Линшинпу),

случайно отодвинувшимися назадъ (противъ Ламатуня), такъ и сѣли, и—ни съ мѣста“.

„Свыкнувшись—говоритъ М. Грулевъ,—насколько возможно, со своимъ положеніемъ, осталось поддерживать бодрое настроеніе людей устраненіемъ возможныхъ при такой обстановкѣ лишеній. До послѣдняго времени походныя кухни должны были останавливаться на разстояніи около 1½ верстъ и подносить горячую пищу можно было только ночью, въ часы совсѣмъ непривычныя для обѣда; теперь постепенно прорываемъ всюду крытыя сообщенія отъ окоповъ до пунктовъ безопасныхъ отъ ружейнаго огня, и тогда можно будетъ поддерживать связь съ внѣшнимъ міромъ, получать горячую пищу днемъ и ночью“.

„Главное, что можетъ подрывать здоровье людей, это невозможность снять обувь, раздѣться, обязательное недосыпаніе; потому-что ночью требуется большая бдительность, чѣмъ днемъ; затѣмъ люди обречены на почти полную неподвижность: окопы тѣсные и узкіе, два человѣка при встрѣчѣ могутъ разойтись съ трудомъ; да и куда пойдешь „гулять“ по окопу. Вотъ и приходится только сидѣть, стоять и лежать все на одной и той-же отведенной тебѣ пяди; естественнымъ послѣдствіемъ этой неподвижности является отекъ ногъ, который, впрочемъ быстро проходитъ, когда является возможность разминать ноги“.

„Кстати, замѣтимъ, что санитарное состояніе людей, вопреки возможнымъ при такой обстановкѣ предположеніямъ,—отличное: больныхъ почти нѣтъ вовсе, что объясняется, полагаю, значительнымъ напряженіемъ моральной стороны. Зато каждый день и каждая ночь уносятъ нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; къ сожалѣнію, процентъ убитыхъ тутъ преобладаетъ, потому-что пораженія наносятся почти всегда въ голову“.

„Офицеры живутъ въ окопахъ одной общей жизнью съ нижними чинами, пользуясь лишь той привилегіей, что ютятся иногда по два или по одному въ особой норѣ, вырытой въ стѣнкѣ на днѣ окопа [1])“.

Несмотря на неподвижное положеніе боевого расположенія—каждый день сопровождался эпизодами, характеризующими удивительное геройство нашего солдата.

„Нѣкоторые окопы, бывшіе мѣстомъ схватки противниковъ, остались забытыми и нами, и японцами“.

---

[1]) М. Грулевъ., ч. 2, стр. 130—132, 146—147.

„И вотъ, передаетъ М. Грулевъ, на дняхъ изъ такого окопа приползли еле живые два солдата Великолуцкаго полка, участвовавшаго въ ночной атакѣ 2-го Октября—Ищенко и Харзаматовъ. Оба они были ранены тяжело: первый получилъ три раны—въ шею на вылетъ, въ бедро правой ноги и въ колѣно лѣвой ноги; Харзаматовъ былъ раненъ сравнительно легче—одной пулей въ бедро. Вмѣстѣ съ этими двумя ранеными остался на мѣстѣ боя еще третій солдатъ, одной съ ними роты, раненый тяжело въ ногу. Всѣ они съ перебитыми ногами очутились въ безпомощномъ положеніи, и не могли, конечно, сдвинуться съ мѣста“.

„Ночью пришли японцы и начали шарить трупы. Почуявъ опасность, наши раненые притворились мертвыми. Одному изъ нихъ японцы неосторожно наступили на ногу и онъ заревѣлъ отъ боли; японцы тогда подобрали его и понесли. Оставшіеся двое его товарищей слышали, какъ унесенный раненый всю дорогу кричалъ не своимъ голосомъ,—можетъ быть отъ боли, а можетъ быть отъ ударовъ японцевъ; именно такъ хотѣли себѣ объяснить наши солдаты, крики своего товарища, и старались поэтому притвориться, какъ слѣдуетъ. Съ разсвѣтомъ японцы ушли. Харзаматовъ принялся лѣчить Ищенко, который самъ былъ въ совершенно безпомощномъ состояніи; розыскавъ перевязочный бинтъ, Харзаматовъ, татаринъ Пермской губерніи, перевязалъ, какъ умѣлъ, двѣ раны своего товарища; на третью не хватило матеріала и онъ подѣлился съ товарищемъ своимъ бинтомъ. Нѣсколько дней Харзаматовъ, хотя и легче раненый, чѣмъ Ищенко, не могъ особенно облегчить ни свое положеніе, ни положеніе товарища, потому-что съ трудомъ могъ лишь ползти нѣсколько шаговъ“.

„Рана его, однако, быстро залѣчилась и онъ затѣмъ всецѣло посвятилъ себя служенію своему безпомощному товарищу: на трупахъ нашихъ и японскихъ убитыхъ онъ розыскивалъ бинты и мѣнялъ перевязки на ранахъ Ищенко. Первые дни было еще чѣмъ питаться, добывая кусочки хлѣба и сухарей изъ запасовъ, уцѣлѣвшихъ на трупахъ нашихъ солдатъ, а такъ-же рисъ и даже консервы, которые Харзаматовъ находилъ на убитыхъ японцахъ. Все это Харзаматовъ старательно добывалъ и приносилъ товарищу. Запасовъ этихъ хватало, конечно, не надолго; все остальное время, свыше мѣсяца, оба мученика питались сырымъ гаоляномъ, травой. Чтобы добыть воду, Харзаматовъ вырылъ

въ окопѣ около того-же мѣста, гдѣ они лежали, небольшую яму, въ которой набиралась вода. Когда наступили холода, Харзаматовъ добывалъ съ трудомъ полотнища палатокъ и укрывалъ товарища [1])".

Такими подвигами самоотверженія изобилуютъ страницы дневниковъ и описаній времени названнаго „затишьемъ".

Въ то-же время не прекращались поиски и боевыя развѣдки съ цѣлью тревоженія противника и сбора о немъ свѣдѣній.

Какъ примѣръ боевой работы нашей конницы можно взять эпизодъ изъ дѣйствій 17-го Октября 4-й Донской казачьей дивизіи, при развѣдкѣ въ раіонѣ селенія Лидіутунь, на правомъ флангѣ арміи.

Героемъ этого дня явился 19-го Донского полка есаулъ Косоротовъ.

Свои дѣйствія и полученную задачу есаулъ Косоротовъ описываетъ въ донесеніи такъ:

„Получивъ приказаніе обрекогносцировать мѣстность къ востоку отъ д. Лидіутунь и, буде возможно, осмотрѣть эту деревню съ тыла, я съ тремя взводами (1, 2 и 3), разсыпавъ два взвода въ лаву, а третій оставивъ въ резервѣ, двинулся мимо д.д. Лидіутунь и Сяотай. Когда правый флангъ лавы, подошелъ шаговъ на 200 къ Лидіутуню, раздался первый орудійный выстрѣлъ, и шрапнель разорвалась позади лавы; выпущенный слѣдующій снарядъ сдѣлалъ то же. Видя передъ собой разряженныя, такимъ образомъ, орудія и полное молчаніе на столь близкомъ разстояніи, признаться, я предположилъ, что прикрытіе отвлечено нашими спѣшенными сотнями, и отдалъ приказаніе сотнѣ взять батарею. Лихо сдѣлала сотня заѣздъ лѣвымъ плечомъ и понеслась къ цѣли на батарею".

„Это было дѣломъ одного мгновенія послѣ того, какъ Косоротовъ скомандовалъ въ атаку и, указавъ рукой на орудія, крикнулъ: „ребята взять ихъ".

„Разсѣкая грудью высокій гаолянъ, съ пиками на перевѣсъ и съ обнаженными шашками неслась смѣлая сотня на японскія орудія. Впереди скакалъ командиръ сотни. Вскорѣ обнаружилось, что непріятельская батарея имѣла пѣхотное прикрытіе: японскія пули стали осыпать скачущихъ казаковъ слѣва; батарея въ свою очередь открыла шрапнельный огонь съ фронта. Вотъ по пути

---

[1]) М. Грулевъ, ч. 2, стр. 165—168.

пустой пѣхотный окопъ, его легко берутъ донскіе скакуны; черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ другой, длинный окопъ; онъ занятъ пѣхотой. Здѣсь происходитъ нѣкоторое замѣшательство въ рядахъ казаковъ; однако, часть ихъ беретъ и второй окопъ.

„Надо сказать, что передъ первымъ окопомъ у есаула Косоротова падаетъ лошадь, сраженная пулей; это видятъ всѣ казаки третьей сотни; казакъ Власовъ (Иванъ Стефановичъ, Нижне-Курмоярской станицы) подскакиваетъ подаетъ сотенному своего коня. Вскочивши на ноги, есаулъ Косоротовъ, не разсмотрѣвъ препятствія, къ которому неслась его сотня, жестомъ и голосомъ приказываетъ сотнѣ продолжать атаку. Едва хотѣлъ сѣсть на поданную лошадь командиръ сотни, какъ и она была убита наповалъ. Есаулъ Косоротовъ бѣжитъ пѣшкомъ, но японскія пули ранятъ его въ обѣ ноги, и онъ падаетъ.

Между тѣмъ, сотня, проскочивъ и второй окопъ, неожиданно остановилась въ 50 шагахъ отъ батареи; то было проволочное загражденіе. Лошади топчатся на одномъ мѣстѣ; казаки падаютъ подъ японскими пулями; артиллерійскимъ снарядомъ сраженъ вахмистръ“.

„Сотня не выдержала и понеслась назадъ“.

„Отступленіе сопровождалось большими потерями; люди и лошади валятся, какъ подкошенные. Непріятель, который подвелъ было уже передки чтобы увезти орудія, усиливаетъ огонь артиллеріи и наноситъ казакамъ тяжкія потери.

Казакъ Власовъ, самъ раненый, беретъ подъ руку своего командира и ведетъ его обратно въ гаолянъ“.

„Стоявшій въ разъѣздѣ для связи съ третьей сотней казакъ Ажогинъ (Георгій Ивановичъ, Кундрючеcкой станицы, 4-й сотни), видя критическое положеніе сотни, летитъ стрѣлой къ мѣсту гибели своихъ станичниковъ, садитъ двухъ тяжело раненыхъ на своего коня и привозитъ ихъ на перевязочный пунктъ“.

„Той же 4-й сотни урядникъ Альникинъ (Петръ Ефимовичъ, станицы Цымлянской) бережно подхватилъ раненаго есаула Косоротова и вывелъ его изъ этого ада огня [1])“.

Сотня Косоротова, къ сожалѣнію, не достигла осязательныхъ результатовъ своею удалою атакою, но примѣръ конной атаки на батарею, съ пѣхотнымъ прикрытіемъ, имѣлъ огромное вліяніе на

---

[1]) 4-я Донская каз. дивизія въ Русско-Японскую войну. Ѳ. Ростовцевъ, стр. 68—69.

духъ войскъ и показалъ, что время конныхъ атакъ далеко еще не отжило свой вѣкъ.

Такими эпизодами сопровождалась работа конницы. Что касается работы пѣхоты—то въ теченіе долгаго періода стоянки на р. Шахэ—поиски охотниковъ и стычки въ сторожевомъ охраненіи были почти-что каждую ночь, причемъ чаще всего сопровождались нашимъ успѣхомъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ участникъ войны А. А. Рябининъ:

„Мы и японцы зимой на Шахэ, занимая укрѣпленныя позиціи на высотахъ (на равнинѣ еще и въ селеніяхъ), сторожевыми частями соприкасались въ долинѣ. Деревни тутъ служили опорными пунктами“.

„Въ Ноябрѣ д. Наньшаньпу (Наньшиньпу) занималась японской сторожевой ротой“.

„Въ ночь съ 25-го на 26-е Ноября рѣшена была развѣдка на фронтѣ 1-й Сибирской дивизіи 2-го корпуса. Развѣдка предпринята одновременно въ двухъ направленіяхъ: отъ д. Беньяпуза къ юго-востоку и на д. Наньшаньпу (между этими деревнями около 3 верстъ)“.

„У Беньяпузы развѣдка не достигла успѣха“.

„Второй развѣдывательный отрядъ составленъ изъ трехъ охотничьихъ командъ (двѣ Верхнеудинскаго и одна Красноярскаго сибирскихъ полковъ) и 160 чел. охотниковъ вызванныхъ изъ ротъ Красноярскаго полка (при 4 офицерахъ). Сборнымъ пунктомъ назначена д. Сунмапуза. Эта деревня постоянно занималась двумя охотничьими командами; кромѣ того, въ сумерки сюда ежедневно приходила полурота въ сторожевое охраненіе“.

„Японцы, если и услышатъ здѣсь шумъ при сборѣ отряда, то естественно могутъ принять за обычныя явленія — приходъ полуроты, смѣна дневного охраненія на ночное. Окончательный планъ атаки былъ составленъ на мѣстѣ (на сборномъ пунктѣ) въ собраніи всѣхъ участниковъ офицеровъ, подъ руководствомъ прибывшаго сюда генер. штаба капитана Михѣева. Исполнителями были офицеры и солдаты, стоявшіе на здѣшней позиціи уже полтора мѣсяца. Большинство изъ нихъ и раньше добровольно вызывались на развѣдки. Они хорошо изучили мѣстность, каждую канавку знали. Рельефъ передъ Наньшиньпу, впрочемъ, очень несложный—ровное поле, посрединѣ перерѣзанное рѣкой Шахэ, проходимой въ бродъ и теперь замерзшей, но непрочно, а такъ,

что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледъ проваливался подъ человѣкомъ. Легкій слой снѣга выпалъ наканунѣ, но днемъ солнце обогрѣло и надѣлало проталинокъ".

„Ночь настала тихая, безлунная, но звѣздная".

„Отрядъ собрался на сборный пунктъ у Сунмапудзы около 8 час. вечера. Атака въ общихъ чертахъ произведена такъ:

„Одна команда верхнеудинцевъ выдвинулась впередъ и правѣе (западнѣе) деревни Наньшиньпу, другая ихъ команда выдвинулась лѣвѣе (восточнѣе) той же деревни. Обѣ команды имѣли цѣлью обезпечить фланги красноярцевъ (охотничьей команды 40 чел. и охотниковъ изъ ротъ 160 чел.), на которыхъ возложенъ штурмъ деревни. Изъ 200 чел. красноярцевъ составилось 5 взводовъ, каждый при офицерѣ. Взводы эти построились справа уступами, съ тѣмъ, чтобы легче зайти послѣ перехода рѣки правымъ плечомъ и атаковать деревню сразу, ворвавшись съ трехъ сторонъ. Лѣвофланговый уступъ долженъ служить резервомъ (и онъ не перешелъ рѣки) второй и третій (два средніе) соединились въ одинъ".

„Затѣмъ всѣ получили опредѣленное направленіе—средній на уголъ деревни, лѣвый идти на лѣвый флангъ деревни, правый на юго-восточный фасъ. Послѣ набѣга удерживать деревню не приказано было, и охотники должны отойти, подъ прикрытіемъ праваго уступа, который, послѣ взятія деревни, займетъ южную окраину деревни и очиститъ ее послѣднимъ".

„Отдано вполголоса приказаніе двигаться впередъ. Тихо дошли до рѣки Шахэ, двигаясь шагомъ. Затѣмъ по льду перешли рѣку; нѣкоторые провалились. Шорохъ шаговъ и бульканье воды были услышаны японскими часовыми: раздались выстрѣлы изъ ихъ сторожевого охраненія, съ окраины деревни. За рѣкой охотники ускорили шагъ и, какъ только деревня начала обрисовываться въ темнотѣ, бросились бѣгомъ на нее. Японскіе посты на окраинѣ деревни не выдержали и разсыпались по деревнѣ. Поддержка ихъ тоже оказалась по фанзамъ не готовой, и дрогнула при сшибкѣ. Штыковой бой въ деревнѣ не длился и пяти минутъ. Японцы спаслись, убѣгая по дорогѣ, ведущей отъ деревни на перевалъ, что между двумя большими сопками (сопкой съ кумирней и Двугорбой). Одиннадцать плѣнныхъ захвачено было живыми. Своихъ потеряли изъ строя двоихъ и то легко ране-

ными, которые сами дошли обратно. Плѣнныхъ доставили въ Суимапудзу, гдѣ сдали капитану генеральнаго штаба [1]".

Перечисленіе всѣхъ подобныхъ боевыхъ эпизодовъ могло-бы составить отдѣльный объемистый трудъ. Общее впечатлѣніе этихъ стычекъ было почти всегда благопріятное, нельзя было сомнѣваться въ превосходствѣ нашего солдата надъ противникомъ и съ каждымъ днемъ сидѣнья на Шахэ росла вѣра въ возможность успѣха и падало создавшееся убѣжденіе „въ необыкновенныхъ" качествахъ японской арміи.

20 Декабря послѣдовала сдача Портъ-Артура. Это печальное событіе не могло не отразиться на духѣ арміи, съ одной стороны, съ другой стороны оно повліяло на ходъ стратегическихъ соображеній по дальнѣйшему плану веденія кампаніи.

Необходимо было учесть возможность скораго прибытія на театръ боевыхъ дѣйствій артурской арміи Ноги, что давало огромныя выгоды положенію японцевъ.

Цѣлый рядъ соображеній по задержанію арміи Ноги далъ толчекъ давно уже назрѣвавшей идеѣ— производства набѣга коннымъ отрядомъ на тылъ японцевъ.

23-го Декабря было приступлено къ формированію изъ состава конницы всѣхъ трехъ армій коннаго отряда, силою въ 71 эскадронъ и сот., при 22-хъ орудіяхъ и 4-хъ конно-охотничьихъ командахъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Мищенко.

Задача коннаго отряда заключалась прежде всего въ порчѣ желѣзной дороги для задержанія подвоза арміи Ноги и въ захватѣ порта Инкоу.

Сосредоточившись къ с. Сыфонтай, на правомъ берегу р. Хуньхэ, 27-го Декабря конный отрядъ выступилъ въ набѣгъ.

Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ стычекъ, сопряженныхъ, однако, съ потерями, 29-го Декабря конный отрядъ прошелъ г. Ньючжуань, спустившись такимъ образомъ до параллели Хайчена.

Послѣ перехода р. Хуньхэ 5 сотенъ и 1 эскадронъ, съ подрывнымъ имуществомъ, были высланы для взрыва мостовъ на участкѣ желѣзно-дорожной линіи Ляоянъ—Ташичао. Однако, несмотря на то, что всѣ сотни достигли желѣзной дороги, серьезныхъ поврежденій сдѣлать не удалось.

Къ Инкоу было рѣшено подойти въ сумерки и подъ покровомъ темноты атаковать станцію и зажечь склады.

---

[1]) А. Рябининъ. Ночныя дѣйствія войскъ, стр. 148—151.

30-го Декабря „выступивъ около 2 ч. 30 м. дня съ привала, главныя силы отряда приблизились на разстояніе 3—4-хъ верстъ къ Инкоу; артиллерія открыла огонь по станціи. 4 сотни Терско-Кубанцевъ двинулись на д. Силаобянь, чтобы взорвать желѣзную дорогу и тѣмъ отрѣзать Инкоу отъ Ташичао; сотни только начали подходить къ деревнѣ, какъ мимо нихъ прошелъ въ Инкоу поѣздъ, усилившій гарнизонъ станціи на одинъ баталіонъ. Всего для обороны Инкоу собралось два баталіона, силою до 1400 человѣкъ".

„Штурмовая колонна, силою въ 19 сотенъ, двинулась съ привала въ обходъ съ сѣверо-запада".

„Въ шесть часовъ, когда стемнѣло, наша артиллерія зажгла склады въ Инкоу и прекратила огонь. Нѣсколько сотенъ изъ главныхъ силъ вышли на полотно желѣзной дороги, къ востоку отъ Инкоу и портили его, какъ могли".

„Штурмовая колонна, спѣшившись у д. Ліусюгоу, вытянулась въ одну линію и двинулась къ станціи".

„Зарево пожара освѣщало все пространство у станціи. Какъ только атаковавшія сотни попали въ освѣщенную полосу, японцы открыли пачечный огонь. Мы произвели нѣсколько горячихъ атакъ на усиленныя искусственными препятствіями каменныя постройки станціи, но всѣ онѣ были отбиты; остатки колонны, превратившись въ носильщиковъ раненыхъ, отступили [1])".

Утромъ 31-го Декабря, въ виду появленія значительныхъ силъ отъ Ташичао, отрядъ началъ обратное движеніе къ арміи.

Это движеніе, въ особенности переправа черезъ Ляохэ по тонкому льду, сопровождалось большими трудностями, но къ вечеру 2-го Января отрядъ благополучно вошелъ въ соприкосновеніе уже съ правымъ флангомъ арміи.

Потери за набѣгъ—40 офицеровъ и 361 нижній чинъ.

„Съ 27-го Декабря по 3-е Января включительно отрядъ прошелъ 250 верстъ, что составляетъ, въ среднемъ, около 31 в. въ сутки; величина переходовъ разъѣздовъ доходила до 70—80 верстъ. Во время движенія было разсѣяно нѣсколько японскихъ тыловыхъ командъ; 19 человѣкъ захвачено въ плѣнъ, уничтожено до 600 арбъ съ запасами, сожжено нѣсколько небольшихъ складовъ продо-

---

1) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 323—324.

вольствія и прервано сообщеніе по телеграфнымъ и телефоннымъ линіямъ въ раіонѣ наступленія; удалось произвести крушеніе двухъ поѣздовъ, но ни одного капитальнаго сооруженія не было разрушено. Поврежденія желѣзной дороги были исправлены японцами черезъ 6 часовъ [1])".

Въ общемъ, результаты набѣга вовсе не отвѣчали нашимъ надеждамъ. Рѣзкая критика, однако, совершенно неправильно дѣлаетъ нападки на медленность движенія и неудачную организацію отряда. Принимая во вниманіе незнакомый раіонъ, зимнюю стужу, плохія карты, можно съ убѣжденіемъ сказать, что и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ конница врядъ-ли можетъ дать большее, но несомнѣнно, что, если-бы армія вслѣдъ за доблестнымъ генераломъ Мищенко перешла въ наступленіе по всему фронту, результаты набѣга были-бы иные.

„Осенью и въ теченіе первой половины зимы наши войска усилились VIII и XVI арм. корпусами, и 1-й, 2-й и 5-й стрѣлк. бригадами, образовавшими Сводно-Стрѣлковый корпусъ. Къ концу 1904 года было закончено укомплектованіе всѣхъ частей; къ 11 Января въ распоряженіи ген.-ад. Куропаткина находилось 372 баталіона полнаго состава, 172 эскад. и сотни, 1156 оруд. и 48 пулеметовъ".

„Въ Россіи 2 Декабря была объявлена 7-я частная мобилизація и подготавливалась отправка дальнѣйшихъ подкрѣпленій— IV арм. корпуса, 3-й и 4-й стрѣлк. бригадъ".

„Пользуясь перерывомъ въ развитіи военныхъ дѣйствій, наше управленіе переустроилось. Высочайшимъ приказомъ 13 Октября ген.-ад. Алексѣевъ былъ освобожденъ отъ обязанностей главнокомандующаго, которыя тѣмъ же приказомъ были возложены на ген.-ад. Куропаткина. Войска были разбиты на три арміи: въ составъ лѣвофланговой 1 арміи, ген.-отъ-инф. Линевича, вошелъ I арм., II, III и IV Сиб. корпуса; III армію—центръ, подъ командой ген.-отъ-кав. Каульбарса, образовали XVII арм., V и VI Сиб. корпуса; во II армію, ген.-отъ-инф. Гриппенберга, вошли VIII и X арм., I Сиб. и Сводно-Стрѣлковый корпуса. XVI арм. корпусъ оставался въ непосредственномъ резервѣ Главнокомандующаго.

Японскій главнокомандующій не могъ расчитывать на прибытіе значительныхъ подкрѣпленій до исхода осады Портъ-Артура,

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 324.

пожиравшей большія силы и средства. Поэтому, еще въ концѣ сраженія на р. Шахэ онъ постарался оттянуть значительные резервы изъ боевой части. Въ центрѣ остались 6-я и 10-я дивизіи съ 2 резервными бригадами, образовавшія IV армію Нодзу. На правомъ флангѣ 12-я и гвардейская дивизія, съ 2 резервными бригадами, располагались въ боевой части I арміи Куроки, а 2-я дивизія оставалась въ резервѣ. На лѣвомъ флангѣ, уступами вдоль нижняго теченія р. Шахэ, располагались 3 дивизіи Оку (4-я, 5-я, 8-я); чтобы обезпечить себѣ свободу маневрированія, впередъ, въ промежутокъ между р. Шахэ и Хуньхэ, отъ Линьшиньпу до Хегоутая, г. Оку выдвинулъ отрядъ ген.-м. Акіямы— 14 эск., 2 батал., 6 кон. оруд. и 6 пулеметовъ. 3-я дивизія и нѣсколько резервныхъ бригадъ оставались въ резервѣ маршала Ойямы. Резервная дивизія, образованная изъ войскъ, несшихъ гарнизонную службу въ Кореѣ, собралась къ Цзянчану и своимъ уступнымъ расположеніемъ обезпечивала правый флангъ. Въ этомъ расположеніи японцы выжидали паденія Портъ-Артура“.

„Занятый хлопотами по устройству благополучной зимовки нашихъ войскъ, Главнокомандующій безпрерывно работалъ и надъ подготовкой перехода въ наступленіе. Подготовка, къ сожалѣнію, выражалась преимущественно въ выясненіи взглядовъ различныхъ начальниковъ и критикѣ ихъ — единоличной и въ совѣщаніяхъ. При такомъ групповомъ способѣ разработки, очевидно, смѣлыя рѣшенія не имѣли шансовъ быть принятыми; торжествовала робкая мысль. Любое военное совѣщаніе или комиссія представляютъ готовое ополченіе противъ всякаго предложенія, ярко отражающаго чью-либо энергичную личную мысль и вырабатываютъ среднее—а значитъ и посредственное— рѣшеніе“.

„Общій планъ нашъ заключался въ нанесеніи главнаго удара лѣвому флангу японцевъ; при этомъ устанавливалась общая схема—не должно атаковать ни одного укрѣпленнаго пункта съ фронта до тѣхъ поръ, пока успѣхъ общаго охвата не дастъ возможность атаковать одновременно его и съ лѣваго фланга. Это обрекало на бездѣйствіе не только I и III арміи, но и часть начинавшей наступленіе II арміи. Вмѣсто того, чтобы массой введенныхъ въ бой войскъ добиваться успѣховъ, мы ждали успѣховъ, чтобы ввести въ бой главныя силы“.

Через нашъ планъ красной нитью проходило недовѣріе къ возможности овладѣть укрѣпленной позиціей обычнымъ наступленіемъ. Въ такомъ случаѣ, I и III арміи предстояла второстепенная задача; вся тяжесть ложилась на II армію, а она не была достаточна усилена; резервъ Главнокомандующаго—XVI корпусъ—не выдвигался на ея поддержку".

„Тогда какъ японцы оцѣнивали надвигавшіяся противъ ихъ лѣваго крыла силы гораздо ниже ихъ дѣйствительной численности, мы преувеличивали силы слабаго отряда ген. Акіяма во много разъ, и нашъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выработанный, планъ сводился, въ сущности, къ постепенной атакѣ на сел. Хегоутай, Сандепу, Лидіутунь, Татай — пункты, гдѣ укрѣпились резервы крайне жидкаго сторожеваго охраненія японцевъ. Мы намѣчали ударъ почти по воздуху; при совершенно невыясненной обстановкѣ, мелочными наставленіями, иниціатива, не только командировъ корпусовъ, но и командующихъ арміями, была совершенно стѣснена; въ случаѣ перехода японцевъ въ наступленіе, указывалась немедленно обратиться къ оборонѣ, отказавшись отъ проявленія своей, съ такимъ трудомъ надуманной воли. Скованное этими условіями, наше превосходство въ силахъ теряло всякое значеніе, и побѣда арміи въ 123 батал., 92 эск. и сотн. и 436 оруд. надъ непріятельскимъ сторожевымъ охраненіемъ дѣлалась сомнительной".

„Наша II армія состояла изъ 4 свободныхъ корпусовъ. Вмѣсто того, чтобы неожиданно выдвинуть ихъ изъ уступнаго положенія и, не связывая какими либо оборонительными задачами, направить на непріятельское расположеніе, мы съ первыхъ чиселъ Января выдвигаемъ части ея, по различнымъ, второстепеннаго значенія, поводамъ, на одну линію съ другими арміями; къ 10 Января армія занимала изогнутую линію, протяженіемъ около 40 верстъ, фронтомъ на югъ и юго-востокъ. Войска были еще до начала наступленія утомлены суетливой переброской, отвлекавшей ихъ отъ предстоявшей имъ главной задачи. Между тѣмъ, холодная зимняя стужа (по ночамъ морозы до 20°) требовала особаго вниманія къ силамъ войскъ".

„Диспозиціей II арміи отъ 11 Января указывались слѣдующія частныя задачи: I Сиб. корпусъ и 14 пѣх. див. должны были атаковать съ запада участокъ Чжаньтань—Хуанлотоцзы; X корпусъ и 15 пѣх. дивизія—стрѣлять съ сѣвера, съ фронта Чжоу-

гуаньпу — Сандіоза; Сводно-Стрѣлковый корпусъ оставался въ резервѣ, у сел. Таухуза—Даваньганьпу. Съ лѣваго фланга ко II арміи непосредственно примыкала III армія; съ праваго фланга I Сиб. корпусу содѣйствовала конница ген.-ад. Мищенко, а Ляохэйскій отрядъ, у Сыфонтая, прикрывалъ тылъ всей арміи [1])".

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 327—330.

ГЛАВА IV.

Сандепу—Хэгоутай.

„Ближайшая цѣль войскъ I-го Сиб. корпуса д. Хуанлотоцза, какъ и большая часть населенныхъ пунктовъ въ этомъ раіонѣ, была окружена глинобитной стѣной, приспособленной къ оборонѣ со рвомъ впереди; ворота въ стѣнѣ были заложены наглухо, за исключеніемъ воротъ западной стороны. Гарнизонъ этого селенія былъ весьма незначительный, состоя всего изъ роты пѣхоты и 10 кавалеристовъ. Такимъ же образомъ японцами приведена была въ оборонительное состояніе и д. Сутайцзы".

„Высланные въ ночь съ 10 на 11 Января офицерскіе разъѣзды для производства развѣдокъ донесли, что между д.д. Хандзяопу и Хуанлотоцзы лѣвый берегъ р. Хунхэ занятъ незначительными отрядами противника численностью 40—60 чел. Болѣе значительныя японскія силы были обнаружены лишь далѣе на югъ, около Сантайцзы и Мамакая, гдѣ, однако, гарнизоны противника также не превышали одной-двухъ ротъ".

„Не довольствуясь этой рекогносцировкой командиръ I-го Сиб. корп. лично произвелъ развѣдку утромъ 11 Января на фронтѣ д.д. Хуанлотоцзы—Тутайцзы. Убѣдившись въ томъ, что указанный для наступленія раіонъ дѣйствія оборонялся лишь слабыми силами противника, г.-л. Штакельбергъ рѣшилъ захватить передовыя японскія войска ночнымъ нападеніемъ. Такой способъ дѣйствій обусловливался еще тѣмъ, что д.д. Хуанлотоцзы и Тутайцзы, хотя и слабы были заняты японцами, были, однако, приспособлены къ оборонѣ, вслѣдствіе чего, овладѣніе этими пунктами днемъ, при силѣ современнаго огня, было бы сопряжено со значительными жертвами [1]".

Наступленіе было организовано двумя колоннами: правой, подъ начальствомъ г.-л. Гернгросса, въ составѣ 1-й В.-С. стр. дивизіи, съ артиллеріей,—и лѣвой, въ составѣ 34-го В.-С. стр.

---

[1] Военно-Истор. Ком. Т. IV, ч. II, стр. 194.

полка, подъ начальствомъ полковника Мусхелова, съ придачей еще двухъ конно-охотничьихъ командъ.

„Правая колонна начала движеніе въ 12 час. ночи на 12 Января. Морозъ доходилъ до 12°. Къ 4 час. утра къ д. Хуанлотоцзы подошелъ 1-й В.-С. стр. полкъ, а вслѣдъ за нимъ приблизились 3-й и 4-й В.-С. стр. полки, двигавшіеся южнѣе, образуя собою заслонъ на случай появленія съ этой стороны резервовъ противника съ цѣлью подкрѣпить японскій гарнизонъ въ д. Хуанлотоцзы. Штурмъ деревни полк. Лешъ организовалъ двумя баталіонами, имѣя одинъ въ резервѣ. Ночная атака оказалась совершенно неожиданной для японцевъ, которые были застигнуты врасполохъ и частью переколоты, частью захвачены въ плѣнъ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя 40 убитыхъ и раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. У противника убито было 60 чел., въ плѣнъ взято было 20 чел. здоровыхъ и 7 раненыхъ. Деревня Хуанлотоцзы оборонялась ротой пѣхоты при 10 кавалеристахъ. Къ 6 час. утра д. Хуанлотоцзы была окончательно занята войсками правой коллонны. Къ этому же времени туда прибыла и артиллерія, состоявшая изъ 46 орудій, которая съ вечера оставалась въ Цыюто. Вслѣдъ за артиллеріей прибылъ въ Хуанлотоцзы и командиръ корпуса генералъ бар. Штакельбергъ [1])“.

Предметомъ дѣйствій лѣвой колонны служила д. Тутайцзы. Для атаки этого пункта 34-й В.-С. стр. полкъ двинулся въ 2 часа ночи, имѣя впереди конныхъ охотниковъ, которые должны были охватить деревню съ тыла въ то время, когда полкъ поведетъ атаку съ фронта.

Въ 3 часа ночи стрѣлки безъ выстрѣла ворвались въ деревню, изъ которой находившійся тамъ японскій гарнизонъ быстро разсѣялся. Къ утру, однако, японцы пытались снова овладѣть д. Тутайцзы и повели энергичную атаку, но были отбиты и оттѣснены на лѣвый берегъ р. Хуньхэ. Для упроченія своего положенія полк. Мусхеловъ сейчасъ же вытребовалъ въ д. Тутайцзы мортирныя батареи, которыя съ $8^1/_2$ час. утра начали обстрѣливаніе д. Хэгоутай. Согласно приведеннаго выше приказа войскамъ корпуса, это обстрѣливаніе ставилось задачей для лѣвой колонны съ цѣлью облегчить атаку на д. Хэгоутай.

Необходимо, однако, замѣтить, что боевая дѣятельность мортирныхъ батарей оказалась непродолжительной, такъ какъ

---

1) Военно-Истор. Комисс. Т. IV, ч. II, стр. 197.

къ 4 час. дня въ дѣйствовавшихъ здѣсь 4-й и 5-й мортирныхъ батареяхъ оказались сломанными и поврежденными 16 боевыхъ колесъ, такъ что батареи пришлось отправить обратно въ полкъ. Поврежденія эти обусловливались не дѣйствіемъ непріятельскаго артиллейскаго огня,—такъ какъ артиллеріи японской со стороны Хэгоутая не было обнаружено ни въ этотъ день, ни на слѣдующій день — а произошли вслѣдствіе несовершенства конструкціи или непрочности изготовленія матеріальной части [1]).

Послѣ овладѣнія линіей д.д. Хуанлотоцзы—Тутайцзы ближайшей цѣлью дѣйствій колонны г.-л. Гернгросса служило овладѣніе д. Хэгоутай, которая также была окружена толстой и высокой глинобитной стѣной, приведенной въ оборонительное состояніе. Подступы къ этому селенію затруднялись высокими и обрывистыми берегами р. Хуньхэ, а также искусственными препятствіями въ видѣ засѣкъ, устроенныхъ въ мѣстахъ, наиболѣе доступныхъ атакѣ.

Наступленіе на Хэгоутай, начатое въ 9 час. утра 12 Января, организовано было слѣдующимъ образомъ:

Въ боевую часть для атаки деревни направленъ былъ 2-й В.-С. стр. полкъ, а ближайшимъ резервомъ служилъ 1-й В.-С. стр. полкъ, отъ котораго одинъ баталіонъ назначенъ былъ въ прикрытіе къ артиллеріи, расположенной южнѣе д. Хаунлотоцзы, а второй баталіонъ долженъ былъ служить гарнизономъ этой деревни до прибытія туда корпуснаго резерва. Остальные полки 1-й В.-С. стр. дивизіи, двигаясь южнѣе, должны были служить заслономъ съ этой стороны на случай появленія японскихъ войскъ съ юга и юго-востока на выручку Хэгоутаю“.

„Для подготовки атаки выдвинута была вся артиллерія дивизіи на позицію, къ югу отъ д. Хуанлотоцзы, въ числѣ 4 скорострѣльныхъ полевыхъ батарей и 12 поршневыхъ орудій. Кромѣ того, въ подготовкѣ атаки принимали участіе еще двѣ мортирныя батареи лѣвой колонны полк. Мусхелова, со стороны д. Тутайцзы“.

„Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня стрѣлки быстро приблизились къ намѣченному пункту атаки, почти безъ потерь, пользуясь закрытыми подступами по р. Хуньхэ, протекающей здѣсь среди высокихъ, обрывистыхъ береговъ. Наступавшіе въ этомъ направленіи I и 2-й В.-С. стр. полки только около небольшого выселка, вблизи Хегоутая, при дебушированіи стрѣлковъ

[1]) Военно-Истор. Комис. Т. IV, ч. II, стр. 198.

изъ русла р. Хуньхэ, встрѣчены были ружейнымъ огнемъ японцевъ, занимавшихъ окопы на окраинѣ деревни. На помощь стрѣлкамъ вызваны были пулеметы, и въ то же время, къ часу дня приказано было артиллеріи переѣхать на новую позицію поближе къ предмету атаки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для обезпеченія атаки на Хэгоутай, генералъ бар. Штакельбергъ направилъ корпусный резервъ къ д. Хуанлотоцзы, гдѣ онъ и расположился въ 11 час. дня".

„Одновременно съ движеніемъ I-й бригады на Хэгоутай шло безостановочное движеніе 2-й бригады, направлявшейся вдоль р. Хуньхэ по берегу. Имѣя задачей служить заслономъ, съ южной стороны, полки наступали прямо въ этомъ направленіи, но вскорѣ 4-й В.-С. стр. полкъ подвергся неожиданно жестокому ружейному огню японцевъ со стороны д. Таупао, которая оказалась приведенной въ оборонительное состояніе и сильно занятой противникомъ. Въ короткое время полкъ понесъ чувствительныя потери".

„На поддержку 4-му полку генераломъ бар. Штакельбергомъ направлены были изъ корпуснаго резерва 35-й В.-С. стр. полкъ, а также 4-я и I-я батареи 9-й В.-С. арт. бригады. Обѣ батареи взяли д. Таупао подъ перекрестный артиллерійскій огонь и черезъ нѣкоторое время деревня была зажжена. Остальная часть корпуснаго резерва, въ составѣ 36-го и двухъ баталіоновъ 33-го В.-С. стр. полковъ съ двумя батареями, была расположена къ востоку отъ д. Хуанлотоцзы, уступомъ за правымъ флангомъ 35-го В.-С. стр. полка. Для атаки д. Хэгоутай командиръ корпуса призналъ необходимымъ усилить колонну генерала Гернгросса еще 3-мъ В.-С. стр. полкомъ изъ корпуснаго резерва и, кромѣ того, подчинилъ ему также и колонну полк. Мусхелова. Артиллерія открыла энергичный огонь, которымъ къ вечеру были сожжены обѣ деревни Таупао и Хэгоутай. Съ наступленіемъ темноты д. Таупао была занята 35-мъ В.-С. стр. полкомъ, при поддержкѣ дѣйствовавшей здѣсь 3-й роты 3-го В.-С. стр. полка, атаковавшей деревню съ восточной стороны".

„Занятіе деревни Таупао облегчило задачу по овладѣнію Хэгоутаемъ, такъ какъ отвлеченные стрѣльбой изъ окоповъ около д. Таупао 4-й В.-С. стр. полкъ получилъ возможность обратить свои дѣйствія противъ Хэгоутая. Въ то же время къ этому послѣднему приблизились также и полки 1-й бригады, которые направлялись противъ сѣверо-западной окраины деревни; 3-й

В.-С. стр. полкъ двинулся съ западной стороны Хэгоутая, а колонна полк. Мусхелова (34-й В.-С. стр. полкъ) повела атаку со стороны Тутайцзы. Противникъ обнаружилъ весьма упорное сопротивленіе несмотря на то, что артиллеріи въ Хэгоутаѣ не было и обнаруженъ былъ лишь одинъ пулеметъ.

Наконецъ, къ 10 час. вечера, сопротивленіе японцевъ было сломлено, головныя роты 2-го В.-С. стр. полка ворвались въ Хэгоутай и быстро оттѣснили японцевъ въ южную часть деревни. Вслѣдъ за 2-мъ полкомъ проникли туда стрѣлки 1-й бригады и д. Хэгоутай была занята нами прочно“.

„Такимъ образомъ задача, поставленная корпусу, въ этотъ день была выполнена [1])“.

Вообще, работа 1-го Сибирскаго корпуса, какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе, была во всякомъ случаѣ безупречной. Бой подъ Хэгоутаемъ былъ лебединою пѣснью для командовавшаго корпусомъ генерала барона Штакельберга, такъ какъ онъ, какъ разъ послѣ этихъ славныхъ дней на поляхъ Хэгоутая, былъ принужденъ сдать командованіе и убылъ изъ Арміи волею начальства; а между тѣмъ въ офицерской средѣ арміи возникалъ вопросъ: „почему?!“ Ни неудача подъ Вафангоу, ни безплодныя усилія Восточнаго отряда въ Шахейскихъ бояхъ—не были достаточны, чтобы смѣнить не особенно популярнаго ген. бар. Штакельберга; и вотъ тогда, когда, казалось, онъ проявилъ всю энергію, и искра таланта блеснула въ организаціи и веденіи боя—именно въ это время военная карьера его была кончена. И какъ разъ въ это же время имя генерала Штакельберга сдѣлалось популярнымъ, и изъ устъ въ уста передавались разсказы о его беззавѣтной храбрости, настойчивости и энергіи.

Вотъ какъ характеризуетъ этого генерала участникъ боя подъ Хэгоутаемъ:

„Больной и слабый въ обыковенное время генералъ Штакельбергъ весь перерождался въ такія минуты. Цѣлый день напряженной дѣятельности на ногахъ или верхомъ вызывали во мнѣ и знавшихъ его чувство глубокаго удивленія и уваженія къ этому человѣку. Мы, молодые, здоровые,готовы были пасовать передъ нимъ. Нечего было и думать увезти барона Штакельберга въ фанзу до взятія хотя бы одной деревни. Командиръ корпуса хотѣлъ быть въ рядахъ своихъ войскъ и никакіе доводы о

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія. Т. IV, ч. 2, стр. 199—200.

большей успѣшности работы штаба въ болѣе благопріятной обстановкѣ не могли заставить его уйти съ полей Хэгоутая и Таупау [1])“.

Въ тотъ-же день на фронтѣ 8-го армейскаго корпуса начались дѣйствія противъ д. Сандепу, названіе которой стало историческимъ.

„Для подготовки атаки д. Сандэпу сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, вся артиллерія, состоявшая при 15-й пѣх. дивизіи, а именно: 96 скоростр. орудій, 12 мортир., 8 поршн. и 4 осадныхъ, должна была съ разсвѣтомъ открыть огонь по д. Сандэпу.

Войска 14-й пѣх. дивизіи начали атаку д. Сандэпу энергичной артиллерійской подготовкой, веденной въ теченіе всего дня. Дѣйствія войскъ выразились въ слѣдующемъ:

„Задача Подольскаго полка было овладѣть сѣверной половиной западной окраины д. Сандэпу. Наступленіе полка изъ Чжаньтаня на лѣвый берегъ р. Хуньхэ должно было начаться по особому приказанію и не раньше, какъ по переходѣ рѣки Житомирскимъ полкомъ и по окончаніи перемѣны его фронта на западъ. Приказанія этого полкъ ожидалъ до 3 час. дня и, получивъ его непосредственно отъ начальника штаба корпуса, перешелъ р. Хуньхэ, въ направленіи на Чжаньтань-Хенань, Вандзяуопу, Чанитао, построился на лѣвомъ берегу въ боевой порядокъ и повелъ наступленіе на д.д. Вандзяуопу и Чанитао.

Съ окраины д. Вандзяуопу части были встрѣчены ружейнымъ огнемъ, но послѣ небольшой перестрѣлки противникъ отошелъ къ д. Чанитао и открылъ оттуда еще болѣе сильную стрѣльбу. Перестрѣлка длилась около часа. Подъ угрозой обхода 7-й роты, противникъ быстро отошелъ на востокъ. Полкъ энергично преслѣдовалъ его до д. Вандзяуопу, гдѣ остановился, войдя въ связь съ Житомирскимъ полкомъ, и выслалъ для дальнѣйшаго преслѣдованія отступавшаго противника охотничью команду, которая совмѣстно съ командой Житомирскаго полка обрекогносцировала подъ огнемъ противника подступы къ с. Сандэпу“.

„На ночь полкъ расположился въ раіонѣ д.д. Чанитао—Вандзяуопу, рядомъ съ Житомирскимъ полкомъ.

Дѣйствія 56-го Житомирскаго полка имѣли ближайшей цѣлью атаку прежде всего д. Безымянной, на лѣвомъ берегу р. Хуньхэ.

---

[1]) С. Л. М. Еще о Сандепу, стр. 23.

Изъ командировки въ отрядъ г.-ад. Мищенко полкъ возвратился въ 3 ч. утра 19-го Января [1])".

„Въ 9½ час. утра 12-го Января Житомирскій полкъ развернулся въ боевой порядокъ южнѣе с. Чандіопа и двинулся на югъ къ р. Хуньхэ, направляясь лѣвымъ флангомъ на южную оконечность с. Чжантань, чтобы войти въ прямое соприкосновеніе съ Подольскимъ полкомъ".

„Первымъ пунктомъ атаки были намѣчены д. Безымянная на лѣвомъ берегу р. Хуньхэ—ближайшая къ д. Хэгоутай, атакуемой одновременно частями 1-го Сиб. корпуса. Занятіе д. Безымянной представлялось необходимымъ для установленія болѣе тѣсной связи съ войсками этого корпуса, въ виду необходимости согласованія его дѣйствій для совмѣстнаго съ ними наступленія съ юго-запада и запада къ Сандэпу.

„Въ 10 час. утра команда пѣшихъ охотниковъ заняла д. Безымянную съ потерей одного нижняго чина раненымъ".

„Такъ какъ передъ этимъ было получено словесное приказаніе командира корпуса начать атаку деревень на лѣвомъ берегу Хуньхэ, не раньше полученія свѣдѣній о взятіи 1-мъ Сиб. корпусомъ с. Хэгоутай, то полкъ, подойдя цѣпями къ рѣкѣ, задержалъ наступленіе въ ожиданіи дальнѣйшаго приказанія".

„Однако, къ 12 час. дня Хэгоутань не былъ еще взятъ, какъ это предполагалось, и потому, съ разрѣшенія командира корпуса, было приказано продолжать наступленіе, которое и возобновилось въ 1 ч. дня".

„Когда боевой порядокъ полка переходилъ по льду р. Хуньхэ, онъ былъ обстрѣливаемъ фланговымъ ружейнымъ огнемъ, со стороны с. Хэгоутай, и потерялъ нѣсколько нижнихъ чиновъ ранеными. У д. Безымянной, оставленной японцами, части полка пріостановились, такъ какъ для дальнѣйшаго наступленія къ Сандэпу предполагалось выжидать присоединенія къ правому флангу боевого порядка стрѣлковой бригады перваго корпуса, назначенной атаковать Сандэпу съ юга. Но атака Хэгоутая 1-мъ корпусомъ замедлилась, а полкъ, оставаясь у Безымянной, продолжалъ нести потери отъ фланговаго ружейнаго огня изъ Хэгоутая".

„Было уже 4 часа пополудни, впереди еще предстояло занятіе ряда селеній и затѣмъ атака Сандэпу. Опоздать изъ-за

---

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 203.

ожиданія стрѣлковъ, и затѣмъ вести ночныя атаки на неизвѣстныя, мало обрекогносцированныя селенія—не представлялось основательнымъ, и потому рѣшено было продолжать наступленіе по диспозиціи и заночевать въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ застигнутъ сумерки".

„Такъ какъ одновременно съ занятіемъ д. Безымянной Подольскій полкъ атаковалъ и занялъ Вандзяуопу, то Житомирскому полку оставалось направляться на д.д. Ядзыпао и Маландань, которыя онъ и занялъ въ 5 час. вечера, выбивъ оттуда противника. Въ 6 час. вечера было занято с. Чанитао".

„Около д. Чанитао, въ виду наступленія темноты, были отозваны стрѣлковыя цѣпи, и полкъ въ строю по-ротно, на сближенныхъ разстояніяхъ, продолжалъ движеніе къ Сандэпу — до ручья, въ $1^1/_2$ верстахъ западнѣе этого селенія, имѣя влѣво отъ себя въ такомъ же порядкѣ 55-й пѣх. Подольскій полкъ".

„Охотничьи команды, высланныя для рекогносцировки подступовъ къ с. Сандэпу, были встрѣчены ружейнымъ огнемъ и обнаружили, что селеніе охраняется многими сильными секретами".

„Такъ какъ, по диспозиціи, атака Сандэпу могла послѣдовать только по полученіи на то особаго приказанія, оставаться же до утра въ полѣ на дистанціи ружейнаго огня отъ противника не имѣлось основаній, то полкъ совмѣстно съ Подольскимъ отошелъ на ночлегъ въ д. Вандзяуопу, куда и прибылъ около 4 час. утра 13 Января".

„Пока Подольскій и Житомирскій полки вели свои разрозненныя атаки на д.д. Сандэпу и Безымянную, остальные полки дивизіи оставались въ резервѣ: Минскій полкъ, составляя резервъ дивизіи, расположенъ былъ за Житомирскимъ полкомъ, а Волынскій полкъ, числясь въ корпусномъ резервѣ, расположенъ былъ у д. Чандіопа".

„Въ $3^1/_2$ часа дня Волынскій полкъ получилъ приказаніе командира корпуса двинуться на поддержку Тобольскаго полка, направлявшагося въ это время для атаки д. Вандзяуопу. Согласно этому приказанію, полкъ переправился черезъ рѣку Хуньхэ, у д. Чжантань, и направился на д. Вандзяуопу, выславъ сначала развѣдку изъ конныхъ охотниковъ. Охотники встрѣчены были огнемъ изъ д. Маландань. Обстоятельство это заставило Волынскій полкъ остановить свое движеніе съ цѣлью выждать результата атаки Подольскаго полка на д. Вандзяуопу.

Въ такомъ выжидательномъ положенiи Волынскiй полкъ оставался до вечера, когда къ мѣсту расположенiя полка прибылъ командиръ корпуса, который приказалъ полку отойти на ночлегъ къ д. Чжантань, объявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что полкъ изъ корпуснаго резерва возвращается въ распоряженiе начальника дивизiи".

„Точно также и Минскiй полкъ никакого участiя въ событiяхъ этого дня не принималъ и огня не открывалъ. Направляясь за Житомирскимъ полкомъ, Минскiй полкъ прибылъ къ вечеру къ д. Маландань и здѣсь расположился на ночлегъ [1])".

„Вся артиллерiя обстрѣливала д. Сандэпу вплоть до сумерекъ, но день былъ туманный, съ сильнымъ вѣтромъ; наблюденiя за стрѣльбой были крайне затруднительны, поэтому было трудно выяснить, насколько артиллерiя подготовила атаку д. Сандэпу. Подготовка этой атаки артиллерiйскимъ огнемъ была начата на разсвѣтѣ 12 Января; 2-й дивизiонъ 29-й арт. бригады занялъ позицiю къ западу отъ д. Сехантайцзы, а 3-й дивизiонъ—къ западу отъ д. Чжоуганьпу, примыкая правымъ флангомъ къ р. Хуньхэ; оба дивизiона въ окопахъ".

„Въ 7 час. утра батареи 2-го дивизiона открыли огонь по д. Бейтайцзы, а другiя двѣ батареи-по д. Сандэпу; 3-й дивизiонъ въ 9 час. утра открылъ рѣдкiй огонь по д.д. Сандэпу и Бейтайцзы, которыя, при наблюденiи съ позицiи, представлялись какъ одна деревня съ небольшимъ разрывомъ посрединѣ. Главной цѣлью стрѣльбы было выясненiе данныхъ стрѣльбы по различнымъ пунктамъ въ этихъ деревняхъ [2])".

„Согласно диспозицiи по II-й армiи, дѣйствiя 10-го корпуса на 12 Января должны были имѣть чисто пассивный характеръ, ограничиваясь артиллерiйской поддержкой войскъ 8-го армейскаго корпуса во время атаки ихъ на Сандэпу. Огонь слѣдовало направить на фронтъ д.д. Хауньди—Фуцзячжуаньцза, для того, чтобы отвлечь въ этомъ направленiи вниманiе японцевъ отъ войскъ, атакующихъ Сандэпу [3])".

Первый день наступленiя, казалось, складывался для насъ благопрiятно. Войска работали безъ осѣчки и выше всякой похвалы, но ни три Командующихъ Армiями, ни самъ Главно-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссiя, т. IV, ч. 2, стр. 205—206.
[2]) Тамъ-же. Стр. 207.
[3]) Тамъ-же. Стр. 209.

командующій не использовали этой отличной боевой работы. Достигнутые успѣхи остались неразвитыми и не было желѣзной воли, могущей объединить всѣ эти разрозненныя усилія корпусовъ и армій, дѣйствовавшихъ поодиночкѣ.

„Въ итогѣ, весь этотъ день войска II-й арміи совершали только подготовительныя дѣйствія для выполненія поставленной арміи задачи—овладѣніе д. Сандэпу. Войска І-го Сиб. корп., въ общемъ итогѣ, успѣли продвинуться впередъ на 4 версты, овладѣвъ по дорогѣ четырьмя деревнями, въ томъ числѣ д. Хэгоутай занятіе которой считалось первымъ необходимымъ условіемъ для овладѣнія д. Сандэпу. Несмотря на то, что эта ближайшая цѣль дѣйствій І-го Сиб. корп. была достигнута, использовать этотъ успѣхъ для атаки Сандэпу оказалось невозможнымъ, такъ какъ Хэгоутай былъ занятъ въ 4 часа вечера, и развить успѣхъ атакой Сандэпу возможно было лишь ночью, что не входило въ предположенія старшихъ начальниковъ“.

„Дѣйствія 8-го арм. корп. ограничились за весь день занятіемъ второстепенныхъ пунктовъ на лѣвомъ берегу р. Хуньхэ, отчасти оставленныхъ противникомъ, отчасти при слабомъ сопротивленіи съ его стороны“.

„Дѣйствія отрядовъ г.-ад. Мищенко и г.-м. Коссаговскаго были направлены къ достиженію одной цѣли—овладѣнію д. Мамакаемъ, непредусмотрѣнной вовсе диспозиціей II арміи [1])“.

„Итакъ,—пишетъ В. Ѳ. Новицкій,—первый день боя былъ законченъ. Самый важный день для наступавшаго, самый тяжелый для оборонявшагося. Выгоды, пріобрѣтенныя въ этотъ день, должны были имѣть рѣшающее значеніе на исходъ всей операціи; успѣхъ достигнутый въ этомъ бою, долженъ былъ обзпечить за нами инициативу дѣйствій. Чего же мы достигли 12 Января.

Стотысячная армія, послѣ цѣлаго дня боя, въ теченіе котораго лишь у с. Хейгоутай мы встрѣтили серьезное сопротивленіе, продвинулась впередъ своимъ правымъ флангомъ на 3—4 версты.

Никто не видѣлъ еще того укрѣпленнаго селенія, которое составляло цѣль общихъ стремленій“.

„Изъ 120 батал., 92 сот. и 440 орудій принимали активное участіе въ бою лишь 40 бат., 14 сот. и 140 орудій или 30% наличныхъ силъ; всѣ прочія войска бездѣйствовали и преслѣдовали второстепенныя цѣли“.

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 210.

„Не достигнувши въ первый же день обязательныхъ результатовъ, мы лишали себя возможности достигнуть ихъ и впослѣдствіи, потому что наши вялыя дѣйствія предоставляли непріятное время и возможность приготовиться къ отраженію удара и раскрывали ему наши намѣренія [1]“.

Особенно поразительными, въ отрицательномъ смыслѣ, въ теченіе всей операціи являлись дѣйствія Командовавшаго 1-й Арміей Генерала Линевича. Несмотря на всѣ опредѣленныя данныя о противникѣ, стягивавшемъ все, что можно было, къ своему лѣвому флангу, 1-я Армія не сдѣлала ни одного шага, чтобы парализовать японцевъ и помочь II-й арміи, оттянувъ на себя хотя-бы часть силъ противника.

„Задачей 8-го арм. корп. на 13 Января ставилось овладѣніе линіей Сандэпу—Бейтайцзы—Сяотайцзы. Непосредственное выполненіе этой задачи возлагалось на 14-ю пѣх. дивизію, которой приказано было занять и удержать эти деревни, послѣ чего 15-я дивизія должна была, продолжая наступленіе, овладѣть д.д. Лабатай и Ханьтиньтай“.

„Но уже въ 9 час. утра 13 Января, когда войска корпуса еще только приступали къ выполненію своей задачи, отъ начальника лѣваго боевого участка г.-м. Некрасова получено было донесеніе, что въ ночь съ 12 на 13 Января японцы захватили д. Бейтайцзы, которая наканунѣ вечеромъ занята была охотниками Люблинскаго и Залюсцкаго полковъ“.

„Наступленіе полковъ первой линіи было въ 7½ час. утра при чувствительномъ морозѣ и снѣжной мятели“.

„Подольскій полкъ направился на д. Вандзяуопу“. „Вслѣдствіе тумана, снѣга и морозной мглы, направленіе было взято неправильное—не на востокъ, а на юго-востокъ, но повѣривъ положеніе по компасу, командиръ Подольскаго полка къ 9 час. утра исправилъ направленіе, остановивъ боевой порядокъ захожденіемъ плечомъ, лично устанавливая части въ новомъ направленіи. Во время этого маневра въ 8½ час. утра, противникъ открылъ по полку ружейный и шрапнельный огонь, изъ-подъ котораго полкъ не выходилъ уже до самаго конца атаки [2]“.

„Когда стрѣлковыя цѣпи полка подошли къ противнику на дистанцію 1000 шаговъ, боевой порядокъ остановился, такъ какъ

---

[1] В. Ѳ. Новицкій. Сандэпу. Стр. 36.
[2] Воен.-Истор. Комисс., т. IV, ч. 2, стр. 232.

Житомирскій полкъ еще не вышелъ на линію съ Подольскимъ. Въ этомъ положеніи полкъ оставался до 4 час. дня, до начала общей атаки дивизіи".

„Въ то же время Житомирскій полкъ, пройдя д. Лидзявопу, развернулъ боевой порядокъ; но, вслѣдствіе тумана и снѣжной мятели, такъ же, какъ и подольскій полкъ,взялъ невѣрное направленіе и началъ наступленіе ни на Сандэпу, а въ промежутокъ между южной его окраиной и с. Датай".

„Въ 10 час. утра перейдя передовыми частями черезъ оврагъ, полкъ подвергся фланговому огню непріятельской батареи изъ Сандэпу и понесъ первыя въ этотъ день потери".

„Для возстановленія направленія начальникъ дивизіи приказалъ полку возвратиться къ оврагу д. Лидзявопу, двинуться русломъ его на сѣверъ до соприкосновенія съ Подольскимъ полкомъ, и тогда выдвигаться для атаки правѣе этого полка. При этомъ направленіи движенія всего боевого порядка дивизіи было установлено по Подольскому полку, какъ окончательно уже нацѣленному на пунктъ атаки".

„Около 1 часа дня. Житомирскій полкъ вышелъ изъ оврага, у д. Лидзявопу, и повелъ наступленіе на южную половину западной окраины с. Сандэпу, съ охватомъ селенія съ юга".

„Къ 4 час. дня, полкъ выровнялъ свой боевой порядокъ по Подольскому полку и закончилъ охватъ южной оконечности с. Сандэпу".

„Артиллерійская подготовка начата была 41-й арт. бригадой, вслѣдъ за началомъ наступленія I-й бригады 14-й дивизіи [1])".

„Одновременно съ полевыми батареями въ подготовкѣ атаки д. Сандэпу приняла участіе также и осадная артиллерія".

„Чтобы не подвергнуть войска 14-й пѣх. дивизіи, наступавшія на с. Сандэпу, пораженію изъ своихъ же орудій, командиръ корпуса приказалъ, впредь до особаго приказанія, огня изъ осадныхъ батарей не открывать. А когда же выяснилось, что опасность пораженія своихъ миновала, командиръ корпуса послалъ приказаніе открыть огонь. Осадная батарея, расположенная у д. Чжоуганьпу, начала обстрѣливать д. Сандэпу и продолжала огонь какъ по этой деревнѣ, такъ и по японской 4-й орудійной батареѣ, расположенной на сѣверной опушкѣ д. Сандэпу.

Огонь прекратился лишь съ наступленіемъ темноты, при

1) Тамъ-же, стр. 233.

чемъ осадная батарея выпустила 31 бомбу. Одновременно 3-й дивизіонъ 29-й артиллерійской бригады, расположенный въ окопахъ, къ западу отъ д. Чжоуганьпу, примыкая правымъ флангомъ къ р. Хуньхэ, также обстрѣливалъ д. Сандэпу и выпустилъ 582 снаряда".

„Въ ночь съ 1 на 14 Января, согласно ранѣе отданному распоряженію, осадная батарея была разоружена и съ разсвѣтомъ отправлена въ распоряженіе командира 10-го арм. корп. въ д. Ямандапу. Едва батарея успѣла прибыть къ новому мѣсту назначенія, какъ, согласно приказанія Командующаго арміей, вновь должна была быть перевезена въ д. Цзуерпу и занять прежнюю позицію [1])".

„Предназначенные служить ближайшимъ резервомъ полки I-й бригады 14-й дивизіи выступили за полками первой линіи и направились: 53-й Волынскій—за Подольскимъ полкомъ, 54-й Минскій—за Житомирскимъ полкомъ. Въ 7 час. утра Волынскій полкъ подошелъ къ с. Маландань, а въ 9 час. выступилъ черезъ д.д. Яцзыпао—Ванцзявопу, дабы стать, согласно диспозиціи, въ общемъ резервѣ за Подольскимъ полкомъ [2])".

„Такимъ образомъ, туманная погода и морозная мгла оказали вредное вліяніе на успѣхъ наступленія, такъ какъ части войскъ сбились съ надлежащаго направленія и много времени ушло на то, чтобы возстановить должное направленіе атаки на Сандэпу. Только къ 3 часамъ пополудни боевая линія полковъ 2-й бригады выровнялась, полки окончательно были нацѣлены, резервы подтянуты и началось безостановочное движеніе въ атаку. Перебѣжки слѣдовали непрерывными волнами, тонкими линіями и группами, не менѣе отдѣленій; остановки были короткія, только для передышки".

„Въ 4 часа пополудни Житомирскій полкъ и, почти одновременно съ нимъ, головныя роты Минскаго полка ворвались въ южную часть с. Сандэпу".

Подольскій полкъ, коснувшійся при атакѣ своимъ лѣвымъ флангомъ с. Баотайцзы, видя, что въ нее ворвались Волынцы, продолжалъ движеніе на востокъ, и только двѣ роты его направились на участокъ атаки Волынскаго полка въ с. Баотайцзы, принятый ими за Сандэпу; остальная часть полка, попавъ подъ

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 234.
[2]) Тамъ-же, стр. 235.

пачечный огонь съ опушки Сандэпу, бросилась къ юго-востоку на пунктъ атаки Житомирскаго полка [1]".

„Какъ только атакующія части ворвались въ селеніе, фанзы занятой ими части загорѣлись и начали раздаваться взрывы снарядовъ, и трескъ патроновъ, зарытыхъ во дворахъ въ грудахъ гаоляна, политыхъ керосиномъ и подожженныхъ японцами. Группы атакующихъ, пытавшіяся распространиться по деревнѣ на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ горящаго квартала фанзъ, попадали подъ огонь японскихъ стрѣлковъ, сидѣвшихъ за оградой укрѣпленной части селенія. Засвѣтло успѣли разсмотрѣть, что эта ограда представляла собою валъ, обнесенный рвомъ, проволочной сѣтью и засѣкой, а за валомъ возвышалась стѣнка съ бойницами".

„Пожаръ въ захваченномъ кварталѣ Сандэпу, не прекращавшіеся взрывы и стрѣльба по улицамъ изъ укрѣпленій, заставили атакующихъ выйти изъ селенія и стать къ югу отъ него въ полѣ, прикрываясь стѣнками фанзъ отъ пуль противника. Въ это время (около $5^1/_2$ ч. дня) со стороны Датай появилась наступающая къ Сандэпу колонна японцевъ, силою около 2-хъ баталіоновъ, развернувшая боевой порядокъ. Противъ нея выдвинуто было нѣсколько ротъ Минскаго полка, 9-я рота открыла огонь залпами, а подходившій въ атаку по слѣдамъ Житомирскаго полка 18-й стр. полкъ, нѣсколько измѣнивъ направленіе, двинулся на флангъ, непріятельскаго боевого порядка, что заставило противника отойти обратно. По отходѣ японцевъ части Минскаго и Подольскаго полковъ дѣлали попытки обойти с. Сандепу, съ юга и юго-востока, но попадали подъ сильный ружейный огонь изъ упомянутаго укрѣпленія".

„Во время описанной выше атаки, полки 14-й дивизіи были въ полномъ убѣжденіи, что передъ ними само с. Сандэпу. Поэтому совершенной неожиданностью для всѣхъ явился видъ отстоящаго на 500—600 шаговъ отъ занятыхъ нами деревень совершенно нетронутаго огнемъ укрѣпленнаго селенія, обнесеннаго валомъ, глубокимъ рвомъ, проволочными загражденіями и засѣкой; наконецъ, рядъ искусственныхъ препятствій завершала высокая стѣнка съ вырѣзанными въ ней бойницами, изъ-за которой японцы сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ осыпали наши войска, распространяющіяся по пылавшимъ уже въ это время д.д. Баотайцзы и Сяосуцзы".

---

[1]) Воен.-Истор. Комис. т. IV, ч. 2, стр. 236.

„Все разгоравшійся пожаръ, взрывы патроновъ и снарядовъ во дворахъ и сильный огонь противника изъ Сандэпу вскорѣ вынудили части, атаковавшія д. Сяосуцза, очистить ее, и искать убѣжища внѣ этого селенія, прикрываясь имъ отъ непріятельскаго огня“.

„Между тѣмъ, это занятіе части д. Сандэпу послужило поводомъ для не вполнѣ обоснованныхъ свѣдѣній, что вся д. Сандэпу занята войсками 14-й пѣх. дивизіи. Около 6 час. вечера къ командиру 8-го арм. корпуса генералу Мылову, находившемуся вблизи раіона дѣйствій 14 пѣх. дивизіи, явился начальникъ штаба этой дивизіи съ докладомъ, что д. Сандэпу взята нашими войсками. Свѣдѣнія эти, какъ увидимъ ниже, другимъ путемъ дошли до Главнокомандующаго, который обратился уже къ г.-ад. Гриппенбергу съ телеграммой о принятіи необходимыхъ мѣръ для прочнаго удержанія занятаго Сандепу.

„Въ дѣйствительности, однако, положеніе въ Сандепу къ вечеру 13 Января далеко не представлялось близкимъ къ окончательному овладѣнію этимъ пунктомъ“ [1]).

„Было совершенно очевидно, что ни предварительное обстрѣливаніе с. Сандэпу осадными орудіями и мортирами, продолжавшееся весь день съ утра 12-го Января, ни энергичный огонь 41-й арт. бриг., обстрѣливавшей этотъ пунктъ площадями съ утра 13-го Января до 3-хъ час. дня, не подготовили атаки: укрѣпленіе оказалось цѣлымъ, гарнизонъ дѣятельнымъ; 14-й дивизіи предстояла задача штурмовать укрѣпленіе неизвѣстной силы и расположенія“.

„По овладѣніи укрѣпленіемъ частями, предстояло удерживать его въ теченіе неопредѣленнаго времени, противъ вѣроятныхъ контръ-атакъ противника и вмѣстѣ съ симъ работать надъ усиленіемъ укрѣпленій с. Сандэпу не разсчитывая на смѣну или поддержку. Согласно описанія дѣйствій войскъ 8-го арм. кор., 14 пѣх. дивизія съ полудня 10-го Января находилась въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: совершила два ночныхъ марша въ отрядъ г.-ад. Мищенко и обратно, стояла все это время на бивакахъ, а въ ночь на 11 число, даже безъ права развести костры и обогрѣться, несла непрерывно сторожевую службу почти безъ сна ночью съ 11-го на 12-е и вступила 12-го Января въ бой. Послѣ атаки Сандэпу, едва устроенныя подъ прикрытіемъ фанзъ,

---

[1]) В.-И. Комиссія, т. IV, ч. 1, стр. 237—238.

роты почти въ полномъ изнеможеніи попадали рядами и заснули на снѣгу, въ окопахъ, на дворахъ и подъ стѣнами фанзъ. Оказалось затруднительнымъ даже организовать надежное сторожевое охраненіе. Не представлялось никакихъ основаній разсчитывать на благополучный исходъ немедленнаго штурма укрѣпленія, и было совершенно очевидно, что при отсутствіи свѣжихъ частей, ночная контръ-атака японцевъ привела бы дивизію въ серьезное разстройство. Оставаться до утра въ такомъ положеніи было совершенно недопустимо, такъ какъ съ разсвѣтомъ расположеніе частей было бы открыто для самаго близкаго ружейнаго и артиллерійскаго огня противника, и отходъ отъ Сандэпу днемъ въ порядкѣ былъ бы крайне труднымъ и стоилъ бы огромныхъ потерь, такъ какъ роты Тобольскаго и Житомирскаго полковъ залегли густой массой въ свободныхъ отъ пожара промежуткахъ между фанзами и передъ ними, представляя отличную цѣль. Противникъ не прекращалъ артиллерійскаго, пулеметнаго и ружейнаго огня".

„Были высланы охотники къ укрѣпленному кварталу д. Сандэпу, но противникъ былъ настолько бдителенъ, что удалось лишь выслѣдить въ редюитѣ наличность пулеметной батареи, глубокій ровъ, рядъ искусственныхъ препятствій и каменную стѣнку, окаймляющую редюитъ; но найти входы въ него не представлялось возможнымъ, такъ какъ непріятель близко не допускалъ, осыпая ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ".

„Начальникъ 14-й дивизіи донесъ, что дивизія сильно утомлена, и просилъ смѣнить ее свѣжими частями" [1]).

„Полки разстроенные, потрясенные и физически и морально, порѣдѣвшіе отъ потерь, перепутавшіеся въ темнотѣ въ узкихъ улицахъ селенія, были совершенно неспособны предпринять новое наступленіе противъ стоявшаго передъ ними непріятеля. Некому было принять общее руководство боемъ, потому что никого изъ высшихъ начальствующихъ лицъ здѣсь не было, и ночью невозможно было ихъ разыскать. Это побудило командировъ частей придти къ рѣшенію — очистить деревню въ теченіе ночи, чтобы съ наступленіемъ разсвѣта не подвергнуться разстрѣлу. И это рѣшеніе было приведено въ исполненіе: дивизія, полкъ за полкомъ, мелкими частями, незамѣтно для непріятеля, отошла къ

---

1) Воен.-Истор. Комис. т. IV, ч. I. стр. 238—239.

западу и заняла то положеніе, въ которомъ находилась утромъ 13-го января“ [1]).

„Между тѣмъ, вотъ что происходило на югѣ. Непріятель, которому мы уже дарили второй день, быстро собирался съ силами и, оцѣнивъ всю опасность для него того направленія, въ которомъ велъ наступленіе 1 Сибирскій корпусъ, повелъ съ утра энергичное контръ-наступленіе отъ с.с. Пяоцяо и Сумапу. Несмотря на очевидную слабость наступавшаго здѣсь непріятеля, у котораго почти совсѣмъ не имѣлось артиллеріи, 1 Сиб. корпусъ, ослабленный выдѣленіемъ на сѣверѣ одной бригады, не въ силахъ былъ опрокинуть насѣдавшаго противника и цѣлый день велъ оборонительный бой на линіи д.д. Хейгоутай — Тоупао. Такимъ образомъ, японцы своевременнымъ и удачнымъ направленіемъ своихъ резервовъ, а главное, благодаря своей смѣлой иниціативѣ, парализовали дѣятельность цѣлаго корпуса, не продвинувшагося за этотъ день ни на вершокъ къ востоку. И ночь на 14-е застала попрежнему на берегахъ р. Хуньхэ, въ окрестностяхъ Хейгоутая“ [2]).

Одинъ изъ участниковъ боя подъ Хейгоутаемъ такъ оцѣниваетъ событія этого дня въ 1-мъ Сиб. корпусѣ:

„Ошибки на войнѣ,—говоритъ С. Л. М.,—никогда не проходятъ даромъ. Слабо занятое нами въ ночь съ 12-го на 13-е Сумапу очищается охотниками при первомъ натискѣ противника, и заставляетъ весь корпусъ провести нѣсколько тревожныхъ часовъ. Будь вмѣсто охотничьей команды хоть одинъ баталіонъ, утро 13-го числа прошло бы спокойно и, Богъ вѣсть, понесъ ли бы 1-й Сиб. корпусъ такія огромныя потери, какъ это было 13-го, 14-го и 15-го января при атакѣ деревни Сумапу“.

„Я помню,—продолжаетъ С. Л. М.,—пережитыя нами волненія, когда вдругъ на улицахъ Хейгоутая засвистали пули и со всѣхъ сторонъ посыпались донесенія о переходѣ японцевъ въ наступленіе. Помню, какъ вдругъ потребовалась особая энергія, особая распорядительность командира корпуса. И вотъ тутъ-то нервный, дѣятельный генералъ Штакельбергъ, вмѣстѣ съ своимъ, всегда спокойнымъ въ бою, начальникомъ штаба (Генераломъ барономъ ф. д. Бринкенъ) сумѣли быстро и просто наладить оборону занятыхъ деревень и вселить въ войска увѣренность въ дальнѣйшемъ успѣхѣ. А были минуты, когда казалось, что

---

[1]) Академич. Сообщенія, ч. 2, стр. 73.
[2]) Тамъ же, стр. 70—71.

непріятель вотъ-вотъ чуть не голыми руками захватитъ одну изъ нашихъ батарей, открывши огонь съ позиціи восточнѣе деревни Хейгоутай, или обрушится на насъ, стремясь отрѣзать крпусъ отъ остальныхъ войскъ 2-й арміи".

„Какъ бы то ни было, захватъ Сумапу далъ полную возможность японцамъ приблизиться къ Хейгоутаю на одну версту и держать подъ ружейнымъ огнемъ эту деревню и ея окрестности" [1]).

„Въ 8 час. вечера генералъ Штакельбергъ получилъ приказаніе командующаго арміей отнюдь не переходить въ наступленіе и держаться оборонительно на занятыхъ позиціяхъ, а если выдвинулись далеко впередъ, то отойти назадъ къ Хейгоутаю. Нечего и говорить, что подобное приказаніе можно было отдать только не вполнѣ представляя обстановку боя и расположеніе корпуса. Намъ было тѣсно, душно и въ томъ узкомъ плацдармѣ, который занимали наши войска. Каждый шагъ назадъ, при условіи продолжать держаться у Хейгоутая, увеличивалъ кучность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потери корпуса. Генералъ Штакельбергъ приказалъ остаться на занимаемыхъ мѣстахъ и укрѣпиться.

Около 10 часовъ 30 минутъ вечера къ корпусу подошла 2-я стрѣлковая бригада, остановившаяся на ночь за деревней Хуаяншай. Резервъ корпуса былъ усиленъ чужой бригадой изъ общаго армейскаго резерва. Не проще ли было не брать отъ насъ бригаду Леша, подкрѣпивъ генерала Мылова этими европейскими стрѣлками. Постоянное перемѣшиваніе частей стало хронической болѣзнью старшихъ русскихъ начальниковъ и высшихъ управленій" [2]).

„Распоряженія на 14-е января, какъ со стороны главнокомандующаго, такъ и командующаго II арміей, претерпѣвали нѣсколько измѣненій, обусловливаемыхъ перемѣнной обстановки, такъ какъ сначала предполагалось, что Сандэпу занято войсками 14-й дивизіи, а затѣмъ выяснилось, что извѣстіе это было ошибочно".

„Командующій II арміей принялъ къ этому времени, т. е. къ 8 час. утра, 14 января, окончательное рѣшеніе продолжать атаку Сандепу, о чемъ и донесъ главнокомандующему" [3]).

Однако, осуществить немедленно атаку Сандэпу оказалось затруднительнымъ, въ виду того, что предшествовавшими боями

---

[1]) С. Л. М. Еще о Сандэпу, стр. 27—28.
[2]) Тамъ же, стр. 30.
[3]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 264.

14-й дивизіи выяснилось, что для овладѣнія д. Сандэпу требуется прежде всего основательная артиллерійская подготовка, а между тѣмъ наиболѣе, сильная наша артиллерія—4 ор. осадныхъ, 12 ор. мортирныхъ и 8 поршневыхъ—согласно приказанія г.-ад. Гриппенберга, отданнаго въ 6 час. 10 мин. утра начальнику 15-й пѣх. дивизіи, тотчасъ послѣ полученія донесенія о занятіи Сандэпу, была отправлена въ распоряженіе командира 10-го арм. корпуса для подготовки атаки на Лидіутунъ, которой требовалось овладѣть послѣ занятія Сандэпу. Въ 9 час. 10 мин., какъ только выяснилось, что предстоитъ еще продолжать атаку Сандэпу, приказано было снова возвратить эти батареи на свои позиціи. Исполнить это приказаніе удалось только къ полудню, и то лишь въ отношеніи батарей мортирныхъ и поршневыхъ, а осадная батарея могла быть возвращена только къ вечеру. Кромѣ того выяснилось, что мортирныя батареи, расположенныя у д. Гуцзяцзы, въ разстояніи 2,000 саж. отъ противника, не могутъ вовсе участвовать въ подготовкѣ атаки Сандэпу, за дальностью разстоянія. Являлась поэтому необходимость перемѣстить ихъ на новую позицію—около д. Бейтайцзы, поближе къ цѣли атаки, а это возможно было исполнить только съ наступленіемъ темноты, въ виду свирѣпствовавшаго огня противника [1]).

Въ то же время на фронтѣ 1-го Сибирскаго корпуса день 14-го января сопровождался слѣдующими событіями:

„Согласно принятаго рѣшенія, генералъ бар. Штакельбергъ, еще до разсвѣта 14-го января, направилъ 3-й В.-С. стр. полкъ для атаки д. Сумапу. Несмотря на принятыя мѣры, движеніе полка было рано обнаружено противникомъ, который открылъ убійственный ружейный огонь, заставившій стрѣлковъ пріостановить свое движеніе. Для поддержанія атаки высланы были три роты 4-го В.-С. стр. полка изъ состава гарнизона Хэгоутая; но тѣмъ не менѣе продвинуться впередъ къ Сумапу полкъ былъ не въ силахъ, такъ какъ стало совершенно свѣтло и подступы къ атакуемому пункту находились подъ жестокимъ огнемъ противника. Кромѣ того появились признаки стремленія японцевъ перейти въ наступленіе противъ д. Хэгоутай, которая съ 8 час. утра начала обстрѣливаться двумя японскими батареями со стороны Сумапу“.

„Повидимому, оправдывалось предположеніе генерала бар.

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 265—266.

Штакельберга о возможности со стороны противника прорыва фронта расположенія нашихъ войскъ на Хуньхэ. Въ такомъ положеніи командиръ 1-го Сиб. корп. получилъ донесеніе, что и атака на Сумапу пріостановлена, а въ то же время извѣстно стало, что и Сандэпу находится еще въ рукахъ противника. Признавая все же необходимымъ занятіе упомянутыхъ пунктовъ, въ видахъ лучшей обороны Хэгоутая, генералъ бар. Штакельбергъ рѣшилъ продолжать атаку Сумапу“ [1]).

„Для поддержанія атаки на Сумапу направленъ былъ 34-й В.-С. стр. полкъ, со стороны Таупао. Атака, поведенная полкомъ съ запада, была, однако, скоро парализована японцами со стороны д. Эрцзя, откуда наступающія части 34-го полка поражались жестокимъ фланговымъ огнемъ“ [2]).

„Полкъ стройно и быстро повелъ наступленіе. Роты уже перешли оврагъ съ ручейкомъ, когда на правомъ флангѣ полка, со стороны деревни Эрцзя, появился противникъ. Для противодѣйствія охвату пришлось постепенно израсходовать весь полковой резервъ. Командиръ полка послалъ въ деревню Таупао просить содѣйствія 36-го стр. полка. Несмотря на огромныя потери, стрѣлки продолжали тѣснить противника къ Сумапу. Силы 3-го и 34-го полковъ замѣтно слабѣли. Командиръ корпуса рѣшилъ поддержать ихъ 35-мъ полкомъ — своимъ послѣднимъ полкомъ резерва. Вмѣстѣ съ тѣмъ было послано приказаніе 36-му полку поддержать атаку изъ деревни Таупао. Чтобы уменьшить потери, было предписано наступать возможно быстрѣе и энергичнѣе“.

„Въ 12 час. дня, 8 ротъ 35-го полка перешли въ наступленіе. Остальныя роты были оставлены для переноски раненыхъ и въ прикрытіе артиллеріи. Продвинувшись впередъ, 35-й полкъ заполнилъ промежутокъ между 3-мъ и 34-мъ В.-С. стр. полками“.

„А потери все росли и росли. Мимо насъ безпрерывной вереницей тянулись раненые къ перевязочнымъ пунктамъ, которые были расположены на другомъ берегу р. Хуньхэ. Всякій, кто еще могъ съ трудомъ двигаться, отказывался отъ носилокъ, но и при этихъ условіяхъ носилокъ не хватало и ихъ пришлось замѣнить ружьями, покрытыми шинелями. Стрѣлки выносившіе раненыхъ, сами быстро возвращались въ строй. Многіе получивъ перевязку, брели обратно помогать своимъ товарищамъ. Возвра-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 272—273.

[2]) Тамъ же, стр. 272—273.

щавшихся въ бой раненыхъ было такъ много, что удалось составить цѣлыя двѣ сводныя роты подъ командой также раненыхъ офицеровъ.

Къ 2 час. дня 35-й и 34-й полки достигли передовыхъ японскихъ окоповъ и взяли ихъ послѣ непродолжительнаго штыкового боя. Съ наступленіемъ темноты всѣ готовились нанести послѣдній ударъ и занять Сумапу" [1]).

„Пока полки 35-й и 34-й производили это наступленіе— 36-й полкъ, пытавшійся было поддержать ихъ, былъ снова атакованъ и обстрѣлянъ во флангъ японцами, перешедшими въ наступленіе изъ д. Эрцзя, а потому командиръ полка рѣшилъ энергично заняться послѣдней и выбить изъ нея противника. Атака эта, однако, окончилась неудачей, и полкъ, понеся тяжкія потери, вынужденъ былъ снова занять прежнее свое расположеніе у д. Таупао и болѣе въ этотъ день уже не предпринималъ никакихъ активныхъ дѣйствій".

„Не измѣнилось положеніе сторонъ до наступленія темноты и впереди с. Сумапу. Одержавъ здѣсь около 2-хъ часовъ дня, какъ выше упомянуто, нѣкоторый успѣхъ, войска, подъ вліяніемъ убійственнаго перекрестнаго огня японцевъ, снова залегли и далѣе уже не продвинулись".

„Въ то время, когда войска корпуса вели, такимъ образомъ, кровопролитный бой у д. Сумапу, генералъ-бар. Штакельбергъ получилъ приказаніе Командующаго арміей о возвращеніи 2-й стр. бригады, чего, какъ увидимъ ниже, настойчиво добивался командиръ сводно-стрѣлковаго корпуса, въ виду возложенной на него задачи по атакѣ Сандепу. Въ отвѣтъ на это приказаніе командиръ 1-го Сиб. корпуса донесъ слѣдующее: „Въ виду того, что 3-й и 34-й стр. полки, атакующіе Сумапу, несутъ большія потери и что бригада полк. Леша задержана 8-мъ арм. корп., вернуть два полка 2-й стр. бригады считаю рискованнымъ. Въ резервѣ у меня $2^3/_4$ баталіона своего корпуса, которые ввожу сейчасъ въ бой для поддержки частей, атакующихъ Сумапу. Такимъ образомъ у меня останутся только стрѣлковыя части 2-й Европейской бригады въ резервѣ, всего $4^3/_4$ баталіона".

Видя такое уклоненіе генерала бар. Штакельберга отъ преподанныхъ указаній держаться оборонительныхъ дѣйствій, г.-ад. Гриппенбергъ командировалъ командующаго Оренбургской каз.

---

[1]) С. Л. М. Еще о Сандэпу, стр. 33—34.

дивизіей г.-м. Грекова со спеціальной цѣлью выяснить обстановку въ 1-мъ Сиб. корпусѣ и подтвердить командиру корпуса еще разъ о необходимости воздержаться отъ наступательныхъ дѣйствій, держась лишь обороны указаннаго раіона" [1]).

„Упорно преслѣдуя достиженіе поставленной цѣли, командиръ 1-го Сиб. корп., какъ упомянуто было выше, рѣшилъ овладѣть д. Сумапу посредствомъ ночного штурма, но пожелалъ также выслушать по этому вопросу мнѣніе ближайшихъ войсковыхъ начальниковъ. Начальникъ 1-й В.-С. стр. дивизіи г.-л. Гернгроссъ и его начальникъ штаба, полк. Новосельскій, опредѣленно высказались за необходимость ночного штурма. Мнѣніе это вполнѣ раздѣлялось начальникомъ штаба корпуса г.-м. бар. фонъ-денъ Бринкеномъ, и было, санкціонировано генераломъ бар. Штакельбергомъ слѣдующими словами, обращенными къ генералу Гернгроссу".

„Мнѣ нужно Ваше имя, Васъ знаютъ и любятъ солдаты; назначаю Васъ начальникомъ отряда для овладѣнія д. Сумапу" [2]).

„Несмотря на темноту ночи, лишавшую возможности оріентироваться надлежащимъ образомъ, атакующія колонны взяли сразу вѣрное направленіе, но въ разстояніи около полуверсты отъ д. Сумапу были обнаружены противникомъ, который открылъ сильный ружейный и пулеметный огонь. Тѣмъ не менѣе, слабые остатки колоннъ, таявшихъ въ темнотѣ отъ ранъ и чрезмѣрнаго утомленія людей въ предшествовавшихъ бояхъ, достигли южной окраины Сумапу и быстро овладѣли всей этой окраиной деревни, вытѣснивъ оттуда японцевъ".

„Одновременно съ этой атакой на южную окраину Сумапу роты 35-го В.-С. стр. полка атаковали окопы западнѣе этой деревни и штыками выбили японцевъ изъ первой, а также, частью, изъ 2-й линіи. Казалось, что цѣль была достигнута, что деревня эта нераздѣльно занята нашими стрѣлками; тѣмъ болѣе, что немедленно вслѣдъ за овладѣніемъ атакованнымъ пунктомъ прибыли на усиленіе еще двѣ роты стрѣлковъ съ пулеметомъ. Однако, въ 4 часа японцы повели энергичную контръ-атаку, а съ разсвѣтомъ выяснилось, что японцы владѣютъ еще частью Сумапу, откуда открытъ былъ сильный ружейный огонь, а вслѣдъ затѣмъ японцы повели энергичную атаку, охвативъ нашихъ стрѣлковъ съ обоихъ фланговъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 275.
[2]) Тамъ-же, стр. 277.

и кровопролитной штыковой работы стрѣлки очистили занятую часть Сумапу. Изъ состава 6-го стр. полка въ 1500 нижн. чин. и 23 офицера было убито и ранено въ этомъ бою 17 офицеровъ и 651 нижн. чинъ; пропало безъ вѣсти 4 оф. и 499 нижн. чин."

„Извѣстіе объ упорныхъ атакахъ войскъ 1-го Сиб. корп. на Сумапу вызвало неудовольствіе со стороны Главнокомандующаго, который опасался разбросаннаго положенія корпуса въ виду противника, сосредоточившаго, повидимому, свои силы въ Сандепу для перехода въ наступленіе" [1]).

Такъ закончился день 14-го Января. Обращаетъ на себя вниманіе геройская работа войскъ и въ этотъ день, и вновь ясно обрисовывается необъединенность, разрозненность дѣйствій, а со стороны Командующаго II-й Арміей и Командира 8-го Корпуса и нерѣшительность. Геройская атака Сандэпу не поддержана, въ критическую минуту начальство отсутствуетъ, и полки добровольно очищаютъ занятые съ боя участки. Выдающаяся инціатива Генерала Барона Штакельберга не только не оцѣнивается, но, напротивъ, вызываетъ неудовольствіе!

Вновь войска выше всякой похвалы, вновь управленіе арміей—не на высотѣ.

„Центромъ боевыхъ дѣйствій II арміи 15 Января служило продолженіе атакъ на Сандэпу".

„Въ то время, когда г.-ад. Гриппенбергъ готовился, такимъ образомъ, развить наступательныя дѣйствія, Главнокомандующій склонялся къ мысли о необходимости всяческой осторожности въ виду близкаго наступленія японцевъ значительными силами" [2]).

„Несмотря на тѣсную зависимость, поставленную между атакой Сандэпу и ея артиллерійской подготовкой, эта послѣдняя не могла быть произведена не только въ теченіе всего предшествующаго дня, но предвидѣлась возможность запозданія подготовки и къ утру 15-го Января" [3]).

„Пока войска сводно-стр. корпуса готовились къ переходу въ наступленіе, японцы сами повели атаки на фронтѣ войскъ этого корпуса. Къ 8 часамъ утра японцы открыли сильный артиллерійскій огонь по д. Вандзяопу, а вслѣдъ затѣмъ ясно обозначилось быстрое наступленіе значительныхъ силъ противника съ

---

[1]) Военно-Ист. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 278—279.
[2]) Тамъ же, стр. 295.
[3]) Тамъ-же, стр. 297.

юга и запада противъ участковъ, обороняемыхъ 17-мъ и 18-мъ стр. полками. Въ то же время стали замѣтно усиливаться части войскъ противника, передвигавшіяся противъ лѣваго фланга позиціи и Сводно-стр. корпуса“ [1]).

Одновременно съ наступленіемъ противъ праваго фланга Сводно-стр. корпуса японцы дѣлали попытки сбить также 3-й и 4-й стр. (1 Сиб. корпуса) полки, переходя здѣсь нѣсколько разъ въ наступленіе, но каждый разъ встрѣчались убійственнымъ ружейнымъ огнемъ и вынуждались къ отступленію, послѣ чего въ теченіе всего дня ограничились здѣсь ружейной перестрѣлкой, воздерживаясь отъ болѣе активныхъ дѣйствій“ [2]).

Между тѣмъ, обстановка въ 1-мъ Сибирскомъ корпусѣ съ утра 15-го января становилась все труднѣе и труднѣе.

„Изъ изложенныхъ выше дѣйствій 1-го Сиб. корпуса въ теченіе предшествовавшаго дня видно, что послѣ ряда упорныхъ атакъ днемъ и ночью войскамъ корпуса, подъ начальствомъ г.-л. Гернгросса, удалось, наконецъ, послѣ ночного штурма, овладѣть частью д. Сумапу, оставшейся внѣ района, приведеннаго японцами въ оборонительное состояніе. Цѣль, казалось, достигнута; оставалось только закрѣпить за нами обладаніе этимъ пунктомъ.

Въ 5 часовъ ночи, 15 января командиромъ 1-го Сиб. корпуса отдана была диспозиція, въ которой указывалось, что противникъ выбитъ изъ Сумапу къ юго-востоку отъ д. Хейгоутай, но что до д.д. Паоцяо, Кученцзы, Сандэпу, Датай, а также южнѣе линіи Сюйцзявопу-Цзиньцзяпуцза еще заняты имъ. Цѣлью дѣйствій корпуса на 15 января ставилось оборонять занятыя имъ позиціи и удерживать противника“ [3]).

„Чтобы выбить японцевъ изъ южной окраины деревни, необходимо было уничтожить приведенную въ оборонительное состояніе глинобитную стѣнку, прикрывавшую противника. Съ этой цѣлью направлены были къ Сумапу два орудія 9-й В.-С. стр. арт. бригады. Но японцы зорко слѣдили за подступами къ этой деревнѣ и, какъ только замѣтили приближеніе артиллеріи, открыли по ней такой губительный огонь, что съ дороги заставили вернуться артиллерійскій взводъ, а также прикрывавшую его роту 34-го В.-С. стр. полка.“

„Воспользовавшись этимъ успѣхомъ, японцы значительными

---

1) Военн. Истор. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 298.
2) Тамъ же, стр. 299.
3) Тамъ-же, стр. 300.

силами перешли въ энергичное наступленіе противъ разстроенныхъ частей отряда г.-л. Гернгросса, удерживавшихся въ занятой ими части Сумапу, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыли сильный артиллерійскій огонь по всей позиціи, занимаемой корпусомъ".

„Уступая стремительному натиску превосходныхъ силъ противника, войска наши вынуждены были очистить д. Сумапу и отступить на прежнюю позицію, занимавшуюся 3-мъ В.-С. стр. полкомъ, частью также на д. Хейгоутай. Остатки 35-го В.-С. стр. полка направлены были въ общій резервъ корпуса на р. Хуньхэ".

„Не ограничиваясь достигнутыми успѣхами, японцы начали энергичное наступленіе на лѣвый флангъ 1-го Сиб. корп., стремясь прорваться между отрядомъ полк. Леша и 33-мъ В.-С. стр. полкомъ" [1]).

„Въ 2 часа дня японцы снова двинулись въ атаку въ разрѣзъ между отрядомъ полковника Леша и 33-мъ В.-С. стр. полкомъ, стараясь сбить этотъ послѣдній и ворваться въ Хейгоутай. Жаркій бой возобновился по всему фронту впереди Хейгоутая. Чтобы усилить лѣвый флангъ 33-го В.-С. стр. полка, которому все время угрожалъ охватъ противника, вызваны были изъ общаго резерва двѣ сводныя роты 35-го В.-С. стр. полка; гарнизонъ Хейгоутая былъ усиленъ баталіономъ 5-го стр. полка. Потери въ рядахъ войскъ все увеличивались, — настолько, что двѣ роты 5-го и 34-го стр. полковъ, составлявшія гарнизонъ Хейгоутая, были цѣликомъ израсходованы на уборку раненыхъ. Японцы безпрерывно возобновляли свои атаки, неся огромныя потери, но, тѣмъ не менѣе, не могли продвинуться впередъ".

„Около часа дня на подкрѣпленіе войскъ корпуса распоряженіемъ командующаго арміей прибылъ 56-й пѣх. Житомирскій полкъ съ двумя батареями 41-й арт. бригады, которыя сейчасъ же выдвинуты были на позицію на правомъ берегу р. Хуньхэ, рядомъ съ 4-мя батареями 1-го Сиб. корп.; 56-й Житомирскій полкъ былъ направленъ для усиленія общаго резерва, который въ значительной степени растаялъ, состоя къ этому времени всего лишь изъ трехъ ротъ 5-го, 2-хъ сводныхъ ротъ 6-го и одной роты 8-го стр. полка. Силы японцевъ, повидимому, истощились и они снова вынуждены были къ бездѣйствію, которое продолжалось до наступленія темноты" [2]).

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 301.
[2]) Тамъ же, стр. 303.

„Пользуясь ночной темнотой, японцы во многихъ мѣстахъ продвинулись впередъ и затѣмъ одну за другой повели рядъ кровопролитныхъ атакъ противъ Хейгоутая, стараясь, главнымъ образомъ, сбить лѣвый флангъ 33-го В.-С. стр. полка. Нѣсколько разъ японцы свои атаки въ этомъ направленіи доводили до удара въ штыки, но встрѣчали стойкое сопротивленіе со стороны стрѣлковъ, при поддержкѣ трехъ ротъ 56-го Житомирскаго полка, подоспѣвшихъ изъ резерва“.

Напрягая послѣднія усилія, японцы около полуночи двинулись на общій штурмъ по всей линіи 1-го Сиб. корпуса, но были отбиты съ огромными потерями. Войска корпуса сохранили то же положеніе, которое они занимали около 12 час. дня [1]).

Геройскіе бои, громадныя потери 1 Сибирскаго корпуса, однако, не отражались на настроеніи войскъ; вотъ какъ описываетъ этотъ день С. Л. М.:

„Несмотря на сильное утомленіе и огромную убыль въ теченіе 4-хъ дней непрерывныхъ боевъ, войска были бодры духомъ и твердо вѣрили, что и дальше сдержатъ напоръ превосходнаго въ силахъ противника. Штабъ весь день провелъ подъ откосомъ берега Хуньхэ. Генералъ-лейтенантъ Штакельбергъ, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба корпуса, въ дохѣ и бѣлой папахѣ стоялъ на высокомъ берегу рѣки, нервно слѣдя за ходомъ боя. Казалось, для него не существуетъ усталости, а рвущіеся надъ головой снаряды и шальныя ружейныя пули не смѣютъ задѣть командира корпуса“.

„День стоялъ ясный, холодный, мы какъ-то привыкли къ совершающемуся вокругъ; раненые переставали интересовать, гудящіе снаряды забывались, падающія изрѣдка вблизи пули казались обычнымъ явленіемъ. Знакомая усталость — апатія ряда боевыхъ дней охватила весь организмъ. Къ вечеру японскія батареи будто сорвались съ цѣпи и открыли очень сильный огонь, обстрѣливая всю позицію, долину рѣки и мѣстность къ сѣверу до параллели деревни Тутайцзы. Цѣлый ураганъ снарядовъ пролеталъ надъ нашими головами, взрывая песокъ на противоположномъ берегу Хуньхэ. Иногда противно ноя, кувыркался въ воздухѣ стаканъ шрапнели, звучно ударяясь о поверхность рѣки, и обдавая ближайшихъ осколками льда. Все озарялось лучами заходящаго солнца. Картина была настолько эффектна, а огонь

[1]) Воен.-Истор. Ком. т. IV, ч. II, стр. 304.

японцевъ такъ безвреденъ, что мы невольно, забывъ объ опасности, любовались красивымъ зрѣлищемъ".

„Въ теченіе дня японцы успѣли продвинуться и занять позицію шагахъ въ 600 — 800 отъ нашихъ цѣпей. Очевидно было, что рѣшительная атака предполагалась вечеромъ или ночью" [1]).

„Съ наступленіемъ темноты, въ различныхъ пунктахъ японцы еще больше подались впередъ. Весь вечеръ съ обѣихъ сторонъ не прекращалась сильная ружейная стрѣльба, то затихая, то снова разростаясь; мѣстами близко подходившія части противника встрѣчались залпами. Между 10-ю и 12-ю час. ночи японцы пытались, въ разныхъ мѣстахъ, бросаться въ атаку, но всюду были отбиты ружейными залпами, а изъ деревни Хейгоутай и пулеметами. На лѣвомъ флангѣ 33-го полка непріятель ходилъ въ штыки, но повсюду безуспѣшно. Небольшая часть японцевъ, разсѣянная при штыковомъ ударѣ стрѣлками, попала въ тылъ нашего боевого расположенія и была взята въ плѣнъ. Послѣдняя 4-я атака противника по всему фронту была произведена въ 12 час. ночи. Отбитые огнемъ и штыками японцы отошли назадъ" [2]).

Такъ сложилась обстановка въ 1-мъ Сибирск. корпусѣ. Командующій II-й арміей, генералъ-адъютантъ Гриппенбергъ, вынужденный перейти къ оборонѣ, задумалъ попытаться сдержать противника центромъ, т. е. сводно-стрѣлковымъ и 1-мъ Сиб. корпусомъ, перейдя въ наступленіе флангами. Во второмъ часу дня было отдано приказаніе 10-му корпусу перейти въ наступленіе въ направленіи Хуанди-Сяотайцзы, отвлекая на себя противника [3]).

„Едва лишь войска 10-го корпуса успѣли сдѣлать первые шаги своего наступленія, какъ уже было получено новое приказаніе г.-ад. Гриппенберга, которое предостерегало отъ энергичныхъ наступательныхъ дѣйствій".

„Тѣмъ временемъ, однако, войска 10-го корпуса уже успѣли начать наступательныя дѣйствія подъ личнымъ руководствомъ г.-л. Церпицкаго, прибывшаго для этой цѣли въ Хуанди. Артиллерія энергично обстрѣливала д.д. Саотайцзы и Лабатай, подготовляя атаку своей пѣхоты. Въ 5 час. 30 мин. дня, два ба-

---

[1]) Еще о Сандепу, стр. 45.
[2]) Тамъ же, стр. 46.
[3]) А. Н. Виноградскій. Исторія Русско-Японской войны. Выпускъ IV стр. 69.

таліона 122-го Тамбовскаго полка атаковали д. Сяотайцзы и быстро вытѣснили оттуда противника; вслѣдъ затѣмъ съ такимъ же успѣхомъ двумя баталіонами 123-го Козловскаго полка атакована была д. Лабатай, въ которой, однако, японцы засѣли въ сѣверо-западномъ углу и упорно оборонялись. Къ этому времени командиромъ 10-го армейскаго корпуса получено было второе напоминаніе, подтверждавшее первое приказаніе—не увлекаться наступленіемъ [1])“.

Такъ закончились бои подъ Сандэпу. Въ послѣдующіе дни войска II-й арміи, не тревожимыя противникомъ, постепенно отходили на прежнія мѣста, которыя занимались ими до начала наступленія.

Мы потеряли въ этихъ безплодныхъ бояхъ 368 офицеровъ и 11364 нижнихъ чина, не достигнувъ абсолютно ничего.

На предыдущихъ страницахъ приведены выдержки изъ описаній выдающейся дѣятельности войскъ, настойчивыхъ атакъ, упорнѣйшей обороны, не смотря на массовыя потери. Невольно зарождается вопросъ, гдѣ-же тѣ лица, на плечахъ которыхъ лежитъ огромная отвѣтственность за наши неуспѣхи?

Настоящій трудъ не преслѣдуетъ цѣли критики и разбора минувшихъ событій, такъ какъ это слишкомъ удлинило-бы описаніе, да и система описанія должна была-бы быть сдѣлана нѣсколько по другому, безъ пропусковъ всѣхъ распоряженій по отдѣламъ управленія арміями.

Но все-же дѣятельность Командующихъ арміями въ періодъ боевъ подъ Сандэпу настолько ярко указываетъ на недостатки нашего высшаго командованія, что трудно, заканчивая описаніе геройской работы войскъ, не касаться вопроса „управленія“.

Всѣ дѣйствія трехъ армій съ начала операціи и до ея конца были совершенно разрозненны. Въ то время какъ японцы посылали къ своему атакованному флангу подкрѣпленія за подкрѣпленіями—наши III-я и I-я арміи оставались пассивными свидѣтелями кровопролитныхъ боевъ своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Въ особенности эта пассивность бросалась въ глаза и поражала въ I-й арміи.

По журналу военныхъ дѣйствій Штаба I-й Арміи [2])—еще

---

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. IV, ч. 2, стр. 307.

[2]) Отчетъ о дѣятельности отчетнаго отдѣленія 1 Маньч. Арміи. Приложеніе 22.

13-го числа Генералу Линевичу донесено, что на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ замѣтно сильное ослабленіе японцевъ, что въ с. Бенсиху у японцевъ лишь не-строевыя команды. Ходатайство Генерала Алексѣева о переходѣ въ наступленіе частями лѣваго фланга, поданное 13-го Января и два раза 14-го Января—осталось безъ разрѣшенія. Предположенныя на 14-е Января демонстраціи—были отмѣнены. Однимъ словомъ, японцы были предоставлены самимъ себѣ и могли дѣлать на громадномъ фронтѣ I-й Арміи—все, что хотѣли.

Преступное бездѣйствіе I-й Арміи, однако, не вызвало порицанія ни въ дни этихъ памятныхъ боевъ, ни впослѣдствіи при критикѣ. Но уже тогда, когда операція была закончена такимъ страннымъ, ничѣмъ не оправдываемымъ отступленіемъ и прекращеніемъ боевыхъ дѣйствій, уже тогда—въ офицерской средѣ арміи поднялось множество вопросовъ, обсуждавшихся съ горечью и недоумѣніемъ. Недоумѣнія дошли до апогея, когда былъ смѣненъ командиръ 1-го Сибирскаго корпуса—единственный высшій начальникъ, понимавшій свою задачу и стяжавшій себѣ огромныя симпатіи офицерской среды той энергіей и отвагой, которыя онъ такъ широко проявилъ на поляхъ Хейгоутая.

Эпилогомъ драмы подъ Сандэпу былъ внезапный отъѣздъ въ Россію Командовавшаго II-й Арміей Генерала Гриппенберга, вопреки приказанію и желаніямъ Главнокомандующаго.

„Сѣть недоразумѣній, изъ которыхъ была соткана вся операція подъ Сандэпу, тяжело отразилась въ арміи на вѣрѣ въ свои силы, въ своихъ вождей, въ возможность наступленія; проявленіе личнаго почина еще болѣе затруднилось; число сторонниковъ постепенно-оборонительнаго образа дѣйствій возрасло. Лучшей моральной подготовки, для намѣченной ими Мукденской операціи, японцы не могли и желать [1]“.

---

[1] А. Свѣчинъ. Русско-Японская война.

ГЛАВА VI.

Мукденское сраженіе. Положеніе сторонъ въ началѣ Февраля. Завязка операціи на лѣвомъ флангѣ арміи. Бой въ 1-й Маньчжурской арміи.

„Къ началу Февраля 1905 года наши силы въ окрестностяхъ Мукдена состояли изъ 277 тыс. штыковъ, 16 тыс. шашекъ, 7700 саперъ, 1089 полевыхъ орудій, 240 осадныхъ и поршневыхъ пушекъ и мортиръ, 56 пулеметовъ. Такимъ образомъ строевой составъ (съ артиллерійскимъ) достигалъ 330000 бойцовъ".

„Наиболѣе сильной была наша I армія ген. Линевича—1-й арм., 4-й, 2-й, 3-й Сиб. корпуса и Цинхэченскій отрядъ—общей силой до 115 тыс.; она образовала наше лѣвое крыло и протягивалась на 50 верстъ. Отряды ген. Маслова и полк. Мадритова охраняли ея лѣвый флангъ. Центръ образовала III арм.—ген. Бильдерлинга—наиболѣе слабая, состоявшая изъ 5-го Сиб., 17-го арм. и 6-го Сиб. (одна дивизія)—корпусовъ, общей силой въ 68 тысячъ, занимавшая позицію по обѣ стороны желѣзной дороги, длиной въ 20 верстъ. На правомъ крылѣ протягивалась на 25 верстъ II армія ген. Каульбарса—Ляохэйскій отрядъ, Сводно-Стрѣлковый, 8-й и 10-й арм., 1 Сиб. корпуса, общей силой въ 102 тысячи. Около 45 тыс. (XVI корпусъ и 1 дивизія VI Сиб. корпуса) оставались въ общемъ резервѣ главнокомандующаго. II армія еще не пополнила потери, понесенныя подъ Сандэпу; въ частяхъ не хватало 40% офицеровъ".

„Силы японцевъ, съ присоединеніемъ арміи Ноги, освободившейся съ паденіемъ Артура, достигали 270 тыс. человѣкъ; артиллерія состояла изъ 892 полев. и горн., 170 осадн. орудій; пулеметовъ было 200. Такимъ образомъ, по числу японцы лишь незначительно уступали намъ; хотя мы и имѣли 377½ батал. противъ 226 японскихъ, но это различіе сглаживалось большимъ наличнымъ составомъ въ японскихъ частяхъ".

„II японская армія ген. Оку расположилась между рѣками Хуньхэ и Шахэ, преимущественно противъ нашей II арміи;

армія Оку состояла изъ трехъ (4-й, 5-й и 8-й) дивизій съ одной резервной бригадой. IV армія ген. Нодзу располагалась въ центрѣ; въ нее входили двѣ (6-я и 10-я) полевыя дивизіи и 3 резервныя бригады".

„I армія ген. Куроки располагалась противъ центра нашей арміи, она состояла изъ трехъ (гвардейск., 2-й и 12-й) дивизій и двухъ резервн. бригадъ. 2-я дивизія находилась въ резервѣ у Беньсиху".

„Уступомъ за своими флангами японцы организовали еще по арміи. За правымъ флангомъ, у Цзянчана, собралась V-я ген. Кавамура, изъ 11-й дивизіи, прибывшей изъ Артура, и одной резервной дивизіи".

„За лѣвымъ флангомъ сосредоточилась III армія ген. Ноги, изъ трехъ (1-й, 7-й и 9-й) дивизій и резервной бригады. Фронтъ ея прикрывала сводная кавалерійская дивизія ген.-м. Акіяма".

„Въ резервѣ Главнокомандующаго, маршала Ойямы, удерживались 3-я дивизія и три резервныхъ бригады".

„Сравнивая наше расположеніе съ японскимъ, мы видимъ, что японцамъ, цѣной самой строгой экономіи въ распредѣленіи войскъ по позиціямъ, удалось образовать за обоими флангами сильные уступы. Фронтальныя дѣйствія противъ укрѣпленныхъ позицій не могли привести къ достиженію рѣшительныхъ результатовъ, таковыя могъ дать только маневръ на флангахъ—и японцы имѣли для такого маневра прочно-организованныя соединенія; наши же силы были вытянуты въ линію, и при необходимости развертыванія войскъ на новыхъ участкахъ безъ перемѣшиванія частей обойтись было нельзя [1])".

Съ самаго начала Февраля Японцы перешли въ наступленіе на нашъ лѣвый флангъ и боями въ раіонѣ Цинхэчена началась самая большая и самая кровопролитная операція, которая и получила въ исторіи имя: „Мукденской".

„Первой начала наступленіе армія Кавамуры; въ началѣ Февраля подошла отъ Портъ-Артура 11-я дивизія, и уже 6—7 Февраля, послѣ цѣлаго ряда стычекъ, переднія части Цинхэченскаго отряда были потѣснены. 8-го Февраля японцы оставались на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла отъ Цинхэченской позиціи, на которой ген.-л. Алексѣевъ сосредоточилъ 16½ баталіоновъ, 11 сот., 28 оруд., 4 пулемета.

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 337—338—339.

„9-го Февраля ген.-л. Алексѣевъ перешелъ въ частичное наступленіе, съ 4 баталіон., 6 оруд. и 5 сотн.; оно выяснило, что силы японцевъ достигаютъ дивизіи. 10 и 11-го войска Кавамуры энергично атаковали наше расположеніе, сосредоточивая главныя усилія на штурмъ „Бересневской сопки"—возвышенности въ центрѣ, представлявшей передовую часть нашего расположенія, и получавшей лишь слабую поддержку съ другихъ частей позиціи. На самой Бересневской сопкѣ вершина образовывала передовой пунктъ, занятый редутомъ на 2 роты. Послѣ ряда неуспѣшныхъ атакъ, около полудня 11-го, японцамъ удалось овладѣть этой вершиной; паденіе командующей точки, какъ и въ другихъ горныхъ бояхъ, повело къ очищенію всей позиціи. Въ виду обхода лѣваго фланга, резервной дивизіей, ген.-л. Алексѣевъ рѣшилъ отойти за Далинскій перевалъ, на позицію у Санлунью".

„13-го Февраля въ командованіе отрядомъ вступилъ его коренной начальникъ, ген.-л. Ренненкампфъ, который, за раненіемъ г.-ад. Мищенко послѣ сраженія у Сандепу, командовалъ конницей праваго крыла. Въ виду продолжавшагося обхода японцами лѣваго фланга, ген.-л. Ренненкампфъ отвелъ войка къ Тюпинтаю."

„16-го и 17-го Февраля отряду пришлось съ крайнимъ напряженіемъ силъ отбивать японскія атаки. Чтобы обезпечить его отъ обхода съ лѣваго фланга, по желѣзной дорогѣ изъ расположенія II арміи къ Фушуну была перевезена бригада 6-й В.-С. стрѣлковой дивизіи г.-м. Данилова, которая выдвинулась далѣе къ сел. Кудяза и боями 15, 16, 17-го Февраля остановила наступленіе резервной дивизіи. Поддержанный Выборгскимъ полкомъ, г.-м. Даниловъ пытался 18-го Февраля перейти въ наступленіе, но успѣха не имѣлъ. Также безуспѣшными остались и дальнѣйшія атаки японцевъ на Тюпинтайскую позицію" [1]).

Бои отряда Генерала Ренненкампфа составляютъ по своему упорству, огромнымъ потерямъ и доблести войскъ замѣчательнѣйшую страницу въ исторіи не только Русско-Японской войны, но могутъ служить образцомъ святого исполненія долга и поразительной стойкости войскъ—для всѣхъ временъ и народовъ.

Полки 71-й пѣх. дивизіи, развернутые цѣликомъ изъ резервныхъ баталіоновъ, подъ предводительствомъ Генерала Рен-

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 344.

ненкампфа, являли чудеса храбрости. Бои на позиціяхъ у Тюпинтая и Мацзяндяня еще разъ доказали, какое громадное вліяніе оказываетъ на боевую работу личность начальника.

Свое прибытіе въ отрядъ 13-го Февраля самъ Генералъ Ренненкампфъ описываетъ такъ:

„Пріѣхавъ около 2½ часовъ дня въ Убаньюлу, нашелъ тамъ резервъ подъ начальствомъ Полковника Трухина, въ составѣ 1½ баталіоновъ Черноярскаго полка, 2 гор. орудій и 1 сотни Нерчинскаго казачьяго полка. Настроеніе этого резерва было самое лучшее, по людямъ не видно было впечатлѣнія понесенныхъ въ послѣдніе дни неудачъ“.

„Въ Санлунью пріѣхали въ четвертомъ часу, почти неожиданно“.

„Отрядъ въ это время занималъ слѣдующее положеніе: на крайнемъ нашемъ правомъ флангѣ, на Даудалинскомъ перевалѣ, 2 сотни съ частями генерала Баумгартена. На Тингуалинскомъ перевалѣ 2½ баталіона при 6 орудіяхъ пограничной стражи. На Далинскомъ перевалѣ, имѣя лѣвый флангъ на Чанлинскомъ— подъ начальствомъ Полковника Будковскаго—5½ баталіоновъ, при 8 горныхъ орудіяхъ. За ними, въ Салунью въ резервѣ, подъ начальствомъ подполковника 21 стрѣлковаго полка Геждеу—баталіонъ и 2 горныхъ орудія. Конница, подъ начальствомъ генерала Любавина въ д. Улангоу. Въ общемъ резервѣ, какъ уже сказано у д. Убаньюпуцзы 1½ баталіона, 2 орудія и 1 сотня“.

„Передъ самымъ моимъ пріѣздомъ получено было донесеніе, что подполковникъ Геждеу, подъ напоромъ противника, отходитъ, почему генераломъ Алексѣевымъ уже сдѣлано было распоряженіе двинуть ему на поддержку изъ Убаньюпуцзы баталіонъ, 2 орудія и полусотню“.

„Кромѣ того, около 12 часовъ дня, изъ Мацзяндяня направленъ былъ баталіонъ черезъ Санцзяцзу на перевалъ Кулинцзу для поддержки находившагося тамъ баталіона Чембарскаго полка“.

„Какъ разъ въ моментъ моего пріѣзда, на Далинскій перевалъ шла атака японцевъ, съ угрозой обхода нашего лѣваго фланга. По донесенію начальника авангарда, японцы атаковали позицію въ составѣ около бригады, съ двумя полевыми батареями“.

„Считая свое положеніе здѣсь недостаточно устойчивымъ, генералъ Алексѣевъ рѣшилъ уже отойти дальше, сдѣлавъ пред-

варительно распоряженіе отправить всѣ обозы; но сильно разсчитывая, что дальше отходить не придется, я прежде всего всѣ распоряженія, касающіяся дальнѣйшаго отхода, отмѣнилъ“ [1]).

„Еще въ 9 часовъ утра 13-го Февраля генералъ Алексѣевъ получилъ указаніе командующаго арміей, что въ Фушунѣ высаживается бригада 6-й В.-С. стрѣлковой дивизіи, подъ начальствомъ генерала Данилова, съ батареей, и что отрядъ этотъ направляется на д. Кудязу, почему для связи немедленно же направлена была сотня 2-го Читинскаго полка“.

„Когда отошли къ Убаньюпуцзы и выяснилось, что весь отходъ совершенъ вполнѣ благополучно, командующему и Главнокомандующему донесены были распоряженія для занятія новой позиціи, причемъ явилась увѣренность въ дальнѣйшемъ успѣхѣ, почему телеграмму свою кончилъ слѣдующими словами: „Имѣя обезпеченные фланги и весь отрядъ въ сборѣ, убѣжденъ, что удержусь. Къ сожалѣнію въ Санлунью пришлось оставить часть интендантскихъ запасовъ, которые будутъ сожжены. Сколько именно, опредѣлить еще нельзя, но по опредѣленію интенданта не болѣе 95 тысячъ пудовъ. Около 50 тысячъ пудовъ успѣли вывести. Артиллерійское имущество вывезено все. Вагоны вывезены всѣ, но рельсовъ мало снято. Какія потери неизвѣстно. 188 Ренненкампфъ“ [2]).

„Фронтъ позиціи, выбранный по отходѣ отъ Салунью, тянулся по сопкамъ къ югу отъ Мацзяндяня и Тюпинтая, имѣя правый флангъ на высотѣ 294, центръ, такъ называемыя Ключевую и Знаменную сопки, къ югу отъ д. Янфангоу, лѣвый флангъ на высотахъ восточнѣе долины Тюпинтай—Убаньюпуцза“.

„Крупный недостатокъ выбранной позиціи, обусловленный сильно пересѣченной мѣстностью, заключался въ недостаточномъ обстрѣлѣ, въ возможности противнику, пользуясь нагроможденными вездѣ сопками и массивами, почти скрытно массировать для удара свои силы, кромѣ же того вся позиція долиной Мацзяндянъ-Убаньюпуцза раздѣлена была на двѣ разрозненныя части, сообщенія между которыми легко подвергались не только наблюденію, но и огню противника.

Тактическій ключъ позиціи, такъ называемая ключевая сопка, находилась почти въ самой боевой линіи и, по занятіи ея, противникъ

---

[1]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-дневный бой моего отряда отъ Цинхечена до Мацзяндяна. Стр. 6-8.

[2]) Тамъ-же, стр. 23.

не только захватывалъ командующее надъ остальными участками положеніе, но пріобрѣталъ возможность легкаго прорыва въ лощину на Янфангоу, что повело бы къ отрѣзанію всего лѣваго участка позиціи.

Но упорство главныхъ защитниковъ Мацзяндяньской позиціи опровергли въ этомъ отношеніи всѣ правила тактики, указывающей, что съ утратой тактическаго ключа позиціи, теряется возможность дальнѣйшаго ея удержанія. Хотя японцы въ штыковой атакѣ 17-го Февраля и захватили ключевую сопку, упорство защитниковъ не было сломлено, никому и въ голову не приходило отступать, пока 22-го Февраля не послѣдовало на это распоряженіе Главнокомандующаго.

Ключевая сопка японцами прозвана была „горой 203", въ память горы подъ Артуромъ. По описанію Барцини-Артурскимъ ветеранамъ пришлось 8 дней вести непрерывную отчаянную борьбу за обладаніе этой горой, переходившей нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки [1]).

Наступленіе на Мацзяндяньскую позицію началось еще въ ночь на 14-ое Февраля.

„Поддерживая почти всю ночь рѣдкій ружейный, а временами и артиллерійскій огонь, японцы подошли около 4 часовъ близко къ нашимъ цѣпямъ и неожиданно бросились въ штыки, направляя главные удары противъ 4-хъ горныхъ орудій поручика Синицина. Молодой офицеръ, не растерявшись, открылъ бѣглый огонь безъ установки трубки, ближайшія роты дружно бросились на выручку своей батареи и послѣ непродолжительной штыковой схватки около самыхъ орудій, противникъ съ значительными потерями опрокинутъ [2]).

Затѣмъ противникъ до 11 ч. утра произвелъ еще нѣсколько атакъ на фланги нашего авангарда, но былъ отбитъ, артиллерійскій огонь продолжался весь день.

Съ разсвѣтомъ 15-го Февраля вновь завязалась горячая перестрѣлка. Съ 9-ти часовъ утра японцы начали рядъ атакъ на нашъ авангардъ, причемъ около 10 часовъ утра потѣснили баталіонъ Черноярцевъ, оборонявшій лѣвый боевой участокъ".

„Весь день японцы все время обстрѣливали артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ нашу авангардную позицію, пытаясь

---

[1]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-дневный бой моего отряда, стр. 27—28.

[2]) Тамъ-же, стр. 29.

переходить въ наступленіе, но каждый разъ останавливаемы были огнемъ Черноярцевъ“.

„Отъ Полянскаго получилось отъ 3 час. 40 мин. дня донесеніе: „Непріятель въ значительныхъ силахъ производитъ наступленіе на мою позицію. Мѣстами приближается на нѣсколько десятковъ шаговъ. Наша позиція подвергается перекрестному артиллерійскому огню. Потери значительны. Продолжаю удерживать первоначальное расположеніе. Полковникъ Полянскій“.

„Послѣ сильной артиллерійской подготовки японцы повели наконецъ, въ 6-мъ часу, весьма энергичную атаку, такъ же отбитую доблестными Черноярцами, все время подбадриваемыми неустрашимымъ командиромъ, хорошо овладѣвшимъ подъ сильнымъ огнемъ своими людьми“.

„Послѣ этой атаки начальникъ штаба авангарда подполковникъ Можейко донесъ отъ 6 час. вечера за № 197: „Новая яростная атака японцевъ отбита. Они готовятся къ новой. Черноярцы по прежнему обнаруживаютъ большую стойкость и громадный подъемъ духа“.

„Силы противника врядъ ли многимъ превосходятъ наши. Здѣсь должно быть баталіоновъ 5, при 6 орудіяхъ и нѣсколькихъ пулеметахъ. Но трудность положенія авангарда изъ трехъ баталіоновъ заключается въ томъ, что онъ занимаетъ весьма растянутое положеніе (ввиду мѣстныхъ условій). Японцы въ теченіе дня весьма сильно обстрѣливали наши позиціи. Потери большія, но выяснить покамѣстъ невозможно. Можейко“.

„На это донесеніе была послана полковнику Полянскому записка за № 228: „Самое сердечное, искреннее спасибо героямъ Черноярцамъ, низкій поклонъ и ихъ доблестному командиру и его начальнику штаба. О доблестномъ, геройскомъ поведеніи полка доношу командующему. Стѣснять Ваши дѣйствія не могу. Вы проявили полное умѣнье отлично вести дѣло, но если Ваше положеніе очень растянуто, то думаю, что Вамъ полезно будетъ на ночь нѣсколько сомкнуться. Генер.-лейт. Ренненкампфъ“.

„Наступившая темнота не прекратила боя, огонь поддерживался не переставая; до полуночи японцы еще три раза атаковали, но всѣ атаки разбиты о стойкость Черноярцевъ, поддержанныхъ мѣткимъ огнемъ полевыхъ нашихъ батарей; особенно 6-я батарея Промтова, искусно выбиравшаго позиціи и постоянно находившаго мѣсто расположенія японскихъ орудій“.

„Особенно яростна была атака, веденная въ исходѣ 12 часа

ночи, доведенная даже до штыкового удара, но окончившаяся такой же неудачей. Черноярцы штыками отбросили противника, но обѣ стороны понесли тяжелыя потери [1])“.

Какъ выше уже было сказано для обезпеченія отряда г.-л. Ренненкампфа съ востока, къ д. Кудяза, былъ выдвинутъ отрядъ г.-м. Данилова, подчиненный генералу Ренненкампфу.

Войска г.-м. Данилова, къ 15 Февраля были расположены на позиціи у д. Кудяза, на которой онъ рѣшилъ удерживаться, а въ случаѣ возможности даже подвинуться впередъ.

„За ночь противникъ подтянулъ болѣе или менѣе значительныя силы и, спустившись съ высоты 206, занялъ было сѣверо-западный ея отрогъ, расположенный противъ позиціи 24-го В.-С. стрѣлковаго полка. Отрогъ этотъ имѣлъ важное тактическое значеніе, такъ какъ съ него японцы имѣли возможность обстрѣливать артиллерію отряда, а потому командиръ 24-го В.-С. стрѣлковаго полка Лечицкій направилъ 2-ю и 3-ю роты въ контръатаку. Роты эти, потерявъ почти всѣхъ офицеровъ и 30% нижнихъ чиновъ, послѣ упорнаго боя завладѣли отрогомъ. Тогда японцы, въ свою очередь, повели рядъ атакъ на этотъ отрогъ, но до 9 ч. утра всѣ они были отбиты“.

„Въ десятомъ часу утра противникъ, пользуясь своимъ превосходствомъ въ силахъ, попытался охватить лѣвый флангъ 24-го В.-С. стрѣлковаго полка, командиру котораго, для противодѣйствія, пришлось тремя ротами частнаго резерва удлинить къ востоку свое расположеніе“.

„Потерявъ 4 офицеровъ и 185 нижнихъ чиновъ, полк. Лечицкій призналъ свое положеніе тяжелымъ и доносилъ, что всѣ резервы израсходованы и полкъ его еле держится“.

„Такъ какъ на правомъ флангѣ въ это время было тихо, то съ цѣлью облегчить положеніе своего лѣваго фланга, казавшееся тяжелымъ, генералъ Даниловъ приказалъ 23-му В.-С. стрѣлковому полку перейти въ наступленіе противъ такъ называемой Трехполой сопки, находившейся къ югу отъ д. Кудяза, угрожая такимъ образомъ флангу и тылу противника, насѣдавшаго на 24-й В.-С. стрѣлковый полкъ“.

„При содѣйствіи сильнаго артиллерійскаго огня, части полка въ 2 часа дня двинулись впередъ. Всѣ три отрога и самая вершина были взяты стрѣлками, которые открыли огонь по

---

[1]) Ренненкампфъ. 20 дневный бой моего отряда, стр. 39—40.

японской батареѣ, стоявшей въ одной верстѣ къ югу отъ Цандана, и перебили ея прислугу.

„Занятіе Трехполой сопки сразу отразилось благотворно на положеніе 24-го В.-С. стрѣлковаго полка: японцы прекратили атаки послѣдняго и направили свои резервы къ Трехполой сопкѣ, куда потянулись также съ юга ихъ густыя колонны".

„Между тѣмъ, 23-й В.-С. стрѣлковый полкъ, занявъ весь выступъ, двинулся далѣе впередъ и вынудилъ японцевъ къ отходу за д. Хоканхэза. Но около $4^1/_2$ час. дня послѣдніе, получивъ поддержку, при содѣйствіи пулеметовъ и сильнаго артиллерійскаго огня, повели энергичную контръ-атаку на Трехполую сопку. Командиръ полка полк. Кукуранъ былъ раненъ. Стрѣлки были вынуждены отступить; имъ пришлось очистить сѣверные отроги Трехполой сопки и отойти на прежнія позиціи. При этомъ во время движенія по открытой долинѣ они потеряли 15 офицеровъ и 418 нижнихъ чиновъ.

„Тѣмъ не менѣе задача, поставленная 23-му полку, была выполнена, его атака оттянула на себя резервы противника и этимъ облегчила положеніе полк. Лечицкаго.

Первоначальный успѣхъ наступленія частей 23-го В.-С. стрѣлковаго полка вызвалъ со стороны генерала Данилова предложеніе командиру 24-го В.-С. стрѣлковаго полка, если онъ это признаетъ возможнымъ, также перейти въ наступленіе. Но затѣмъ, когда 23 В.-С. стрѣлковый полкъ оказался вынужденнымъ отойти, г.-м. Даниловъ призналъ переходъ въ наступленіе преждевременнымъ"[1]).

Между тѣмъ, въ отрядѣ генерала Ренненкампфа происходили слѣдующія событія:

„Всю ночь на 16 Февраля бой на авангардной позиціи не затихалъ. Какъ уже сказано было, въ исходѣ 12 часа, японцы произвели яростную атаку штыками, отбитую съ большими потерями для обѣихъ сторонъ. Но ружейный и артиллерійскій огонь послѣ того ни на минуту не ослабѣвалъ; видно было, что противникъ готовитъ новую атаку, но не извѣстно, гдѣ именно. Огонь шелъ одинаковой силы по всему фронту, какъ подполковникъ Можейко еще съ вечера доносилъ, очень растянутому".

„Около 2-хъ часовъ ночи японцы большими силами обрушились на участокъ, занимаемый 10-й ротой, и хотя послѣ оже-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 141—143.

сточенной штыковой свалки и удалось сбросить противника, но образовался прорывъ, которымъ противникъ немедленно же и воспользовался и занялъ сѣдловину, лѣвѣе Ключевой сопки. Сосѣднія роты стали сильно терпѣть отъ продольнаго огня, почему имъ приказано было отойти на слѣдующій гребень. Но Ключевая сопка, на которую одновременно же направлена была атака, осталась въ нашихъ рукахъ".

„Считая такое положеніе совершенно невозможнымъ, подполковникъ Полянскій, съ послѣдними поддержками, въ свою очередь бросился въ штыки и возстановилъ прежнее положеніе. Японцы сброшены, но и намъ контръ-атака не дешево обошлась, такъ какъ при этомъ погибъ доблестный начальникъ штаба авангарда, генеральнаго штаба подполковникъ Можейко. Въ виду совершеннаго утомленія Черноярцевъ, находившихся около сутокъ въ непрерывномъ огнѣ, и лишенныхъ на этотъ разъ возможности даже урывками, въ промежуткахъ между атаками, заснуть, ген. Эккъ просилъ разрѣшенія смѣнить ихъ другими частями. На это далъ согласіе, но указалъ, что смѣна должна быть произведена днемъ, чтобы части вновь занимающія позицію, могли бы сразу оріентироваться".

„Тѣмъ не менѣе, въ 6 час. утра, получилась телефонограмма: Бугульминскій полкъ въ составѣ 12 ротъ пошелъ на смѣну Черноярцамъ. Вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ полковника Некрасова одна рота Бугульминцевъ отправлена на его участокъ, гдѣ Дрисскія роты отбили уже атаки. Въ резервѣ до возвращенія Черноярцевъ, что произойдетъ не раньше 8 часовъ, остается одна рота Дрисскаго полка. По приказанію начальника дивизіи испрашиваю: не найдете ли возможнымъ прислать изъ общаго резерва баталіонъ, хотя бы на время до подхода Черноярскаго полка. Всю ночь идетъ бой, какъ въ авангардѣ, такъ и на правомъ участкѣ. 535. Хростицкій".

„Въ просимомъ выдѣленіи баталіона было отказано и указывалось, что общій резервъ имѣетъ спеціальное назначеніе для боевого подкрѣпленія".

„Вслѣдъ за тѣмъ генералъ Эккъ письменно доложилъ, что у него воспаленіе горла, сильно знобитъ, вообще простуженъ, почему начальникомъ главной позиціи у Мацзяндания, т. е. вѣрнѣе Тюпинтая, назначенъ былъ генералъ Аліевъ".

„Противникъ за ночь повелъ наступленіе и на правый

участокъ главной позиціи, но каждый разъ, когда только пытался атаковать, бывалъ остановленъ огнемъ роты 22-го полка".

„На разсвѣтѣ огонь разгорѣлся съ новой силой по всей линіи авангарда и праваго участка. Японцы сосредоточивали здѣсь, а главнымъ образомъ по Ключевой сопкѣ, сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь, сила котораго казалась все возрастала".

„Начальникъ праваго участка полковникъ Некрасовъ, уже въ 9 ч., просилъ дать ему въ помощь свѣжій баталіонъ".

„Въ резервѣ въ это время находились: 5 ротъ и охотничья команда Дрисскаго полка, двѣ роты Бугульминскаго полка, но одна изъ нихъ въ составѣ всего 15 рядовъ, 1$^1/_2$ сотни Забайкальскаго пѣшаго баталіона, 5 ротъ Черноярскаго полка и всѣ слабаго состава въ 25, 26, 27, 39 и 53 ряда [1])".

„Около часу дня противникъ большими силами повелъ наступленіе на Ключевую сопку, на правый участокъ. Еще до отбитія атаки послано было одно донесеніе, отправленное до подхода подкрѣпленія, № 126: „въ часъ сорокъ минутъ японцы повели энергичную атаку на правый участокъ позиціи. Не смотря на посланное мною подкрѣпленіе 1$^1/_2$ роты, передовая линія еле держится. Подкрѣпленія не прибываетъ. Полянскій". Подкрѣпленіе еще не прибыло, но вслѣдъ за этимъ подоспѣли три баталіона изъ общаго резерва. Съ помощью этихъ во время прибывшихъ подкрѣпленій удалось отбить яростную атаку бросившихся въ штыки японцевъ".

„Сброшенный штыками, противникъ немедленно же возобновилъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь по тѣмъ же участкамъ нашей позиціи [2])".

„Не прекращая артиллерійскаго огня, но не обнаруживая усиленіемъ его подготовки атаки, противникъ около 6 часовъ снова атаковалъ, но не доходя до штыковъ, отбитъ. Поэтому, въ 8 ч. 50 м. вечера, послано было телеграфное донесеніе: „Только что японцы безъ особой артиллерійской подготовки, пользуясь темнотой, повели неожиданно по всему фронту энергичную атаку. Противникъ вездѣ отбитъ. Но долженъ доложить, что помимо слабаго состава ротъ всѣ начальники частей жалуются на сильное утомленіе людей. Приходится спать урывками, между

---

[1]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20 дневный бой моего отряда, стр. 49—50.

[2]) Тамъ-же, стр. 53.

дневными и особенно ночными атаками. Желательна какая либо поддержка. 254. Ренненкампфъ. Это переутомленіе чуть не сломило удивительную энергію войскъ. Неся огромныя потери, японцы залегли вблизи нашихъ цѣпей, а около 11 вечера, пользуясь темнотой, густой массой бросились на Ключевую сопку и овладѣли ею послѣ жестокаго штыкового боя. Но сосредоточенные Аліевымъ резервы не дали времени укрѣпиться. Противникъ въ свою очередь штыками опрокинутъ".

„Объ этомъ геройскомъ подвигѣ нашихъ славныхъ Черноярцевъ и стрѣлковъ, изнемогающихъ подъ непрерывными натисками и перекрестнымъ огнемъ часто невидимаго противника, ген. Аліевъ донесъ отъ 11 час. 30 мин. ночи № 546: „Послѣ послѣдняго моего донесенія по телефону, высокая сопка съ башней была у насъ отбита, но энергичнымъ натискомъ вновь занята. Особенно отличился поручикъ Остапенко. Теперь ведется третья по счету атака японцевъ, послѣ занятія нами высокой сопки. Пока держимся. Собираю со всѣхъ сторонъ одиночныхъ людей для образованія резерва. Ручныхъ гранатъ до сихъ поръ нѣтъ. Съ Божьей помощью надѣюсь отстоять до утра. Аліевъ".

„Послѣ этого донесенія можно было быть спокойнымъ, что герой Аліевъ и богатыри не сдадутъ позицію и своего орлинаго гнѣзда, Ключевой сопки, именующейся у него въ донесеніи высокой сопкой [1]).

Въ отрядѣ ген.-маіора Данилова, „ночь на 16 февраля прошла сравнительно спокойно, такъ какъ японцы атаковали только охотничью команду, находившуюся въ 1½ вер. восточнѣе высоты, прикрывающей лѣвый флангъ 24-го В.-Сиб. полка. Съ утра же три японскія батареи сосредоточили свой огонь по расположенію полка, при чемъ ихъ снаряды долетали до д.д. Сыдяза и Чанлинза, гдѣ находились перевязочные пункты. Около 10 час. утра на лѣвомъ флангѣ позиціи началась ружейная перестрѣлка, и вскорѣ японская пѣхота повела атаку на восточный отрогъ высоты 206.

Атака эта была отбита, и такъ какъ за ночь стрѣлки успѣли построить окопы, то потери ихъ, въ общемъ, были незначительны".

„Послѣ полудня японцы перенесли свой огонь на позиціи 23-го В.-Сиб. полка, а у д. Сяомагушанъ стало замѣчаться передвиженіе значительныхъ ихъ силъ съ востока на западъ и под-

---

[1]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-дневный бой моего отряда, стр. 53—54.

ходъ колоннъ съ юга. Эти передвиженія указывали на вѣроятность наступленія противъ позицій 23-го В.-Сиб. полка. Дѣйствительно, въ $3^1/_2$ часа дня противникъ повелъ атаку на участокъ, занятый ротами кап. Левдикова. При помощи артиллеріи и пулеметовъ, атака была отбита. Затѣмъ, вводя въ дѣло новыя части, противникъ до 7 час. вечера произвелъ еще четыре атаки, которыя тоже были отбиты, при чемъ значительную пользу принесло выдвиженіе охотниковъ на южный край Сяомагушаньской долины и огонь полуроты 5-й роты 23-го В.-Сиб. полка, высланной изъ резерва, и продольно обстрѣлявшей лѣвый флангъ боевого порядка противника".

„Въ 7 час. вечера противникъ прекратилъ наступленіе противъ частей 23-го В.-Сиб. полка, чему, вѣроятно, способствовали дѣйствія г.-м. Любавина, направившаго въ $5^1/_4$ час. вечера 2 батал. 21-го В.-Сиб. стр. полка съ 4 горными орудіями на Тамагушань" [1]).

„Одновременно съ атакой позиціи 23-го В.-Сиб. стр. полка, японскій отрядъ, силою до 1 баталіона съ 1 эскадрономъ, сталъ наступать по долинѣ Папингоу, на расположеніе 24-го В.-Сиб. стр. полка. Изъ этой колонны двѣ роты съ эскадрономъ, не доходя высоты 262, повернули на востокъ, повидимому, направляясь въ обходъ къ перевалу, находившемуся къ сѣверу отъ д. Тесиндза, который никѣмъ не былъ занятъ, а двѣ роты расположились на западномъ отрогѣ высоты 262, гдѣ и остановились. Для противодѣйствія обходу на перевалъ къ западу отъ Папингоу была выдвинута 9-я рота 24-го В.-Сиб. стр. полка".

„Хотя обходъ японцамъ и не удался, но онъ повлекъ за собою то, что полк. Лечицкій счелъ себя вынужденнымъ отказаться отъ активныхъ дѣйствій".

„Отбитію атакъ, произведенныхъ японцами въ теченіе дня, оказалъ могучее содѣйствіе огонь батарей, бывшихъ при отрядѣ, изъ которыхъ особенно удачно дѣйствовала 7-я.

Взводъ этой батареи, расположенный отдѣльно на правомъ флангѣ, обстрѣливалъ Цанданскую долину и вынудилъ японскую горную батарею замолчать.

Въ общемъ, за 16 февраля войска, расположенныя у д. Сыдяза, удержались на своихъ позиціяхъ, при чемъ потеряли 3-хъ офицеровъ и 454 нижнихъ чина".

---

[1]) Военно-Ист. Ком., т. V, ч. 1, стр. 263—264.

„Такимъ образомъ, 16 февраля войска отряда г.-л. Ренненкампфа сохранили за собою свои позиціи. Тунлинскій перевалъ на правомъ флангѣ расположенія г.-м. Данилова былъ занятъ 1 баталіономъ 21-го В.-Сиб. стр. полка, съ 2 горными орудіями, а на Тынсыхонлинскомъ перевалѣ стоялъ отрядъ генерала Любавина (2, 3, 4 батал., съ 6 горными ор.), угрожая лѣвому флангу и даже тылу японцевъ. Въ то же время подходилъ Выборгскій полкъ, направленный Главнокомандующимъ на усиленіе войскъ г.-м. Данилова“ [1]).

„Въ ночь на 17-е и 17-го февраля отряду генерала Ренненкампфа вновь выпала задача непрерывнаго боя.“

„На Тюпинтайской позиціи всю ночь шла перестрѣлка, но, не довольствуясь этимъ, японцы два раза переходили въ атаку противъ центра и праваго фланга“.

„Въ этихъ атакахъ дѣло до штыковъ не доходило, противникъ не выдерживалъ огня съ близкаго разстоянія и ручныхъ гранатъ и поворачивалъ назадъ, неся большія потери; но огонь противника наносилъ и намъ много вреда, а постоянное ожиданіе атаки лишало возможности войска здѣсь же на позиціи заснуть, кромѣ того, отраженіе атакъ израсходовало всѣ резервы. Пришлось двѣ роты саперъ поставить въ прикрытіе къ батареѣ, и этимъ освободить пѣхоту, находящуюся въ прикрытіи, для непосредственнаго участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ“.

„Съ утра шло сильное обстрѣливаніе перекрестнымъ огнемъ, особенно Ключевой сопки, на которую направленъ былъ сосредоточенный артиллерійскій огонь, а къ 11 часамъ противникъ повелъ стремительную атаку и послѣ жестокаго штыкового боя занялъ сопку. Измученные защитники, съ утра выдержавшіе жестокій артиллерійскій огонь, подались назадъ, но неутомимый, энергичный генералъ Аліевъ, собравъ все, что возможно было, съ шашкой наголо бросился во главѣ восьми взводовъ Дрисскаго и Черноярскаго полковъ и Забайкальскаго пѣшаго баталіона съ распущенными знаменами этихъ же частей, съ музыкой Черноярскаго полка, въ контръ-атаку“.

„Осыпанные сильнѣйшимъ огнемъ эти слабыя части (больше резервовъ не было) съ ген. Аліевымъ захватили гребень, немного не доходя Ключевой сопки; дальше пройти уже не удалось. Но и это пришлось признать несомнѣннымъ успѣхомъ, потому что,

---

1) Военно-Ист. Ком., т. V, ч. I, стр. 264—265.

владѣя гребнемъ, на столь близкомъ разстояніи отъ высокой Ключевой сопки, по ней возможно было развить столь сильный огонь съ самаго близкаго разстоянія, что и японцамъ на ней трудно было держаться. Они лишь залегли на противоположномъ скатѣ".

„Аліевъ распорядился придвинуть 6-ю батарею 26-й артиллерійской бригады до 840 саженей для подготовки новой атаки, сосредоточить по японцамъ сильный перекрестный огонь, а около 4 часовъ дня, собравъ изъ разныхъ частей до 490 штыковъ, еще разъ со знаменами бросился впередъ. Сопка была почти взята. Но по выходѣ на нее наши подверглись въ свою очередь столь убійственному огню, что снова оттолкнулись назадъ, со значительными потерями".

„Донося объ этомъ отъ 4 час. 50 мин., № 108, ген. Аліевъ добавилъ, что у насъ въ резервѣ набирается всего до 2-хъ ротъ, и просилъ указанія, повторить ли вечеромъ атаку, на что я отвѣтилъ, что его совершенно не стѣсняю, но допускаю атаку только послѣ хорошей подготовки".

„Высокая сопка, тактическій ключъ позиціи, потерянная нами утромъ 17 числа, не имѣла никакого вліянія на исходъ боя, длившагося еще шесть дней на этой же позиціи. Сопка осталась нейтральной, каждая попытка противника окончательно утвердиться, вызывала съ нашей стороны сосредоточеніе огня и обходилась ему столь дорого, что онъ подъ конецъ отъ подобныхъ попытокъ отказался".

„Сопка, покрытая къ началу Мацзянданскаго боя крупнымъ дубовымъ лѣсомъ, подъ конецъ боя совершенно оголилась. Отъ старыхъ дубовъ, совершенно разстрѣлянныхъ артиллерійскими снарядами, остались одни пни, пространства между которыми чернѣли отъ массы труповъ нашихъ и японцевъ" [1]).

„Къ войскамъ г.-м. Данилова подошло подкрѣпленіе въ видѣ Выборгскаго полка. 17 февраля около 7 час. утра противникъ перешелъ въ наступленіе противъ лѣваго фланга расположенія 23-го В.-Сиб. стр. полка. Нѣсколько послѣдовательныхъ его атакъ были отбиты, при чемъ особенную помощь оказали пулеметы".

„Командовавшій послѣдними пор. Тереховъ смелъ огнемъ своихъ пулеметовъ цѣлую роту японцевъ и заставилъ замолчать горную батарею противника, которая неосторожно слишкомъ быстро

---

1) Г. Ренненкампфъ. 20-дневный бой моего отряда, стр. 69—70.

выѣхала на позицію. Поручикъ Тереховъ былъ раненъ, остался въ строю и лишь послѣ второго раненія (въ ногу) отправился на перевязочный пунктъ. Замѣстителемъ пор. Терехова остался старшій унтеръ-офицеръ Рыжаковъ, легко раненый. Подъ командой Рыжакова пулеметы продолжали дѣйствовать такъ же успѣшно".

„Около 9 часовъ утра японская пѣхота повела атаку на весь фронтъ расположенія 23-го В.-С. стр. полка. Атака эта была отбита, но около 10 часовъ утра, получивъ подкрѣпленія, японцы вновь перешли въ наступленіе, стараясь обойти правый флангъ расположенія 23-го В.-С. стр. полка въ направленіи на перевалъ Тунлинъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ они подошли шаговъ на сорокъ къ расположенію полк. Кукурана, который ввелъ въ дѣло свой послѣдній резервъ — роту ввѣреннаго ему 23-го В.-С. стр. полка. Положеніе полка было весьма трудное, такъ какъ его правый флангъ началъ сдавать, и находившіяся здѣсь 9-я, 11-я и 12-я роты были уже вынуждены уступить противнику одну изъ сопокъ. Въ это время со стороны Тунлинскаго перевала показались головныя роты перешедшаго въ наступленіе маленькаго отряда подполк. Гурко. Роты эти немедленно открыли продольный огонь по японскимъ цѣпямъ. Одновременно съ этимъ подошли также 1-й и 2-й баталіоны Выборгскаго полка. Изъ этихъ баталіоновъ 6-я и 7-я роты были направлены въ поддержку праваго фланга, 3-я и 4-я роты двинуты на его лѣвый флангъ, а 1-я, 2-я, 5-я и 8-я роты остались въ резервѣ. Угрожаемые съ тыла и встрѣченные усиленнымъ огнемъ съ фронта, японцы поспѣшно отступали къ Сяомагушанской долинѣ".

„Вообще, послѣ этого, положеніе отряда улучшилось, хотя войска и были сильно утомлены и въ жаркомъ дѣлѣ перемѣшались" [1]).

„Ночь на 18 февраля на главной позиціи у Тюпинтая прошла спокойно, но все время шла рѣдкая ружейная перестрѣлка, не мѣшавшая, однако, утомленнымъ войскамъ тутъ же подъ пулями спать при минимальной ночной температурѣ до 22 градусовъ мороза" [2]).

„Кромѣ рѣдкой ружейной перестрѣлки, съ нашей стороны взводъ полевой артиллеріи поддерживалъ временами весьма рѣдкій огонь по Ключевой сопкѣ, препятствуя этимъ возводить на ней укрѣпленія".

---

1) Военн.-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 277—278.

2) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-дневный бой моего отряда, стр. 84—86.

„Противникъ обстрѣливалъ преимущественно гребень, занятый нами противъ Ключевой сопки, тоже усиливая временами огонь, очевидно съ цѣлью помѣшать окопнымъ нашимъ работамъ“.

„Противникъ лежалъ настолько близко отъ нашихъ цѣпей, что слышно было, что у него дѣлается. Для повѣрки постовъ, вечеромъ 17 числа, мною командированъ былъ ординарецъ поручикъ Толузаковъ. Подползая въ двухъ мѣстахъ къ позиціи противника до 8 шаговъ съ тремя охотниками, поручикъ Толузаковъ видѣлъ, какъ японцы изъ труповъ складывали брустверa“ [1]).

„Усиливъ съ разсвѣтомъ свой огонь, японцы около 8 ч. утра опять повели наступленіе, но огнемъ нашимъ сразу же остановлены, послѣ того началось сильнѣйшее обстрѣливаніе артиллерійскимъ огнемъ. Несмотря на нашъ огонь даже съ близкихъ разстояній по Ключевой сопкѣ, японцы, неся громадныя потери, дѣлали попытки укрѣпить Ключевую сопку, складывая туда трупы и мѣшки съ землею, но мѣткій огонь нашей артиллеріи гранатами не давалъ имъ возможности достигнуть цѣли“.

„Со своей стороны и Алiевъ рѣшилъ опять завладѣть этой сопкой, дававшей даже одиночнымъ японцамъ возможность видѣть всю нашу позицію, всѣ сообщенія, почему и онъ сосредоточилъ огонь не столько по самой сопкѣ, сколько по частямъ, находящимся по ея сосѣдству“.

„Генералъ Эккъ рѣшилъ 18 числа уже вступить въ командованіе своими войсками, но, въ виду рѣшенія Аліева завладѣть Ключевой сопкой, Экку предложено было предоставить на сегодня командованіе еще Аліеву, себя еще поберечь“ [2]).

Въ десятомъ часу утра начальникъ лѣваго боевого участка позиціи генералъ Кричинскій попросилъ усилить его правый флангъ, но получилъ отъ генерала Ренненкампфа въ 9 ч. 40 м. утра категорическій отказъ: „Ни одной роты, ни одного штыка дать нельзя, но повторяю прежнее приказаніе держаться до послѣдняго“...

„Въ это время японцы повели очень сильную атаку на кряжъ около Ключевой сопки, масса японцевъ доходила до 20—25 шаговъ до нашихъ ротъ, въ упоръ разстрѣливавшихъ своего противника. Японцы, не выдержавъ нашего огня, быстро уходили назадъ, нигдѣ не доводя дѣло до штыка“.

---

[1]) и [2]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-дневный бой моего отряда, стр. 84—86.

„При отраженіи этой атаки раненъ начальникъ штаба 71-й пѣх. дивизіи подполковникъ Хростицкій".

„Около 3-хъ часовъ дня противникъ повелъ на центръ нашъ новое наступленіе, сначала очень рѣшительное, но, не доходя до нашихъ ротъ, оно сразу остановилось, началось опять сильнѣйшее обстрѣливаніе позиціи, безспорный показатель близкой атаки. Цѣпи наши начали очень страдать отъ сильнаго шрапнельнаго огня, но измѣнить положеніе въ виду близости противника, въ постоянномъ ожиданіи атаки, совершенно было невозможно".

„Въ это время къ 3½ часамъ прибылъ наконецъ баталіонъ 36-го стрѣлковаго полка, поставленный сначала въ резервъ. Но уже въ пятомъ часу противникъ обрушился 6—8 баталіонами на центръ и гребень лѣвѣе Ключевой сопки, усиливая одновременно огонь по другимъ участкамъ до невѣроятной силы".

„Несмотря на сильнѣйшій огонь нашихъ защитниковъ и артиллеріи, сосредоточившей весь огонь по атакующимъ баталіонамъ, японцы, буквально разстрѣливаемые, неся громадныя потери, подвигались энергично впередъ, доведя наконецъ дѣло до штыковъ, врываясь на нашу позицію. Своевременно брошенные впередъ резервы, а самое главное, цѣлый вновь прибывшій баталіонъ 36-го полка и на этотъ разъ вырвали у противника побѣду. Отбитый, оставляя по пути отхода массу раненыхъ, которыхъ на этотъ разъ даже не подбирали, противникъ поспѣшно отошелъ, но занявъ свою старую позицію, немедленно же опять возобновилъ огонь".

„На сегодня, однако, упорство его было сломлено. Поддерживая только огонь, онъ болѣе попытокъ къ переходу въ наступленіе не дѣлалъ".

На участкѣ Любавина, расположенномъ восточнѣе Тюпинтайской позиціи, 18 число прошло сравнительно тихо. Отъ 8 час. 50 мин. утра Любавинъ донесъ за № 314: „Ночь прошла спокойно. Высота 194 все еще занята японцами, но за ночь непріятель никакихъ дѣйствій не предпринималъ. Связь съ Даниловымъ держится, но свѣдѣній за ночь еще никакихъ не получилъ. Потери еще не приведены въ извѣстность. Г.-м. Любавинъ".

„Около 3-хъ часовъ дня противникъ началъ быстро наступать противъ центра Любавина, занятаго ротами Дрисскаго полка, но встрѣченный сильнымъ огнемъ, отошелъ. Не удались и наши попытки продвинуться впередъ, потому что малѣйшее движеніе вызывало сильнѣйшій огонь пѣхоты и пулеметовъ".

„При одной изъ подобныхъ попытокъ продвинуться правымъ флангомъ впередъ, тяжело раненъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ Гурко“ [1]).

У генерала Данилова противникъ съ утра ограничивался перестрѣлкой.

„Въ 5 ч. 25 м. дня г. Даниловъ доносилъ: „Почти полная тишина у противника. Начинаемъ двигаться впередъ. Обстрѣляли артиллеріей отступающую горную батарею. Ночью усиленно будемъ развѣдывать. Г.-м. Даниловъ“ [2]).

19-е Февраля прошло сравнительно спокойно на всемъ фронтѣ частей, подчиненныхъ генералу Ренненкампфу. Противникъ пытался перейти въ наступленіе противъ отряда генерала Любавина, находившагося между войсками г. Данилова и Тюпинтайской позиціей, но былъ отбитъ. Отрядъ генерала Данилова подался даже впередъ, но наступленіе шло вяло, такъ какъ въ отрядѣ не было горной артиллеріи, а съ полевой въ столь пересѣченной мѣстности работать было трудно.

„Ночь на 20-е Февраля прошла на главной позиціи у Тюпинтая безъ атакъ, всю ночь поддерживалась лишь рѣдкая перестрѣлка“.

Въ остальныхъ арміяхъ, очевидно, не благополучно, потому что въ 8 часовъ утра получилась опять срочная, внѣ очереди, телеграмма: „Командующій арміей приказалъ дивизіонные обозы безотлагательно отвезти на линію Тѣлинъ, на тыловой путь Сяходе-Пухадцяпуцзы. 351. г.-л. Харкевичъ. На это послано было донесеніе, что обозы уже въ д. Сяходе, но что дѣлается распоряженіе отправить ихъ еще дальше назадъ“ [3]).

Около 12 ч. дня 20-го Февраля, послѣ сильной артиллерійской подготовки, японцы повели энергичную атаку на Тюпинтайскую позицію, не менѣе, какъ 6-ю баталіонами.

Несмотря на геройскую оборону, лѣвофланговый Черноярскій баталіонъ былъ потѣсненъ, но по свойствамъ мѣстности небольшая оттяжка этого баталіона назадъ не имѣла существеннаго значенія.

Нѣсколько японскихъ атакъ, веденныхъ въ этотъ день на отрядъ г. Любавина, были блестяще отбиты и къ вечеру бой за-

---

[1]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-дневный бой моего отряда, стр. 86—89.

[2]) Тамъ же, стр. 91.

[3]) Тамъ-же, стр. 105.

тихъ. Любавинъ доносилъ: „Бой затихъ. Всѣ атаки отражены молодцами Дриссцами и стрѣлками. Японцы понесли большія потери, масса труповъ лежитъ передъ нашими позиціями...“ [1]).

Въ отрядѣ г. Данилова продолжались попытки къ переходу въ наступленіе. Взятая нами высота 206 съ наступленіемъ темноты была атакована японцами, но безъ успѣха. Вечеромъ генералъ Даниловъ рѣшилъ перейти къ оборонительнымъ дѣйствіямъ.

„Ночь на 21-е Февраля прошла, какъ и послѣдняя предъидущая, на главной позиціи спокойно, если не считать ружейной перестрѣлки и рѣдкой съ обѣихъ сторонъ артиллерійской.

Развѣдывательныя партіи, которыя приказано было выслать по всему фронту главной позиціи въ разныхъ направленіяхъ, ничего не дали. Вездѣ ихъ встрѣчали огнемъ, очевидно, противникъ весь былъ настороже.

Открытый съ разсвѣтомъ противникомъ артиллерійскій огонь достигъ къ 11 часамъ дня крайняго напряженія, послѣ чего японцы начали цѣлый рядъ жестокихъ атакъ противъ нашего центра“ [2]).

Несмотря на громадную убыль, почти полное отсутствіе резервовъ и усталость послѣ нѣсколькихъ дней безпрерывнаго боя— всѣ атаки были отбиты.

Самъ генералъ Ренненкампфъ лично отправился на позицію и обходилъ войска.

Въ 6 часовъ послана была телеграмма Командующему и Главнокомандующему: „Только что вернулся съ позиціи. Послѣ трехъ часовъ противъ центра и праваго участка отбиты двѣ атаки, противъ лѣваго участка одна атака. Всѣмъ этимъ атакамъ предшествовалъ сильный артиллерійскій огонь, который и въ данную минуту продолжается. Противъ Любавина рѣшительной атаки въ данное время не ведутъ, но обстрѣливаютъ его сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, ждетъ рѣшительныхъ атакъ, резерва у него нѣтъ. У Данилова сегодня идетъ артиллерійскій бой. Доноситъ, что появилась какая то батарея съ большими снарядами, которая, по его мнѣнію, стрѣляетъ за 8 верстъ, ее найти не могутъ. Крайній правый мой флангъ, вслѣдствіе отхода князя

---

[1]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-ти дневный бой моего отряда, стр. 113.

[2]) Тамъ-же, стр. 116.

Туманова, во избѣжаніе разрыва, также загнулъ нѣсколько назадъ. Сто ручныхъ гранатъ получено. 347, Ренненкампфъ“ [1]).

Около семи часовъ японцамъ удалось сбить Черноярцевъ въ центрѣ и занять часть нашей позиціи, но остатки частей, оборонявшихъ позицію, перешли въ контръ-атаку и штыками опрокинули японцевъ, взявъ два непріятельскихъ пулемета. Перестрѣлка тянулась и ночью.

Фланговый отрядъ г. Любавина такъ-же блестяще отразилъ атаки японцевъ.

Въ отрядѣ г. Данилова дѣло ограничилось только ружейной и артиллерійской перестрѣлкой.

„Въ ночь на 22-е Февраля на Тюпинтайской позиціи было отбиты еще двѣ атаки.

Съ 5 часовъ утра японцы снова ринулись въ атаку и даже имѣли нѣкоторый успѣхъ, но уже въ девятомъ часу утра вся позиція попрежнему была въ нашихъ рукахъ.

Начальникамъ же отрядовъ, въ 11 ч. утра, послано было для поддержанія духа въ частяхъ: „Передайте всѣмъ частямъ, что около Мукдена идетъ генеральное сраженіе, успѣшное для насъ. Надо, значитъ, во всю держаться. Японцы отбиваются по всему фронту съ громадными потерями. 306, Ренненкампфъ“.

„Какъ злая насмѣшка послѣ того явился въ 11½ часовъ дня телефонный разговоръ съ командующимъ арміей, предупредившій, что вечеромъ придется отходить на линію р. Хунхэ. Предупредилъ, что полученное ночью предписаніе лишь предупредительное, но что уже выслано—исполнительное“.

Въ 1 ч. 40 мин. дня, получилась копія приказа 1-й арміи въ видѣ записки № 3511: „Главнокомандующій приказалъ 1-й арміи отойти съ занимаемыхъ позицій и занять промежуточныя позиціи южнѣе р. Хунхэ, прикрывающія Фушунскую вѣтку“ [2]).

„Отходъ съ позиціи совершался вполнѣ безпрепятственно, безъ единаго ружейнаго выстрѣла. Главныя силы прошли Мацзяндань къ 12 часамъ ночи. Къ этому же времени отправленъ былъ весь подвижной составъ, нагруженный ранеными, рельсами и болѣе цѣннымъ интендантскимъ имуществомъ. Но снятіе рельсъ приказано было продолжать всю ночь, пока не отойдутъ охотники“ [3]).

---

[1]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-ти дневный бой моего отряда. Стр. 120.
[2]) Тамъ-же, стр. 142.
[3]) Тамъ-же, стр. 149.

Такъ закончилась геройская эпопея обороны позицій на лѣвомъ флангѣ всѣхъ трехъ армій. Задуманный японцами обходъ нашего лѣваго фланга разбился объ оборону геройскихъ войскъ, руководимыхъ генераломъ Ренненкампфомъ.

„Съ отходомъ на правый берегъ р. Хунхэ, окончилась для насъ кровавая эпопея Мацзянданя, которою по истинѣ всякій участникъ въ правѣ гордиться“.

„Въ то время, какъ всѣ остальные корпуса 1-й арміи принимали бой на заранѣе и давно уже укрѣпленной, а значитъ и основательно изученной позиціи, нашъ отрядъ вынужденъ былъ принять бой на позиціи, никому не извѣстной, совершенно не укрѣпленной, гдѣ даже некогда было измѣрять разстояніе“.

„Уступая только шагъ за шагомъ, лишь въ штыковыхъ схваткахъ небольшіе участки позиціи, потерявъ въ штыковой же схваткѣ 17-го Февраля ключъ позиціи, мы на главной позиціи сломили упорство Портъ-Артурскихъ ветерановъ, какъ себя гордо называли части 11-й полевой японской дивизіи и 5-й резервной бригады“.

„Кавамура не достигаетъ успѣха у Мацзянданя“, такъ заканчиваетъ каждый день авторъ описанія Мукденскаго боя (Die Schlacht bei Mugden Sanderabdruck aus dem Militär-Wochenblat 1905 Beiheft—10), что и заставило японскаго главнокомандующаго сдѣлать распоряженіе о направленіи 20-го Февраля одной бригады на усиленіе 5-й японской арміи Кавамуры. Весь успѣхъ этой бригады 2-й полевой дивизіи состоялъ въ оттѣсненіи отрядовъ князя Туманова и Бачинскаго, но подходъ ея поставилъ нашу главную позицію въ крайне тяжелое положеніе, что, однако, не помѣшало 22-го Февраля окончательно отбить бѣшеныя фронтовыя атаки, послѣ чего японцы, когда мы уже получили распоряженіе объ отходѣ на Хунхэ, въ свою очередь отступили“.

„Какъ, между прочимъ, въ Японіи посмотрѣли на нашу упорную оборону, видно изъ слѣдующей телеграммы, помѣщенной въ № 54 газеты „Русь“ за 1905 годъ: „Токіо. 28-го Февраля (13-го Марта) (Central Neus), благодаря упорному сопротивленію, оказанному лѣвымъ русскимъ флангомъ въ направленіи Фушунъ, вся армія Куропаткина не была окружена“.

15-го Мая уже во время нахожденія отряда въ Хайлунченѣ получилась телеграмма начальника штаба 1-й арміи: „На реляціяхъ о бояхъ отряда генерала Ренненкампфа на позиціяхъ у Цинхэчена и Мацзяндани, командующій арміей изволилъ поло-

жить слѣдующую резолюцію: „бой весьма упорный и славный, какъ для начальниковъ, въ особенности генераловъ Ренненкампфа и Данилова, такъ и для войскъ; нельзя не гордиться подвигами 71-й пѣх. дивизіи, потерявшей 56% своего состава и все еще сохранившей стойкость и спокойствіе. Все, значитъ, зависитъ отъ начальниковъ частей, надо выдвинуть скорѣе впередъ наиболѣе отличившихся. Реляція составлена очень хорошо. 5875. Ген.-лейт. Эвертъ“ [1]).

Потери войскъ генерала Ренненкампфа и генерала Данилова за эти славные бои достигли огромной цифры—въ 164 офицера и 8822 нижнихъ чина.

Потери японцевъ, дѣйствовавшихъ противъ Ренненкампфа достигли, по имѣющимся свѣдѣніямъ, 6000 человѣкъ [2]).

Пока на крайнемъ лѣвомъ флангѣ 1-й Маньчжурской арміи разыгрывались описанныя событія — наступательныя дѣйствія японцевъ постепенно охватывали весь фронтъ нашего расположенія на р. Шахэ.

Въ ближайшемъ, въ направленіи на западъ, къ войскамъ генерала Ренненкампфа, III-мъ Сибирскомъ корпусѣ, событія разыгрывались такъ:

„Позиціи III-го Сибирскаго корпуса, тянувшіяся почти на 20 верстъ, были заняты 10-го Февраля всего 13 батал., 11 сотн. и 52 оруд.. Съ 11-го Февраля на его лѣвый флангъ, расположенный на Гаотулинской позиціи, начала надвигаться 2-я японская дивизія; въ то же время 12 дивизія развернулась противъ его праваго крыла“.

„Такъ какъ въ то же время выяснилось, что противъ отряда ген.-л. Ренненкампфа дѣйствуетъ 11-я дивизія, изъ состава войскъ осаждавшихъ Артуръ, то въ нашемъ управленіи зародилось опасеніе, что японцы направляютъ рѣшительный ударъ на наше лѣвое крыло. Три полка г.-м. Данилова были сосредоточены для обезпеченія лѣваго фланга отряда г.-л. Ренненкампфа; на участокъ III-го Сиб. корпуса были двинуты многочисленныя подкрѣпленія. Ближайшій сосѣдъ, II Сибирскій корпусъ, помогъ 5 баталіонами и 16 оруд.; 4 Сибирскій корпусъ послалъ Красноярскій и Енисейскій полки. Главнокомандующій направилъ изъ

---

[1]) Г.-л. Ренненкампфъ. 20-ти дневный бой моего отряда. Стр. 182—183.
[2]) Виноградскій. Исторія Русско-Японской войны, т. IV, стр. 219.

своего резерва 72-ю дивизію и Царицынскій полкъ; изъ состава II арміи I Сиб. Корпусъ былъ двинутъ къ Шихуйчену, и одной бригадой успѣлъ усилить III Сиб. Корпусъ. Послѣднему резерву—XVI арм. корпусу—указано было подготовиться къ движенію на востокъ. Ген.-ад. Куропаткинъ хотѣлъ не только отбить ударъ Куроки, но и разбить здѣсь непріятеля".

„Къ 16 февраля III Сиб. корпусъ имѣлъ въ боевой части и резервахъ до 51½ батал.; японцы имѣли противъ него около 30 бат., но, несмотря на нашъ перевѣсъ въ силахъ, энергично наступали; III Сиб. корпусъ принужденъ былъ растянуться еще болѣе къ востоку; общее протяженіе его позицій достигало 32-хъ верстъ; при такой разбросанности корпусъ лишь съ трудомъ отражалъ удары противника".

„Уже 14-го японцамъ удалось овладѣть важной вершиной въ центрѣ (между Уанфулинскимъ и Гаотулинскимъ перевалами, ред. № 16) господствовавшей надъ нашими позиціями" [1]).

„Бои на позиціяхъ 3-го Сиб. корпуса носили, въ теченіе 16 февраля, гораздо болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ I арміи, и въ конечномъ ихъ результатѣ противникъ овладѣлъ редутами №№ 17, 18 и 19, находившимися на Гаутулинской позиціи" [2]).

„На разсвѣтѣ 16 числа японцы открыли сильный огонь по этимъ редутамъ и повели энергичное наступленіе на нихъ. Вскорѣ огонь ихъ сосредоточился, главнымъ образомъ, на редутѣ № 17, нанося его гарнизону громадныя потери. Въ седьмомъ часу утра начальникъ боевого участка, командиръ Верхнеудинскаго полка полковникъ Чанышевъ, оказался вынужденнымъ вывести изъ редута № 19 сперва 12-ю роту, а затѣмъ еще и часть 10-й, съ тѣмъ, чтобы послать ихъ въ редутъ № 17, у защитниковъ котораго началъ ощущаться недостатокъ въ патронахъ. Кромѣ того изъ общаго резерва былъ направленъ къ угрожаемому пункту одинъ бат. Царицынскаго полка.

Въ это же время артиллерія противника начала также обстрѣливать позиціи 11-го и 12 В.-Сиб. стрѣлк. полковъ, и части его повели наступленіе противъ редутовъ №№ 7 и 10, которое, однако, было остановлено огнемъ 2-й и 4-й ротъ 11-го В.-Сиб. стр. полка. Послѣ этого японцы въ теченіе дня нѣсколько разъ

---

[1]) А. Свѣчинъ. Рус.-Японск. война, стр. 345—346.
[2]) Воен.-Ист. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 256.

безуспѣшно дѣлали попытки продвинуться впередъ; къ вечеру они залегли въ разстояніи 2000—2500 шаговъ отъ позицій праваго фланга".

„Другой оборотъ принялъ бой на Гаутулинской позиціи" (лѣвый флангъ).

„Въ 7 час. 20 мин. утра японцы повели энергичное наступленіе на редутъ № 17, который стали буквально засыпать шимозами. Въ 7 час. 50 мин. роты Красноярскаго и Чембарскаго полковъ, занимавшія послѣдній, не выдержавъ огня и натиска противника, очистили редутъ и окопы около него, которые тотчасъ же были заняты противникомъ, сосредоточившимъ огонь по редутамъ №№ 18 и 19. Отступившія отъ редута и съ сосѣднихъ участковъ роты заняли горный гребень къ сѣверу отъ него".

„Прибывшій изъ д. Падяза 1-й баталіонъ Царицынскаго полка подполк. Махаевъ, около 8 ч. 30 м. утра, вошелъ въ лощину, ведущую къ редуту № 17, и попалъ подъ сильнѣйшій огонь японцевъ, успѣвшихъ уже овладѣть редутомъ № 18. Одновременно съ этимъ, части ихъ начали продвигаться въ направленіи къ Падязѣ".

„Тогда подполк. Махаевъ, выславъ 1-ю, 2-ю и 4-ю роты въ боевую часть, оставивъ 3-ю въ резервѣ и будучи поддержанъ тремя ротами Верхнеудинцевъ, перешелъ въ наступленіе и оттѣснилъ японскія цѣпи къ линіи редутовъ №№ 17 и 18. Послѣ этого роты залегли въ разстояніи прямого выстрѣла отъ противника, заполнивъ образовавшійся прорывъ позиціи и ведя въ теченіе всего дня рѣдкую перестрѣлку" [1]).

„Между тѣмъ, противникъ перенесъ подавляющій артиллерійскій огонь на редутъ № 19 и вынудилъ гарнизонъ его, ослабленный, какъ упомянуто выше, выдѣленіемъ двухъ ротъ въ поддержку редута № 17, къ отступленію. Командиръ Верхнеудинскаго полка полк. Чанышевъ былъ тяжело раненъ. Тогда командиръ Чембарскаго полка полк. Беймельбургъ, собравъ свой послѣдній резервъ и притянувъ отъ редута № 23 всѣ свободныя силы, занялъ главный Гаутулинскій перевалъ и этимъ остановилъ дальнѣйшее наступленіе противника".

„Въ результатѣ, четыре опорныхъ пункта Гаутулинской позиціи оказались потерянными, и была создана новая линія обороны, проходившая отъ главнаго Гаутулинскаго перевала по высотамъ сѣвернѣе редутовъ №№ 17, 18 и 19".

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 256.

„Царицынцы, парализовавъ успѣхъ противника, залегли на внутреннихъ скатахъ позиціи безъ окоповъ и приступили къ возведенію укрѣпленій; въ то же время и японцы укрѣпляли горжи взятыхъ ими редутовъ. Обѣ стороны работали непрерывно, неся потери отъ огня. Артиллерія корпуса сосредоточила свой огонь по редутамъ, взятымъ противникомъ“ [1]).

На слѣдующій день японцы съ разсвѣтомъ 17 февраля сосредоточили сильнѣйшій артиллерійскій огонь по редуту № 20, а вслѣдъ затѣмъ его пѣхота охватила редутъ съ трехъ сторонъ. Занимавшая послѣдній 11-я рота Чембарскаго полка, потерявъ отъ огня всѣхъ офицеровъ и до 75% нижнихъ чиновъ, принуждена была его очистить. Редутъ былъ тотчасъ же занятъ японцами, которые вслѣдъ затѣмъ повели наступленіе на участокъ между редутомъ № 21 и главнымъ переваломъ на такъ называемую Безымянную гору; они завладѣли окопомъ, находившимся на ея южномъ склонѣ въ 40—50 шагахъ передъ вершиной, и стали продвигаться къ редуту № 23, обходя его слѣва.

„Съ началомъ атаки на редутъ № 20, г.-л. Ивановъ направилъ къ нему изъ Падзязы 1-й и 2-й баталіоны 10-го В.-Сиб. стр. полка подъ общимъ начальствомъ подполк. Рацуля. Стрѣлки, сбросивъ снаряженіе, перешли въ контръ-атаку и, поддержанные огнемъ Царицынцевъ, выбили японцевъ изъ окоповъ Безымянной горы. 8-я рота 10-го В.-Сиб. стр. полка даже ворвалась въ редутъ № 20 и заняла одну его половину, а въ другой половинѣ остались японцы. Тогда артиллерія японцевъ, не стѣсняясь тѣмъ, что въ редутѣ находились ихъ же части, стала осыпать его такимъ убійственнымъ огнемъ, что держаться въ немъ не было никакой возможности, а потому остатки 8-й роты отошли къ Безымянной горѣ“.

„Послѣ занятія редута № 20 и боя у Безымянной горы японцы направили свои силы на участокъ между редутомъ № 21 и переваломъ, за которымъ открывалась долина, выводящая къ Падзязѣ. Этотъ участокъ былъ занятъ 1 баталіономъ Чембарскаго полка, 3½ ротами 10-го В.-Сиб. стр. полка и 1 ротой Верхнеудинцевъ; сюда же были переведены съ праваго участка четыре роты Верхнеудинскаго и Красноярскаго полковъ. Замѣчены были также колонны, направлявшіяся въ охватъ редута № 23, а потому туда были переведены три роты стрѣлковъ и баталіонъ Кирсановскаго

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 258—259.

полка, шедшій къ своему полку. Баталіонъ этотъ былъ поставленъ во внѣшнемъ резервѣ редута № 23".

„Въ первомъ часу дня Японцы повели атаку на участокъ позиціи между редутами №№ 21, 22 и 23, но были отбиты" [1]).

„Этимъ, однако, бой не закончился, такъ какъ на другихъ участкахъ позицій корпуса обѣ стороны безуспѣшно пытались вытѣснить другъ друга изъ занятаго расположенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ сближались до 10—20 шаговъ, пуская въ ходъ ручныя гранаты. Японцы неоднократно собирались у редута № 20 и старались продвинуться впередъ, но каждый разъ ихъ останавливалъ фронтальный, а частью и фланговый огонь баталіона Царицынскаго полка. Въ такомъ напряженномъ состояніи прошелъ остатокъ дня".

„Командиръ Чембарскаго полка, полк. Беймельбургъ, начальствовавшій участкомъ у редута № 21, доносилъ, что не ручается за успѣхъ дальнѣйшей обороны. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ раненъ и ген.-лейт. Ивановъ донесъ въ штабъ I арміи о тревожномъ положеніи дѣлъ, прося для отвлеченія вниманія противника двинуть впередъ отрядъ ген.-лейт. Ренненкампфа".

„Вслѣдствіе этого Командующій арміею высказалъ послѣднему по телефону, что было бы весьма цѣлесообразно, соединившись съ г.-м. Даниловымъ, перейти въ наступленіе".

„Но выполнить это предположеніе не было возможности, въ виду того, что въ теченіе 17-го числа отрядъ г.-л. Ренненкампфа самъ подвергался энергичнымъ атакамъ японцевъ".

„Въ 8 час. вечера начавшая было стихать перестрѣлка возобновилась съ прежнею силою. Наиболѣе угрожаемымъ пунктомъ была Безымянная гора и перевалъ вблизи редута № 20, а потому г.-л. Ивановъ перевелъ къ этому участку съ праваго фланга, положеніе котораго являлось болѣе прочнымъ, 3-й баталіонъ Царицынскаго и 1-й баталіонъ Енисейскаго полковъ. Дѣйствительно, въ концѣ десятаго часа вечера японцы снова повели атаку на Безымянную гору; цѣпи ихъ приблизились на нѣсколько десятковъ шаговъ къ нашимъ, но всюду были отбиты".

„Затѣмъ въ теченіе ночи атаки повторялись нѣсколько разъ и отличались большимъ ожесточеніемъ; въ дѣло пускались не только штыки, ружья и гранаты, но и кирки, мотыги, камни, словомъ—все, что было подъ рукой. Подполк. Рацуль, вступившій

[1]) Воен. Истор. Комис. т. V, ч. I, стр. 270—271.

въ командованіе на участокъ у Безымянной горы, настойчиво просилъ подкрѣпленій, а потому генер. Ивановъ еще до разсвѣта послалъ ему еще одинъ баталіонъ Енисейскаго полка".

„Въ виду не прекращавшихся даже ночью атакъ, Командующій I арміею направилъ изъ Шихуйчена на Гаутулинскую позицію два баталіона Кирсановскаго полка, которые, выступивъ въ 2 часа 15 мин. ночи на 18 февраля, прибыли къ 7 час. утра въ д. Падяза".

„Съ разсвѣтомъ 18 февраля противникъ, получивъ значительныя подкрѣпленія, вновь повелъ атаку на Безымянную гору. Атака эта отличалась чрезвычайной ожесточенностью и была доведена до рукопашной схватки, но благодаря своевременному прибытію Енисейскаго баталіона и мужеству, проявленному подп. Рацулемъ и находившимися подъ его командою частями, она такъ же, какъ и всѣ предыдущія, была отбита.

Утромъ 18 февраля, когда наступило затишье, въ раіонѣ передъ редутомъ № 21 было насчитано до 30 тѣлъ японскихъ офицеровъ и до 2.000 нижнихъ чиновъ.

Одновременно съ атакой Безымянной горы японская пѣхота повела, отъ редутовъ № 17 и 18, наступленіе на позицію Царицынскаго полка. Атака эта была отбита Царицынцами при содѣйствіи огня 4 горныхъ орудій сводной батареи".

„Около 1 часа ночи 18 февраля противникъ вновь атаковалъ позиціи Царицынскаго полка, подошелъ къ нашимъ цѣпямъ на 100—150 шаговъ, но опять былъ отбитъ. Съ разсвѣтомъ 18 февраля атаки прекратились, но обстрѣливаніе позиціи продолжалось. Наиболѣе утомленные и пострадавшіе Чембарскій и 10-й В.-Сиб. стр. полки были отведены въ корпусный резервъ къ д. Падяза" [1]).

Ясно чувствовалось полное истощеніе силъ японцевъ. Однако, несмотря на наступившее затишье, отличный духъ войскъ и явное превосходство въ силахъ—генералъ Линевичъ не рѣшился использовать благопріятную минуту и перейти въ наступленіе. Отличная боевая работа войскъ сводилась къ нулю пассивностію Командующаго арміей.

Сосѣдній съ III-мъ Сибирскимъ корпусомъ—II-й Сибирскій корпусъ, имѣя лишь незначительныя стычки на фронтѣ вплоть до

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 271—273.

17-го Февраля, 18-го Февраля, въ свою очередь, былъ атакованъ 2-й гвардейской японской бригадой генералъ-маіора Ватанабэ.

„Къ утру 18 февраля (3 марта) у г.-л. Засулича на Кандолисанской позиціи имѣлись $17^1/_2$ бтл. и 50 ор., изъ которыхъ въ боевой части находились 14 бтл. и 50 ор.; $6^3/_4$ бтл. и 36 ор. занимали правый участокъ (г.-м. Окулича) отъ Самуфаня до дороги Кандолисанъ-Сунупуза; 8 бтл. и 16 ор.—лѣвый (г.-м. Морозова); 3 бтл. и 2 сот. оставались въ корпусномъ резервѣ. Овладѣніе данной позиціей было возложено на 2-ю гвардейскую бригаду Ватанабэ, которую могли поддержать еще 8 баталіоновъ.

Ватанабэ двинулся въ 1 ч. 20 мин. ночи 18-го февраля (3-го марта) изъ Янсытунь-Тадзыпу и Войшотана въ направленіи, приводившемъ 3-й гвард. полкъ къ атакѣ 17-го В.-С. стр., а 4-й—18-го В.-С. стр. полковъ, и около 3 час. уже столкнулся съ ними.

Бой принялъ сразу очень упорный характеръ. Мы доблестно оборонялись, японцы постоянно вливали резервы (2 бтл. было взято съ сосѣдняго участка, отъ 16-го полка 2-й дивизіи, входившаго въ составъ „сборнаго отряда“, и несли громадныя потери, не выигрывая, однако, ни пяди пространства. Разсвѣтъ засталъ бригаду въ тяжеломъ положеніи, сильно разстроенной, но и у г.-м. Окулича резервы растаяли и нечѣмъ было произвести желательную контръ-атаку для развитія нашего успѣха. До сихъ поръ главный ударъ противника имѣлъ объектомъ правый участокъ, передъ которымъ залегли отбитые, обезсиленные, выдохшіеся 10 слишкомъ японскихъ баталіоновъ,—съ 3-хъ же час. дня подвергся атакѣ и лѣвый флангъ нашъ, гдѣ мы также отбросили японцевъ. Особенную энергію проявляли они вновь послѣ 9 час. вечера, когда, подкрѣпивъ боевую часть свѣжими войсками, возобновили наступленіе противъ 17-го и 18-го В.-Сиб. стр. полковъ. Исключительная по злобности атака, оставшаяся безрезультатной и сопровождавшаяся громадными потерями, была произведена въ 1 ч. ночи на 19-е февраля (4 марта) (передъ нашими укрѣпленіями остались груды тѣлъ). Однако, несмотря на эту неудачу, японцы все-таки не прекращали боя и еще разъ до разсвѣта вновь перешли въ наступленіе. Отбитые съ большимъ урономъ, они утромъ отхлынули за р. Шахэ, чѣмъ г.-л. Засуличъ, къ сожалѣнію, воспользоваться не могъ изъ-за полнаго истощенія резервовъ. Хотя г.-л. Линевичъ и распорядился подкрѣпить II-й Сиб. корпусъ двумя баталіонами IV, но послѣдніе пришли слиш-

комъ поздно. Вообще, мы опять остались пассивными и не использовали результатовъ дня, между тѣмъ какъ движеніе г.-л. Зарубаева во флангъ разбитой и временно потерявшей всякую боеспособность гвардіи сулило несомнѣнныя благопріятныя послѣдствія“ [1]).

Въ 4-мъ Сибирскомъ корпусѣ въ періодъ боевъ 1-й арміи до двадцатыхъ чиселъ февраля дѣло ограничивалось лишь перестрѣлками и небольшими стычками.

Въ раіонѣ 1-го армейскаго корпуса, лежащемъ еще далѣе къ западу и примыкающемъ къ раіону уже 3-й арміи, наступленіе противника началось 17-го февраля.

На фронтъ корпуса повела наступленіе 10-я японская дивизія, поддержанная резервной бригадой и огнемъ тяжелой артиллеріи.

Атакованы были д. Людзянтунь, Путиловская и Новгородская сопки.

„Огонь 11-дюймовыхъ мортиръ причинялъ значительныя поврежденія укрѣпленіямъ, но за ночь ихъ успѣвали исправлять. Потери въ людяхъ у насъ были сравнительно незначительны. Постепенно продвигаясь впередъ, японцы захватили часть передовыхъ окоповъ сторожевого охраненія; ночью они устраивали новые, но вслѣдствіе отсутствія удобныхъ сообщеній съ тыломъ и морозной погоды, части ихъ сильно терпѣли. Попытки разрушить наши искусственныя препятствія не удались“ [2]).

„Въ теченіе ночи на 20-е число японцы продолжали дѣйствія противъ 1-го арм. корпуса и мѣстами имъ даже удалось продвинуться впередъ, но достигнуть болѣе или менѣе существенныхъ успѣховъ они не могли, такъ какъ были отбиваемы огнемъ“.

„Части корпуса не ограничивались чисто пассивною обороною, но мѣстами сами производили контръ-атаки. Такъ, около 11 час. вечера 19 числа, двѣ роты Вильманстрандскаго полка, перейдя въ наступленіе, захватили два японскихъ пулемета и нѣсколько десятковъ плѣнныхъ“.

„Днемъ 20-го февраля противникъ продолжалъ поддерживать усиленный артиллерійскій огонь по позиціямъ корпуса и нѣсколько разъ производилъ атаки, при отбитіи которыхъ оказывала содѣйствіе артиллерія сосѣдняго 4-го Сиб. корпуса“.

---

[1]) Виноградскій. Исторія Русско-Японской войны. Выпускъ IV, стр. 162—163.
[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 347.

„Артиллерійскій огонь сосредоточивался преимущественно по д. Люцзянтунь; сюда же, на участокъ роты Каспійскаго полка, направлялись и атаки. Японцы близко подходили къ проволочнымъ загражденіямъ, прятались въ волчьихъ ямахъ, а небольшой партіи ихъ, въ числѣ 2 офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ, удалось даже пробраться въ тылъ позиціи и спрятаться въ фанзѣ, въ которой они утромъ 21 числа, за отказомъ сдаться, были всѣ переколоты“.

„Въ 11 час. утра, при содѣйствіи шрапнельнаго огня артиллеріи, сосредоточеннаго по волчьимъ ямамъ, занятымъ японцами, была отбита самая ожесточенная атака на д. Люцзянтунь. Роты Каспійскаго полка перешли въ контръ-атаку и выбили противника, при чемъ одна рота 40-го японскаго полка была наполовину уничтожена, наполовину взята въ плѣнъ. Въ ночь на 21-е февраля японцы снова атаковали Люцзянтунь, но снова были отбиты. Роты Каспійскаго полка, перейдя на разсвѣтѣ 21-го февраля вновь въ наступленіе, взяли 2 офицеровъ и до 108 нижнихъ чиновъ въ плѣнъ. Попытки противника атаковать Путиловскую и Новгородскую сопки также окончились неудачно“ [1]).

Далѣе къ западу, въ раіонѣ III-й арміи, въ періодъ боевъ I-й арміи, до 15-го февраля не дѣлалось почти никакихъ попытокъ къ содѣйствію и помощи ввязавшимся въ бой корпусамъ.

„Въ ночь на 15-е февраля, когда уже сильныя подкрѣпленія вливались въ наше лѣвое крыло, нами рѣшено было произвести въ центрѣ демонстрацію, чтобы отвлечь силы японцевъ отъ нашей I арміи. Съ этой цѣлью на фронтѣ XVII армейскаго корпуса 3 охотничьихъ команды, поддержанныя двумя ротами, атаковали голову желѣзнодорожнаго моста черезъ р. Шахэ и находившуюся вблизи „Черную рощу“. Изолированное наступленіе столь малыхъ силъ, конечно, не могло дать ни прочнаго успѣха, ни повліять на рѣшенія противника. Первоначально охотникамъ XVII корпуса удалось овладѣть передовыми окопами японцевъ, но затѣмъ они были оттѣснены. Не въ этомъ масштабѣ предпринятыя активныя дѣйствія могутъ повліять на исходъ сраженія, въ которомъ принимаютъ участіе болѣе полумилліона бойцевъ“ [2]).

„Въ общемъ войска I-й арміи, къ вечеру 20 февраля, отстояли свои позиціи и только на участкѣ г.-м. кн. Туманова, слу-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 369.

[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 348.

жившемъ связью между позиціями 3-го Сиб. корпуса и отряда г.-л. Ренненкампфа, имъ пришлось нѣсколько податься назадъ".

„Энергія противника, находившагося противъ фронта арміи, повидимому, ослабѣла, и его дѣйствія не отличались уже прежнею стремительностью и настойчивостью".

„Дѣйствія І-й арміи съ первыхъ же дней боевъ сопровождались рядомъ геройскихъ дѣлъ отдѣльныхъ частей войскъ и войсковыхъ начальниковъ, но эти дѣйствія вслѣдствіе пассивнаго ихъ характера мало или вовсе не облегчили положенія II-й арміи: противникъ не только не оттянулъ свои силы къ правому своему флангу, но продолжалъ свое смѣлое обходное движеніе".

„Пропустивъ для перехода въ наступленіе періодъ съ 15-го по 18-е февраля, І-я Маньчжурская армія, хотя къ 20 числу и сохранила способность къ таковому, но возможные при этомъ полезные результаты уже не были тѣ, что двумя днями ранѣе..." [1]).

Изъ этого обзора дѣйствій корпусовъ І-ой арміи, вплоть до отхода ея на позиціи по р. Хуньхэ, можно убѣдиться, насколько высоко подготовлены были въ боевомъ отношеніи всѣ войска четырехъ Сибирскихъ и 1-го армейскаго корпусовъ. Бросается въ глаза и стойкость полковъ 71-й и 72-й пѣхотныхъ дивизій, цѣликомъ состоявшихъ изъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ изъ запаса. Однако, не смотря на несомнѣнный успѣхъ и матеріальный и моральный перевѣсъ надъ врагомъ, армія остается неподвижно на своихъ гребняхъ горъ и только отбивается, а не наноситъ ударъ.

Ясно, что въ создавшемся положеніи виноваты не полки, не дивизіи. Въ пассивности надо упрекнуть корпуса и, конечно, Командующаго арміей. Внимательное изученіе подготовки тыла даетъ еще поводъ упрекнуть и высшее управленіе арміей, такъ какъ переходъ въ наступленіе былъ недостаточно подготовленъ въ отношеніи снабженія войскъ огнестрѣльными припасами, на что имѣются указанія въ отчетѣ Командующаго 1-й Маньчжурской арміей.

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 375.

ГЛАВА VII.

Мукденское сраженіе.

Обходное движеніе арміи Ноги.—Бои II-й и III-й арміи.—Салинпу.—Попытки перехода въ наступленіе генерала барона Каульбарса.

„Наступленіе арміи Ноги началось 13 февраля. Крайняя правая дивизія—9-я должна была дѣйствовать въ полной связи съ лѣвымъ флангомъ арміи Оку, и первоначально направлялась на с. Сыфантай. Остальныя колонны—резервная бригада, 7-я и 1-я дивизіи направлялись на фронтѣ до р. Ляохэ. По правому берегу Ляохэ первоначально наступала 2-я кавал. бригада ген. Тамура, прикрывая лѣвый флангъ всего японскаго расположенія. Описавъ полукругъ, части арміи Ноги должны были обрушиться на нашъ флангъ и тылъ на 30 верстномъ участкѣ отъ нашихъ позицій до Синминтиньской дороги. Крайнему лѣвому флангу приходилось описывать болѣе широкую дугу; поэтому онъ выдвигался уступомъ впередъ, что повело къ тому, что онъ былъ прежде всего обнаруженъ нами, и возбудилъ въ нашемъ управленіи опасенія за глубокій обходъ долиной рѣки Ляохэ, прямо на Тѣлинъ.

Ко времени наступленія арміи Ноги, наша конница на правомъ флангѣ была ослаблена на 4-ю Донскую казачью дивизію, посланную въ тылъ вслѣдствіе переполоха среди частей, охранявшихъ желѣзную дорогу, и, кромѣ того, была лишена своихъ лучшихъ начальниковъ: ген.-ад. Мищенко лежалъ раненый, а его преемникъ, ген.-л. Ренненкампфъ былъ отозванъ и поставленъ во главѣ войскъ, отражавшихъ наступленіе арміи Кавамуры. Въ рукахъ другихъ начальниковъ наша конница не представляла серьезнаго боевого элемента, и частью бездѣйствовала, раздерганная среди пѣхотныхъ частей, а частью группой г.-м. Грекова выигрывала, двигаясь въ сѣверномъ направленіи, головы обходныхъ колоннъ арміи Ноги и почти совершенно удалилась съ поля сраженія.

Съ уходомъ на востокъ, для противодѣйствія наступленію арміи Кавамуры и Куроки, 1-го Сибирск. корпуса, II армія осталась безъ резерва. Ген. бар. Каульбарсъ попытался образовать таковой за счетъ занимавшаго селеніе Сыфантай Ляохэйскаго отряда, но съ начала наступленія арміи Ноги пришлось сразу же истратить армейскій резервъ на усиленіе ослабленнаго лѣваго фланга.

15 февраля, когда въ долинѣ Ляохэ сильныя японскія части потѣснили нашу конницу, ген.-ад. Куропаткинъ направилъ къ селенію Каолитунь 1-ю бригаду 41-й дивизіи, съ 3 батареями и одной сотней, подъ начальствомъ ген.-л. Биргера; выдѣленіе на 40 верстъ къ сѣверо-западу отъ Мукдена одной бригадой противъ надвигавшагося обхода, являлось, конечно, полумѣрой, которая вела къ разброскѣ немногочисленнаго резерва.

16 февраля выяснилось серьезное значеніе предпринятаго японцами обхода, ген.-ад. Куропаткинъ приказалъ: 1) образовать сводный корпусъ ген.-л. Топорнина изъ 25-й дивизіи (XVI арм. корпуса, остатокъ общаго резерва) и сводной дивизіи г.-м. Васильева (по бригадѣ изъ обѣихъ дивизій X арм. корпуса), которому двинуться къ Каолитуню на соединеніе съ ген.-л. Биргеромъ; 2) выдѣлить изъ состава 2-й арміи еще 32 бат., коимъ направиться на перерѣзъ японскаго движенія на с. Салинпу и далѣе. Въ непосредственное командованіе образовавшимися 72 бат. долженъ былъ вступить ген. бар. Каульбарсъ, а остающимися на лѣвомъ берегу Хуньхэ частями II арміи долженъ былъ командовать ген. фонъ-деръ-Лауницъ. Такъ какъ половина II арміи должна была уйти съ позицій, то, чтобы занять болѣе короткій фронтъ, остающіяся части должны были отойти и расположиться въ 3—5 верстахъ къ югу отъ обширнаго селенія Сухудяпу, обнесеннаго крѣпкой стѣной, которое могло служить имъ редюитомъ. Соотвѣтственно и правое крыло III арміи — V Сибир. корпусъ— долженъ былъ откинуть свое правое плечо назадъ. I Сибир. корпусъ еще не успѣвшій ввязаться въ бой на фронтѣ I-й арміи, спѣшно возвращался обратно.

Атаки японцевъ помѣшали, однако, выполненію этихъ соображеній. Войска ген.-л. Топорнина—25-я дивизія изъ резерва и сводная дивизія X корпуса, на фронтѣ котораго все было спокойно, дѣйствительно, двинулись въ раіонъ къ западу отъ Мукдена; на слѣдующій день, 17 февраля, по выясненіи, что обходныя колонны японцевъ сворачиваютъ на востокъ, на Мукденъ,

войска ген.-л. Топорнина были направлены на с. Салинпу и къ вечеру завязали бой съ противникомъ на линіи старой желѣзнодорожной насыпи. I-я армія, энергично атакуемая японцами, отпустила 1-й Сиб. корпусъ лишь въ составѣ 18 батал. и онъ, несмотря на форсировку движенія, не могъ прибыть къ Мукдену ранѣе вечера 18 февраля.

Во II-й арміи ген. бар. Каульбарсъ предназначилъ къ движенію на правый берегъ Хуньхэ VIII армейскій корпусъ, который при отступленіи долженъ былъ быть смѣненъ сводно-стрѣлковымъ корпусомъ. Но 16 февраля въ центрѣ и на правомъ флангѣ арміи завязался бой. Армія Оку перешла въ рѣшительное наступленіе, чтобы не дать нашему правому крылу изготовиться къ встрѣчѣ японскаго обхода. IV-я японская дивизія наступала на правый флангъ VIII корпуса, 5-я особенно горячо атаковала части Сводно-Стрѣлковаго корпуса на лѣвомъ берегу Хуньхэ, у Чжаньчжуацзы, 8-я на правомъ берегу у Чжаньтаня, и, совмѣстно съ 9-й дивизіей изъ арміи Ноги, с. Сыфантай [1]).

„16 февраля батареи противника открыли усиленное обстрѣливаніе позицій Сводно-Стрѣлковаго и 8-го ар. корпусовъ“ [2]).

„Около 11 час. утра японская пѣхота повела наступленіе на д. Безымянную.

Японцы шесть разъ доходили до засѣкъ, находившихся впереди деревни, но каждый разъ оказывались вынужденными съ большимъ урономъ отходить назадъ. Около 2 час. дня, когда защитники израсходовали всѣ свои патроны, пополнить которые не представлялось возможнымъ, они отступили къ д. Чжаньтань“.

„Занявъ Безымянную, японцы начали охватывать д. Чжаньтань съ запада, но, попавъ подъ продольный огонь 1-й батареи 5-го стр. артил. дивизіона и 5-й батареи 28-й арт. бригады, они были вынуждены отойти. Затѣмъ около 4 час. дня, усиливъ свой огонь до крайняго предѣла, они снова двинулись впередъ, но снова были отбиты огнемъ ротъ 17, 19 и 20 стрѣлковыхъ полковъ, не позволившимъ имъ продвинуться далѣе 300 шаговъ отъ Безымянной. Такая же участь постигла еще нѣсколько попытокъ противника атаковать Чжаньтань“.

„Одновременно съ этимъ, части 5-й японской дивизіи атаковали д. Чжанчжуацза, находившуюся шагахъ въ 500 южнѣе ея,

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 349—351.
[2]) Военно-Истор. Ком., т. V, ч. I, стр. 188.

д. „Оторванку“, также приведенную въ оборонительное состоянiе и расположенные шагахъ въ 400 еще южнѣе песчаные бугры, занятые и укрѣпленные въ ночь на 3-е февраля“ [1]).

„Встрѣченныя мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, занимавшихъ д. „Оторванку“ и кладбище, находившееся впереди, части 21-го японскаго полка не были въ состоянiи продвинуться впередъ; движенiе ихъ стало постепенно замедляться и около 10 час. утра совершенно прекратилось. Японцы стали окапываться и устраивать себѣ закрытiя при помощи принесенныхъ съ собою мѣшковъ, которые они наполняли землею“.

„Въ общемъ, первая атака 21 полка оказалась отбитою и два его баталiона залегли шагахъ въ 500 отъ нашей позицiи“.

„Въ это время баталiонъ 41-го полка двинулся въ атаку на бугры, но, встрѣченный такимъ же губительнымъ огнемъ, также оказался вынужденнымъ остановиться и устраивать себѣ закрытiя“.

„Вообще, къ полудню наступленiе японцевъ совершенно прiостановилось, но зато ихъ тяжелая артиллерiя сосредоточила свой огонь по позицiи у д. Чжанчжуацза, производя громадныя разрушенiя въ ея укрѣпленiяхъ“.

Въ отвѣтъ на этотъ огонь наши батареи начали обстрѣливать д.д. Ванцзяону и Сяосудцза. Вслѣдствiе этого, находившiяся въ первой изъ этихъ деревень части японскаго резерва оказались вынужденными искать укрытiя и не были въ состоянiи подтолкнуть атаку боевой части.

„Между тѣмъ, баталiоны 21-го полка, залегшiе противъ Оторванки и кладбища, несли значительныя потери отъ огня ихъ защитниковъ. Оставаться на мѣстѣ имъ было крайне тяжело, а потому они снова сдѣлали попытку продвинуться впередъ, но снова были отбиты“.

„Вслѣдъ за тѣмъ, баталiонъ 41-го полка также безуспѣшно пытался атаковать бугры.

Такимъ образомъ, и эти атаки, веденныя разновременно и безъ связи, не увѣнчались успѣхомъ, и къ 2 час. дня японцы оказались вынужденными залечь въ разстоянiи 300—500 шаговъ отъ позицiи стрѣлковъ 2-го и 7-го полковъ. Около 3-хъ час. они снова пытались перейти въ наступленiе, но опять неудачно“.

---

1) Военно-Истор. Ком., т. V, ч. I, стр. 188—189.

„Вслѣдствіе этого Начальникъ 5-й дивизіи г.-л. Кигоши приказалъ до ночи прекратить дальнѣйшія попытки атаковать“.

„Однако, и защитники Чжанчжуацзы оказались въ тяжеломъ положеніи. Послѣдній резервъ—2-й батал. 2-го стр. полка былъ влитъ въ боевую часть, а между тѣмъ обѣщанная поддержка въ видѣ двухъ баталіоновъ Волынскаго полка не подходила, а потому начальникъ 1-й стрѣлковой бригады г.-м. Домбровскій разрѣшилъ командиру 7-го стрѣлковаго полка полковнику Розеншильдъ ф. Паулину очистить позицію на буграхъ. Вслѣдствіе этого послѣдній приказалъ частямъ, занимавшимъ бугры, отойти съ наступленіемъ темноты въ д. Чжанчжуацзу.

Немедленно, по приведеніи этого приказанія въ исполненіе, бугры были заняты японцами, которые ночью пытались овладѣть „Оторванкою“ и Чжанчжуацзою, но были отбиты огнемъ. Отбитію атаки способствовалъ пожаръ, вспыхнувшій на буграхъ, гдѣ загорѣлись землянки и гаолянъ. Пожаръ этотъ освѣтилъ части, двинувшіяся въ атаку“.

„За время атакъ позиціи у Чжанчжуацзы 21-й японскій полкъ потерялъ убитыми и ранеными 44 офицера и 1253 нижнихъ чина, т. е. около половины своего состава“.

„Въ то время, когда, какъ изложено выше, части 5-й японской дивизіи пытались овладѣть Чжанчжуацзою, сосѣдняя съ нею 4-я дивизія перешла въ наступленіе противъ войскъ 8-го арм. корпуса“.

„До 8 час. утра она три раза атаковала части 15-й дивизіи, занимавшія логъ, тянувшійся къ д. Баотайцзы. Атаки эти были отбиты огнемъ ротъ Прагскаго полка“.

„Къ полудню ружейный и артиллерійскій огонь на фронтѣ 8-го корпуса достигъ наивысшаго напряженія, и японскіе резервы начали собираться около с. Сандэпу. Вслѣдствіе этого 3-я, 4-я и 5-я батареи 29-й артиллерійской бригады стали обстрѣливать площадями это селеніе и ближайшія его окрестности. Послѣ полудня огонь японской артиллеріи противъ позицій Модлинскаго и Прагскаго полковъ нѣсколько ослабъ, но вскорѣ возобновился съ прежнею силою и продолжался до 6 ч. вечера, когда окончательно замолкъ“ [1]).

„Стихшая около 6 час. вечера, перестрѣлка на позиціяхъ II-й арміи около 9 час. вечера возгорѣлась съ новою силою“.

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 189—191.

„Между 9 и 10 час. вечера японцы снова атаковали д.д. Чжаньтань и Чжанчжуацза, но были отбиты. Затѣмъ нѣсколько атакъ ихъ послѣдовали одна за другой и вынудили влить въ боевую часть весь Волынскій полкъ, такъ что въ резервѣ остался одинъ Орскій полкъ“ [1]).

Все вышеизложенное ясно указываетъ, что „Всюду наши войска отбивали атаки противника и, несомнѣнно, съумѣли бы удержаться, если бы общая задача не требовала вывода части войскъ и сокращенія фронта. Подъ угрозой постоянныхъ атакъ съ юга и удара съ запада и даже сѣверо-западная задача, поставленная 8-му и Сводно-Стрѣлковому корпусамъ, являлась не разрѣшимой. Вмѣсто 8-го корпуса ген.-бар. Каульбарсъ рѣшилъ двинуть къ Салинпу только сводную дивизію г.-м. Голембатовскаго, сформированную изъ 4-хъ ближайшихъ, оказавшихся подъ рукой полковъ, съ одной батареей. Но и ей не удалось оторваться отъ насѣдавшихъ японскихъ частей“.

Отступленіе 2-й арміи являлось, въ сущности, фланговымъ движеніемъ по отношенію къ охватывавшимъ ее по правому берегу Хуньхэ частямъ 8-й и 9-й дивизій. Сводной дивизіи г.-м. Голембатовскаго, вмѣсто движенія на с. Салинпу, пришлось выполнить роль бокового аріергарда II-й арміи. Къ вечеру 17-го февраля г.-м. Голембатовскій нанесъ по правому берегу Хуньхэ короткій ударъ зарвавшимся передовымъ частямъ японцевъ, угрожавшимъ отходу полковъ II-й арміи. Неожиданный переходъ въ наступленіе ошеломилъ японцевъ. Мы выбили ихъ изъ д. Пейтхоза и Цаеньцза, причемъ Бузулукскій полкъ взялъ 7 пулеметовъ и 64 плѣнныхъ. Хотя наши потери и равнялись 1023 человѣкамъ, но этотъ ударъ выручилъ наши аріергарды и заставилъ японцевъ быть осторожнѣе“ [2]).

Вотъ какъ происходило это событіе въ подробностяхъ:

„Положеніе, въ которомъ оказались части 8 арм. корпуса, вызвало со стороны генерала фонъ-деръ-Лауница рѣшеніе двинуть сводную дивизію г.-м. Голембатовскаго впередъ“ [3]).

„Построившись въ боевой порядокъ, полки двинулись въ указанныхъ имъ направленіяхъ. Встрѣченные съ восточной окраины д. Пейтхоза сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, они

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 195.

[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война. Стр. 351—352.

[3]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 204.

стали нести чувствительныя потери, въ особенности Замосцскій полкъ, которому пришлось перемѣнить направленіе на сѣверную окраину д. Пейтхоза. Глинобитные заборы и валики съ канавами давали японцамъ возможность защищаться съ большимъ упорствомъ. Однако, несмотря на это, 5-я, 7-я и 10-я роты Замосцскаго полка и 15-я рота Орскаго полка первыми ворвались въ д. Пейтхоза, послѣ чего была занята вся деревня“.

„Послѣ занятія окраины деревни, офицеры Орскаго полка приказали пѣть молитвы: „Господню“ и „Спаси Господи люди Твоя“. Пѣніе молитвы, подхваченное Замосцами, предотвратило стрѣльбу по своимъ и ободрило отставшихъ, которые прибѣжали въ деревню“.

„Между тѣмъ, Бузулукскій полкъ былъ встрѣченъ изъ д. Цаеньцза сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, къ которому присоединился и артиллерійскій со стороны д. Пейтхоза, при чемъ послѣдній фланкировалъ боевой порядокъ полка. Уже въ сумерки роты Бузулукскаго полка подошли шаговъ на 200 къ деревнѣ и, подготовивъ атаку ружейнымъ огнемъ, поддержанныя справа Минцами, бросились въ штыки на японцевъ и выбили ихъ. Трофеями атаки Бузулукцевъ были: 7 пулеметовъ, 64 плѣнныхъ и до 75 винтовокъ“.

„Выбитые изъ д. Цаеньцза, японцы отступили лишь на 800 шаговъ, почему полку до полученія приказанія объ отходѣ все время приходилось вести перестрѣлку и отбивать атаки противника, порывавшагося возвратить деревню. Потери частей отряда равнялись 26 офицерамъ и 997 нижнимъ чинамъ“.

„Неожиданный ударъ съ сѣвера ошеломилъ японцевъ, ихъ атака во флангъ 8-го корпуса прекратилась, а это дало частямъ послѣднюю возможность отойти на главную позицію Тоутайцзы-Синьтайцзы“.

„Несмотря, однако, на успѣхъ, сопровождавшій атаку, г.-м. Голембатовскому въ 6 ч. 30 мин. дня было приказано отойти къ Шуанго, которое привести въ оборонительное состояніе, укрѣпиться и артиллерію отвести за деревню на позицію, съ которой она могла бы съ утра открыть огонь. Ночью вызвать охотниковъ, которымъ развѣдать силы и расположеніе противника, чтобы имѣть возможность подготовить атаку на слѣдующій день. Во всякомъ случаѣ въ Шуанго держаться съ крайнимъ упорствомъ“.

„Вслѣдствіе этого приказанія части отряда г.-м. Голембатовскаго отошли изъ занятыхъ деревень къ Шуанго“ [1]).

„18-го февраля, при всемъ увеличивавшемся утомленіи частей, продолжался отходъ группы корпусовъ ген. фонъ-деръ Лауницъ, крайне стѣсняемый обозами и парками, запрудившими переправы близь Мадяпу; какъ при всякомъ фланговомъ движеніи, слѣдовало группировать обозы не въ тылу, а на особыхъ путяхъ, воспользовавшись въ данномъ случаѣ переправами черезъ Хуньхэ въ раіонѣ III-й арміи, что своевременно выполнено не было“.

„Около полудня, 18-го, ген. фонъ-деръ-Лауницъ получилъ приказаніе оставить на позиціяхъ лѣваго берега Хуньхэ передъ Сухудяпу одну 15-ю дивизію, бригадой г.-м. Голембатовскаго прикрывать селеніе Сухудяпу съ сѣверо-запада, а остальныя силы спѣшно двинуть на сѣверъ; общее начальство надъ войсками, прикрывавшими Сухудяпу, было возложено на начальника 15-й дивизіи генералъ-лейтенанта Иванова“.

„15-я дивизія къ вечеру 18-го была атакована въ правый флангъ передовыми частями 8-й японской дивизіи, наступавшей по правому берегу Хуньхэ за отрядомъ г.-м. Голембатовскаго и приняла влѣво, обнаживъ по правому берегу Хуньхэ полосу въ 4 версты шириной, по которой немедленно двинулись японцы и заняли с. Сухудяпу, откуда къ вечеру наши послѣдніе резервы спокойно ушли къ сѣверу, полагая, что Сухудяпу надежно прикрыто войсками ген.-л. Иванова.

Такимъ образомъ, въ ночь на 19-е февраля, въ нашемъ расположеніи произошелъ разрывъ, который грозилъ принять большіе размѣры, такъ какъ г.-л. Ивановъ, долженствовавшій обезпечить связь между II-й и III-й арміями и только что утратившій Сухудяпу, упавъ духомъ, заявилъ, что „войска его настолько измучены предшествовавшими боями, что онъ никакъ не можетъ держаться на занятыхъ позиціяхъ и считаетъ необходимымъ отвести свои войска къ Тасудяпу, въ резервъ къ штабу V Сиб. корпуса, куда онъ самъ сейчасъ намѣренъ ѣхать“.

„Полковнику Стаховичу, высланному съ 4-мя сот. и эскад. для связи отъ 3-й арміи, удалось удержать его отъ такого проявленія инициативы. 15-я дивизія влилась въ правый флангъ 3-й арміи, и вмѣстѣ съ отрядомъ полковника Кузнецова у с. Эльт-

---

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 208—209.

хайза (1 полкъ 15-й дивизіи и 2 стрѣлковыхъ полка), заполнила образовавшійся разрывъ. Но обратно овладѣть крѣпкимъ селеніемъ Сухудяпу не удалось:

„Бригада г.-м. Голембатовскаго отошла черезъ селеніе Эльтхайза въ резервъ II-й арміи“.

„Въ связи съ отступленіемъ II-й арміи уклонялся къ сѣверу и правый флангъ 5-го Сиб. корпуса; лѣвый флангъ его оставался въ связи съ XVII армейскимъ корпусомъ на мѣстѣ. 19-го февраля, пользуясь неустройствомъ 5-го Сибирскаго корпуса на новыхъ позиціяхъ, передавшейся на его правый флангъ тревогой изъ за недоразумѣній съ Сухудяпу и своимъ охватывающимъ положеніемъ, 4-я японская дивизія овладѣла сначала селеніемъ Ланшаньпу, а потомъ и селеніемъ Шоуялинза. Наши энергичныя контръ-атаки въ направленіи на селеніе Ланшаньпу, первоначально очищенное почти безъ сопротивленія, не имѣли успѣха. Наши потери здѣсь въ короткое время достигли 2930 человѣкъ; главная тяжесть боя легла на 54 дивизію, начальнику которой г.-м. Артамонову удалось сохранить въ войскахъ сравнительный порядокъ. Такъ какъ, съ утвержденіемъ японцевъ у Сухудяпу, дальнѣйшія контръ-атаки на Ланшаньпу представлялись безнадежными, то ген.-ад. Куропаткинъ приказалъ 5-му Сиб. корпусу отойти на укрѣпленную позицію Эльтхайза-Бейтайцзыинъ и до станціи Суятунь включительно. Теперь наступила очередь XVII армейскаго корпуса загнуть назадъ свой правый флангъ“ [1]).

Между тѣмъ, обстановка къ сѣверу отъ нашего праваго фланга и къ западу отъ Мукдена уже начала вызывать нѣкоторое безпокойство. Какъ выше уже упоминалось, къ сѣверу былъ двинутъ сводный корпусъ генерала Топорнина, въ составѣ 25-й пѣх. дивизіи и двухъ бригадъ 10-го корпуса. По выясненіи обходнаго движенія арміи Ноги—войска г. Топорнина, 17-го февраля, были повернуты на с. Салинпу, лежащее въ одномъ переходѣ прямо къ западу отъ Мукдена.

„Въ 1 часъ дня части 25-й пѣх. дивизіи выступили изъ д. Ливуаньпу на Салинпу, гдѣ имъ было приказано расположиться на ночлегъ“.

„Подойдя около 3 час. дня къ д. Мадянза и получивъ отъ охотниковъ свѣдѣнія, что насыпь старой желѣзной дороги занята японцами, шедшій въ авангардѣ Ивангородскій полкъ сталъ

---

1) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война. Стр. 352—355.

развертываться въ боевой порядокъ, а бывшая при немъ 6-я батарея снялась съ передковъ и открыла огонь. Въ это же время генераломъ Пневскимъ было отдано словесное приказаніе Ивангородцамъ атаковать д. Салинпу съ фронта, Юрьевцамъ охватить ее справа, а Лифляндскому полку—составить резервъ".

„Одновременно съ этимъ на правый флангъ были направлены 4-я и 5-я батареи 25-й артиллерійской бригады, стоявшія сѣвернѣе Чаминтуня, а остальныя батареи выѣхали на позицію у д. Мадянза Чаминтуня".

„Несмотря на сильный огонь японцевъ, Ивангородскія и Юрьевскія роты двигались безъ выстрѣла безостановочно впередъ, стараясь дойти до единственнаго, имѣвшагося на лицо закрытія—насыпи старой желѣзной дороги. Насыпь эта была первоначально занята японцами, но затѣмъ они ее очистили, отойдя на Салинпу" [1]).

Пока полки Юрьевскій и Ивангородскій продвигались впередъ къ насыпи желѣзной дороги, на лѣвомъ флангѣ отряда г.-л. Топорнина произошло слѣдующее: Слѣдовавшіе въ авангардѣ 1-й и 2-й баталіоны Орловскаго полка, продвигаясь подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ противника, заняли насыпь желѣзной дороги противъ д. Ліончатай и кладбище впереди, а затѣмъ г.-м. Шатиловъ выслалъ 3-й баталіонъ того же полка въ боевую линію для охвата Салинпу съ юга.

„Баталіонъ этотъ попалъ подъ ружейный огонь слѣва со стороны д. Тейайпу (Тазипу), вслѣдствіе чего, дабы избѣжать фланговаго огня, ему пришлось перемѣнить слегка фронтъ. Послѣ этого со стороны той же деревни онъ былъ дважды атакованъ японцами, которые были отбиты".

„Въ итогѣ выяснилось, что Тайайпу уже занято противникомъ; къ этой деревнѣ подходили все новыя и новыя части, передвигавшіяся небольшими группами.

Вслѣдствіе этого г.-м. Шатиловъ выдвинулъ изъ своего резерва, находившагося за д. Каулинтай, два баталіона Брянскаго полка, которые подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ заняли д. Ядяганза. Пѣхота противника пріостановила наступленіе, а его батарея открыла огонь съ позиціи къ юго-западу отъ Тайайпу, такъ какъ при бригадѣ артиллеріи не было, а батареи 25-й артиллерійской бригады открыли огонь только около 5 часовъ, то

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 211—212.

въ теченіе двухъ съ половиной часовъ вся тяжесть боя лежала исключительно на пѣхотѣ.

Къ 5 час. у противника уже обнаружились силы не менѣе бригады пѣхоты при двухъ-трехъ батареяхъ".

„Между тѣмъ, 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи къ $3^{1}/_{2}$ час. дня подошла къ деревнѣ Ясынтунь и въ 5 ч. 30 м. получила приказаніе выдвинуть Воронежскій полкъ съ дивизіономъ артиллеріи на позицію южнѣе деревни Чансынтунь фронтомъ на песчаные холмы; Козловскій же полкъ съ другимъ дивизіономъ артиллеріи остался въ Ясынтунѣ.

„Съ наступленіемъ темноты бой затихъ; войска генерала Шатилова остались на своихъ позиціяхъ, выставивъ охраненіе къ западу отъ желѣзнодорожной насыпи, примѣрно въ разстояніи одной версты отъ Салинпу".

„Такимъ образомъ, высланный Главнокомандующимъ отрядъ г.-л. Топорнина столкнулся на маршѣ съ одной изъ обходныхъ колоннъ арміи генерала Ноги.

Колонна эта состояла изъ резервной бригады арміи, такъ какъ 1-я и 7-я дивизіи, слѣдовавшія правѣе и лѣвѣе, не успѣли еще подтянуться".

„Въ теченіе ночи къ японцамъ подходили подкрѣпленія, разъѣзды ихъ показались на буграхъ у д. Тыашинза, а въ д. Чандіоанѣ всю ночь былъ слышенъ стукъ колесъ и шумъ, указывавшіе на движеніе значительныхъ силъ въ сѣверномъ направленіи, куда подходили части I-й японской дивизіи".

„Въ теченіе ночи на 18-е число на передовыхъ постахъ по временамъ вспыхивала перестрѣлка, вскорѣ, однако, прекращавшаяся" [1]).

„Около 6 час. утра, при первыхъ же проблескахъ дня, сразу по всей линіи завязалась сперва ружейная, а затѣмъ и артиллерійская перестрѣлка, отъ которой особенно сильно сталъ терпѣть бывшій на крайнемъ правомъ флангѣ 4-й баталіонъ Юрьевцевъ, обстрѣливавшійся съ фланга и даже отчасти съ тыла".

„Видя, что роты праваго фланга не въ состояніи продвинуться впередъ, и не имѣя резерва, чтобы ихъ подтолкнуть, командиръ Юрьевскаго полка обратился къ командующему Лифляндскимъ полкомъ, находившемуся въ дивизіонномъ резервѣ, съ просьбою поддержать правый флангъ. Вслѣдствіе этого подпол-

---

[1]) Воен.-Ист. Комисс., т. V, ч. I, стр. 213—214.

ковникъ Молотковъ, не ожидая разрѣшенія начальника дивизіи, рѣшился придвинуть свой 3-й баталіонъ ближе къ этому флангу.

Между тѣмъ, 1-й и 2-й баталіоны Юрьевскаго полка и Ивангородцы, несмотря на потери, медленно продвигались впередъ".

„Частямъ этимъ, къ 8 час. утра, удалось подойти на 700 шаговъ къ д. Салинпу.

Пока изложенное выше происходило на правомъ флангѣ, артиллерія г.-м. Шатилова въ $6^1/_2$ час. утра открыла огонь, а вслѣдъ затѣмъ 2 баталіона Брянскаго, 2 баталіона Орловскаго и 1 баталіонъ Лифляндскаго полковъ были двинуты на Тайайпу, къ которому спѣшили японскія подкрѣпленія" [1]).

„Въ это время положеніе дѣлъ на правомъ флангѣ Юрьевцевъ начинало принимать все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ. Находившіяся противъ него японскія части получили за ночь подкрѣпленія и здѣсь развернулись до 4-хъ баталіоновъ при 12-ти орудіяхъ, которые, продвигаясь постоянно къ сѣверу, стали поражать 3-й и 4-й баталіоны Юрьевцевъ не только съ фронта и продольно справа, но и съ тыла; особенно губителенъ былъ огонь ихъ пулеметовъ. Въ поддержку боевой части полковника Адариди былъ направленъ послѣдній резервъ-полурота 16-й роты, находившаяся въ прикрытіи знамени. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ полкового адъютанта штабсъ-капитана Филонова къ начальнику 25-й пѣхотной дивизіи съ просьбой поддержать его правый флангъ съ тѣмъ, чтобы отбросить японцевъ" [2]).

„Вскорѣ прибылъ на поле сраженія бар. Каульбарсъ, который, въ виду тяжелаго положенія праваго фланга, приказалъ прекратить наступленіе, несмотря на наличность еще 17-ти нетронутыхъ бтл-въ въ резервѣ. Около 10 час. утра г.-м. Шатиловъ просилъ разрѣшить остаться хотя-бы на уже занятой позиціи, но получилъ приказаніе отойти на линію Матюенза — Сахедза. Отступленіе это совершалось по открытой мѣстности, подъ усилившимся огнемъ противника и въ большомъ безпорядкѣ, чѣмъ японцы не воспользовались. Между тремя и четырьмя часами пополудни полки 25-й дивизіи собрались къ Юхуантуну, гдѣ обосновались на новой позиціи, полки же 9-й и 31-й дивизіи сосредоточились къ вечеру 18-го февр. (3 марта) въ окрестностяхъ Хуангутяна".

---

1) Воен.-Истор. Комис., т. V, ч. 1, стр. 226.

2) Тамъ-же, стр. 226.

Итакъ, бой 18-го февр. (3 марта) у Салинпу и подъ Дафашеномъ, не доведенный до конца, прекращенный безъ рельефной причины, кончился неудачно. Причиной такого рѣшенія бар. Каульбарса являлось, повидимому, нежеланіе его удаляться отъ Мукдена, за участь котораго тревожились въ штабѣ Главнокомандующаго“ [1]).

„Части, участвовавшія въ бою, потеряли всего 45 офицеровъ и 1777 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ на долю Юрьевскаго полка пришлось 21 офицеръ и 1030 нижнихъ чиновъ“.

Утромъ 18-го февраля у г. Топорнина были почти равныя силы съ японцами. Казалось бы, можно было сосредоточить къ полю сраженія, что можно и обрушиться на врага. Однако, сводная дивизія де-Витта получила приказаніе обезпечить Мукденъ съ сѣверо-запада, занявъ позицію лѣвымъ флангомъ къ Синминтинской дорогѣ. Еще сѣвернѣе на станціи Хушитай формировался спѣшно отрядъ полковника Запольскаго изъ 4-хъ Маршевыхъ баталіоновъ, Самарскаго полка, въ 3-хъ баталіонномъ составѣ, съ одной батареей.

„Около полудня, когда войска ген.-лейт. Топорнина, оборвавъ бой, отступали, не тревожимые японцами, въ 10 верстахъ къ сѣверу отрядъ ген.-лейт. Биргера атаковалъ у с. Тафашинъ кавал. бригаду г. Тамура, поддержанную 2 баталіонами 1-й дивизіи. Успѣхъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ японцевъ представлялся для насъ крайне важнымъ; положеніе отряда ген.-лейт. Биргера было для насъ очень выгодно, необходимо только было по возможности усилить этотъ уступъ, нависшій надъ японскимъ обходомъ. Но связь между II-й арміей и отрядомъ ген.-лейт. Биргера не была установлена; Главнокомандующій безпокоился, отсутствіе свѣдѣній объ отрядѣ ген. Биргера заставляло ген. Каульбарса особенно торопиться съ отступленіемъ къ Мукдену, а самъ ген.-л. Биргеръ чувствовалъ себя отрѣзаннымъ, и, не задаваясь цѣлью нанести японцамъ частное пораженіе, стремился только прорваться къ Мукдену. Къ вечеру у с. Тафашинъ, охваченнаго нами съ трехъ сторонъ, обстановка складывалась для насъ очень выгодно, но ген.-лейт. Биргеръ не довелъ атаку до конца и приказалъ съ наступленіемъ сумерекъ обойти съ сѣвера въ общемъ направленіи на Хушитай, преграждавшій путь японскій отрядъ. Ввязавшіяся въ бой части спутались при ноч-

---

[1]) Виноградскій. Исторія Рус.-Яп. войны, выпускъ IV, стр. 147.

номъ стягиваніи съ поля сраженія на незнакомой мѣстности, разбрелись, и въ крайнемъ утомленіи и безпорядкѣ прибыли частью къ Хушитаю (утромъ 20-го февраля), частью, къ Мукдену (послѣ полудня 19-го)".

„Главнокомандующему представлялось весьма тревожнымъ уклоненіе лѣваго крыла, и онъ считалъ, что необходимо во что бы то ни стало перейти въ наступленіе и захватить насыпь старой желѣзной дороги и такъ называемую позицію „Дембовскаго". Онъ полагалъ, что уже къ утру 19-го февраля въ распоряженіи ген. бар. Каульбарса на правомъ берегу Хуньхэ окажется до 112 батал. при 366 орудіяхъ, что достаточно для перехода въ наступленіе противъ 3—4 японскихъ дивизій. Но войска подтягивались медленно, хотя къ полудню 19-го собрались всѣ части, направленныя ген. фонъ-деръ-Лауницъ съ лѣваго берега Хуньхэ; I-й Сиб. корпусъ подошелъ еще наканунѣ. На всемъ фронтѣ на правомъ берегу Хуньхэ было спокойно, и являлась полная возможность разобрать по корпусамъ и дивизіямъ войска, прибывавшія туда въ составѣ импровизированныхъ отрядовъ; но ген. бар. Каульбарсъ не отдалъ на 19-е никакихъ распоряженій, ограничившись выжиданіемъ сбора войскъ" [1]).

„На 20-е февраля ген.-ад. Куропаткинъ предписалъ Командующему II-й арміей перейти въ наступленіе, нанося ударъ, главнымъ образомъ, правымъ флангомъ. Направленіе резервовъ— преимущественно противъ головы обходящихъ частей ген. Ноги являлось болѣе осторожнымъ, чѣмъ попытка прорвать слабую завѣсу, связывавшую эту армію съ арміей Оку, и, кромѣ того, могло сопровождаться охватомъ и, такимъ образомъ, легче вело къ успѣху. Однако, для того, чтобы использовать усилія большого числа собранныхъ здѣсь войскъ, естественнѣе всего было перейти въ наступленіе широкимъ фронтомъ, стремясь ударить сразу на всѣ слабыя мѣста непріятельскаго расположенія. Всего мы могли располагать здѣсь 80000 штыковъ протвъ 60000 японскихъ.

Ген. бар. Каульбарсъ объединилъ командованіе всѣми войсками—по его счету до 30 баталіоновъ — между дорогой изъ д. Чансытунь въ Мукденъ и р. Хуньхэ въ рукахъ ген. Церпицкаго; въ дѣйствительности здѣсь оказалось $48^{1}/_{2}$ батал. [2]).

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 357—358.
[2]) А. Свѣчинъ. Рус.-Япон. война, стр. 359—360.

„Боевыя дѣйствія въ отрядѣ г.-л. Церпицкаго начались передъ разсвѣтомъ 20-го февраля, такъ какъ японцы, предупредивъ задуманное наступленіе войскъ генерала бар. Каульбарса, сами направили части 8-й и 5-й дивизій для атаки позицій, расположенныхъ на линіи д.д. Янсытунь, Сатхоза. Мадяпу".

„Въ третьемъ часу утра они произвели внезапное нападеніе на Кычуантунь, но были отбиты".

„Почти одновременно съ этимъ, они атаковали старую желѣзнодорожную насыпь къ западу отъ д. Сатхоза, но потерпѣли и здѣсь неудачу, такъ какъ были отбиты ротами Елецкаго полка. Затѣмъ, передъ разсвѣтомъ одинъ изъ полковъ 5-й японской дивизіи снова повелъ атаку, отбить которую утомленныя роты Елецкаго полка были не въ силахъ и отошли къ д. Сатхоза. На захваченной насыпи японцы немедленно поставили два пулемета и начали продольно обстрѣливать позицію Тамбовскаго полка, который понесъ значительныя потери. Тогда, въ седьмомъ часу утра, дивизіону 9-й арт. бригады полк. Слюсаренко было приказано съ позицій у Сатхозы обстрѣливать японцевъ. Дивизіонъ сосредоточилъ огонь трехъ батарей по насыпи, и японцы вынуждены были убрать свои пулеметы".

„Какъ-бы въ отвѣтъ на это, непріятельская артиллерія начала усиленно обстрѣливать расположеніе войскъ г.-л. Гершельмана и полк. Миллера, нанося Тамбовскому полку серьезныя потери".

„Въ этомъ огнѣ приняли участіе также и японскія тяжелыя орудія, обстрѣливавшія, главнымъ образомъ, окрестности Мадяпу. Однако, огонь нашихъ батарей отличался такою быстротою и мѣткостью, что японскія батареи, признавъ невозможность съ нимъ состязаться, прекратили стрѣльбу. Офицеры и прислуга батарей были вынуждены искать укрытія въ устроенныхъ заранѣе блиндажахъ".

„Опасаясь возможности прорыва своего расположенія, г.-л. Гершельманъ обратился къ генер. Церпицкому съ просьбою о подкрѣпленіи. Вслѣдствіе этого послѣдній въ 8 час. утра усилилъ его отрядъ 7-мъ стр. полкомъ, разрѣшивъ вводить его въ бой только въ случаѣ особой крайности; полкъ этотъ былъ поставленъ въ тылу позицій Елецкаго полка".

„Къ 10 час. утра на позиціяхъ г.-л. Гершельмана и полк. Миллера временно наступило нѣкоторое затишье; батареи ослабили свой огонь и нѣкоторыя изъ нихъ стали мѣнять позицію.

Принявъ это за признакъ того, что русскія батареи не въ состояніи продолжать борьбу, японскія участили огонь съ тѣмъ, чтобы окончательно ихъ подавить, но черезъ 6 минутъ наши батареи возобновили огонь съ удвоенною силою и снова вынудили японцевъ замолчать.

Такимъ образомъ, перевѣсъ огня въ теченіе всего дня оказался на сторонѣ артиллеріи генерала Гершельмана.

„Вслѣдъ за атакою позицій г.-л. Гершельмана противникъ въ $6^1/_2$ час. утра началъ наступленіе на д.д. Кычуантунь и Янсытунь".

„Полагая, что на этотъ участокъ будетъ поведена главная атака, и опасаясь за промежутокъ между д. Янсытунь и лѣвымъ флангомъ 25-й пѣх. дивизіи, противъ котораго, казалось, начали скопляться большія силы противника, г.-л. Церпицкій обратился къ начальнику общаго резерва арміи г.-м. Ганенфельду, съ просьбою оказать ему въ случаѣ надобности поддержку" [1]).

Донося въ 11 ч. 50 мин. утра о положеніи дѣла на фронтѣ своей позиціи, г.-л. Церпицкій опредѣлялъ, что „противъ генераловъ Чурина и Русанова дѣйствуетъ около 8 батарей, и, что пѣхоты противъ его отряда свыше трехъ дивизій" [2]).

„Во второмъ часу дня Главнокомандующій, вызвавъ г.-л. Церпицкаго къ телефону, приказалъ ему удерживать во что бы то ни стало д. Эльтхайза, такъ какъ иначе обнажится флангъ III арміи. Затѣмъ г.-ад. Куропаткинъ указалъ, что отрядъ генерала Церпицкаго расположенъ на ближайшемъ пути противника къ Мукденскому вокзалу, вблизи котораго находится весь подвижной составъ и сосредоточены громадные запасы всякаго рода и что съ очищеніемъ позицій отряда все это попадетъ въ руки японцевъ. Поэтому онъ высказалъ предположеніе, что на отрядъ будутъ, вѣроятно, направлены главныя атаки противника. Въ заключеніе Главнокомандующій потребовалъ отъ г.-л. Церпицкаго слова, что онъ будетъ держаться до послѣдней крайности и отойдетъ не иначе, какъ по приказанію Главнокомандующаго".

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній подчинилъ Эльтхайзскій отрядъ г.-л. Гершельману. Вслѣдствіе этого, какъ будетъ видно ниже, отрядъ этотъ въ теченіе 20-го февраля оказался въ двойственномъ подчиненіи".

---

[1]) Воен.-Ист. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 351—353.
[2]) Тамъ-же, стр. 353.

„Давъ требуемое отъ него слово и рѣшивъ держаться во что бы то ни стало, г.-л. Церпицкій сообщилъ г.-л. Гершельману сущность указаній Главнокомандующаго и послалъ въ его распоряженіе сперва $2^1/_2$ баталіона Бузулукскаго полка, а затѣмъ 4 мортиры. Такъ какъ ни Эльтхайзѣ, ни Мадяпу опасности со стороны японцевъ не угрожало, то г.-л. Гершельманъ поставилъ присланный полкъ въ резервъ у д. Шатоцзы, о чемъ по телефону донесъ г.-л. Церпицкому“.

„Какъ видно изъ приведеннаго выше, Главнокомандующій, очевидно, считая, что противъ отряда г.-л. Церпицкаго сосредоточены превосходныя силы, опасался за возможность прорыва здѣсь противника, а, между тѣмъ, въ это же время у японцевъ сложилось убѣжденіе, что овладѣть позиціями, занятыми отрядомъ, будетъ очень трудно. Въ третьемъ часу дня японцы снова пытались атаковать участокъ позиціи между д.д. Фугонтунь и Янсытунь, но были отбиты. Послѣ этого они прекратили активныя дѣйствія и до темноты поддерживали лишь сильный артиллерійскій и ружейный огонь“.

„Къ вечеру, съ позицій г.-л. Гершельмана была замѣчена пыль, появленіе которой приписано передвиженію японскихъ колоннъ въ сѣверномъ направленіи. Вслѣдствіе этого, артиллерія его отряда открыла огонь. На самомъ дѣлѣ никакого передвиженія колоннъ въ этомъ раіонѣ не происходило, а здѣсь двигались обозы, расположеніе которыхъ въ д. Цзыдяпу начальникъ 5-й японской дивизіи призналъ слишкомъ выдвинутымъ впередъ и потому приказалъ имъ отойти на д. Синандо. *Огонь батарей генерала Гершельмана вызвалъ среди этихъ обозовъ панику*“.

„Такъ какъ оборона участка отъ Сатхозы до Кычуантыня, возложенная на 8-й стр. полкъ, представлялась г.-л. Гершельману слабою, то онъ приказалъ 7-му стр. полку занять промежутокъ между позиціей этого полка и расположеніемъ войскъ г.-л. Русанова у Кычуантуня“.

„Къ вечеру канонада на всѣхъ позиціяхъ г.-л. Церпицкаго стихла“.

„Въ 10 ч. вечера, въ д. Шатоцзы прибыла 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи, и такъ какъ къ этому времени въ резервѣ собралось до $15^1/_2$ бат., и опасенія за возможность противнику сбить отрядъ г.-л. Гершельмана продолжали существовать, то послѣднему было предоставлено право, въ случаѣ настоятельной необходимости, притянуть къ себѣ два баталіона изъ этой бри-

13*

гады. Потери 42 баталіоновъ, входившихъ въ составъ отряда г.-л. Церпицкаго, за 20 число равнялись 34 офицерамъ и 1.468 нижнимъ чинамъ, изъ которыхъ на долю Тамбовскаго полка пришлось 17 офицеровъ и 602 нижнихъ чина".

„Изъ войскъ, находившихся въ резервѣ, генералъ Церпицкій сохранилъ 10 баталіоновъ почти нетронутыми" [1]).

„Донесенія ген. Церпицкаго о направленіи на его участокъ большихъ силъ вызвали у ген. бар. Каульбарса ошибочное представленіе, что сюда скучились главныя силы обошедшей насъ арміи Ноги. Но вмѣсто того, чтобы торопить наступленіе своего праваго фланга, передъ которымъ не ожидалось большихъ силъ, и активными дѣйствіями здѣсь измѣнить обстановку на всемъ полѣ сраженія въ нашу пользу, командующій II-й арміей, успокоившись за правый флангъ, допустилъ по разнымъ причинамъ сдѣлать за этотъ день „очень малое"; все вниманіе его было приковано дѣйствіями арміи Оку" [2]).

Пока разыгрывались описанныя событія въ раіонѣ къ западу отъ Мукдена и по сѣверному берегу р. Хуньхэ, III-я армія, какъ выше уже упоминалось, продолжала постепенно загибать свой правый флангъ, отходя съ своихъ позицій у Ланьшаньпу и Шоуялинзы—на линію Эльтхайзы—Бейтацзыинъ—Суятунь.

Утромъ 20-го февраля, при отходѣ полковъ 54-й пѣх. дивизіи съ прежнихъ позицій и при устройствѣ ихъ на новыхъ у Бейтацзыина, г.-м. Артамоновъ принялъ, какъ старшій, начальство надъ Эльтхайзскимъ отрядомъ; въ полдень же онъ получилъ приказаніе, переданное начальникомъ штаба 5-го Сибир. корпуса г.-м. Ставровичемъ, „принять командованіе надъ всѣми войсками въ Эльтхайза и упорно оборонять ее, держа прочную связь съ отрядомъ г.-л. Гершельмана, дѣйствующаго у Мудяпу" (по сѣверному берегу Хуньхэ).

„Но еще до полученія этого приказанія генераломъ Артамоновымъ были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія и оборона д. Эльтхайза была поручена полк. Кузнецову, а весь участокъ отъ этой деревни до редута ввѣренъ г.-м. Лисовскому. Кромѣ того, для облегченія положенія частей II-й арміи, одна изъ батарей открыла огонь по японцамъ, наступившимъ къ сторонѣ Мадяпу".

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 353—355.
[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 360.

„Вслѣдъ за этими распоряженіями послѣдовало упомянутое выше приказаніе Главнокоманд. о подчиненіи Эльтхайзскаго отряда г.-л. Гершельману. Затѣмъ было сдѣлано новое распоряженіе о томъ, что отрядъ снова подчиненъ командиру 5-го Сиб. корпуса, и только вечеромъ онъ былъ окончательно переданъ въ подчиненіе г.-л. Гершельману“.

„Такимъ образомъ, отрядъ этотъ въ теченіи 20-го февраля имѣлъ двухъ начальниковъ: г.-л. Гершельмана и г.-м. Артамонова“ [1]).

„А между тѣмъ, у Главнокомандующаго явилось сомнѣніе въ правильности избранной новой линіи позицій III арміи и еще въ 12 ч. 40 м. ночи на 20-е число онъ приказалъ:

„5-му и 17-му корпусамъ оставить на своихъ теперешнихъ позиціяхъ сильные арріергарды, которые должны отступать съ упорнымъ боемъ, тянуть за собой противника, ибо если послѣдній перейдетъ на правый берегъ р. Хуньхэ, то завтрашняя позиція успѣха не обѣщаетъ“ [2]).

„Генералу Орлову (3 п. див.) соотвѣтственное приказаніе передано было словесно, лично вр. командующимъ корпусомъ, при чемъ ему указывалось крѣпко занять линію д.д. Сыфантай-Ингуа“.

„Ко времени полученія этого приказанія Моршанскій и Нѣжинскій полки, начавъ около 2 час. очищеніе своихъ позицій, уже отошли на вторую линію своихъ укрѣпленій, при чемъ передовая позиція у Осиновой рощи еще оставалась занятой охотниками Нѣжинскаго полка“.

„Получивъ около 3 час. ночи упомянутое выше приказаніе, Начальникъ 35 див., г.-л. Добржинскій, немедленно распорядился, чтобы части его дивизіи вновь возвратились на свои передовыя позиціи“.

„Нѣжинскому полку это удалось сдѣлать безпрепятственно и безъ потерь, Моршанскій же полкъ подвергся сильному обстрѣливанію со стороны Ингуа, а произведенныя его 4-мъ баталіономъ и 11-ю и 12-ю ротами двѣ атаки успѣха не имѣли. Поэтому полкъ въ 6 ч. утра прекратилъ атаки и окончательно расположился въ окопахъ 2-й линіи“.

Между тѣмъ г.-м. Орловъ доложилъ г.-л. Селиванову, что прежнія позиціи уже очищены, но послѣдній подтвердилъ свое

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 355.

[2]) Тамъ-же, стр. 236.

распоряженіе и тогда г.-м. Орловъ послалъ командиру Новоингерманландскаго полка приказаніе „крѣпко занять Ингуа-Сыфантай и редутъ между ними и, если мины не взорваны, то взорвать ихъ только при наступленіи противника“ [1]).

„Обѣ эти деревни, составлявшія опорные пункты бывшей позиціи 17-го арм. корпуса, были обнесены сомкнутыми линіями окоповъ и въ нихъ были устроены редюиты, поэтому онѣ являлись готовыми и, притомъ, весьма сильными опорными пунктами для успѣвшихъ занять ихъ японцевъ. Такое же значеніе имѣла и д. Уэнченпу“.

„Замѣтивъ наступленіе Новоингерманландскихъ баталіоновъ, японцы освѣтили ихъ прожекторомъ и открыли изъ деревень убійственный ружейный и пулеметный огонь. Несмотря на это, часть людей успѣла достигнуть д. Сыфантая, но тогда ихъ стали обстрѣливать съ тыла изъ Уэнченпу.

„Такимъ образомъ, дѣло шло не о занятіи Сыфантая и Ингуа, а о штурмѣ укрѣпленной позиціи Уэнченпу—Сыфантай—Ингуа“.

„Эта задача оказалась Новоингерманландцамъ не подъ силу и они отошли къ насыпи желѣзной дороги къ сѣверу отъ Ханьченпу“.

„При этомъ они уклонили свой лѣвый флангъ назадъ и загнули его вдоль ручья, протекавшаго сѣвернѣе Ханьченпу, вслѣдствіе этого между ними и Моршанцами образовался промежутокъ, и связь 3-й дивизіи съ 35-ю оказалась потерянною“.

„Обо всемъ этомъ г.-м. Орловъ доложилъ вр.-командующему корпусомъ, который приказалъ оттѣснить противника и выяснить, какія силы имѣлъ передъ собой Новоингерманландскій полкъ“.

„Такимъ образомъ, части 3-й пѣхотной дивизіи получили приказаніе снова атаковать Сыфантой и Ингуа. Такъ какъ задача эта представлялась трудновыполнимою, то г.-м. Орловъ рѣшилъ подготовить атаку артиллерійскимъ огнемъ“.

„Вслѣдствіе этого, батареи 3-й арт. бригады получили приказаніе обстрѣлять д. д. Сыфантай и Уэньченпу, куда сосредоточивалась японская пѣхота. Имъ содѣйствовали также и батареи 35-й арт. бриг., занимавшія позиціи между д. д. Даянельтунь и Каулитунь“.

„Между тѣмъ въ началѣ одиннадцатаго часа утра вр.-командующій 17-мъ арм. корпусомъ, лично обойдя расположеніе

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 362—363.

частей 3-й пѣх. дивизіи, еще разъ подтвердилъ г.-м. Орлову приказаніе вернуть д. д. Ингуа, Сыфантай, а также и Уэнченпу, о которомъ ранѣе не упоминалъ".

„Такимъ образомъ приходилось атаковывать позицію длиною около 4 верстъ, имѣвшую видъ входящаго угла, на которой находились сильно укрѣпленныя д. д. Ингуа, Сыфантай и Уэнченпу съ редутомъ, построеннымъ между послѣдними деревнями. Вслѣдствіе этого г.-м. Орловъ рѣшилъ выждать, пока не скажутся хотя нѣкоторые результаты нашего артиллерійскаго огня".

„Уже послѣ полудня на Ингуа двинулись два бат. Новоингерманландскаго полка, а на Уэнченпу—одинъ бат. того же полка, поддержанный баталіономъ Ингерманландцевъ".

„Однако и эта атака не удалась. Часть людей Новоингерманландскаго полка ворвалась въ Уэнченпу, но, будучи встрѣчена сильнѣйшимъ огнемъ, была принуждена отступить. Къ Ингуа и Уэнченпу подходили японскія подкрѣпленія, а потому г.-л. Селивановъ, считая, что къ этимъ селеніямъ стянуты значительныя силы противника, въ 6 $^{1}/_{2}$ час. вечера приказалъ прекратить дальнѣйшія атаки".

„Вслѣдствіе этого сильно пострадавшіе баталіоны были отведены къ полотну желѣзной дороги, гдѣ заняли свое первоначальное расположеніе и выставили мѣры охраненія" [1]).

„Между тѣмъ, полки 35-й пѣх. дивизіи продолжали держаться на своей сильно обстрѣливаемой позиціи, но положеніе ихъ было тяжелое".

„Когда, послѣ описанной выше первой атаки д. д. Ингуа и Сыфантая, Новоингерманландцы отошли къ желѣзнодорожной насыпи и, какъ было упомянуто, уклонили свой лѣвый флангъ назадъ, японцы, пользуясь ручьемъ, протекавшимъ сѣвернѣе Ханьченпу, перешли въ наступленіе со стороны Сыфантая и стали обстрѣливать расположеніе Моршанцевъ во флангъ. Вслѣдствіе этого, пять ротъ этого полка были переведены къ желѣзной дорогѣ и заняли часть ея полотна сѣвернѣе Ханьченпу, фронтомъ на западъ".

„Окопы и расположеніе артиллеріи 35-й дивизіи обстрѣливались 11-дм. бомбами и дальнобойными снарядами. Желѣзнодорожный редутъ, занятый 11-ю и 12-ю ротами Зарайскаго полка, засыпался снарядами, но держался. Трудность положенія частей

---

[1]) Военно-Истор. Комисс. т. V, ч. I, стр. 364.

дивизіи усугублялась еще тѣмъ, что между нею и 3-ю дивизіею былъ разрывъ.

Японцы по одиночкѣ перебѣгали къ оставленной осадной батареѣ между д. Ингуа и желѣзною дорогою и около 6 час. вечера пытались наступать густыми цѣпями, но были остановлены огнемъ".

„Подъ вечеръ передовыя роты Нѣжинскаго полка, обстрѣливаемыя фланговымъ огнемъ со стороны д. Ингуа, оказались не въ состояніи держаться и отошли на позиціи 2-й линіи. Этотъ отходъ облегчилъ противнику производство атакъ сѣв. Безымянной, оборонявшейся частями 6-го Сиб. корпуса".

„Съ наступленіемъ темноты бой затихъ".

„Какъ видно изъ изложеннаго, *переходъ частей 17-го арм. корпуса на новыя позиціи былъ сопряженъ съ серьезными боями вслѣдствіе попытокъ вернуть прежнее расположеніе.* Въ конечномъ результатѣ части заняли то расположеніе, которое было имъ указано первоначальными распоряженіями".

„Съ ранняго утра на позиціяхъ 6-го Сиб. Корпуса началась жаркая ружейная и артиллерійская перестрѣлка, достигнувшая наибольшей силы, когда японская пѣхота успѣла занять часть передовыхъ окоповъ, оставленныхъ 35-ю пѣх. дивизіею".

„Вслѣдъ за этимъ японцы двинулись густыми цѣпями изъ окоповъ Смоленскаго и Семенова, но, встрѣченные ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, были вынуждены поспѣшно отойти".

„Затѣмъ до 2 час. дня они активныхъ попытокъ не предпринимали.

Около 2 час. дня съ мортирной батареи у сѣв. Безымянной было замѣчено, что японцы у д. Юйцзяваза зажгли стѣнку изъ гаоляна и навоза и подъ прикрытіемъ дыма стягиваютъ большія силы въ сѣверо-западномъ направленіи. Затѣмъ они заняли линію желѣзной дороги и отсюда двинулись къ окопамъ Епифанскаго полка, но, подойдя на 200—300 шаговъ, не выдержали залповъ и отхлынули. Устроившись, они вновь перешли въ наступленіе и на этотъ разъ почти окружили позицію у д. Уандикудяза, но и эта атака была отбита ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. Одновременно съ этимъ противникъ изъ окоповъ Семенова и Смоленскаго также неудачно атаковалъ позицію у Шахепу".

„Во все время боя японская осадная артиллерія не умолкала и ея 11-дм. орудія обстрѣливали деревни, являвшіяся опорными пунктами позицій корпуса. Отвѣчать на этотъ огонь

было нечѣмъ, такъ какъ наша тяжелая артиллерія была уже снята съ позицій".

„Занятіе японцами передовыхъ окоповъ Нѣжинскаго пѣх. полка, какъ уже было упомянуто, облегчило имъ производство атакъ сѣв. Безымянной. Вмѣстѣ съ тѣмъ батарея, находившаяся около д. Гуаньтунь, стала подвергаться ружейному огню и ее пришлось отвести назадъ" [1]).

Такимъ образомъ обстановка на фронтѣ Ш-ей арміи уже начинала складываться неблагопріятно, а между тѣмъ и 19-го и 20-го февраля командующій всею группою къ западу отъ Мукдена генералъ Каульбарсъ не торопился энергичнымъ ударомъ по арміи Ноги остановить обходъ и помочь этимъ всему фронту.

Генералъ Каульбарсъ, оставляя части II-ой арміи, переданныя 16-го февраля въ подчиненіе генерала ф. д. Лауница, передалъ Лауницу и большую часть своего Штаба, такъ какъ, видимо, полагалъ, что группою въ 72 баталіона пѣхоты, не считая другихъ родовъ войскъ, можно управлять и тѣмъ ограниченнымъ числомъ лицъ, которыхъ онъ взялъ съ собою.

Опытъ этотъ имѣлъ трагическія послѣдствія, такъ какъ для управленія крупными массами войскъ, раскиданными на огромномъ пространствѣ, требуется и соотвѣтственно организованный Штабъ. Генералъ Каульбарсъ не былъ достаточно оріентированъ въ расположеніи войскъ, а это влекло за собою и недостаточную распорядительность.

„21-го февраля, по мнѣнію ген.-ад. Куропаткина, „все, какъ и въ предыдущіе дни, всецѣло зависѣло отъ энергіи командующаго II арміей". Въ ночь на 21-е послѣдній отдалъ диспозицію для атаки японцевъ, основанную на совершенно ошибочномъ представленіи о группировкѣ непріятельскихъ силъ, такъ какъ 20 развѣдка не была организована".

„Ген. бар. Каульбарсъ полагалъ, что главныя силы японцевъ— 3 дивизіи—группируются въ углу между р. Хуньхэ и полотномъ старой желѣзной дороги; далѣе къ сѣверу примѣрно до Синминтинской дороги находятся пѣхотныя части съ артиллеріей, неизвѣстной численности, а сѣвернѣе Синминтинской дороги—только небольшія кавалерійскія части. Въ соотвѣтствіи съ этимъ представленіемъ ген. бар. Каульбарсъ полагалъ развернуть вдоль Синминтинской дороги,—между Хоуха и Ташичао 33 батал. ген.-лейт. Гернгросса

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 364—366.

(отрядъ ген. де-Витта и 1-й Сибирск. корпусъ), и двинуть его въ южномъ направленіи 4 колоннами, вдоль занятаго нашими войсками расположенія, на фронтъ Салинпу—р. Хуньхэ".

„Войска ген. Церпицкаго должны были обороняться, пока японцы не будутъ совершенно охвачены, а войска ген. Топорнина, по прохожденіи непосредственно передъ ними колоннъ 1 Сиб. корпуса, обращались въ общій резервъ. Части, включавшіяся въ составъ отрядовъ, въ диспозиціи переименованы не были, и только относительно отряда ген.-лейт. Топорнина было указано, что онъ состоитъ изъ 25-й пѣх. дивизіи и 2-й бригады 31-й пѣх. дивизіи; послѣдняя на самомъ дѣлѣ находилась на лѣвомъ берегу Хуньхэ, у Цхоцзуантуня. Отрядъ ген. Биргера долженъ былъ обезпечивать Мукденъ съ сѣвера, оставаясь въ Хушитаѣ, а отрядъ полк. Запольскаго—перейти изъ Сантайцзы къ Ташичао и образовать тамъ заслонъ на Синминтайской дорогѣ. Конницѣ ген.-м. Грекова указывалось отдѣльнымъ распоряженіемъ наблюдать, чтобы небольшіе непріятельскіе отряды не распространялись къ сѣверу."

„Эти распоряженія основывались, во-первыхъ, на ошибочномъ оріентированіи въ обстановкѣ и, во-вторыхъ, на непониманіи природы современнаго боя; переходъ въ наступленіе, къ которому такъ долго собирались, явился мыльнымъ пузыремъ".

„Опасаясь вмѣшательства въ права командующаго арміею, предоставленныя ему закономъ, Главнокомандующій не могъ, однако, не усмотрѣть, что для нанесенія главнаго удара назначалось только 33 баталіона разбитыхъ на 4 колонны, изъ которыхъ одна, къ тому же, должна была двигаться вдоль своихъ позицій. Въ 9 час. утра ген.-ад. Куропаткинъ телеграфировалъ ген. бар. Каульбарсу, что на обходящія части возложена задача, которая имъ можетъ оказаться не по силамъ, и совѣтовалъ направить войска ген.-лейт. Топорнина для атаки сел. Ливуаньпу, а ген.-лейт. Церпицкаго—для атаки сел. Нингуантунь, что, конечно, было вполнѣ цѣлесообразно. Но въ данномъ положеніи не совѣты были нужны. У ген.-ад. Куропаткина не хватило рѣшимости и авторитета, устранивъ посредствующихъ лицъ, непосредственно взяться за организацію этого наступленія, отъ исхода котораго зависѣла участь кампаніи".

„Нашъ переходъ въ наступленіе свелся къ тому, что правая колонна ген.-лейт. Гернгросса—1-й В.-С. стрѣлк. полкъ полк.

Леша—овладѣла дер. Цуанванче, но была остановлена 1 баталіономъ 7-й японской дивизіи передъ дер. Люцзяхуанъ“.

„Хотя полк. Лешъ былъ впослѣдствіи поддержанъ Самарскимъ и отчасти Зарайскимъ полкомъ, но и японцы поддержали атакованный участокъ 9-й дивизіей, совершавшей, вслѣдъ за 1-й, фланговый маршъ на сѣверо-востокъ“.

„Такимъ образомъ, крайней правой колоннѣ не удалось занять Ташичао—своего исходнаго пункта; остальныя же колонны, собравшись въ исходное положеніе, тщетно выжидали этого событія. Какъ докладывалъ вечеромъ ген.-лейт. Сахаровъ, начальникъ Штаба Главнокомандующаго, „необходимо. . . просить“ „командующаго II арміей, чтобы онъ дрался дѣйствительно“ „арміей, а не очередными бойцами на глазахъ прочихъ войскъ,“ „стоящихъ, какъ говорятъ, свидѣтелями, прямо въ изумленіи“ „отъ неполученія не только приказаній, но даже разрѣшенія“ „идти впередъ“.

„Вмѣсто того, чтобы охватить японцевъ, колонны ген.-лейт. Гернгросса были сами охвачены съ сѣверо-востока—9-й и 1-й японскими дивизіями“.

„Въ 11 час. 15 мин. вечера 21-го февраля ген. бар. Каульбарсъ отдалъ приказаніе: „22-го числа удерживаться на занимаемыхъ позиціяхъ впредь до приказанія“. И такъ мы отказывались отъ наступленія не вслѣдствіе большихъ силъ противника, или моральнаго ослабленія нашихъ войскъ, или большихъ потерь, а лишь по неумѣнію организовать таковое въ широкихъ рамкахъ. Но „армія, которая не умѣетъ наступать, не можетъ и побѣждать“ [1]).

Въ подробностяхъ упорный бой полковника Леша, съ геройскимъ 1-мъ Стр. Его Величества полкомъ разыгрался слѣдующимъ образомъ:

„Боковой авангардъ полк. Леша выступилъ въ $6^1/_2$ ч. утра изъ д. Хоуха, а черезъ два часа двинулся изъ Сяохентуня отрядъ г.-м. де-Витта, части котораго вскорѣ завязали перестрѣлку съ противникомъ“.

„Полк. Лешъ повелъ наступленіе на Цуанванче, занятое пѣхотой противника. I-й баталіонъ I-го В.-С. стр. Е. В. полка былъ направленъ южнѣе Санминтинской дороги, а I-я батарея I-й В.-С. стр. арт. бригады заняла позицію къ ю.-в. отъ д. Фансытунь.

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 361-364.

Вскорѣ послѣ начала движенія въ боевую часть былъ направленъ 2-й баталіонъ, и быстрымъ, энергичнымъ натискомъ двухъ баталіоновъ около 10 час. утра д. Цуанванче была занята; японцы поспѣшно отступили къ Люцзяхуану. 3-й баталіонъ, слѣдовавшій лѣвѣе первыхъ двухъ, былъ встрѣченъ огнемъ изъ Безымянной деревни, находившейся къ юго-западу отъ д. Цуанванче, свернулъ на эту деревню и съ боя занялъ ее. Послѣ этого батарея быстро выѣхала впередъ на позицію позади Цуанванче за ручьемъ“ [1]).

Къ $11^1/_2$ часамъ утра къ с. Цуанванче уже подошли и части отряда генерала де-Витта. Самарскій полкъ и баталіоны Великолуцкаго полка вступили въ Цуанванче, батареи 9-й стр. и 40-й арт. бригадъ снялись за ручьемъ къ востоку отъ с. Цуанванче. $1^1/_2$ баталіона Великолуцкаго полка расположились къ юго-востоку отъ деревни, Зарайцы съ боя заняли д. Безымянную къ югу отъ Люцзяхуанъ, а Болховской полкъ сталъ у д. Игсытай.

Къ полудню три колонны г.-л. Гернгросса заняли исходное положеніе, но четвертая колонна полк. Леша, какъ видимъ, до указаннаго ей исходнаго пункта—с. Ташичао дойти не могла.

Сѣвернѣе с. Цуанванче, къ с. Цаохутуню выдвинулся уже отрядъ полковника Запольскаго и вошелъ въ связь съ полковникомъ Лешемъ.

„Для объединенія дѣйствій колоннъ г.-м. де-Витта и полк. Леша, г.-л. Гернгроссъ командировалъ въ Игсытай начальника штаба корпуса г.-м. бар. фонъ-деръ-Бринкена, который, прибывъ туда въ третьемъ часу дня, приказалъ Зарайскому полку перейти въ наступленіе на Безымянную деревню, къ югу отъ Люцзяхуана, а батареямъ 35-й арт. бригады стать на новой позиціи—на холмахъ къ западу отъ Игсытая“.

„Зарайскій полкъ, подъ сильнымъ огнемъ, повелъ наступленіе и выбилъ японцевъ изъ указанной ему деревни, два болховскихъ баталіона послѣдовали за Зарайцами и расположились между д. Безымянной и Синминтинской дорогой фронтомъ къ Люцзяхуану. Дальше же эти части двинуться не могли, такъ какъ изъ д.д. Шандіаза и Люцзяхуанъ противникъ развилъ сильный огонь по расположенію Зарайцевъ и Болховцевъ“.

„Въ это время стрѣлки Его Величества держались шагахъ въ 800 къ востоку отъ Люцзяхуана. Полкъ почти весь находился

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 390.

въ боевой линіи. Поражаемый съ фронта и съ фланга изъ Шандіазы, онъ несъ большія потери; тѣмъ не менѣе онъ неоднократно пытался атаковать Люцзяхуанъ, но каждый разъ безуспѣшно, вслѣдствіе сильнѣйшаго огня противника".

„Видя тщетныя попытки стрѣлковъ продвинуться впередъ, командиръ Самарскаго полка полк. кн. Макаевъ, приказалъ 2-му баталіону своего полка перейти въ наступленіе на Безымянную деревушку съ рощей, лежащую нѣсколько сѣвернѣе Люцзяхуана".

„Вслѣдствіе открытой мѣстности, атака была весьма затруднительна; лѣвѣе наступленія сосѣднихъ частей не обнаруживалось, а правѣе движеніе отряда полк. Запольскаго видимо встрѣтило затрудненія. Вслѣдствіе этого 2-й бат. Самарскаго полка, наступившій правѣе стрѣлковъ, оказался одинокимъ и оголеннымъ съ праваго фланга, неся большія потери отъ огня японской батареи, выѣхавшей на позицію почти во флангъ баталіону, не имѣвшему никакихъ закрытій отъ огня противника. Для усиленія боевой части были влиты въ цѣпь сперва 1-я и 4-я роты Самарцевъ, а затѣмъ и три роты Великолукцевъ, однако, и это дѣлу не помогло".

„Потери сильно увеличились, держаться противъ Безымянной деревни было невозможно, а потому полк. Лешъ приказалъ баталіону Самарцевъ отойти за кумирню, а баталіону стрѣлковъ, дѣйствовавшему лѣвѣе послѣдняго, — за восточную окраину Цуанванче".

„Между тѣмъ, около 5 час. дня, г.-л. Гернгроссъ еще разъ категорически подтвердилъ г.-м. де-Витту и полк. Лешу приказаніе овладѣть деревнями.

Стрѣлки и Самарцы снова двинулись въ наступленіе, но, несмотря на дружный натискъ, японскій ружейный и пулеметный огонь остановилъ атаку. Къ этому времени къ японцамъ подошла 9-я дивизія и отъ Люцзяхуана и сѣвернѣе дѣйствовало не менѣе 4 батарей. Остаткамъ 2-го бат. Самарскаго полка, сведеннымъ въ 2 роты, было приказано укрѣпиться у кумирни, а І-й В.-С. стр. Е. В. полкъ, переформированный въ 7 ротъ, расположился у нихъ въ резервѣ".

„Пока, такимъ образомъ, стрѣлки Его Величества и Самарцы тщетно пытались овладѣть д. Люцзяхуанъ, колонны генераловъ Довбаръ-Мусницкаго и Краузе продолжали оставаться на занятыхъ ими позиціяхъ, ведя только артиллерійскій бой съ про-

тивникомъ, а Зарайскій и Болховской полки подравнялись по фронту и вошли въ соприкосновеніе съ І-мъ В.-С. стр. Е. В. полкомъ".

„Въ виду большихъ потерь полк. Лешъ, въ шестомъ часу вечера, прислалъ доложить г.-л. Гернгроссу, что онъ отлагаетъ атаку д. Люцзяхуанъ до ночи".

„Въ отвѣтъ на этотъ докладъ имъ было получено приказаніе г.-л. Гернгросса крѣпко занять Цуанванче" [1]).

Въ теченіе ночи обѣ стороны не тревожили другъ-друга.

„Потери, понесенныя войсками, атаковавшими д. Люцзяхуанъ и окрестныя деревни, равнялись 43 офицерамъ и 1.834 нижнимъ чинамъ, изъ которыхъ *25 офиц. и 1.100 ниж.* чиновъ приходилось на долю *1-го В.-С. стр. Е. В. п.*, а 11 офицеровъ и 468 нижнихъ чиновъ—на 2-й баталіонъ Самарцевъ" [2]).

Пока происходили эти тяжелые бои въ раіонѣ большой Синминтинской дороги, къ югу отъ нея, въ раіонѣ, примыкавшемъ лѣвымъ флангомъ къ Хуньхэ, въ войскахъ генерала Церпицкаго 21 число прошло слѣдующимъ образомъ:

„Какъ описано выше „г.-л. Церпицкій еще наканунѣ утверждалъ въ своихъ донесеніяхъ, что противникъ массируетъ противъ его отряда свои главныя силы. Такого же характера донесенія, какъ будетъ видно ниже, посылались имъ и 21-го февраля".

„Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, противъ него были расположены только 8-я японская дивизія и части 5-й, которымъ было придано нѣсколько тяжелыхъ орудій. Находившіяся здѣсь силы японцевъ не превосходили 15—20 бат. при 55—60 ор., противъ которыхъ генералъ Церпицкій располагалъ 34½ бат. и 128 ор.".

„Въ ночь на 21-е число два полка 5-ой японской дивизіи продвинулись къ насыпи желѣзной дороги, но не рѣшались продолжать наступленіе по совершенно открытой равнинѣ. Развѣдка выяснила, что всѣ деревни сильно заняты, а потому начальникъ дивизіи рѣшилъ выждать результатовъ дѣйствій частей, находившихся къ югу отъ Хуньхэ (4-й дивизіи и 8-й резервной бригады) и отдалъ приказаніе окопаться. Вслѣдствіе этого въ теченіе дня части дивизіи остались въ занятыхъ ими мѣстахъ" [3]).

„Послѣ полудня 21 февраля огонь японскихъ батарей зна-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 392—394.
[2]) Тамъ-же, стр. 394.
[3]) Тамъ-же, стр. 396.

чительно усилился и ихъ снаряды стали ложиться у д. Таапу, нанося потери въ резервахъ. Поэтому перевязочные пункты, находившіеся въ этой деревнѣ, пришлось перевести въ д. Вандахэзу“.

„Вслѣдъ за тѣмъ съ позицій г.-л. Русанова было усмотрѣно передвиженіе частей 8-й дивизіи противника, и около часу дня послѣдовала атака на укрѣпленія Фугоньтуня, занятыя Минскимъ полкомъ. Японцы подошли вплотную, но были отброшены. На подкрѣпленіе г.-л. Русанова изъ резерва былъ высланъ Бузулукскій полкъ“.

„Приблизительно около этого же времени (нѣсколько сѣвернѣе) противникъ повелъ атаку на позиціи г.-м. Чурина, сосредоточивая свои усилія, главнымъ образомъ, на овладѣніи фортомъ № 7, но здѣсь онъ былъ отбитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, что противникъ сталъ скопляться у Улимпу, повидимому, готовясь перейти въ наступленіе. Поэтому г.-л. Церпицкій послалъ на поддержку г.-м. Петрова Замосцскій полкъ“.

„Хотя, какъ видно изъ изложеннаго, общее положеніе, повидимому, не должно было внушать особенныхъ опасеній, у г.-л. Церпицкаго возникли таковыя за возможность прорыва японцевъ въ направленіи дороги Чансынтунь-Мукденъ. Вслѣдствіе этого онъ, около 2 ч. дня, обратился по телефону въ штабъ арміи, прося о присылкѣ бригады пѣхоты, а въ 2 ч. 5. м. по телефону же донесъ генералу бар. Каульбарсу, что противникъ ведетъ противъ него сильную атаку, что три атаки на Фугоньтунь отбиты, и вновь просилъ прислать бригаду 31-ой пѣх. дивизіи“.

„Затѣмъ, черезъ полчаса, онъ снова доносилъ, что Сатхоза обстрѣливается страшнымъ орудійнымъ огнемъ, и вновь просилъ о присылкѣ бригады. Ту же просьбу повторилъ онъ въ 4 часа, присовокупляя, что японцы сосредоточили противъ его отряда превосходныя силы. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ донесеній онъ упоминалъ о громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ войсками“.

„Совокупность всѣхъ этихъ донесеній, въ связи съ неудачею наступленія праваго фланга, конечно, не могла не встревожить генерала бар. Каульбарса, который считалъ, что около трехъ дивизій группируется именно противъ отряда г.-л. Церпицкаго. Донесенія эти породили опасенія за успѣхъ участка, ввѣреннаго сему послѣднему“ [1]).

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 297.

„Къ вечеру бой затихъ. Несмотря на заявленія о слабости своего отряда и настойчивыя требованія о его усиленіи, г.-л. Церпицкій къ концу дня сохранилъ изъ своего резерва нетронутыми Пензенскій и Подольскій полки. Кромѣ того, въ его распоряженіи находились части, направленныя къ нему, какъ упомянуто выше, командующимъ II-й арміи и Главнокомандующимъ, а г.-л. Гершельманъ придвинулъ къ его позиціямъ 2-ю бригаду 9-й пѣх. дивизіи".

„Что касается потерь отряда, то таковыя состояли изъ 19 офицеровъ и 734 ниж. чин., что по отношенію къ бывшему въ составѣ его отряда числу штыковъ (16.296) составитъ 5%" [1]).

Въ тотъ же день 21-го февраля въ III-ей арміи событія шли нижеслѣдующимъ образомъ:

Въ примыкающемъ къ правому флангу арміи Эльтхайзскомъ отрядѣ, на самомъ берегу р. Хуньхэ, шли очень успѣшные для насъ бои.

„Части 5-й японской дивизіи нѣсколько разъ пытались атаковать Эльтхайзу, но каждый разъ были отбиваемы огнемъ. Послѣдняя атака была предпринята японцами въ 5 ч. утра 21 февраля, при чемъ, несмотря на сильный огонь, имъ удалось подойти и залечь на разстояніи 100—150 шаговъ отъ позиціи Люблинцевъ".

„Тогда 9-я рота Люблинскаго полка, шт.-кап. Лилова, бросилась на нихъ въ штыки и, будучи поддержана частью 10-й роты, отогнала японцевъ. Для послѣднихъ ударъ былъ настолько неожиданъ, что они даже не успѣли примкнуть свои тесаки.

„Послѣ этого японцы, понесшіе большія потери, болѣе активныхъ дѣйствій не предпринимали, а ограничивались сильнымъ огнемъ, сосредоточивая послѣдній, главнымъ образомъ, по д. Эльтхайза. Съ позицій было замѣтно движеніе значительныхъ непріятельскихъ колоннъ отъ Сухудяпу на сѣверъ, а также транспортовъ съ праваго берега р. Хуньхэ въ юго-западномъ направленіи" [2]).

„Въ виду удачно отбитыхъ сосѣднимъ Эльтхайзскимъ отрядомъ атакъ стоявшій южнѣе г.-м. Артамоновъ предполагалъ перейти въ наступленіе по направленію на д. Тасудяпу, но командиръ 5-го Сиб. корпуса, г.-л. Дембовскій, считая такой переходъ въ наступленіе несвоевременнымъ, не разрѣшилъ покидать за-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. I, стр. 398.

[2]) Тамъ-же, стр. 404.

нятое расположеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ поддерживать генер. Гершельмана артиллерійскимъ огнемъ“ [1]).

Продолжая обзоръ нашего расположенія далѣе на югъ, переходимъ къ 17-му корпусу.

„Съ утра 21 февраля японцы начали усиленно обстрѣливать позиціи 17-го арм. корпуса со стороны Ингуа и Сыфантая, сосредоточивая свой огонь, главнымъ образомъ, по расположенію 35-й дивизіи и желѣзнодорожному редуту, занятому двумя ротами Зарайскаго полка. Находясь въ вершинѣ угла, образованнаго позиціями 3-й и 35-й дивизіи, редутъ этотъ имѣлъ громадное значеніе, такъ какъ, съ паденіемъ его, удержаніе позицій этихъ дивизій становилось невозможнымъ. Поэтому японцы сосредоточили на немъ свои усилія“.

„Въ редутъ этотъ попало 32—11-дм. бомбы, а въ д. Ханченпу—111 снарядовъ 6 и 8-дм. калибра. Огонь этотъ произвелъ въ постройкахъ редута громадныя разрушенія: блиндажи были уничтожены и большая часть бруствера обрушилась въ ровъ“ [2]).

„Около 4 час. дня части 6-й японской дивизіи пытались атаковать желѣзнодорожный редутъ со стороны Сыфантая и Ингуа, но были отбиты огнемъ. Тогда они стали передвигаться къ д. Уэньченпу, намѣреваясь, повидимому, повторить атаку. Однако, огонь батарей 35-й арт. бригады, Моршанцевъ и гарнизона редута заставилъ ихъ отойти за д. Сыфантай. Затѣмъ передъ вечеромъ была отбита еще одна атака на редутъ“.

„Передъ вечеромъ гарнизонъ редута былъ усиленъ 8-ю ротою Моршанскаго полка, а подошедшія двѣ роты Новоингерманландскаго полка заняли прокопъ въ желѣзнодорожномъ полотнѣ и часть хода сообщенія противъ д. Ингуа. Съ наступленіемъ темноты въ редутѣ начались работы по исправленію поврежденій, причиненныхъ артиллеріею противника. Поврежденія эти оказались настолько значительными, что къ утру удалось исправить только часть бруствера, блиндажи же и искусственныя препятствія возобновлены не были“.

„Послѣ неудачныхъ попытокъ овладѣть редутомъ японцы заняли дворикъ осадной батареи близъ д. Ингуа, вслѣдствіе чего они оказались въ 300 шагахъ отъ редута и почти въ тылу окоповъ, находившихся впереди послѣдняго. Это положеніе, въ связи

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 404—405.

[2]) Тамъ-же, стр.

съ указаннымъ выше ослабленіемъ обороноспособности редута, облегчило японцамъ овладѣніе имъ на слѣдующій день“ [1]).

На фронтѣ 6-го Сибирскаго корпуса, сосѣдняго съ 17-мъ корпусомъ:

„Въ 6 час. 55 мин. утра 21 февраля колонны японской пѣхоты перешли въ наступленіе противъ Уандикудязы со стороны Ламатуня. Наступленіе это было встрѣчено огнемъ артиллеріи и дружными залпами пѣхоты. Несмотря на это, переднія группы противника успѣли добѣжать до искусственныхъ препятствій, но удачный взрывъ одного изъ фугасовъ заставилъ ихъ отхлынуть“.

„Генералъ Соболевъ, не имѣя резервовъ и считая рискованнымъ выводить войска изъ окоповъ, не рѣшился предпринять контръ-атаку“ [2]).

Въ сосѣднемъ съ 6-мъ Сиб. корпусомъ—1-мъ армейскомъ, какъ было описано въ VI-й главѣ, происходили бои, сопровождавшіеся времени отъ времени большимъ даже успѣхомъ.

„Въ ночь на 21 февраля четыре роты Петровскаго полка, безъ выстрѣла, атаковали окопъ впереди редута № 7, занятый японцами, и штыками выбили ихъ оттуда; но разрушить его не удалось, такъ какъ японцы подкатили пулеметъ и продольнымъ огнемъ заставили Петровцевъ отойти. Около 9 час. утра японцы повели наступленіе въ направленіи отъ Лѣсистой сопки къ д. Люцзятунь, но были отбиты артиллерійскимъ огнемъ. Затѣмъ около 2 час. дня они пытались продвинуться по направленію къ д. Хоусандаганцзы, но также неудачно“.

„Вообще, въ теченіе этого дня 10-й Японской резервной дивизіи не удалось одержать сколько-нибудь существеннаго успѣха, а понесенныя ими потери были очень велики“.

„Опасаясь за позицію Вильманстрандскаго полка, г.-л. Флейшеръ направилъ туда два баталіона своего резерва, но въ этой поддержкѣ надобности не встрѣчалось, такъ какъ въ теченіе остатка дня японцы не возобновляли болѣе активныхъ дѣйствій, а лишь ограничивались обстрѣливаніемъ позицій корпуса изъ осадныхъ и полевыхъ орудій“.

„Огонь этотъ сосредоточивался, главнымъ образомъ, по укрѣпленіямъ Новгородской и Путиловской сопокъ, производя

---

[1]) Военно-Истор. Комис., т. V, ч. I, стр. 406.
[2]) Тамъ же, стр. 407.

громадныя разрушенія въ находившихся здѣсь укрѣпленіяхъ, но потери, въ общемъ, были незначительны. Около 1 часу дня снарядъ осаднаго орудія взорвалъ снарядный погребъ мортирной батареи, причемъ 12 ниж. чиновъ было убито и ранено, а двѣ мортиры попорчены. Раненый командиръ батареи, шт.-капитанъ Любинскій, вернулся къ батареѣ на костыляхъ и продолжалъ командовать ею. Къ 7 ч. вечера артиллерійскій огонь прекратился“ [1]).

Въ итогѣ и 21-ое февраля было нами потеряно въ смыслѣ перехода къ активнымъ дѣйствіямъ. Несмотря на блестящую работу войскъ, несмотря на отбитіе атакъ по всему фронту, наконецъ несмотря на то, что мы имѣли значительные частные резервы—уже стало чувствоваться, что мы не сумѣемъ захватить иниціативу въ свои руки. Надежда на успѣхъ, несмотря на отличный подъемъ духа въ I-ой арміи, стала падать.

Событія 22-го февраля окончательно обрекли насъ на неудачу.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 410.

ГЛАВА VIII.

Мукденское сраженіе.

Отступленіе III-й и I-й арміи за р. Хуньхэ. Продолженіе боя у Цуанванче. Юхуантунь. Отряды Ген. ф. д. Лауница и Мылова. Выдѣленіе своднаго корпуса Зарубаева. Кіузанскій прорывъ.

„Выяснившійся неуспѣхъ нашего наступленія на западномъ фронтѣ давалъ возможность японцамъ глубже распространять свой обходъ. Разъ вторая армія не могла справиться съ боковыми авангардами арміи Ноги, оставалось одно средство—сосредоточить достаточныя силы, чтобы задержать наступленіе головы обхода.

Ген.-Ад. Куропаткинъ рѣшилъ прибѣгнуть къ этому послѣднему средству; но свободныхъ войскъ не было, приходилось выводить части изъ боевой линіи, и уже къ утру 22 февраля назрѣлъ вопросъ о томъ, чтобы отвести III и I арміи, далеко выдвинутыя къ югу, на новыя позиціи вдоль р. Хуньхэ, по болѣе короткому фронту, что дало бы возможность за ихъ счетъ собрать достаточныя силы противъ закончившихъ свое обходное движеніе 1-й и 9-й японскихъ дивизій. Осадныя орудія были отправлены въ глубокій тылъ еще раньше".

„О предстоящемъ отходѣ были предупреждены Командующіе арміями; событія 22-го февраля заставили привести это намѣреніе въ исполненіе" [1]).

Между тѣмъ уже днемъ 22-го февраля наше положеніе въ раіонѣ Синминтинской дороги къ сѣв.-западу отъ Мукдена было далеко неблагопріятнымъ. Отряды полковника Леша и полковника Запольскаго несли большія потери и держались съ трудомъ.

„Начиная съ 3 час. дня, 22-го февраля, огонь японскихъ батарей, стоявшихъ у д. Люцзяхуанъ и въ рощѣ къ сѣверу отъ этой деревни, сталъ постепенно усиливаться. Поражаемый съ фронта и съ фланга, отрядъ полковника Запольскаго держался съ трудомъ; въ особенно тяжеломъ положеніи оказались Ахал-

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 365.

цыхцы, занимавшіе позицію между д. д. Цаохотунь и Цуанванче“.

„Какъ разъ въ это время, въ исполненіе упомянутаго выше приказанія г.-л. Гернгросса, полковникъ Лешъ приказалъ двумъ баталіонамъ Великолуцкаго полка перейти въ д. Матюэнза. Баталіоны эти, выйдя скрытно изъ расположенія отряда, двинулись далѣе открыто и противникъ, принявъ, вѣроятно, это движеніе за отступленіе, сталъ засыпать снарядами Цаохотунь, Цуанванче и промежутокъ между ними; затѣмъ, часовъ около $5^1/_2$ дня, онъ двинулся въ атаку. Великолукцы и Ахалцыхцы, находившіеся въ промежуткѣ между Цаохотунемъ и Цуанванче, не выдержали и обнажили артиллерію отряда, которой стала грозить опасность быть захваченной.

„Видя это, полк. Лешъ лично отправился къ батареямъ и приказалъ выводить орудія на рукахъ, а 1-й батареѣ Вост.-Сиб. стр. артил. бригады прикрыть эту операцію огнемъ, доведеннымъ до наивысшаго напряженія. Благодаря этому стрѣлкамъ, находившимся въ прикрытіи, и прислугѣ удалось вывезти орудія всѣхъ батарей, кромѣ 5-й батареи 40-й артил. бригады, понесшей большія потери. Изъ послѣдней, несмотря на самоотверженную работу стрѣлковъ Его Величества, руководимыхъ шт.-кап. Рябенко и поручикомъ Никитинымъ, удалось спасти только 6 орудій. Высланная изъ резерва для выручки остальныхъ двухъ орудій, рота стр. оказалась окруженною и ей пришлось проложить себѣ путь штыками. Что касается 1-й батареи 1-й Вост.-Сиб. стр. артил. бригады, то она была выведена быстро и своевременно подъѣхавшими передками“,

„Пока происходило все вышеизложенное, положеніе Самарцевъ, занимавшихъ Цуанванче, было чрезвычайно трудное“.

„Уже въ началѣ 4-го часа стѣнки, находившіяся на окраинѣ деревни, были почти разрушены и потому пулеметы пришлось убрать. Густыя цѣпи японцевъ стали перебѣгать изъ д. Люцзяхуанъ и рощи, находившейся сѣвернѣе ея, къ Цаохотуню. Вслѣдствіе этого цѣпи, занимавшія передовой окопъ, стали отходить назадъ къ Цаохотуню, почему полковнику Лешъ было донесено, что правый флангъ позиціи, выдававшійся впередъ, обнажается“.

„Вслѣдъ за этимъ густыя цѣпи противника быстро двинулись изъ Люцзяхуана. 2-я и 3-я роты Самарскаго полка встрѣтили ихъ съ дистанціи 800—1000 шаговъ сильнымъ фронтальнымъ огнемъ, а роты 3-го баталіона обстрѣливали ихъ съ пра-

ваго фланга. Въ то же время огонь японскихъ батарей поражалъ не только позицію, но и ея тылъ. Противникъ охватилъ деревню съ фланговъ. Положеніе десяти ротъ Самарцевъ становилось критическимъ; батареи снимались съ позицій и уѣзжали; резерва не было видно; командиръ полка, полковникъ князь Макаевъ, былъ убитъ“.

„Не имѣя свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ отрядѣ полковника Запольскаго, и получивъ донесеніе, что онъ отходитъ отъ д. Цаохотунь и что Самарцы разстрѣляли всѣ патроны, полковникъ Лешъ, въ 7 часовъ вечера, приказалъ имъ очистить Цуанванче. Остатки полка въ порядкѣ отошли къ д. Фансытунь, а 1-й Вост.-Сиб. стр. Его Величества полкъ—къ Сяохэнтуню. Прибывшія, между тѣмъ, на поддержку отряда 10-я и 11-я роты 4-го Вост.-Сиб. стр. полка сперва расположились въ дер. Безымянной, къ западу отъ Сяохентуня, а затѣмъ отошли къ д. Хоуха“.

На самомъ дѣлѣ отрядъ полковника Запольскаго до темноты держался въ д. Цаохотунь; хотя цѣпи его, какъ упомянуто выше, и очистили окопы, бывшіе впереди, но вскорѣ вернулись. Затѣмъ, послѣ очищенія Цуанванче, японцы стали усиленно насѣдать на д. Цаохотунь, колонны ихъ появились съ сѣвера и сѣверо-востока, а потому полковникъ Запольскій, видя, что отрядъ изолированъ и можетъ быть окруженъ, отвелъ его къ д. Падяза“,

„Такимъ образомъ, линія Цаохотунь-Цуанванче перешла во власть противника, а это, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, облегчило ему въ послѣдующіе дни дѣйствія противъ сѣвернаго фронта“ [1]).

На фронтѣ 2-й арміи, прямо къ западу отъ Мукдена, у с. Юхуаньтунь 22-го февраля разыгрался одинъ изъ кровавѣйшихъ эпизодовъ за всю Русско-Японскую войну.

Японцы, желая облегчить обходное движеніе 1-й и 9-й дивизіи къ сѣверу и къ намъ въ тылъ, произвели энергичную вспомогательную атаку именно въ этомъ опаснѣйшемъ для насъ прямомъ направленіи къ Мукдену.

Участокъ у с. Юхуаньтунь занимали 3 полка 25-й пѣх. дивизіи. Остальныя части генерала Топорнина были передвинуты на югъ, вслѣдствіе атакъ 20 и 21 февраля на войска Церпицкаго.

---

[1]) Военно-Ист. Ком., т. V, ч. 1, стр. 433—435.

„Наши части располагались къ разсвѣту на 22-е февраля такъ: 2 бат. Ивангородцевъ занимали д. Нюсинтунь. Одинъ бат. Островскаго полка занималъ редутъ № 5, имѣя одинъ баталіонъ въ частномъ резервѣ; 2 баталіона Островскаго полка занимали с. Юхуаньтунь, въ крайнихъ южныхъ фанзахъ котораго отдыхали $1^1/_2$ саперныя роты. Батал. Юрьевцевъ занималъ 2-мя ротами д. Цаньтунь (такъ называемыя 3 фанзы), а двумя ротами редутъ № 6. Пространство между с. Юхуаньтунь и „3 фанзами" оставалось незанятымъ, а между „3 фанзами" и редутомъ № 6 на ночь расположились 3 баталіона Юрьевцевъ, сильно уже потерпѣвшихъ во время боя у Салинпу. Съ разсвѣтомъ они должны были отойти къ резерву дивизіи, за д. Юхуаньтунь, гдѣ ночевали артиллерія 6 батарей и 2 баталіона Ивангородцевъ".

„Въ моментъ японской атаки батареи расходились уже на свои дневныя позиціи, а одинъ баталіонъ Юрьевцевъ подошелъ къ Мукденской дорогѣ".

„Между оторвавшейся къ сѣверу арміей Ноги (7-й дивизіей) и арміей Оку (3-й дивизіей, сильно пострадавшей при атакѣ участка ген.-л. Церпицкаго) образовался разрывъ; для заполненія его была направлена 3-я дивизія, двинутая изъ общаго резерва. 17-я бригада ея была направлена на с. Янсынтунь, на усиленіе лѣваго фланга 8-й дивизіи, а 5-я бригада — генерала Намбу—противъ Юхуантуня" [1]).

„Руководствуясь данными, добытыми рекогносцировкою, генералъ Намбу рѣшилъ на разсвѣтѣ 22 февраля атаковать южную часть Юхуантуня и отдѣльныя фанзы (Цантунь). Попытаться овладѣть редутами онъ не считалъ возможнымъ, такъ какъ для этого признавалъ необходимымъ предварительно обстрѣлять ихъ навѣснымъ огнемъ тяжелыхъ орудій, которыхъ у него не было".

„Для приведенія этого рѣшенія въ исполненіе онъ приказалъ 33-му полку атаковать отдѣльныя фанзы (Цантунь), а 6-му южную часть Юхуантуня".

„Въ каждомъ полку по два баталіона должны были составить боевую часть и по одному было выдѣлено въ общій резервъ. 17-й бригадѣ той же 3-й дивизіи было одновременно съ этимъ приказано атаковать Янсытунь".

„Въ 3 часа утра баталіоны первой линіи, предшествуемые

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 367.

½ взводомъ піонеровъ, перестроились въ линіи колоннъ съ интерваломъ въ 20 шаговъ, при чемъ 33-й полкъ осадилъ двѣ роты за свой правый флангъ, а 6-й по ротѣ отъ каждаго баталіона за середину".

„Такимъ образомъ, противъ 6 нашихъ ротъ (5-й, 7-й, 10-й и 11-й Островскаго полка и 3-й и 4-й Юрьевскаго) было непосредственно направлено 4 баталіона японцевъ, поддержанныхъ еще двумя".

„Около 4 часовъ утра, въ виду приближенія разсвѣта, наша артиллерія и части, назначенныя согласно диспозиціи въ составъ общаго резерва, начали расходиться на указанныя имъ мѣста. 3-й дивизіонъ 25-й артиллерійской бригады потянулся къ Нюсинтуню, 3-я и 4-я батареи—къ редуту № 5, а 5-я батарея—къ перекрестку дорогъ, находившемуся въ 1 верстѣ къ востоку отъ Юхуантуня; 2-й баталіонъ Юрьевскаго полка вытянулся въ колонну по отдѣленіямъ вдоль Мукденской дороги, а 3-й и 4-й баталіоны готовились слѣдовать за нимъ".

„Въ это же время секреты дали знать о приближеніи значительныхъ силъ японцевъ и почти одновременно съ этимъ былъ открытъ огонь изъ южной части Юхуантуня и изъ отдѣльныхъ фанзъ".

„Между тѣмъ, японцы двинулись противъ промежутка между Юхуантунемъ и фанзами (Цантунь), направивъ по двѣ роты въ охватъ съ юга, какъ первой, такъ и послѣднихъ".

„Роты 3-го и 4-го баталіоновъ Юрьевцевъ бросились впередъ въ штыки".

„Завязался ночной бой. При крикахъ „ура" и „банзай", при блескѣ ружейныхъ выстрѣловъ и взрывахъ ручныхъ гранатъ, происходила схватка, грудь съ грудью, работа штыками и прикладами".

„Потерявъ сразу почти всѣхъ офицеровъ и массу нижнихъ чиновъ, Юрьевскія и Островскія роты были не въ силахъ держаться и оказались вынужденными податься шаговъ на 300—400 назадъ. Защитники фанзъ (Цантуня) почти всѣ были перебиты (изъ двухъ ротъ осталось лишь 61 человѣкъ: 37—въ 3-й и 24—въ 4-й). Та же участь постигла саперъ, находившихся въ южной части д. Юхуантунь. Остатки Островскихъ ротъ отошли въ сѣверную часть деревни".

„Изъ ротъ 3-го и 4-го баталіоновъ Юрьевскаго полка, 13-я и 14-я отошли къ редуту, гдѣ заняли одинъ изъ усовъ, а 9-я,

10-я и 11-я нѣсколько разъ бросались въ штыки, но, будучи встрѣчаемы превосходными силами, разстрѣливаемыя въ упоръ съ фронта и фланга, онѣ оказались вынужденными отойти и залегли за китайскими могилами и канавами. Здѣсь часть ихъ была собрана кап. Молчановымъ, который пытался двинуть ихъ впередъ. Люди вставали, пробѣгали нѣкоторое разстояніе, но, будучи встрѣчены убійственнымъ огнемъ, могли продвинуться впередъ только шаговъ на 200".

„Такимъ образомъ, около 5 часовъ утра отдѣльныя фанзы и южная часть Юхуантуня перешла во власть японцевъ, немедленно приступившихъ къ ихъ укрѣпленію и втащившихъ туда пулеметы".

„Въ это время находившійся при артиллеріи 1-й баталіонъ Ивангородскаго полка, узнавъ объ опасности, грозившей Юхуантуню, по собственному почину развернулся и направился къ деревнѣ съ цѣлью оказать содѣйствіе Островцамъ; но, поражаемый съ фронта и лѣваго фланга и не имѣя возможности различить въ темнотѣ, откуда направлялся на него огонь, наносившій ему потери, онъ не могъ сразу броситься на японцевъ".

„Одновременно съ атакою отдѣльныхъ фанзъ д. Цантунь баталіонъ 33-го японскаго полка, выдѣленный въ резервъ, былъ направленъ противъ редута № 6, занятаго, какъ было упомянуто, 1-ю и 2-ю ротами Юрьевскаго полка. Встрѣченный мѣткими залпами этихъ ротъ, руководимыхъ кап. Олешкевичемъ, баталіонъ этотъ, однако, не могъ удержаться противъ редута и поспѣшно отошелъ, частью на Чансытунь, частью на Чаминтунь и частью къ д. Цантунь. Вслѣдъ затѣмъ изъ редута было замѣчено движеніе японскихъ резервовъ къ отдѣльнымъ фанзамъ (Цантунь); по нимъ немедленно былъ открытъ огонь сѣверо-западнымъ фасомъ, заставившій японцевъ залечь".

„Пока, какъ изложено выше, части 1-го, 3-го и 4-го баталіоновъ Юрьевскаго полка вели бой, роты 2-го бат. двигались къ мѣсту, указанному имъ диспозиціею. Узнавъ о нападеніи японцевъ на д.д. Юхуантунь и Цантунь, 5-я, 6-я и 8-я роты остановились у Мукденской дороги, а 7-я продвинулась нѣсколько впередъ и залегла за валикомъ, находившимся противъ южной части Юхуантуня".

„Здѣсь она оставалась до конца боя, принимая участіе въ попыткахъ выбить японцевъ. Остальныя роты были позднѣе

командующимъ полкомъ, подполковникомъ Кучукомъ, лично отведены на присоединеніе къ полку".

Наступилъ разсвѣтъ, дѣйствія гарнизона редута облегчились, такъ какъ явилась возможность ясно видѣть цѣли. Защитники редута сосредоточили сильнѣйшій огонь по фанзамъ д. Цантунь, южной части Юхуантуня и по мѣстности къ западу отъ нихъ, не давая японцамъ возможности ни выйти изъ занятыхъ пунктовъ, ни подвести патроны. Эти дѣйствія гарнизона помѣшали японцамъ продвинуться къ востоку за линію занятаго ими расположенія, а отошедшимъ частямъ дали возможность, хотя нѣсколько, привести себя въ порядокъ для производства послѣдующихъ контръ-атакъ".

„2-й баталіонъ Ивангородскаго полка, двигавшійся къ мѣсту, указанному ему диспозиціею, узнавъ отъ отходившихъ изъ Юхуантуня нижнихъ чиновъ, что южная часть деревни занята японцами, развернулся противъ середины Юхуантуня и вмѣстѣ съ частями, находившимися въ сѣверной части деревни, двинулся въ атаку, но выбить японцевъ ему не удалось.

„Тогда начальникъ штаба дивизіи полковникъ Гениша послалъ командиру Ивангородскаго полка полковнику Шрейдеру и начальнику 9-й В.-С. стр. дивизіи ген.-маіору Краузе записки съ просьбой о высылкѣ подкрѣпленій".

„Уже въ 4 часа утра батареи 25-й артил. бригады заняли указанныя имъ диспозиціею мѣста, а именно: 3-й дивизіонъ—къ юго-востоку отъ Нюсинтуня, 3-я батарея — правѣе и 4-я лѣвѣе редута № 5, а 5-я батарея — у перекрестка дорогъ къ востоку отъ д. Юхуантунь".

„Съ разсвѣтомъ батареи эти открыли сильнѣйшій огонь по японцамъ; 4-я батарея обстрѣливала японскую артиллерію, стоявшую у д. Ливуаньпу, а всѣ прочія сосредоточили свой огонь по южной части Юхуантуня и по фанзамъ д. Цантунь, занятымъ противникомъ".

„Положеніе частей бригады Намбу сдѣлалось чрезвычайно тяжелымъ. Неся вслѣдствіе скученности на небольшомъ пространствѣ громадныя потери отъ артиллерійскаго огня, онѣ не могли ни продвинуться впередъ, ни отступить, такъ какъ мѣстность къ востоку отъ ихъ расположенія находилась подъ перекрестнымъ огнемъ частей, отошедшихъ изъ Юхуантуня и Цантуня, пространство же къ западу отъ этихъ деревень обстрѣливалось губительнымъ огнемъ изъ редута № 6. Послѣдній былъ

настолько силенъ, что всякая попытка двигаться здѣсь оказывалась невозможною".

„Въ такомъ положеніи оставались обѣ стороны до 9 часовъ утра, когда къ Юхуантуню стали подходить подкрѣпленія. Кромѣ 1-го и 2-го бат. Ивангородскаго полка, о которыхъ сказано выше, нѣсколько позднѣе подошелъ и 4-й бат. того же полка".

„Части эти вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ Юрьевцами вновь пытались перейти въ наступленіе, но безуспѣшно, такъ какъ всѣ ихъ попытки разбивались объ убійственный огонь японцевъ. Та же участь постигла и контръ-атаку, снова произведенную около 10 часовъ утра, когда подошелъ 4-й бат. Островскаго полка".

„Такимъ образомъ, цѣлый рядъ разрозненныхъ попытокъ не привелъ къ желательному результату".

„Въ 10$^1/_2$ часовъ утра къ Юхуантуню подошли баталіонъ 34-го и баталіонъ 35-го В.-С. стр. полковъ, высланные ген.-маіор. Краузе вслѣдствіе упомянутой выше записки начальника штаба 25-й пѣхотной дивизіи полковника Геништа. Эти свѣжія части влили новую энергію въ обороняющихся, которые снова двинулись впередъ. Одновременно съ этимъ 2-я и 3-я батареи 9-й В.-С. стр. артил. бригады открыли огонь по японцамъ и заставили замолчать японскую батарею у Ядятуня и подбили пулеметы въ Хохунтаѣ".

„Однако, несмотря на все это, не удалось овладѣть фанзами, занятыми японцами въ южной части деревни, и около нихъ сосредоточились всѣ дальнѣйшія усилія войскъ".

„Къ этому времени японцы понесли громадныя потери, какъ отъ огня, такъ и вслѣдствіе ряда атакъ, и у нихъ началъ ощущаться сильный недостатокъ патроновъ. Уже въ 9 час. 30 мин. Намбу влилъ въ боевую часть послѣднія двѣ роты своего резерва и обозныхъ. Всѣ эти части еще во время подхода къ Юхуантуню несли громадныя потери отъ огня редута, а потому прибыли туда въ половинномъ составѣ".

„Между тѣмъ, Главнокомандующій, получивъ свѣдѣніе о тяжеломъ положеніи Юхуантуньскаго отряда и о томъ, что будто бы деревня взята японцами, предложилъ командующему II арміею лично отправиться къ Юхуантуню для руководства боемъ, съ цѣлью обратнаго овладѣнія селеніемъ. Генералъ бар. Каульбарсъ доложилъ, что къ Юхуантуню имъ будетъ направлена 2-я бригада 31-й пѣх. дивизіи, а генералъ-

адъютантъ Куропаткинъ въ свою очередь обѣщалъ оказать поддержку изъ своего резерва“ [1]).

Въ общемъ къ Юхуантуню должны были собраться значительныя силы, но, кромѣ нихъ, приближалась помощь также и со стороны отряда генерала Церпицкаго.

„Лифляндскій полкъ, командированный, какъ упомянуто выше, наканунѣ въ его отрядъ, получилъ около 8 час. утра отъ г.-л. Церпицкаго приказаніе двинуться на Юхуантунь“ [2]).

„До дистанціи въ 150 шаговъ Лифляндцы имѣли возможность пользоваться кое-какими имѣвшимися укрытіями, вродѣ канавъ и китайскихъ могилъ, далѣе же начиналась совершенно гладкая, открытая равнина, поэтому цѣпи двинулись впередъ перебѣжками и въ нихъ влились части Юрьевцевъ. Вскорѣ 3-й бат. развернулся вправо отъ перваго, а 4-й влѣво отъ 2-го. Въ такомъ порядкѣ полкъ приблизился на 400 шаговъ къ японцамъ и около 2 час. дня бросился впередъ для удара въ штыки“.

„Японцы, у которыхъ ощущался недостатокъ въ патронахъ и которые несли громадныя потери отъ огня изъ редута, не приняли штыкового удара и стали быстро отступать по направленію на д. Ливуаньпу. 2-й и 4-й бат. Лифляндцевъ начали ихъ преслѣдовать, продвинулись было за фанзы (Цантунь), но затѣмъ, поражаемые со стороны Юхуантуня во флангъ, осадили назадъ и залегли между д. Цантунь и редутомъ № 6. Такимъ образомъ, благодаря совокупнымъ усиліямъ Лифляндцевъ и Юрьевцевъ, въ южной части Юхуантуньской позиціи первоначальное положеніе оказалось возстановленымъ“.

„Въ это время 1-й и 3-й бат. Лифяндскаго полка, направленные на южную часть Юхуантуня, не имѣли возможности подготовить атаку огнемъ, такъ какъ противникъ занималъ глинобитныя стѣнки, изъ-за которыхъ безнаказанно поражалъ атакующаго. Поэтому баталіоны, неся страшныя потери, стали уклоняться къ сѣверу и примкнули къ войскамъ, оборонявшимъ сѣверную часть деревни). Послѣ часа дня въ дѣло вступили два бат. Сѣвцевъ и бат. Кромцевъ, получившіе отъ командира 16-го Армейскаго корпуса ген.-лейт. Топорнина приказаніе снова двинуться впередъ“ [3]).

---

[1]) Военн. Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр., 438—442.
[2]) Тамъ же, стр. 443.
[3]) Тамъ-же, стр. 443.

„Къ наступавшимъ Сѣвцамъ и Кромцамъ присоединилась часть Юрьевцевъ и Лифляндцевъ и всѣ эти войска ворвались въ деревню, гдѣ начался бой за обладаніе улицами, дворами и фанзами. Тѣснимые съ востока и сѣвера частями всѣхъ полковъ 25-й дивизіи, Сѣвцами, Кромцами, стрѣлками 34-го и 35-го В.-С. стр. полковъ, а также подошедшими, какъ будетъ видно ниже, Козловцами и Воронежцами, японцы стали очищать деревню и отступленіе ихъ скоро превратилось въ бѣгство. Тѣмъ не менѣе къ 3 час. дня въ ихъ власти оказались два двора на самой юго-восточной оконечности деревни, отличавшіеся особенною прочностью“.

„Въ это время, когда Лифляндскій полкъ, какъ было изложено выше, началъ тѣснить японцевъ, засѣвшихъ въ отдѣльныхъ фанзахъ (Цантунь), 2-я бригада 31-й пѣх. дивизіи также начала наступленіе къ д. Юхуантунь, неся значительныя потери отъ непріятельскаго огня. Несмотря на силу послѣдняго, части бригады двигались впередъ подъ звуки музыки. Однако, потери быстро возрастали и вскорѣ бригада уклонилась отъ первоначальнаго направленія. Часть ея, пройдя линію, занятую Лифляндцами, продвинулась нѣсколько впередъ и два баталіона, одинъ Воронежскій и одинъ Козловскій, залегли во рву редута № 6, другая же часть, уклонившись вправо, присоединилась къ Лифляндцамъ, Сѣвцамъ и Кромцамъ, ведшимъ бой въ Юхуантунѣ, и, вмѣстѣ съ ними, приняла участіе въ овладѣніи тѣми дворами, въ которыхъ засѣли японцы“.

„Всѣ усилія овладѣть этими чрезвычайно прочными зданіями были тщетны“.

„Японцы прекрасно приспособились къ оборонѣ и всѣхъ пытавшихся ворваться во дворы встрѣчали мѣткимъ ружейнымъ огнемъ изъ-за стѣнъ, съ крышъ фанзъ и поражали ручными гранатами“.

„Видя безсиліе пѣхоты овладѣть фанзами, занятыми японцами, была сдѣлана попытка разбить артиллеріею крѣпкія стѣны, укрывавшія ихъ“.

„Въ началѣ 3-го часа нижніе чины Воронежскаго, Островскаго и Кромскаго полковъ подвезли на рукахъ 2 орудія 3-й батареи 25-й артил. бриг., а сама батарея переѣхала на позицію влѣво отъ редута № 5. Орудія были поставлены въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ къ сѣверу отъ фанзъ и открыли огонь. Но шрапнель, поставленная на ударъ, оказалась безсильною противъ

каменныхъ и глинобитныхъ стѣнъ китайскихъ строеній. Тогда было рѣшено попробовать разбить фанзы при помощи поршневыхъ орудій“.

„Около 5 час. изъ отряда г.-л. Церпицкаго прибыли 2 поршневыхъ орудія и открыли огонь, но и они оказались безсильными выбить японцевъ. При такихъ условіяхъ оставалось только возложить надежду на пироксилинъ, за которымъ и было послано въ Мукденъ“.

„Къ вечеру 22 февраля силы Юхуантуньскаго отряда, дѣйствовавшія противъ бригады Намбу, возросли до 27 баталіоновъ, а съ отрядомъ генер. Ганенфельда даже до 35 баталіоновъ, и позиція была такъ прочно занята, что горсть японцевъ, засѣвшихъ въ южномъ краю деревни, не могла имѣть серьезнаго значенія и гибель ихъ становилась лишь вопросомъ времени. Дѣйствительно, примѣнять для этого какія либо чрезвычайныя средства не пришлось, такъ какъ японцы ночью, частью по одиночкѣ прокрались на Ливуаньпу, частью, взорвавъ фанзы, погибли подъ ихъ развалинами“.

„Этимъ закончился упорный бой подъ Юхуантунемъ, стоившій обѣимъ сторонамъ громадныхъ потерь. За 22 февраля части войскъ, принимавшія участіе въ бою подъ Юхуантунемъ, потеряли всего 143 офицера и 5266 нижн. чин. Изъ этого числа 82 офицера и 3961 нижн. чин. приходится на долю частей 25-й дивизіи, въ которой болѣе другихъ пострадалъ Юрьевскій полкъ, потерявшій 19 офицеровъ и 1232 нижн. чина. Въ полку этомъ осталось послѣ боя 1 штабъ-офицеръ, 7 оберъ-офицеровъ и 1307 нижн. чин., которые были сведены въ два баталіона“.

„Громадныя были также потери японцевъ; бригада Намбу, числившая до боя въ своемъ составѣ около 4200 чел., была почти уничтожена, такъ какъ отъ нея оставалось всего только 437 ниж. чин.“

„Въ наши руки досталось 69, большею частью раненыхъ японцевъ и свыше 900 винтовокъ.

Хотя подъ Юхуантунемъ со стороны японцевъ дѣйствовала только одна бригада, испытанная послѣднею неудача произвела громадное впечатлѣніе. Пространство между дорогою Чансытунь-Мукденъ и д. Чаминтунь оказалось никѣмъ не занятымъ, а потому нашъ переходъ въ наступленіе могъ имѣть роковое значеніе для японцевъ. Ихъ 8-я дивизія была вынуждена прекратить атаки и, оставивъ къ сторонѣ д. Улимпу только заслонъ силою

въ три роты при одномъ пулеметѣ, она отошла за старое желѣзнодорожное полотно; отъ нея къ Чаминтуню былъ высланъ полкъ для прикрытія совершенно обнаженнаго отъ войскъ пространства".

„Словомъ, ожидая активныхъ дѣйствій съ нашей стороны, японцы рѣшили временно перейти къ оборонѣ".

„Такимъ образомъ, переходъ въ наступленіе по направленію на Ливуаньпу почти не встрѣтилъ бы никакого сопротивленія, но Командующій II арміею считалъ себя недостаточно сильнымъ для такого перехода".

„Прибывъ къ Юхуантуню и убѣдившись, что дѣла принимаютъ благопріятный оборотъ, ген. бар. Кульбарсъ отправилъ ген. штаба кап. Кислякова къ г.-л. Церпицкому съ приказаніемъ передать послѣднему, что онъ признаетъ желательнымъ „переходъ въ наступленіе ввѣреннаго ему отряда, съ просьбою о чемъ названный генералъ дважды обращался съ утра 22 числа". Около 2$^1/_2$ час. дня Кисляковъ вернулся и доложилъ, что г.-л. Церпицкій, вслѣдствіе укрѣпленія противника передъ его фронтомъ, считаетъ „переходъ въ наступленіе, связанный теперь съ громадными потерями, невозможнымъ". Этотъ отказъ, въ связи съ тѣмъ, что Волынскій полкъ, находившійся въ резервѣ Главнокомандующаго, не былъ двинутъ къ Юхуантуню и что г.-л. Гернгроссъ признавалъ возможнымъ оказать содѣйствіе переходу въ наступленіе только огнемъ, заставилъ ген. бар. Каульбарса признать распоряженіе о переходѣ въ наступленіе преждевременнымъ" [1]).

Бой за с. Юхуантунь еще разъ показалъ огромную боеспособность нашихъ доблестныхъ полковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ подчеркнулъ отсутствіе „объединенія" всѣхъ дѣйствій во II-ой арміи. Успѣхъ еще одинъ разъ былъ на нашей сторонѣ и вновь мы не воспользовались имъ, чтобы повернуть всю операцію себѣ въ пользу.

„На фронтѣ III арміи 4-я японская дивизія 22-го февраля неудачно атаковала позиціи 5 Сиб. корпуса у сел. Сяокіишинпу, но 6-й японской дивизіи, охвативъ исходящій уголъ, образованный позиціей XVII армейскаго корпуса и подготовивъ атаку огнемъ тяжелой артиллеріи, удалось овладѣть с. Ханченпу и желѣзнодорожнымъ редутомъ. Съ потерей Ханченпу приходилось отбрасывать назадъ весь фронтъ XVII корпуса и японцы могли уже грозить съ фланга и тыла частямъ VI Сиб. и I Армейскаго кор-

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 444—446.

пуса. Этимъ объясняется то упорство, съ которымъ наши войска производили контръ-атаки на сел. Ханченпу. Эти контръ-атаки велись разрозненно и въ весьма невыгодныхъ условіяхъ, при охватывающемъ положеніи противника; нѣкоторымъ частямъ удавалось достигнуть селенія, но держаться въ немъ подъ огнемъ редута было нельзя" [1]).

Событія эти разыгрались слѣдующимъ образомъ:

„Съ $5^1/_2$ час. утра 22 числа японцы открыли со стороны Ингуа усиленный огонь, а затѣмъ части ихъ двинулись въ атаку, но были отбиты огнемъ защитниковъ редута и батарей 35-й артил. бригады".

„Затѣмъ, съ 7 час. утра начался рядъ упорныхъ атакъ противника на редутъ, д. Ханченпу и окопы, занятые Нѣжинскимъ полкомъ. Пользуясь бывшими нашими укрѣпленіями и ходами сообщенія, а также оврагомъ, идущимъ къ Сыефантаю, японцамъ удалось, относительно скрытно, приблизиться къ позиціямъ частей 35-й дивизіи и залечь. Послѣ этого около 10 час. утра огонь ихъ полевыхъ и осадныхъ орудій усилился до высшей степени; удушливый дымъ и тучи пыли, вздымаемыя снарядами, окутали редутъ и д. Ханьченпу".

„Въ 11 час. огонь прекратился и японцы съ трехъ сторонъ бросились на редутъ, забросавъ его ручными гранатами".

„Роты Зарайцевъ и Моршанцевъ, занимавшихъ редутъ, потерявшія 6 офицеровъ и 218 нижнихъ чиновъ, потрясенныя предшествовавшими бомбардировками, оглушенныя взрывами и отравленныя меленитовыми газами, не выдержали и стали отходить, въ восточномъ и сѣверо-восточномъ направленіяхъ, увлекая за собою и часть сосѣднихъ ротъ Новоингерманландскаго полка".

„Этому способствовала также и атака, веденная почти одновременно съ описанною, на желѣзнодорожное полотно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соприкасались части 3-й и 35-й дивизій, и на расположеніе Нѣжинскаго полка. Благодаря фланговому огню 6-й батареи 6-й арт. бригады (6-го Сиб. корпуса) со стороны Гуаньтуня, Нѣжинцамъ удалось отбить японцевъ, но желѣзнодорожный редутъ и Ханченпу оказались въ рукахъ противника".

„Потеря редута и д. Ханченпу повлекла за собой отходъ Моршанскаго полка, понесшаго громадную убыль, особенно въ офицерахъ. Въ первую минуту удалось собрать всего человѣкъ

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война стр. 370.

300—400, съ которыми командующій полкомъ, подполк. Савицкій, двинулся было впередъ. На линіи редута № 1 наступавшіе были встрѣчены убійственнымъ огнемъ изъ-за желѣзной дороги, пулеметами изъ желѣзнодорожной казармы и западной части д. Ханченпу. Люди не выдержали и остатки полка отошли въ направленіи на д. Каулитунь“.

„Тогда, согласно данныхъ начальникомъ дивизіи указаній, ген. штаба кап. Незнамовъ его именемъ приказалъ: всѣмъ батареямъ 35-й артил. бриг. сосредоточить усиленный огонь по редуту, д. д. Ханченпу, Ингуа и Сыфантаю, а Нѣжинскому полку поддержать Моршанцевъ, произведя атаку редута“.

„Одновременно съ этимъ командующій 17-мъ армейскимъ корпусомъ г.-л. Селивановъ, получивъ донесеніе о положеніи дѣлъ, приказалъ командующему 3-й дивизіей поддержать 35-ю двумя баталіонами и вернуть д. Ханченпу, вслѣдствіе потери которой между расположеніемъ 3-й и 35-й дивизій образовался разрывъ“.

„Во исполненіе этого приказанія г.-м. Орловъ возложилъ атаку д. Ханченпу на командира Новоингерманландскаго полка, въ поддержку которому былъ направленъ баталіонъ Ингерманландцевъ. Назначить больше было невозможно, такъ какъ совершенное очищеніе полотна желѣзной дороги дало бы японцамъ, атаковавшимъ въ это время Сяокійшинпу, возможность проникнуть въ тылъ 35-й дивизіи“.

„Около 12 часовъ дня 4-й баталіонъ Новоингерманландцевъ двинулся въ атаку, но, встрѣченный убійственнымъ огнемъ съ разстоянія въ 600—800 шаговъ, оказался не въ силахъ дойти до деревни. Командовавшій баталіономъ штабсъ-капитанъ Волковъ былъ убитъ, а два послѣдовательно замѣстившіе его офицера ранены. Роты залегли въ 100 шагахъ отъ деревни. На помощь былъ двинутъ 3-й баталіонъ того же полка, атаку котораго постигла та же участь. Тогда былъ введенъ въ дѣло 4-й баталіонъ Ингерманландцевъ, смѣло двинувшійся впередъ подъ командою подполковника Юрченко-Тоболецъ. Подпустивъ баталіонъ на дистанцію въ 500 шаговъ, японцы встрѣтили его губительнымъ огнемъ“.

„Потерявъ въ короткое время почти всѣхъ офицеровъ и 525 ниж. чиновъ, баталіонъ не былъ въ состояніи овладѣть д. Ханченпу, и только поручикамъ Романову и Боржецкому, съ

горстью нижнихъ чиновъ, удалось дойти до окраины деревни, но удержаться здѣсь они не могли".

„Въ это время г.-л. Селивановымъ было получено донесеніе о томъ, что будто бы половина Ханченпу взята, а потому онъ приказалъ частямъ 35-й дивизіи поддержать атаку".

„Между тѣмъ, около 3 часовъ дня Ингерманландцы, снова пытались двинуться впередъ, но, будучи встрѣчены убійственнымъ огнемъ, они были вынуждены отойти. Для прикрытія ихъ отхода, изъ Суятуня къ ручью были высланы двѣ роты".

„Такимъ образомъ, несмотря на доблесть, проявленную частями 3-й дивизіи, имъ не удалось овладѣть деревнею".

„Пока полки 3-й дивизіи дѣлали безплодныя попытки взять д. Ханченпу, начальникъ боевой части 35-й дивизіи, командующій Нѣжинскимъ полкомъ полковникъ Бутъ-Гусейновъ, при помощи 7-й роты Нѣжинскаго полка и охотничьей команды, старался нѣсколько устроить Моршанцевъ. Ему удалось собрать человѣкъ около 800—900, которые подъ начальствомъ подполковника Савицкаго, при поддержкѣ подошедшаго между тѣмъ 1-го бат. Нѣжинскаго полка, вернули редутъ № 1, также было занятый японцами. Далѣе же они продвинуться не могли какъ вслѣдствіе крайняго утомленія, такъ и за полнымъ отсутствіемъ резервовъ. Однако, боевой порядокъ былъ возстановленъ и прорывъ между 3-й и 35-й дивизіями заполненъ".

„Въ 3 часа 10 минутъ командующій Нѣжинскимъ полкомъ получилъ отъ начальника 35-й пѣхотной дивизіи приказаніе: взять Ханьченпу обратно во что бы то ни стало, при чемъ ему сообщалось, что его поддержатъ два баталіона 3-й дивизіи. Приказаніе это полк. Бутъ-Гусейновымъ было понято въ томъ смыслѣ, что эти баталіоны подойдутъ къ нему, такъ какъ имѣвшихся у него, пострадавшихъ во время боя, частей было недостаточно для одновременнаго овладѣнія какъ редутомъ, такъ и д. Ханьченпу. Взявъ же одну деревню, безъ желѣзнодорожнаго редута, удержать ее было невозможно, такъ какъ она подвергалась фланговому огню со стороны послѣдняго. Поэтому онъ предупредилъ полковника Савицкаго о томъ, что по прибытіи баталіоновъ 3-й дивизіи начнетъ атаку Ханьченпу".

„Между тѣмъ, не выждавъ этихъ подкрѣпленій, часть Моршанцевъ, человѣкъ около 600, перешла въ наступленіе отъ редута № 1 и достигла восточной окраины Ханьченпу, но далѣе продвинуться не могла".

„Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда около 5 часовъ дня г.-л. Селивановъ узналъ о предстоящемъ на слѣдующій день отходѣ къ Хуньхэ, а потому, во избѣжаніе дальнѣйшихъ безцѣльныхъ потерь, достигавшихъ уже 75% офиц. и 60% ниж. чин., онъ приказалъ атаки прекратить и ограничиться удержаніемъ позицій“.

„Разновременныя, разрозненныя усилія частей 17-го армейскаго корпуса не дали желательныхъ результатовъ и въ концѣ концовъ желѣзнодорожный редутъ и д. Ханьченпу остались во власти японцевъ, а частямъ 35-й дивизіи пришлось расположиться сѣвернѣе ихъ, вдоль ручья, текущаго черезъ д. Каулитунь“.

„Потери полковъ, участвовавшихъ въ бою, были очень велики. Въ частяхъ 3-й дивизіи они достигли 37 офицеровъ и 2,498 нижнихъ чиновъ; Ингерманландскій полкъ пришлось переформировать въ 12 ротъ, а Новоингерманландскій — въ 9 ротъ. Части 35-й пѣхотной дивизіи потеряли всего 34 офицера и 1,530 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ 17 офицеровъ и 1,049 нижнихъ чиновъ приходилось на долю Моршанскаго полка“ [1]).

Тяжелый для III арміи день 22-го числа закончился тѣмъ, что частямъ арміи удалось удержать свои случайныя позиціи, за исключеніемъ желѣзнодорожнаго редута и д. Ханьченпу, попытки взять которые обратно не увѣнчались успѣхомъ. Прекращеніе дальнѣйшаго боя за эти опорные пункты обусловливалось громадными потерями, отсутствіемъ резервовъ и приказаніемъ Главнокомандующаго III и I арміямъ отойти къ позиціямъ на р. Хуньхэ“.

„Во всякомъ случаѣ, упорные бои частей 5-го Сибирскаго и 17-го армейскихъ корпусовъ, тянувшіеся до ночи, ослабили энергію атакъ противника, понесшаго большія потери, и дали возможность войскамъ исполнить отходъ на новыя позиціи болѣе или менѣе спокойно“ [2]).

„Отходъ I-й и III-й арміи на новыя позиціи на р. Хуньхэ въ сущности былъ концомъ Мукденской операціи, такъ какъ этотъ отходъ быстро превратился въ общее отступленіе“.

„Но даже и въ этой тяжелой обстановкѣ отступательныхъ маршей и цѣлаго ряда боевъ въ невозможныхъ условіяхъ—армія выказала удивительное спокойствіе и стойкость, несмотря на

---

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 453—456.
[2]) Тамъ-же, стр. 456—457.

огромныя потери, несмотря на случайную, сборную организацію цѣлыхъ корпусовъ и дивизій".

„Для активной обороны подступовъ къ Мукдену съ сѣвера, ген.-ад. Куропаткинъ образовалъ вечеромъ 22 отрядъ ген. фонъ-деръ-Лауницъ, въ составъ котораго вошелъ отрядъ г. Биргера (6 батал.), отрядъ ген. шт. пол. Запольскаго (6 батал.), отрядъ полк. Мисевича (4 батал. и 2 батар.) днемъ подходившій къ Юхуантуню, конница г.-м. Орбеліани, Волынскій полкъ и другія части: охранная рота штаба Главнокомандующаго, рота воздухоплавателей, рота піонеровъ и т. д. Общій составъ отряда постепенно возросъ за время съ 23-го по 25-е февраля съ 26 батал. 10 сот. и 12 батар. до 46 батал. и 16 батар.; здѣсь были части, выдѣленныя всѣми тремя арміями принадлежавшія къ составу 13 дивизій и отдѣльныхъ бригадъ, 7 различныхъ корпусовъ".

„Отрядъ ген.-м. фонъ-деръ-Лауницъ былъ подчиненъ ген. бар. Каульбарсу. Несмотря на то, что являлось яснымъ, что центръ тяжести операцій II арміи перемѣстился на сѣверъ, вниманіе II арміи приковывалось по прежнему къ лѣвому флангу— отряду ген. Церпицкаго, который усиленно просилъ о поддержкѣ; ген. Оку безуспѣшно бросалъ противъ него все, что еще можно было собрать изъ 5-й, 8-й и 3-й дивизіи; неудача японцевъ произвела на нихъ удручающее впечатлѣніе, но участь сраженія рѣшалась не здѣсь" [1]).

„Къ 12 ч. дня 23-го февраля отрядъ ген. фонъ-деръ-Лауница былъ распредѣленъ по тремъ участкамъ: г.-м. Домбровскаго у разъѣзда № 97 и д.д. Унгентунь и Кунцзятунь, центръ г.-м. Биргера—въ д. Сантайцзы и лѣвый флангъ г.-м. Соллогуба, объединившаго начальствованіе надъ отрядами Запольскаго и Мисевича".

„Части еще не успѣли разобраться и занять свои мѣста, когда Ноги перешелъ въ наступленіе съ 7-ой дивизіей и атаковалъ отрядъ г.-м. Домбровскаго".

„Вслѣдствіе наступленія японцевъ къ желѣзной дорогѣ генералъ фонъ-деръ-Лауницъ. будучи озабоченъ собрать резервъ, приказалъ Волынскому полку и двумъ батареямъ перейти къ д. Вазые и рощѣ Императорскихъ могилъ. Такимъ образомъ противъ непріятельской артиллеріи остались лишь два орудія 5-й батареи 29-й артиллерійской бригады подъ командой штабсъ-

---

1) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 370—371.

капитана Владиславскаго, прибывшаго съ Крымскимъ баталіономъ. Эти орудія были поставлены за желѣзнодорожною насыпью, у д. Сандяза, и настолько успѣшно вели огонь, что заставили замолчать японскую 6-орудійную батарею, только что снявшуюся примѣрно въ одной верстѣ къ востоку отъ д. Тхенитунь, у зарослей. Какъ прислуга японцевъ, такъ и прикрытіе батареи разбѣжались“ [1]).

„Такимъ образомъ войсковыя части даже и въ обстановкѣ тяжелаго дня 23-го февраля все-же еще имѣли тактическіе успѣхи. Не смотря на крайнюю серьезность положенія, казалось, была еще надежда на успѣхъ“.

„Положеніе дѣлъ въ Кунцзятунѣ, дѣйствительно, представлялось серьезнымъ; огонь противника не ослабѣвалъ, а силы его на фронтѣ Сантайцзы—Кунцзятунь опредѣлялись въ $1^1/_2$ дивизіи. Около 3 часовъ 30 минутъ японцы снова повели наступленіе противъ д. Кунцзятунь, при чемъ ихъ цѣпямъ удалось подойти шаговъ на 200 къ деревнѣ, но, встрѣченныя огнемъ изъ деревни, онѣ были принуждены отойти“.

„При отбитіи этой атаки большую помощь пѣхотѣ оказали 4-я и 5-я батареи 29-й артиллерійской бригады, стоявшія: одна— за д. Унгентунь, фронтомъ на сѣверо-западъ, а другая за желѣзнодорожнымъ полотномъ къ сѣверу отъ разъѣзда № 97, у д. Сандяза“.

Японцы не выдержали сосредоточеннаго артиллерійскаго и ружейнаго огня и начали въ безпорядкѣ убѣгать къ сторонѣ д. Тхенитунь; огонь японской артиллеріи былъ почти подавленъ. Повидимому, назрѣлъ моментъ перехода въ общую контръ-атаку, тѣмъ болѣе, что настроеніе частей отбившихъ атаку было приподнято и нѣкоторые участки цѣпей покинули свои закрытія, выдвинувшись впередъ, но прибывшій къ д. Унгентунь генералъ бар. Каульбарсъ призналъ производство контръ-атаки не своевременнымъ“ [2]).

„Въ конечномъ результатѣ дня наступленіе противника къ желѣзной дорогѣ было остановлено и его попытки атаковать д.д. Кунцзятунь и Сантайцзы отбиты, но его цѣпи остались въ разстояніи 500—600 шаговъ отъ этихъ пунктовъ, а это указывало на вѣроятность ночной атаки съ его стороны“.

---

[1]) Военно-Истор. Ком., т. V, ч. 2, стр. 6.
[2]) Тамъ-же, стр. 8.

Въ лѣвомъ отрядѣ г. ф.-д.-Лауница между тѣмъ происходило слѣдующее:

„Японская артиллерія сосредоточила сильнѣйшій огонь по д. Падяза, нанося защитникамъ ея большія потери. Маршевые баталіоны, не выдержавъ огня, дрогнули; тогда полковникъ Запольскій, желая ихъ подбодрить, выѣхалъ впередъ, но сперва подъ нимъ была убита лошадь, а затѣмъ вскорѣ и онъ самъ пулею въ лобъ. Потерявъ своего начальника, импровизированный отрядъ сталъ приходить въ разстройство“.

„Артиллерія не могла оставаться на позиціи, неся громадныя потери; въ 1-й батареѣ 45-й артиллерійской бригады была перебита большая часть лошадей, выбыла изъ строя почти вся прислуга, а изъ офицеровъ остался невредимымъ только штабсъ-капитанъ Брылкинъ. Когда батареѣ было приказано отступать, то 2 орудія и 3 зарядныхъ ящика были вывезены на рукахъ 15-ю ротою Александропольскаго полка подъ командою прапорщика Горчакова, вступившаго въ командованіе ротою за раненіемъ капитана Дмитріева“.

„Вступившій въ командованіе отрядомъ генеральнаго штаба капитанъ Баумгартенъ, находя, по причинѣ убыли въ лошадяхъ, отсутствія офицеровъ и оказавшагося недостатка боевыхъ припасовъ, положеніе отряда весьма тяжелымъ, обратился къ генералъ-лейтенанту Биргеру и къ полковнику Лешу съ просьбою поддержать его пѣхотой, а также прислать патроновъ и перевязочныхъ матеріаловъ“.

„Не получая просимыхъ подкрѣпленій, капитанъ Баумгартенъ въ 1 часъ дня рѣшилъ очистить д. Падязу и вслѣдствіе приказанія Главнокомандующаго, переданнаго черезъ генералъ-лейтенанта Гернгросса, сталъ отводить свои войска къ д. Санканцза съ тѣмъ, чтобы хотя отчасти привести ихъ въ порядокъ. Къ этой деревнѣ собрались остатки маршевыхъ баталіоновъ, двухъ баталіоновъ Александропольскаго полка, изъ которыхъ былъ сформированъ одинъ сводный баталіонъ, и баталіонъ Ахалцыхскаго полка, переформированный въ одну роту. Кромѣ того прибыли 10 орудій 45-й артиллерійской бригады, но за убылью лошадей пришлось бросить на позиціи 8 заднихъ ходовъ зарядныхъ ящиковъ“.

„Для принятія войскъ, отступавшихъ изъ деревни Падяза, какъ упомянуто выше, генералъ-маіоромъ Соллогубомъ былъ высланъ баталіонъ Волховскаго полка“.

„Деревня Падяза первоначально была лишь слабо занята японцами, выставившими на южной ея окраинѣ передовые посты, а потому, казалось, представлялся удобный случай взять ее обратно, но Главнокомандующій, считая очевидно, что овладѣніе ею потребуетъ большихъ жертвъ, какъ уже упомянуто выше, отдалъ категорическое приказаніе: „не дѣлать попытокъ къ возврату деревни“.

„Такъ Падяза оказалась потерянною и лѣвый флангъ отряда генерала фонъ-деръ-Лауница отодвинутымъ назадъ къ д. Тахентунь“ [1]).

Этотъ успѣхъ и оттяжка нашего лѣваго фланга дали возможность японцамъ въ ночь, на 24-е февраля, атаковать д. Сантайцзы.

„Около часа ночи, на 24-е число, японцы, обстрѣлявъ предварительно д. Сантайцзы, въ значительныхъ силахъ начали насѣдать на лѣвый флангъ Модлинскаго полка, на которомъ находились 13-я и 16-я роты. Ротамъ этимъ, поддержаннымъ 10-ю, удалось отбить противника. Но въ это время 8-я и 12-я роты Александропольскаго полка, находившіяся въ центрѣ, оказались вынужденными очистить свои окопы впереди деревни, и японцы, ворвавшись въ ея середину, распространились по дворамъ ближайшихъ фанзъ и начали обстрѣливать деревню въ разныхъ направленіяхъ. Въ 3 часа 20 минутъ ночи командиромъ Модлинскаго полка было получено приказаніе генералъ-лейтенанта Биргера выбить японцевъ изъ фанзъ и окоповъ, занятыхъ ими. 3-я рота Модлинцевъ и 14-я Волынцевъ были направлены въ охватъ, 4-я и 9-я Модлинцевъ для удара съ фронта, а 1-я—оставлена въ резервѣ“ [2]).

Участникъ Мукденскихъ боевъ В. Ѳ. Новицкій такъ описываетъ этотъ ночной бой:

„Когда я пріѣхалъ въ штабъ сѣвернаго отряда, жестокій бой кипѣлъ въ д. Сантайцзы. По дорогѣ мимо Императорскаго лѣса тянулись непрерывныя вереницы носилокъ съ ранеными, и стоны глухіе, сдавленные стоны несчастныхъ доносились до моего слуха. У сѣверной опушки лѣса лежали темными, неподвижными массами наши резервы, ожидавшіе очереди двинуться на поддержку. Вокругъ кумирни, гдѣ располагался генералъ

---

[1]) Воен.-Истор. Комис., т. V, ч. 2, стр. 10.

[2]) Тамъ же, стр. 66.

Лауницъ со штабомъ, непріятельскія пули съ рѣзкимъ свистомъ пронизывали мракъ, летѣли куда то дальше, къ чернымъ соснамъ Императорскаго лѣса“.

„Начальникъ штаба генералъ Эйхгольцъ сообщилъ мнѣ, что японцы неожиданно напали на деревню и съ налета часть ея заняли. Нашимъ было приказано очистить деревню отъ непріятеля. Въ то время, когда мы разговаривали, въ дверяхъ тускло освѣщенной кумирни внезапно изъ мрака обрисовалась фигура всадника на взмыленной усталой лошади. Сидѣвшій на конѣ офицеръ, сильно перегнувшись туловищемъ къ открытой двери, голосомъ, въ которомъ слышалось отчаяніе и слезы, крикнулъ начальнику отряда, находившемуся въ фанзѣ:—„Выше Высокопревосходительство, четвертый разъ выбиваютъ изъ деревни этихъ мерзавцевъ, и опять лѣзутъ; Бога ради, дайте мнѣ подкрѣпленіе“... Это былъ командующій Модлинскимъ полкомъ, выбивавшимъ непріятеля изъ селенія. Начальникъ отряда приказалъ двумъ ротамъ изъ резерва идти на поддержку Модлинцамъ. Тихо поднялись темныя массы людей, лежавшихъ неподвижно подъ соснами, осторожно звякнули штыками разбираемыхъ ружейныхъ козелъ и, громыхая котелками, тяжело ступая по грядкамъ гаоляноваго поля, быстро направились къ деревнѣ, гдѣ спустя нѣсколько минутъ исчезли въ водоворотѣ ужасной ночной бойни.

Въ эту ночь японцы, несмотря на наши отчаянныя усилія, удержали въ своихъ рукахъ нѣсколько крѣпкихъ фанзъ на окраинѣ д. Сантайцза и сохранили ихъ за собой до конца Мукденскихъ боевъ“.

„Къ утру слѣдующаго дня, пользуясь темнотой, они привели эти фанзы въ оборонительное состояніе и установили въ нихъ пулеметы. И во время боевъ 24—25-го февраля эти фанзы доставили нашимъ войскамъ, оборонявшимъ деревню, очень много тяжелыхъ минутъ [1]).

Въ подробностяхъ бой разыгрался такъ:

„Когда 3-я рота начала обходить деревню съ востока, японцы, занимавшіе окопъ, бросивъ его, бѣжали въ фанзы, откуда стали ее обстрѣливать. Пользуясь этимъ, 4-я рота бросилась на „ура“, но, не дойдя шаговъ 20 до фанзъ, за убылью всѣхъ офицеровъ и большинства нижнихъ чиновъ, повернула обратно;

---

[1]) В. Ѳ. Новицкій. Февральскіе дни подъ Мукденомъ, стр. 41.

всего въ ротѣ послѣ атаки осталось 32 человѣка. Въ то же время 3-я рота, замѣтивъ японскія цѣпи, наступавшія изъ деревни Тхэнитунь, остановилась и, занявъ окопъ, открыла огонь по наступающимъ. Но вскорѣ японцами были подвезены 2 пулемета, открывшіе настолько дѣйствительный огонь, что рота въ теченіе нѣсколькихъ минутъ потеряла всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, послѣ чего въ командованіе вступилъ раненый ефрейторъ, упорно державшійся въ окопѣ, до тѣхъ поръ, пока не получилъ приказаніе отойти. Вскорѣ послѣ этого 9-я рота и подошедшая часть 5-й роты пытались снова выбить японцевъ но, понеся большія потери, принуждены были отступить".

„Въ концѣ концовъ противникъ завладѣлъ въ сѣверо-восточномъ углу обширной деревни нѣсколькими фанзами, обнесенными крѣпкими глинобитными стѣнками, и втащилъ въ нихъ пулеметы. Войсками, занимавшими Сантайцзу до утра, было произведено нѣсколько попытокъ выбить засѣвшихъ японцевъ, но всѣ усилія разновременно направленныхъ съ этою цѣлью ротъ Модлинскаго, Александропольскаго и Волынскаго полковъ оказались тщетными и стоили значительныхъ потерь".

„Между тѣмъ, противникъ, отбитый отъ западнаго участка д. Сантайцзы, отошелъ всего на нѣсколько сотъ шаговъ и продолжалъ поддерживать ружейный огонь, къ которому на разсвѣтѣ присоединился и артиллерійскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, японская пѣхота вновь перешла въ наступленіе, но была отбита огнемъ 5 ротъ Александропольскаго полка, занимавшихъ правый участокъ деревни, и 8 ротъ Модлинскаго, оборонявшихъ лѣвую ея половину. Одновременно съ попытками овладѣть д. Сантайцзы, японцы старались также прорваться между этою деревнею и Тахэнтунемъ" [1]).

Въ десятомъ часу утра японцы отхлынули отъ центра и лѣваго участка позиціи и наши войска заняли прежнее положеніе, но фанзы въ сѣверо-восточномъ углу д. Сантайцзы попрежнему остались занятыми японцами. На эти фанзы нѣсколько разъ ходили въ атаку роты Волынскаго, Мокшанскаго полковъ и своднаго баталіона 4-го Сибирскаго корпуса, но, вслѣдствіе пулеметнаго огня, атаки не удались и наши роты отступили съ значительными потерями. Японцевъ, засѣвшихъ въ фанзахъ, было не болѣе 200—300 человѣкъ. Эти фанзы обстрѣливались и ар-

---

[1]) Воен.-Истор. Комисс., т. V, ч. 2, стр. 66.

тиллерійскимъ огнемъ, но безуспѣшно: шрапнель, поставленная на ударъ была безсильна противъ глинобитныхъ построекъ; кромѣ того, артиллеріи приходилось дѣйствовать очень осторожно, дабы не нанести случайныхъ пораженій своимъ же войскамъ, занимавшимъ другія части д. Сантайцзы, поставить же орудіе на болѣе близкую дистанцію по мѣстнымъ условіямъ не было возможности.

„Отсутствіе единства въ составѣ сводныхъ частей, направленныхъ для овладѣнія фанзами, не допускавшее строго правильнаго и дѣйствительнаго руководства ими, можно думать, было причиной тому, что боевая дѣятельность этихъ частей не выразилась благопріятными для дѣла результатами“, говоритъ г.-л. Биргеръ въ описаніи боя, веденнаго съ цѣлью выбить японцевъ изъ занятыхъ ими фанзъ.

Хотя попытка японцевъ овладѣть д. Сантайцзы въ сущности не удалась, ибо захватъ ими 2—3 фанзъ не имѣлъ особо важнаго значенія, но одновременно съ этимъ обнаружилось сосредоточеніе ихъ силъ противъ промежутка Сантайцзы—Тахетунь съ угрозою прорыва здѣсь нашего расположенія. Кромѣ того, противникъ продолжалъ усиленно обстрѣливать д.д. Сантайцзы и Кунцзятунь, а его цѣпи, залегшія въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нашей позиціи, были на готовѣ начать новое наступленіе“ [1]).

„Въ д. Кунцзятунь ночное нападеніе японцевъ окончилось для насъ благополучно. Здѣсь, на одномъ изъ участковъ позицій, наши войска дрогнули и отхлынули въ деревню, но были быстро успокоены и возвращены обратно храбрымъ и энергичнымъ командиромъ Ахалцыхскаго полка, полковникомъ Гавриловымъ.

Послѣ этого, Ахалцыхцы, поддержанные баталіономъ Волынцевъ, отбили нападеніе непріятеля“ [2]).

„Необходимость собрать новыя силы еще сѣвернѣе отряда ген. фонъ-деръ-Лауница выяснилась уже 22-го февраля. При быстромъ сборѣ значительныхъ силъ въ раіонѣ Цуэртунь—Кусантунь Главнокомандующій надѣялся обезпечить сообщенія, и при дружномъ, совмѣстно съ войсками ген. фонъ-деръ-Лауница переходѣ въ наступленіе въ охватъ арміи Ноги — нанести послѣдней пораженіе. Японцы также были сильно утомлены, потрясены

---

[1]) Воен.-Истор. Комис., т. V, ч. 2, стр. 68.

[2]) Февральскіе дни подъ Мукденомъ. В. Ѳ. Новицкій, стр. 41.

большими потерями, перепутались и оторвались отъ своихъ сообщеній“.

„Новый отрядъ ген.-лейт. Мылова, VIII корпусъ котораго съ самаго начала сраженія разбился на части, составлялся изъ резервовъ, которые командующій собралъ изъ состава II-й и III-й арміи, и достигъ силы 23 баталіоновъ и 80 орудій. Вслѣдствіе настояній ген.-лейт. Гершельмана, 24 февраля отрядъ, внѣ связи съ войсками ген. фонъ-деръ-Лауница, приступилъ къ выполненію своей задачи—продвиженію впередъ нашего праваго фланга на линію Кусантунь-Тхэнитунь-Сантайцзы. Этотъ маневръ оказался повтореніемъ—лишь нѣсколько болѣе искуснымъ — нашего перехода въ наступленіе 21 февраля: опять вся II-я армія бездѣйствовала, а небольшой отрядъ, вытянувшійся почти перпендикулярно къ общему фронту, атаковалъ противника“ [1]).

Г.-л. Мыловъ рѣшилъ атаковать Тхэнитунь съ сѣвера и востока. Оровайскій полкъ былъ направленъ изъ с. Цуэртунь на д. Тунчандза и оттуда на югъ, охватывая Тхэнитунь съ запада и имѣя за собою баталіонъ Тобольскаго полка.

Съ востока на Тхэнитунь направлялись 4-й баталіонъ Томцевъ и 1-й баталіонъ Омцевъ. 2 баталіона Томцевъ, расположенные въ дер. Кусантунь и Сесинтунь, получили приказаніе прикрывать наступленіе съ запада, со стороны д. Госитунь. Три батареи выдвинулись къ кургану, къ западу отъ Цуэртуня, двѣ— къ д. Сяогоуза.

Елецкій полкъ сталъ у рощи, южнѣе д. Цуэртунь, а 1 баталіонъ Инсарцевъ былъ переведенъ въ д. Фандятунь для связи съ отрядомъ ген. Домбровскаго.

„Солнечная, тихая и относительно теплая погода, стоявшая до 24 февраля, съ утра этого дня рѣзко измѣнилась; подулъ сильнѣйшій вѣтеръ, продолжавшійся до наступленія темноты. Направленіе вѣтра мѣнялось, но господствующими были западное и южное, т. е. въ лицо нашимъ войскамъ; сила его въ равнинной части поля сраженія, къ западу отъ желѣзной дороги, достигала степени бури“.

„Вѣтромъ этимъ поднимались тучи мельчайшей лесовой пыли, скрывавшія по временамъ солнце и мѣшавшія что-либо видѣть на разстояніи 5—10 шаговъ. Для того, чтобы оріентироваться

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 372.

и осмотрѣться, приходилось пользоваться тѣми рѣдкими минутами, когда вѣтеръ хотя нѣсколько стихалъ“ [1]).

Въ 10 ч. 20 м. утра батареи начали подготовку атаки, а Елецкій полкъ былъ придвинутъ къ желѣзной дорогѣ.

Въ 11 часовъ утра Омцы и Томцы лихо двинулись впередъ и штыками выбили японцевъ изъ двухъ рядовъ окоповъ. Поднявшійся въ это время сильный вихрь временно пріостановилъ дальнѣйшее наступленіе.

„Между тѣмъ, генералъ Гершельманъ направилъ Елецкій полкъ вслѣдъ за первою линіей, приказавъ 2-му баталіону удлинить лѣвый флангъ Омцевъ“.

„Около 1 часа дня роты Елецкаго полка заняли оврагъ, изъ котораго были выбиты японцы, но огню этихъ ротъ мѣшала пыль, совершенно заслонявшая горизонтъ. Эта же пыль мѣшала дѣйствіямъ артиллеріи, такъ какъ ни д. Тхэнитунь, ни рощи около нея не было видно“.

„Когда боевая часть нѣсколько устроилась, она снова двинулась впередъ; японцы не выдержали и, бросивъ орудія и пулеметы, начали отходить. Трофеи эти были захвачены Томцами, на помощь которымъ была выслана конно-охотничья команда Орловскаго полка, но вывести удалось только одинъ пулеметъ“.

Части Томскаго и Омскаго полковъ понесли во время наступленія большія потери, особенно въ офицерахъ, а въ патронахъ начиналъ ощущаться недостатокъ.

„Вслѣдствіе этого полковникъ Борисовъ оказался вынужденнымъ снова пріостановить наступленіе и послать генералъ-лейтенанту Гершельману просьбу о подкрѣпленіи. Въ это же время непріятель усилился и самъ двинулся впередъ; цѣпи Томскаго и Омскаго полковъ, подошедшія къ Тхэнитуню на разстояніи до одной вер., около 1 часу дня оказались вынужденными отойти шаговъ на 600 назадъ къ своимъ поддержкамъ“.

„Въ 1 ч. 25 минутъ дня въ боевую линію прибылъ генералъ-лейтенантъ Гершельманъ и приказалъ частямъ Томскаго и Елецкаго полковъ занять позицію передъ оврагомъ и выждать результата артиллерійской подготовки; его же распоряженіемъ были пополнены и патроны“ [2]).

Одновременно съ нашею атакою на Тхэнитунь японцы сами

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 47.
[2]) Тамъ-же, стр. 56—57.

перешли въ наступленіе на с. Унгентунь, занимавшееся войсками генерала ф.-д.-Лауница (къ югу отъ отряда г. Мылова). Однако наступавшій сѣвернѣе ихъ Томскій полкъ взялъ ихъ во флангъ, что произвело у нихъ смятеніе, какъ описываетъ это участникъ боя.

„Неожиданное появленіе нашихъ цѣпей, бравшихъ во флангъ японскую пѣхоту, собиравшуюся въ котловинѣ передъ деревней, производило смятеніе въ рядахъ непріятеля; съ нашихъ позицій было видно, какъ японцы начали метаться подъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ, ведя безпорядочную стрѣльбу то въ одну, то въ другую сторону. Наши роты Кромскаго и Волынскаго полковъ, воспользовались этой минутой и ударили въ штыки на растерявшагося противника. Японцы дрогнули и, бросая ружья, патроны и снаряженіе, побѣжали къ западу. Но не всѣмъ изъ нихъ удалось спастись бѣгствомъ. Дно и бока котловины, а также вокругъ лежащее поле, были усѣяны японскими трупами; человѣкъ сорокъ, частью раненыхъ, частью здоровыхъ, были захвачены нами въ плѣнъ и доставлены на разъѣздъ, откуда комендантъ отправлялъ ихъ на сѣверъ. Въ ожиданіи своего отправленія плѣнные сидѣли возлѣ желѣзнодорожной казармы, въ неглубокомъ рву, окруженные нашимъ конвоемъ. Усталые, изнуренные, покрытые толстымъ слоемъ желтой маньчжурской пыли, они безучастно глядѣли на все происходившее вокругъ и жадно грызли черствые сухари, которыми ихъ снабжали наши солдаты. Раненыхъ отнесли на перевязочный пунктъ, расположившійся тутъ же рядомъ“ [1]).

Этотъ славный эпизодъ вновь подтверждаетъ, что несмотря на начавшееся отступленіе и полную импровизированность отряда Мылова—духъ войскъ былъ все еще незыблемо крѣпокъ и, несмотря на всѣ тяжкія испытанія, войска могли драться безъ отказа.

„Одновременно съ Томскимъ и Омскимъ баталіонами, Оровайскій полкъ былъ назначенъ для наступленія на д. Тхэнитунь съ сѣвера; полкъ около $11^1/_2$ часовъ утра подошелъ къ д. Кусантунь и, развернувшись въ боевой порядокъ, двинулся на югъ мимо д. Госитунь. Едва полковой резервъ поравнялся съ послѣднею деревнею, какъ японцы открыли оттуда сильнѣйшій пачечный огонь съ близкихъ дистанцій; въ нѣсколько минутъ изъ строя выбыли командиръ полка, 10 офицеровъ и до 600 нижнихъ чиновъ. Одна рота полка завернула плечемъ и завязала пере-

---

[1]) В. Ѳ. Новицкій, стр. 49.

стрѣлку. 3 роты Томскаго полка, расположенныя въ д. Кусантунь, поддержали Оровайцевъ, но, несмотря на это, полкъ остановился, перемѣнилъ фронтъ на западъ, и залегъ“ [1]).

А пыльная буря продолжалась съ прежнею силою.

„Не было видно не только передвиженія войскъ, но даже и самыхъ ближайшихъ окрестностей; донесенія запаздывали, такъ какъ посылаемые были лишены возможности быстро двигаться и оріентироваться среди тучъ пыли, висѣвшей въ воздухѣ подобно густому, непроницаемому туману“.

„Несмотря на такое состояніе погоды, Главнокомандующій, переѣхавшій около 1 часа дня изъ д. Сягоуза въ д. Фандятунь, получивъ донесеніе о неудачѣ атаки Тхэнитуня, приказалъ ее повторить“ [2]).

„Противникъ встрѣтилъ наступающихъ съ фронта сильнѣйшимъ орудійнымъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ и фланговымъ со стороны Госитуня“.

Ротамъ 2-го баталіона Елецкаго полка пришлось вести атаку на рощу, въ которой находились на позиціи японская батарея и пулеметы, поражавшіе наступающихъ сильнѣйшимъ огнемъ съ самыхъ близкихъ дистанцій. Когда деревня была близко, роты 2-го баталіона, поддержанныя ротами 1-го, стремительно бросились на деревню, а 7-ая рота съ крикомъ „ура“ во главѣ со своимъ ротнымъ командиромъ, подпоручикомъ Корольковымъ, кинулась на японскую батарею. Уничтоживъ большую часть прислуги и прикрытія, она овладѣла двумя орудіями и двумя пулеметами, изъ коихъ одинъ, очевидно, былъ совершенно изломанъ и разбитъ японцами. Когда рота, достигнувъ батареи, стала вытаскивать орудія, японцы повели контръ-атаку, вслѣдствіе чего, а также потому, что Белебеевцы нѣсколько задерживались, было взято только два орудія и пулеметъ. Ротѣ, понесшей значительныя потери, подъ сильнѣйшимъ огнемъ пришлось слишкомъ тяжело и не по силамъ справляться съ орудіями. Поэтому, дотащивъ орудія къ расположенію Белебеевцевъ, подпоручикъ Корольковъ просилъ первую встрѣтившуюся часть помочь вывести 1 орудіе, на что Белебеевцы согласились и орудіе приняли. Другое орудіе было вывезено 7-ю ротою и поставлено съ карауломъ у кургана, что близъ д. Цуэртунь.

---

[1]) Воен.-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 57.
[2]) Тамъ-же, стр. 58.

„Орудіе, взятое 7-й ротой Елецкаго полка и вывезенное Белебеевцами, было отправлено въ Тѣлинъ“.

„Оставшіяся на позиціи 4 японскія орудія во время контръ-атаки противника имъ же были увезены“.

„Между тѣмъ, на правомъ флангѣ баталіоны полковника Борисова подвергались сильному орудійному огню, особенно со стороны д. Госитунь, откуда 2 японскихъ орудія обстрѣливали ихъ продольно; въ Омскомъ баталіонѣ всѣ офицеры выбыли изъ строя, патроны были израсходованы, а со стороны противника огонь усилился; наступавшая темнота не давала возможности оріентироваться даже въ томъ, гдѣ именно находится Тхэнитунь; нижніе чины перемѣшались, управлять боемъ стало невозможно; кромѣ того, распространился слухъ о занятіи противникомъ д. Кусантунь“.

При такихъ обстоятельствахъ полковникъ Борисовъ не нашелъ возможнымъ продолжать атаку и послалъ генералу Гершельману просьбу о подкрѣпленіи. Послѣдній приказалъ собрать отрядъ, намѣреваясь на слѣдующій день повторить атаку“.

„Тѣмъ временемъ Белебеевцы и Волынцы, направленные съ юга со стороны Кунцзятуня, продолжали безостановочное наступленіе несмотря на сильный огонь противника со стороны Тхэнитуня. Подойдя шаговъ на 300—400 къ деревнѣ, роты Белебеевскаго полка открыли огонь, а затѣмъ, замѣтивъ отходъ нѣкоторыхъ японскихъ частей, бросились въ атаку и оттѣснили противника къ деревнѣ. Послѣ этого полковникъ Воробьевъ, не видя передъ собой непріятеля и сосѣднихъ войскъ, отвелъ Белебеевцевъ и баталіонъ Волынскаго полка къ д. Кунцзятунь, гдѣ части эти поступили подъ начальство полковника Гаврилова, занявшаго ими промежутокъ между д.д. Кунцзятунь и Унгентунь“.

„Въ седьмомъ часу вечера бой кончился. Не смотря на неудачу атаки д. Тхэнитунь, она задержала движеніе японцевъ и дала возможность пользоваться какъ желѣзною дорогою, такъ и обоими путями по бокамъ ея. 1-я японская дивизія, въ особенности одна изъ ея бригадъ, понесла весьма тяжелыя потери“.

„Въ упорномъ бою 24 февраля подъ Тхэнитунемъ войска проявили высокую доблесть и мужество какъ во время энергичнаго перехода въ наступленіе, такъ и въ штыковомъ бою въ оврагѣ. Неожиданная для японцевъ контръ-атака нарушила ихъ разсчеты достигнуть 24 числа желѣзной дороги“.

„Однако, атаку, веденную частями четырехъ разныхъ пол-

ковъ занимавшихъ углы четыреугольника, средина котораго служила полемъ сраженія, и дѣйствовавшихъ безъ надлежащаго согласованія, къ сожалѣнію, не удалось довести до конца“ [1]).

„Во исполненіе приказанія Главнокомандующаго о томъ, чтобы г. Мукденъ и ближайшія его окрестности были очищены отъ обозовъ и всего того, что можетъ стѣснять маневрированіе войскъ, Начальникомъ Штаба II арміи генералъ-лейтенантомъ Рузскимъ въ 11 час. 30 мин. утра 24 февраля было отдано приказаніе, въ которомъ указывалось на необходимость очистить Мукденъ отъ обозовъ и транспортовъ и обезпечить людей и лошадей довольствіемъ, носимымъ на себѣ въ возможно большей пропорціи, дней на 5—6, за счетъ всего иного носимаго, за исключеніемъ лишь боевого снаряженія, оружія, патроновъ и шанцеваго инструмента“.

„Приказаніе это не указывало, по какимъ дорогамъ должны были двигаться обозы, и потому вызвало со стороны начальниковъ отрядовъ, входившихъ въ составъ арміи, запросы, въ отвѣтъ на которые генералъ-лейтенантъ Рузскій въ 6 часовъ 30 минутъ вечера разослалъ дополнительныя указанія въ видѣ циркулярной записки“.

„Указанія эти были получены войсками только въ ночь на 25 число. Такимъ образомъ, только тогда могло начаться движеніе обозовъ на сѣверъ“ [2]).

Какъ будетъ видно ниже, затяжка распоряженій объ уборкѣ обозовъ имѣла самые печальные результаты, такъ какъ обозы въ концѣ концовъ сосредоточились на Мандаринской дорогѣ, путались среди войскъ и страшно задерживали движеніе.

Пока описанные бои и событія разыгрывались въ раіонѣ къ сѣверо-западу и къ сѣверу отъ Мукдена, въ отрядѣ генерала Церпицкаго, примыкавшемъ лѣвымъ флангомъ къ р. Хуньхэ, въ раіонѣ между дорогою Чансынтунь—Мукденъ и р. Хуньхэ, происходили упорнѣйшіе бои:

„Около 7, 10 и 11 час. вечера 23 числа, въ 1 час. и около 2 час. ночи на 24 число, японцы пытались атаковать позиціи г.-м. Петрова, направляя главный ударъ на д. Сатхоза и смежное съ нею расположеніе 7-го стрѣлковаго полка“.

„Атаками этими лично руководилъ г.-м. Мараяма, направив-

---

[1]) Военно-Ист. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 60—61.
[2]) Тамъ же, стр. 61—62.

шій 42-й пѣхотный полкъ съ фронта, со стороны Таюшупу, а 41-й отъ Мадяпу, предполагая, что ему удастся охватить русскую позицію съ юга. На самомъ дѣлѣ, такъ какъ фронтъ позиціи былъ загнутъ, то ударъ этого полка также вышелъ фронтальнымъ".

„Японцы передъ каждой атакой забрасывали позицію артиллерійскими снарядами, потомъ внезапно переносили артиллерійскій огонь на тылъ и одновременно открывали частый ружейный огонь, послѣ котораго бросались впередъ. Мѣстами они доходили почти вплотную, но каждый разъ были отбиваемы ружейнымъ огнемъ. Со стороны обороняющихся огонь былъ настолько частый, что едва успѣвали подвозить и подносить патроны. Люди были въ высшей степени истомлены предыдущими боями, а между тѣмъ одновременно съ отбиваніемъ атакъ приходилось продолжать укрѣпленія позиціи".

„Сосѣднія части Житомирскаго и Бузулукскаго полковъ со своихъ позицій у Кыгуантуня также приняли участіе въ отбитіи японскихъ атакъ, обстрѣливая наступавшія колонны противника во флангъ. Послѣ 2 часовъ ночи огонь противника сталъ слабѣе и можно было возобновить работы по укрѣпленію позиціи".

„Работы эти, вслѣдствіе изнуренія людей и промерзлости почвы, шли весьма неуспѣшно; почти всѣ нижніе чины въ полномъ изнеможеніи лежали на землѣ и спали крѣпкимъ сномъ; невѣроятныхъ усилій стоило заставлять этихъ людей работать: насталъ такой моментъ, когда ни близость противника, ни его огонь не служили больше побудительной причиной для бодрствованія".

„Около 3 час. утра японцы возобновили наступленіе на позицію у д. Сатхозы, но снова, хотя и съ трудомъ, были отбиты. Затѣмъ до разсвѣта наступило нѣкоторое затишье, послѣ котораго началось сильнѣйшее обстрѣливаніе позицій артиллерійскимъ огнемъ; находившіеся на нихъ 2 пулемета были подбиты, у остальныхъ четырехъ прислуга была выведена изъ строя. Потери въ офицерскомъ составѣ были очень велики и въ 7-мъ и 8-мъ стрѣлк. полкахъ оставалось по три офицера въ каждомъ. Резервы были израсходованы почти цѣликомъ и не тронутою осталась только одна рота" [1]).

„Въ $8^{3}/_{4}$ час. утра японцы вновь массами кинулись на д. Сатхоза".

---

1) Военн.-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 75.

16

„Въ общемъ, всѣ попытки японцевъ овладѣть позиціями г.-м. Петрова, потерпѣли полную неудачу и стоили имъ громадныхъ потерь“.

„Большая часть людей 42-го японскаго полка, атаковавшаго съ фронта, была убита или ранена“.

„Убитые и тяжело раненные лежали на мѣстахъ остановокъ цѣпей и вдоль всего того пространства, по которому они перебѣгали. Изъ всего полка осталось только двѣ роты, въ одной изъ которыхъ было 51 человѣкъ убитыхъ“.

„Такія же приблизительно потери понесъ и 41-й полкъ“.

„Силы пятой дивизіи были истощены въ конецъ и части ея остались лежать на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ застала пыльная буря, разразившаяся съ особенною силою около 10 часовъ утра“.

„Дѣйствія 2-й японской арміи, такъ сказать, прекратились“ [1]).

„На фронтѣ III-ей арміи въ теченіи 24-го числа дѣло ограничивалось лишь перестрѣлкой и японцы активную дѣятельность проявили лишь на фронтѣ VI-го Сиб. корпуса, гдѣ впрочемъ къ вечеру мы заставили ихъ отойти назадъ“.

„Въ I-й Маньчжурской арміи въ день 24-го февраля произошло событіе, нарушившее всѣ наши разсчеты на благополучную оборону позицій по р. Хуньхэ и имѣвшее самое трагическое вліяніе на исходъ всей операціи“.

„Когда было получено приказаніе Главнокомандующаго о выдѣленіи частей I-й арміи для противодѣйствія обходу арміи Ноги, еще сѣвернѣе отряда ген. ф.-д.-Лауница, генералъ Линевичъ рѣшилъ этотъ вопросъ назначеніемъ подкрѣпленій со всего фронта, съ ослабленіемъ каждаго корпуса“.

„Кромѣ того, еще 23-го февраля въ 5 ч. дня командиръ 4-го Сиб. корпуса генералъ Зарубаевъ получилъ приказаніе вступить въ командованіе сводным корпусомъ, собираемымъ въ раіонѣ Тава-Пухэ, къ сѣверу отъ Мукдена. Командованіе силами 4-го Сиб. корпуса перешло отъ извѣстнаго уже своей боевой работой ген. Зарубаева—къ генералу Левестаму. Весь штабъ корпуса ушелъ вмѣстѣ съ Зарубаевымъ на сѣверъ“.

„При отходѣ къ Хуньхэ части I арміи могли бы выдѣлить, для образованія новой группы къ сѣверу отъ отряда ген. Мылова ближайшій I-й армейскій корпусъ, стянувъ остальныя части на участкѣ до Фушуна. Съ арміей Кавамуры, совершенно истощенной

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 76.

и неимѣвшей готоваго для продолжительнаго наступленія тыла, можно было уже не считаться. Рѣшеніе назрѣвало, и кружные пути теряли значеніе".

„Однако, при отходѣ къ р. Хуньхэ нѣкоторыя части I арміи получили даже уклоненіе къ сѣверо-востоку. Подкрѣпленія на западъ были направлены со всего фронта, что повсюду разстроило налаженный боевой порядокъ. I-й армейскій корпусъ выдѣлилъ отрядъ г.-м. Флейшера — 12 батал., 32 ор.; 4-й Сиб. корпусъ, Иркутскій и часть Тобольскаго полковъ, всего 6 батал. и 32 ор.; 2-й Сиб. корпусъ выдѣлилъ 10 батал. и 16 ор. ген.-м. Морозова, а 3-й Сиб. — часть 72 дивизіи — бывшій резервъ Главнокомандующаго, который былъ оттянутъ вспомогательной атакой Куроки на Гаотулинскій перевалъ и тамъ былъ задержанъ даже по миновaніи надобности—всего 6 бат. и 32 ор. г.-м. Раткевича. Эти 37 батал. и 112 ор. должны были образовать сводный корпусъ ген. Зарубаева, который выдвигался къ западу отъ станціи Хушитай, продолжая такимъ образомъ фронтъ г. Мылова и угрожая уже тылу арміи генерала Ноги".

„23-го февраля, послѣ ночного перехода, части I-й арміи начали прибывать къ р. Хуньхэ. Оставшіяся части I-го армейскаго и 4-го Сиб. корпусовъ были объединены подъ начальствомъ ген.-ад. бар. Мейендорфа и обороняли участокъ отъ Мучана до д. Таинтунь. Оставшіяся части II-го Сиб. корпуса обороняли участокъ далѣе къ востоку до д. Тита. Еще далѣе располагался 3-й Сиб. корпусъ и части ген.-лейт. Ренненкампфа. Къ 24 февраля утомленныя войска еще не разобрались. Укрѣпленія, хотя и имѣлись, но свѣдѣній о нихъ не было и войска занимали случайно тѣ окопы и редуты, которые имъ попадались".

„Ген.-ад. бар. Мейендорфъ долженъ былъ съ 23 батал. оборонять участокъ протяженіемъ около 18 верстъ; особенно слабымъ являлся лѣвый участокъ ген. Левестама, протяженіемъ около семи верстъ на фронтѣ Тидяфынь—Кіузанъ—Таинтунь. Назначенные сюда батал. Красноярскаго и Царицынскаго полковъ запоздали, и въ распоряженіи ген. Левестама имѣлось всего 22 роты и 3 батареи, причемъ и между ними связь не была еще установлена; 13 ротъ оказались на крайнемъ правомъ флангѣ, и только 9 ротъ растянулись по участку".

„Отступая къ Хуньхэ, мы не воспользовались, какъ то слѣдовало, конницей, для того, чтобы освѣтить направленіе, которое возьмутъ слѣдовавшія за нами силы японцевъ, и для насъ оста-

16*

валось совершенно неизвѣстнымъ, что главная масса арміи Куроки—болѣе двухъ дивизій—направлялась на слабый участокъ ген. Левестама. Въ то же время и армія ген. Нодзу, оставивъ ничтожный заслонъ противъ XVII корпуса, двигалась противъ VI Сиб. корпуса и праваго фланга ген.-ад. бар. Мейендорфа, чтобы прорваться къ западу отъ Мукдена".

„Громадное превосходство въ силахъ, оказавшееся на сторонѣ японской гвардейской дивизіи, гвардейской резервной бригады и части 12-й дивизіи, обрушившихся на 9 разбросанныхъ ротъ ген. Левестама и покровительствуемыхъ песчаной бурей, мѣшавшей артиллерійскому огню, быстро привело къ прорыву нашего фронта. Въ нашемъ распоряженіи оказались ворота, шириной до 12 верстъ, сквозь которые хлынули японцы".

„Положеніе наше являлось далеко не безнадежнымъ, если бы находившіеся въ ближайшемъ раіонѣ частные начальники проявили бы частный починъ: дѣйствительно, прорывъ японцевъ совпадалъ съ прохожденіемъ въ окрестностяхъ Кіузана частей, назначавшихся въ сводный корпусъ ген. Зарубаева. Хвостъ колонны Иркутскаго и Тобольскаго полка только что выходилъ изъ Кіузана. Колонны ген. Морозова и Радкевича проходили въ нѣсколькихъ верстахъ, а послѣдняя даже была обстрѣлена прорвавшимися японцами. Съ востока подходили Красноярцы и Царицынцы, а съ запада ген.-ад. бар. Мейендорфъ могъ двинуть бригаду своего резерва. Прорвавшіяся японскія дивизіи могли быть окружены и уничтожены подавляющими силами, если бы у насъ нашлись здѣсь начальники, сохранившіе еще энергію. На самомъ дѣлѣ, сопротивленіе японцамъ оказалъ только полк. Добрытинъ, задержавшійся 24 съ нѣсколькими ротами Барнаульцевъ, Омцевъ и Иркутцевъ у Хуандягоу, и 25-го оборонявшій высоты у Ленхуанчи, къ востоку отъ с. Пухэ. Въ ночь на 25-е части Куроки располагались всего въ 7 верстахъ отъ участка Мандаринской дороги—Тава-Пухэ, по которому намъ предстояло отступать. Еще возможно было оказать имъ противодѣйствіе, такъ какъ у с.с. Тава и Пухэ ночевала большая часть войскъ, предназначавшихся въ сводный корпусъ ген. Зарубаева; но общее управленіе у насъ окончательно утратилось; ген.-ад. Куропаткинъ не былъ освѣдомленъ о размѣрѣ угрожавшей опасности; слѣдуя буквѣ приказаній, съ утра 25-го февраля подкрѣпленія, выдѣленныя I-й арміей, продолжали движеніе на сѣверо-востокъ, оголяя наши сообщенія".

„Связь между командующимъ I-й арміей и Главнокомандующимъ утратилась. I-я армія, предоставивъ II-й и III-й арміямъ выпутываться изъ тяжелой обстановки собственными силами и не сдѣлавъ попытки ударить на флангъ арміи Куроки, съ успѣхомъ отбила атаку части 2-й дивизіи на Фушунскую позицію и въ порядкѣ начала отступать на сѣверъ къ р. Фаньхэ".

„Еще до полученія извѣстія о прорывѣ японцевъ у Кіузана ген.-ад. Куропаткинъ, находившійся 24-го февраля въ с. Цуэртунь, пришелъ къ заключенію о томъ, что съ усталыми войсками ему не удастся выбить армію Ноги изъ занятаго ею угрожающаго положенія почти въ тылу нашего расположенія, и рѣшилъ отвести арміи къ Тѣлину, чтобы вновь развернуть ихъ въ нормальное положеніе. Въ ночь на 25-е февраля началось отступленіе по узкой полосѣ, остававшейся еще въ нашемъ расположеніи. Вопреки многократнымъ распоряженіямъ Главнокомандующаго, большая часть обозовъ, въ управленіи которыми царствовала анархія, оставалась въ непосредственной близости къ Мукдену и теперь запрудила всѣ дороги. Въ окрестностяхъ Мукдена имѣлись въ различныхъ частяхъ и учрежденіяхъ большіе склады и обозы занимались вывозомъ изъ нихъ имущества, вмѣсто своевременнаго движенія на сѣверъ".

„Армія Куроки уже занимала ту полосу къ востоку отъ Мандаринской дороги, по которой пролегали пути отступленія VI Сиб. корпуса и войскъ ген.-ад. бар. Мейендорфа. Этимъ колоннамъ, подъ давленіемъ японцевъ, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ пришлось принимать къ западу, въ полосу мѣстности между Мандаринской и желѣзной дорогой. Отступленіе осложнялось тѣмъ, что VI Сиб. корпусъ, чрезвычайно неискусно, внѣ связи съ сосѣдями, преждевременно очистилъ свою позицію на Хуньхэ и далъ возможность частямъ арміи Нодзу прорваться между XVII корпусомъ и войсками ген.-ад. бар. Мейендорфа, аріергардъ котораго удерживалъ Фулинскую рощу. Командиръ VI Сиб. корпуса, генералъ Соболевъ, передалъ свои войска въ распоряженіе ген.-ад. бар. Мейендорфа, а самъ покинулъ поле сраженія. Скоро наши войска здѣсь пришли въ полное разстройство, и, смѣшавшись съ обозами, перестали въ большей своей части представлять боевую силу " [1]).

---

[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 373—378.

Участники тяжелыхъ дней отступленія II-й и III-й арміи въ такихъ краскахъ описываютъ эти событія:

„Даже теперь, когда всѣ эти событія отошли въ прошлое и воспоминанія приведены въ нѣкоторый порядокъ, невозможно изобразить хотя бы въ мало-мальски систематическомъ видѣ всего того, что происходило въ этотъ памятный день сѣвернѣе Мукдена. Шумъ и сутолока боя, веденнаго войсками сѣвернаго отряда, прикрывшаго отступленіе II-й и III-й армій, смѣшивались съ шумомъ, производимымъ войсками, отступавшими вдоль желѣзной дороги. Говоръ тысячъ людей, ржанье лошадей, крикъ воловъ, громыханіе артиллерійскихъ орудій и повозокъ, окрики и ругань погонщиковъ,—все это сливалось въ какой-то одуряющій, раздражающій гулъ, въ который рѣзко и властно врывались выстрѣлы нашихъ орудій, стоявшихъ по сторонамъ полотна“ [1]).

---

[1]) В. Ѳ. Новицкій, стр. 49.

Глава IX.

Отступленіе.

Отступленіе къ Тѣлину; прикрытіе отступленія; конецъ операціи.

„Отступленіе частей II и III арміи прикрывалось съ запада отрядами ген. Лауница, Мылова и войсками, предназначавшимися въ сводный корпусъ ген. Зарубаева, послѣдовательно выполнявшими задачу боковыхъ авангардовъ. Армія Ноги въ 2—3 верстахъ отъ желѣзной дороги являлась безсильной зрительницей нашего отступленія; только 4 баталіон. 7-й дивизіи удалось прорваться близъ Сантайцзы въ рощу Императорскихъ могилъ, что доставило намъ много хлопотъ, хотя большая часть ихъ была истреблена, а меньшая заперлась въ кумирняхъ“ [1]).

На фронтѣ, обращенномъ на западъ, противъ арміи Ноги, генералу Артамонову было приказано принять начальство надъ войсками на участкѣ Тунчандза, Сесинтунь, Сяогоуза, удерживая, во что бы то ни стало эти селенія.

„Съ вечера 24 февраля положеніе дѣлъ у д. д. Сесинтунь и Кусантунь приняло неблагопріятный оборотъ.

Въ 5 часовъ вечера японцы начали обстрѣливать обѣ эти деревни сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, а въ 6 часовъ передъ Сесинтунемъ показались густыя ихъ цѣпи, за которыми слѣдовали колонны, наступавшія со стороны Таудятуня“.

„5-я, 6-я и 7-я роты Томскаго полка, занимавшія Сесинтунь подъ начальствомъ подполковника Троицкаго, остановили это наступленіе огнемъ, но японцы не отошли отъ деревни, а залегли, продолжая поддерживать по ней огонь“ [2]).

Въ 7-мъ часу вечера ротамъ приказано было отойти къ желѣзной дорогѣ.

„Очистивъ съ наступленіемъ темноты д. Сесинтунь, роты Томскаго полка къ 11 час. вечера подошли къ д. Сяогоуза, гдѣ

---

[1]) А. Свѣчинъ. Рус.-Япон. война, стр. 378.

[2]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 120.

подполковникъ Троицкій явился г.-м. Артамонову. Японцы немедленно заняли Сесинтунь".

„Оставленіе Сесинтуня повлекло за собою также и очищеніе Кусантуня. Командовавшій находившимися въ этомъ селеніи пятью ротами Томскаго полка подполковникъ Товянскій, получивъ извѣстіе объ очищеніи Сесинтуня, счелъ свое положеніе небезопаснымъ и отошелъ къ д. Тунчандза".

„Въ это время въ командованіе частями 4-го Сибирскаго корпуса, вмѣсто раненаго полковника Борисова, вступилъ полк. Манштейнъ, который, въ виду важнаго значенія д. Кусантунь, приказалъ подполковнику Товянскому занять ее вновь".

„Съ наступленіемъ полной темноты 3 роты 1-го баталіона и 2 роты 3-го баталіона Томскаго полка съ пѣшей охотничьей командой ворвались безъ выстрѣла въ деревню, подожгли ея окраину и, при свѣтѣ пожарища, выбивали противника штыками изъ дворовъ и фанзъ. Частями 2-й и 3-й ротъ была переколота прислуга при двухъ пулеметахъ и самые пулеметы сброшены въ оврагъ сѣвернѣе деревни. Къ 11 час. вечера вся восточная половина деревни была вновь занята, западная же осталась въ рукахъ японцевъ" [1]).

„Положеніе частей Томскаго, Мокшанскаго и Тобольскаго полковъ было до крайности тяжелое. Д.д. Кусантунь и Тунчандза сильно обстрѣливались съ трехъ сторонъ: отъ Гуситуня, Сансяотуня и Тхэнитуня. Японская пѣхота со стороны д. Сесинтунь перешла въ наступленіе на Кусантунь и между 7—8 часами утра Томцы и Мокшанцы принуждены были отступить отъ нея къ д. Тунчандза, по которой, затѣмъ, сосредоточился орудійный огонь противника. Части японской пѣхоты даже ворвались въ западную окраину д. Тунчандза, но подъ огнемъ Томцевъ и Мокшанцевъ не могли удержаться и отступили".

„Къ 9 час. утра 25-го февраля положеніе защитниковъ д. Тунчандза сдѣлалось чрезвычайно труднымъ: двѣ японскія батареи разстрѣливали ихъ съ дистанціи въ 1.500 шаговъ, а цѣпи со стороны Сесинтуня поддерживали убійственный огонь съ фланга и даже тыла".

„Гарнизонъ деревни несъ громадныя потери, и, наконецъ, съ трудомъ отбивъ въ исходѣ 12 час. утра атаку противника, остатки баталіоновъ Мокшанскаго, Тобольскаго и Томскаго полковъ,

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 121.

потерявъ сильно контуженнымъ полковника Побыванца и лишившись руководительства, въ числѣ не болѣе 140 человѣкъ отступили къ д. Сяогоуза. Въ Тобольскомъ баталіонѣ осталось нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ при 3 офицерахъ“ [1]).

„Несмотря на геройское сопротивленіе, удержать Тунчандзу оказалось невозможнымъ“.

„Между тѣмъ, въ Сяогоузу прибылъ Брянскій полкъ, высланный г.-м. Мыловымъ въ поддержку г.-м. Артамонову“ [2]).

„Переходъ д. Тунчандза въ руки противника подвергалъ желѣзную дорогу и пути вдоль нея серьезной опасности, тѣмъ болѣе, что голова II-й арміи къ этому времени еще не показывалась. Кромѣ того, утрата этого селенія не могла не отозваться на положеніи отряда г.-л. Гершельмана, занимавшаго съ Елецкимъ полкомъ и баталіономъ Инсарскаго только оврагъ, тянувшійся отъ него къ Унгентуню. До этого времени японцы обстрѣливали рѣдкимъ фронтальнымъ огнемъ расположенія г.-л. Гершельмана, а также и пространство за желѣзнодорожной насыпью. Занявъ же д. Кусантунь, они открыли продольный огонь по Елецкому полку, и положеніе послѣдняго становилось весьма серьезнымъ. Вслѣдствіе этого, по просьбѣ командира полка на помощь ему былъ направленъ баталіонъ Орловскаго полка, двѣ роты котораго залегли уступомъ за правымъ флангомъ Ельцовъ, а двѣ другія расположились за насыпью желѣзной дороги“.

Тѣмъ временемъ, вслѣдствіе Кіузанскаго прорыва появилась опасность и съ востока, причемъ необходимо было обезпечить армію и съ этой стороны.

„Пока Главнокомандующій принималъ мѣры къ обезпеченію д. Тава, г.-м. Артамоновъ предпринялъ попытку овладѣть д. д. Тунчандзи и Сесинтунь. Съ этою цѣлью онъ, какъ сказано выше, приказалъ подполковнику Троицкому собрать остатки Томскаго полка и вновь занять д. Танчандзу, а г.-м. Лисовскому атаковать Сесинтунь со стороны д. Уаньсудза“.

„Подполковникъ Троицкій собралъ изъ остатковъ баталіоновъ Томскаго, Тобольскаго и Оровайскаго полковъ 4 сводныхъ роты и, поддержанный съ праваго фланга четырьмя ротами Брянскаго полка и пѣшей охотничьей командой Мокшанскаго полка, двинулся къ д. Тунчандза. Пять батарей съ позицій у Сяогоуза

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 122—123.

[2]) Тамъ-же, стр. 123.

и Сяонлюза и три батареи 9-й артиллерійской бригады полковника Слюсаренко отъ Цуэртуня усилили огонь, сосредоточивая его по д. Тунчандзѣ. Особенно удачно дѣйствовалъ дивизіонъ полк. Слюсаренко, не смотря на то, что непріятельскія батареи пристрѣлялись къ нему и засыпали его фугасными снарядами. Почти одновременно съ этимъ г.-м. Лисовскій съ тремя баталіонами Брянскаго полка, 5-й батареей 28-й артиллерійской бригады и 4-й батареей 26 артиллерійской бригады выступилъ изъ д. Сяонлюза на д. Уаньсудза. Это движеніе повело за собой отходъ цѣпей противника, подбиравшихся къ послѣдней деревнѣ съ юга".

„Между тѣмъ, къ противнику прибывали подкрѣпленія; у Сесинтуня, Госитуня и Тхэнитуня снимались новыя его батареи и около полудня д. Цуэртунь стала обстрѣливаться".

„Такъ какъ все новыя цѣпи удлиняли фронтъ противника, то съ цѣлью парализовать непріятельскіе охваты въ боевую линію, послѣдовательно были выдвинуты почти всѣ части, а потому въ резервѣ остались только знаменные взводы Оровайскаго, Мокшанскаго и Брянскаго полковъ. Непрерывный артиллерійскій и ружейный огонь, штыковыя схватки въ передовой линіи, убыль почти всѣхъ офицеровъ, чрезмѣрныя потери въ нижнихъ чинахъ и отсутствіе свѣжихъ частей для поддержки истомленныхъ бойцовъ вызвали такое нервное настроеніе людей, что нѣсколько разъ потребовался личный примѣръ старшихъ начальниковъ, чтобы съ должной энергіей удерживать натискъ непріятеля и вести этотъ тяжелый бой".

„Томцы съ баталіономъ Брянскаго полка приблизились шаговъ на 600 къ д. Тунчандза, но не будучи въ состояніи продвинуться впередъ, залегли здѣсь за китайскими могилами и въ небольшой рощѣ, противодѣйствуя своимъ огнемъ попыткамъ японцевъ дебушировать изъ деревни. Такъ какъ части эти несли очень большія потери и у нихъ чувствовался недостатокъ въ офицерахъ, то г.-м. Артамоновъ обратился къ г.-м. Мылову съ просьбою о подкрѣпленіи, но послѣдній не могъ выдѣлить болѣе двухъ ротъ, такъ какъ въ это время, какъ будетъ видно ниже, противникъ появился также и къ югу отъ Цуэртуня".

„Въ это время на правомъ флангѣ, г.-м. Лисовскій, имѣя 3-й и 4-й баталіоны Брянцевъ въ первой линіи, а 2-й баталіонъ въ резервѣ, пройдя д. Уаньсудзу, сталъ наступать къ Сесинтуню, но, встрѣченный жестокимъ пулеметнымъ огнемъ, былъ вынуж-

денъ остановиться шагахъ въ 800 отъ деревни. Несмотря на это, движенie Брянцевъ нѣсколько облегчило положенie Томцевъ, такъ какъ японцы, перешедшie было въ наступленie, оказались вынужденными отойти къ Сесинтуню".

„Между тѣмъ, въ 4 час. 45 мин. дня къ д. Сяогоуза подошли 14 ротъ Нерчинскаго полка, высланныя туда, какъ будетъ изложено ниже, г.-м. Морозовымъ, и къ батареямъ г.-м. Артамонова стали постепенно пристраиваться батареи 10-й артиллерiйской бригады. Вслѣдствie этого положенie сразу облегчилось и г.-м. Артамоновъ, рѣшивъ снова перейти въ энергичное наступленie, приступилъ къ отдачѣ необходимыхъ распоряженiй. Но въ это время имъ было получено приказанie г.-л. Мылова о томъ, что прикрывать желѣзную дорогу болѣе нѣтъ надобности, а нужно обезпечить отходъ отряда генерала фонъ-деръ-Лауница. Поэтому онъ ограничился сильнымъ артиллерiйскимъ огнемъ и, смѣнивъ истомленную боевую часть, отвелъ ее съ наступленiемъ темноты къ д. Сяогоузѣ" [1]).

„Что касается войскъ г.-л. Гершельмана, то 25 февраля они попрежнему продолжали занимать свою позицiю вдоль оврага, тянущагося отъ Тунчандзы въ южномъ направленiи. Въ 3 часа дня противникъ пытался атаковать правый флангъ Ельцевъ, но былъ отбитъ. Затѣмъ около $5^1/_2$ часовъ г.-л. Гершельманомъ было получено словесное приказанie г.-л. Мылова отходить лѣвымъ флангомъ къ Цуэртуню въ связи съ отступленiемъ войскъ генерала фонъ-деръ-Лауница".

„Вслѣдствie этого роты Елецкаго и Орловскаго полковъ получили приказанie занять позицiю вдоль ручья, протекавшаго южнѣе Цуэртуня, и около 7 час. вечера начали на ней располагаться".

„Такимъ образомъ, къ этому, примѣрно, времени части, сосредоточенныя въ Цуэртуньскомъ раiонѣ, оказались расположенными по дугѣ, одна оконечность которой упиралась въ д. Уаньсудза, а другая почти доходила до д. Танцзыинъ. Фронтъ ихъ былъ обращенъ частью на западъ, а частью на югъ" [2]).

„День склонился къ вечеру, огонь сталъ стихать. Главная масса войскъ II-й армiи отступила за линiю Цуэртуня. Прiѣхавшiй въ 6-мъ часу пополудни къ мѣсту нахожденiя Главнокоман-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссiя, т. V, ч. 2, стр. 126—127.
[2]) Тамъ-же, стр. 128.

дующаго къ югу отъ д. Сяонлюза, раненый г.-л. Церпицкій доложилъ, что весь отрядъ его отошелъ благополучно и въ порядкѣ. (Только 26-го Главнокомандующій узналъ, что докладъ г.-л. Церпицкаго былъ неправиленъ и что арріергардъ ввѣренныхъ его командованію силъ погибъ). Отъ генерала Каульбарса получено было къ этому времени донесеніе о сборѣ имъ войскъ у с. Хузаньтунь. Получено было также донесеніе о движеніи передовыхъ частей отряда генерала Лауница мимо ст. Хушитай и о сборѣ прочихъ частей этого отряда у Унгентуня. Въ 6-мъ часу пополудни стрѣльба по всей линіи начала затихать и къ 6 часамъ пополудни почти прекратилась, и послѣ перерывнаго въ теченіи нѣсколькихъ дней гула выстрѣловъ наступила тишина".

„Эти извѣстія позволяли надѣяться, что тяжелое положеніе корпусовъ II-й арміи миновало".

„При такой обстановкѣ возобновлять бой съ цѣлью овладѣть с. Сесинтунь и Тунчандза уже не представлялось цѣлесообразнымъ. Даже при успѣхѣ, едва занявъ эти селенія, намъ пришлось бы оставлять ихъ. Необходимо было также избѣжать ночного боя съ сильно утомленными войсками".

„Выслушавъ докладъ, что наши передовыя цѣпи отрядовъ генераловъ Артамонова и Радкевича къ 5 час. пополудни находились отъ селеній Сесинтуня и Тунчандзы еще въ 800 шагахъ и горячаго боя не вели, Главнокомандующій послалъ въ исходѣ 6 час. пополудни этимъ отрядамъ приказанія—наступленіе пріостановить, но, оставшись на занятыхъ позиціяхъ, держать противника до наступленія темноты въ ожиданіи атаки" [1]).

„Передъ наступленіемъ темноты Главнокомандующій отбылъ вдоль линіи желѣзной дороги къ ст. Синтайцзы. Вдоль желѣзной дороги тянулись обозы и нижніе чины разныхъ частей; на переправахъ, переѣздахъ черезъ желѣзную дорогу и въ дефилѣ происходило столпленіе и порядокъ движенія нарушился. Отъ станціи Хушитай еще работали поѣзда, перевозившіе раненыхъ и разные запасы. Особенный безпорядокъ царилъ у переправы по желѣзнодорожному мосту верстахъ въ 4-хъ къ сѣверу отъ станціи Хушитай".

„Главнокомандующій, подъѣхавъ туда уже въ темнотѣ и встрѣтивъ находившіеся тутъ и сохранившіе порядокъ три ба-

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 131—132.

таліона Борисовскаго полка, приказалъ командующему полкомъ подп. Георгіу остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока не будутъ переправлены всѣ обозы и парки, охраняя ихъ и оказывая помощь и содѣйствія скорѣйшей переправѣ".

„Къ утру 26 февраля это удалось сдѣлать. На южномъ берегу остались только тѣ повозки, которыя были поломаны и потому не могли продолжать движеніе" [1]).

„Пока въ раіонѣ къ сѣверу отъ Мукдена шли описанные бои въ отрядахъ ген. Мылова, Артамонова и Гершельмана, южнѣе—въ войскахъ генерала фонъ-деръ-Лауница 25-е число прошло не благополучно. По мѣрѣ отступленія частей III-й арміи и войскъ генерала Церпицкаго и Топорнина, положеніе частей 1-го Сиб. корпуса и вообще войскъ генераловъ Гернгросса и фонъ-деръ-Лауница дѣлалось тяжелѣе и тяжелѣе".

„Въ ночь на 25-е февраля на участкѣ у д. Сантайцзы японцы прорвались въ рощу „Императорскихъ могилъ".

„До 2 часовъ ночи въ раіонѣ праваго фланга было, въ общемъ, спокойно, но въ третьемъ часу раздалась сильная перестрѣлка въ южной части Императорской рощи".

„Роща эта состояла изъ старыхъ сосенъ, росшихъ не особенно густо, а почти полное отсутствіе порослей дѣлало ее довольно легко проходимою. Каменныя зданія кумиренъ, окруженныя каменными же оградами, представляли изъ себя прочные редюиты".

„Четыремъ баталіонамъ 7-й японской дивизіи удалось прорвать расположеніе сборнаго баталіона Александропольцевъ къ западу отъ д. Сантайцзы и проникнуть въ рощу Императорскихъ могилъ, гдѣ часть ихъ заняла обширную каменную кумирню. Отдѣльныя партіи японской пѣхоты пробрались до восточной опушки рощи, открывъ отсюда огонь по д. Вазые, и то же время другія ихъ партіи стали обстрѣливать д. Тахентунь, съ западной опушки. Японцы появились даже шагахъ въ 200 отъ отдѣльной фанзы, находившейся на сѣверной опушкѣ рощи, гдѣ помѣщался штабъ генерала фонъ-деръ-Лауница, и стали его обстрѣливать".

„Стоявшій бивакомъ Модлинскій полкъ подвергся внезапному нападенію, разгорѣлась безпорядочная перестрѣлка, а мѣстами дѣло доходило до штыковыхъ свалокъ. Все это повело къ тому, что весь резервъ отряда былъ поднятъ".

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 132—133.

„Въ это время, т. е. часовъ около 5 утра, къ южной опушкѣ рощи Императорскихъ могилъ подходилъ Тамбовскій полкъ, командиръ котораго, полковникъ Миллеръ, услышавъ перестрѣлку, направилъ 1-й баталіонъ для занятія перелѣска, находившагося у восточной опушки рощи, 4-му и 2-му баталіонамъ приказалъ пройти рощу цѣпью, а 3-й баталіонъ оставилъ въ резервѣ у юго-восточной опушки. Къ Тамбовцамъ присоединились нѣкоторыя роты Модлинскаго и Пензенскаго полковъ. Генералъ-фонъ-деръ-Лауницъ подчинилъ полковн. Миллеру всѣ части, находившіяся въ рощѣ".

„Рѣшительными дѣйствіями баталіоновъ Тамбовскаго полка роща къ 7 час. утра была очищена отъ японцевъ и въ ней осталось только небольшое ихъ число, засѣвшее въ кумирняхъ. Такъ какъ послѣднія генералъ фонъ-деръ-Лауницъ приказалъ считать неприкосновенными, то, съ цѣлью изолировать японцевъ, полк. Миллеръ приказалъ баталіону Модлинскаго полка окружить ихъ цѣпью".

„Къ Модлинцамъ присоединилась пѣшая охотничья команда Болховскаго полка, спѣшно прибывшая изъ д. Лодяфынъ на выстрѣлы. Команда эта вся вызвалась охотниками брать кумирни; вызвались также нѣкоторые нижніе чины изъ 15-ой роты этого же полка. Охотники окружили одну изъ кумиренъ, двинулись въ атаку и подошли къ ней шаговъ на 20, но были встрѣчены изъ кумирни сильнымъ огнемъ и оказались принужденными отступить".

„Въ попыткахъ овладѣть кумирнями позднѣе приняли также участіе нѣкоторыя роты Лифляндскаго и Юрьевскаго полковъ, по одному баталіону которыхъ генералъ бар. Каульбарсъ, какъ будетъ сказано ниже, утромъ 25 февраля направилъ къ восточной опушкѣ Императорской рощи, въ поддержку отряда генерала фонъ-деръ-Лауница. Баталіоны эти прибыли по назначенію къ 10 час. утра".

„Часамъ къ 12 дня въ рощѣ водворилось спокойствіе, но часть японцевъ продолжала отсиживаться въ прочныхъ зданіяхъ кумиренъ".

„Такимъ образомъ, на позиціяхъ отряда генерала Лауница создалось довольно неблагопріятное положеніе, такъ какъ противникъ овладѣлъ не только опорнымъ пунктомъ на самой позиціи—фанзами въ д. Сантайцзы, но и крѣпкимъ редюитомъ въ тылу ея, въ Императорской рощѣ. Кромѣ того, въ частяхъ отряда

генерала фонъ-деръ-Лауница начиналъ ощущаться недостатокъ патроновъ" [1]).

Между тѣмъ съ востока, со стороны Кiузонскаго прорыва, опасность надвигалась ближе и ближе. Благодаря прорыву I-ой армiи у Кiузона, части II-ой и III-ей армiи могли быть не только обойденными съ обѣихъ фланговъ, но и окруженными, такъ какъ между обошедшими нашъ правый флангъ частями армiи Ноги и японцами, прорвавшимися отъ Кiузона на сѣверъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было менѣе перехода.

Однимъ словомъ, промахи высшаго командованiя II-ой армiи съ одной стороны и I-ой армiи (Кiузонскiй прорывъ) съ другой—сдѣлали положенiе трагическимъ. Я думаю, что лишь одна *Русская* армiя, то есть только *Русскiе* полки могли выйти изъ этого положенiя благодаря своей стойкости и поистинѣ желѣзнымъ нервамъ. Въ армiи болѣе впечатлительной, съ болѣе нервнымъ, съ болѣе избалованнымъ солдатомъ положенiе, создавшееся 25 числа—должно было окончиться грандiозной катастрофой. Наши полки и частью даже сборныя, нестроевыя команды—почти окруженные противникомъ—продолжали драться, атаковать даже въ штыки, одерживать даже тактическiе успѣхи, пробиваться и уходить въ то время, когда противникъ, казалось, могъ думать о полномъ нашемъ пораженiи.

Такимъ образомъ, при отступленiи III-й армiи главная опасность оказалась съ Востока.

„Замѣтивъ надвигающуюся опасность, командующiй III-й армiей принялъ вполнѣ правильное рѣшенiе—развернуть близь Ертайцзы XVI армейскiй и часть 6 Сиб. корпусовъ. Для успѣха аррiергарднаго боя особенное значенiе имѣютъ боевыя дѣйствiя артиллерiи и кавалерiи: артиллерiя своимъ огнемъ вынуждаетъ противника къ медленному наступленiю и задерживаетъ его на большихъ дистанцiяхъ; конница должна смѣлыми атаками, жертвуя собой, осаживать наиболѣе выдвинутыя части и рубить зарвавшiяся батареи. Труднѣе всего вести аррiергардный бой пѣхотѣ, каждый шагъ которой при отступленiи связанъ съ громадными потерями. У насъ же вся тяжесть аррiергарднаго боя передана на пѣхоту. Кавалерiя, разбившись на мелкiя части, безвѣстно отсутствовала, а артиллерiю, согласно выраженному Главнокомандующимъ желанiю, раздѣляемому большинствомъ начальниковъ,

---

[1]) Военно-Ист. Комисс., т. V, ч. 2, стр. 138—139.

мы стремились скорѣе протиснуть сквозь море обозовъ къ Тѣлину. За время Мукденской операціи мы потеряли на 91 тысячу человѣкъ, преимущественно пѣхотинцевъ, только 34 орудія. Но „спасеніе“ артиллеріи, въ тѣ моменты, когда отъ нея требуется самопожертвованіе, не равносильно выигрышу сраженія“.

„Обозы V Сиб. корпуса послѣ полудня вытянулись сѣвернѣе Мукдена. Японскія батареи дерзко выскакивали впередъ и съ близкихъ разстояній громили войска и обозы. Когда наши послѣднія батареи въ расположеніи XVII корпуса снялись, началось безпорядочное отступленіе и частей III-й арміи. II-й арміи осталась для отхода узкая полоса желѣзной дороги. Особенно тяжелъ былъ участокъ пути между Вазые—Угентунь, простреливавшійся со всѣхъ сторонъ, положеніе еще ухудшилось преждевременнымъ очищеніемъ нами с. Сантайцза. Движеніе здѣсь къ сѣверу, съ огромными потерями, удалось организовать лишь благодаря высокому мужеству отдѣльныхъ офицеровъ“ [1]).

„Все пространство между восточной опушкой рощи Императорскихъ могилъ и д. Вазые обстрѣливалось съ сѣверо-запада, юго-запада-востока и юго-востока, но съ послѣдней стороны огонь былъ не особенно сильный“.

„Воспользовавшись отходомъ войскъ 17-го арм. корпуса съ позиціи у д.д. Минтанъ и Ертайцзы, японцы приблизились къ желѣзной дорогѣ съ востока, втащили пулеметы на высоту къ юго-востоку отъ Унгентуня, а нѣсколько японскихъ батарей снялись къ востоку отъ желѣзнодорожнаго полотна. Вслѣдствіе этого перекрестнаго огня порядокъ отступленія нарушился: нѣкоторыя части уклонились къ сѣверу по направленію къ Унгентуню, другія же продолжали движеніе на д. Вазые“ [2]).

„Около 12 час. 15 мин. дня, по мѣрѣ приближенія противника къ д. Тава и Мандаринской дорогѣ съ востока, три батареи 31-й арт. бригады, состоявшія у разъѣзда № 97, по восточную сторону желѣзнодорожнаго полотна, стали подвергаться обстрѣливанію съ тыла“.

„Вслѣдъ за тѣмъ, около часу дня до разъѣзда № 97 стали долетать непріятельскіе снаряды съ юга отъ Мукдена. Тогда г.-м. Васильевъ, принявшій, какъ старшій, начальство надъ участкомъ Кунцзятунь—Унгентунь, приказалъ: I и II баталіонамъ

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 378—380.

[2]) Воен.-Истор. Комис., т. V, ч. 2, стр. 145.

Воронежскаго полка занять позицію между д.д. Кунзятунь и Унгентунь фронтомъ на югъ, а другимъ 2 баталіонамъ того же полка расположиться на южной опушкѣ послѣдней деревни. Нѣсколько ротъ Козловскаго полка и третья рота Семипалатинцевъ заняли восточную окраину д. Унгентунь, а три батареи, съ прикрытіемъ 2 ротъ, были переведены на западную сторону полотна, гдѣ и стали на позицію между д. Унгентунь и разъѣздомъ № 97; 2-й баталіонъ Волынскаго полка, расположился въ резервѣ къ сѣверу отъ разъѣзда № 97, въ выемкѣ желѣзной дороги".

„Въ общемъ, на этомъ участкѣ позиція оказалась занятой на 2 и даже 3 фронта: части Ахалцыхскаго, Волынскаго, Кромскаго и своднаго полковъ оборонялись фронтомъ на сѣверъ и сѣверо-западъ, а части Воронежскаго и Козловскаго полковъ и Семипалатинскаго резерв. баталіона занимали позиціи фронтомъ на югъ и юго-востокъ, принимая на себя войска, которыя, отходя съ позиціи и двигаясь вдоль линіи желѣзной дороги, стали около полудня подходить къ д. Унгентунь. Среди послѣднихъ были части почти всѣхъ корпусовъ II и III арміи. Вмѣстѣ съ пѣхотой вдоль желѣзной дороги двигались обозы, парки и артиллерія, что сильно задерживало движеніе".

Надъ д. Вазые уже въ 3 часа дня начали рваться японскія шрапнели. Вскорѣ противникъ занялъ своею пѣхотою насыпь желѣзной дороги и путь на сѣверъ для частей II-й арміи оказался прегражденнымъ. Отступающимъ частямъ пришлось прорываться и очищать себѣ дорогу штыками.

Одними изъ первыхъ пострадали Орловцы. Несмотря на огромныя потери имъ пробиться не удалось. Уцѣлѣла лишь горсть нижнихъ чиновъ, окружившихъ знамя, которое впослѣдствіи было передано въ Люблинскій полкъ.

Баталіону Юрьевскаго полка, бросившемуся въ штыки, удалось отогнать японцевъ отъ желѣзной дороги и остатки Юрьевцевъ пробились на сѣверъ, въ составѣ одного офицера и 156 нижнихъ чиновъ.

Атаковавшій нѣсколько лѣвѣе баталіонъ Лифляндскаго полка потерялъ 224 человѣка изъ 490, но все-же пробился къ ст. Хушитай.

Масса нижнихъ чиновъ разныхъ полковъ собралась въ выемкѣ между д. Вазые и полотномъ дороги. Это мѣсто, несмотря на огонь, почему-то казалось безопаснѣе, чѣмъ пространство за предѣлами выемки.

„Въ Модлинскомъ полку, за убылью старшихъ, въ командованіе полкомъ вступилъ капитанъ Ивановъ, который собралъ людей не только своего полка, но и другихъ частей, находившихся въ выемкѣ. Снявъ съ груди крестъ, онъ напомнилъ нижнимъ чинамъ ихъ долгъ и присягу; благословивъ св. крестомъ и крикнувъ: „впередъ“, „ура“, двинулся изъ выемки, прикрываясь высланной впередъ цѣпью. Японцы осыпали кучу людей пулями, но высланной цѣпи удалось мѣткими залпами заставить замолчать пулеметъ. Раненый знаменщикъ, поддерживаемый ассистентомъ, продолжалъ идти впереди. Кап. Иванову удалось пробиться и, несмотря на большія понесенныя потери, онъ вывелъ послѣдовавшихъ за нимъ людей къ ст. Хушитай“ [1]).

Въ третьемъ часу дня къ Вазые подошли три стрѣлковыхъ полка (1-й, 2-й и 3-й), подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба подполковника Корнилова.

Доблестный подполковникъ Корниловъ, организовавъ оборону деревни, уже въ $6^1/_2$ час. вечера продвинулъ значительнѣйшую часть людей, столпившихся въ выемкѣ — къ сѣверу. Лишь около 7-ми часовъ вечера подп. Корниловъ началъ отходъ и около 10 часовъ полки благополучно прибыли въ Хушитай.

„Изъ частей 5-й стрѣлковой бригады, во время подхода къ Вазые, 19-й стрѣлковый полкъ получилъ отъ г.-л. Церпицкаго приказаніе разсыпать цѣпь въ восточномъ и юго-восточномъ направленіяхъ. Вслѣдствіе этого онъ уклонился къ Мандаринской дорогѣ, гдѣ, какъ будетъ изложено ниже, вошелъ въ составъ колонны полк. Максимовскаго, съ которою былъ окруженъ японцами и погибъ“.

„Изъ войскъ г.-л. Гернгросса, втянувшихся въ Вазые, въ наиболѣе тяжеломъ положеніи оказались части отряда полк. Леша“.

„Около 11 часовъ утра отрядъ этотъ занялъ арріергардную позицію у д. Линпузы, на которой подвергся перекрестному обстрѣливанію съ запада и со стороны Мукдена. Вслѣдствіе этого полковникъ Лешъ приказалъ отряду отходить на д. Лингоапу и далѣе къ Вазые. Великолуцкій полкъ, кромѣ 1-й, 13-й, 14-й и 15-й ротъ, двинувшихся западнѣе деревни прямо на Кунцзянтунь, попалъ здѣсь въ хаосъ обозовъ и отбившихся отъ своихъ частей нижнихъ чиновъ, пришелъ въ полное разстройство и только

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 147.

остаткамъ его, при двухъ офицерахъ, удалось пробиться на сѣверъ. Изъ частей Болховскаго полка, 13-я и 15-я роты, со знаменемъ и командиромъ полка отошедшія отъ Сахедзы, попали у желѣзной дороги подъ артиллерійскій огонь съ запада и съ востока, а затѣмъ къ югу отъ Вазые были встрѣчены ружейнымъ огнемъ японцевъ, уже занявшихъ желѣзнодорожную насыпь. Попытка выбить японцевъ не удалась. Роты таяли, и въ концѣ концовъ при знамени осталось не болѣе 30 нижнихъ чиновъ при 4 офицерахъ".

„Части того же полка кап. Громцева, отходившія отъ форта № II, къ югу отъ Императорскихъ могилъ, были поглощены потокомъ обозовъ и людей другихъ частей. Вслѣдствіе этого и сильнаго обстрѣливанія съ запада артиллерійскимъ, а съ востока ружейнымъ огнемъ, онѣ пришли въ замѣшательство. Однако капитану Громцеву и другимъ офицерамъ удалось возстановить нѣкоторый порядокъ, и Болховцы даже перешли въ наступленіе къ желѣзной дорогѣ, къ югу отъ Вазые и оттѣснили нѣсколько японскія цѣпи, но продвинуться дальше они не могли и залегли. До сумерекъ они вели перестрѣлку, неся значительныя потери, а затѣмъ отошли на сѣверъ. Утромъ 26-го февраля на ст. Синтайцзы къ знамени Болховскаго полка собралось не болѣе 100 нижнихъ чиновъ при 4 офицерахъ".

„Самарскій полкъ, несмотря на сильный огонь, двигался первоначально въ полномъ порядкѣ западнѣе деревни Вазые, но затѣмъ его постигла та же участь, какъ и Великолуцкій: онъ былъ приведенъ въ разстройство нахлынувшею на него толпою отбившихся нижнихъ чиновъ".

„Видя тотъ безпорядокъ и то столпленіе, которые царили въ д. Вазые, полк. Лешъ приказалъ своимъ батареямъ двинуться западнѣе деревни и идти на д. Кунцзянтунь и далѣе на Унгентунь, что подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ и было ими исполнено. Самъ же онъ съ 8-ю ротою 1-го В.-С. стр. Е. В. полка и со знаменемъ направился къ Унгентуню. По пути къ нему присоединились остатки Самарскаго и Болховскаго полковъ съ ихъ знаменами, и всѣмъ этимъ частямъ удалось пробиться".

„Что же касается остальныхъ ротъ 1-го В.-С. стр. Е. В. полка, то остатки 1-й, 2-й, 6-й и 7-й ротъ бросились въ атаку на снявшуюся вблизи желѣзной дороги къ востоку отъ д. Линпуза японскую батарею. Атака была удачна—батарея была за-

хвачена на позиціи, прислуга переколота, но, за симъ стрѣлки были окружены японской пѣхотой и большая часть ихъ погибла".

„Всего съ полк. Лешъ прибыло въ Тѣлинъ 5 офицеровъ и 184 стрѣлка Е. В."

„Въ бою у Вазые принялъ также участіе 3-й дивизіонъ 25-й артиллерійской бригады, втянувшійся около 3-хъ час. дня въ деревню. Командиръ этого дивизіона, полк. Чепурновъ, замѣтивъ, что въ тылу войскъ и обозовъ, скопившихся въ Вазые, выѣхала японская батарея, открывшая огонь съ 600—650 саж., приказалъ 6-й и 7-й батареямъ подняться на крутую возвышенность около дороги и открыть огонь. 4 орудія 7-й батареи были подняты съ большимъ трудомъ, успѣшно обстрѣляли японскую батарею и, благодаря этому, положеніе частей, находившихся въ Вазые, временно нѣсколько облегчилось".

„Кромѣ описанныхъ выше дѣйствій болѣе или менѣе крупныхъ частей попытки переходить въ наступленіе и оттѣснить противника дѣлались отдѣльными ротами, предводимыми случайными начальниками, какъ офицерами, такъ и нижними чинами, сборными командами, которыя формировались изъ отбившихся отъ своихъ частей нижнихъ чиновъ. Нѣкоторымъ изъ этихъ мелкихъ единицъ удавалось пробиться на сѣверъ, нѣкоторые занимали позиціи и отстрѣливались, многіе же гибли или, не выдержавъ перекрестнаго огня, приходили въ разстройство и распадались".

„Въ общемъ бой у д. Вазые, какъ видно изъ изложеннаго выше, носилъ вполнѣ безпорядочный характеръ, распадался на множество отдѣльныхъ эпизодовъ и велся безъ какого-либо объединяющаго вмѣшательства старшихъ начальниковъ" [1]).

Бой у д. Вазые вновь подчеркиваетъ явленіе, постоянно повторявшееся въ теченіе всей войны: огромные прочеты въ работѣ старшихъ начальниковъ, до начальниковъ дивизій и выше, и удивительную работу войскъ. Въ этой войсковой работѣ все время сказывается размахъ „впередъ" и, несмотря на ужасающую обстановку, части бросаются въ штыки, но всѣ усилія кончаются ничѣмъ, такъ какъ нѣтъ общаго руководства.

„Арріергардъ ген. Ганненфельдта, прикрывавшій отходъ войскъ ген. Церпицкаго, не знавшій о прорывѣ японцевъ восточнѣе Мукдена, вмѣсто движенія вдоль желѣзной дороги дви-

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 149—151.

нулся черезъ городъ, вышелъ на середину арміи Нодзу и, послѣ отчаянной попытки пробиться, погибъ. Быть можетъ, однако, энергичныя дѣйствія его задержали наступленіе японцевъ и облегчили отступленіе другихъ".

„Также не былъ оріентированъ въ обстановкѣ и отрядъ ген.-м. Соллогуба, составлявшій лѣвое крыло отряда ген. фонъ-деръ-Лауницъ. Отрядъ уже въ темнотѣ пересѣкъ желѣзную дорогу и уклонился къ востоку, гдѣ всюду натыкался на противника, и въ результатѣ погибъ" [1]).

На сѣверѣ прорвавшуюся у Кіузана армію Куроки сдерживали полковникъ Добротинъ—у с. Ленхуачи и генералъ-лейтенантъ Дембовскій у Тава.

Доблестный полковникъ Добротинъ, раненый еще въ Шахейскихъ бояхъ, послѣ 2-хъ часовъ дня былъ тяжело раненъ въ голову.

Бои у Тава разыгрались слѣдующимъ образомъ:

„Г.-л. Дембовскій, во исполненіе приказанія Главнокомандующаго, около 1 часу дня приступилъ къ организаціи обороны д. Тава.

Къ этому времени къ Тава подтягивались съ востока 9 ротъ Семипалатинскаго полка".

„Сюда же прибыли, подъ начальствомъ полк. Манштейна, 5 ротъ и охотничья команда Томскаго полка, высланныя Главнокомандующимъ изъ Цуэртуня. Затѣмъ въ составъ войскъ г.-л. Дембовскаго вошли пять ротъ Епифанскаго полка. Кромѣ того, 2-му баталіону и 4-й ротѣ Псковскаго полка, остановившимся у Мандаринской дороги къ сѣверу отъ д. Юлинпу, было именемъ Главнокомандующаго передано приказаніе также перейти на сѣверъ отъ д. Тава. Наконецъ, у этого же селенія были остановлены: 5-я батарея 3-й и 5-я батарея 6-й артил. бригадъ".

„Такимъ образомъ, для выполненія возложенной задачи г.-л. Дембовскій располагалъ всего 24 ротами слабаго состава и 16 орудіями разныхъ частей".

„Войска эти были чрезвычайно утомлены, очень нуждались въ патронахъ, израсходованныхъ въ предыдущихъ бояхъ, и при нихъ не имѣлось перевязочныхъ средствъ. Первые были пополнены изъ розысканныхъ, случайно проходившихъ парковъ, а подача медицинской помощи была возложена на врача Кушинскаго,

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 380.

оказавшагося среди отходившихъ. Перевязочныя средства были взяты изъ одной изъ санитарныхъ повозокъ 3-й пѣхотной дивизіи".

„Въ окрестностяхъ д. Тава въ это время происходило громадное столпленіе обозовъ, среди которыхъ царствовалъ неописуемый безпорядокъ; японская батарея, ставшая къ востоку отъ д. Цаудягоу, начала обстрѣливать раіонъ, занятый обозами; ея шимозы попадали въ самую гущу обозовъ и вызвали среди послѣднихъ панику, а въ это же время къ сѣверу отъ Цаудягоу усматривалось движеніе японской пѣхоты".

„Г.-л. Дембовскій рѣшилъ, удерживаясь на правомъ флангѣ, перейти лѣвымъ въ наступленіе съ тѣмъ, чтобы охватить правый флангъ противника и не дать ему возможности распространиться на сѣверъ" [1]).

„Между тѣмъ, артиллерія противника усиливалась; двѣ новыхъ его батареи снялись къ сѣверо-востоку отъ д. Цаудягоу, а японская пѣхота подошла къ позиціямъ на 1.500—2.000 шаговъ. Такимъ образомъ, занимать позицію пришлось подъ сильнѣйшимъ огнемъ".

„Въ это время близъ Тава проходили 4-я и 6-я батареи 3-й арт. бригады, которыя по иниціативѣ командира дивизіона были остановлены, расположились на позиціи между кладбищемъ и оврагомъ и открыли огонь".

„При провѣркѣ расположенія войскъ г.-л. Дембовскій замѣтилъ, что между правымъ и лѣвымъ ея участкомъ существуетъ не занятый интервалъ, поэтому онъ приказалъ тремъ ротамъ Самипалатинскаго полка выдвинуться лѣвѣе артиллеріи и нѣсколько впередъ; это было исполнено, при чемъ постепенно въ цѣпь разсыпались всѣ три роты".

„Другія три роты Семипалатинскаго полка, находившіяся на правомъ флангѣ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ нѣсколько подались назадъ, а потому для возстановленія прежняго положенія, пришлось выдвинуть изъ резерва 12-ю роту Томскаго полка".

„Такимъ образомъ, и безъ того небольшой резервъ, бывшій въ распоряженіи г.-л. Дембовскаго, оказался постепенно влитымъ въ боевую линію и приходилось озаботиться создать его вновь. Съ этою цѣлью начальникъ Штаба 5-го Сибирскаго кор-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія. т. V, ч. 2, стр. 186—187.

пуса г.-м. Ставровичъ и чины Штаба собирали отходившихъ въ разбродъ нижнихъ чиновъ разныхъ частей, устраивали ихъ въ команды и отправляли на позицію. Они же пытались водворить хотя бы нѣкоторый порядокъ въ обозахъ. Однако, усилія этихъ лицъ не увѣнчались успѣхомъ и создать резервъ не удалось, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ собранныя команды поглощались массою, двигавшеюся на сѣверъ, и на позицію не попадали. Такъ же безуспѣшны были ихъ попытки водворить порядокъ въ обозахъ".

„Въ это время г.-л. Дембовскимъ была получена записка Главнокомандующаго, отправленная въ 1 часъ дня, которою сообщалось, что ему подчиняется г.-л. Селивановъ съ полками 17 армейскаго корпуса".

„Вмѣстѣ съ тѣмъ на г.-л. Дембовскаго возлагалась организація обороны Мандаринской дороги по обѣ ея стороны отъ Мудьятуня до Цаудягоу на высотѣ д. Тава".

„Какъ видно изъ изложеннаго выше, для выполненія этого приказанія средствъ не было".

„Въ 3 часа дня часть ротъ Семипалатинскаго полка оказалась вынужденною податься нѣсколько назадъ, а 5-й батареѣ 6-й арт. бриг. пришлось переѣхать на новую позицію къ сѣверо-западу отъ Тава, но въ это же время подошли къ селенію пять ротъ Псковскаго полка".

„Прибывшая вмѣстѣ съ Псковцами 3-я батарея 3-й артиллерійской бригады расположилась къ сѣверо-западу отъ Тава и стала черезъ головы своихъ войскъ обстрѣливать японскія цѣпи и батареи".

„Такимъ образомъ, положеніе войскъ у Тава пріобрѣло нѣсколько большую устойчивость, еще болѣе увеличившуюся, когда, около 4 часовъ дня, подошли три роты Нѣжинскаго полка, ставшія за частями Псковцевъ".

„Около $3^1/_2$ часовъ дня 4-я и 6-я батареи 3-й артиллерійской бригады, израсходовавшія всѣ патроны, получили разрѣшеніе отходить по Мандаринской дорогѣ. 4-я батарея свернула на западъ и отошла благополучно вдоль желѣзной дороги, 6-я же батарея уже у д. Санва попала подъ сильный ружейный и пулеметный огонь противника съ высотъ, находившихся въ окрестностяхъ Пухэ. Вслѣдствіе этого батарея была принуждена также свернуть на западъ".

„Такимъ образомъ, уже къ этому времени Мандаринская дорога около Пухэ оказалась прегражденною".

„Между тѣмъ, часть войскъ 35-й пѣх. дивизіи около $3^1/_2$ час. дня отошла къ с. Тава, сюда же прибылъ вскорѣ и г.-л. Добржинскій, доложившій генералу Дембовскому, что онъ собираетъ части своей дивизіи для продолженія боя у Тава"

„Вслѣдствіе этого, считая задачу, возложенную на отрядъ, выполненною, г.-л. Дембовскій около 4 часовъ дня рѣшилъ начать очищеніе своей позиціи. Къ этому времени всѣ резервы были израсходованы и позиція обстрѣливалась съ сѣвера, востока и юга. Изъ чиновъ штаба 3 офицера, нѣсколько нижнихъ чиновъ и лошадей были ранены. Патроновъ почти не было, а между тѣмъ японцы настойчиво продолжали охватывать правый флангъ отряда".

„Отходъ былъ начатъ съ праваго фланга. Баталіонъ Томскаго полка пропустилъ Семипалатинцевъ и затѣмъ отошелъ самъ, удерживая противника огнемъ. 5-я батарея 3-й арт. бригады дострѣляла всѣ свои патроны по насѣдавшимъ японскимъ цѣпямъ и отошла. Одновременно съ нею отошли расположенныя въ центрѣ роты Епифанскаго полка; отходъ этихъ частей былъ прикрытъ баталіономъ Борисоглѣбскаго полка, занимавшимъ Куандягоу и затѣмъ отошедшимъ къ кладбищу къ востоку отъ Тава".

„Части отряда, кромѣ Псковскаго полка, отходили отъ Тава на Тацзыинъ и Ліугуаньтунь, куда прибыли къ 6 час. вечера, и затѣмъ прослѣдовали далѣе къ д. Кученцзы. Псковскій же полкъ, пропустивъ всѣ части праваго участка позиціи, направился на сѣверъ, но, встрѣченный огнемъ со стороны Пухэ, оказался вынужденнымъ двинуться къ западу; затѣмъ, части его вошли въ составъ отряда г.-л. Селиванова, дѣйствовавшаго у Пухэ" [1]).

„Приблизившись въ шестомъ часу вечера къ с. Пухэ, г.-л. Селивановъ увидѣлъ, что у д. Талинцзы расположена артиллерія противника, открывшая огонь по тѣмъ частямъ, которыя приближались къ Пухэ съ юга, а японская пѣхота медленно наступала отъ Пухэ на западъ. Такимъ образомъ, Пухэ оказалось уже во власти японцевъ, а потому вр. командующему 17-мъ арм. корпусомъ было невозможно выполнить возложенное на него порученіе".

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 188—190.

„Потеря этого селенія произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Какъ упоминалось выше, послѣ прорыва у Кіузана части Барнаульскаго и Омскаго полковъ, отступивъ отъ Хуньхэ, заняли позицію юго-восточнѣе Пухэ, на горномъ гребнѣ приблизительно по линіи д.д. Талинцзы-Ленхуачи, гдѣ въ начальствованіе надъ войсками вступилъ командиръ 1-го изъ названныхъ полковъ полк. Добротинъ. 3-й баталіонъ Барнаульскаго полка сталъ на сопкѣ впереди Ленхуачи, а 14-я, 15-я и 9-я роты расположились за нимъ въ резервѣ. На сопкахъ, по сторонамъ Барнаульцевъ, расположились роты Омскаго полка, а подошедшая около 8 часовъ утра 3-я батарея 1-го Сиб. арт. дивизіона съ прикрывавшими ее 7-й и 14-й ротами Тобольскаго полка заняла позицію на лѣвомъ флангѣ Барнаульскаго полка“.

„Часовъ около 11 утра противникъ началъ обстрѣливать позицію артиллерійскимъ огнемъ, а затѣмъ около двухъ японскихъ баталіоновъ повели атаку на лѣвый флангъ позиціи сѣверо-восточнѣе Ленхуачи. На помощь ротамъ, оборонявшимъ этотъ флангъ и подавшимся назадъ, было выслано еще три роты Омскаго и 3 Барнаульскаго полковъ; кромѣ того, 8-й ротѣ Омскаго полка было приказано занять д. Синтунь“.

„Непріятель наступалъ упорно и энергично; несмотря на дружные выдержанные залпы, онъ подошелъ къ позиціи на разстояніи до 200 шаговъ. 5-я, 6-я и 7-я роты Омскаго полка и 14-я рота Барнаульскаго, нѣсколько разъ бросались въ контръатаку, а 7-я и 14-я роты Барнаульцевъ доходили до штыковъ“.

„Къ японцамъ прибывали подкрѣпленія, и около полудня выяснилось, что на перевалъ юго-восточнѣе Ленхуачи наступаетъ не менѣе дивизіи“.

„Это были части японской Гвардіи, изъ состава которой 1-я бригада наступала на линію Пухэ-Синтунь, а вторая бригада двигалась въ направленіи на Санва. За 1-ю бригадою слѣдовала гвардейская резервная бригада“.

„Около 2 часовъ дня противникъ занялъ д. Синтунь и ясно обнаружилось его движеніе на д. Унчепу. Снаряды японской артиллеріи начали ложиться у Пухэ и на Мандаринской дорогѣ. Шедшіе до того времени въ порядкѣ обозы стали приходить въ замѣшательство и поспѣшно отходить на западъ, къ ст. Хушитай, при чемъ многія повозки были брошены. Командиръ Барнаульскаго полка полк. Добротинъ, какъ выше сказано, былъ тя-

жело раненъ. Части отряда начали очищать свою позицію на высотахъ къ юго-западу отъ перевала Ленхуачи. Въ силу всего этого вступившій въ командованіе отрядомъ командиръ Омскаго полка, полк. Остолоповъ счелъ дальнѣйшее удержаніе позиціи невозможнымъ и приказалъ войскамъ медленно отступать къ д. Сундяваза".

„Противникъ преслѣдовалъ сравнительно слабо".

„Такимъ образомъ, въ третьемъ часу дня с. Пухэ было очищено" [1]).

„Пріостановить это наступленіе взялъ на себя г.-л. Селивановъ. Остановивъ отступавшіе 1-й и 2-й баталіоны, 13-ю и 14-ю роты Псковскаго полка, онъ приказалъ имъ занять позицію западнѣе Пухэ и этимъ задержалъ японцевъ. Псковцы оставались на позиціи до наступленія полной темноты, а затѣмъ отошли къ желѣзной дорогѣ" [2]).

„Войска II и III армій въ теченіи всей ночи на 26-е февраля продолжали движеніе на сѣверъ".

„Желѣзнодорожное полотно и пути по сторонамъ его были сплошь заняты колоннами людей и повозокъ, двигавшихся непрерывною вереницею по направленію къ Тѣлину. Кромѣ войскъ и обозовъ II и III арміи, сюда же направились также нѣкоторыя части и обозы I-й арміи. Движеніе всей этой массы происходило безпорядочно, войска шли въ перемѣшку съ обозами; нѣкоторые части и отдѣльныя группы нижнихъ чиновъ, а также и обозы сворачивали въ сторону и располагались, гдѣ попало, на отдыхъ. Движеніе сильно задерживалось на переправахъ черезъ рѣки и овраги, часто встрѣчавшіеся вдоль желѣзной дороги и въ особенности на р. Пухэ, черезъ которую не имѣлось другихъ мостовъ, кромѣ желѣзнодорожнаго, естественно являвшагося такимъ пунктомъ, къ которому стекалась вся масса войскъ и повозокъ" [3]).

Вообще въ томъ состояніи, въ какомъ къ утру 26-го февраля находились многія части войскъ II-й и III-й армій, онѣ не представляли изъ себя боевой силы, способной отразить серьезный натискъ противника. Наличный численный составъ армій представлялся величиною весьма трудно поддававшеюся учету, такъ

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 190—191.
2) Тамъ же, стр. 192.
3) Тамъ же, стр. 215.

какъ ближайшіе начальники не были въ состояніи опредѣлить болѣе или менѣе точно понесенныя потери".

„Изъ всѣхъ войскъ II-й и III-й армій, принимавшихъ 25-го февраля участіе въ бою, наиболѣе сохранились: части I-го Сиб. корпуса, кромѣ 1-го В.-С. стр. Е. В. полка, полки, входившіе въ составъ отряда генераловъ Зарубаева, Раткевича и Морозова, Вильманстрандскій, Нейшлотскій, Петровскій, Иркутскій, Кирсановскій, Тарусскій, Мценскій, Нерчинскій, Читинскій. Менѣе другихъ пострадали также полки: Белебеевскій, Борисовскій, Златоустовскій, Зарайскій, Псковскій и Барнаульскій".

„Всего можно считать, что въ 120 баталіонахъ всѣхъ этихъ частей находилось на лицо приблизительно около 45—50 тысячъ штыковъ".

„Что же касается всѣхъ остальныхъ частей, то въ нихъ, въ общей сложности, считалось около 40.000—45.000 штыковъ и сабель. Помимо потерь въ бояхъ, много людей отбилось во время отступленія, и во всякомъ случаѣ требовалось время для приведенія войсковыхъ частей въ порядокъ".

„Прикрытіемъ отступающихъ частей могли служить войска генераловъ: Мылова, Зарубаева, Морозова и Раткевича, части 5-й стр. бригады и Зарайскаго полка, остановленныя у д. Хузантунь, части Борисовскаго и Златоустовскаго полковъ, находившіяся у д. Сандьяцзы".

„На Мандаринской дорогѣ спеціальнаго прикрывающаго отряда собственно не было, но часть войскъ III-й арміи и г.-ад. бар. Мейендорфа, отступавшая вдоль ея, собиралась къ ночи на 26-е февраля въ окрестностяхъ Илу и могла разсматриваться какъ арріергардъ" [1]).

„Съ утра 27-го февраля войска II-й и III-й армій собирались частью на р. Фаньхэ, а частью въ Тѣлинѣ, корпуса же I-й арміи устраивались на Фаньхэ".

„Къ Тѣлину собирались части 3-й, 25-й, 35-й, 37-й, 55-й и 61-й, 1-й бригады, 41-й и 2-й бригады 5-й В.-С. стр. дивизіи".

„Кромѣ того, сюда же подошло и продолжало подходить много отставшихъ нижнихъ чиновъ другихъ частей".

„Нѣкоторыя части были болѣе или менѣе приведены въ порядокъ, но на нижнихъ чинахъ рѣзко сказывалось переутомленіе послѣ непрерывныхъ двухнедѣльныхъ боевъ. Во всякомъ

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 215.

случаѣ, съ одной стороны, всѣ части арміи нуждались въ отдыхѣ, а съ другой необходимо было выиграть времени для того, чтобы пропустить обозы черезъ Тѣлинскія дефиле“ [1]).

„Выяснилось также, что обозы и парки понесли весьма значительныя потери и пришли въ разстройство, а потому необходимо было принять мѣры къ приведенію ихъ въ порядокъ и къ ихъ пополненію“.

„При наличности этихъ условій, а также принимая во вниманіе, что позиціи у Тѣлина были выгодны только для небольшихъ силъ, принять бой всѣми арміями, съ цѣлью, во что бы ни стало, отстоять этотъ городъ — представлялось Главнокомандующему дѣломъ трудновыполнимымъ. Кромѣ того, онъ находилъ, что арміямъ нужно устроиться, а людямъ по возможности отдохнуть. Въ виду сего, а также для образованія сильнаго резерва, г.-ад. Куропаткинъ призналъ выгоднымъ отвести одну изъ армій подъ прикрытіемъ остальныхъ въ резервъ къ „Чантафу“ [2]).

„Наибольшее разстройство Мукденскіе бои внесли въ ряды III-й арміи“.

„Вслѣдствіе значительной убыли нижнихъ чиновъ, Новоингерманландскій, Моршанскій, Оровайскій и Мокшанскій полки пришлось переформировать въ 2-хъ-баталіонный составъ, а Бузулукскій, Инсарскій, Нѣжинскій и Ингерманландскій полки въ 3-хъ-баталіонный составъ; въ Великолуцкомъ и Болховскомъ полкахъ осталось по одному баталіону, а въ Орскомъ—2 роты“.

„Всего въ 80 штатныхъ баталіонахъ III-й арміи (безъ 72 пѣх. дивизіи, Псковскаго и Зарайскаго полковъ), переформированныхъ вслѣдствіе убыли въ 50½ баталіоновъ, числилось около 21.148 штыковъ при 231 скорострѣльномъ орудіи“ [3]).

„Въ городѣ и его окрестностяхъ, отдѣльными небольшими партіями, находились въ весьма значительномъ числѣ нижніе чины частей всѣхъ трехъ армій; многіе изъ нихъ по одиночкѣ и группами уходили на сѣверъ, къ Каюйаню; нѣкоторыхъ же удавалось задержать и возвращать въ свои части. Такимъ образомъ, постепенно, хотя и медленно, происходило увеличеніе числа штыковъ сравнительно съ цифрами, приведенными выше“.

„Вообще, въ нижнихъ чинахъ рѣзко проявлялись еще всѣ признаки переутомленія послѣ непрерывныхъ двухнедѣльныхъ

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 236.
2) Тамъ же, стр. 237.
3) Тамъ же, стр. 252.

столкновеній; всѣ части войскъ, даже наиболѣе сохранившіяся, нуждались въ отдыхѣ; весь тылъ къ сѣверу отъ Тѣлина былъ запруженъ отводимыми назадъ обозами".

„Въ Тѣлинѣ еще имѣлись на нѣсколько дней запасы продовольствія, которые и развозились всѣми способами по частямъ войскъ; значительные склады провіанта и фуража находились также на станціяхъ Чантуфу, Шуанмяотцзы, Сыпингай, Гоуцзяданъ и Гунчжулинъ. Вообще, если и ощущался въ войскахъ недостатокъ тѣхъ или иныхъ запасовъ, то не вслѣдствіе неимѣнія ихъ въ Интендантскихъ складахъ, а скорѣе отъ затрудненій въ доставкѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе значительнаго разстройства обозовъ".

„Приходилось возможно скорѣе установить нарушившійся порядокъ въ тылу, къ чему принимались самыя дѣятельныя мѣры: арміямъ назначались тыловые раіоны, закладывались магазины, свозились припасы, рекогносцировались дороги и т. п."

„Къ дальнѣйшему упорядоченному отступленію арміи еще не были готовы, а потому приходилось задержаться на нѣсколько дней у Тѣлина. Съ этой цѣлью 27 февраля начались усиленныя работы по усовершенствованію заранѣе выбранной и достаточно укрѣпленной Тѣлинской позиціи. Къ работамъ были привлечены три маршевыхъ баталіона бывшаго отряда полк. Запольскаго и три роты саперъ III-й арміи" [1]).

„На р. Фаньхэ ген.-ад. Куропаткинъ задержалъ I и II армію, а III армію отвелъ въ резервъ къ г. Чантуфу. Нѣсколько дней послѣ отступленія отъ Мукдена нѣкоторыя части наши не представляли боевой силы. Наиболѣе сохранились: I-й Сиб. корпусъ и часть I-й арміи, какъ отведенныя ген. Линевичемъ, такъ и высланныя 23 февраля на поддержку праваго крыла. Въ общемъ, около 90 тысячъ человѣкъ оставались годными къ немедленному бою; остальныя разбрелись въ тылу между обозами и могли собраться нѣсколько позже. Положеніе японцевъ также было тяжелымъ—въ полномъ безпорядкѣ арміи ихъ свернулись къ сѣверу отъ Мукдена. Тѣмъ не менѣе ген.-ад. Куропаткинъ предпочелъ выиграть большій промежутокъ времени для устройства войскъ, и 1-го марта, пожертвовавъ Тѣлинскими складами, очистилъ линію р. Фаньхэ и отвелъ арміи на Сипингайскія позиціи, гдѣ, укрѣпившись, мы усилились прибывшими IV, IX и XIX

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V ч. 2, стр. 252—253.

корпусами, вслѣдъ за которыми мобилизовались XII и XXI корпуса" [1]).

Итакъ, Мукденская операція закончилась... Если мы обратимся къ изученію этой операціи по имѣющимся въ печати матеріаламъ, то чаще всего встрѣтимся съ рѣзкой критикой, съ горькимъ разочарованіемъ авторовъ, со вздохами сожалѣнія и даже отчаянія.

„Печальные дни подъ Мукденомъ"... „Наше пораженіе подъ Мукденомъ"... „Престижъ арміи, утраченный подъ Мукденомъ"...— вотъ тѣ термины и фразы, которыми пестрятъ сочиненія не только всевозможныхъ статскихъ корреспондентовъ, очевидцевъ, досужихъ мыслителей, но, увы! и военныхъ писателей!

Въ первые годы послѣ войны, къ сожалѣнію, начали раздаваться голоса о томъ, что все пережитое нами слѣдуетъ забыть, какъ тяжелый сонъ, что въ этой войнѣ нѣтъ ничего поучительнаго, такъ какъ всѣ примѣры имѣютъ лишь отрицательный характеръ. Наша пресса съ упоеніемъ захлебывалась въ потокѣ хлесткихъ статей и брани по адресу Маньчжурскихъ армій.

Тяжелое было время для тѣхъ, кто пережилъ эти памятные бои и на своихъ плечахъ носилъ потомъ эту оцѣнку своихъ боевыхъ трудовъ, запечатлѣнныхъ своею же кровью.

Собранный и приведенный выше матеріалъ до нѣкоторой степени даетъ представленіе о томъ, какъ дралась наша армія подъ Мукденомъ, какія страданія она переживала...

Теперь, когда почти десятокъ лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ событій, разыгравшихся на нашей далекой окраинѣ, когда улеглись личныя недоразумѣнія и страсти, когда начала затихать острая боль отъ горечи неудачи, теперь..., кажется, пора безпристрастно оцѣнить минувшее и отдать должное нашей арміи.

Мукденъ — наша самая тяжелая неудача. Но развѣ нѣтъ свѣтлыхъ строкъ въ описаніяхъ этихъ тяжелыхъ дней? Неужели Русское сердце не забьется при описаніи доблестной работы войскъ Ренненкампфа? Событія въ 3-мъ Сибирскомъ корпусѣ на Гоутулинѣ, оборона Засулича отъ атакъ японской гвардіи, геройскія атаки на Юхуаньтунь, контръ-атаки 1-го Армейскаго корпуса, взятыя нами въ нѣкоторыхъ дѣлахъ японскія пушки... всѣ эти эпизоды геройской, беззавѣтной удали войскъ—не рисуютъ-ли

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 382.

намъ картины прежней славы, прежняго престижа, прежней стойкости Русской арміи.

Армія, почти окруженная непріятелемъ, не была разбита: она лишь потерпѣла неудачу и не преслѣдуемая врагомъ, грозная, отошла на Сыпингай, гдѣ до конца войны не была атакована притихшимъ противникомъ.

Арміей подъ Мукденомъ плохо руководили и мы, поимянно, знаемъ командующихъ арміями, виновныхъ въ нашихъ неудачахъ. Подъ Мукденомъ наши полки были достойны своихъ предковъ и тяжесть неудачи, упреки толпы и рѣзкую критику должны нести не войсковыя части, а совершенно опредѣленныя лица, поставившія армію въ невозможное положеніе.

Критическая оцѣнка событій и подробный разборъ ихъ не составляетъ цѣли настоящаго труда. Скажу только, что русскій офицеръ и русскій солдатъ не долженъ вспоминать Мукденъ съ чувствомъ унынія и горечи, но, напротивъ, съ чувствомъ гордости и съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга. Геройскіе подвиги лицъ, нашедшихъ себѣ успокоеніе тамъ, въ далекой Маньчжуріи, подъ стѣнами Мукдена, должны вспоминаться съ благоговѣніемъ и благодарностью тѣмъ частямъ войскъ, кои воспитали этихъ истинныхъ сыновъ родины.

„Мукденская операція стоила намъ громаднаго урона въ 1.977 оф. и 87.446 нижн. чиновъ, выбывшихъ изъ строя, изъ которыхъ 257 оф. и 8.448 н. ч. убито, 1.141 оф. и 49.947 н. ч. ранено, кромѣ этого мы потеряли 32 орудія (22 во II-й арміи, 10 въ III-й), 4 пулемета и болѣе 600 зар. ящиковъ, передковъ и запасныхъ лафетовъ и 5.335 разныхъ повозокъ. Особенно чувствительны были потери въ пѣхотѣ (97% всего урона), ничтожны въ конницѣ (0,1%); по абсолютной величинѣ наиболѣе крупный уронъ потерпѣла II-я армія—855 оф. и 40.326 н. ч., изъ которыхъ половина пропавшихъ безъ вѣсти; [1]); I-я армія не досчиталась 652 оф. и 24.033 н. ч., (въ ней пропавшихъ безъ вѣсти 13% общаго количества потерь), остальной уронъ пришелся на долю III-й арміи. Японцы потеряли убитыми и ранеными больше насъ—а именно 70.000 чел., что съ прибавкой около 1.000 пропавшихъ безъ вѣсти даетъ почтенную цифру въ 71.000 чел. [2]).

[1]) Большія потери «пропавшими безъ вѣсти» объясняются тѣмъ, что многія части II-й арміи были отрѣзаны и пробиваясь къ своимъ гибли (5-й стр. полкъ, отрядъ Ганненфельда).

[2]) А. Н. Виноградскій. Исторія Русско-Японской войны, т. IV, стр. 219.

Какъ и у насъ, наибольшія потери японцевъ легли на долю пѣхоты—(94⁰/₀ общаго количества потерь), но сравнительно съ нами другіе роды оружія потерпѣли значительнѣе. Такъ, напримѣръ, уронъ артиллеріи II-й арміи составилъ 3⁰/₀ общихъ потерь (у насъ 2,7⁰/₀), инженерныя войска—2⁰/₀ (у насъ 0,2⁰/₀), конница-же около 0,2⁰/₀ (у насъ 0,1⁰/₀), что служитъ показателемъ большей дружности и согласованности работы ихъ всѣхъ. По длительности, упорству и обширности района и кровопролитію Мукденскіе бои составляютъ эпоху въ новѣйшихъ войнахъ—дѣйствительно сложная операція эта длилась три недѣли, захватила фронтъ болѣе 100 в. и обошлась намъ въ 26⁰/₀ строевого состава—японцамъ-же около 35—40⁰/₀; какъ у насъ, такъ и у нихъ, многія части, честно вынесшія всю тяжесть многодневныхъ боевъ, сохранили въ рядахъ лишь 10⁰/₀ своего состава. По обыкновенію, наибольшія потери, а именно, пропавшими безъ вѣсти, значительно перегрузившими нашъ балансъ состоялись при отступленіи,—до того же времени противникъ терялъ подъ Мукденомъ вдвое больше нашего, что является доказательствомъ стойкости нашей обороны, къ сожалѣнію пассивной“ [1]).

На основаніи приведенныхъ цифръ получимъ, что потери обѣихъ сторонъ за Мукденскіе бои превысили цифру 160.000. Въ трехъ величайшихъ сраженіяхъ XIX вѣка потери обѣихъ сторонъ давали лишь слѣдующіе результаты: Лейпцигъ — 90.000, Аспернъ—66.000, Бородино—62.000.

Въ процентномъ отношеніи въ Мукденскихъ бояхъ мы потеряли больше, чѣмъ во всѣхъ бояхъ XIX столѣтія, кромѣ Бородина, Лейпцига и Плевны. Подъ Бородинымъ мы потеряли 35,1⁰/₀, Первая Плевна — 18,5, Вторая Плевна — 22,6, Лейпцигъ — 17,8, Альма — 17,3, Черная рѣчка — 13,1, Третья Плевна — 16,8. Подъ Мукденомъ наши потери равнялись 25,8⁰/₀ офицеровъ и 17,6⁰/₀ нижнихъ чиновъ.

„Какъ огромныя потери японцевъ, такъ и наши—потери личнаго состава свидѣтельствуютъ, что наши войска дрались съ той же присущей имъ доблестью, которая въ прежнія войны стяжала русской арміи исключительную боевую славу“.

„Нашъ солдатъ и офицеръ такъ же умѣютъ геройски умирать,

---

[1]) А. Н. Виноградскій. Исторія Русско-Японск. войны т. IV, стр. 219—220.

какъ ихъ дѣды и отцы умирали на поляхъ Бородина, Севастополя, въ Турціи; у насъ были полки, обратившіеся отъ потерь убитыми и ранеными (безъ плѣнныхъ) въ роты, каковы 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Тамбовскій, 4-й и 17-й стрѣлковые, Чембарскій, Подольскій, Пензенскій, Орловскій, Юрьевскій полки; были части, гдѣ ротами командовали фельдфебеля и унтеръ-офицеры“ [1]).

---

1) Академическія Сообщенія, ч. 2, стр. 236.

ГЛАВА X.

Послѣ Мукдена.

Сыпингайскій періодъ. Конецъ войны.

„Ко времени остановки на Сыпингайскихъ позиціяхъ, въ трехъ Маньчжурскихъ арміяхъ къ 10 марта 1905 года состояло на лицо“:

„Офицеровъ 7.802, заурядъ прапорщиковъ 1.285, строевыхъ нижнихъ чиновъ 355.128, нестроевыхъ 100342, всего нижнихъ чиновъ 455.470 (т. е. считая со всѣмъ небоевымъ элементомъ).

„Изъ этой наличной численности собственно боевую силу арміи составляло 217.745 штыковъ, 12.861 шашка и 1.129 орудій. Въ среднемъ на батальонъ (402 батальона) приходилось 542 штыка, на эскадронъ или сотню ($122^1/_2$ эскадрона-сотенъ) 105 шашекъ. Слѣдовательно, некомплектъ до штатнаго числа штыковъ и шашекъ (въ батальонѣ 880 штыковъ, въ эскадронѣ и сотнѣ 140 шашекъ) достигалъ 136.000 штыковъ и 4.300 шашекъ, составляя 38,4% для пѣхоты и 25% для кавалеріи“.

„Были, однако, полки, въ коихъ численность батальоновъ была значительно меньше указанной выше средней. 5-го и 10-го стрѣлковыхъ полковъ вовсе не существовало. Отъ 55-го пѣх. Подольскаго полка сохранилось только двѣ роты—450 штыковъ. Въ двухъ полкахъ на батальонъ приходилось менѣе 200 штыковъ; въ пяти полкахъ—менѣе 300 штыковъ и въ десяти полкахъ—менѣе 400 штыковъ“.

„Возможно скорѣйшее усиленіе численности нашихъ вооруженныхъ силъ составляло, такимъ образомъ, задачу первостепенной важности. Усиленіе это могло быть достигнуто двумя главными путями—присылкой изъ Европейской Россіи 1) укомплектованій или 2) подкрѣпленій въ видѣ новыхъ войсковыхъ частей“.

„Къ сожалѣнію, въ нашей главной квартирѣ не было желательнаго единства и опредѣленности во взглядахъ на относи-

тельную важность этихъ двухъ способовъ усиленія вооруженныхъ силъ“ [1]).

„Всѣ подкрѣпленія и новыя формированія на театрѣ войны усилили Маньчжурскую армію послѣ Мукденскаго сраженія на 236½ батальоновъ пѣхоты, 56 сот., 615 ор., 332 пулемета и 12½ батальоновъ инженерныхъ войскъ, т. е. въ процентномъ отношеніи: пѣхоту на 72,2%; конницу—на 40%, артиллерію—на 58,2% и инженерныя войска—на 90,9%; число же пулеметовъ увеличилось въ 8¼ разъ“ [2]).

„Продолжительный 6-ти мѣсячный перерывъ боевыхъ дѣйствій далъ намъ возможность довести собранныя въ Маньчжуріи арміи до небывалой еще за всю войну силы 446½ тысячъ штыковъ, считая исключительно нижнихъ чиновъ, *которые фактически шли бы въ бой.* Для сравненія напомнимъ, что въ бывшихъ до того сраженіяхъ съ нашей стороны участвовало: подъ Ляояномъ 130 тысячъ штыковъ, на р. Шахэ 170 тыс. штыковъ и подъ Мукденомъ около 275 тыс. штыковъ; при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что только въ Сипингайскій періодъ было точно опредѣлено, кого именно слѣдуетъ считать въ числѣ штыковъ; до того же въ нѣкоторыхъ частяхъ въ числѣ штыковъ считали нижнихъ чиновъ, фактически въ бою не участвовавшихъ (санитаровъ, кашеваровъ, казенную прислугу и прочій такъ называемый домашній расходъ)“.

„Армія обезпечена была, наконецъ, и пулеметами, почти полное отсутствіе коихъ у насъ и наличіе ихъ у японцевъ такъ пагубно давало себя чувствовать въ бояхъ подъ Мукденомъ; въ послѣднихъ съ нашей стороны было всего 50 пулеметовъ, къ 22 же августа ихъ состояло уже 374“.

„Самымъ больнымъ мѣстомъ былъ довольно таки значительный (26,4% некомплектъ офицеровъ въ пѣхотѣ, но при включеніи въ ихъ число зауряд-прапорщиковъ (около 2.000 чел.) некомплектъ сокращался уже 8,8% штатнаго состава и терялъ уже сколько-нибудь острый характеръ. Къ тому же въ сентябрѣ долженъ былъ прибыть новый резервъ офицеровъ—1000 чел., который полностью покрылъ бы некомплектъ“ [3]).

„Принимая цифры боевой силы японскихъ армій въ Маньчжуріи такими, какъ онѣ считались развѣдывательнымъ отдѣле-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VI, стр. 16.

[2]) Тамъ же, стр. 34.

[3]) Тамъ же, стр. 39.

ніемъ Штаба Главнокомандующаго,—мы усматриваемъ, что русская армія уступала японской въ числѣ штыковъ лишь до мая мѣсяца, а затѣмъ, постепенно усиливаясь, она къ концу войны превзошла японскую армію на 109.000 тысячъ штыковъ, т. е. на 32,3%".

„При этомъ слѣдуетъ еще напомнить, что мы довольно таки произвольно считали у японцевъ штыками, т. е. принимающими непосредственное участіе въ бою, всѣхъ безъ исключенія строевыхъ нижнихъ чиновъ пѣхоты, предполагая, что ни одинъ строевой нижній чинъ не отвлекался для исполненія какихъ-либо хозяйственныхъ функцій: тогда какъ у насъ учтено, какъ мы видѣли выше, до 14—15% строевыхъ нижнихъ чиновъ пѣхоты, состоявшихъ на лицо въ полкахъ, но по своей службѣ не участвовавшихъ въ бояхъ, а потому и не включавшихся въ число штыковъ. Возможно, конечно, что эти чисто полковыя хозяйственныя надобности въ японскихъ войскахъ были неизмѣримо ниже, чѣмъ у насъ; но врядъ ли они могли обойтись совершенно безъ нихъ, тѣмъ болѣе, что положенное по штату число нестроевыхъ въ японскомъ пѣхотномъ полку (166 чел.) не многимъ лишь отличается отъ штатнаго числа нестроевыхъ въ нашемъ пѣхотномъ полку (159 чел.)".

„Наконецъ, Корейская армія японцевъ, численность коей къ концу войны опредѣлялась нами въ 38.250 штыковъ, не могла считаться плюсомъ японцевъ, такъ какъ и у насъ въ Приморской области къ концу войны собраны были даже значительно превосходныя силы,—а именно 75.500 строевыхъ нижнихъ чиновъ пѣхоты (свѣдѣній о боевой силѣ въ штыкахъ въ дѣлахъ не имѣется)".

„Относительно степени напряженія обѣихъ сторонъ по усиленію своихъ дѣйствующихъ армій наглядныя исчисленія сдѣланы были развѣдывательнымъ отдѣленіемъ Штаба Главнокомандующаго въ сводкѣ свѣдѣній о противникѣ отъ 31 мая 1905 года. Расчеты эти приводили къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„1) Японія, обратившись уже частью къ источникамъ, предназначавшимся лишь для обороны страны (ополченіе), созданіемъ новыхъ войсковыхъ частей развернула свою постоянную армію въ $1^1/_2$ раза, тогда какъ Россія выставила лишь $^1/_3$ своей постоянной арміи,

„2) Не считая пополненія потерь, Японія выставила на войну 1,8% своего 45 милліонаго населенія, а Россія—только 0,5% сво-

его 140 милліоннаго населенія, т. е. Японія дала на войну 1 изъ 50, а мы 1 изъ 200 человѣкъ" [1]).

„Въ началѣ мая 1905 г. ген. Мищенко съ коннымъ отрядомъ въ 5.000 коней произвелъ набѣгъ на лѣвый флангъ японцевъ, въ направленіи на г. Факумынь. Этотъ набѣгъ, если и не далъ большихъ результатовъ, то все же, позволилъ намъ похозяйничать короткое время въ японскомъ тылу, уничтожить двѣ роты, взять два пулемета и 234 плѣнныхъ; этотъ успѣхъ, первый послѣ Мукдена, былъ важенъ въ моральномъ отношеніи. Въ рукахъ ген. Мищенко конница прорывала линію непріятельскаго охраненія, шла въ огонь, бросалась въ шашки, что еще болѣе оттѣняетъ печальное боевое употребленіе ея подъ Мукденомъ".

„Такъ какъ японцы не рѣшались наступать противъ нашей усилившейся арміи, а съ другой стороны и престарѣлый генералъ Линевичъ, замѣнившій ген.-ад. Куропаткина послѣ Мукдена на тяжеломъ посту Главнокомандующаго, не находилъ въ себѣ достаточно энергіи и увѣренности, чтобы рѣшительно атаковать японцевъ, то крупныя операціи на Маньчжурскомъ театрѣ войны закончились" [2]).

„Боевая дѣятельность войскъ въ Сыпингайскій періодъ войны ограничивалась сторожевой и развѣдывательной службой. Послѣдняя получила особенно широкое развитіе въ видѣ періодически производившихся усиленныхъ рекогносцировокъ, иногда одновременно нѣсколькими отрядами передъ всѣмъ фронтомъ Сыпингайской позиціи.

„Рекогносцировки эти въ значительной степени помогли намъ выяснить расположеніе противника и тактическія свойства укрѣпленныхъ имъ позицій. Но, помимо этой пользы, рекогносцировки имѣли еще воспитательное для войскъ значеніе. Указывая на это значеніе рекогносцировокъ, Командующій I-й арміей въ своемъ отчетѣ пишетъ:

„Сотни запасныхъ, сотни молодыхъ солдатъ, прибывшихъ на укомплектованіе, понемногу, въ большихъ дѣлахъ, передовыхъ частяхъ, обстрѣливались, привыкали къ незнакомой мѣстности, освоивались съ боевой обстановкой".

„По сравнительно малой силѣ участвовавшихъ въ усиленныхъ рекогносцировкахъ отрядовъ и незначительности боевыхъ дѣйствій, сопровождавшихся обыкновенно ничтожными потерями

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VI, стр. 62.
[2]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 382—383.

рекогносцировки эти не представляютъ особаго тактическаго интереса. Обыкновенно отъ каждаго изъ авангардовъ для производства рекогносцировокъ назначались силою отъ 2 до 4 баталіоновъ при нѣсколькихъ сотняхъ и соотвѣтствующей артиллеріей; начальствованіе этими отрядами, изъ коихъ нѣкоторые сосѣдніе направлялись въ одинъ и тотъ же раіонъ, необъединялись, и каждый изъ нихъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно; въ результатѣ являлись иногда нареканія на недостатокъ взаимной поддержки и согласованности въ дѣйствіяхъ".

„Потери въ людяхъ за весь почти шестимѣсячный Сыпингайскій періодъ ограничились 178 убитыми, 1.020 ранеными и 68 безъ вѣсти пропавшими нижними чинами; офицеровъ было убито 10, ранено 53 и 1 пропалъ безъ вѣсти" [1]).

„Наиболѣе выдающіяся рекогносцировки: 1) по дальности пройденнаго пути—рекогносцировка 28-го марта—2-го апрѣля частью отряда г.-л. Ренненкампфа долиною р. Хуньхэ отъ с. Бейшанченза къ с. Импань; 2) по количеству участвовавшихъ войскъ и понесенныхъ потерь—рекогносцировка 8—10 апрѣля передъ всѣмъ фронтомъ обѣихъ армій; 3) по достигнутому успѣху, въ видѣ плѣненія цѣлой японской роты,—рекогносцировка частями Таулусскаго отряда 14—15 августа въ долинѣ р. Сидалихэ и, наконецъ, нѣкоторыя дѣйствія коннаго отряда ген.-ад. Мищенко,—а именно: 4) набѣгъ 4—11-го мая въ тылъ японскаго расположенія къ г. Факумыню и 5) штурмъ 18-го іюня укрѣпленной Санвайзской возвышенности" [2]).

„Оказавшись полными хозяевами на морѣ, въ іюнѣ японцы предприняли экспедицію на островъ Сахалинъ, оборона коего была ввѣрена его губернатору г.-м. Ляпунову, который, будучи военнымъ юристомъ по образованію, вводилъ различныя реформы въ бытъ каторжныхъ, но въ руководствѣ военными дѣйствіями былъ не искуснымъ. Его силы — пять мѣстныхъ баталіоновъ и нѣсколько дружинъ изъ добровольцевъ-каторжниковъ, отступивъ въ безпорядкѣ отъ Корсакова, забрались въ тупикъ, гдѣ и положили оружіе.

Военныя дѣйствія въ Сѣверной Кореѣ ограничились лишь незначительными операціями нашей конницы, неимѣвшими никакого вліянія на общій ходъ военныхъ дѣйствій.

24-го іюля, по посредничеству президента Сѣверо-Американ-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VI стр. 269.
[2]) Тамъ-же, стр. 270.

скихъ Соединенныхъ Штатовъ Рузвельта, въ Портсмутѣ начались мирные переговоры. Представителемъ Россіи былъ назначенъ бывшій министръ финансовъ Витте.

Отвергнувъ предложеніе объ уплатѣ контрибуціи, выдачѣ укрывшихся въ нейтральныхъ портахъ судовъ, Россія отказалась отъ мысли добиться рѣшительной побѣды во что бы то ни стало и согласилась признать за Японіей то, чѣмъ она фактически уже владѣла: Квантунъ съ Портъ-Артуромъ и Дальнимъ, южную половину Сахалина, часть Южной вѣтки Китайской желѣзной дороги, и предоставила Японіи свободу дѣйствій въ Кореѣ. 23-го августа мирный договоръ былъ подписанъ“ [1]).

Такимъ образомъ, преувеличивая силу внутреннихъ враговъ, съ которыми правительство слабо и нерѣшительно боролось, и не учитывая мощи Маньчжурской арміи, Россія рѣшила кончить эту тяжелую войну.

Послѣдній выстрѣлъ прогремѣлъ въ отрядѣ генерала Ренненкампфа, во время послѣдней боевой рекогносцировки. Война была кончена, армія была обречена на страданіе. Страданіе болѣе тяжкое, чѣмъ боевая страда, только что пережитая.

Получившая „свободу“ печать, цѣлая армія статскихъ корреспондентовъ, „очевидцевъ“ нашихъ боевъ, наконецъ, цѣлая серія просто любителей газетнаго шума и сплетенъ—въ теченіи первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ послѣ войны — не давали покоя изстрадавшейся арміи. Тамъ, гдѣ было свыше милліона войскъ, конечно, были и хорошіе и дурные представители арміи. Все хорошее печать замалчивала, все дурное и грязное — преподносилось широкой публикѣ и на основаніи этого сора — мы долго не могли установить правильный взглядъ, справедливую точку зрѣнія на совершившіяся событія.

Первыми солидными разборами минувшихъ событій явились въ печати „отчеты“ А. Н. Куропаткина.

Не беру на себя задачи какой бы то ни было критики моего бывшаго Главнокомандующаго, но позволяю себѣ утверждать, что А. Н. Куропаткинъ, со свойственной ему вдумчивостью и огромнымъ, исключительнымъ опытомъ—далъ въ своихъ отчетахъ великолѣпный матеріалъ по оцѣнкѣ какъ причинъ нашихъ неудачъ, такъ и по разбору нашей организаціи и свойствъ нашего офицера, солдата и высшихъ начальниковъ.

---

[1]) А. Свѣчинъ. Русско-Японская война, стр. 384—385.

Привожу характерныя выдержки изъ его записокъ:

„Прежде всего большинство бойцовъ было призвано изъ запаса, многое позабывъ. Во-вторыхъ, настоящая война представила первый опытъ войны съ бездымнымъ порохомъ, скорострѣльною артиллеріею, большимъ числомъ пулеметовъ и большимъ развитіемъ техническихъ средствъ. Многое для войскъ было дѣйствительно новое и неожиданное. Въ особенности первое время поражала воображеніе дѣйствительность артиллерійскаго огня по невидимымъ артиллеріи цѣлямъ, поражалъ новый порядокъ наступленія пѣхоты, когда противника почти не было видно, когда продвигались впередъ одиночными людьми частью ползкомъ, пользуясь каждою складкою мѣстности, чтобы накапливаться внѣ взоровъ противника. Мы многому учились и дома, но учились, въ зависимости отъ личныхъ мнѣній тѣхъ или другихъ командующихъ войсками въ округахъ и, какъ то выше указано, весьма разнообразно. Чѣмъ авторитетнѣе былъ командующій войсками, тѣмъ менѣе онъ считалъ себя обязаннымъ держаться при обученіи войскъ существующихъ уставовъ, инструкцій. Въ этомъ отношеніи не представлялъ исключенія и прибывшій къ дѣйствующей арміи ген. Гриппенбергъ. Несмотря на существующее въ уставѣ указаніе о пользованіи при отбитіи ночныхъ атакъ залпами, несмотря на боевую практику, которая вполнѣ подтвердила необходимость и полезность залповой стрѣльбы, несмотря, наконецъ, на руководящія по этому вопросу указанія главнокомандующаго, онъ рѣшился за нѣсколько дней до боя переучивать войска ввѣренной ему арміи, приказавъ даже ночью встрѣчать противника одиночнымъ огнемъ. Въ напечатанныхъ и разосланныхъ по войскамъ указаніяхъ о дѣйствіяхъ пѣхоты въ бою, имъ подписанныхъ 22 декабря 1904 года и вызвавшихъ въ арміи общее недоумѣніе и, что хуже — глумленіе, приказано стрѣльбу залпами производить только въ случаѣ внезапнаго появленія противника на самомъ близкомъ разстояніи, когда вслѣдъ за залпомъ должно броситься въ штыки“.

„Осуждая въ означенныхъ указаніяхъ способъ дѣйствій нашихъ войскъ подъ Тюренченомъ, ген. Гриппенбергъ даетъ рецептъ, какъ слѣдовало бы дѣйствовать, чтобы наши два баталіона могли уничтожить японскую дивизію. Въ указаніяхъ послѣ расчета количества выпущенныхъ пуль значится:

Если бы наши два баталіона были развернуты и въ полномъ со-

ставѣ стрѣляли одиночнымъ учащеннымъ огнемъ, то японская дивизія была бы уничтожена, и побѣда осталась бы за нами.

Такъ легко казалось ген. Гриппенбергу уничтожать японскія дивизіи. Но когда черезъ нѣсколько дней онъ, располагая сильною арміею въ 120 баталіоновъ, двинулся противъ позиціи у Сандепу, эти рецепты оказались непригодными, и первые дни, имѣя противъ себя не болѣе двухъ японскихъ дивизій, ген. Гриппенбергъ не могъ овладѣть Сандепу, спуталъ войска, далъ противнику время подвести сильныя подкрѣпленія и отступилъ... въ Петербургъ" [1]).

Оцѣнивая наши дѣйствія у Сандепу, А. Н. Куропаткинъ говоритъ: „многіе до сихъ поръ продолжаютъ восхищаться тѣмъ порядкомъ, въ которомъ 14-я дивизія произвела наступленіемъ атаку. Но быстрое расходованіе силъ дивизіи и быстрое расходованіе полковыхъ и дивизіонныхъ резервовъ при атакѣ укрѣпленной позиціи, конечно, составляетъ весьма слабую сторону въ дѣйствіяхъ 14 дивизіи. Сохранись дивизіонный и полковые резервы, вѣроятно, не пришлось бы послѣ спѣшнаго наступленія приказывать и спѣшное отступленіе. Картина наступленія всею дивизіею, вытянутою въ одну линію противъ сильно укрѣпленной позиціи, безъ знанія мѣстности, силъ и расположенія противника, могла вызвать восхищеніе только у очень неопытныхъ въ боевомъ дѣлѣ зрителей".

„Основной работы, которая должна была предшествовать такому предпріятію, какъ штурмъ укрѣпленій, по типу временнаго характера, выясненія силъ позиціи, опредѣленія направленія главнаго удара, подготовки штурма артиллеріею, подготовки штурмовыхъ средствъ—произведено не было" [2]).

„Докатившись одною тонкою и длинною волною до передовыхъ къ Сандепу позицій и овладѣвъ только этими позиціями, дивизія утратила силу на дальнѣйшія еще несравненно труднѣйшія усиленія по овладѣнію Сандепу. Наступила реакція и эта слишкомъ быстрая реакція имѣла объясненіе въ крайнемъ утомленіи трехъ полковъ дивизіи, совершившихъ передъ боемъ форсированные ночные марши. Артиллерія помогала мало. Саперы не помогли вовсе и пѣхота 14 дивизіи, вся вытянутая въ бой, уже считала непосильною для себя задачею продолжать борьбу

[1]) Записки Куропаткина, стр. 303—304.

[2]) Куропаткинъ, стр. 371.

съ противникомъ, укрытымъ сильными укрѣпленіями съ массою искусственныхъ препятствій. А между тѣмъ потери дивизіи, какъ мы видѣли выше, были не особенно велики, а въ Волынскомъ полку очень незначительны. Прояви мы большое упорство въ достиженіи поставленной цѣли, полки дивизіи могли бы удержаться на занятой ими позиціи, укрѣпить ее при помощи саперъ, пододвинуть за ночь впередъ полевыя мортиры и поршневыя орудія, дать вѣрныя разстоянія и указать цѣли для дѣйствій осадныхъ орудій и пр., тогда и результатъ получился бы другой“ [1]).

„И несмотря на очевидность неудачныхъ дѣйствій 13 января войскъ 14-й дивизіи и несоотвѣтствіе боевого порядка, принятаго дивизіею при атакѣ сильныхъ укрѣпленій, все еще, даже въ печати, восхваляется этотъ порядокъ, приведшій къ неудачѣ. Такъ, очевидецъ боя 14 дивизіи ген.-лейт. Баженовъ въ своей статьѣ по поводу сужденій о новой техникѣ пишетъ:

„Нѣсколько позже 3 часовъ дивизія дружно двинулась впередъ въ томъ же строѣ, въ которомъ я ее засталъ у подошвы холма: но потомъ съ холма казалось, что поддержки какъ бы слились съ цѣпью и наступала какъ бы одна сплошная цѣпь: но она наступала безостановочно и, конечно, не на четверенькахъ и безъ колѣнопреклоненія; однимъ словомъ, это была дивизія Драгомировская, и наступила она такъ, какъ училъ ее покойный Михаилъ Ивановичъ“.

„Очевидно, на этотъ разъ указанное ген.-лейт. Баженовымъ обученіе не соотвѣтствовало ни противнику, съ которымъ мы имѣли дѣло, ни укрѣпленіямъ, которыя намъ предстояло брать“ [2]).

„Какъ и въ прежнія войны, главная тяжесть боя ложилась на пѣхоту, и въ большинствѣ случаевъ пѣхота дѣйствовала самоотверженно, продолжая бой даже послѣ потери свыше половины состава. Во многихъ случаяхъ, особенно при наступленіи, нами принимались строи, вызывавшіе огромныя потери. Ходили, особенно въ первыхъ бояхъ, слишкомъ компактными массами. Связи по фронту не держали. Сосѣдямъ часто не помогали“.

„Наша многочисленная конница не достаточно помогала другимъ родамъ войскъ“.

---

[1]) Куропаткинъ. стр. 372.
[2]) Тамъ же, стр. 374.

„Содѣйствіе артиллеріи во многихъ случаяхъ было не достаточное“ [1]).

„Вопросъ объ оцѣнкѣ высшаго командного элемента, т. е. объ оцѣнкѣ дѣятельности лицъ, занимающихъ должности командировъ корпусовъ, начальниковъ дивизій и командировъ бригадъ, не можетъ быть и, казалось бы, не долженъ разрѣшаться теперь же“.

„Слишкомъ много личныхъ, чисто субъективныхъ взглядовъ можетъ лечь въ основаніе этой оцѣнки. Надо дать успокоиться и уму, и сердцу, чтобы съ безпристрастной оцѣнкой, на основаніи историческихъ данныхъ, приступить къ данному вопросу“.

„Все же, почти безошибочно, можно сказать, что главнымъ свойствомъ нашего высшаго командного элемента, особенно въ первый періодъ кампаніи, было отсутствіе инициативы, неумѣніе вести наступной бой и недостатокъ настойчивости. Результатомъ этого всегда являлось несогласованіе дѣйствій крупныхъ единицъ, равнодушіе къ положенію сосѣда и преждевременное признаніе боя проиграннымъ“.

„Даже лучшіе по качеству начальники всегда находили болѣе выгоднымъ, если наступать начнетъ сосѣдъ, а сами они будутъ только поддерживать“.

„Если кого нибудь тѣснили и онъ отступалъ, сосѣди, вмѣсто того, чтобы помочь поправить положеніе, уходили“.

„Смѣлаго порыва впередъ не было почти ни у кого“.

„Работа полковыхъ командировъ была уже въ значительной мѣрѣ выше въ боевомъ отношеніи, но нельзя не поставить въ упрекъ недостаточное умѣніе оріентироваться въ обстановкѣ и на мѣстности. Рѣдко командиръ полка, посланный въ отдѣлъ, могъ обойтись безъ помощи офицера генеральнаго штаба. Пользоваться картами, учить подчиненныхъ обращаться съ картою, въ особенности въ началѣ кампаніи, не умѣли, что сказывалось сильно на веденіе операціи, такъ какъ полки опаздывали и шли зачастую не туда, куда надо. Все это отчасти объясняется и отсутствіемъ навыка дѣйствовать въ горной мѣстности“ [2]).

„Составъ офицеровъ, хотя и лишенный должнаго военнаго воодушевленія, былъ хорошій, въ особенности, въ отношеніи офицеровъ дѣйствительной службы. Лучшимъ доказательствомъ самоотверженной работы офицерскаго состава служитъ количество

---

[1]) Куропаткинъ стр. 375—376.

[2]) Отчетъ Командующаго 1-й Маньчж. Арміей, стр. 399—400.

потерь, понесенныхъ арміей за отчетный періодъ, съ ноября 1904 года по сентябрь 1905 года, изъ котораго видно, что процентъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ значительно превышаетъ процентъ потерь въ нижнихъ чинахъ“ [1]).

„Нельзя не прибавить, что въ общемъ значительно ниже по качеству офицеровъ дѣйствительной службы были офицеры запаса, за исключеніемъ зачисленныхъ на службу по собственному желанію“.

„Офицеры эти значительно отставали въ тактической подготовкѣ отъ офицеровъ дѣйствительной службы и не всегда съ достаточнымъ желаніемъ несли свои обязанности, съ тѣмъ рвеніемъ, какое необходимо въ боевыхъ условіяхъ“.

„Многіе прапорщики запаса оказались неудовлетворительными. Получивъ это званіе лишь для того, чтобы въ случаѣ мобилизаціи не быть нижнимъ чиномъ, ничего не имѣя общаго съ военною службою, часто не симпатизируя ей и не обладая мало-мальски сносной подготовкой, прапорщики запаса во многихъ случаяхъ не пользовались авторитетомъ среди подчиненныхъ нижнихъ чиновъ“.

„Что касается до прапорщиковъ и зауряд-прапорщиковъ, произведенныхъ за боевыя отличія изъ нижнихъ чиновъ, то они оказались элементомъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Выдавшись изъ среды солдатъ, дорожа своимъ положеніемъ съ одной стороны, они имѣли среди нижнихъ чиновъ достаточный авторитетъ, съ другой стороны, они уживались и съ офицерской средой, будучи прекрасными, старательными помощниками ротныхъ командировъ“.

„Насколько зауряд-прапорщики относились самоотверженно къ дѣлу, свидѣтельствуетъ то, что изъ 600 зауряд-прапорщиковъ, числившихся въ арміи, въ февралѣ, только за Мукденскіе бои, было убито и ранено 192, т. е. свыше 28%“.

Нравственный уровень офицерской среды былъ вполнѣ удовлетворителенъ. За весь отчетный періодъ удалено изъ раіона арміи за неодобрительные проступки всего 19 офицеровъ.

При оцѣнкѣ дѣятельности Генеральнаго Штаба высшими строевыми начальниками большинствомъ высказывалось мнѣніе, что теоретическая подготовка, умственныя способности и само-

---

[1]) Отчетъ Командующаго I-й Маньчж. Арміей, стр. 401.

отверженная служба офицеровъ генеральнаго штаба стоятъ высоко.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, столько же единодушно высказывалось, что офицеры генеральнаго штаба недостаточно слиты съ войсками и не обладаютъ въ достаточной мѣрѣ практическими знаніями, дабы правильно судить, что отъ войскъ можно требовать и въ какой мѣрѣ исполнимо то или другое приказаніе при данной обстановкѣ, что нужно предпринять для избѣжанія невольныхъ неправильностей при передачѣ и исполненіи приказаній и т. п. Какъ на средство для достиженія практической подготовки офицеровъ генеральнаго штаба, строевые начальники указывали на прохожденіе службы преимущественно въ войскахъ и при этомъ во всѣхъ родахъ оружія, и лишь отчасти въ штабахъ [1]).

„Многіе изъ генераловъ, командовавшихъ съ большимъ успѣхомъ отдѣльными частями въ мирное время, въ военное время, во главѣ болѣе крупныхъ частей, оказались несоотвѣтствующими. Должной практики въ мирное время по строевому командованію дивизіями и корпусами очевидно не было. Многіе изъ этихъ начальниковъ отстали отъ современныхъ боевыхъ требованій. Характерною чертою большинства изъ нихъ было нежеланіе брать на свою отвѣтственность сколько нибудь энергичныя рѣшенія“.

„Въ армію, во главѣ крупныхъ частей, прибывали лица завѣдомо несоотвѣтствующія или по болѣзненному состоянію, или по другимъ серьезнымъ причинамъ. Въ трехъ армейскихъ корпусахъ, составленныхъ изъ старыхъ полковъ, прибывшихъ ранѣе другихъ на театръ военныхъ дѣйствій, послѣ первыхъ боевъ удалились сами или были удалены: одинъ командиръ корпуса, четыре начальника дивизій и нѣсколько командировъ бригадъ“.

„Въ числѣ причинъ, неизбѣжно затруднявшихъ для насъ ходъ военныхъ дѣйствій, надлежитъ замѣтить частую смѣну главнокомандующихъ“.

„Въ теченіе 19 мѣсяцевъ военныхъ дѣйствій смѣнилось три главнокомандующихъ“.

„Съ начала военныхъ дѣйствій до середины октября, въ теченіе 8½ мѣсяцевъ, главнокомандованіе находилось въ рукахъ адмирала Алексѣева. Съ середины октября по первыя числа

---

[1]) Отчетъ Командующаго I-й Маньнжурской Арміей, стр. 402—403.

марта—въ моихъ. Въ моихъ рукахъ было всего $4^1/_2$ мѣсяца. Съ начала марта и до конца военныхъ дѣйствій, въ теченіе 6 мѣсяцевъ, въ рукахъ ген. Линевича".

„То соображеніе, что изъ 19 мѣсяцевъ военныхъ дѣйствій я былъ хозяиномъ только $4^1/_2$ мѣсяца, и то не въ началѣ или въ концѣ, а лишь въ срединѣ періода военныхъ дѣйствій, не было принято въ счетъ, когда въ прошломъ году, точно по установленному сигналу, появились брошюры, статьи, газетныя замѣтки, имѣвшія цѣлью доказать, что я долженъ быть признанъ главнымъ виновникомъ нашихъ неудачъ на войнѣ, какъ главнокомандующій и какъ военный министръ" [1]).

„Нынѣ, при крайне усложнившейся обстановкѣ боя, личность старшаго вождя умалилась противъ прежняго времени. Безъ надежныхъ талантливыхъ и энергичныхъ помощниковъ: командующихъ арміями и командировъ корпусовъ, безъ развитой инициативы дѣйствій во всѣхъ чинахъ, безъ численнаго превосходства войскъ и, главное, безъ военнаго одушевленія войскъ и патріотическаго подъема всей націи, роль вождя арміи становится настолько тяжелою, что можетъ оказаться по силамъ только геніальному полководцу. Быть можетъ геній восполнилъ бы собою недостатки нашей арміи духовные и матеріальные, но, очевидно, Алексѣевъ, Куропаткинъ, Линевичъ, Гриппенбергъ, Каульбарсъ, Бильдерлингъ этихъ недостатковъ восполнить не могли".

„Наши войска послѣ первыхъ даже неудачныхъ боевъ не только не ухудшались, но улучшались, пріобрѣтали боевой опытъ и, главное, осваивались съ смертельною опасностью, привыкали къ ней. Мы даже послѣ пораженія крѣпли духомъ" [2]).

Въ заключеніе привожу оффиціальныя данныя о потеряхъ нашихъ Маньчжурскихъ армій за эту памятную войну:

„Потери убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти воинскихъ чиновъ по родамъ оружія для всего боевого состава дѣйствующей арміи выразились въ слѣдующихъ абсолютныхъ цифрахъ":

	Убито		Ранен. и контуж.		Пр. безъ вѣсти	
	офиц.	н. чин.	офиц.	н. чин.	офиц.	н. чин,
Въ пѣхотѣ	601	17926	3250	111333	376	37567
„ артиллеріи . . .	29	454	327	3979	15	761

[1]) Записки Куропаткина, стр. 408.
[2]) Тамъ же, стр. 409.

Въ кавалеріи . . .	30	515	209	2678	23	461
„ инженер. войскахъ	6	38	20	311	1	139
„ погр. стражѣ .	11	125	17	386	3	199
„ проч. частяхъ .	1	10	17	163	4	66
Во всѣхъ родахъ ор.	678	19068	3840	118850	422	39193

„Такимъ образомъ, наибольшія потери убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти понесла пѣхота, за нею, въ нисходящемъ порядкѣ, слѣдуютъ кавалерія и артиллерія“ [1]).

„Изъ общаго числа раненій среди офицеровъ 99,3% приходится на долю огнестрѣльнаго оружія и 0,7%—холоднаго оружія; среди нижнихъ чиновъ 98,3%—на долю огнестрѣльнаго оружія и 1,7% холоднаго оружія. Въ общемъ огнестрѣльнымъ оружіемъ было ранено 98,35% и холоднымъ оружіемъ—1,65%“.

„Изъ общаго числа раненій огнестрѣльнымъ оружіемъ приходится на долю“:

Ружейныхъ пуль 75%
Осколковъ отъ снарядовъ 14%
Шрапнельныхъ пуль 11%

Изъ общаго числа раненій холоднымъ оружіемъ приходится:

Рубленыхъ ранъ 21%
Колотыхъ ранъ 79%

„Сравнительно высокій процентъ рубленыхъ (сабельныхъ) ранъ объясняется тѣмъ, что японскій штыкъ—кинжалъ зачастую причинялъ раненія совершенно похожія на сабельныя“ [2]).

„Выше были приведены абсолютныя потери убитыми и ранеными. Эти цифры отнюдь не выражаютъ дѣйствительныхъ потерь въ бояхъ, такъ какъ въ расчетъ средняго наличнаго состава дѣйствующей арміи вошли, во-первыхъ, части, неимѣвшія боевого значенія, во-вторыхъ, цѣлые корпуса, прибывшіе на театръ войны послѣ Мукденскаго сраженія и вовсе не принимавшіе участія въ боевыхъ столкновеніяхъ. Поэтому при опредѣленіи относительныхъ потерь убитыми и ранеными въ различныхъ бояхъ надлежитъ сопоставлять абсолютныя потери съ количествомъ строевого состава частей, принимавшихъ участіе въ этихъ бояхъ. При соблюденіи этого условія относительныя потери убитыми и ранеными въ 8 болѣе крупныхъ бояхъ минувшей кампаніи выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VII, стр. 292.
[2]) Тамъ же, стр. 293.

НАИМЕНОВАНІЕ БОЕВЪ.	% Убитыхъ изъ состава частей, приним. участіе.	% Раненыхъ.	Общій % потерь.
Тюренченъ	4,78	9,75	14,53
Вафангоу	1,22	6,25	7,47
Ташичао	0,92	4,30	5,22
Янзелинскій перевалъ .	0,96	3,25	4,21
Ляоянъ	0,82	5,00	5,82
Шахэ	1,37	8,25	9,62
Сандепу	2,04	11,00	13,04
Мукденъ	2,22	12,75	14,97

Среднія относительныя цифры потерь во всѣхъ 8 сраженіяхъ—1,33% убитыхъ и 7,50% раненыхъ, всего 8,83%. Среднія относительныя цифры потерь въ трехъ генеральныхъ сраженіяхъ (Ляоянъ, Шахэ, Мукденъ)—1,65% убитыхъ и 9,68% раненыхъ, всего 11,33% [1])

Таковы матеріалы, полученные трудами нашей военно-исторической комиссіи. Однако эти цифры все же не выражаютъ во всей полнотѣ картину поразительной стойкости нашихъ войскъ. Происходитъ это потому, что даже взявъ всѣ части войскъ, присутствовавшія на полѣ сраженія въ данномъ бою, все же часть войскъ будетъ въ резервахъ и лишь другая часть въ боевой линіи.

Болѣе ясная картина получается, если мы будемъ брать процентъ потерь въ отдѣльныхъ корпусахъ и притомъ отбывшихъ всю кампанію съ начала до конца.

1-й Сибирскій корпусъ, подъ начальствомъ генераловъ бар. Штакельберга и Гернгросса, съ начала войны и до заключенія мира въ общемъ потерялъ 632 офицера и 18.734 нижнихъ чина, что даетъ 98% потерь офицерскаго состава и 58,8% потерь нижнихъ чиновъ.

3-й Сибирскій корпусъ, въ тотъ же періодъ, потерялъ 53% офицеровъ и 45,3% нижнихъ чиновъ [2]).

Другіе корпуса даютъ менѣе потрясающую картину. Если брать проценты потерь въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, то получимъ не только не менѣе, но даже еще болѣе потрясающія цифры, какъ напримѣръ въ войскахъ генерала Ренненкампфа, гдѣ % потерь превышалъ цифру 70 за одни только Мукденскія бои.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 1, стр. 295—296.
[2]) Отчетъ Командующаго І-й Маньчж. Арміей, стр. 361.

Въ 36-мъ Вост.-Сибирскомъ стрѣлковомъ полку процентъ потерь дошелъ до цифры 133%, что указываетъ, что многіе офицеры были ранены по 2 и по 3 раза, но возвращались въ строй и вновь выбывали за ранами. Въ томъ же полку убыль нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными дошла до 87,6% [1]).

Эти цифры краснорѣчивѣе всего доказываютъ намъ, что Русская армія не имѣетъ предѣловъ своей стойкости и умѣетъ и до сего времени драться до послѣдняго человѣка.

Заканчивая описаніе терноваго пути Русской арміи съ береговъ Шахэ и до Сыпингая, въ заключеніе хочу еще разъ указать на значеніе Русско-Японской войны.

Конечно, 1904 и 1905 годы были для насъ тяжкимъ испытаніемъ. Но нужно твердо помнить, что это испытаніе пролило свѣтъ въ наши головы, затуманенныя тридцатилѣтнимъ почти затишьемъ. Герои Шипки и Плевны, пріѣзжавшіе на войну, открыто сознавались, что сила огня прошлой Турецкой кампаніи—и понятія не давала о томъ, что мы испытывали подъ Ляояномъ, Шахэ и Мукденомъ.

Армія наша горькимъ опытомъ вошла въ курсъ современной войны и на цѣлую голову опередила въ этомъ всѣхъ своихъ опаснѣйшихъ сосѣдей.

Опытъ былъ горькій, но мы должны помнить, что далекая Маньчжурія являлась для насъ страной, которую 9/10 арміи знало лишь по туманнымъ разсказамъ, а то и вовсе не знало.

Война началась съ импровизаціи нашей коренной организаціи и далеко не исчерпала и половины той силы, которую мы можемъ дать въ серьезную минуту для защиты коренныхъ русскихъ владѣній.

Война кончилась неудачею, но если бы мы имѣли мужество продолжать войну, положеніе могло измѣниться совершенно въ другую сторону.

Во всякомъ случаѣ тяжелые 1904 — 1905 годы дали намъ много горькаго, но стыдиться ихъ и, не дай Богъ, забыть мы не можемъ и не должны.

---

1) Отчетъ Командующаго 1-й Маньчж. Арміей, стр. 362.

Въ эту именно войну наши родные полки доказали намъ вновь, что они достойны своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Чуждые какихъ бы то ни было высшихъ политическихъ соображеній, закинутые въ далекую полувраждебную страну, наши младшіе строевые работники и наши несравненные солдаты—поливали обильно своею кровью желтую Маньчжурскую землю и клали свою голову просто, безъ красивыхъ словъ, безъ разсужденій—тамъ, гдѣ повелѣвалъ имъ долгъ и святыя слова присяги.

И подъ Ляояномъ, и на Шахэ, подъ Сандэпу и Мукденомъ наши полки умѣли и атаковать, и брать пушки, и обороняться до послѣдняго человѣка и умирать, осѣнивъ себя крестомъ, съ именемъ Царя на устахъ.

Не будемъ же забывать этихъ свѣтлыхъ, многочисленныхъ страницъ въ исторіи этой войны. Они яркимъ золотомъ сверкаютъ на темномъ фонѣ управленія арміями. По этимъ страницамъ можетъ воспитываться и юношество, а офицерская среда должна найти въ нихъ силы для огромной работы по подготовкѣ родной арміи и надежды, что русскіе полки доживутъ наконецъ до свѣтлаго счастья побѣды и вѣчной славы, которой они всегда были достойны и въ памятную годину испытаній.

Составилъ *В. Марушевскій.*

БОРЬБА ЗА ПОРТЪ-АРТУРЪ.

Бой на Цзиньчжоуской и предкрѣпостныхъ позиціяхъ.

ПРИКАЗЪ АРМІИ И ФЛОТУ [1]).

Геройская оборона Портъ-Артура, удивлявшая весь міръ стойкостью и мужествомъ гарнизона, внезапно была прервана позорною сдачею крѣпости.

Верховный судъ, карая виновника сдачи, вмѣстѣ съ тѣмъ въ полномъ величіи правды возстановилъ незабвенные подвиги храбраго гарнизона.

Доблестные защитники Портъ-Артура! Геройскими подвигами вашими, беззавѣтною храбростью и вѣрностью присягѣ, проявленными вами при оборонѣ Нашей твердыни на Дальнемъ Востокѣ, вы стяжали себѣ безсмертную славу и вписали новую блестящую страницу въ лѣтопись подвиговъ русскаго воинства! Благодарная Россія гордится вами и не забудетъ вашихъ подвиговъ, какъ не забывали и вы свой долгъ передъ нею!

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Эти высокомилостивыя слова Верховнаго Вождя русской арміи служатъ самой лучшей оцѣнкой дѣятельности Портъ-Артурскаго гарнизона.

---

[1]) 5 Марта 1908 г.

Еще задолго до осады крѣпости войска проявили доблесть, а, вмѣстѣ съ ней, присущее русскому воину спокойствіе, добродушіе и любовь къ ближнему въ бояхъ у Цзиньчжоу 13 мая 1904 года, на перевалахъ и Волчьихъ горахъ.

Позицію у Цзиньчжоу было предоставлено защищать 5-му В.-С. стрѣлковому полку съ небольшимъ числомъ орудій, въ которыхъ не малое число было взятыхъ во время боксерскаго возстанія китайскихъ пушекъ, включенныхъ въ такъ называемую „позиціонную" артиллерію. Позиція была укрѣплена поспѣшно, многаго не успѣли сдѣлать: редуты были временнаго типа, фланги не были достаточно укрѣплены и вооружены осадной артиллеріей, чтобы противостоять огню непріятельскихъ канонерокъ.

Несмотря на доводы командира 5-го В.-С. стрѣлковаго полка, полковника Третьякова (бывшій офицеръ инженерныхъ войскъ) и инженеръ-капитана Шварца, генералъ Фокъ приказалъ спустить траншеи къ подножію высотъ, чѣмъ лишилъ стрѣлковъ хорошаго обстрѣла, а японцамъ предоставилъ возможность укрываться въ самыхъ незначительныхъ складкахъ мѣстности. И эту недостаточно укрѣпленную позицію весьма значительнаго протяженія предоставили для обороны одному только полку.

„Когда я докладывалъ, говоритъ полковникъ Третьяковъ, генералу Фоку о трудности обороны позиціи однимъ неполнымъ полкомъ, онъ мнѣ возразилъ: „А знаете, я на вашемъ мѣстѣ сказалъ бы начальству такъ: оставьте мнѣ только двѣ роты, я съ ними сумѣю умереть лучше, чѣмъ съ полкомъ". Изъ этого я вывелъ заключеніе, что тутъ дѣло не въ успѣхѣ обороны, а въ чемъ то другомъ, чего я понять тогда еще не могъ" [1]).

И несмотря на такія неблагопріятныя условія, и стрѣлки, и артиллеристы исполнили свой долгъ до конца, сдерживая атаки всей арміи Оку цѣлый день.

Японцы еще въ ночь на 13-е мая пытались ворваться въ г. Цзиньчжоу, обороняемый одной ротой. Они подложили у южныхъ воротъ мину. Чтобы убрать ее, „вызвались два охотника;—младшій унт. офиц. 10-й роты Михѣевъ и той же роты стрѣлокъ Рубцовъ. Эти молодцы открыли ворота, подъ сильнымъ огнемъ

---

[1]) Третьяковъ. 5-й В.-С. стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ. (Военный сборникъ, 1909 года).

противника взяли положенную у воротъ мину, втащили ее въ городъ и отнесли въ одинъ изъ отдаленныхъ переулковъ“ [1]).

Съ утра превосходная числомъ непріятельская артиллерія начала обстрѣливать нашу позицію.

„По отзывамъ полк. Третьякова, генерала Надѣина и генерала Фока, наша артиллерія вела себя въ бою „отважно“ и „исполнила свой долгъ“, чему подтвержденіемъ служатъ понесенныя ею потери (около 1/4 состава)“ [2]).

Вотъ что разсказываетъ П.-Артурскій герой, подполковникъ Гобято, опрашивавшій участниковъ Цзиньчжоускаго боя, находясь въ плѣну:

„Стрѣлокъ, подносившій въ окопы патроны, говорилъ, что на батареѣ № 4 велъ стрѣльбу только одинъ оставшійся тамъ номеръ. Когда японцы начинали обстрѣливать батарею, номеръ прятался за брустверомъ, а, какъ только огонь по батареѣ прекращался, номеръ заряжалъ, наводилъ орудіе и дѣлалъ выстрѣлъ и, такимъ образомъ, отвлекалъ огонь отъ стрѣлковыхъ окоповъ на себя. Снаряды съ батареи № 4 ложились очень хорошо, такъ что послѣ каждаго выстрѣла одно или два японскихъ орудія прекращали огонь.

Около 11-ти часовъ было видно, какъ артиллеристъ съ батареи № 4 началъ подрывать брустверъ подъ дуломъ орудія, желая стрѣлять на ближнюю дистанцію по японскимъ цѣпямъ. Японская артиллерія стала засыпать показавшагося номера, но онъ, не обращая вниманія, продолжалъ свою работу и подъ градомъ пуль и снарядовъ возился довольно долго. Безстрашіе и хладнокровіе этого неизвѣстнаго артиллериста произвело на всѣхъ стрѣлковъ сильное впечатлѣніе.

Съ батареи № 4 слышно было еще нѣсколько выстрѣловъ, а потомъ она замолчала. Были-ли выпущены всѣ снаряды, былъ-ли номеръ раненъ во время работъ на брустверѣ, былъ-ли онъ убитъ—осталось неизвѣстно, такъ-же какъ неизвѣстна и его фамилія“ [3]).

Не менѣе доблестно вели себя и стрѣлки.

Подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, японцы перешли въ наступленіе.

---

[1]) Русско-японская война 1904—1905 г.г. Работа военно-исторической комиссіи, т. VIII, ч. I, стр. 255.

[2]) Тамъ же, стр. 257.

[3]) Подполковникъ Гобято. Бой подъ Цзиньчжоу 13 мая 1904 г.

„Центръ японцевъ (I-я дивизія) началъ наступленіе около $8^1/_2$ час. утра, при чемъ огонь артиллеріи этого участка былъ направленъ по сѣверо-восточному фасу нашей позиціи.

Японская пѣхота старалась продвинуться впередъ, прикрываясь складками мѣстности и желѣзнодорожной насыпью, но нашъ ружейный и пулеметный огонь прямо сметалъ ихъ цѣпи“ [1]).

„Около 10 час. утра японскія колонны (3-я дивизія) показались у д. Ліудягу и по нимъ открыла огонь 1-я батарея 4-й бригады, занимавшая закрытую позицію на Тафашинскихъ высотахъ.

Разрывы шрапнелей произвели большое смятеніе среди колоннъ японцевъ, которые стали разбѣгаться, ища закрытій въ оврагахъ и деревняхъ.

Въ это же время, около 10 час. утра, наша канонерская лодка „Бобръ“ пришла изъ Дальняго въ бухту Хунуэза и открыла огонь по лѣвому флангу 3-й дивизіи японцевъ.

Это произвело сильное моральное впечатлѣніе на наступающія японскія войска, и положеніе 3-й дивизіи стало очень тяжелымъ: съ фронта ее встрѣчаетъ сильный ружейный и пулеметный огонь, съ лѣваго фланга бьетъ полевая артиллерія и канонерская лодка „Бобръ“.

„Въ 10 час. 20 мин. утра 4-й японской дивизіи приказано перейти въ рѣшительную атаку. Двигаться нужно было по мѣстности ровной, открытой. Какъ только японцы начали наступленіе, они были встрѣчены выдержаннымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ и пулеметовъ и, понеся очень большія потери, начали искать закрытій отъ огня и группироваться за ними. Каждая попытка японцевъ перейти въ наступленіе встрѣчалась дружными залпами“ [1]).

Полковникъ Третьяковъ, видя тяжелое положеніе своего полка, просилъ у генерала Фока, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи цѣлую 4-ю В.-С. стрѣлковую дивизію, подкрѣпленій, но получилъ только двѣ роты.

„Если бы, — говоритъ полковникъ Третьяковъ, — генералъ Фокъ рѣшился атаковать хотя двумя своими полками лѣвый флангъ непріятеля, истощившаго уже свои артиллерійскіе запасы, и занятаго перестрѣлкою съ нашими ротами, и выставилъ бы напротивъ этого фланга всю свою артиллерію, непріятель былъ бы

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, ч. I, стр. 260.

[2]) Военно-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. I, стр. 260—262.

навѣрное сбить, и тогда побѣда могла быть и на нашей сторонѣ" [1]).

Неподдержанные резервами, безъ помощи своей, уже умолкнувшей артиллеріи, стрѣлки начали постепенно сдавать. По до сихъ поръ невыясненному недоразумѣнію, одна изъ ротъ отошла изъ своей траншеи и японцы ворвались на нашу позицію.

Затѣмъ началось очищеніе позиціи. Непріятель насѣдалъ и стрѣлки отходили, имѣя его у себя на плечахъ. Много геройства и доблести проявилъ здѣсь 5-й полкъ. Вотъ какъ описываетъ это отступленіе храбрый командиръ полка.

„Поручикъ Крагельскій не хотѣлъ отступать, и, пропуская мимо себя своихъ охотниковъ, съ каждымъ прощался. Командиръ 3-й роты, капитанъ Коссовскій, еще раньше говорилъ, что отступать не будетъ и остался вѣренъ своему слову; оставшись въ окопѣ, онъ былъ убитъ тогда, когда выпустилъ всѣ заряды своего револьвера въ японцевъ. Командиръ 9-й роты, капитанъ Соколовъ, также не хотѣлъ отступать и шашкой зарубилъ нѣсколько японцевъ прежде, чѣмъ его закололи штыками. Штабсъ-капитанъ Шастинъ и подполковникъ Бѣлозоръ, почитаемые нами убитыми, жертвуя своей жизнью для спасенія отступающихъ, собрали 4-ю роту и людей, около нихъ бывшихъ, и, остановившись, открыли огонь по обходящимъ японскимъ колоннамъ. Эта команда вся легла до одного человѣка, но дала возможность отступить спокойно остальнымъ.

Видя своихъ на высотахъ нашихъ батарей и редутѣ № 8, непріятель передъ фронтомъ бросился въ атаку; но наши славныя роты дружнымъ залпомъ моментально остановили отчаянный натискъ, положивши на мѣстѣ тысячи непріятельскихъ труповъ. Повернувшись лицомъ къ непріятелю, зашедшему въ тылъ, удалыя роты пачками заставили его скрыться за высотами. Японцы на горѣ бѣлыми платками и жестами предлагали ротамъ сдаться, но въ отвѣтъ получали дружные залпы. Пользуясь нерѣшительными дѣйствіями японцевъ, зашедшихъ въ тылъ, подполковникъ Бѣлозоръ задумалъ вывести роту изъ неравнаго боя и отдалъ приказаніе отступать. Люди, отстрѣливаясь, двинулись по траншеямъ къ тылу позиціи, теперь уже сильно страдая отъ выстрѣловъ съ горъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось выходить изъ траншей, такъ какъ онѣ были завалены убитыми и ранеными.

---

[1]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.

Все-таки ротамъ удалось добраться до батареи № 1; но тутъ подполковникъ Бѣлозоръ и штабсъ-капитанъ Шастинъ увидали японскія колонны, намѣревавшіяся отрѣзать наши роты, отступавшія съ центра позиціи. Непріятель наступалъ отъ берега Таліенванскаго залива. У доблестныхъ офицеровъ явилась мысль, для спасенія своихъ воспрепятствовать этому обходу, несмотря на непріятеля, напирающаго съ горъ, и вотъ они собираютъ людей, останавливаютъ ихъ и открываютъ огонь залпами по обходящимъ; тѣ повернули на нихъ и въ свою очередь стали осыпать нашихъ огнемъ изъ винтовокъ и пулеметовъ. Долго продолжался этотъ страшный бой, пока отъ нашихъ героевъ не осталось ни одного человѣка; всѣ до единаго полегли въ неравномъ бою, въ концѣ концовъ защищаясь не только штыками, но и зубами. Подполковникъ Бѣлозоръ, отъ потери крови, потерялъ сознаніе и упалъ. Шт.-кап. Шастинъ, прострѣленный въ грудь на вылетъ, также упалъ; оба были подобраны японскими санитарами, но герои-солдаты были всѣ перебиты, и, если шт.-кап. Шастинъ и подполковникъ Бѣлозоръ уцѣлѣли, то только благодаря японскому офицеру, который не приказалъ ихъ добивать. Нашъ правый флангъ отступилъ тогда, когда отступилъ лѣвый флангъ и японцы съ горъ начали обстрѣливать его фланговымъ огнемъ“ [1]).

„При входѣ въ люнетъ 4-й роты образовалась толпа, — въ одно мгновеніе она обратилась въ груду тѣлъ, завалившую окопъ. Чтобы пройти и заслониться отъ огня съ горы, изъ этихъ труповъ (среди нихъ попадались и живые люди, тяжело раненые) сложили стѣнку, защищаясь этими полуживыми людьми отъ японскаго ружейнаго огня“ [2]).

„Въ послѣднюю минуту находившійся на позиціи прапорщикъ инженерныхъ войскъ Цвѣтковъ успѣлъ взорвать первыя двѣ линіи фугасовъ; остальныя остались нетронутыми. Вреда японцамъ взрывъ этотъ не нанесъ, такъ какъ цѣпи ихъ до линіи фугасовъ не дошли. Уходя съ позиціи, прапорщикъ Цвѣтковъ задержался, желая помочь раненому поручику Станкевичу и пропалъ безъ вѣсти; впослѣдствіи выяснилось, что онъ былъ убитъ“ [3]).

„При отступленіи ординарцы генерала Фока, поручикъ 1-го полка Ясевичъ и подпоручикъ 14-го полка Орелъ вызвались

---

[1]) Третьяковъ. В. Сборникъ 1909 г.

[2]) Гобято, стр. 33.

[3]) А. фонъ-Шварцъ и Ю. Романовскій. Оборона Портъ-Артура, т. I, стр. 247.

взорвать находившійся у станціи цинковый баракъ съ запасами пороха и патроновъ, что и выполнили буквально подъ градомъ японскихъ шрапнелей" [1]).

„Спокойно умирали стрѣлки, всецѣло исполняя заповѣдь Христову: „никто же больше имать, аще душу свою положитъ за други своя".

„Капитана Гомзякова изъ боя вынесли въ китайскую фанзу; привели лошадь, чтобы увезти на перевязочный пунктъ, но ѣхать на лошади онъ не могъ и послалъ за санитарной двуколкой; людей, принесшихъ его, онъ отправилъ въ бой, говоря, что они тамъ нужны, а самъ съ фельдшеромъ сталъ ожидать двуколку; въ это время наши начали отступать, и капитанъ Гомзяковъ, отдавши шашку фельдшеру, приказалъ ему уходить, говоря, что „ты мнѣ не поможешь, и тебя, если останешься, убьютъ, а ты въ ротѣ нуженъ". Капитанъ Гомзяковъ былъ взятъ японцами въ плѣнъ и тамъ отъ ранъ умеръ" [2]).

„Ротный командиръ 8-й роты штабсъ-капитанъ Макавѣевъ шелъ сзади всѣхъ и былъ раненъ пулей въ лѣвый бокъ; во время перевязки его ранило еще разъ въ грудь, а немного погодя онъ былъ убитъ. Фельдфебель Рѣпнинъ и младшій унтеръ-офицеръ Шалашкинъ, какъ тѣлохранители, остались около раненаго командира и пропали безъ вѣсти" [3]).

Въ этомъ бою мы потеряли 1395 ниж. чиновъ (10,6%) и 28 офицеровъ (9,1%).

„Больше всѣхъ пострадалъ, конечно, 5-й В.-С. стр. полкъ, участвовавшій въ бою въ полномъ составѣ (кромѣ 1-й роты, находившейся въ Пекинѣ). Полкъ этотъ потерялъ 1.019 ниж. чин. (36,6%) и 23 офицера (51,1%); другими словами—полкъ потерялъ болѣе 1/3 состава нижнихъ чиновъ и болѣе 1/2 офицерскаго состава. Цифры эти говорятъ сами за себя и ясно показываютъ, что вся тяжесть боя легла на славный 5-й В.-С. стр. полкъ, который 12 часовъ геройски боролся съ противникомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ" [4]).

Японцы по отношенію къ нашимъ раненымъ выказали себя не особенно культурной націей, что явствуетъ изъ слѣдующаго разсказа стрѣлка 2-й роты 13 В.-С. стрѣлковаго полка Бѣляева:

---

1) Шварцъ и Романовскій, т. I, стр. 248.
2) Третьяковъ. В.-Сборникъ, 1909 г.
3) Гобято, стр. 32.
4) Историческая комиссія, т. VIII, ч. I, стр. 283.

„Я выбѣжалъ изъ окопа почти послѣднимъ и, пробѣжавъ по горѣ шаговъ 100, укрылся въ лощинѣ, гдѣ лежалъ раненый стрѣлокъ 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и просилъ поправить ему перевязку. Поправивъ перевязку, я побѣжалъ опять по горѣ къ дорогѣ; въ это время сзади шагахъ въ 200 показались 7 японцевъ, которые стали стрѣлять въ догонку, пули щелкали кругомъ; одна слегка зацѣпила лѣвую ногу, но я продолжалъ бѣжать и, когда отбѣжалъ еще шаговъ 100, то новая пуля раздробила мнѣ кость правой ноги и я упалъ. Желая скрыться отъ стрѣлявшихъ японцевъ, я скатился по склону горы въ лощину и сѣлъ на землю. Минутъ черезъ 30 мимо проходилъ взводъ японцевъ. Трубачъ, шедшій впереди, вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ меня два раза съ 10 шаговъ. Обѣ пули попали мнѣ въ правую руку и я упалъ (пули были вынуты въ Мацуямѣ); другіе японцы начали что-то говорить, трубачъ вложилъ револьверъ въ кабуръ и взводъ пошелъ дальше. Вечеромъ нѣсколько японцевъ подходили ко мнѣ, надѣвали штыки и, поднося ихъ къ груди, угрожали заколоть, но почему-то не закололи. Ночью на позиціи было очень мало японцевъ. Утромъ два японскихъ солдата подошли ко мнѣ и стали бить по головѣ палками отъ палатки, я упалъ; увидѣвши это, японскій офицеръ приказалъ санитарамъ взять меня“ [1]).

Если-бы 5-й полкъ былъ своевременно поддержанъ генераломъ Фокомъ, это сраженіе окончилось-бы для насъ побѣдой. Японцы надолго задержались-бы передъ Цзиньчжоуской позиціей, начало осады П.-Артура значительно отдалилось-бы, и крѣпость лучше-бы изготовилась къ встрѣчѣ врага. На сколько положеніе японцевъ въ бою 13 мая было тяжелое и почти критическое, видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго донесенія генерала Оку:

„Благодаря упорному сопротивленію непріятельской пѣхоты, положеніе дѣла не измѣнилось до 5 час. дня. До этого времени мы не могли найти бреши для наступленія нашей пѣхоты, а 3-я дивизія, нашъ лѣвый флангъ, была тѣмъ временемъ въ опасности быть окруженной, такъ какъ противникъ усилилъ свою пѣхоту противъ ея лѣваго фланга, а обѣ батареи въ Нанквалинѣ помогали атакѣ противника. Это все больше и больше угрожало лѣвому флангу дивизіи; въ то же время полевой запасъ артиллерійскихъ снарядовъ у насъ почти изсякъ: становилось ясно,

---

[1]) Гобято, стр. 44—45.

что продолжать бой весьма опасно. Въ виду этого я былъ вынужденъ приказать нашей пѣхотѣ предпринять штурмъ позиціи и овладѣть ею даже тяжелой цѣной, а нашей артиллеріи было приказано пустить въ ходъ оставшіеся снаряды, съ цѣлью энергично обстрѣлять противника. Пѣхота наша 1-й дивизіи бросилась впередъ, на позицію непріятеля, храбро и отважно, но, благодаря жестокому фланговому огню непріятеля, большое количество нашихъ людей было быстро убито, или ранено. Положеніе стало критическимъ, такъ какъ дальнѣйшее наступленіе казалось немыслимымъ" [1]).

Слабо преслѣдуемыя противникомъ, отходили войска генерала Фока и 16 мая заняли такъ называемую позицію на перевалахъ, тянувшуюся отъ д. Суанцайгоу до Хоудзятунь.

Немедленно приступили къ укрѣпленію позиціи, но, къ сожалѣнію, по указаніямъ генерала Фока. Вотъ что говоритъ объ этомъ полковникъ Третьяковъ:

„Генералъ Фокъ, кажется, думалъ, что японцы обязательно должны будутъ атаковать нашу позицію по ровному пространству, между горами и моремъ (у д. Инчензы). По крайней мѣрѣ, онъ главное свое вниманіе обратилъ на укрѣпленіе этой части позиціи. Но до очевидности ясно было, что атаковать укрѣпленную позицію по ровному полю, подъ страшнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, было очень трудно. Не принимая даже во вниманіе привычки японцевъ къ горамъ, было также ясно, что удобнѣйшимъ пунктомъ атаки были горы, которыя генералъ Фокъ хотѣлъ оборонять только одними охотничьими командами.

Тамъ оборона лишалась своей страшной силы—дальняго и даже и ближняго ружейнаго и артиллерійскаго огня. Поэтому численное превосходство и иниціатива давали японцамъ въ горахъ страшныя преимущества, тѣмъ болѣе, что позиція наша была непомѣрно растянута: около 28 верстъ на пять полковъ 3 баталіоннаго состава (около 10000 человѣкъ). Кромѣ всего этого японская артиллерія имѣла возможность бить наши окопы, а наша артиллерія не видала цѣлей.

Когда я объѣзжалъ позицію около первыхъ чиселъ іюля, то замѣтилъ, что позиція у Инчензы была отлично укрѣплена (окопы были глубокіе, съ отличнымъ обстрѣломъ), но горы были оставлены совершенно безъ укрѣпленій.

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, часть I, стр. 275.

Я влѣзалъ на Юпилазу—тамъ были расположены двѣ охотничьи команды, не помню какихъ полковъ; укрѣпленій, а главное, закрытій отъ артиллерійскаго огня, никакихъ тамъ не было; это большой промахъ; на Юпилазу будетъ направленъ весь артиллерійскій огонь противника, и наши люди будутъ оттуда сбиты, а японцы, воспользовавшись этимъ, займутъ гору безъ потерь“ [1]).

„Занятая нами позиція была укрѣплена по системѣ генерала Фока, т. е. укрѣпленія были спущены къ самымъ подошвамъ возвышенностей, поэтому обстрѣлъ изъ нихъ былъ очень плохой, и японцы могли прятаться отъ выстрѣловъ за всякую кочку; да на бѣду передъ самыми окопами былъ гаолянъ такихъ размѣровъ, что совершенно закрывалъ отъ сидѣвшихъ въ окопахъ стрѣлковъ буквально все впередилежащее пространство. Какъ ни старались люди уничтожить этотъ вредоносный злакъ, но очистили отъ него пространство не больше, какъ на 50 шаговъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно меньше“ [2]).

Подошедшіе японцы начали окапываться на западныхъ скатахъ высотъ Анзысань и Лазасань.

Вскорѣ начался цѣлый рядъ стычекъ между нашими и японскими развѣдочными партіями, при чемъ и здѣсь наши охотники проявили беззавѣтную храбрость.

„Такъ вечеромъ 31-го мая охотники отряда подполковника Киленина произвели развѣдку къ сторонѣ д. Лангетырлъ. Пѣшая охотничья команда 25-го полка поручика Бицоева, по его иниціативѣ, атаковала японскіе окопы, расположенные въ два яруса, на высотѣ къ сѣверо-востоку отъ д. Лангетырлъ, и занятые одной или двумя ротами. Беззавѣтно смѣлая атака охотниковъ ошеломила японцевъ, и они очистили окопы. Во время этой атаки были смертельно ранены поручики Бицоевъ и Злобинскій, а начальство надъ командой принялъ подпрапорщикъ Сидоровъ. Охотники хотѣли уже двинуться для атаки слѣдующей линіи окоповъ, но въ виду обнаруженнаго намѣренія японцевъ обойти ихъ съ фланговъ, были отозваны назадъ. Отступленіе команды прикрыли своимъ огнемъ пограничники поручика Сиротки.

Въ этой стычкѣ въ командѣ 25-го полка выбыло изъ строя, кромѣ 2-хъ офицеровъ, 1 стрѣлокъ убитымъ и 3 стрѣлка ране-

---

[1]) Третьяковъ. В. Сборникъ, 1909 г.
[2]) Третьяковъ. В. Сборникъ, 1909 г.

ными, а пограничная стража потеряла 5-хъ ранеными. Послѣдними словами доблестнаго поручика Бицоева были: „Пусть японцы знаютъ, какъ русскіе умѣютъ наступать“ [1]).

„Японцы оставались на прежнихъ мѣстахъ, энергично укрѣпляя свои позиціи. Разразившійся на сѣверѣ Вафангоускій бой, вмѣсто помощи Артуру, скорѣе ухудшилъ его положеніе, на время уничтоживъ для нихъ всякую угрозу нашего наступленія съ сѣвера [2]).

Утромъ 13-го іюня японцы перешли въ наступленіе и заняли гору Уайцейлазу. Выкативъ на нее свою артиллерію, японцы начали обстрѣливать гору Хуинсань, этотъ тактическій ключъ всей позиціи [3]).

Благодаря неправильно понятому распоряженію и отсутствію руководства въ управленіи боемъ, гора была занята японцами сравнительно легко. Попытка вернуть Хуинсань не увѣнчалась успѣхомъ и войска стали отходить назадъ. Прибывшій генералъ Кондратенко собралъ офицеровъ и, выяснивъ, что японцы ограничились занятіемъ Хуинсаня, рѣшилъ задержаться у Лунвантанской бухты, о чемъ и увѣдомилъ генерала Фока, но, опасаясь за путь отступленія, ген. Фокъ началъ сомнѣваться въ возможности дальнѣйшей упорной обороны „позиціи на перевалахъ“ и приказалъ съ 5 час. утра начать отходъ къ Волчьимъ горамъ. Однако, къ утру выяснилось, что японцы никакихъ активныхъ дѣйствій не предпринимаютъ, а потому начавшееся отступленіе было отмѣнено.

Къ счастью, японцы не замѣтили начала отступленія и мы безпрепятственно вновь заняли свою позицію.

Весь бой 13-го іюня, благодаря отсутствію управленія боемъ и связи по фронту позиціи, носилъ нѣсколько безпорядочный характеръ. Если же принять во вниманіе, что гора Хуинсань и весь нашъ правый флангъ укрѣплены не были и, за отсутствіемъ тамъ орудій, пѣхота не могла быть поддержана артиллерійскимъ огнемъ, то всѣ причины, приведшія къ плачевному исходу боя, будутъ на лицо“ [4]).

„Только вмѣшательство ген. Кондратенко, повліявшаго на ген. Стесселя, заставило ген. Фока остаться на прежнихъ пози-

---

1) Шварцъ и Романовскій, т. I, стр. 267.
2) Тамъ же, стр. 276.
3) Тамъ же, стр. 281 и 282.
4) Шварцъ и Романовскій, т. I. стр. 283—287.

ціяхъ, на которыхъ мы продержались еще цѣлый мѣсяцъ, что принесло громадную пользу крѣпости. Занятіе японцами Хуинсаня усилило лѣвый флангъ ихъ позиціи, не говоря уже о томъ, что съ вершины горы они могли отлично наблюдать за нашими позиціями. Такое положеніе вещей естественно приводило къ мысли, что для дальнѣйшей упорной обороны позиціи на перевалахъ необходимо попытаться контръ-атакой вернуть позиціи, утраченныя нами 13-го іюня.

Началомъ послужилъ частичный переходъ въ наступленіе 20-го іюня отряда полковника Семенова, предпринятый по иниціативѣ послѣдняго и увѣнчавшійся успѣхомъ. Вслѣдствіе этого, ген. Стессель приказалъ 21-го іюня утромъ двинуть часть главныхъ силъ 4-й дивизіи ген. Фока".

„Вѣсть о переходѣ въ наступленіе быстро разнеслась по всему отряду и произвела на войска, утомленныя долгимъ бездѣйствіемъ, наилучшее впечатлѣніе, а успѣхъ, достигнутый на нашемъ правомъ флангѣ, еще болѣе поднялъ общее приподнятое настроеніе. Минувшія неудачи были забыты и стрѣлки рвались впередъ, расчитывая штыками отомстить японцамъ за Цзиньчжоу. Къ тому же до Артура дошли вѣсти о потопленіи Владивостокской эскадры японскихъ транспортовъ съ осаднымъ паркомъ, съ которымъ, какъ тогда за достовѣрное сообщали въ крѣпости, будто бы погибъ маршалъ Ойяма. Съ радостью было встрѣчено это извѣстіе, казалось, сулившее конецъ нашимъ неудачамъ и обѣщавшее лучшее будущее, и сердца стрѣлковъ и офицеровъ были полны надеждой, что грядущій день будетъ днемъ нашей побѣды" [1]).

Несмотря на отдѣльные подвиги и храбрость войскъ, этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Наши рѣшительныя атаки на Хуинсань были отбиты, но японцы къ вечеру 21-го іюня притянули къ боевой части свой резервъ. „Можно предположить,— говорятъ Шварцъ и Романовскій,—что дальнѣйшая атака Хуинсаня, хотя бы и повлекла за собой значительныя жертвы, но могла увѣнчаться успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что въ резервѣ праваго фланга оставались нетронутыми три баталіона" [2]).

Къ сожалѣнію, упорство японской обороны и значительныя потери привели ген. Стесселя къ рѣшенію прекратить наступленіе.

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. I, стр. 296—298.

[2]) Тамъ же, стр. 307.

„Подводя итогъ боямъ 20-го и 21-го іюня, слѣдуетъ сказать, что несмотря на неудачу въ достиженіи главной цѣли нашего перехода въ наступленіе, занятіе высотъ восточнаго берега Лунвантанской бухты было для насъ большимъ плюсомъ; оно значительно усилило нашъ правый флангъ и позволило намъ въ будущемъ осуществить упорную оборону „Позиціи на перевалахъ".

Остается сказать, что поведеніе войскъ въ эти дни было выше всякой похвалы. Самоотверженно лѣзли стрѣлки на отвѣсныя кручи, навстрѣчу свинцовому дождю японскихъ пулеметовъ, устилая каменистые склоны Хуинсаня своими трупами и обливая ихъ своею кровью, и не отсутствіе мужества у солдатъ, а техническіе недочеты въ планѣ атаки и отсутствіе рѣшимости довести дѣло до желаннаго конца были причиной неудачной атаки горы Хуинсань" [1]).

Послѣ этихъ боевъ наступило спокойствіе, прерываемое только стычками нашихъ развѣдчиковъ.

11-е и 12-е іюля прошли на позиціяхъ тихо, но были признаки, заставлявшіе думать, что это затишье передъ бурей, которая можетъ разразиться со дня на день.

„Для такого предположенія, дѣйствительно, имѣлись нѣкоторыя основанія. 11-го іюля, вслѣдствіе путаницы телефонныхъ проводовъ у ст. Инченцзы, стрѣлокъ охотничьей команды Николай Марковъ, знакомый съ японскимъ языкомъ, случайно подслушалъ разговоръ по телефону двухъ японцевъ, которые нѣсколько разъ упоминали о какомъ-то важномъ событіи, назначенномъ на 13-е іюля. Свѣдѣнія, полученныя отъ китайцевъ, указывали, что къ японцамъ подошли подкрѣпленія и что они готовятся къ переходу въ наступленіе, которое произведутъ 13 іюля. Наконецъ, вся дѣятельность японцевъ въ послѣднее время ясно указывала, что они готовятся къ серьезной операціи и готовятся весьма обстоятельно" [2]).

„Съ утра 13 іюля японцы открыли артиллерійскій огонь и повели наступленіе, которое къ 9 ч. утра обозначилось въ двухъ направленіяхъ: на центръ, къ сѣверу отъ средней дороги, и противъ крайняго нашего фланга.

Первый ударъ японцевъ въ центрѣ обрушился на высоту (125), обороняемую охотничьей командой 16-го полка подпоруч.

---

[3]) Шварцъ и Романовскій, стр. 309.

[2]) Военно-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. I, стр. 455.

Бурневича. Атаки японцевъ были отбиты, и только въ 12 ч. дня команда, потерявъ отъ артиллерійскаго огня половину состава, отошла [1]).

Тогда непріятель обратился противъ другой охотничьей команды 16-го полка (подпоручика Яфимовича) и на лѣвый флангъ горы Юпилазы, но были остановлены ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Тогда японская артиллерія стала буквально засыпать Юпилазу бризантными снарядами, чѣмъ сильно повредила наши оборонительныя постройки. Всѣ послѣдующія атаки японцевъ до самаго вечера были отбиты съ большими для нихъ потерями“ [2]).

„Такимъ образомъ, 13 іюля всѣ атаки японцевъ на нашъ центръ окончились неудачей; за цѣлый день боя они овладѣли здѣсь только однимъ передовымъ пунктомъ—высотой—125.

Между тѣмъ, японская артиллерія громила нашъ правый флангъ; мелинитовыя бомбы и шрапнели рвались безпрерывно; отъ постоянныхъ разрывовъ шрапнели надъ позиціями стояло облако дыма. Японцы обстрѣливали, главнымъ образомъ, Зеленыя горы и мѣста расположенія нашихъ батарей. Окопы наши во многихъ мѣстахъ были совершенно разрушены, а наша артиллерія, особенно батареи 7-го арт. дивизіона, могла дѣйствовать лишь урывками.

Японская пѣхота въ теченіе дня нѣсколько разъ пыталась перейти въ атаку и съ этой цѣлью бросалась на Зеленыя горы, но всѣ эти попытки были отбиты сильнымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ и пулеметовъ. За цѣлый день японцамъ не удалось подойти къ нашей позиціи на Зеленыхъ горахъ ближе 500—600 шаговъ“ [3]).

Къ 8 ч. вечера бой по всей линіи прекратился.

Когда выяснились результаты боя, ген. Стессель рѣшилъ продолжать оборону позиціи. Ночь прошла сравнительно спокойно.

Съ утра 14-го іюля вновь закипѣлъ горячій бой, при чемъ главную атаку японцы повели на Юпилазу.

„Упорство японской атаки Юпилазы не поддается описанію. Сотнями валились японцы подъ нашимъ огнемъ; раненые срывались внизъ съ крутыхъ скатовъ Юпилазы и расшибались о камни, но погибшихъ смѣняли новые ряды, чтобы черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ подвергнуться ихъ участи. Изъ своихъ убитыхъ

---

1) Шварцъ и Романовскій, т. I, стр. 342.

2) Тамъ же, стр. 342—343.

3) Военно-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. I, стр. 472, 480 и 481.

японцы устраивали бруствера, дабы хоть нѣсколько укрыться отъ нашего огня. Временами наши стрѣлки бросали винтовки и скатывали внизъ огромные камни, которые сметали цѣлые ряды атакующаго.

Въ 9-мъ часу веч. японцы въ послѣднiй разъ штурмовали Юпилазу и ворвались въ редутъ, но штыками были оттуда выбиты" [1]).

Однако часть Юпилазы была занята японцами, а противъ редута японцы подошли на 100—200 шаговъ, укрываясь въ складкахъ мѣстности; гарнизонъ горы потерялъ болѣе $^1/_3$ состава.

„Всѣхъ защитниковъ горы особенно безпокоило именно это обстоятельство. Ясно было, что оставаться долго въ такой близости съ противникомъ нельзя и, если не выбить ихъ изъ нашихъ окоповъ, нельзя разсчитывать на продолжительную оборону Юпилазы.

Въ виду этого два доблестныхъ защитника Юпилазы—начальникъ 1-й охотн. команды 5-го В.-С. стр. полка поруч. Костюшко-Валюжиничъ и командовавшiй 7-ротой 16-го В.-С. стр. полка шт.-кап. Бабушкинъ—рѣшили, по собственной иницiативѣ, выбить ночью японцевъ съ Юпилазы штыками. Такъ какъ всѣ люди гарнизона Юпилазы были заняты исправленiемъ поврежденiй въ укрѣпленiяхъ, уборкой убитыхъ и раненыхъ, сторожевой службой и обороной ближайшихъ къ японцамъ окоповъ, то для задуманной вылазки удалось набрать очень немного: изъ охотничьей команды 5-го полка и 7-й роты 16-го полка составлена была команда, силою около 20 чел. ниж. чин., во главѣ которой сталъ пор. Костюшко, а для поддержки его шт.-кап. Бабушкинъ вывелъ впередъ одинъ взводъ 7-й роты.

Около 12 час. ночи поруч. Костюшко съ горстью своихъ храбрецовъ двинулся на японцевъ и незамѣтно подошелъ къ нимъ шаговъ на 30. Какъ только японцы замѣтили нашихъ и открыли по нимъ бѣшеный огонь, пор. Костюшко съ крикомъ „ура" бросился на японскiй окопъ, но тутъ же былъ тяжело раненъ. Хотя наши стрѣлки добѣжали до перваго японскаго окопа и заняли его, но удержаться тамъ не могли и отошли назадъ, потерявъ около половины всей команды, ходившей на вылазку. Шт.-кап. Бабушкинъ, обезпокоенный сильной стрѣльбой со стороны нашего редута, бросился туда, предполагая, что

1) Шварцъ и Романовскiй, т. I.

японцы повели общую атаку, и своевременно не поддержалъ поруч. Костюшко.

Такъ вылазка эта окончилась полной неудачей, и японцы остались въ занятыхъ ими окопахъ на Юпилазѣ.

Такимъ образомъ, 14 іюля японцы достигли серьезнаго успѣха у наиболѣе важнаго пункта не только центра нашихъ позицій, но и всей оборонительной линіи,—у горы Юпилазы, куда и былъ направленъ въ этотъ день ихъ главный ударъ.

Около 4 час. утра на смѣну гарнизона Юпилазы прибылъ 2-й батальонъ 15-го полка, но къ этому времени общая обстановка на передовыхъ позиціяхъ рѣзко измѣнилась не въ нашу пользу, и вмѣсто предположенной упорной обороны рѣшено было немедленно отступить на Волчьи горы“ [1]).

Дѣло въ томъ, что японцы въ 10 ч. веч. внезапно атаковали центръ Зеленыхъ горъ и на этотъ разъ имъ удалось прорваться и занять часть окоповъ.

„Убѣдившись въ этомъ, генералъ Кондратенко приказалъ орудіямъ 7-го дивизіона, кромѣ одной полубатареи, сняться съ позиціи и спуститься внизъ, но все же не терялъ надежды исправить дѣло и предпринялъ новую контръ-атаку, которая опять закончилась неудачей. Наконецъ, извѣрившись въ возможность вернуть обратно утраченный участокъ, около $3^1/_2$ час. ночи, онъ рѣшилъ отойти на западный берегъ Лунвантана“ [2]).

„Охотничья команда 28-го полка (шт.-кап. Любимскаго), находившаяся на правомъ флангѣ Зеленыхъ горъ, была почти отрѣзана и ушла только благодаря находчивости и отвагѣ своего начальника. Единственный путь отступленія команды проходилъ черезъ бухту Лунвантанъ, которая залита была въ это время приливомъ. Сойдя съ гребня горы, люди должны были прыгать со скалы, высотой около 2 саж., а затѣмъ частью вбродъ, частью вплавь перебираться черезъ бухту; часть команды, около 20 чел., отошла по дорогѣ, пробираясь по одиночкѣ подъ скалами.

Наши потери съ 13 по 15 іюля выяснились убитыми и ранеными—около 40 оф. и 1500 ниж. чиновъ“.

„Потери японцевъ за три дня боя англійскій корреспондентъ Барлетъ считаетъ — болѣе 6000 чел. убитыхъ и раненыхъ; по

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, часть 1, стр. 492 и 493.
[2]) Шварцъ и Романовскій, т. I, стр. 358.

другимъ источникамъ иностранной литературы онѣ достигали лишь 4000 чел.“ [1]).

„Покончивъ съ описаніемъ боевъ 13, 14 и 15-го іюля, интересно остановиться на той роли, которую сыграла „Позиція на перевалахъ“ въ дѣлѣ обороны Портъ-Артура. — Думаемъ, что роль эта была весьма почетна и занятіе позиціи оказало крѣпости огромную услугу. Если вспомнить то состояніе, въ которомъ находились крѣпостные верки къ началу войны, то будетъ понятно, что каждый день, оттягивающій появленіе японцевъ передъ крѣпостью имѣлъ для насъ огромное значеніе; въ данномъ же случаѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ 15-му іюля, въ крѣпости были укрѣплены такіе важные пункты, какъ гора Высокая и Угловая. Отступи 4-я дивизія послѣ Цзиньчжоускаго боя въ Артуръ и не займи она „Позиціи на перевалахъ“, тѣсное положеніе Портъ-Артура послѣдовало бы гораздо раньше, а отсутствіе укрѣпленій на г. Высокой сразу поставило бы крѣпость въ весьма тяжелое положеніе“ [2]).

Отступивъ съ позиціи на перевалахъ, войска заняли позицію на Волчьихъ горахъ.

„При правильномъ оборудованіи этой позиціи въ фортификаціонномъ отношеніи, она могла представить серьезную преграду для противника. Къ несчастію, въ этомъ отношеніи, на позиціи Волчьихъ горъ было сдѣлано очень мало.

Все, что сдѣлано было на Волчьихъ горахъ, сдѣлано благодаря неутомимой энергіи и заботамъ генерала Кондратенко. Однако, у него было немало своего дѣла и онъ не могъ удѣлять слишкомъ много времени вопросу, непосредственно къ нему не относящемуся, почему на Волчьихъ горахъ работы двигались впередъ очень медленно.

Вся равнина передъ фронтомъ позиціи представляла сплошное море гаоляна, достигшаго уже роста человѣка, по которому противникъ могъ подойти не замѣченнымъ почти вплотную къ нашимъ окопамъ. Объ истребленіи гаоляна своевременно не озаботились, а уничтожить его въ нѣсколько часовъ, и даже дней, невозможно было.

Такимъ образомъ, благодаря расположенію окоповъ у подошвы высотъ и высокому гаоляну, позиція лишилась наиболѣе цѣннаго своего качества—хорошаго обстрѣла.

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, часть 1, стр. 502 и 507.
[2]) Шварцъ и Романовскій, т. I, стр. 361.

Горы Дагушань и Сяогушань, служившія обезпеченіемъ праваго фланга позиціи, были укрѣплены распоряженіемъ коменданта крѣпости подъ руководствомъ военнаго инженера подполк. Рашевскаго; здѣсь были устроены хорошіе окопы, блиндажи, ходы сообщеній; разработаны дороги на вершины горъ, что дало возможность поднять туда полевыя орудія. Вообще пункты эти были усилены въ фортификаціонномъ отношеніи и представляли уже довольно сильную позицію.

Съ вечера 15 іюля передовыя части японцевъ подошли почти вплотную къ линіи нашего сторожевого охраненія, что заставило наши конныя части отойти за линію расположенія пѣхоты. Утромъ 16 іюля японцы начали тѣснить наше сторожевое охраненіе, которое стало отходить къ Волчьимъ горамъ" [1]).

„Разыгравшійся бой былъ совершенно неожиданный: ни войска, ни высшіе начальники не ожидали, что японцы такъ скоро перейдутъ въ наступленіе.

Бой развивался чрезвычайно быстро, такъ какъ японцы, скрытые гаоляномъ, еще ночью сосредоточили свои силы очень близко отъ нашей позиціи, особенно отъ восточнаго фронта ея, гдѣ для атаки позиціи имъ пришлось пройти не болѣе 1—1½ вер.

Весь бой продолжался не болѣе 2½ часовъ.

Полная неожиданность боя и сильное переутомленіе нашихъ войскъ въ значительной мѣрѣ ослабили ихъ сопротивленіе и ускорили отступленіе съ занятыхъ ими позицій.

Внимательно разобравшись въ обстановкѣ, въ которой оказался восточный фронтъ позиціи, можно совершенно ясно представить себѣ всю картину разыгравшагося здѣсь боя: японцы съ очень близкаго разстоянія бросаются въ атаку и легко прорываютъ тонкую линію нашего боевого расположенія; ближнихъ резервовъ нѣтъ, а дальній—не успѣваетъ прибыть своевременно; у начальника фронта нѣтъ средствъ для парированія перваго удара; усталыя и нервированныя обстановкой войска, не чувствуя за собою поддержки, не способны упорно держаться на позиціи; ближайшія къ мѣсту прорыва части быстро сдаютъ, артиллерія, опасаясь потерять пушки, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, снимается съ позицій и отходитъ, что служитъ сигналомъ къ началу общаго отступленія: начинается поспѣшное отступленіе, вызывающее мѣстами панику и никакого управленія боемъ при такихъ условіяхъ быть не можетъ; все идетъ стихійно, быстро, хаотично.

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, часть I, стр. 509—511, 520.

Обстановка на сѣверномъ фронтѣ была въ общемъ очень схожа съ восточнымъ фронтомъ, но съ тою разницей, что сѣверный фронтъ былъ занятъ еще слабѣе, резервъ былъ дальше, а артиллеріи было здѣсь значительно меньше.

Получивъ свѣдѣнія объ отступленіи войскъ сѣвернаго фронта, г.-л. Стессель, находившійся въ штабѣ 4-й дивизіи, послалъ коменданту крѣпости приказаніе, чтобы крѣпостная артиллерія была готова своимъ огнемъ прикрыть отступленіе войскъ съ Волчьихъ горъ.

Около 10 час. утра 17 іюля всѣ части 4-й В.-С. стр. дивизіи вошли въ раіонъ крѣпостной оборонительной линіи Портъ-Артура и періодъ боевъ на передовыхъ позиціяхъ былъ законченъ.

За описанный періодъ немало было сдѣлано промаховъ и ошибокъ, но они съ лихвой искупаются тѣмъ колоссальнымъ трудомъ, который положенъ былъ войсками на вооруженіе и укрѣпленіе Портъ-Артура, тѣми подвигами геройства и самоотверженія, которыя неоднократно войска проявляли, наконецъ, смертью тѣхъ, въ большинствѣ безвѣстныхъ героевъ, которые пали на поляхъ Квантуна, отстаивая на далекой окраинѣ честь дорогой родины“ [1]).

„Хотя, какъ говорится, побѣдителя и не судятъ, и къ 17-му іюля японцы, вытѣснивъ насъ съ передовыхъ позицій, появились на Волчьихъ горахъ и приступили къ осадѣ крѣпости, но полагаемъ, что при болѣе энергичномъ образѣ дѣйствій они могли подойти сюда гораздо раньше.

Въ сущности говоря, японцы не использовали почти ни одной своей побѣды полностью и, выбивъ насъ съ какой-либо позиціи, обыкновенно, на ней останавливались, не пытаясь преслѣдованіемъ развить свой успѣхъ или же усиленной рекогносцировкой выяснить наши дальнѣйшія намѣренія“ [2]).

„Благодаря такому образу дѣйствій японцы достигли Волчьихъ горъ лишь 17-го іюля, т. е. только черезъ три мѣсяца послѣ высадки ихъ на Ляодунѣ.

Въ этотъ день армія генерала Ноги впервые увидѣла передъ собой Портъ-Артуръ, объектъ своихъ стремленій, но съ этого момента прошло еще пять долгихъ, томительныхъ мѣсяцевъ, въ

---

1) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, часть 1, стр. 523, 524, 528, 531, 534, 535.

2) Шварцъ и Романовскій, т. I, стр. 383 и 384.

теченіе которыхъ смерть пожала въ ея рядахъ обильную жатву, прежде чѣмъ солдатамъ Микадо удалось водрузить на взорванныхъ фортахъ крѣпости флагъ „Восходящаго Солнца“ [1]).

Августовскіе бои.

Къ этому времени Портъ-Артуръ былъ неузнаваемъ.

„Когда началась война, положеніе крѣпости казалось почти критическимъ: многія сооруженія еще не начинали строить, нѣкоторыя только-что начали, другія—начали, но не окончили; на сухопутномъ фронтѣ стояло на вооруженіи всего 8 орудій.

Положеніе крѣпости было далеко не блестящее, быть можетъ, даже критическое, но продолжалось это очень недолго. Благодаря дружной работѣ, которая закипѣла въ Портъ-Артурѣ съ 27 января, физіономія крѣпости и характеръ ея оборонительныхъ сооруженій измѣнялись не по днямъ, а по часамъ.

Уже къ 20 февраля, когда ген. Стессель произвелъ объѣздъ крѣпости и осмотръ всѣхъ работъ, Портъ-Артуръ представляетъ собой укрѣпленный пунктъ, атака котораго открытой силой была дѣломъ нелегкимъ, несулящимъ вѣрнаго успѣха.

Главнымъ виновникомъ этой метаморфозы, душой ея, былъ начальникъ 7-й В.-С. стр. бригады г.-м. Кондратенко, благодаря неутомимой энергіи и поразительной работоспособности котораго удалось достигнуть блестящихъ результатовъ въ такой короткій промежутокъ времени“ [2]).

Да проститъ мнѣ читатель, если я остановлю его вниманіе на этой незаурядной личности, на этомъ витязѣ земли Русской. Всѣ относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ и отдавали ему должную дань поклоненія: и други и недруги.

Я приведу мнѣнія только двухъ лицъ: одного, имѣвшаго сильныя причины нелюбить генерала Кондратенко, и другого, бывшаго однимъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ и преданнаго ему всей душой.

„Когда шли бои подъ Кинджоу“, говоритъ Я. У. Шишко: „на передовыхъ позиціяхъ, на Волчьихъ горахъ, въ Артурѣ работалъ одинъ лишь человѣкъ, это—генералъ Кондратенко, который, несмотря на многія препятствія, своимъ свѣтлымъ умомъ

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. I, стр. 384.
[2]) Военно-Историч. Комиссія, стр. 87.

старался охватить все, что нужно было для Артура, и, помня русскую пословицу: „лучше поздно, чѣмъ никогда“, сдѣлалъ для Артура все, что было въ силахъ человѣческихъ. Онъ одновременно душой, мыслью и дѣломъ былъ и на позиціяхъ въ бою, гдѣ личнымъ примѣромъ ободрялъ всѣхъ и поднималъ твердость духа, и въ Артурѣ не было мѣста, куда-бы онъ не заглянулъ, не было высоты, куда-бы онъ не поднялся, чтобы указать, гдѣ немедленно должны явиться форты, укрѣпленія, батареи.

То, что не было сдѣлано за семь лѣтъ, онъ, насколько это было возможно, создалъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. И вотъ, его мыслью, его трудами, его настойчивостью явилась цѣлая цѣпь укрѣпленій кругомъ Артура. Явились укрѣпленія тамъ, гдѣ даже не предполагалось строить ничего, какъ, напримѣръ, на горахъ: Угловой, Высокой, Длинной и проч., на которыя впослѣдствіи противникъ велъ настойчивѣе всего свои штурмы, понимая важность этихъ пунктовъ, и подъ которыми онъ положилъ десятки тысячъ жертвъ, чтобы взять ихъ. Генералъ Кондратенко для Артура былъ все: и сила, и душа, и мысль, и духъ героизма“ [1]).

„Всякій изъ насъ“, пишетъ Меликъ-Парсадановъ: „видя спокойно улыбающееся лицо и умный добрый взглядъ сѣрыхъ глазъ генерала, самъ какъ-то успокаивался и думалъ: „Если Кондратенко не отчаивается, значитъ, еще не все потеряно“.

„Его ласковое обращеніе, его умѣніе цѣнить способныхъ изъ младшей братіи, его способность терпѣливо выслушивать мнѣніе какого-либо подпоручика и соглашаться съ этимъ мнѣніемъ, а не кричать, что онъ генералъ и все знаетъ, и все должно быть такъ, какъ онъ хочетъ, обвораживало, увлекало и располагало къ нему всѣхъ“ [2]).

Итакъ, японцы, подойдя вплотную къ Портъ-Артуру, къ августу мѣсяцу, встрѣтили крѣпость, съ которой пришлось очень и очень считаться, и геройскій гарнизонъ, уже окрѣпшій въ предшествовавшихъ бояхъ.

„Оттѣснивъ наши войска въ крѣпость, японская армія расположилась по линіи: высоты къ сѣверу отъ Наньпагоу—южнѣе склоны Волчьихъ горъ—высоты къ сѣверу отъ Дагушаня—бухта Тахэ. Разстояніе линіи обложенія отъ главной оборонительной

---

[1]) Я. У. Шишко. Одиннадцатимѣсячное сидѣніе въ П.-Артурѣ, стр. 108.

[2]) Меликъ-Парсадановъ. Артурское сидѣніе, стр. 56—57.

линіи измѣнялось отъ 4 вер. (на востокѣ) до 6 верстъ (на западѣ)“ [1]).

Начавъ устраиваться на линіи обложенія, японцы тотчасъ-же начали обстрѣливать ближайшія окрестности крѣпости, а съ 25 іюля уже началось бомбардированіе города. За это время въ гарнизонѣ шла лихорадочная дѣятельность по укрѣпленію и вооруженію крѣпости, устройству тыла и производились развѣдки.

Въ 3 часа дня непріятель открылъ сильный орудійный огонь по высотамъ Дагушань и Сяогушань, являвшимися нашими передовыми позиціями; къ сожалѣнію, обѣ горы были очень слабо укрѣплены. Вечеромъ японцы начали наступленіе, тѣсня наши охотничьи команды и передовыя части, но вездѣ были остановлены огнемъ. Къ разсвѣту 26-го іюля положеніе было возстановлено.

Весь день 26-го шла артиллерійская перестрѣлка.

Подготовивъ атаку огнемъ, въ 7 ч. 15 м. вечера японцы, пользуясь крутыми скатами горы Дагушань, подобрались незамѣтно къ окопамъ и сразу массой на нихъ бросились.

„Занявъ правый флангъ Дагушаня, японцы большой массой бросились къ западной вершинѣ горы съ цѣлью сбить стоявшую здѣсь 10 роту. Однако эта рота, имѣя во главѣ своего доблестнаго командира капитана Верховскаго и старшаго офицера роты капитана Курковскаго, бросилась въ контръ-атаку и въ сѣдловинѣ, между двумя вершинами Дагушаня, загорѣлся горячій рукопашный бой. Капитанъ Верховскій получилъ двѣ штыковыя раны, а капитанъ Курковскій былъ поднятъ японцами на штыки и погибъ геройской смертью, но японцы были сбиты съ гребня Дагушаня и засѣли за окопомъ восточной вершины горы.

Около 8 часовъ японцы вновь ворвались на сѣдловину, но опять были выбиты отсюда штыками 10-й роты; однако сбить ихъ съ восточной вершины 10-я рота не могла. Отсюда они открыли сильный ружейный огонь по 10-й ротѣ; вскорѣ Капитанъ Верховскій получилъ три пулевыхъ раны и почти безъ чувствъ былъ унесенъ съ горы; вслѣдъ за этимъ былъ раненъ и послѣдній офицеръ въ ротѣ подпоручикъ Рафаловичъ. Однако уцѣлѣвшіе люди славной 10-й роты, помня приказаніе своего ротнаго командира—ни въ коемъ случаѣ не отступать, собрались на западномъ склонѣ вершины Дагушаня и продолжали здѣсь дер-

[1]) Военно-Историч. комиссія, т. VIII, часть 2, стр. 53.

жаться до утра, когда отъ всей роты осталось лишь 18 человѣкъ подъ начальствомъ ефрейтора Крапивина. Лишь на разсвѣтѣ, когда снаряды съ батареи литера Б, не знавшей, что на западной вершинѣ горы притаилась горсть нашихъ стрѣлковъ, стали рваться близъ этихъ героевъ, ефрейторъ Крапивинъ очистилъ вершину горы и отступилъ въ крѣпость.

Какимъ доблестнымъ духомъ была проникнута 10-я рота 16-го полка, видно изъ того факта, что вернувшись въ Артуръ, ефрейторъ Крапивинъ счелъ своимъ долгомъ сразу же розыскать въ госпиталѣ своего раненаго ротнаго командира и со слезами на глазахъ доложилъ ему, „что онъ никакъ не могъ до конца исполнить его приказанія—держаться на Дагушанѣ".

„Впослѣдствіи, во время дальнѣйшей осады Портъ-Артура этотъ скромный герой, подъ сѣрой шинелью котораго билось сердце, полное духа высокой любви къ родинѣ и истиннаго самоотверженія, былъ убитъ, но имя его не должно быть забыто въ 16-мъ стрѣлковомъ полку, ибо лишь такими людьми держался Артуръ, подъ яростнымъ напоромъ храбраго и настойчиваго противника, и не слабой крѣпостной оболочкѣ мы обязаны, долгой и упорной обороной крѣпости, а тому обстоятельству что въ рядахъ ея гарнизона были такіе герои долга, какъ Крапивинъ" [1]).

„Потери ротъ гарнизона Дагушаня составляли $^1/_3$ ихъ состава. Не ранеными осталось только 3 офицера" [2]).

Одновременно съ атакой Дагушаня, японцы повели наступленіе и на Сяогушань, который заняли около 4-хъ часовъ утра 27 іюля.

„Главными причинами успѣшнаго занятія японцами Дагушаня и Сяогушаня послужили слѣдующія обстоятельства:

1) Недостатокъ фортификаціонныхъ укрѣпленій, къ которымъ приступили только съ 17 іюля, такъ какъ раньше важное значеніе этихъ пунктовъ, повидимому, недостаточно сознавалось.

2) Несоразмѣрность силъ оборонявшихъ и атаковавшихъ: японская пѣхота превосходила нашу въ шесть разъ, а артиллерія—въ девять разъ.

3) Утомленность гарнизона горъ, несмѣненнаго свѣжими силами изъ общаго резерва и изнуреннаго 10-дневной сторожевой

---

1) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 27—28.
2) Военно- Историч. комиссія, т. VIII, часть 2, стр. 56.

службой и ночными стычками и даже не поддержаннаго общимъ резервомъ.

Потери японцевъ въ этихъ бояхъ равнялись 1280 убитыми и ранеными; наши—450 человѣкъ.

Паденіе Дагушаня и Сяогушаня лишало крѣпость важнѣйшихъ передовыхъ позицій. Въ послѣдующій періодъ осады выяснилось съ полной очевидностью, насколько необходимо было укрѣпленіе и удержаніе за нами этихъ пунктовъ во что-бы то ни стало“ [1]).

Попытки вернуть эти горы не увѣнчались успѣхомъ.

„28-го іюля Тихоокеанская эскадра подъ начальствомъ адмирала Витгефта вышла изъ Портъ-Артура, дабы прорваться во Владивостокъ. Но, какъ извѣстно, морской бой съ эскадрой адмирала Того рѣшился не въ нашу пользу: эскадра съ большими потерями должна была вернуться“.

„Съ возвращеніемъ эскадры въ Портъ-Артуръ, она перестала существовать, какъ боевая единица, и, если событія въ ночь съ 26-го на 27-е января были исходной точкой нашихъ постоянныхъ неудачъ на морѣ, то бой 28-го іюля можно считать лебединой пѣсню Тихоокеанской эскадры, послѣ которой она нашла себѣ преждевременную могилу на внутреннемъ рейдѣ негостепріимнаго Артура“ [2]).

Захватъ Дагушаня и Сяогушаня открылъ японцамъ доступъ къ Восточному фронту. Но, для успѣха предстоящаго бомбардированія, имъ необходимо было подвинуться и на своемъ правомъ флангѣ, противъ нашего западнаго фронта.

Вслѣдствіе этого, въ ночь на 1-е августа они начали наступательныя операціи противъ 2-го отдѣла крѣпости, направляя главный ударъ на его крайній правый флангъ: на гору Сиротку, предгорья Угловой горы и Паннуншаня.

Около 9 ч. вечера японцы двинулись на Боковую гору. Въ 11 ч. веч. наши дозоры донесли о приближеніи противника.

„Приготовившись, гарнизонъ встрѣтилъ наступленіе залпами и огнемъ изъ орудія Барановскаго. Первый натискъ былъ сдержанъ. Затѣмъ съ 12-ти час. ночи послѣдовалъ еще цѣлый рядъ атакъ, причемъ подъ проливнымъ дождемъ часть японцевъ стремилась обойти лѣвый флангъ Боковой, но выставленнымъ

---

[1]) Военно-Ист. Ком., т. VIII, ч. 2, стр. 63.

[2]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 51—52.

здѣсь взводомъ ун.-оф. Носкова это движеніе было замѣчено и отбито.

Другая часть наступала по ущелью между Боковой и Трехголовой, чтобы охватить правый флангъ Боковой, но залпами 6-й роты и полуроты 5-й роты Квантунскаго экипажа была отбита.

Всего до разсвѣта послѣдовало 7 атакъ, но дальше проволочныхъ сѣтей японцы проникнуть не могли“ [1]).

„Въ 10½ часовъ вечера непріятель атаковалъ Передовую гору, гдѣ находился взводъ третьей пѣшей охотничьей команды 5-го В.-С. стрѣлковаго полка (36 человѣкъ)“ [2]).

„Благодаря полной темнотѣ, японцы окружили гору со всѣхъ сторонъ. Взводный унтеръ-офицеръ Назаровъ, видя, что его окружаютъ превосходныя силы японцевъ, тѣмъ не менѣе не растерялся и, хотя имѣлъ разрѣшеніе въ случаѣ необходимости отойти къ своимъ, перешелъ въ контръ-атаку. Какъ разъ въ этотъ моментъ съ Трехголовой горы пустили ракету и, замѣтивъ, что на Передовой горѣ идетъ штыковая свалка, гарнизонъ Трехголовой поддержалъ Передовую гору сильнымъ ружейнымъ огнемъ по японскимъ резервамъ. Благодаря этой поддержкѣ, взводъ унтеръ-офицера Назарова успѣлъ пробиться къ своимъ, потерявъ лишь 2-хъ убитыми и 3-хъ ранеными. Занявъ Передовую гору, японцы, не останавливаясь здѣсь, двинулись дальше на Трехголовую, но были отбиты залповымъ фронтальнымъ и перекрестнымъ огнемъ съ большими потерями. Наступила непродолжительная тишина, но не прошло и получаса, какъ японцы снова съ крикомъ и визгомъ бросились въ атаку, но, поражаемые мѣткими залпами охотниковъ, продвинуться дальше не могли. Они отошли опять на Передовую.

Однако около 2-хъ часовъ ночи непріятель произвелъ третью атаку съ еще большей настойчивостью. На Трехголовой къ этому времени израсходовались всѣ ракеты, пошелъ сильный дождь, гору окутала еще большая тьма, подъ прикрытіемъ которой японцы дошли до проволочной сѣти, но ихъ встрѣтили залпами, и они понесли здѣсь тяжкія потери; лишь немногимъ удалось дойти до самыхъ окоповъ, но ихъ отбросили назадъ къ сѣти. Передъ утромъ, пользуясь туманомъ и дождемъ, непріятель еще

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 100.
[2]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 77.

разъ пытался сбить охотниковъ, но каждый разъ выдержанными, спокойными залпами гарнизонъ сбрасывалъ японцевъ съ вершины горы. На разсвѣтѣ дѣло доходило до штыковъ“ [1]).

„Нельзя не отмѣтить особенно хорошихъ дѣйствій ефрейтора Вагина. Онъ со взводомъ, по своей иниціативѣ, занялъ ничѣмъ не укрѣпленную гору и фланговымъ огнемъ поддерживалъ, какъ Трехголовую, такъ и Боковую и въ то же время отбивался отъ насѣдавшихъ на него японцевъ. Всѣ начальствующія лица изъ нижнихъ чиновъ вели себя героями, а одинъ изъ нихъ младшій унтеръ-офицеръ Загонжа Хайдулинъ (татаринъ), во время третьей атаки, когда не хватило патроновъ въ его взводѣ, выскочилъ на валъ и съ крикомъ „умремъ братцы за Царя и Вѣру православную“, былъ готовъ броситься внизъ въ штыки; но тутъ принесли патроны, и японцы были отбиты огнемъ“ [2]).

Утромъ выяснилось, что японцы заняли Передовую, Сиротку и горку передъ Панлуншанемъ.

„Съ утра 1-го августа сильныя колонны японцевъ двинулись въ направленіи на Угловую гору и Панлуншань; въ то же время три колонны по южному берегу бухты Луизы шли въ обходъ нашего крайняго лѣваго фланга.

Когда погода немного прояснилась, японцы усилили свой артиллерійскій огонь, сосредоточивъ его главнымъ образомъ на Трехголовой и Боковой и на поддерживавшихъ эти позиціи горахъ Угловой и Длинной. Бомбардировкой этой, продолжавшейся въ теченіи всего дня, были сильно повреждены наши окопы“ [3]).

„Въ ночь на 2 августа японцы произвели рядъ атакъ на Трехголовую и Боковую горы, а затѣмъ и на Угловую. Атаки велись очень энергично, но всякій разъ были отбиваемы, преимущественно ружейнымъ огнемъ.

Около 9 час. утра японцы начали особенно энергично обстрѣливать Трехголовую и Боковую горы, а потомъ повели на нихъ энергичное наступленіе.

Положеніе защитниковъ этихъ горъ было критическое.

Выдержавъ рядъ ночныхъ атакъ, понеся громадныя потери, они нуждались въ свѣжихъ поддержкахъ, и начальникъ этого участка позиціи капитанъ 2-го ранга Ивановъ приказалъ ротѣ

---

1) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 77—78.
2) Третьяковъ. Военный Сборникъ, 1909 года.
3) Тамъ же, стр. 81—82.

4-го запаснаго батальона двинуться въ поддержку на Боковую; но, едва эта часть двинулась, какъ началось общее отступленіе съ обѣихъ горъ" [1]).

Еще съ ранняго утра генералъ Кондратенко находился на Дивизіонной горѣ, откуда и наблюдалъ за боемъ, и, какъ только замѣтилъ начавшееся съ Трехголовой горы отступленіе, приказалъ остановить отступавшихъ и взять обратно потерянныя позиціи, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ" [2]).

„Наши люди, повернутые полковникомъ Ирманомъ, полковникомъ Зубовымъ и подполковникомъ генеральнаго штаба Іолшинымъ, понеся страшныя потери, опять повернули назадъ, но два удальца 5-го полка: ефрейторъ Романъ Трусовъ и охотникъ Петръ Молчановъ ворвались таки въ занятые японцами окопы, но видя, что ихъ двое, а японцевъ полный окопъ, повернули назадъ; но Молчановъ успѣлъ застрѣлить японскаго офицера. Оба они при отступленіи были ранены, но остались въ строю" [3]).

„Съ передовыхъ позицій мы отступили, но за то стали значительно сильнѣе на Дивизіонной, Длинной и Угловой горахъ, вслѣдствіе образовавшагося у насъ собственнаго резерва.

Въ виду вѣроятной атаки на эти горы, пришлось усиленно на нихъ работать, тѣмъ болѣе, что Длинная была укрѣплена очень слабо. Окопы были мелки и не усовершенствованы, почва— чистая скала" [4]).

3 августа генералъ Ноги прислалъ генералу Стесселю письмо съ предложеніемъ о сдачѣ крѣпости. Предложеніе это было отвергнуто.

Заслуживаетъ вниманія то, что „во время переговоровъ парламентеровъ разстояніе, отдѣлявшее обѣ борющіяся стороны, не превышало 2 верстъ. И чтобы пройти это пространство и обладать крѣпостью, японцамъ пришлось затратить 4$^1/_2$ мѣсяца и потерять выведенными изъ строя около 100.000 своихъ солдатъ" [5]).

Войска въ бояхъ за предгорья вели себя превосходно: много было проявлено геройства и мужества. Но, среди ужасовъ смерти,

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 109.
2) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 84—85.
3) Третьяковъ. Военный Сборникъ, 1909 г.
4) Тамъ-же.
5) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 122.

когда чувство самосохраненія все болѣе и болѣе овладѣваетъ человѣкомъ, нашъ офицеръ и солдатъ зачастую проявляли мягкость души, столь свойственную русскому человѣку. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ:

„На разсвѣтѣ 5-го августа съ Угловой замѣтили, что на скатѣ горы Боковой остался неподобранный послѣ боя 2-го августа нашъ раненый. Когда объ этомъ донесли коменданту горы подполковнику Лисаевскому, онъ приказалъ послать нѣсколькихъ санитаровъ съ носилками и съ флагомъ краснаго креста, чтобы непремѣнно его подобрать. Посланнымъ тремъ стрѣлкамъ съ артиллерійскимъ фейерверкеромъ удалось дойти до раненаго и положить его на носилки, но въ этотъ моментъ японцы открыли по нимъ огонь, тяжело ранили фейерверкера и добили раненаго, а остальные принуждены были возвратиться; раненаго фейерверкера пришлось также бросить. Тогда подполковникъ Лисаевскій вызвалъ охотниковъ на вылазку и отправилъ ихъ какъ только стемнѣло. На вылазку вызвались: подпоручикъ Ивановъ, прапорщикъ флота Алалыкинъ и 25 нижнихъ чиновъ. Подпоручикъ Ивановъ вывелъ всю команду за линію нашего сторожевого охраненія, часть людей разсыпалъ въ цѣпь, часть оставилъ въ резервѣ и, давъ прапорщику Алалыкину точныя указанія, самъ поползъ по оврагу между японскими постами. Миновавъ ихъ, подпоручикъ Ивановъ взобрался на горку, гдѣ лежалъ раненый фейерверкеръ, но, не найдя его здѣсь, спустился внизъ и по оврагу направился къ японскимъ заставамъ, близъ которыхъ и наткнулся на нашего раненаго. Взваливъ его на плечи, подпоручикъ Ивановъ направился въ обратный путь. У начала оврага онъ встрѣтилъ младшаго унтеръ-офицера 9-й роты 5-го полка Сутарова, тоже удачно пробравшагося сквозь японскую цѣпь. Сохраняя полную тишину, эти храбрецы стали продолжать вмѣстѣ обратный путь, неся съ собой раненаго. Несчастный стоналъ отъ боли и чуть не надѣлалъ бѣды какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его спасители были на линіи японскихъ постовъ. Стоящіе шагахъ въ 20-ти отъ нихъ японцы, услышавъ стонъ, долго прислушивались и смотрѣли въ сторону нашихъ, которые притаились, зажавъ ротъ раненому. Минутъ черезъ 10-ть японцы успокоились, а подпоручикъ Ивановъ и унтеръ-офицеръ Сутаровъ воспользовались этимъ моментомъ и, подхвативъ свою ношу, благополучно добрались до Угловой горы, къ общей радости всего гарнизона. Не прошло и получаса послѣ возвращенія под-

поручика Иванова, какъ началось наступленіе японцевъ на Угловую“ [1]).

„Утро 6 августа было удивительно хорошо и обѣщало жаркій лѣтній день. Все было тихо, когда около 4-хъ ч. утра гдѣ-то въ центрѣ японскихъ линій раздался пушечный выстрѣлъ. Это былъ сигналъ для начала штурма“.

„Загрохотали большія морскія и осадныя пушки, откликнулись на призывъ гаубицы отрывистымъ, громкимъ и сердитымъ лаемъ, а сотня полевыхъ орудій звенѣла, еще болѣе усиливая грохотъ.

Тишина прекраснаго лѣтняго дня нарушилась. Снаряды всѣхъ калибровъ летали въ воздухѣ, громкіе раскаты орудійной стрѣльбы разносились далеко, встрѣчались, перекрещивались другъ съ другомъ, смѣшиваясь со звуками разрывавшихся снарядовъ и эхомъ въ горахъ и сливались въ одинъ оглушительный стонъ“ [2]).

„Подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи японцы повели наступленіе противъ Угловой горы, которую защищалъ 5-й В.-С. стрѣлковый полкъ. „Японцы двинулись на штурмъ, нельзя сказать, что колоннами, а большими кучами, но до укрѣпленій не дошли. Наши стрѣлки положили ихъ большія сотни, и мнѣ казалось, что штурмъ повсюду отбитъ. Каково-же было наше удивленіе, когда отъ командира 10-й роты, капитана Астафьева, пришло извѣстіе, что вся его 1-я полурота, кромѣ 10-ти человѣкъ, уничтожена артиллеріей непріятеля, и во время штурма японцы заняли пустые окопы этой полуроты. Но оставшіеся 10-ть человѣкъ не отступили (они были отдѣлены отъ занятыхъ окоповъ скалой) и сидятъ въ своемъ окопѣ. Впослѣдствіи я обѣщалъ этимъ молодцамъ, что имена ихъ золотыми буквами написанныя будутъ вывѣшены въ 10-й ротѣ на вѣчныя времена“ [3]).

Такъ описываетъ начало штурма командиръ полка полковникъ Третьяковъ.

Выбить японцевъ изъ занятыхъ окоповъ не удалось: артиллерія противника прямо сметала стрѣлковъ. Но дальше подвинуться японцы не могли; стрѣлки и взводъ полевой артиллеріи капитана Цвѣткова упорно держались подъ начальствомъ своего героя-коменданта, подполковника Лисаевскаго.

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 97—98.

[2]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, часть 2, стр. 130—131.

[3]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.

„Въ 9 час. утра на Угловую прибылъ генералъ Кондратенко и принялъ на себя руководство боемъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, онъ донесъ коменданту крѣпости: „5-й полкъ стоитъ, какъ скала“... [1]).

Но, несмотря на подошедшія подкрѣпленія, положеніе становилось тяжелымъ: силы наши таяли не по часамъ, а по минутамъ; потокъ раненыхъ съ горы все усиливался.

„Между тѣмъ положеніе взвода кап. Цвѣткова становилось критическимъ. Почти всѣ люди выбыли изъ строя, а японцы подходили все ближе и ближе къ орудіямъ. Тогда кап. Цвѣтковъ приказалъ послѣдней прислугѣ вынуть затворы изъ орудій и уйти, самъ же остался у орудій. Вскорѣ онъ былъ раненъ и его едва спасъ фейерверкеръ Ивановъ отъ насѣдавшихъ японцевъ. Но орудія все же не достались японцамъ, такъ какъ непріятель, не выдержавъ огня взвода поруч. Грибовскаго съ Сѣдловой горы, отступилъ“ [2]).

Въ это время вторично ранили подполковника Лисаевскаго и его понесли съ горы.

„Когда носилки подошли ближе“, пишетъ Третьяковъ; я узналъ раненаго—это былъ наша надежда, комендантъ горы, подполковникъ Лисаевскій. Онъ былъ весь въ крови и въ пыли. Пуля пробила ему нижнюю челюсть и языкъ, а другая покалѣчила руку.

Отъ потери крови онъ еле говорилъ. Въ его отсутствіе на горѣ дѣла могли пошатнуться.

Этотъ старый служака всегда проявлялъ удивительную энергію и распорядительность. Въ 5-й полкъ онъ былъ назначенъ ген. Фокомъ, который за что то остался имъ недоволенъ, почему вмѣсто командованія полкомъ, подполковникъ Лисаевскій попалъ въ командиры 2-го баталіона 5-го полка. Не угадалъ въ немъ ген. Фокъ великой силы духа; эта сила ярко проявилась при оборонѣ Угловой горы. Старикъ—подполковникъ за поясъ заткнулъ всѣхъ молодыхъ.

Онъ безстрашно ходилъ по горѣ ободряя солдатъ и, направляя ихъ дѣйствія, слѣдилъ зорко за непріятелемъ и во время вызывалъ свой малочисленный резервъ для дѣйствія, и отъ мѣткихъ и дружныхъ залповъ защитниковъ пухомъ разлетались

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 134.

2) Тамъ-же, стр. 135.

густыя колонны атакующихъ. Когда солдаты хотѣли отнести его на перевязочный пунктъ—этотъ герой сказалъ: „оставьте братцы, я хочу умереть съ вами". Съ болью въ сердцѣ проводилъ я старика, боясь, чтобы шальная пуля или бомба не покончила съ этимъ доблестнѣйшимъ воиномъ русскаго войска. Но, слава Богу, онъ благополучно перешелъ черезъ перевалъ Высокой горы, значитъ будетъ живъ. Вмѣсто подполковника Лисаевскаго, комендантомъ горы былъ назначенъ мною командиръ 9-й роты 5-го полка шт.-кап. Бѣлозеровъ—одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ полка" [1]).

Съ наступленіемъ темноты артиллерійскій огонь противника сталъ слабѣть.

„Въ это время", говоритъ полковникъ Третьяковъ, „съ горы получилъ скорбное донесеніе, что окопы разбиты. Просили подкрѣпленія не меньше роты, такъ какъ защитниковъ осталось мало. Я самъ видѣлъ, что на гору пошелъ ея послѣдній резервъ, а оттуда спускалась большая вереница раненыхъ и между ними новый комендантъ шт.-кап. Бѣлозеровъ. Когда его поднесли ко мнѣ, онъ былъ въ сильно ажитированномъ состояніи.

Японская пуля попала ему въ правую сторону груди и, конечно, прошла насквозь. Онъ былъ въ одной окровавленной рубашкѣ. Подойдя ко мнѣ очень близко, онъ сказалъ мнѣ почти шопотомъ: „Посылайте скорѣй роту. Нужно назначить комендантомъ подпоручика Иванова". Подпоручикъ Ивановъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храбрецовъ 5-го полка" [2]).

„Въ теченіи ночи полковникъ Третьяковъ нѣсколько разъ пытался выбить японцевъ изъ занятаго ими участка траншеи. За это время одна или двѣ японскія батареи переѣхали и стали громить Угловую съ фланга. Положеніе гарнизона было весьма тяжелое, такъ какъ изъ 16 блиндажей осталось лишь 7 неразрушенныхъ. Вмѣсто уничтоженныхъ блиндажей тутъ же подъ огнемъ устраивались шрапнельные ровики, но они также страдали и мало укрывали отъ непріятельскаго огня. Гарнизонъ поэтому быстро убывалъ, а японцы не прекращали дѣйствія артиллеріи.

Въ 8 часовъ утра на мѣсто боя, гдѣ все время находились полковники Ирманъ и Третьяковъ, прибылъ съ двумя ротами 28-го полка и генералъ Кондратенко, помѣстился на централь-

---

1) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 г.

2) Тамъ же.

21

ной горѣ и, несмотря на настоятельныя убѣжденія полковника Ирмана и Третьякова, не хотѣлъ отойти на болѣе безопасное мѣсто.

Уже былъ израсходованъ весь резервъ и, кромѣ того, полурота 4-й роты 5-го полка, взятая съ Высокой горы. Необходима была поддержка. Полковникъ Третьяковъ просилъ также сосѣднія батареи еще обстрѣлять снова наступавшаго непріятеля. Держаться долѣе становилось трудно".

„Около 1 часа дня 7 августа Угловая гора была очищена. Генералъ Кондратенко донесъ коменданту крѣпости: „Оставленіе нами Угловой горы вызвано полнымъ уничтоженіемъ блиндажей страшными потерями отъ шрапнельнаго огня, такъ какъ войскамъ приходилось обороняться, стоя совершенно открыто" [1]).

„Потери наши при оборонѣ Угловой горы простирались до 1000 чел. Изъ нихъ убитыхъ было не болѣе третьей части этого количества. Но, принимая во вниманіе, что эта потеря, главнымъ образомъ, была понесена на Угловой и ближайшемъ къ ней краю Соединительнаго кряжа, гдѣ одновременно могло дѣйствовать только четыре роты, численностью не болѣе 800 человѣкъ, то потеря въ 1000 человѣкъ на одномъ пунктѣ можетъ дать полное понятіе о силѣ японскаго огня по этому пункту" [2]).

„Вечеромъ 8-го августа японцы двинулись противъ Длинной горы. Штурмъ горы продолжался всю ночь и утро 9-го августа, но, несмотря на яростныя атаки, противникъ былъ всюду отбитъ; ему удалось овладѣть только небольшой сопкой, подъ названіемъ „Мертвая голова". Въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ японцы сознаются, что потерпѣли здѣсь ужасное пораженіе, заставившее ихъ отказаться отъ мысли овладѣть Длинной горой" [3]). Наши стрѣлки дрались съ большимъ упорствомъ и храбростью. На сколько велики были въ офицерахъ спокойствіе, самообладаніе и увѣренность въ своихъ силахъ, явствуетъ изъ нижеслѣдующаго эпизода, приводимаго полковникомъ Третьяковымъ:

„Въ это время показалась голова подкрѣпленій — это была охотничья команда какого-то изъ полковъ: велъ ее поручикъ Евстратовъ, высокаго роста, крѣпкаго сложенія, блондинъ съ рыжеватой бородкой. Люди шли быстро и весело; въ командѣ было

---

1) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 114—117.
2) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.
3) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 121—125.

не болѣе 80 человѣкъ. „Что же васъ такъ мало, вѣдь обѣщано три роты“. „Вотъ вамъ, г. полковникъ, три роты“, говоритъ офицеръ. „Да гдѣ же онѣ?“ спрашиваю я. „А вотъ!“ и офицеръ показалъ на свою команду; „это больше трехъ ротъ“, продолжалъ онъ. Я готовъ былъ расцѣловать молодого офицера“ [1]).

„Одновременно съ началомъ общаго бомбардированія крѣпости и атаки на Угловую гору 6-го августа подверглись сильному обстрѣливанію и редуты Водопроводный, Кумирненскій и Скалистый съ примыкающими къ нимъ траншеями. Ожесточенный огонь поддерживался весь день и къ 5 час. вечера на редутахъ были сбиты бойницы изъ мѣшковъ и разрушены нѣсколько траверсовъ и шрапнельные козырьки. Лишившись прикрытій, стрѣлки не могли стрѣлять. Особенно тяжелымъ было положеніе Водопроводнаго редута, выдвинутаго впередъ“ [2]).

Около 4-хъ часовъ дня японцы перешли въ наступленіе противъ Водопроводнаго редута.

„Непріятель былъ уже близокъ; части его группировались въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ редута въ оврагахъ и промоинахъ. Наконецъ, въ $4^1/_2$ часа дня изъ овраговъ появились справа и слѣва густыя цѣпи непріятеля, въ нѣсколько рядовъ однѣ за другими, а затѣмъ колонны (резервы), всего около одного полка. Съ большими потерями дошли японцы до гласиса наружнаго рва редута, гдѣ и залегли.

Ровно въ 5 час. дня артиллерійскій огонь прекратился и одинъ японскій офицеръ и около 30 нижнихъ чиновъ выскочили на гласисъ съ флагомъ. Всѣ они были сейчасъ же уничтожены пулеметами. Черезъ нѣсколько минутъ на гласисъ вбѣжало еще больше японцевъ.

Въ пулеметѣ задержалась лента. Японцы спрыгнули въ ровъ и вскорѣ показались на брустверѣ, но въ тотъ же моментъ комендантъ редута кап. Кириленко вызвалъ одинъ взводъ и часть второго, и приказалъ имъ сбить непріятеля съ бруствера. Взводы бросились на „ура“ въ штыки и часть японцевъ перекололи, а часть сбросили въ ровъ, но на наружномъ скатѣ бруствера засѣло нѣсколько человѣкъ съ двумя пулеметами и, открывъ изъ него огонь, заставили нашихъ стрѣлковъ сойти съ бруствера.

Тогда кап. Кириленко приказалъ открыть сильный огонь изъ

---

[1]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.
[2]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 126—127.

своихъ пулеметовъ, поставленныхъ за тыльнымъ траверсомъ у горжи, и сбилъ непріятельскіе.

Съ бруствера и съ гласиса японцы въ полномъ безпорядкѣ бѣжали, преслѣдуемые нашими пулеметами, но въ наружномъ рву засѣли въ числѣ около одного баталіона и притаились.

Такимъ образомъ, создалась такая обстановка: переднiй фасъ—японскiй, заднiй—нашъ. Японцы сидятъ во рву, бросаютъ въ редутъ ручныя бомбы, подрываются подъ брустверъ и пытаются взорвать его небольшими зарядами. За ночь ими было сдѣлано 5 взрывовъ и въ то же время нѣсколько разъ японцы пытались завладѣть редутомъ, но каждый разъ гарнизонъ сбрасывалъ ихъ въ ровъ. Изъ-за бруствера же японцы не могли выглянуть, такъ какъ наши пулеметы косили показавшагося непріятеля“ [1]).

Къ вечеру японцы заняли д. Шуйшуинъ и окопы около Панлуншаньскаго редута.

„Японцы, занявъ д. Шуйшуинъ, всю ночь дѣлали рядъ попытокъ къ захвату Водопроводнаго редута. Присланныя въ поддержку 2 роты 15-го полка и охотничья команда расположились по его флангамъ и помогли гарнизону отбить всѣ штурмы, хотя японцы, проникшіе въ наружный ровъ наканунѣ, все еще оставались тамъ, почти у самаго бруствера, и взрывали его фугасами.

Съ $5^1/_2$ час. утра непріятель, продолжая осыпать редутъ шрапнелью, предпринялъ попытку овладѣть редутомъ.

Подсаживая другъ друга, японцы изо рва влѣзли на брустверъ и подняли тамъ свой флагъ. Тогда ихъ артиллерійскій огонь прекратился, и японскіе солдаты, подкрѣпляемые свѣжими частями изъ ближайшихъ овраговъ, стали пробираться въ редутъ. Быстро выкаченные пулеметы редута заработали и отбросили часть японцевъ обратно въ ровъ, а горсть стрѣлковъ 11-й роты выбѣжала изъ блиндажа, бросилась въ штыки на „ура“ и сбросила въ ровъ остальныхъ. Брустверъ былъ снова очищенъ. И снова возобновился артиллерійскій огонь по редуту, но стрѣлки сейчасъ же укрылись въ блиндажъ горжевого фаса, гдѣ шрапнель почти не приносила вреда.

Въ 1 часъ 30 мин. дня на редутъ была послана въ помощь 21-я рота пограничной стражи подъ командой шт.-ротм. Яковицкаго при младшемъ офицерѣ поруч. Лоздовскомъ. Около 3 час. рота эта пришла; нужно было выбить японцевъ изо рва.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 142.

Кап. Кириленко послалъ въ ровъ съ одного и другого конца по полуротѣ пограничниковъ, а самъ съ 40 стрѣлками пошелъ прямо на брустверъ. Всѣ одновременно бросились на „ура", быстро сбросили японцевъ съ бруствера въ ровъ, а во рву завязался штыковой бой.

Въ 4 часа почти весь японскій баталіонъ, находившійся во рву, былъ уничтоженъ,—немногіе успѣли выбраться оттуда; пулеметы же докончили дѣло.

Такимъ образомъ, съ 4½ ч. утра 6-го августа до 3 ч. дня 7-го, японцы произвели на редутъ 5 атакъ, но каждый разъ отбрасывались 11-й ротой, несли огромныя потери и редутомъ не овладѣли" [1]).

„Между тѣмъ, около 8 ч. вечера непріятель сосредоточилъ главный свой артиллерійскій огонь на Кумирненскомъ редутѣ. Большинство блиндажей и укрѣпленій, исправленныхъ наканунѣ ночью, было снова разрушено.

Съ наступленіемъ темноты японцы повели атаку, которую повторили въ теченіи ночи нѣсколько разъ. Всѣ атаки были отбиты, причемъ гарнизонъ редута развивалъ на столько сильный огонь, что оба пулемета отказались служить отъ нагара въ стволѣ, а ружья приходилось замѣнять другими" [2]).

Въ эту же ночь японцы повели наступленіе противъ Панлуншаньскаго редута съ трехъ сторонъ и заставили его очистить.

Попытка вернуть его кончилась смертью храбраго подполковника князя Мачабели; редутъ остался въ рукахъ врага.

„Въ 4 час. 30 мин. утра японцы, сосредоточившись въ д. Шуйшуинъ въ составѣ около 6 ротъ, повели на Кумирненскій редутъ самую энергичную атаку. Они бѣжали впередъ съ шумомъ и крикомъ, не взирая на страшный огонь, открытый стрѣлками всего гарнизона редута и исправленнымъ за ночь пулеметомъ. Около получаса шли японцы впередъ. Огонь нашъ дѣлалъ свое дѣло: у непріятеля выбывалъ изъ строя рядъ за рядомъ, но, не взирая на это, они все же дошли до наружнаго рва. Однако здѣсь дрогнули и, потерявъ большую часть, бѣжали въ полномъ безпорядкѣ. Ихъ преслѣдовали огнемъ стрѣлковъ и пулемета. Оставивъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, японцы добѣжали до Шуйшуина и скрылись въ фанзахъ деревни.

---

[1]) Военно-Истор. Комисс., т. VII, ч. 2, стр. 155—157.

[2]) Тамъ-же, стр. 157—158.

Между тѣмъ наступило общее затишье, и начальникъ укрѣпленнаго раіона г.-л. Стессель рѣшилъ имъ воспользоваться, чтобы пополнить, что можно, о чемъ и сообщилъ запиской коменданту крѣпости для исполненія.

Въ той же запискѣ г.-л. Стессель писалъ слѣдующее: „въ д. Паличжуанъ двинуты 2 роты 13-го полка и съ ними Кондратенко. Его не надо посылать съ отдѣльными ротами, для этого довольно капитана.

Потеря его незамѣнима".

Не довольствуясь этимъ, г.-л. Стессель послалъ черезъ своего начальника штаба телефонограмму г.-м. Кондратенко съ убѣдительной просьбой не ходить въ д. Паличжуанъ съ 2-мя ротами 13-го полка.

Подобное опасеніе за жизнь начальника сухопутной обороны само собою говоритъ о томъ значеніи, которое имѣлъ г.-м. Кондратенко для обороны крѣпости. Въ отвѣтъ на посланное предупрежденіе г.-м. Кондратенко отвѣчалъ простою телефонограммою:

„Въ телефонограммѣ, навѣрное, перепутано одно слово; надо читать: „я выслалъ двѣ роты въ Паличжуанъ", а передали, вѣроятно: „я выѣзжаю съ двумя ротами". Я все время нахожусь, вслѣдствіе артиллерійскаго огня въ блиндажѣ Кладбищенской инпани" [1]).

Стоитъ обратить вниманіе на подобную скромность покойнаго героя; къ сожалѣнію, такой скромностью обладали не всѣ начальствующія лица въ осажденной крѣпости.

„Въ 5 час. дня японцы снова атаковали Кумирненскій редутъ и доходили до проволочной сѣти, въ то время, когда ихъ артиллерія продолжала осыпать шрапнелью самый редутъ. У проволочной сѣти они поднимали бѣлые флажки, и артиллерійскій огонь прекращался. Тогда японцы устремлялись впередъ; но наши стрѣлки, пользуясь прекращеніемъ огня, быстро выбѣгали къ брустверу редута, пулеметы выкатывались и градъ пуль сыпался на противника.

Такого огня японцы ни разу не выдерживали и каждый разъ разбѣгались въ полномъ безпорядкѣ, оставляя у сѣти массу убитыхъ и раненыхъ. Какъ только японская артиллерія замѣчала отступленіе своихъ атакующихъ отрядовъ, немедленно по редуту открывался страшный шрапнельный огонь, но уже поздно —

---

[1]) Воен.-Истор. Комис., т. VIII, ч. 2, стр. 169—172.

стрѣлки успѣвали скрываться въ окопы, а пулеметы спущены въ закрытіе. Многіе стрѣлки до того увлекались преслѣдованіемъ убѣгающаго противника, что взбѣгали на брустверъ съ желаніемъ броситься въ штыки. Съ трудомъ удерживалъ ихъ комендантъ редута подпоруч. Пруссовъ и приказывалъ прятаться отъ шрапнельнаго огня" [1]).

Ночью японцы еще разъ пытались штурмовать редутъ, но были отбиты. Кумирненскій редутъ остался въ нашихъ рукахъ.

„Въ то время, когда правое крыло японской осадной арміи атаковало Угловую гору, а 36-й полкъ 9-й дивизіи—позицію Водопровода, остальная часть 9-й дивизіи и вся 11-я дивизія приготовлялись къ штурму Восточнаго фронта крѣпости, а осадныя орудія подготовляли имъ путь, разрушая его укрѣпленія.

Какъ было уже сказано, общее бомбардированіе крѣпости началось съ 5 час. утра. Несмотря на ужасный огонь, всѣ наши орудія Восточнаго фронта, какъ крѣпостныя, такъ и морскія, находившіяся на батареяхъ, мужественно вступили въ бой.

Наибольшей силы бомбардировка достигла около 10 ч. утра и продолжалась такъ до 12-ти, когда нѣсколько стихла, но въ 2 часа возобновилась съ прежней силой и продолжалась до вечера. Когда же стемнѣло, то огонь большинства японскихъ батарей угасъ и ночью поддерживался только изъ гаубицъ, расположенныхъ за Волчьими горами" [2]).

„Вскорѣ бруствера фортовъ и укрѣпленій уже потеряли свой правильный видъ, бойницы изъ мѣшковъ сбивались, нѣкоторые блиндажи были разрушены, нѣсколько пушекъ подбито" [3]).

Всѣмъ Восточнымъ фронтомъ командовалъ генералъ Горбатовскій, который съ самаго начала боя прибылъ на Скалистый гребень и лично управлялъ дѣйствіями войскъ, оставаясь здѣсь до 11 августа.

„Всю ночь съ 6 на 7 августа на батареяхъ и укрѣпленіяхъ Восточнаго фронта никто, конечно, не спалъ: работы было такъ много, а предстоявшій день обѣщалъ такъ мало надеждъ, что онъ будетъ лучше предыдущаго, что было не до сна. Это всѣми сознавалось, и серьезность положенія дѣлъ настолько понималась, что на разбитыхъ сожженныхъ батареяхъ, чуть скрыли ихъ наступавшія сумерки отъ глазъ противника, закипѣла работа.

---

1) Воен.-Истор. Комисс., т. VII, ч. 2, стр. 173.
2) Тамъ-же, стр. 143, 145 и 148.
3) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 166.

Руководившій дѣйствіями крѣпостной артиллеріи на Восточномъ фронтѣ полк. Тохателовъ, батарейные командиры и вся прислуга, съ помощью стрѣлковъ, работали не смыкая глазъ, до утра, и только благодаря этому, утромъ 7 августа батареи могли снова начать состязаніе съ батареями непріятеля, хотя еще не успѣли замѣнить всѣхъ подбитыхъ орудій.

6 августа, этотъ первый день бомбардированія непріятелемъ батарей Восточнаго фронта, было только прелюдіей къ тому, что произошло въ слѣдующіе 3 дня“ [1]).

„На разсвѣтѣ 7 августа непріятельскій артиллерійскій огонь вновь усилился. Съ особеннымъ ожесточеніемъ японцы обстрѣливали редуты № 1 и № 2 съ прилегающими къ нимъ батареями, а также форты №№ II и III. Нѣсколько позже непріятель сосредоточилъ огонь по Китайской стѣнкѣ, стараясь пробить въ ней брешь. Противъ редутовъ въ разстояніи около 2-хъ верстъ была замѣчена полевая артиллерія.

Бомбардировка продолжалась опять весь день, и только въ 8 час. вечера стрѣльба начала нѣсколько утихать“ [2]).

Около 12 ч. ночи японцы стали небольшими группами приближаться къ форту № II, о чемъ наши дозоры дали знать коменданту форта, капитану 25-го полка Рѣзанову.

„Было уже два часа ночи, когда при вспышкѣ одной ракеты гарнизонъ форта замѣтилъ на гласисѣ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рва массы японцевъ и водруженный на гребнѣ гласиса флагъ.

Такъ какъ, вслѣдствіе большой ширины и глубины рва, принесенныя японцами штурмовыя лѣстницы не могли принести пользы, то люди 44-го полка стали прыгать на дно рва.

Почти въ то же время во рву затрещали ружейные выстрѣлы изъ контръ-эскарповой галлереи. Тотчасъ комендантъ форта приказалъ открыть сильный пачечный огонь и выкатить пулеметъ. Быстро открыли стрѣлки настолько сильный огонь, что японцы его не выдержали, а когда артиллеристъ подпоручикъ Садыковъ выкатилъ на барбетъ свои противоштурмовыя орудія и началъ разстрѣливать японцевъ картечью почти въ упоръ, то японцы принуждены были отойти окончательно“ [3]).

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2-я, стр. 161.
[2]) Тамъ-же, стр. 162.
[3]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 176.

„На Куропаткинскомъ люнетѣ въ это время происходилю слѣдующее.

Какъ только показались первыя цѣпи наступавшихъ японцевъ, командиръ батареи на люнетѣ, поруч. Дударовъ, повелъ самый бѣглый огонь сначала шрапнелью, а потомъ картечью, и въ то же время открылъ огонь гарнизонъ—½ рота 9-й роты 25-го полка,—но японцы, пользуясь многочисленными оврагами, все же добрались до бруствера и обрушились на люнетъ.

Тогда поруч. Дударовъ скомандовалъ прислугѣ „въ ружье" и вмѣстѣ съ ней и со стрѣлками бросился въ штыки. У бруствера онъ былъ раненъ пулей въ грудь, но, крикнувъ; „братцы, впередъ—не бойся", продолжалъ идти; но тотчасъ вторая пуля въ лобъ сразила его на-смерть.

Гарнизонъ отбилъ атаку штыками, но вскорѣ показались новыя массы непріятеля. На люнетъ къ этому времени прибыли 3 взвода 2-й роты 15-го полка и помогли гарнизону отбить новую атаку. Но вскорѣ командиръ роты поруч. Малышкинъ былъ тяжело раненъ, командованіе принялъ фельдфебель Барковъ, но также былъ раненъ. Вмѣсто него остатками роты сталъ командовать унт.-офиц. Литасовъ.

Около 2-хъ часовъ ночи японцамъ удалось проникнуть въ люнетъ и, хотя унт.-оф. Литасовъ съ остатками роты пытался выбить ихъ штыками, но это ему не удалось и японцы удержались въ люнетѣ. Тогда ефрейторъ Никифоровъ по своей инициативѣ прибѣжалъ въ 3-ю роту 15-го полка, стоявшую у Большого Орлинаго гнѣзда и просилъ командира ея, кап. Нельгина придти на помощь Куропаткинскому люнету [1]).

Къ сожалѣнію, контръ-атака кап. Нельгина была неудачна. Съ разсвѣтомъ наша артиллерія, замѣтивъ японцевъ на Куропаткинскомъ люнетѣ, стала обстрѣливать ихъ.

Въ это-же время капитанъ Нельгинъ снова повелъ 3-ю роту 15-го полка. 3-й взводъ ея подъ начальствомъ унт.-оф. Семена Коваленко по одиночкѣ пробрался на люнетъ, а 2-й взводъ остался на мѣстѣ.

Огнемъ съ Малой Орлиной, со стѣны и штыками 3-го взвода 3-й роты съ остатками 2-й роты подъ командой унт.-оф. Литасова японцы были перебиты, а уцѣлѣвшіе перебѣжали черезъ валъ къ своимъ.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. V, ч. 2, стр. 176—177.

Замѣтя отступленіе, три японскія колонны, силою каждая около роты, лежавшія въ оврагахъ и въ мертвомъ пространствѣ передъ фортомъ № II, и, очевидно, предназначавшіяся для штурма форта въ минувшую ночь, въ густыхъ массахъ, бѣгомъ по открытому мѣсту, бросились на выручку отступавшихъ, забывъ о спасеніи самихъ себя. Но страшнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ съ форта № II онѣ были отбиты и разсѣяны.

Въ теченіе послѣдующихъ дней остатки 2-й и 3-й ротъ 15-го полка подъ начальствомъ поруч. Паюрскаго оставались почти безъ пищи, питались только галетами, отобранными отъ убитыхъ японцевъ, а за водой бѣгали съ рискомъ. Жара стояла невыносимая. Трупы разлагались. На люнетѣ былъ страшный смрадъ; убирать же убитыхъ и раненыхъ не было никакой возможности" [1]).

„Въ то время, когда происходили описываемыя событія вправо отъ форта № II, непріятель сосредоточился противъ промежутка между фортами №№ II и III и на разсвѣтѣ 8-го августа началъ штурмъ" [2]).

„Японцы двинулись на редутъ № I. Къ 7 ч. утра штурмъ былъ отбитъ, но противникъ, разсыпавшись по оврагамъ, продолжалъ обстрѣливать редуты № 1 и № 2. Передъ проволочными сѣтями у этихъ редутовъ было оставлено японцами около 300 труповъ. Наша артиллерія съ утра мужественно боролась съ противникомъ.

Волчья батарея, благодаря скрытому своему расположенію, пострадала меньше другихъ, хотя непріятель ее усиленно разыскивалъ. Отлично управляемая своимъ командиромъ, шт.-кап. Ручьевымъ, она наносила страшный вредъ резервамъ непріятеля и даже тѣмъ его войскамъ, которыя собирались подъ редутами. Только эта батарея продолжала свой огонь непрерывно до вечера.

Батарея лит. Б., отвѣчая непріятельскимъ батареямъ на Волчьихъ горахъ, перенесла вскорѣ свой огонь тоже на штурмующіе фортъ № II и люнетъ части. Еще на разсвѣтѣ командиръ батареи шт.-кап. Волковъ былъ дважды раненъ—въ плечо и въ ногу—и не могъ оставаться на батареѣ. До прибытія новаго командира въ командованіе батареей вступилъ находившійся на ней полк. Тохателовъ, который послѣ того, какъ непріятель

---

[1]) Военн. Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 178 и 179.

[2]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр.

сброшенъ былъ съ люнета и отступалъ, направилъ огонь батареи на него, нанеся при этомъ непріятелю большія потери. Къ полудню прибылъ на батарею новый командиръ — подпоручикъ Сандецкій, но черезъ 2 часа былъ убитъ осколкомъ бомбы въ лобъ. Полк. Тохателовъ опять остался за командира батареи, пока вечеромъ не прибылъ на нее, уже третій въ этотъ день, новый командиръ — поручикъ Коржинскій. Батарея лит. Б., подобно Зaредутной батареѣ, обстрѣливалась непріятелемъ съ трехъ сторонъ и несла громадныя потери въ офицерахъ и въ прислугѣ“ [1]).

„Испытавъ неудачу у редута № 1, японцы рѣшили пустить въ дѣло еще одинъ полкъ, прикрывъ его движеніе огнемъ почти всѣхъ осадныхъ орудій. Противникъ по одиночкѣ сталъ перебѣгать въ овраги, собираясь въ большія группы. Наши стрѣлки, кромѣ бомбъ и шрапнелей, значительно терпѣли еще отъ непріятельскихъ пулеметовъ въ то время, когда наши уже были подбиты. Артиллерія наша также почти молчала. Положеніе становилось очень серьезнымъ. Противникъ все больше и больше приближался къ промежутку между фортами“ [2]).

„Съ 11 час. утра наступилъ часовой перерывъ, послѣ котораго шт.-кап. Кругликъ, комендантъ редута № 2, донесъ, что японцы опять стали сосредоточивать свои колонны противъ редута № 1. Началась вторая серія атаки. Сознавая опасное положеніе редута № 1, генералъ Горбатовскій послалъ туда 2-ю роту 16-го полка, которая по прибытіи скрылась въ остаткахъ блиндажей.

До выхода этой роты изъ блиндажей японцы уже успѣли взобраться на редутъ съ правой стороны. Комендантъ редута шт.-кап. Гусаковскій, который занималъ лѣвый фасъ редута, одинъ съ 12 человѣками геройски защищалъ редутъ и съ ружьемъ въ рукахъ бросился на нихъ въ атаку, причемъ самъ убилъ японскаго офицера.

Вслѣдъ за симъ помогла и 2-я рота 16-го полка; японцы были отбиты.

Послѣ этого японцы еще нѣсколько разъ пытались штурмовать редуты, но всякій разъ были отбиваемы съ громадными потерями. Около 5 час. вечера, видя полную безуспѣшность своихъ атакъ, японцы стали окончательно отходить.

---

[1]) Военно-Истор. Комис., т. VIII, ч. 2-я, стр. 180, 182 и 183.
[2]) Тамъ же, стр. 180—181.

Дневной штурмъ потерпѣлъ полную неудачу, но, въ ожиданіи ночного, нужно было приступить къ самымъ энергичнымъ работамъ, такъ какъ редуты представляли изъ себя груду развалинъ“ [1]).

На разсвѣтѣ 9-го августа противникъ началъ снова ожесточенное бомбардированіе всего фронта, а вскорѣ перешелъ въ наступленіе.

Атаки японцевъ на редутъ № 1 были, хотя и съ трудомъ, отбиты, но защитники редута прямо таяли подъ ужаснымъ огнемъ противника. Наконецъ прибыли подкрѣпленія изъ морского десанта.

„Прибывшее на редутъ 1-й подкрѣпленіе была полурота съ броненосца „Побѣда“, подъ командой мичмана Бершадскаго. Съ командой пришелъ и начальникъ всего морского дессанта капитанъ 2-го ранга Лебедевъ. Японцы, уже овладѣвшіе передовыми окопами, пытались третій разъ ворваться на редутъ, но, видя бѣгущую свѣжую роту мичмана Бершадскаго, частью скрылись за валъ, частью легли за блиндажами. Эти послѣдніе были всѣ переколоты, а засѣвшіе въ окопахъ старались кидать въ редутъ камни, въ отвѣтъ на что моряки стали бросать въ нихъ пустыми гильзами отъ орудійныхъ патроновъ и валявшимися во множествѣ во дворикѣ редута стаканами японскихъ же шрапнелей.

Ротный горнистъ Василій Пониковорскій и унтеръ-офицеръ Андрей Авдіенко бросились къ орудіямъ и открыли изъ нихъ огонь по непріятелю. Затѣмъ вся рота, во главѣ съ капитаномъ 2-го ранга Лебедевымъ, дружно бросилась въ штыки и отбросила японцевъ“ [2]).

„Лебедевъ, по словамъ очевидцевъ-матросовъ и стрѣлковъ, скосилъ своимъ увѣсистымъ палашемъ много японцевъ—послужилъ примѣромъ для всѣхъ; въ лѣвой рукѣ у него былъ револьверъ Наганъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ въ сбившихся въ кучу японцевъ; правой же рукой наносилъ смертельные удары.

— Храбрѣе этого рубаки мы не видали!—говорили уцѣлѣвшіе въ этомъ дѣлѣ.

Но онъ погибъ тутъ же“ [3]).

„Ясно сознавая, что съ такими силами дольше редуты за

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 182—184.
2) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 185.
3) П. Ларенко. Страдные дни П.-Артура, ч. 1, стр. 237.

собой удерживать невозможно, генералъ Горбатовскій немедленно телефонировалъ коменданту крѣпости: „Резерва у меня нѣтъ, все израсходовано, осталась одна полурота моряковъ. Убыль офицеровъ велика. Редутъ № 1 четыре раза переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ данный моментъ на одной половинѣ редута № 1 наши, а другую половину занимаютъ японцы; редуты оба подъ страшнымъ огнемъ, люди видимо начинаютъ уставать. Убыль нижнихъ чиновъ также велика".

Это былъ, дѣйствительно, критическій моментъ для обѣихъ сторонъ, ибо у генерала Горбатовскаго окончательно истощился резервъ, а японцы настолько ослабѣли, что новой атаки не могли уже предпринять" [1]).

Генералъ Ноги собралъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено прекратить штурмъ и перейти къ постепенной атакѣ.

„Въ отвѣтъ на телефонограмму ген. Горбатовскаго комендантъ приказалъ выслать 1 баталіонъ 14-го полка. Но баталіонъ этотъ еще не прибылъ, когда японскія части, которыми приказъ Ноги еще не былъ полученъ, замѣтили, что на редутѣ № 1 только часовые, воспользовались этимъ и заняли его.

Почти такая же картина въ это время разыгралась и на редутѣ № 2, но только съ меньшимъ напряженіемъ со стороны японцевъ.

Около 3 час. дня шт.-кап. Кругликъ получилъ ложное донесеніе, что правый флангъ редута занятъ японцами, а пятая рота 14-го полка отступила. Не провѣривъ этого донесенія, онъ приказалъ отойти къ капониру № 3, но потомъ, спохватившись, со словами „ура, отобьемъ, братцы, редутъ", бросился назадъ на брустверъ редута и сбросилъ поднимавшихся уже съ другой стороны на редутъ японцевъ, но самъ поплатился жизнью.

Въ это время пришла рота моряковъ на подмогу и пока завшаяся на скатѣ редута штурмовая колонна японцевъ была отбита. Противникъ вновь открылъ сильный огонь, почему люди вошли въ оставшіеся еще неразрушенными блиндажи; японцы воспользовались этимъ и ворвались въ редутъ. Намъ оставалось только очистить редутъ" [2]).

„Причинами паденія редутовъ надо признать: 1) недостатокъ резервовъ, такъ какъ комендантъ, считая, что противъ редутовъ

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 198—199.

[2]) Тамъ же, стр. 200 и 201.

лишь „слабыя силы", увелъ посланные на поддержку два баталіона 14-го полка; 2) несостоятельность редутовъ, какъ фортификаціонныхъ построекъ; это были не болѣе, какъ два старыхъ китайскихъ укрѣпленія; 3) слабость нашей артиллеріи, поставленной слишкомъ открыто, и малое количество снарядовъ, заставлявшее расходовать ихъ экономно" [1]).

Паденіе редутовъ угрожало прорывомъ японцевъ; къ счастью противникъ на время пріостановилъ свои атаки. По докладу генерала Кондратенко было рѣшено отобрать редуты, что должны были выполнить на разсвѣтѣ 10 августа генералъ Горбатовскій и полковникъ Семеновъ.

„Около 4-хъ часовъ ген. Горбатовскій приказалъ 1-му баталіону 14-го полка двинуться на редуты, при чемъ 1-я и 2-я роты подъ командой капитана Богданова были направлены на редутъ № 1, а 3-ю и 4-ю повелъ на редутъ № 2 подполковникъ Кириковъ. Несмотря на страшный огонь съ редутовъ, 1-я и 2-я роты, хотя со страшными потерями, заняли редутъ № 1. Что касается редута № 2, то, хотя 3-я и 4-я роты и ворвались въ него, но тотчасъ же должны были оставить, въ виду очень большихъ потерь отъ пулеметнаго огня и пироксилиновыхъ шашекъ. Всѣ офицеры штурмовавшихъ ротъ выбыли изъ строя.

Вскорѣ послѣ этого изъ редута № 1 пришелъ раненый кап. Богдановъ, который доложилъ подполк. Кирикову, что 1-я и 2-я роты заняли редутъ № 1. Онъ сообщилъ также, что во время атаки командиръ 1-й роты кап. Россинъ, будучи раненъ, все-таки вскочилъ съ обнаженной шашкой на брустверъ, но по нему былъ сдѣланъ залпъ, и онъ свалился мертвый въ сторону непріятеля. Рота, какъ одинъ человѣкъ, бросилась за командиромъ и вмѣстѣ со 2-й ротой заняла редутъ. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ японцы открыли по редуту сосредоточенный шрапнельный огонь. Роты стали нести сильныя потери, такъ какъ укрытій почти не существовало, за исключеніемъ одного блиндажа, въ который можно было помѣстить человѣкъ 20—30.

Генералъ Горбатовскій приказалъ въ редутѣ оставить одинъ взводъ. Непріятельская артиллерія стала тотчасъ-же обстрѣливать сильнымъ шрапнельнымъ и фугаснымъ огнемъ. Въ нѣсколько минутъ былъ разрушенъ послѣдній блиндажъ и защитники его почти всѣ остались на мѣстѣ.

---

[1]) Военно-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 207.

Уцѣлѣвшіе остатки 1-й роты 14-го полка, желая отыскать тѣло своего командира, выслали отъ себя на редутъ 15 охотниковъ. Они пробрались на редутъ буквально подъ градомъ снарядовъ, но отыскать тѣло кап. Россина имъ не удалось. Изъ нихъ вернулось 7 ранеными, а остальные были убиты“ [1]).

Вотъ и пускай послѣ этого лѣвая печать кричитъ, что въ русской арміи нѣтъ общенія между офицерами и нижними чинами, что въ этомъ случаѣ наша армія похожа на германскую. Это ли не яркій примѣръ преданности и любви солдата къ своему командиру? Вѣроятно, за что нибудь да любили его!

„Затѣмъ, по приказанію генерала Горбатовскаго и при содѣйствіи подполк. Киленина, къ Китайской стѣнѣ у подножія Заредутной горы были поставлены пулеметы и немедленно открытъ самый дѣйствительный огонь по редуту, но, къ сожалѣнію, эти пулеметы были вскорѣ разбиты артиллерійскимъ огнемъ противника“ [2]).

„1-й баталіонъ 14-го полка, атаковавшій редуты, потерялъ 413 человѣкъ изъ 637, т. е. 64% своего состава; командиръ 1-й роты капитанъ Россинъ былъ убитъ, командиръ 2-й роты капитанъ Богдановъ, командующій 3-й ротой подпоручикъ Аксаковъ и временно командующій 4-й ротой прапорщикъ Тиммъ—были ранены.

Подпоручикъ Аксаковъ, будучи тяжело раненъ, 20 часовъ пролежалъ на редутѣ № 1 и приползъ къ Китайской стѣнѣ только въ слѣдующую ночь“ [3]).

„Генералъ Кондратенко сильно опасался продолженія штурмовъ. Его опасенія оказались не напрасными: японцы дѣйствительно рѣшили въ ночь на 11 августа продолжать свое наступленіе на промежутокъ между фортами № II и № III съ цѣлью завладѣть Большимъ Орлинымъ гнѣздомъ, Заредутной и Скалистымъ кряжемъ“ [4]).

„Около 12 ч. ночи тихо двинулись японцы и, подойдя близко, стремительно бросились съ крикомъ „банзай“ на участокъ Китайской стѣны отъ капонира № 2 до редута № 2. Начался бой,

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 215—216.
[2]) Тамъ-же, стр. 216.
[3]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 191.
[4]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 223.

при первыхъ выстрѣлахъ котораго ген. Горбатовскій, временно уѣхавшій, вновь поспѣшилъ на линію.

Въ то время, когда японцы пробрались за Китайскую стѣну и показались на скатѣ Заредутной, генералъ приказалъ выдвинуть сюда отъ скалистаго кряжа 1-ю роту 13-го полка. Рота прибыла бѣгомъ и заняла батарею въ тотъ моментъ, когда японцы дошли уже до бруствера батареи. Стоявшія здѣсь 9-я рота 14-го полка и рота 27-го полка подъ общимъ начальствомъ капитана Голицынскаго приняли ихъ въ штыки; подоспѣвшая же рота 13-го полка помогла сбросить непріятеля“ [1]).

„Но въ это время другой отрядъ японцевъ уже показался на скатахъ Орлинаго гнѣзда. Выдвинутая изъ резерва послѣдняя рота разсыпалась въ цѣпь на сѣдловинѣ между Заредутной и Б. Орлинымъ, а гарнизонъ Б. Орлинаго залпами почти въ упоръ сдерживалъ поднимавшихся на гору. Но новые отряды уже появились изъ-за Китайской стѣны и снова бросились на Заредутную, стараясь распространиться къ Волчьей батареѣ и Скалистому кряжу.

Но начальнику участка, капитану Шабурову, удалось снять съ Китайской стѣны 10-ю роту 25-го полка и 1-ю роту 13-го полка. Онъ расположилъ ихъ перпендикулярно къ Китайской стѣнѣ широкимъ фронтомъ, бросился съ ними на выручку Заредутной и отбросилъ японцевъ къ сѣдловинѣ между Орлинымъ и Заредутной. Въ это самое время изъ-за Орлинаго показались двѣ роты 13-го полка, присланныя комендантомъ изъ общаго резерва. Имъ удалось отрѣзать японцевъ отъ Китайской стѣны.

Тогда произошла ужасно кровопролитная свалка. Тѣснимые слѣва капитаномъ Шабуровымъ, поражаемые съ фронта залпами роты капитана Голицинскаго и отрѣзанные отъ редутовъ японцы бились ожесточенно. Большая часть ихъ полегла здѣсь и лишь немногимъ удалось пробраться обратно за Китайскую стѣну. Здѣсь они столкнулись со своими резервами и всѣ вмѣстѣ попали подъ огонь форта № III. Въ ужасѣ японцы бросились дальше къ редутамъ, смяли стоявшія здѣсь части, попали подъ огонь своей артиллеріи, принявшей ихъ за русскихъ, и были остановлены только 18-й бригадой 9-й дивизіи возлѣ полотна желѣзной дороги.

Около 4-хъ часовъ утра штурмъ былъ отбитъ по всей линіи. Огонь прекратился. Тогда генералъ Горбатовскій приказалъ за-

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 196.

нять Китайскую стѣну и укрѣпиться на ней. Но по обѣимъ сторонамъ стѣны было нагромождено такъ много японскихъ труповъ, что необходимо было прежде всего ихъ убрать. Тогда здѣсь же вырыли ямы, зарыли японцевъ и затѣмъ уже принялись за устройство Китайской стѣны. Погребеніе японцевъ продолжалось и на другой день. Труповъ насчитывали до 2.500.

Общія потери японцевъ на Восточномъ фронтѣ съ 6-го по 11-е августа достигли до 15.000 человѣкъ. Мы потеряли здѣсь за это же время около 3.000.

Такъ окончился послѣдній актъ августовскихъ штурмовъ Портъ-Артура.

Въ своей реляціи этихъ штурмовъ генералъ Горбатовскій говоритъ: „Свидѣтельствую о выдающейся стойкости нашихъ стрѣлковъ, артиллеристовъ и моряковъ, какъ г.г. офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, которые дрались, какъ истинные сыны своего обожаемаго Царя-Батюшки“.

Этотъ прекрасный, скромный отзывъ вполнѣ характеризуетъ дѣйствія войскъ Восточнаго фронта, проявившихъ въ эти историческіе дни много подвиговъ истиннаго самоотверженія и героизма. Но не меньшій героизмъ проявилъ и ихъ начальникъ генералъ Горбатовскій, бывшій въ теченіе всего времени среди своихъ подчиненныхъ и вполнѣ раздѣлявшій ихъ участь. А его постоянное присутствіе среди войскъ и хладнокровныя распоряженія несомнѣнно облегчили имъ отбить эти историческіе штурмы. Такимъ образомъ, попытка японцевъ овладѣть крѣпостью при помощи атаки открытой силой окончилась полной неудачей“ [1]).

„Штурмъ былъ блестяще отбитъ; всѣми это чувствовалось; настроеніе было бодрое. Для примѣра можно привести такой фактъ; идетъ раненый солдатъ и ухмыляется. На вопросъ: „чему ты такъ радъ“ — отвѣчаетъ: „Какъ же мнѣ, Ваше Высокоблагородіе, не радоваться, когда сегодня отвелъ душу: шестерыхъ уложилъ штыками, да седьмой вотъ ранилъ; докторъ отправилъ въ лазаретъ, а хотѣлось бы еще до дюжины догнать“.

Если подобное настроеніе было у нижнихъ чиновъ, то тѣмъ болѣе это было замѣтно на офицерахъ.

Отбитіемъ ночного штурма съ 10 на 11 августа русская армія занесла новую блестящую страницу въ отечественную военную исторію.

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 197—199.

Если въ ночь съ 9 на 10 августа русскія войска показали, что онѣ могутъ съ успѣхомъ атаковать, то ночь съ 10 на 11 августа еще рельефнѣе выяснила ихъ силу въ оборонѣ. Дѣйствительно горсть стрѣлковъ, всего 13½ ротъ, очень малаго состава, вѣрнѣе—остатки ротъ, да 2 такихъ же роты резерва, прикрытыя наскоро сдѣланными траншеями по гребнямъ горъ Заредутной и Большого Орлинаго гнѣзда, отразили натискъ 1½ японскихъ дивизій.

Въ ночномъ штурмѣ мало мѣста стратегіи и даже тактикѣ, а побѣждаетъ тотъ, у кого больше боевой энергіи; и вотъ этотъ штурмъ съ очевидной ясностью показалъ, какъ великъ духъ русскаго офицера и солдата [1]).

„Въ Японіи съ часу на часъ ждали изъ арміи генерала Ноги извѣстія о взятіи Портъ-Артура, заранѣе предвкушая торжество побѣды. Однако эти радужныя надежды были безжалостно разбиты стойкостью Портъ-Артурскаго гарнизона; потерявъ въ теченіе августа около 20.000 человѣкъ, японцы овладѣли лишь слабыми укрѣпленіями Угловой горы и двумя временными редутами №№ 1 и 2-й. Расчетъ на скорое присоединеніе осадной арміи къ арміи маршала Оямы для рѣшительныхъ дѣйствій противъ арміи генерала Куропаткина не оправдался; взамѣнъ этого ей пришлось перейти къ томительной постепенной атакѣ крѣпости, и много завяло въ Японіи арокъ изъ зелени, заблаговременно заготовленныхъ въ честь взятія Портъ-Артура, а склоны Портъ-Артурскихъ высотъ обильно оросились кровью солдатъ Микадо, прежде чѣмъ до Токіо дошла вѣсть о паденіи Портъ-Артура.

За августъ мѣсяцъ мы потеряли убитыми и ранеными 133 офицера и 8.175 нижнихъ чиновъ. Численность гарнизона къ 1-му сентября доходила до 38.273 нижнихъ чиновъ, не считая моряковъ; наличное же число штыковъ, т. е. пѣхоты, безъ артиллеріи и войскъ вспомогательнаго назначенія, коими располагала крѣпость, достигало, по свѣдѣніямъ штаба сухопутной обороны, до 20½ тысячъ [2]).

---

[1]) В.-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 230—231.
[2]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 234 и 236.

Сентябрьскіе бои.

„Успѣшное отраженіе штурма Китайской стѣны и Большого Орлинаго гнѣзда въ ночь съ 10 на 11-е августа заставило японскаго главнокомандующаго радикально измѣнить весь планъ овладѣнія крѣпостью. Теперь стало вполнѣ очевиднымъ, что Портъ-Артуръ, даже въ томъ состояніи, какъ онъ есть, не можетъ быть взятъ открытой силой. Японская осадная артиллерія оказалась слишкомъ слабой для того, чтобы основательно разрушить укрѣпленія, а пѣхота, несмотря на все свое мужество, не могла преодолѣть стойкость русскихъ стрѣлковъ. Приходилось по этому избрать другой способъ овладѣнія крѣпостью.

Придя къ рѣшенію начать постепенную атаку крѣпости, генералъ Ноги отдалъ 11-го августа приказъ начать работы въ эту же ночь“ [1]).

„Оборона использовала вторую половину августа также весьма продуктивно. Первое и наибольшее вниманіе было обращено на усиленіе атакованнаго фронта сосредоточеніемъ на немъ достаточнаго количества войскъ и на правильную организацію управленія ими.

Затѣмъ уже приступили къ усовершенствованію атакованнаго фронта въ инженерномъ и артиллерійскомъ отношеніяхъ“ [2]).

„Несмотря на изумительную энергію генерала Кондратенко, крѣпость была весьма слаба: недостатки и ошибки мирнаго времени не можетъ исправить въ военное время даже геній. Вотъ что говоритъ о состояніи крѣпости Е. К. Ножинъ, штатскій человѣкъ, единственный корреспондентъ въ П.-Артурѣ:

„Въ фортификаціонномъ отношеніи наши позиціи, почти всѣ безъ исключенія, имѣли такую массу недостатковъ, перечислять которые заняло-бы много времени, а потому я ограничусь только нѣкоторыми, болѣе существенными, и разборомъ ихъ. Первый и самый главный основной недостатокъ былъ тотъ, что у очень многихъ не было не только надлежащаго обзора и обстрѣла впереди лежащей мѣстности, но даже и подступовъ къ сосѣднимъ позиціямъ. Этому способствовало, какъ несоотвѣтствующее расположеніе фасовъ укрѣпленій, такъ и оставленіе большихъ мертвыхъ пространствъ.

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 201.
[2]) В.-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 287.

Вездѣ отсутствовалъ прикрытый путь, что облегчало непріятелю развѣдку. Фасы бруствера были изъ насыпного грунта съ мелкимъ камнемъ, расположены такъ, что съ трехъ сторонъ они хорошо обстрѣливались продольнымъ огнемъ артиллеріи и изъ минныхъ аппаратовъ, отъ котораго не могли укрыть жидкіе траверсы изъ мѣшковъ, быстро разлетавшихся въ стороны во время бомбардировокъ. Полное отсутствіе маскировки, какъ верковъ, такъ и находящихся на укрѣпленіи орудій и бетонныхъ построекъ. Орудія крупнаго калибра, назначеніе которыхъ было бороться съ осадной артиллеріей противника, почему то были поставлены на передовыхъ позиціяхъ (напр., 6 дм. Канэ на укрѣпленіи № 3), и нѣтъ ничего удивительнаго, что непріятель, направивъ на нихъ огонь нѣсколькихъ орудій, портилъ механизмъ, станки, и заставлялъ ихъ молчать навсегда. Пользы укрѣпленіямъ они почти никакой не приносили, такъ какъ на близкія разстоянія стрѣлять не могли, значитъ нужнаго картечнаго огня не давали во время штурма. Наоборотъ, будучи сильно замѣтны, привлекали массу огня, отъ котораго страдали люди, противоштурмовыя орудія, пулеметы и бетонныя постройки“ [1]).

А вотъ и отзывъ весьма компетентнаго въ инженерномъ дѣлѣ человѣка, полковника Третьякова:

„Возя тяжелый матеріалъ: бревна, доски, рельсы и др., наши полковыя лошади страшно изнурились. Ощущался большой недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ, а нашъ обозъ употреблялся для надобностей и другихъ частей.

Удивительно странно—такая важная крѣпость, какъ Артуръ, была оставлена совершенно безъ перевозочныхъ средствъ.

Нужно все видѣть и испытать, чтобы понять, что значатъ для крѣпости хорошія перевозочныя средства, какъ онѣ для нея необходимы.

Уже подъ конецъ осады была проложена дековилька къ штабу моего полка, да и та не работала; вѣроятно, не было вагоновъ. Я видѣлъ только рельсы, а вагоновъ нигдѣ не видалъ. Въ крѣпости необходимо имѣть собственный обозъ, лошадей для него нужно брать такъ же, какъ и для обозовъ войскъ, а лучше запастись хорошими и сильными автомобилями“ [2]).

Организація управленія войсками въ августовскихъ бояхъ

---

[1]) Е. К. Ножинъ. Конецъ осады Портъ-Артура, стр. 367 и 368.

[2]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 г.

заставляла желать лучшаго: такъ, напримѣръ, ген. Горбатовскій въ теченіи 5 дней управлялъ войсками столь важнаго фронта, какъ Восточный, *одинъ*, не имѣя не только штаба, но даже какого-либо адъютанта.

„Для облегченія управленія войсками атакованнаго фронта, первый отдѣлъ сухопутной обороны былъ раздѣленъ на 2 самостоятельныхъ фронта: Восточный—отъ батареи № 22 до Курганной, и Сѣверный — отъ Курганной до форта № IV. Восточный фронтъ остался въ подчиненіи у г.-м. Надѣина, а Сѣверный — у фл.-ад. полк. Семенова. При этомъ Восточный фронтъ по прежнему остался раздѣленнымъ на 3 оборонительныхъ участка.

Затѣмъ, при начальникахъ фронтовъ были образованы штабы, въ которыхъ состояли начальникъ артиллеріи фронта, начальникъ штаба и два адъютанта“ [1]).

„Съ 12 августа наступило сравнительное затишье. Съ этого дня и почти до конца осады непріятель весьма методично ежедневно обстрѣливалъ въ опредѣленные часы: по утрамъ — позиціи, а днемъ—городъ.

Японцы тотчасъ-же повели подступы отъ взятыхъ ими редутовъ. Мѣрами борьбы съ постепенной атакой служили артиллерійскій огонь, контръ-апроши и вылазки“ [2]). Вылазки, главнымъ образомъ, велись съ Кумирненскаго и Водопроводнаго, но, несмотря на мужество и храбрость, заканчивались неудачно, вслѣдствіе плохой ихъ организаціи. Все таки, онѣ мѣшали противнику, заставляя прекращать работы для встрѣчи нападавшихъ.

„Въ виду неуспѣшности вылазокъ, слабаго дѣйствія артиллерійскаго огня и медленности контръ-апрошныхъ работъ, для задержки непріятельскихъ работъ было предложено новое средство. Его предложилъ минный офицеръ крейсера „Баянъ“—лейт. Подгурскій. Онъ предложилъ скатывать въ ближайшія непріятельскія траншеи желѣзные пустотѣлые шары, наполненные пироксилиномъ. Взрывъ такого шара предполагалось произвести при помощи бикфордова шнура въ тотъ моментъ, когда шаръ докатится до траншеи.

Получивъ согласіе генерала Надѣина, лейт. Подгурскій прибылъ къ вечеру 4 сентября на Кумирненскій редутъ. Около полуночи на гласисѣ редута былъ уложенъ желобъ изъ досокъ,

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, ч. 2-я, стр. 287.
[2]) Тамъ же, стр. 241—242.

а около 2 час. ночи по желобу была пущена шаровая мина въ направленіи ко второй японской параллели.

Японцы, услышавъ шумъ катящагося по doскамъ шара, предположили, что началась вылазка, открыли безпорядочный огонь и взорвали 2 своихъ фугаса. Взрывъ мины былъ такъ силенъ, что въ редутѣ отъ сотрясенія воздуха погасли всѣ огни. Результатъ взрыва выяснить не удалось, но тотчасъ послѣ взрыва огонь непріятеля прекратился, а работы въ параллели не возобновлялись до утра“ [1]).

„Къ началу сентября осадныя работы достигли уже значительнаго развитія. Дальнѣйшему движенію подступовъ препятствовали наши передовыя позиціи, а потому въ штабѣ осадной арміи было рѣшено овладѣть нашими передовыми позиціями Сѣвернаго и Западнаго фронтовъ.

Работы японцевъ къ утру 6 сентября были совершенно закончены и генералъ Ноги рѣшилъ въ этотъ день произвести второй штурмъ крѣпости“ [2]).

„Въ 12 ч. дня японцы открыли по Кумирненскому и Водопроводному редутамъ и по всему Сѣверному фронту сильный артиллерійскій огонь, продолжавшійся до 6 час. вечера.

По донесенію коменданта редута, пор. 26-го полка Длусскаго, на одинъ Водопроводный редутъ за это время было выпущено около 1.000 снарядовъ.

Къ 3 час. дня брустверъ, бойницы и почти всѣ блиндажи были уже разрушены. Пулеметъ и двѣ пушки разбиты. Люди 1-й полуроты, находившіеся въ блиндажѣ перваго фаса, были почти всѣ оглушены, отравлены газами и засыпаны обрушившимся блиндажемъ. Шесть смѣнъ часовыхъ, по очереди наблюдавшіе за японскими окопами, были убиты падающими снарядами и осколками. Телефонное сообщеніе прервано“ [3]).

„Подъ прикрытіемъ этого ужаснаго огня японцы сосредоточились въ многочисленныхъ подступахъ и оврагахъ.

Въ 6 час. вечера они бросились на штурмъ. Редутъ уже представлялъ изъ себя груду развалинъ, ровъ былъ почти засыпанъ.

Какъ только на редутѣ было замѣчено наступленіе япон-

---

1) Воен.-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 317—318.
2) Тамъ же, стр. 308—319.
3) Тамъ же, стр. 322—323.

цевъ, сейчасъ же всѣ люди заняли свои мѣста, но, въ виду того, что брустверъ былъ весь разбитъ, люди залегли за кочки земли и за разбросанные мѣшки и отсюда открыли сильный ружейный огонь. Первыя атаки противника были отбиты огнемъ и штыками.

Но японцы настойчиво пробирались по ходу сообщенія снова въ ровъ, а съ передняго фаса уже начали по лѣстницамъ вылѣзать наверхъ. Огонь изъ пулемета ихъ останавливалъ, а вслѣдъ затѣмъ люди начали бросать въ нихъ ручныя бомбы, которыхъ было выброшено болѣе 300 штукъ. Въ это время японцы почти въ упоръ выстрѣлили изъ небольшой пушки, поставленной ими въ ближайшихъ окопахъ, и въ свою очередь начали бросать въ редутъ пироксилиновыя шашки, одна изъ которыхъ взорвала нашъ пулеметъ и на мѣстѣ сожгла пулеметчика. Люди бросились къ горжѣ. Японцы, воспользовавшись замѣшательствомъ, вскочили на брустверъ, а на гласисѣ редута успѣли поставить пулеметъ и открыли изъ него огонь.

Тогда унтеръ-офицеръ 11-й роты Трофимъ Бирюковъ, подъ прикрытіемъ сильнаго нашего ружейнаго огня, подбѣжалъ съ двумя зажженными ручными бомбами къ самому обрѣзу рва и бросилъ ихъ въ японскій пулеметъ. Этотъ пулеметъ больше огня не открывалъ. Въ гарнизонѣ редута осталось не больше 30 человѣкъ. Собравъ всѣхъ людей 11-й роты, пограничной стражи и саперъ, въ 3-й разъ всѣ бросились съ крикомъ „ура“ на брустверъ и сбили съ него японцевъ въ ровъ. Ручныхъ бомбъ больше не было. Въ это время былъ убитъ шт.-кап. минной роты Боговутъ, принимавшій участіе въ контръ-атакѣ, и раненъ легко въ голову прапорщикъ Флинтъ.

На поддержку редута полковникомъ Семеновымъ была послана 8-я рота 27-го полка, командиръ которой, вслѣдствіе раненія, задержался, но все же прибылъ на редутъ позже.

Еще до прибытія командира роты, младшій офицеръ этой роты поруч. Прохватиловъ, собравъ своихъ людей и разсказавъ имъ суть дѣла, бросился впередъ съ крикомъ „ура“, но сейчасъ же былъ убитъ, а люди, потерявъ своего руководителя, остановились. Въ виду же того, что артиллерійскій огонь противника въ это время настолько усилился, что оставаться на редутѣ открыто было невозможно, 8-й ротѣ было приказано занять скатъ блиндажа у горжи, а людямъ 11 роты 26-го полка залечь впереди горжи и на лѣвомъ боковомъ блиндажѣ и все время поддерживать сильный ружейный огонь въ 2 яруса.

Въ то же время было послано полк. Семенову донесеніе о положеніи дѣлъ. И имъ тотчасъ же былъ назначенъ новый начальникъ участка—подполк. пограничной стражи Бутусовъ. Одновременно на помощь водопроводному редуту были высланы 2-я рота 13 полка, 36-я рота пограничной стражи и 10-я рота 16-го полка и прибылъ морской пулеметъ, но безъ лентъ. Наши же пулеметныя ленты остались въ засыпанномъ блиндажѣ на правомъ фасѣ, который теперь былъ уже занятъ японцами. На предложеніе поруч. Длусскаго достать ленты пулемета вызвалось 4 охотника: унтеръ-офицеръ Трофимъ Бирюковъ и 3 стрѣлка—Андріанъ Мальцевъ, Андрей Алексѣевъ и Архипъ Годуновъ. Они взяли съ собой послѣднія найденныя ручныя бомбы и бросились въ блиндажъ, гдѣ уже были японцы. Бросивъ въ японцевъ бомбы, они успѣли захватить ленты и вернуться къ своимъ. Пулеметъ сейчасъ же былъ поставленъ и открылъ огонь“ [1]).

„Въ девять часовъ вечера пришла 4-я рота 27-го полка, а вскорѣ и 2-я рота 13-го полка. Положеніе было таково: часть редута—переднюю, занимали, а горжевую и ближайшіе окопы—наши стрѣлки. Необходимо было выяснить обстановку.

Вызвавъ трехъ охотниковъ 2-й роты, командиръ этой роты поруч. Ясевичъ съ поруч. Длусскимъ и унтеръ офицеромъ 11-ой роты Трофимомъ Бирюковымъ для выясненія положенія прокрались по лѣвому флангу бруствера на лѣвую половину передняго фаса и выяснили, что и этотъ фасъ тоже уже занятъ японцами. Бирюковъ въ это время былъ въ упоръ раненъ въ грудь.

Возвратившись, офицеры доложили объ этомъ подполковнику Бутусову и онъ попробовалъ еще разъ выбить японцевъ, но неудачно. Японцы, въ свою очередь, нѣсколько разъ пытались атаковать горжу редута, но каждый разъ ихъ отгоняли. Такъ прошла вся ночь; близился разсвѣтъ. Находя положеніе редута критическимъ и морально потрясенный пережитыми атаками, а, главное, такъ какъ Водопроводный редутъ, кромѣ части блиндажа, представлялъ изъ себя лишь груду развалинъ, держаться въ которыхъ съ наступленіемъ утра подъ перекрестнымъ и тыловымъ огнемъ было немыслимо, подполковникъ Бутусовъ донесъ обо всемъ этомъ генералу Кондратенко и просилъ разрѣшенія очистить редутъ. Генералъ Кондратенко съ большой неохотой разрѣшилъ.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 323—326.

Около 5 час. утра 7 сентября подполковникъ Бутусовъ отдалъ распоряженіе очистить редутъ.

Защитники редута, забравъ пушки Барановскаго, оставшіеся патроны и планы укрѣпленія, подожгли блиндажъ и отступили къ желѣзнодорожному мосту.

Въ 11-й ротѣ 26-го полка выбыло изъ 84 человѣкъ 12 убитыхъ 29 раненыхъ и 37 отравленныхъ и оглушенныхъ, а изъ $^1/_2$ роты 21-й роты пограничной стражи осталось 5 человѣкъ.

Одновременно съ оставленіемъ нами Водопроводнаго редута былъ очищенъ и Скалистый редутъ [1]).

„Кумирненскій редутъ пережилъ Водопроводный не надолго“.

Какъ было уже сказано, около полудня 6-го сентября японская артиллерія открыла по редуту огонь.

Огонь японской артиллеріи былъ столь дѣйствителенъ, что уже къ 4-мъ часамъ дня брустверъ редута былъ почти совершенно разрушенъ. Число убитыхъ и раненыхъ все возрастало. Въ поддержку гарнизону была назначена рота 27 полка, часть которой расположилась въ редутѣ, а другая въ оврагѣ за редутомъ.

Подъ прикрытіемъ огня артиллеріи японцы стали разрушать проволочныя загражденія, а около 6-ти часовъ вечера 3-й полкъ 2-й бригады повелъ изъ своихъ параллелей рѣшительныя наступленія на редутъ. Быстро спустившись въ ровъ, японцы стали взбираться на брустверъ, но были встрѣчены гарнизономъ сначала ружейнымъ огнемъ, а затѣмъ исключительно ручными гранатами и бомбочками, ибо винтовки отъ порохового нагара и пыли отказались служить: съ трудомъ открывали затворы, чтобы зарядить ружье. Отбитіемъ всѣхъ атакъ руководили поручики Дунинъ и Окуневъ; при пушкахъ Барановскаго и пулеметахъ находился подпоручикъ 25-го полка Никольскій; онъ лично съ прислугой накатывалъ, исправлялъ ихъ и личнымъ примѣромъ поддерживалъ духъ. Люди при пулеметахъ и орудіяхъ гибли ежеминутно, и къ концу атакъ, къ вечеру, почти вся прислуга была выбита, а сами пулеметы и орудія подбиты.

До поздняго вечера продолжались эти настойчивыя атаки на редутъ, но преодолѣть стойкость гарнизона японцы не могли, и редутъ остался за нами.

Въ теченіи 6-го сентября редутъ былъ совершенно разрушенъ и превращенъ въ груду обломковъ и развалинъ. Всю ночь

---

[1]) В.-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 326—329.

стрѣлки работали надъ починкой брустверовъ и расчисткой редута, но трудно было исправить поврежденія въ какіе-нибудь 6—7 часовъ.

Едва забрезжилъ разсвѣтъ 7-го сентября, какъ японская артиллерія возобновила огонь.

Огонь былъ такой силы, что наблюдатели съ форта № III и Кладбищенской инпани насчитывали до 60—70 разрывовъ снарядовъ въ минуту, а временами гораздо больше. Надо было выбирать моментъ, чтобы пробѣжать по редуту разстояніе въ 10—15 шаговъ изъ единственнаго уцѣлѣвшаго блиндажа къ телефону, тѣмъ болѣе, что бѣжать приходилось не по ровному мѣсту, а по сплошнымъ баррикадамъ изъ труповъ, обломковъ, мѣшковъ. Кромѣ орудійной, пулеметной и ружейной стрѣльбы, японцы начали метать мины. Въ ближнихъ къ редуту подступахъ японцевъ набралось очень много, нѣсколько разъ они ходили въ атаку, но стрѣлки бомбочками и пироксилиновыми шашками ихъ отбивали. Атаки свои японцы вели на правый флангъ редута, стараясь обойти редутъ съ тыла.

Къ 8 час. утра японцамъ удалось вытѣснить стрѣлковъ изъ траншеи, соединявшей редутъ съ Водопроводнымъ. На редутѣ этого не знали, были спокойны за свой правый флангъ и комендантъ редута, поручикъ Дунинъ, былъ крайне пораженъ, увидавъ, что японцы обходятъ редутъ съ праваго фланга. Убыль въ людяхъ была къ этому времени громадная; линія огня была занята очень рѣдко, раненыхъ выносить не успѣвали, а убирали ихъ только въ блиндажъ, который ими былъ переполненъ.

Редутъ былъ такъ забаррикадированъ, что сообщеніе по нему было дѣломъ величайшей трудности; подводить жалкіе резервы изъ оврага было почти невозможно. Поручики Дунинъ и Окуневъ при помощи подпоручика Никольскаго, у котораго не осталось ни одной исправной пушки или пулемета, ободряли людей личнымъ участіемъ въ отбитіи атакъ съ винтовкой въ рукахъ. Воспользовавшись моментомъ, когда на правомъ участкѣ бруствера было нѣсколько человѣкъ защитниковъ, непосредственно послѣ взрыва фугаснаго снаряда, выбившаго массу ранеными и убитыми, японцы ворвались въ редутъ и захватили всю его правую сторону. Гарнизонъ держался на лѣвой сторонѣ, отдѣленный отъ японцевъ центральнымъ блиндажемъ, наполненнымъ нашими ранеными.

Бомбами японцы старались все время разрушить единствен-

ный уцѣлѣвшій блиндажъ, и наконецъ это имъ удалось—блиндажъ завалился и заживо похоронилъ находившихся тамъ людей. Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и не будучи въ силахъ оборониться далѣе (на лицо было 2 офицера—поручики Дунинъ и Окуневъ—и 6 человѣкъ стрѣлковъ), комендантъ редута отдалъ приказаніе отступить крытымъ ходомъ въ оврагъ.

Такимъ образомъ, дѣйствія японцевъ противъ Сѣвернаго фронта увѣнчались успѣхомъ; однако, если принять во вниманіе потери, понесенныя японцами въ августѣ при неудачной попыткѣ овладѣть этими редутами, а также то обстоятельство, что имъ пришлось двинуться противъ этихъ временныхъ укрѣпленій сапой, потративъ на это цѣлый мѣсяцъ дорогого времени, нельзя не признать; что побѣда эта была куплена дорогой цѣной.

Бои за эти редуты наглядно доказали, что въ общей системѣ крѣпостныхъ укрѣпленій даже временныя укрѣпленія, обороняемыя доблестнымъ гарнизономъ, могутъ на значительное время затянуть ходъ осады крѣпости" [1]).

На Длинной и Высокой горахъ въ это время происходило слѣдующее:

„Въ 1 ч. 30 мин. дня 6-го сентября артиллерія противника открыла огонь по всему Западному фронту. Особенно сильный огонь былъ по Высокой и Длинной, надъ которыми поднимались цѣлыя облака дыма. Наша артиллерія энергично отвѣчала непріятелю.

Въ 5 ч. 30 м. дня, сосредоточившись предварительно за Угловой и Сѣдловой горами японцы двинулись на правый флангъ Длинной. Полковникъ Третьяковъ немедленно послалъ подкрѣпленія на обѣ горы. Вмѣстѣ съ этимъ начальникъ Западнаго фронта, полковникъ Ирманъ, немедленно донесъ коменданту крѣпости о начавшемся наступленіи, на что получилъ телефонограмму генерала Кондратенко:

„Комендантъ крѣпости, получивъ Ваше донесеніе о положеніи дѣлъ, подтверждаетъ, чтобы защитники Высокой и Длинной держались до послѣдняго, не допуская и мысли объ оставленіи позиціи".

Гарнизонъ Длинной успѣшно обстрѣливалъ наступавшихъ ружейнымъ и шрапнельнымъ огнемъ; но все же имъ удалось занять окопъ, гдѣ находилась 7-я рота 28-го полка.

Послѣ захвата японцами окопа, комендантъ горы кап.

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 255—259.

Москвинъ приказалъ 9-й ротѣ 5-го полка, расположенной въ окопѣ 2-го яруса, выбить японцевъ. Рота, какъ одинъ человѣкъ, съ ротнымъ командиромъ шт.-кап. Салтовскимъ во главѣ, бросилась впередъ въ штыки, но попала подъ сильный ружейный и шрапнельный огонь и понесла большія потери. Первый былъ убитъ шт.-кап. Салтовскій. Видя ротнаго командира убитымъ, рота дрогнула, вернулась въ свой окопъ, и выбить японцевъ такъ и не удалось. Вся же остальная позиція, за исключеніемъ занятаго участка, осталась за нами, а всѣ попытки японцевъ занять другіе окопы и вершину горы были отбиты съ большими для нихъ потерями.

Съ 5 ч. утра 7 сентября противникъ вновь открылъ артиллерійскій огонь. Въ нѣсколько минутъ окопы праваго и лѣваго фланговъ были разрушены въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а въ ротахъ уже насчитывались большія потери.

Въ 3 часа дня японцы, прикрываясь артиллерійскимъ огнемъ, возобновили атаки на Длинную гору и въ 4 ч. ворвались туда. Начался штыковой бой, въ которомъ японцы, впервые, на Западномъ фронтѣ примѣняли ручныя бомбы, снаряженныя динамитомъ. Гарнизонъ дрогнулъ и подался назадъ. А пока передніе ряды японцевъ дѣйствовали бомбами, задніе стали распространяться вправо, стараясь охватить правый флангъ горы. Для той же цѣли былъ выдвинутъ еще баталіонъ, оставшійся въ резервѣ. Вскорѣ имъ удалось обойти правый флангъ и небольшая часть ихъ появилась даже въ тылу.

Крѣпостные артиллеристы стрѣляли въ японцевъ до конца въ упоръ, и командиръ батареи поруч. Колмаковъ почти со всѣми своими людьми были изрублены у орудій. Послѣдней отходила 9-я рота 5-го полка подъ командой поруч. Сиротко. Она остановилась на гребнѣ и залпами сбрасывала японцевъ за бруствера окоповъ, чѣмъ и дала возможность остальнымъ спокойно отступить на плоскую гору. Отступавшіе были встрѣчены здѣсь полк. Третьяковымъ и тотчасъ же начали окапываться“ [1].

„Но на Длинной горѣ остались еще 5-я рота Квантунскаго экипажа и взводъ 6-й роты того же экипажа. Они не поддались чувству, одолѣвшему прочія роты, а наоборотъ, вытѣсненные изъ своихъ окоповъ, совершенно заваленныхъ и разрушенныхъ, удер-

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 332, 334, 337 и 339.

жались на открытой мѣстности и открыли залповый огонь по непріятелю, уже водружавшему свой флагъ на нашей батареѣ.

Несмотря на то, что въ 5-й ротѣ оставалось только 46 человѣкъ, командиръ ея подпоруч. Сѣдльницкій расположилъ своихъ людей подъ прикрытіемъ траверса и рѣшилъ выжидать здѣсь подкрѣпленія. Но снарядъ, попавшій въ прикрывавшій людей траверсъ, помѣшалъ осуществленію этого плана. Подпоруч. Сѣдльницкій былъ заваленъ камнями и землей, контуженъ въ голову, плечи и грудь и лишился слуха. Та же участь постигла еще нѣсколькихъ матросовъ. Въ это время японцы уже заходили въ тылъ. Благодаря самоотверженности горсти людей, находившейся при подпоруч. Сѣдльницкомъ, въ особенности раненыхъ уже кондуктора Барыкина и взводныхъ командировъ—Буторина и Калашникова, подпоруч. Сѣдльницкій былъ извлеченъ изъ-подъ груды камней и доставленъ на ближайшій перевязочный пунктъ. Все это произошло на глазахъ непріятеля, занявшаго наши окопы.

Вслѣдъ за тѣмъ матросы подобрали остальныхъ раненыхъ и тогда лишь отошли къ Плоской горѣ“ [1]).

„Одновременно съ атакой на Длинную гору, въ 6 ч. веч. 6-го сентября японцы повели наступленіе и на Высокую, но попытки ихъ были неуспѣшны и въ этотъ день дальше проволочной сѣти они продвинуться не могли. Въ 1 ч. ночи на Высокую прибыла 7-я рота 27-го полка, принеся съ собой мѣшки для исправленія поврежденій и патроны.

Въ $5^1/_2$ ч. утра 7 сентября противникъ вновь повелъ наступленіе, но атаки были отбиты стрѣлками и огнемъ артиллеріи съ Рыжей горы; японцы утвердились только въ нижнемъ, незанимаемомъ нами, окопѣ. Занявъ Длинную гору, около 6 ч. вечера непріятель усилилъ бомбардировку Высокой, присоединивъ къ огню осадной артиллеріи и огонь двухъ канонерокъ, подошедшихъ къ Голубиной бухтѣ. Какъ только стемнѣло, японцы вновь перешли въ атаку, но были всюду отбиты.

Съ разсвѣтомъ 8 сентября противникъ снова открылъ по Высокой горѣ артиллерійскій огонь. Гарнизонъ понесъ большія потери, а потому полковникъ Третьяковъ, частью смѣнилъ, частью усилилъ его.

Ночью японцамъ удалось занять окопы 4-й роты 5-го полка,

[1]) Военно-Истор. Комиссія. т. VIII, ч. 2, стр. 339.

почти совсѣмъ истребленной, и находившійся тамъ блиндажъ. Извѣстіе о занятіи японцами блиндажа произвело въ крѣпости удручающее впечатлѣніе. Рѣшено было выбить ихъ оттуда.

Для этой цѣли полк. Третьяковъ приказалъ коменданту горы назначить 4-ю роту 28-го полка подъ командой кап. Аверьянова и 2-ю роту 13-го полка поруч. Ясевича, только что прибывшія съ Восточнаго фронта. Крѣпостная артиллерія должна была подготовить контръ-атаку огнемъ по ближайшимъ къ окопу подступамъ. Однако стрѣльба эта была неудачна, такъ какъ нѣсколько снарядовъ попало въ нашъ же окопъ. Въ 12 час. стрѣльба прекратилась и обѣ роты бросились къ блиндажу. Но японцы выставили у обоихъ концовъ блиндажа по пулемету и встрѣтили наши роты такимъ жестокимъ огнемъ, что они не достигли окопа, занятаго непріятелемъ и съ большими потерями вернулись обратно.

Во время этой контръ-атаки командиръ 5-й роты 28-го полка кап. Аверьяновъ былъ раненъ 3 пулями, но оставался въ строю и давалъ примѣръ другимъ, пока былъ въ силахъ, а затѣмъ былъ отправленъ въ госпиталь. Поруч. Ясевичъ былъ тоже раненъ" [1]).

Весьма назидательна, въ смыслѣ воспитанія нижнихъ чиновъ, маленькая замѣтка по поводу раненія поруч. Ясевича такого боевого офицера, какъ полковникъ Третьяковъ...

„Поручикъ Ясевичъ былъ раненъ, когда во главѣ своей роты бросился на занятую японцами траншею. Люди, встрѣченные сильнымъ огнемъ и увидѣвшіе, что командиръ упалъ, схватили его на рукахъ и бросились назадъ. Какъ важно для успѣха дѣла, чтобы рота любила своего командира. Съ нимъ она сдѣлаетъ все, что отъ нея требуютъ" [2]).

„На разсвѣтѣ 9-го сентября противникъ, наступавшій на Высокую все еще держался на тѣхъ-же мѣстахъ.

Утромъ японцы снова открыли артиллерійскій огонь по Высокой, но не такой сильный, какъ въ предыдущіе дни. Положеніе дѣлъ оставалось то же.

Для изгнанія японцевъ изъ блиндажа рѣшили примѣнить шаровыя мины, поручивъ это дѣло лейтенанту Подгурскому. Но, такъ какъ съ вершины горы оказалось невозможнымъ спустить

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 334—335; 344 и 345.

2) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.

мины, то рѣшили употребить ручныя пироксилиновыя бомбы, но бóльшаго вѣса, чѣмъ имѣлись. Общее руководство было возложено на коменданта горы, капитана Стемпневскаго 1-го, какъ хорошо знавшаго обстановку и каждый уголокъ горы.

Въ 10 ч. утра поручикъ 28-го полка Ерофѣевъ съ Голубиной бухты донесъ, что отъ него хорошо видны наступающіе на Высокую гору японцы и скрытые въ мертвомъ пространствѣ подъ горой ихъ резервы. Онъ докладывалъ, что со стороны Голубиной бухты эти части хорошо можно обстрѣлять полевыми орудіями.

Въ 3 часа дня, взводъ по распоряженію полк. Ирмана, 2-й батареи 4 артиллерійской бригады подъ командой шт.-кап. Ясенскаго выступилъ съ Лаотѣшаня. Такъ какъ вся дорога была совершенно открыта съ горъ, занятыхъ японцами съ моря, гдѣ въ это время дежурила непріятельская канонерская лодка, то шт.-кап. Ясенскій прикрылъ орудія травой и подъ видомъ фургоновъ съ сѣномъ, пробрался на линію передовыхъ нашихъ заставъ, во флангъ Высокой горы. Выбравъ открытую позицію въ такомъ мѣстѣ, гдѣ дорога на пространствѣ 200 саженей идетъ оврагомъ, онъ выѣхалъ на позицію въ $4^1/_2$ часа дня.

Въ это время на Высокой горѣ была полная тишина: не было ни ружейной, ни артиллерійской стрѣльбы.

Утомленные трехдневнымъ боемъ, японцы, видимо, собирались съ силами для нанесенія Высокой горѣ окончательнаго удара.

Японскій резервъ, пользуясь тѣмъ, что ни одно орудіе съ фортовъ не могло за 4 дня (6, 7, 8 и 9 сентября) поразить сѣверо-западный склонъ горы, сосредоточился на немъ безнаказанно въ количествѣ 3-хъ баталіоновъ и подобрался уже къ самой вершинѣ горы. Наши стрѣлки, выбитые изъ окоповъ, занимали ретраншементъ и противоположный скатъ горы, гдѣ были совершенно открыты.

Снявшись съ передковъ, взводъ шт.-кап. Ясенскаго совершенно неожиданно открылъ огонь по японскому резерву, скученному на ничтожномъ пространствѣ. Пристрѣлявшись съ 3-го выстрѣла, шт.-кап. Ясенскій выпустилъ 51 снарядъ въ $5^1/_2$ мин. Всѣ до одного снаряда попали въ середину резерва. Съ 5-го выстрѣла у японцевъ началась паника и самое отчаянное бѣгство; видно было, какъ падали ихъ бѣлые съ краснымъ флаги.

Черезъ $5^1/_2$ мин. послѣ перваго выстрѣла японцы очистили

занятые ими нижніе окопы Высокой, и взводъ прекратилъ огонь, не имѣя передъ собой цѣли: ни одного японца не осталось на склонѣ горы, покрытой только трупами. Огонь фортовъ и крѣпостныхъ батарей довершилъ полное пораженіе японцевъ.

Но въ блиндажѣ японцы все же сидѣли.

Въ 6 час. вечера кап. Стемпневскій 1-й, исполняя приказаніе генерала Кондратенко, вызвалъ 2-ю и 4-ю роты 5-го полка и отправился съ ними на Высокую гору, куда прибылъ къ 7 час. вечера. Вскорѣ туда прибылъ лейтенантъ Подгурскій со своими двумя минерами и пироксилиновыми бомбами.

Около 1 часу ночи на 10 сентября лейтенантъ Подгурскій съ нѣсколькими охотниками 2-й и 4-й ротъ 5-го полка пробрался ползкомъ, совершенно незамѣтно, къ блиндажу, занятому японцами. Вслѣдъ затѣмъ по сигналу ракетой, пущенной съ вершины Высокой лейтенантомъ Подгурскимъ и его минерами было съ трехъ сторонъ брошено нѣсколько бомбъ на блиндажъ. Бомбы пробили блиндажъ, а слѣдующія разорвались внутри, отчего японцы въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать. Воспользовавшись этимъ моментомъ, охотники 2-й и 4-й ротъ 5-го полка заняли блиндажъ, а подходившій резервъ непріятеля былъ отбитъ залпами роты шт.-кап. 27-го полка Краморенко и гарнизона подъ командой кап. Сычева.

Съ отбытіемъ японцевъ всѣ окопы на Высокой остались въ нашихъ рукахъ. Это была великая радость для истощеннаго и изнемогавшаго гарнизона, и комендантъ горы немедленно сообщилъ объ этомъ по телефону въ штабъ отряда полк. Ирману и Третьякову. Насколько это извѣстіе было неожиданно и, какъ оно поразило всѣхъ защитниковъ горы, хорошо передаетъ въ своемъ показаніи полк. Третьяковъ:

„Мы просто оцѣпенѣли отъ радости. Прошло немало чудныхъ минутъ, пока мы опомнились. На насъ нашелъ простой ребяческій восторгъ; но вотъ, наконецъ, съ горы комендантъ проситъ разрѣшенія, въ виду совершеннаго отсутствія непріятеля, смѣнить роты, такъ какъ люди уже 3 ночи не спали и офицеры также; стоящіе около насъ резервы позволили мнѣ исполнить просьбу коменданта немедленно. Полк. Ирманъ поскакалъ на гору: я сдѣлалъ расчетъ ротъ и отправилъ ихъ туда же. Самъ легъ на кровать и тотчасъ же заснулъ, такъ какъ 3 ночи не спалъ. Черезъ часъ или 2 меня разбудили: съ Высокой горы пришли оборонявшія ее роты, наша 2-я и 4-я и 1-я 28-го полка;

вышелъ къ нимъ, назвалъ непобѣдимыми героями, но отъ волненія сказать больше ничего не могъ [1]).

„Съ двухсотеннаго состава роты, состоявшія передо мною, сократились до 70 человѣкъ приблизительно; многіе были перевязаны, нѣкоторые стояли на одной ногѣ, поддерживаемые товарищами, и всѣ еле стояли на ногахъ отъ утомленія. Настоящій цвѣтъ лица совершенно скрывался за густымъ слоемъ пыли, губы запекшіяся, глаза впалые, но выраженіе лица радостное; многіе улыбались. Всѣ офицеры вышли къ людямъ, и, поговоривши съ ними о великомъ значеніи ихъ геройской обороны, я отпустилъ ихъ на отдыхъ.

Истинные герои: они не могли понять, почему всѣ такъ радуются и такъ ихъ хвалятъ“ [2]).

Удивительна при этомъ скромность полковника Третьякова: онъ искренно удивляется героизму другихъ, не замѣчая, что онъ самъ не менѣе ихъ герой.

„Непріятель при этихъ штурмахъ потерялъ болѣе 6.000 человѣкъ. Наши потери: убиты офицеры—кап. Желткевичъ, шт.-кап. Салтовскій, поруч. Колмыковъ и подпоруч. Протасевичъ и безъ вѣсти пропали офицеры—кап. Москвинъ, фонъ-Левисъ-офъ-Менаръ и прапорщикъ Требинскій. Нижнихъ чиновъ убито 249, безъ вѣсти пропавшихъ 18. Ранено офицеровъ—5, нижнихъ чиновъ—942“ [3]).

Хотя Высокая по характеру своихъ укрѣпленій значилась въ числѣ передовыхъ позицій крѣпости, но по своему значенію она едва-ли не составляла тактическій ключъ Западнаго фронта и въ высокой степени усиливала оборону этого слабѣйшаго участка крѣпостной ограды.

Съ паденіемъ Высокой рѣшалась судьба судовъ нашей Тихоокеанской эскадры, т. е. японцы достигали одной изъ важнѣйшихъ своихъ цѣлей—окончательно ее обезвредить. Японцы не могли не сознавать, что въ случаѣ прибытія на театръ военныхъ дѣйствій Балтійской эскадры, нѣсколько уцѣлѣвшихъ къ тому времени въ Артурѣ броненосцевъ значительно усилятъ послѣднюю, а неудача на морѣ могла свести на нѣтъ всѣ ихъ успѣхи на сушѣ. Побѣдой же надъ Балтійской эскадрой, японцы достигли главной цѣли всей кампаніи—преобладанія на Тихомъ океанѣ.

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 346—349.
[2]) Тамъ же, стр. 349.
[3]) Тамъ же, стр. 350.

Вотъ эта-то роль Высокой и заставляетъ признать за ней значеніе не только тактическаго, но и стратегическаго ключа Артура.

Отсюда становится понятнымъ, что отбитый сентябрьскій штурмъ Высокой составляетъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ эпизодовъ въ ходѣ обороны крѣпости, въ значительной степени повліявшій на продолжительность и успѣшность дальнѣйшей ея обороны, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что если бы позиція эта пала въ сентябрѣ, конецъ Артура наступилъ бы значительно раньше.

Наша побѣда на Высокой была побѣдой духа, ибо упорная оборона горы вызвала у японцевъ сомнѣніе въ конечномъ успѣхѣ дѣла и у нихъ не хватило нравственной силы повторить ударъ въ минуту, когда наше положеніе было критическимъ. Поэтому нельзя не признать, что сентябрьскій бой за Высокую составитъ одну изъ самымъ блестящихъ страницъ въ исторіи обороны Портъ-Артура.

Въ теченіе четырехъ дней, подъ непрерывнымъ огнемъ осадныхъ батарей держались защитники горы, отбивая бѣшеные штурмы превосходныхъ силъ храбраго и настойчиваго противника. Ни градъ снарядовъ, ни мужество японской пѣхоты не могли сломить доблести сибирскихъ стрѣлковъ, усилившихъ своей грудью слабыя укрѣпленія Высокой и блестяще доказавшихъ справедливость словъ, сказанныхъ знаменитымъ Баярдомъ королю Франциску I: „Нѣтъ слабыхъ крѣпостей, Государь, гдѣ есть мужественные люди, которые умѣютъ ихъ оборонять“ [1]).

Октябрьскіе бои.

Вновь японцы повели сапныя работы. Дабы помѣшать этимъ работамъ, гарнизонъ производилъ вылазки; къ сожалѣнію, не смотря на самоотверженіе отдѣльныхъ лицъ, вслѣдствіе плохой организаціи, мы несли большія потери.

„Все же вылазки были единственнымъ средствомъ противъ сапъ. Но вотъ нашлось и другое—это открытіе сдѣлано въ центрѣ нашихъ позицій мичманомъ Власьевымъ. Это были воздушныя пироксилиновыя мины, которыя бросались изъ 42-хъ линейной пушки.

Нѣсколько первыхъ выстрѣловъ были неудачны; хвостовая

---

[1]) Шварцъ и Романовскій. т. II, стр. 277, 278 и 282.

палка раскалывалась или ломалась, и бомба не попадала, куда нужно. Но страхъ она на японцевъ все-таки наводила ужасный. Впослѣдствіи была достигнута значительная мѣткость, и бомбы очень нерѣдко попадали въ самыя траншеи“ [1]).

„Такъ 13 сентября японцы праздновали большой праздникъ „Хризантемъ“ и, вѣроятно, по этому случаю ничего особеннаго не предприняли; зато у насъ вечеромъ была произведена очень удачная вылазка передъ капониромъ № 3-й, гдѣ японцы со своими окопами подошли очень близко. Между капониромъ и головой ихъ сапы было всего 40 шаговъ. Какъ стихла обычная дневная стрѣльба, съ капонира была пущена воздушная пироксилиновая мина, и вся площадь японскихъ работъ осыпана снарядами съ нашихъ батарей. Японцы въ разсыпную бросились удирать; батареи перенесли огонь на занятые японцами редуты, а стрѣлки бросились въ ихъ окопы и, занявъ ихъ, преслѣдовали бѣгущихъ ружейнымъ огнемъ; въ то же время другіе занимались закапываніемъ и взрываніемъ ихъ сапы“ [2]).

„21 сентября японцы, пользуясь темнотой захватили Сигнальную горку на правомъ флангѣ Восточнаго фронта, но утромъ 22-го удачной контръ-атакой были оттуда выбиты.

Въ общемъ всѣ событія этого мѣсяца можно резюмировать такъ: съ 1-го по 6-е японцы заканчивали свои подступы къ Кумирненскому и Водопроводному редутамъ; съ 6-го по 10-е ими былъ предпринятъ цѣлый рядъ штурмовъ противъ передовыхъ позицій Сѣвернаго и Западнаго фронтовъ, причемъ имъ удалось овладѣть Скалистымъ, Водопроводнымъ и Кумирненскимъ редутами, а также укрѣпленіями Длинной горы, но всѣ упорныя атаки ихъ на Высокую гору были отбиты съ громаднымъ для нихъ урономъ. Тотчасъ по занятіи указанныхъ пунктовъ японцы начали усиленно укрѣпляться. Наконецъ, съ 10 сентября и до конца мѣсяца они успѣшно продвигались впередъ осадными работами. Особенно энергично двигались подступы къ форту № II, къ гласису котораго подошли на 50 шаговъ. Но подступы противъ форта № III и укрѣпленья № 3 были задержаны нашими контръ-апрошными работами.

Артиллерійская стрѣльба непріятеля днемъ велась слабо, но въ окопахъ, ближайшихъ къ японскимъ подступамъ, шла не-

---

[1]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 г.
[2]) Голицынскій, стр. 58—59.

прерывная ружейная перестрѣлка и стоило только кому-нибудь выдвинуться или только посмотрѣть въ бойницу, какъ немедленно раздавался выстрѣлъ, и нерѣдко мѣткая пуля сражала нашего стрѣлка черезъ узкое отверстіе бойницы. Обѣ стороны внимательно слѣдили за каждымъ движеніемъ другъ друга и, чуть замѣчали цѣль, тотчасъ же стрѣляли“ [1]).

„При той близости, въ какой находились наши и японскіе окопы, постоянная частная ружейная стрѣльба была, конечно, неизбѣжна, причемъ каждый старался высмотрѣть противника и пустить въ него пулю.

Наши солдаты прибѣгали къ такому пріему: одинъ прикрѣплялъ себѣ на спину колъ съ папахой на немъ и наброшенной шинелью и ползъ на четверенькахъ; японцы немедленно открывали огонь по движущемуся, обнаруживали себя и давали возможность нашимъ воспользоваться этимъ и пристрѣлить одного, другого изъ непріятельскихъ стрѣлковъ.

Вообще духъ гарнизона не падалъ, а скорѣе, наоборотъ, повышался. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ тягость осады становилась все замѣтнѣе“ [2]).

„Со второй половины сентября погода повернула на холода и наступили свѣжія ночи. Хотя, по приказанію генерала Кондратенко, людямъ и выданы были теплыя вещи и обращено вниманіе на сохраненіе ихъ здоровья, но, подъ вліяніемъ тяжелой службы и уменьшеннаго питанія, санитарное состояніе гарнизона, бывшее до этого времени весьма удовлетворительнымъ, постепенно начинаетъ ухудшаться“ [3]).

„Въ теченіе этого же мѣсяца въ крѣпости появилось два новыхъ врага: съ одной стороны — 11-дм. мортиры, разрушавшія стоявшій въ гавани флотъ, а также казематированныя постройки на фортахъ и батареяхъ, а съ другой стороны — цынга, развивавшаяся между людьми на позиціяхъ и въ госпиталяхъ“.

„Въ этотъ же періодъ уже производились съ обѣихъ сторонъ подземныя работы, встрѣча враговъ подъ землей ожидалась съ минуты на минуту и въ скоромъ времени началась борьба за обладаніе рвами и брустверами фортовъ.

Между тѣмъ постоянная напряженная служба и работа сильно изнурили гарнизонъ. Различныя эпидеміи увеличивались, и въ

---

1) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 375—376, 388—415.

2) Тамъ же, стр. 420.

3) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 310.

госпиталяхъ уже числилось больныхъ тифомъ 450, дизентеріей—855 и цынгой—167" [1]).

„Ночь со 2-го на 3-е октября на Восточномъ фронтѣ прошла тревожно, такъ какъ японцы, поддерживая рѣдкій огонь, производили частичныя вылазки изъ своихъ траншей на выдающіяся части фронта, не доводя дѣло до конца, и подъ прикрытіемъ завязывавшейся перестрѣлки продолжали свои сапныя работы.

Около 2 ч. дня непріятель неожиданно открылъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь по открытому капониру № 3. Очень скоро подъ выстрѣлами изъ 11-дм. гаубицъ и 150-мм. пушекъ рухнулъ центральный блиндажъ, придавивъ бывшихъ въ немъ людей; начались пожары упавшихъ покрытій, и весь капониръ буквально заволокло дымомъ отъ пожаровъ, а еще болѣе отъ рвавшихся на немъ гранатъ и шрапнелей" [2]).

„Гарнизонъ оставилъ временно капониръ, предполагая вновь занять его, какъ только утихнетъ огонь.

А японцы тѣмъ временемъ выскочили изъ блиндажей траншеи и быстро заняли его переднюю часть. Недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ не позволилъ намъ организовать хорошую подготовку контръ-атаки. Все же мы удержали за собой заднюю часть капонира и утвердились здѣсь. Между нашими стрѣлками и японцами осталось пространство не болѣе 20 шаговъ" [3]).

„Въ этомъ бою, между прочими, была убита жена стрѣлка 13 полка, Харитина Коротких Короткевичъ. Эта женщина не пожелала разстаться съ любимымъ мужемъ и, переодѣвшись въ солдатскую одежду, выступила въ походъ вмѣстѣ съ ротою, была во всѣхъ сраженіяхъ и исполняла обязанности санитара. Во время боя 3-го октября она дѣлала перевязки, и вотъ, только что перевязала раненаго въ голову подполковника Кирикова и побѣжала къ другому раненому, какъ вблизи ея разорвался 11-ти дюймовый снарядъ и раздробилъ ее на части" [4]).

Замѣчательно яркій примѣръ безстрашія и самоотверженной любви русской женщины.

„Съ 5 сентября наступила осенняя холодная погода, что заставило подумать объ устройствѣ теплыхъ помѣщеній для войскъ

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 420.
[2]) Тамъ же, стр. 408—409.
[3]) Тамъ же, стр. 409—411.
[4]) Голицынскій, стр. 63.

Землянки на зиму строили самаго простого типа, врывая ихъ въ землю сзади оборонительныхъ линій.

Достать что-либо въ городѣ съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе: мясо въ лавкахъ продавалось по 1 р. 50 к. фунтъ, да и то купить возможно было только по случаю. Курица стоила 12 руб., гусь до 20 руб., яйцо—1 руб. штука, 1 ф. луку—1 руб., 1 фунтъ конины—50 коп.

Но гарнизонъ твердо вѣрилъ въ выручку, и въ дневникѣ полковника Рашевскаго находимъ: „Одно хорошо, что сидѣть въ осадѣ осталось намъ, во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ мы уже просидѣли“ [1]).

„Къ 13 октября положеніе было таково: японцы были отдѣлены отъ обороняющихся столь небольшимъ пространствомъ (отъ 20 до 150 шаговъ), что они рѣшили вновь произвести попытку овладѣть крѣпостью штурмомъ, для чего прежде всего вытѣснить насъ изъ передовыхъ окоповъ и окончательно овладѣть капониромъ № 3, затруднявшимъ доступъ къ форту № III и укрѣпленію № 3. Послѣ этого предполагалось заполнить рвы форта и укрѣпленія соломой, землей и обломками и затѣмъ штурмовать ихъ.

Захватъ окоповъ и капонира № 3 должны были произойти въ періодъ между 13 и 17 октября подъ прикрытіемъ сильной общей бомбардировки крѣпости.

Съ утра 13 октября непріятель началъ обстрѣливаніе намѣченныхъ для атаки пунктовъ, постепенно усиливая огонь, который уже къ полудню значительно разрушилъ передовые окопы и нанесъ большія потери ихъ гарнизону. Форты къ этому времени были также значительно повреждены. Около 4 час. дня противникъ еще болѣе усилилъ огонь. Жестокая артиллерійская и ружейная стрѣльба продолжалась безъ перерыва. Наши батареи направили весь свой огонь на батареи атаки. Но самое мѣсто боя, окопы, гдѣ противники сидѣли другъ противъ друга, раздѣляемые лишь нѣсколькими шагами, артиллерія не могла обстрѣливать, какъ слѣдовало-бы, изъ опасенія поражать своихъ.

Около 5 ч. дня огонь противника по передовымъ окопамъ и капониру № 3 вдругъ прекратился, и противникъ бросился на среднюю часть нашего передового окопа передъ укрѣпленіемъ № 3 и свободно овладѣлъ имъ, такъ какъ защитники его были почти всѣ истреблены японской артиллеріей.

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 414—420

Японцы бросились дальше, къ укрѣпленію № 3, но были отбиты жестокимъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ и вернулись обратно въ захваченный окопъ“ [1]).

„Вечеромъ на поддержку укрѣпленія № 3 была прислана 11-я рота 16-го полка подъ командой шт.-кап. Орлова. Всю ночь эта рота забрасывала японцевъ ручными гранатами и постепенно шагъ за шагомъ продвигалась вдоль окопа, а комендантъ укрѣпленія, капитанъ Шеметилло, обстрѣливалъ ихъ изъ противоштурмовыхъ пушекъ.

Эти мѣры привели къ тому, что ночной атаки японцевъ не послѣдовало. Японцы также не могли вести подступъ къ укрѣпленію, а наши стрѣлки все-таки успѣли продвинуться по окопу и отняли у японцевъ шаговъ 30 отъ занятой ими части.

Одновременно съ атакой окоповъ впереди укрѣпленія № 3 были атакованы и захвачены передовыя траншеи форта № III. Ночью была организована контръ-атака окоповъ укрѣпленія № 3 подъ начальствомъ удивительнаго храбреца инженеръ-механика Лосева и увѣнчалась небольшимъ успѣхомъ: мы продвинулись еще на 50 шаговъ“ [2]).

„Въ 7 ч. утра 14 октября послѣ нѣсколькихъ атакъ нашимъ удалось выбить японцевъ изъ окоповъ форта № III, но удержаться въ нихъ стрѣлки не могли. Въ это время противникъ открылъ огонь всѣми батареями чуть-ли не по всему фронту крѣпости. Особой мѣткостью отличилась стрѣльба непріятеля по укрѣпленію № 3, произведшая въ немъ большія разрушенія; такъ продолжалось цѣлый день и часть ночи.

15 октября съ утра противникъ открылъ артиллерійскій огонь и продолжалъ весь день, усиленно обстрѣливая лѣвый флангъ Восточнаго фронта. Въ то же время по всѣмъ лощинамъ, ведущимъ къ Китайской стѣнѣ, японцы усиленно подвигались окопами“ [3]).

Между тѣмъ положеніе фортовъ атакованнаго фронта все ухудшалось. Противъ нихъ противникъ повелъ минную атаку. На сколько сильное впечатлѣніе производятъ звуки приближающагося подъ землей врага, очень картинно описываетъ такой беззавѣтный храбрецъ, какъ полковникъ Третьяковъ:

---

[1]) Военно-Ист. Комисс., т. VIII, ч. 2, стр. 438—439; 441—443.

[2]) Тамъ же, стр. 444—446.

[3]) Тамъ же, стр. 447—451.

„Долго и напряженно я слушалъ, нѣсколько разъ перемѣнялъ позы, т. к. отъ неестественнаго положенія у меня затекали ноги. Слушаю... нигдѣ ни звука... Вдругъ... стукъ, очень осторожно... еще... стукъ, стукъ, я весь превратился въ слухъ и соображеніе, гдѣ и какъ далеко работаетъ минеръ. Грунтъ былъ довольно рыхлая скала; но звукъ она, благодаря твердымъ прослойкамъ, должна была передавать хорошо. Очень осторожная работа киркой все продолжалась, и я успѣлъ выслушать ее со всѣхъ стѣнъ рукава. Какъ теперь помню (такія минуты не забываются), непріятельскій минеръ былъ слышенъ противъ лѣваго угла рукава, нѣсколько выше его. Разстояніе до работы было ближе сажени, но дальше аршина“ [1]).

„Особенно тяжелымъ было положеніе форта № II, гдѣ можно было ежеминутно ожидать, что японцы подорвутъ капониръ еще далѣе съ тыла и, захвативши его, уничтожать фланговую оборону рвовъ. Бруствера форта были совсѣмъ изрыты и развалены снарядами, бетонные казематы горжевой казармы пробиты во многихъ мѣстахъ, и не могли представить безопаснаго помѣщенія для гарнизона.

Не менѣе тяжело было и положеніе форта № III. А со дня на день слѣдовало ожидать рѣшительнаго штурма, отбить который при подобныхъ условіяхъ было трудно.

Съ цѣлью отсрочить гибель форта № III около 4 час. утра 16 октября поручикомъ Топсашаръ была произведена блестящая атака, увѣнчавшаяся захватомъ окоповъ впереди форта № III. Но, къ несчастію, поручикъ Топсашаръ былъ убитъ, а рота его потеряла $^2/_3$ состава. Японская артиллерія немедленно открыла ужасный огонь, и защитники окоповъ, не получивъ подкрѣпленій, были окончательно истреблены около 1 час. дня“ [2]).

Съ утра 16 октября снова началась усиленная бомбардировка фортовъ № II, № III и укрѣпленія № 3. Съ 3 час. дня огонь непріятеля еще болѣе усилился и продолжался до наступленія ночи.

Къ вечеру наша артиллерія была настолько ослаблена, что японцы совершенно открыто и безнаказанно работали на гласисахъ фортовъ.

Къ утру 17-го октября положеніе обѣихъ сторонъ, по

---

[1]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.

[2]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 451—453.

сравненію съ положеніемъ на 13 октября значительно измѣнилось.

Только передъ батареей лит. Б японскіе подступы не продвинулись, но зато на фортахъ № II и № III они уже владѣли капонирами рвовъ напольныхъ фасовъ. На укрѣпленіи № 3 средняя часть передового окопа также была въ ихъ рукахъ. Капониръ № 3 былъ уже взятъ цѣликомъ, а у капонира № 2 ихъ подступъ подошелъ къ проволочной сѣти. Все это, конечно, значительно облегчало возможность удачнаго штурма.

Считая, что трехъ-дневная бомбардировка достигла своей цѣли и основательно разрушила укрытія для стрѣлковъ, командующій осадной арміей отдалъ приказъ произвести въ этотъ день окончательный штурмъ крѣпости.

Съ 5 час. утра началось обстрѣливаніе нашей позиціи артиллерійскимъ огнемъ; огонь постепенно усиливался, направляясь, по всему фронту. Къ 10 часамъ утра огонь усилился до предѣловъ возможнаго: форты № II и № III и укрѣпленіе № 3 буквально курились отъ выстрѣловъ, заволакиваясь то шапками бѣлаго дыма отъ взрыва 11-дм. снарядовъ, снаряженныхъ чернымъ порохомъ, то ползучими клубами чернаго дыма фугасныхъ мелинитовыхъ снарядовъ. Гулъ и трескъ разрывовъ, звонкое лопанье шрапнели, свистъ пуль и стукъ пулеметовъ достигли особенной силы къ 12 часамъ дня, когда японцы кинулись на штурмъ по всей этой линіи“ [1]).

Захвативъ горку между Куропаткинскимъ люнетомъ и батареей лит. Б. японцы атаковали эту послѣднюю съ фронта, наступая двумя колоннами.

Имъ удалось прорвать проволочную сѣть и они стали подыматься вверхъ по склону высоты къ нашей траншеѣ и скоро достигли ея. Это было замѣчено командиромъ полубатареи полевыхъ пушекъ на укрѣпленіи № 2, кап. Бончъ-Осмоловскимъ и другими. По укрѣпленію пронесся крикъ: „японцы на батареѣ литера Б!“ тотчасъ кап. Бончъ-Осмоловскій открылъ убійственный огонь картечью во флангъ японцамъ. Ряды непріятеля, подымавшагося подъ этимъ огнемъ, замѣтно рѣдѣли, но все же часть японцевъ проникла на батарею, частью обойдя окопъ 4-й роты 25-го полка съ лѣваго фланга, а частью прорвавшись черезъ окопъ этой роты, преимущественно черезъ лѣвый ея флангъ. Вы-

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 455, 459 и 460.

бивъ пироксилиновыми шашками первый взводъ роты, они въ количествѣ 40 человѣкъ появились на гребнѣ бруствера“ [1]).

„Между тѣмъ на самой батареѣ лит. Б происходило слѣдующее. Еще около 12 час. дня, замѣтивъ, что японцы двинулись на штурмъ Куропаткинскаго люнета, командиръ батареи лит. Б шт.-кап. Поповъ открылъ по атакующимъ шрапнельный огонь изъ одного уцѣлѣвшаго у него на батареѣ 6-дм. орудія, а оставшуюся прислугу расположилъ на флангѣ для дѣйствія ружейнымъ огнемъ; благодаря близкой дистанціи, какъ шрапнельный, такъ и ружейный огонь, былъ дѣйствительный.

Спустя нѣсколько минутъ такого огня, кто-то изъ нижнихъ чиновъ крикнулъ: „японцы у насъ на батареѣ“. Шагахъ въ 15 отъ бруствера по отлогости ската видны были въ ямахъ и вообще неровностяхъ, образовавшихся отъ паденія снарядовъ, скрывающіеся японцы, торчали винтовки и развѣвался бѣлый ихъ флагъ съ краснымъ кругомъ; тогда шт.-кап. Поповъ приказалъ прекратить огонь противъ японцевъ, штурмовавшихъ Куропаткинскій люнетъ, и сосредоточилъ всѣхъ артиллеристовъ во дворикѣ батареи, приготовляясь встрѣтить штыками непріятеля, если онъ ворвется во дворики орудій; въ распоряженіи шт.-кап. Попова было 21 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Моментъ былъ критическій. Телефоны не дѣйствовали.

Между тѣмъ начальникъ сектора кап. Жуковскій, бывшій въ это время на батареѣ, замѣтилъ, что мимо батареи лит. Б, вдоль Китайской стѣнки, скорымъ шагомъ слѣдуютъ стрѣлки изъ резерва на Куропаткинскій люнетъ; онъ добѣжалъ до Китайской стѣнки, перехватилъ часть этихъ стрѣлковъ и направилъ ихъ на батарею лит. Б. Получивъ подкрѣпленіе въ количествѣ около 40 человѣкъ безъ офицеровъ, шт.-кап. Поповъ усилилъ ими своихъ артиллеристовъ.

Выждавъ нѣкоторое время и видя, что японцы не рискуютъ ворваться на батарею, но не желая медлить и тѣмъ дать возможность японцамъ сосредоточиться за брустверомъ и отдохнуть отъ усталости, шт.-кап. Поповъ приказалъ стрѣлкамъ броситься въ штыки изъ дворика 3-го орудія, а самъ съ артиллеристами бросился со стороны 1-го орудія. Собиравшіеся съ силами послѣ труднаго подъема по разрыхленному паденіемъ снарядовъ грунту японцы, не ожидавшіе встрѣтить что-нибудь живое на батареѣ,

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 461 и 463.

которая въ теченіе трехъ дней забрасывалась снарядами,—не выдержали штыковъ русскихъ: частью были уничтожены, а частью бѣжали по направленію къ горкѣ между Куропаткинскимъ люнетомъ и батареей лит. Б“ [1]).

„Ровно въ 12 часовъ дня передъ люнетомъ Куропаткина появилась большая колонна японцевъ. Подъ прикрытіемъ своей артиллеріи они приближаются чуть-ли не церемоніальнымъ маршемъ, шагомъ, съ улыбающимися физіономіями, пальцами они указываютъ на рвущуюся высоко въ небѣ безчисленную шрапнель, а съ нашей стороны ни выстрѣла, и некому запустить хоть камнемъ, чтобы заставить ненавистнаго врага не улыбаться, не парадировать, занимая русское укрѣпленіе.

А они все идутъ и идутъ. Передніе скрываются уже подъ брустверомъ. Та же картина на форту 2-мъ и 3-мъ и капонирѣ 2-мъ; вотъ появились на нашихъ брустверахъ японскіе флачки съ кровавымъ кругомъ, и тогда наши стрѣлки, встаютъ, какъ мертвецы изъ могилъ; дождались конца адскаго огня артиллеріи, бѣгутъ, ползутъ къ разрушеннымъ брустверамъ, открываютъ огонь пачками, бросаютъ бомбочками, колютъ штыками. Заговорила наша полевая артиллерія, и черезъ 10—15 минутъ картина мѣняется—японцы бѣгутъ; люнетъ, форты, капониръ опять наши“ [2]).

„Къ 2 часамъ дня всѣ попытки непріятеля проникнуть на Куропаткинскій люнетъ были отражены, и всѣ японцы, засѣвшіе въ выбоинахъ, были перебиты.

Груды непріятельскихъ тѣлъ усѣяли склоны люнета, но и самъ люнетъ былъ совершенно разбитъ, а изъ защитниковъ его уцѣлѣло мало: 3 офицера и 185 нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя. Потерпѣвъ неудачу, непріятель вновь сосредоточилъ на люнетѣ сильный артиллерійскій огонь“ [3]).

Однако къ 3 часамъ дня японцы окончательно вытѣснили защитниковъ капонира № 2 и овладѣли имъ.

Также въ 12 ч. дня японцы бросились на штурмъ полуразрушеннаго укрѣпленія № 3, направившись на передовой окопъ.

„Пока шла борьба за передовой окопъ, одна японская рота, бросившаяся на укрѣпленіе отдѣльно, достигла рва и саперы

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, 463—464.

[2]) Голицинскій, стр. 67.

[3]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 466.

успѣли спустить въ ровъ и установить двѣ лѣстницы, по которымъ быстро спустилось нѣсколько японцевъ, но въ тотъ же моментъ выстрѣломъ картечью изъ орудія капонира въ упоръ лѣстницы были сметены, три японца убиты, а залпы гарнизона укрѣпленія съ бруствера частью уничтожили, частью прогнали назадъ всѣхъ остальныхъ.

Въ 1 часъ 50 мин. дня удачно попавшимъ въ верхнюю часть блиндажа снарядомъ былъ произведенъ пожаръ. Онъ быстро распространился и скоро прекратилъ сообщеніе между казармой и внутренностью форта. Гарнизонъ, находившійся въ казармѣ, былъ отрѣзанъ. Непріятель, замѣтивъ, что на укрѣпленіи начался пожаръ, усилилъ свой артиллерійскій огонь, а изъ окопа участилъ бросаніе минъ. Вскорѣ пожаръ дошелъ до ящиковъ со снарядами, и послѣдніе начали взрываться. Часть гарнизона, находившаяся въ потернѣ, бросилась во главѣ съ кап. Шеметилло тушить пожаръ, но въ это время рядомъ упалъ непріятельскій минный снарядъ, которымъ кап. Шеметилло былъ сброшенъ въ огонь и сгорѣлъ. Вслѣдъ за тѣмъ упалъ второй такой же снарядъ; онъ попалъ подъ ноги подпоруч. артиллеріи Есаулову и разорвалъ его въ мельчайшіе куски; тутъ же съ нимъ погибло 45 стрѣлковъ.

Третьимъ миннымъ снарядомъ начальникъ участка полк. Раздольскій также былъ отброшенъ въ сторону пожара, контуженъ въ голову и совершенно оглушенъ и заваленъ траверсомъ изъ мѣшковъ и щебнемъ; адъютантъ его подпоруч. 14 полка Малиновскій тѣмъ же снарядомъ былъ контуженъ.

Все это произошло въ небольшой промежутокъ времени и такъ сильно подѣйствовало на людей, что когда подполк. Раздольскій былъ вытащенъ изъ-подъ мѣшкомъ и пришелъ въ сознаніе, ему стоило большого труда успокоить гарнизонъ. Онъ тотчасъ же принялъ мѣры къ тушенію пожара, но продолжавшіеся взрывы собственныхъ снарядовъ, сопровождавшіеся огромнымъ разлетомъ осколковъ, мѣшали тушенію. Видя, что съ пожаромъ не справиться, подполк. Раздольскій, во избѣжаніе лишнихъ жертвъ, приказалъ отойти отъ мѣста пожара. Къ счастью, вскорѣ стрѣльба противника прекратилась и только изрѣдка на укрѣпленіе падали мины.

Одной изъ такихъ минъ подполк. Раздольскій былъ вторично контуженъ въ голову и позвоночникъ и былъ отведенъ къ перевязочному пункту.

Почти вслѣдъ за тѣмъ, японцы снова сдѣлали слабую попытку атаки, но оставшійся на укрѣпленіи старшимъ исполняющимъ должность фельдфебеля, унт.-оф. Карповъ, во время замѣтилъ наступленіе и, выведя людей на брустверъ, ружейнымъ огнемъ отбилъ атаку, при чемъ большую помощь оказалъ завѣдывавшій пулеметами квартирмейстеръ съ броненосца „Полтава“, принявшій командованіе надъ артиллеріей укрѣпленія.

Еще въ самомъ началѣ пожара г.-м. Горбатовскій направилъ на укрѣпленіе 11-ю роту 16-го полка подъ командой шт.-кап. Орлова, который по прибытіи на укрѣпленіе принялъ на себя комендантство и принялся тушить пожаръ. Большое участіе приняла въ отраженіи штурма 2-я батарея 7-го дивизіона на Лаперовской горѣ, особенно взводъ ея подъ командой кап. Шихлинскаго.

Штурмъ былъ отбитъ по всей линіи во всѣхъ важныхъ пунктахъ.

Огонь непріятеля сталъ постепенно стихать и въ 3 часа 35 мин. совершенно прекратился“ [1])

„Неудача штурма заставила японцевъ отказаться на время отъ желанія овладѣть фортами открытой силой и вернуться къ правильной атакѣ.

Начался новый періодъ осады—періодъ минной войны“ [2])

Послѣ войны, какъ иностранная, такъ и наша литература, превозносили качества арміи Ноги, особенно пѣхоты.

А вотъ вамъ отзывы одного изъ очевидцевъ, инженеръ-полковника Ращевскаго, наблюденіе, записанное въ дневникъ тотчасъ послѣ штурма.

„Послѣдній бой 17-го октября, между прочимъ, показалъ, насколько пѣхота японцевъ хуже ихъ артиллеріи; дѣйствительно, несмотря на превосходную подготовку, артиллерійскимъ огнемъ, буквально разметавшемъ бруствера нашихъ окоповъ и укрѣпленій, пѣхота шла неохотно и заняла только то, что мы очистили вслѣдствіе огня“ [3])...

„За октябрь мѣсяцъ мы потеряли 102 офицера и 4.430 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, не считая моряковъ. Число

---

[1]) Воен.-Ист. Комиссія, т. VII, ч. 2, стр. 468—470.
[2]) Тамъ-же, стр. 474.
[3]) Ножинъ, стр. 16.

больныхъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ въ госпиталя въ теченіе октября увеличилось по сравненію съ сентябремъ мѣсяцемъ и достигло 2.432 человѣкъ; повысилась и общая заболѣваемость среди нижнихъ чиновъ гарнизона, дошедшая за мѣсяцъ до цифры въ 4.233 человѣка“ [1]).

Ноябрьскіе бои.

„Отбитый штурмъ выяснилъ японцамъ, что овладѣніе фортами атакой открытой силой невозможно, даже подготовивъ ее столь сильной бомбардировкой, какая была произведена съ 13 по 17 октября. Вслѣдствіе этого, всѣ ихъ дальнѣйшія дѣйствія второй половины октября и начала ноября сводились къ двумъ цѣлямъ: къ овладѣнію рвами фортовъ постепенной атакой и къ разрушенію внутренней части ихъ сильнымъ обстрѣливаніемъ“ [2]).

Я не буду въ подробностяхъ описывать подземную войну, а только приведу изъ нея нѣсколько болѣе рельефныхъ эпизодовъ, дабы показать читателю, сколько нужно имѣть при этой борьбѣ спокойствія, хладнокровія, настойчивости и мужества.

„Вечеромъ“, пишетъ Голицынскій, „японцы произвели взрывъ. Въ наружной стѣнкѣ головного капонира форта № II получилась брешь, радіусомъ больше аршина. Къ часу ночи мы наскоро успѣли задѣлать ее, заложивъ мѣшками съ землею. Но въ 2 часа раздался новый взрывъ, мѣшки разметало, огонь въ капонирѣ погасъ, въ стѣнкѣ получилась еще большая дыра, и въ нее повалили валомъ японцы. Начался бой даже уже не штыковой, по тѣснотѣ помѣщенія, а кулаками, зубами и чѣмъ попало. Къ 7 часамъ утра ввалившіеся японцы въ капонирѣ были перебиты, новые же не влѣзали и наши опять заложили мѣшками дыру“ [3]).

А вотъ выдержка изъ дневника полковника Рашевскаго:

„Начался бой въ самомъ капонирѣ; когда я, получивши увѣдомленіе объ этомъ, прибѣжалъ въ капониръ, то засталъ такую картину: въ капонирѣ царитъ почти полный мракъ, чтобы затруднить японцамъ возможность выстрѣлами поражать насъ; все

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, ч. 2, стр. 393.
[2]) Военно-Ист. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 475.
[3]) Голицынскій, стр. 65.

вокругъ наполнено ѣдкимъ удушающимъ дымомъ отъ взрывовъ пироксилиновыхъ и мелинитовыхъ патроновъ, огненные отблески взрыва которыхъ ежеминутно освѣщаютъ этотъ мракъ; комендантъ форта и почти всѣ офицеры вынесены чуть ли не замертво, потерявши сознаніе отъ удушья; гарнизонъ въ паникѣ мечется по узкимъ казематамъ и корридорамъ капонира и контръ-эскарповой галлереѣ".

„Патронами я думалъ взорвать изъ рва закрытія амбразуръ въ казематѣ, занятомъ японцами, и затѣмъ бросить туда большой подрывной патронъ. Однако этого не понадобилось—черезъ 1/2 часа японцы не выдержали удушающей атмосферы капонира, или же у нихъ не хватило ручныхъ гранатъ, и они очистили сами казематъ, унеся черезъ отверстіе въ стѣнѣ всѣхъ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Въ казематѣ мы нашли только нѣсколько фуражекъ съ желтымъ околышемъ и цифрой 22-го пѣхотнаго полка, какія-то жестянки и желѣзные щиты для предохраненія отъ выстрѣловъ и ручныхъ гранатъ. Щиты имѣютъ ремни для одѣванія и прорѣзъ для глазъ.

Наши долго не рѣшались войти въ казематъ, но отыскался храбрецъ, рядовой 10-й роты 25-го полка Илья Головачевъ, который вышелъ самъ впередъ, а за нимъ бросился одинъ изъ санитаровъ, поруч. Дебогорій-Мокріевичъ и другіе. Капониръ былъ спасенъ, а пробоину спѣшно забросали мѣшками [1]).

Во время минной борьбы, 2-я Тихоокеанская эскадра была уже на пути къ Артуру. Извѣстіе о движеніи этой значительной морской силы чрезвычайно безпокоило японскій главный штабъ, почему командующій осадной арміей рискнулъ на новый штурмъ крѣпости, не доведя своихъ минныхъ работъ до конца и имѣя столь свѣжій и столь кровопролитный урокъ 17 октября. Впрочемъ, на успѣхъ этого новаго штурма японцы имѣли больше шансовъ, чѣмъ въ предыдущій, такъ какъ до 12 ноября имъ удалось окончательно овладѣть напольными рвами атакованнаго фронта.

Къ этому дню переходы черезъ ровъ были закончены и японцы достигли эскарповъ. Кромѣ того, подъ напольный бруст-

---

[1]) Воен.-Истор. Комис., т. VIII, ч. 2, стр. 478.

веръ форта № II была уже закончена минная галлерея и въ ней были заряжены горны для взрыва бруствера“ [1]).

„Днемъ штурма было назначено 13 ноября. Его произвели тѣми войсками, которыя участвовали во всей предшествовавшей постепенной атакѣ: каждая часть атаковала то укрѣплепіе, противъ котораго работала“ [2]).

„Съ 8 час. утра 13 ноября началась бомбардировка всего атакованнаго фронта.

Около $11^1/_2$ час. былъ взорванъ пороховой погребъ на Куропаткинскомъ люнетѣ, а ровно въ 12 час. японцы взорвали горнъ подъ брустверомъ форта № II. Столбъ газовъ и земли поднялся надъ фортомъ. Взрывъ былъ сигналомъ, по которому штурмующія войска должны были выйти изъ-за своихъ прикрытій и неожиданно броситься на укрѣпленія.

Однако штурмъ для крѣпости не былъ неожиданностью: его ждали еще съ вечера. Начавшаяся же въ этотъ день съ утра бомбардировка подтвердила эти предположенія. Вслѣдъ затѣмъ, съ различныхъ наблюдательныхъ пунктовъ было замѣчено движеніе войскъ въ окрестностяхъ укрѣпленій, и, наконецъ, въ $11^1/_2$ час. утра унт.-оф. 2-й роты 28-го полка Рябиковъ, будучи раненымъ и проходя на перевязочный пунктъ съ Куропаткинскаго люнета замѣтилъ, что японцы, находившіеся въ окопахъ впереди люнета, уже примыкаютъ штыки. Забывъ о своей ранѣ, унт.-оф. Рябиковъ немедленно явился къ начальнику отдѣла подполк. Науменко и доложилъ ему о замѣченномъ.

Штурмъ крѣпости разбился на рядъ отдѣльныхъ штурмовъ, начиная съ нашего праваго фланга.

Почти одновременно японцы атаковали окопы у батареи лит. Б и Куропаткинскій люнетъ.

Атака на окопы у батареи лит. Б, была отбита огнемъ гарнизона. Вечеромъ они вновь попытались, но также неуспѣшно. Надежда на занятіе батареи была для нихъ окончательно потеряна.

Одна колонна противника еще съ утра была сосредоточена въ капонирѣ форта № II и въ его стрѣлковыхъ казематахъ. Тотчасъ же послѣ взрыва мины японцы быстро выбѣжали изъ капо-

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 550.
[2]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 430.

нира въ ровъ и подъ прикрытіемъ густой пыли стали взбираться на брустверъ напольнаго фаса.

Вскорѣ большая часть штурмующихъ достигла бруствера и расположилась за его наружнымъ скатомъ въ нѣсколько шеренгъ. Сзади ихъ стояли люди на лѣстницахъ, составляя ближайшій резервъ. Вслѣдъ затѣмъ, первая шеренга штурмующихъ бросилась впередъ и добѣжала до гребня бруствера, но здѣсь была встрѣчена горячимъ огнемъ стрѣлковъ и картечью противоштурмовыхъ орудій почти въ упоръ. Огонь этотъ уничтожилъ первую шеренгу почти цѣликомъ и усѣялъ весь скатъ бруствера убитыми и ранеными. Нѣсколько оставшихся бросились назадъ.

Вторая шеренга, видѣвшая гибель первой, а также и третья заколебались и стали подаваться назадъ, но подъ давленіемъ стоявшаго непосредственно сзади резерва, обѣ эти шеренги были выдвинуты впередъ и попали подъ пулеметный и ружейный огонь.

Эти люди сейчасъ же раздѣлили участь первой шеренги; стоявшіе сзади кричали—„впередъ", тогда какъ бывшіе впереди кричали—„назадъ",—пишетъ очевидецъ этого штурма.

Офицеры, бывшіе на флангахъ,—говоритъ онъ,—замѣтивъ, что колонна колеблется, бросились впередъ и начали подгонять своихъ людей. Давленіе сзади сдѣлало то, что многіе сразу оказались у гребня бруствера, среди земляныхъ мѣшковъ.

Здѣсь они были встрѣчены ручными бомбочками, а затѣмъ штыками и въ нѣсколько минутъ отброшены на наружный скатъ бруствера" [1]).

„Слѣдующія три попытки овладѣть брустверомъ и проникнуть въ ровъ, также не имѣли успѣха.

Слѣдуетъ замѣтить, что при отраженіи штурма приняли большое участіе противоштурмовыя орудія форта подъ командой шт.-кап. Конокотина.

Атака Китайской стѣны была также неуспѣшна: японцы захватили только небольшой редутикъ, недавно устроенный въ углѣ пересѣченія двухъ участковъ стѣны. Ночью они укрѣпились здѣсь и съ этого момента находились отъ Китайской стѣны въ 30 шагахъ" [2]).

Затѣмъ послѣдовалъ штурмъ форта № III.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 552—555.
[2]) Тамъ же, стр. 556—557.

„Бомбардировка, предшествовавшая этой атакѣ японцевъ, была такъ сильна, что гарнизонъ, ожидавшій японцевъ внутри форта, понесъ больше 50% потерь.

Штурмующій отрядъ выбѣжалъ изъ брешей, сдѣланныхъ въ контръ-эскарпѣ, быстро перебѣжалъ ровъ по приставнымъ лѣстницамъ, поднялся на брустверъ и былъ готовъ стремительно ринуться во дворикъ форта, но по ту сторону бруствера спокойно ждалъ его гарнизонъ форта. Раздался выдержанный залпъ, затрещали два пулемета. Первые ряды японцевъ свалились. Тогда съ крикомъ „ура" гарнизонъ бросился на брустверъ, бросая впередъ ручныя бомбочки, а вслѣдъ за тѣмъ начался штыковой бой. Комендантъ форта штабсъ-капитанъ 25-го полка Булгаковъ, защищавшій фортъ безсмѣнно съ перваго дня осады, спокойно и умѣло руководилъ дѣйствіями своей 7-й роты и другими частями, присланными генералъ-маіоромъ Горбатовскимъ для поддержки форта. Понеся громадныя потери, японцы принуждены были отойти снова на гласисъ и ограничились только защитой гребня гласиса. Здѣсь они сформировали новый штурмующій отрядъ подъ начальствомъ подполковника Харабе. Въ 4 часа 25 минутъ отрядъ этотъ выбѣжалъ изъ лѣвой бреши контръ-эскарпа и бросился на брустверъ форта, но снова японцы были во-время встрѣчены и отброшены на наружный скатъ бруствера съ большими потерями. Между убитыми было много офицеровъ и подполковникъ Харабе. Однако имъ удалось удержаться на наружномъ скатѣ бруствера.

Далѣе слѣдовалъ штурмъ укрѣпленія № 3.

Подготовка штурма этого укрѣпленія началась съ утра. Къ 11 ч. утра противнику удалось своимъ страшнымъ огнемъ подбить на укрѣпленіи 4 орудія праваго фаса, которыя оборонѣ удалось привести въ исправность только къ 4 час. дня" [1]).

„Первымъ штурмовали укрѣпленіе № 3—2-й пѣхотный японскій полкъ, одинъ взводъ полевой артиллеріи, нѣсколько 47 мм. скорострѣльныхъ орудій и одинъ баталіонъ саперъ. Всѣми частями командовалъ полковникъ Ватанабе.

Несмотря на сильный огонь нашей артиллеріи по подступамъ къ укрѣпленію, первой части этого отряда удалось около 1 часа 30 минутъ дня взобраться на брустверъ, но тотчасъ же гарнизонъ укрѣпленія, ожидавшій японцевъ, встрѣтилъ ихъ та-

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 436—438.

кимъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ и забросалъ такимъ количествомъ бомбочекъ, что въ 2 часа 20 минутъ на брустверѣ уже не осталось ни одного японца. Они бѣжали, покрывая бруствсръ трупами и ранеными. Тѣла нѣкоторыхъ японцевъ перекидывались разрывавшимися снарядами черезъ ровъ на гласисъ. Убѣгавшіе японцы волочили убитыхъ за ноги, складывали ихъ въ ровъ и сами прыгали туда за ними. На время штурмъ укрѣпленія прекратился.

Но въ 5 часовъ 30 минутъ дня генералъ-лейтенантъ Матсумура снова направилъ, подъ командой того же полковника Ватанабе, на штурмъ двѣ новыя роты. Однако этотъ отрядъ, понеся большія потери, цѣли достигнуть не могъ.

Въ 8 часовъ 30 минутъ вечера была предпринята 3-я попытка, но и на этотъ разъ гарнизонъ встрѣтилъ врага такъ же спокойно и стойко, какъ и раньше. Штурмъ окончился, не удовлетворивъ возлагаемыхъ на него надеждъ.

Казалось, что японцы отказались отъ мысли продолжать штурмъ, но вскорѣ оказалось, что въ это время они подготовляли окончательный и рѣшительный ударъ.

Еще наканунѣ, 12 ноября, генералъ Ноги поручилъ генералъ-маіору Накамура сформировать особый отрядъ, имѣя цѣль атаковать Курганную батарею со стороны Казачьяго плаца.

Несомнѣнно, что успѣхъ этого предпріятія, въ связи съ развитіемъ дальнѣйшей фронтальной атаки фортовъ и Китайской стѣны, поставилъ-бы крѣпость въ критическое положеніе“ [1]).

„Къ 6 час. вечера уже достаточно стемнѣло, и въ $6^1/_2$ час. вечера отрядъ генерала Накамура двинулся. Онъ шелъ по ближайшей къ Панлуншаню дорогѣ изъ д. Шуйшуинъ въ Портъ-Артуръ, разсчитывая пройти разстояніе до Курганной батареи, атаковать и взять ее до 9 час., когда уже должна была взойти луна.

Все движеніе японцевъ къ Курганной батареѣ осталось для ея гарнизона совершенно незамѣченнымъ, но, когда прожекторъ Кладбищенской батареи, открывъ японцевъ, поднялъ лучъ кверху— сигналъ тревоги,—его замѣтилъ кап. Музеусъ и, предчувствуя какую-то опасность, приказалъ полуротѣ 6-й роты строиться. Какъ разъ въ это время первые ряды японцевъ безъ выстрѣла и совершенно неожиданно перепрыгнули черезъ брустверъ Ки-

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 438—439.

тайской стѣнки и появились у 42-лин. орудія батареи, причемъ одинъ изъ японцевъ, ударилъ прикладомъ по головѣ дежурнаго у перваго орудія канонира, который все же успѣлъ закричать: „японцы“, и вмѣстѣ съ другими дежурными канонирами, дернулъ за вытяжной шнуръ. Орудія были заряжены шрапнелью съ установкой трубки на ударъ.

Раздался залпъ въ упоръ наступавшей колоннѣ, подбѣжала остальная прислуга съ командиромъ батареи кап. Васильевымъ и другими офицерами и, дѣйствуя разрывными бомбочками, пріостановила дальнѣйшее наступленіе японцевъ въ глубь батареи.

Тѣмъ временемъ кап. Музеусъ, указалъ полуротѣ 6-й роты направленіе, скомандовалъ ей „ура“, и рота съ поруч. Вріони кинулась на японцевъ“ [1]).

„Японцы стали постепенно оттѣснять стрѣлковъ и моряковъ и скоро вновь показались на батареѣ у орудій. Но на батарею уже вбѣгала 10-я рота 16-го полка съ поруч. Станкевичемъ и, бросившись на японцевъ въ штыки, оттѣснила ихъ за брустверъ Китайской стѣнки къ прожектору. Здѣсь японцы опять были подкрѣплены свѣжими силами и снова двинулись къ батареѣ, но по пути ихъ поражалъ огонь: пулемета, одной полевой мортиры, притащенной на рукахъ по распоряженію поруч. артиллеріи Карамышева, и двухъ 37-мм. морскихъ орудій подъ командой штурмана Лагидзе. И въ то время, когда этотъ огонь и ручныя бомбочки стрѣлковъ и моряковъ задерживали японцевъ съ фронта, справа изъ ложбинки между батареей и укрѣпленіемъ № 3 вбѣжали на батарею 3 роты десанта съ „Побѣды“, „Пересвѣта“ и „Баяна“ подъ командой лейтенанта Мисникова. Не останавливаясь на батареѣ, моряки съ разбѣга перескочили брустверъ окопа и бросились на японцевъ, скопившихся въ это время у будки прожектора. Здѣсь завязалась послѣдняя схватка, въ которой были пущены въ ходъ штыки, приклады, бомбочки, и черезъ нѣсколько минутъ японцевъ отбросили за проволочную сѣть, откуда они отошли въ ближайшій оврагъ“ [2]).

„Передъ разсвѣтомъ 14 ноября отрядъ Генерала Накамура окончательно отступилъ на свои позиціи. Такимъ образомъ, третій штурмъ крѣпости былъ отбитъ по всей линіи. Частичными

---

[1]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 564—566.
[2]) Тамъ же, стр. 566—567.

успѣхами японцевъ было окончательное утвержденіе ихъ во рвахъ форта № III и укрѣпленія № 3 и, кромѣ того, имъ удалось приблизиться къ Китайской стѣнѣ на разстояніе до 30 шаговъ" [1]).

„Такимъ образомъ, четвертый штурмъ крѣпости былъ окончательно отбитъ на всѣхъ пунктахъ. Когда совершенно разсвѣло, то снова былъ произведенъ тщательный осмотръ мѣстности передъ батареей, причемъ выяснилось, что на проволочномъ загражденіи японцы оставили 37 офицеровъ и 743 нижнихъ чина убитыми. Общее же количество выведенныхъ изъ строя при четвертомъ штурмѣ достигало до 4.500 человѣкъ.

Наши потери за этотъ день были также очень серьезны: по приблизительному подсчету, произведенному тотчасъ же послѣ штурма,—не менѣе 1.500 человѣкъ.

Большое участіе въ отбитіи штурмовъ принимали моряки: почти весь десантъ и морской резервъ были введены въ бой. Резервъ генерала Горбатовскаго былъ весь израсходованъ, и въ моментъ, когда онъ, узнавъ о критическомъ положеніи Курганной батареи, выслалъ туда роты десанта, въ резервѣ Восточнаго фронта оставалось всего 10 человѣкъ.

Въ реляціи этого боя, составленной начальникомъ 2-го отдѣла ген. штаба подполк. Науменко, отмѣчаются два обстоятельства: что при отбитіи штурма сыграли огромную роль ручныя гранаты, которыя стрѣлки часто предпочитали ружьямъ, и что какъ всѣ офицеры, такъ и нижніе чины проявили въ этотъ день полнѣйшее хладнокровіе, беззавѣтное мужество и храбрость" [2]).

„Несмотря на значительныя потери, понесенныя въ этотъ день гарнизономъ крѣпости, успѣхъ нашъ значительно поднялъ духъ войскъ и вселилъ въ изнуренныхъ бойцахъ новую энергію и новыя надежды на благополучный исходъ осады" [3]).

„Штурму Восточнаго фронта сопутствовало обстрѣливаніе артиллерійскимъ огнемъ укрѣпленій Западнаго фронта. Но Высокая и Плоская горы обстрѣливались, кромѣ того, еще минами, бомбочками и пулеметами изъ ближайшихъ японскихъ подступовъ.

Это обстрѣливаніе обѣихъ горъ съ утра до вечера, а также

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 442.
[2]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2-я, стр. 567—568.
[3]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 442.

интенсивное передвиженіе отдѣльныхъ частей непріятельской пѣхоты и артиллеріи, замѣченное наблюдателями, указывали на возможность штурма“ [1]).

„Съ этихъ поръ штурмовые держались въ траншеяхъ. Штурмовыми назывались стрѣлки, страдающіе цынгой: цынготнымъ было тяжело сидѣть въ окопахъ, и ихъ отпускали въ безопасныя мѣста въ тылъ, гдѣ они и грѣлись на солнышкѣ. Какъ только обстоятельства предвѣщали близость штурма, раздавалась команда: штурмовые по мѣстамъ! и недужные покидали свои лежбища и ползли на гору въ траншеи“ [2]).

„Весьма интенсивный непріятельскій огонь по обѣимъ позиціямъ продолжался весь день 14 ноября, и къ 5 часамъ дня въ окопахъ Высокой было уже разбито 22 блиндажа и участокъ бруствера окопа на юго-западномъ склонѣ горы былъ снесенъ. Въ 5 час. вечера начался изъ ближайшихъ японскихъ траншей ружейный огонь по Плоской, Высокой и Дивизіонной.

Пользуясь темнотой и туманомъ, японцы забрались въ нижній окопъ передъ лѣвымъ крайнимъ редутомъ на Плоской, откуда выбили остатки 5-й роты 27-го полка, а затѣмъ проникли и въ Каменоломный редутъ, благодаря хитрости, такъ какъ кричали „свои, свои“. Было темно и въ глубокихъ окопахъ и переходахъ, разбитыхъ бомбардировкой и лишенныхъ, благодаря убыли, части защитниковъ, ничего не было видно. Однако къ этому времени подоспѣли 7-я рота 14-го полка и 12-я рота 5-го полка.

Старшій унт.-офиц. 4-го взвода 7-й роты 14-го полка Дмитрій Лошкаревъ первый бросился во главѣ взвода на японцевъ и своимъ примѣромъ воодушевилъ свой взводъ. Слѣдуя за нимъ, взводъ проникъ въ Каменоломный редутъ и внезапно напалъ на японцевъ. Послѣдніе до того растерялись, что безъ особаго сопротивленія очистили редутъ“ [3]).

„Описанныя нами дѣйствія японцевъ были прелюдіей историческихъ ноябрьскихъ штурмовъ горы Высокой, составляющихъ одинъ изъ наиболѣе кровопролитныхъ эпизодовъ въ исторіи обороны Портъ-Артура. Неудача ноябрьскаго штурма Восточнаго фронта, сопряженная съ большими потерями, вновь заставила

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 569.
[2]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 годъ.
[3]) В.-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 573.

японцевъ возложить всѣ свои надежды на минную войну, что, конечно, должно было затянуть осаду. Съ другой стороны, необходимость покончить окончательно съ Портъ-Артурской эскадрой до подхода въ воды Тихаго океана эскадры Рождественскаго требовала рѣшительныхъ мѣръ; поэтому прибывшіе къ осадной арміи незадолго до 13-го ноября начальникъ штаба Маньчжурской арміи генералъ баронъ Кодома и генералъ Фукушима рѣшили, совмѣстно съ генераломъ Ноги, не теряя времени, приступить къ дѣйствіямъ противъ Высокой горы, занятіе которой дало бы имъ возможность бомбардировкой привести наши суда въ полную негодность, тѣмъ болѣе, что къ этому времени осадная армія была усилена 7-й дивизіей, прибывшей изъ Японіи“ [1]).

14-го ноября противникъ повелъ атаку и на Высокую.

Вотъ какъ описываетъ этотъ штурмъ герой Высокой, полковникъ Третьяковъ:

„Въ 5 ч. вечера японская пѣхота пошла въ атаку, но была отбита. Несмотря на то, комендантъ просилъ помощи и офицеровъ; ихъ было дѣйствительно мало. Послалъ помощь и прапорщика флота Дейчмана, отважнѣйшаго офицера, давно уже съ этой стороны намъ извѣстнаго. Полковникъ Ирманъ и я предназначили его быть помощникомъ коменданта. Дейчманъ пошелъ на гору уже почти ночью и, придя туда, засталъ не все благополучнымъ; оказалось, что штурмъ былъ отбитъ не совсѣмъ: кучка японцевъ засѣла въ блиндажѣ центральной батареи и тамъ ждала помощи. Немедля комендантъ собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшили тотчасъ выбить японцевъ изъ занятаго ими блиндажа; организовать контръ-атаку поручено было прапорщику Ермакову, какъ отлично знающему расположеніе укрѣпленій; этотъ послѣдній сформировалъ три группы охотниковъ: одна подъ начальствомъ прапорщика флота Морозова должна была атаковать японцевъ съ праваго фланга, другая — съ неизвѣстнымъ мнѣ офицеромъ должна была сдѣлать тоже съ лѣваго фланга, а съ фронта приказано было ринуться на непріятеля прапорщику Дейчману съ 3-й группой охотниковъ. По сигналу всѣ три отряда бросились къ блиндажу, но въ этотъ моментъ прапорщикъ Дейчманъ былъ наповалъ убитъ пулей въ лобъ. Несмотря на то, въ блиндажъ была брошена бомбочка, и всѣ японцы перебиты; первымъ бросился въ блиндажъ прапорщикъ Морозовъ.

Ночью съ 14-го на 15-е ноября японцы продолжали обстрѣ-

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 449.

ливать гору и разрушили больше, чѣмъ было за ночь поправлено, а съ утра огонь усилился, и вслѣдъ за тѣмъ, японцы повели наступленіе.

Въ теченіе 15-го ноября на Высокой отбили уже два штурма, и я послалъ въ поддержку всѣ свои резервы: 6 роту флотскаго экипажа и нестроевыя роты 14-го и 16-го полковъ. Въ $4^{1}/_{2}$ часа дня японцы бросились на злосчастную гору. Наши порѣдѣвшія цѣпи погибли и непріятель взялъ оба верхніе редута. Часовъ въ 5 вечера я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на Высокую. Кругомъ грохотъ разрывающихся снарядовъ. Вершина горы въ дыму отъ взрыва всякаго рода бомбъ. Тамъ глазамъ моимъ представилась дѣйствительно страшная картина разрушенія: легкіе блиндажи изъ досокъ, прислоненные къ крутому откосу выемки дороги, были почти всѣ разрушены и наполнены изуродованными трупами и разорванными частями человѣческихъ тѣлъ. Вся дорога была загромождена обломками дерева въ перемѣшку съ трупами убитыхъ.

Шагая черезъ все это и скользя по доскамъ, буквально облитымъ человѣческою кровью, я достигъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго телефоннаго блиндажа, гдѣ и нашелъ коменданта съ нѣсколькими офицерами.

Изъ приведенныхъ мною людей составилъ резервъ, который на горѣ былъ весь израсходованъ, хотя оба редута были заняты японцами, но въ тыльныхъ ихъ помѣщеніяхъ, въ чемъ я убѣдился лично, въ блиндажахъ, узкихъ проходахъ и ходахъ сообщеній наши еще крѣпко держались. Промежутокъ между редутами былъ еще весь въ нашихъ рукахъ. Поэтому, мнѣ казалось, что однимъ сильнымъ ударомъ мы можемъ выбить японцевъ, и это было сдѣлать не трудно. Для выполненія задуманнаго я поднялъ изъ-подъ горы всѣхъ людей на верхнюю дорогу. Приведенныхъ съ собой соединилъ въ одну команду, роздалъ всѣмъ ручныя бомбы и, сказавши нѣсколько словъ людямъ, однихъ послалъ въ лѣвый редутъ, а другихъ въ правый. Стрѣлки, направляемые молодыми офицерами и увидавшіе, что еще не все потеряно, съ крикомъ „ура“ бросились на редуты. И лѣвый былъ взятъ съ одного маху. Другой, правый, былъ взятъ не сразу; люди передъ нимъ пріостановились, но, опять бросившись на врага по собственной инициативѣ, выбили его изъ редута; этому много содѣйствовали офицеры и заурядъ-прапорщикъ Ермаковъ.

Всю остальную часть ночи мы частями выбивали засѣвшихъ

японцевъ, и къ утру гора была наша. Сильно помогли намъ ручныя бомбы“ [1]).

Я нарочно привелъ цѣликомъ это описаніе, чтобы показать, какъ скромно повѣствуетъ объ этой геройской контръ-атакѣ полковникъ Третьяковъ. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ это было „не трудно“, и все сдѣлали стрѣлки, да молодые офицеры.

А вотъ что гласитъ объ этомъ дѣлѣ офиціальная исторія: „Японцы выбиты изъ всѣхъ окоповъ и вся Высокая въ нашихъ рукахъ, благодаря энергіи и распорядительности полк. Третьякова“ [2]).

„Объ этой контръ-атакѣ заурядъ-прапорщикъ Ермаковъ пишетъ слѣдующее: „между гарнизономъ Высокой существовала „круговая порука“; всѣ дали клятву не отступать съ позиціи. Когда я, вслѣдствіе приказанія полковника Третьякова, съ винтовкой спустился подъ гору и сталъ останавливать отступающихъ людей и уговоры не помогли, я забѣжалъ впередъ и крикнулъ: „А поруку забыли?“ Часть людей остановилась; постепенно стали останавливаться и другіе и въ толпѣ послышались слова: „Порука, порука!“ Не прошло и минуты, какъ вся волна отступающихъ стрѣлковъ повернула обратно съ громкимъ крикомъ: „Порука, порука!“ бросилась въ контръ-атаку и стремительно ворвалась въ редутъ. Подробности этой контръ-атаки не описываю... ихъ было много, и всѣ они жестоки и ужасны“ [3]).

„Съ 4 ч. утра 16 ноября опять начался артиллерійскій огонь; опять потекла рѣка раненыхъ съ вершины къ подошвѣ горы и далѣе.

Напрасно японцы дѣлали штурмы, насъ можно было перебить всѣхъ только однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Но вотъ сила психики человѣческой—къ бомбамъ и страшнымъ потерямъ отъ нихъ уже привыкли, на все это смотрѣли спокойно; но штурмъ всѣхъ заставлялъ ажитироваться. А вотъ онъ и начинается: ручныя бомбы гремятъ на лѣвомъ редутѣ; прибѣжалъ стрѣлокъ, просятъ помощи, офицера и бомбочекъ. Вотъ загремѣли бомбы и на правомъ редутѣ; оттуда также просятъ бомбочекъ. Все требуемое посылаю и прошу полк. Ирмана прислать офицеровъ изъ Штаба (былъ присланъ шт.-кап. Бѣлозеровъ). Дѣло

---

[1]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.

[2]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 578.

[3]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 466.

разыгрывается серьезное, затрещала дробь ружейныхъ выстрѣловъ. Это, значитъ, японцы лѣзутъ на штурмъ. Приказалъ ротѣ у подошвы подняться на дорогу и прошу по телефону прислать еще роту. Отвѣчаютъ, что нѣтъ ни одной. Тогда я по телефону опять снимаю нашу 5-ю роту съ линіи у 4-го форта на Дивизіонной, куда она только что возвратилась, и приказываю ей не медля прибыть къ Высокой. Пальба и гулъ бомбочекъ усиливаются, а бомбардировка прекращается (плохой признакъ).

Дѣйствительно, съ лѣваго редута бѣгутъ. Поднимаю команду моряковъ, посылаю ихъ навстрѣчу бѣгущимъ и кричу во всю мочь: „стой, стой, помощь". Но бѣгущіе не останавливаются. Моряки также заколебались и остановились; поднялась какая-то сумятица; что я кричалъ и что дѣлалъ, теперь смутно припоминаю; кажется я усовѣщевалъ людей, поэтому мой полкъ началъ быстро стекаться ко мнѣ; и когда, увидѣлъ себя во главѣ большой кучи, я двинулъ ее на лѣвый редутъ. Стрѣлки и моряки бѣгомъ дошли до вершины и полѣзли въ редутъ вмѣстѣ съ шт.-кап. Бѣлозеровымъ, который бѣжалъ впереди всѣхъ. Почти то же, повторяю, и съ правымъ редутомъ; но тутъ было спокойнѣе, такъ какъ люди не побѣжали въ паникѣ, а просто посланный мнѣ сказалъ, что редутъ заняли японцы и наши остались только у задняго вала. Посылаю туда команду моряковъ, и она со мной и офицерами быстро двинулась вверхъ по ходу сообщенія въ редутъ; японцы защищались слабо, и черезъ нѣсколько минутъ редутъ былъ нашъ. Работали штыками.

Здѣсь долженъ остановиться на дѣятельности нашихъ саперъ. Ихъ было на Высокой и на всемъ участкѣ моемъ очень мало, но это были люди безъ страха и упрека. Не взирая на смертельную опасность, они работали совершенно спокойно. Много этихъ героевъ выбыло изъ строя: одна бомба попала въ блиндажъ, гдѣ находились саперы, и вывела изъ строя 8 человѣкъ разомъ. Но энергія и смѣлость оставшихся ничуть не уменьшилась. Они всегда искали случая быть полезными и обратить на себя вниманіе товарищей и начальниковъ. Такая удаль и беззавѣтное служеніе родинѣ и Государю благотворно дѣйствовали и на стрѣлковъ" [1]).

Послѣдній отбитый штурмъ вполнѣ убѣдилъ японцевъ въ мысли, что овладѣть Высокой горой штурмомъ немыслимо, и по-

---

[1]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.

этому рѣшено было прежде всего разрушить ея укрѣпленія до основанія.

Съ зарей 17 ноября японская осадная артиллерія сосредоточила по Высокой огонь еще большей силы, чѣмъ въ предыдущіе дни и вскорѣ всѣ ходы сообщенія и закрытія въ редутахъ были вновь завалены и люди снова оказались подъ открытымъ небомъ.

Наступалъ уже четвертый день почти непрерывныхъ боевъ за Высокую гору. Обѣ стороны напрягали всѣ силы, чтобы съ одной стороны, овладѣть горой, а съ другой—во что бы то ни стало удержать ее.

Подъ прикрытіемъ своего огня японцы снова двинулись на Высокую.

Атака слѣдовала за атакой, и такъ было до полудня. Генералъ Кондратенко постепенно присылалъ подкрѣпленія, которыя полк. Третьяковъ успѣвалъ во время направлять въ самыя нужныя мѣста. Съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и съ напряженнымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми перипетіями боя и вмѣстѣ съ комендантомъ горы, кап. Стемпневскимъ 1-мъ примѣромъ личнаго мужества ободрялъ всѣхъ.

Въ 11 час. 35 мин. утра къ штабу 5-го полка прибыла 9-я рота 15-го полка была отправлена на Высокую въ помощь полк. Третьякову. Прибытіе на Высокую новыхъ силъ дало окончательный перевѣсъ въ нашу сторону, и около полудня штурмъ былъ отбитъ. Японцы отошли въ кольцевой окопъ, и, казалось, атака повторится нескоро. Но это предположеніе не оправдалось: обстрѣливаніе нашихъ позицій не прекращалось ни на минуту и противникъ вскорѣ снова въ массахъ показался изъ окопа и сталъ подыматься на вершину горы; однако на этотъ разъ японцы не дошли до редутовъ и были отбиты огнемъ. Во время боя полк. Третьяковъ, который все время лично водилъ роты на штурмующихъ японцевъ, былъ контуженъ и оглушенъ 11-дм. снарядомъ, но остался въ строю. Комендантъ горы, кап. Стемпневскій 1-й былъ той же бомбой тяжело раненъ.

Для большаго ободренія нижнихъ чиновъ ген. Кондратенко просилъ ген. Стесселя прислать къ штабу 5-го полка знаки отличія Военнаго ордена съ правомъ раздавать ихъ болѣе отличившимся. Эта мысль имѣла благотворное дѣйствіе; многіе нижніе чины охотнѣе шли на самыя опасныя предпріятія, масса ра-

неныхъ вернулась въ строй и получивъ знаки отличія, своимъ бодрымъ и радостнымъ видомъ дѣйствовала на товарищей.

И такъ, двѣ атаки на Высокую были отбиты, благодаря энергіи ея защитниковъ и ихъ начальниковъ" [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить этотъ пріемъ раздачи крестовъ во время боя: его примѣнилъ ген. Ермоловъ при атакѣ на батарею Раевскаго въ Бородинскомъ сраженіи.

„Вскорѣ японцы снова открыли огонь, который достигъ особаго напряженія: въ бомбардированіи принялъ участіе и отрядъ японскихъ морскихъ судовъ, вошедшихъ на Голубиную бухту" [1]).

„Около 10 час. вечера японцы произвели новый сильный натискъ, чтобы окончательно овладѣть горой.

Собирая разрозненныя, истомленныя отдѣльныя кучки защитниковъ, полк. Третьяковъ сдерживалъ натискъ противника и въ это же время организовалъ контръ-атаку. Первую охотничью команду во главѣ съ ея начальникомъ поруч. Васильевымъ онъ направилъ на лѣвый редутъ, полуротой 7-й роты поддержалъ правую вершину, а самъ съ ротой моряковъ съ „Ретвизана" бросился на сѣдловинку.

Вдохновленные краткой напутственной рѣчью полк. Третьякова, поруч. Васильевъ и его команда бросились стремительно на редутъ и почти сразу выбили изъ него японцевъ и отбросили ихъ въ нижній окопъ. Но, оправившись здѣсь, японцы вновь бросились на редутъ и атаковали охотничью команду съ трехъ сторонъ. Между тѣмъ, полурота 7-й роты отбила атаку на правый редутъ и также вынудила японцевъ отойти, а самъ полк. Третьяковъ съ ротой „Ретвизана" оттѣснилъ японцевъ съ сѣдловинки. Замѣтивъ, что японцы, сброшенные съ лѣваго редута, вновь атакуютъ этотъ редутъ, полк. Третьяковъ сейчасъ же бросился на ихъ правый флангъ съ моряками и снова отбросилъ непріятеля назадъ въ окопы. Еще и еще, то здѣсь, то тамъ пытались японцы проникнуть вновь на вершины, но ободренные достигнутымъ успѣхомъ стрѣлки и моряки каждый разъ во время сдерживали ихъ. Натиски японцевъ становились все слабѣе, все нерѣшительнѣе. Было видно, что перевѣсъ склоняется на нашу сторону. Наконецъ, около полуночи полк. Третьяковъ донесъ въ штабъ полка: „Положеніе на Высокой горѣ устанавливается" [3]).

---

1) В.-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 582—585.

2) Тамъ же, стр. 585.

3) Тамъ же, стр 587.

Это краткое донесеніе можно совершенно свободно сопоставить со знаменитымъ донесеніемъ ген. Радецкаго: „на Шипкѣ все спокойно“.

„Въ теченіе всей ночи японцы забрасывали Высокую минами, снарядами, бомбочками и пулями, чѣмъ сильно затрудняли исправленіе поврежденій.

Но, несмотря на это, стрѣлки и моряки стояли на своихъ мѣстахъ, исправляли окопы и перебрасывались съ японцами бомбочками.

Саперными работами руководилъ поруч. минной роты Феттеръ, который находился на сѣдловинкѣ, а такъ какъ она сравнительно съ редутами была самымъ слабымъ мѣстомъ и не имѣла никакихъ укрѣпленій, то именно ее онъ и хотѣлъ укрѣпить, хотя неглубокимъ окопомъ изъ земляныхъ мѣшковъ.

Съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ поруч. Феттеръ руководилъ работой, стоя на совершенно открытомъ мѣстѣ и подвергаясь громадной опасности отъ 11-ти дм. снарядовъ и бомбочекъ, которыми японцы осыпали гору, причемъ 11-ти дм. бомбы падали по одной черезъ каждыя 5—6 минутъ“ [1]).

Тѣмъ временемъ на Плоской горѣ происходило слѣдующее:

„17-го Плоская обстрѣливалась японцами также энергично, какъ и наканунѣ, и все, что удалось возстановить за ночь, съ утра вновь было разрушено, изъ присланныхъ на гору разновременно пяти пулеметовъ, уцѣлѣлъ только одинъ съ пулеметчикомъ 7-й роты 27-го полка ефрейторомъ Ершевымъ. Телефоны были разбиты; солдаты изнурены на столько, что падали на землю; за непрестанными боями и работами они не имѣли возможности пообѣдать и напиться чаю; резерва не предвидѣлось, кромѣ одной собственной полуроты. Утромъ японцамъ вновь удалось ворваться въ окопъ и на лѣвомъ флангѣ, на участкѣ 5-й роты 27-го полка.

Ожидая повторенія штурма, подполк. Будянскій, призвавъ къ себѣ пулеметчика Ершева, приказалъ ему стать въ указанномъ мѣстѣ и открыть изъ пулемета огонь, когда японцы двинутся на штурмъ. Когда начало темнѣть, пулеметчикъ Ершевъ съ центра позиціи замѣтилъ передъ горой въ складкѣ мѣстности японскую колонну; люди примыкали штыки, очевидно, готовясь къ штурму... Кругомъ все было тихо. Въ это время Ершевъ открылъ по японцамъ изъ своего пулемета убійственный огонь;

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 588.

японцы бросились бѣжать въ разсыпную, понеся огромныя потери. Это была послѣдняя попытка штурмовать Плоскую, и съ этой минуты они оставили ее въ покоѣ.

За ноябрьскіе бои на Плоской мы потеряли 15 офицеровъ убитыми и ранеными; нижнихъ чиновъ—убито болѣе 200 человѣкъ, ранено 402 человѣка; осталось въ строю раненыхъ и контуженыхъ 632 человѣка" [1]).

„Потерявъ надежду овладѣть Плоской и тѣмъ облегчить овладѣніе Высокой, японцы рѣшили сосредоточить всѣ силы на атакѣ Высокой, такъ какъ справедливо видѣли ключъ позиціи въ ней. День 18 ноября прошелъ сравнительно спокойно: японцы обстрѣливали гору рѣдкимъ огнемъ.

У насъ убыль въ людяхъ была огромная: черезъ перевязочные пункты къ вечеру 18 ноября прошло болѣе 1.600 человѣкъ. Всего убыли до 2.500 человѣкъ.

Но и у японцевъ потери, повидимому, были очень велики, такъ что затишье этого дня объясняется необходимостью привести въ порядокъ штурмовавшія части, дать имъ отдыхъ и пополнить свѣжими.

Въ полдень на Высокую гору былъ назначенъ новый комендантъ, кап. 26-го полка Веселовскій, прибывшій на гору вмѣстѣ со своей 5-й ротой. Затѣмъ туда же было прислано еще нѣсколько свѣжихъ ротъ, взамѣнъ истомленныхъ.

Вечеромъ прибылъ подполковникъ 26-го полка Органовъ для смѣны отправленнаго въ этотъ день въ госпиталь для перевязки полковника Третьякова.

19 ноября на Высокой прошло тихо.

Въ 6 ч. утра 20 ноября завязалась жаркая перестрѣлка, а вскорѣ и артиллерія противника стала сильно засыпать Высокую шрапнелью и бомбами.

Едва началась перестрѣлка, какъ полковникъ Третьяковъ, прибывшій послѣ перевязки и кап. Веселовскій поднялись на вершину горы, чтобы во время замѣтить наступленіе. Уже въ это время начался артиллерійскій огонь, и однимъ изъ первыхъ же снарядовъ былъ убитъ кап. Веселовскій, а осколками его былъ раненъ и контуженъ полк. Третьяковъ. Его безъ памяти отнесли на перевязочный пунктъ. Глубокой печалью поразила эта вѣсть всѣхъ защитниковъ Высокой.

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 476—477.

Въ 7 час. 30 мин. утра японцы начали движеніе, силою въ 2 роты на лѣвый редутъ Высокой, но были отбиты ружейнымъ огнемъ.

Чтобы облегчить непосильный трудъ руководителей обороны начальникъ Западнаго фронта, полк. Ирманъ, назначилъ двѣ смѣны: въ первую подполковника Органова, во вторую подполковника пограничной стражи Бутусова"[1]).

„Въ теченіе дня 21 ноября на Высокой шла бомбардировка 11-дм. снарядами и шрапнелью.

Въ 4 ч. 30 мин. дня въ окрестностяхъ Высокой и Угловой горъ было замѣчено усиленное движеніе японскихъ войскъ, продолжавшееся до вечера, что наводило на мысль о близости новаго штурма.

Въ 7 час. 55 мин. утра 22 ноября непріятель снова началъ ожесточенно обстрѣливать Высокую 11-дм. и 6-дм. снарядами, шрапнелью и фугасными бомбами. Гора была окутана дымомъ и огнемъ.

При первыхъ-же выстрѣлахъ ген. Кондратенко поспѣшилъ въ штабъ 5-го полка и вступилъ въ управленіе обороной горы.

Начальникъ горы подполк. Бутусовъ еще утромъ просилъ о высылкѣ резерва, и къ нему были высланы сначала 6-я и 12-я роты 5-го полка, а нѣсколько позже — 9-я и 10-я роты того-же полка. Но къ этому времени японцы успѣли охватить лѣвый редутъ и стали обстрѣливать ружейнымъ огнемъ часть тылового склона горы и Чайную долину. Это замедлило движеніе резерва и, когда онъ прибылъ, лѣвый редутъ былъ уже въ рукахъ японцевъ.

Тогда подполк. Бутусовъ направилъ 6-ю роту 5-го полка съ подпоруч. Гусковымъ въ контръ-атаку редута. Рота двинулась на редутъ и, забрасывая японцевъ бомбочками, стала понемногу ихъ оттѣснять. Постепенно японцы двигались назадъ, а стрѣлки наступали. Все шло хорошо, но вскорѣ подпоруч. Губковъ былъ раненъ и потерялъ сознаніе. Рота осталась безъ руководителя, дрогнула, остановилась и затѣмъ отошла. Въ 11 час. 30 мин. утра подполк. Бутусовъ былъ убитъ, и старшимъ начальникомъ на горѣ остался шт.-кап. Иващенко.

Около 2 ч. дня атаки на сѣдловину Высокой были отбиты.

Въ числѣ раненыхъ былъ и комендантъ горы шт.-кап.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 590—594.

Иващенко. Послѣ него старшимъ на горѣ остался зауряд-прапорщикъ 5-го полка Абрамовъ, который примѣромъ личной храбрости ободрялъ людей и просилъ ихъ держаться, пока не подойдетъ помощь, но натискъ противника былъ такъ силенъ, что стрѣлки стали понемногу подаваться назадъ.

Послѣ 2 час. дня штурмъ на Высокую вновь начался и артиллерійскій огонь значительно усилился.

Бывшій въ это время у подножья Высокой подполк. Сейфулинъ, узнавъ, что всѣ офицеры на Высокой выбыли, назначилъ комендантомъ горы, командира прибывшей изъ резерва 12-й роты, шт.-кап. Сазонова.

Вступивъ въ должность коменданта и осмотрѣвшись, шт.-кап. Сазоновъ рѣшилъ немедленно предпринять контръ-атаку на лѣвый редутъ. Для этого онъ сформировалъ отрядъ изъ 12-й и 9-й ротъ 5-го полка и лично, вмѣстѣ съ командиромъ 9-й роты поруч. Сиротко, повелъ людей въ атаку. Впереди во главѣ съ унт.-оф. Горѣликовымъ ползли лучшіе бойцы ротъ съ бомбочками. Несмотря на ужасный огонь, люди мужественно подвигались впередъ, забрасывали японцевъ бомбочками и тѣснили ихъ шагъ за шагомъ назадъ.

Ободренныя успѣхомъ, роты уже съ увѣренностью ползли впередъ, какъ вдругъ осколками разорвавшагося снаряда оба командира ихъ были ранены въ головы и лишились сознанія. Оставшись безъ командировъ, люди смѣшались, залегли и дальше не двигались. Но они не уступили и удерживали занятое мѣсто до 3½—4 час. дня“ [1]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе, какое большое вліяніе при этихъ атакахъ, да и вообще въ нашей арміи, имѣютъ офицеры: разъ они во главѣ, люди за ними идутъ куда угодно, и творятъ чудеса; какъ только офицеры выбываютъ изъ строя, сейчасъ-же происходитъ заминка.

„Въ 3 часа 30 мин. дня началась новая атака Высокой. Численное превосходство атакующихъ было слишкомъ велико, и на этотъ разъ они овладѣли всѣмъ лѣвымъ редутомъ и прилегающей къ нему частью сѣдловинки. Наши удержались въ правой половинѣ сѣдловины и въ правомъ редутѣ. Въ такомъ положеніи обѣ стороны оставались около часа, перебрасываясь бомбочками.

---

1) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, ч. II, стр. 594—597.

Послѣднимъ комендантомъ горы былъ инженеръ-механикъ флота Лосевъ. Въ 4 часа 30 мин. дня онъ донесъ въ штабъ 5-го полка, что японцы взяли сѣдловину, обстрѣливаютъ тыловой скатъ горы, распространяются быстро кверху и что ближайшіе изъ нихъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ телефоннаго блиндажа. Вслѣдствіе этого онъ спрашивалъ, не прикажутъ ли ему сойти подъ гору и перенести туда телефонъ, но полк. Ирманъ приказалъ продолжать оборону горы. Это былъ послѣдній разговоръ штаба съ Высокой по телефону.

Въ 5 час. 15 мин. дня, правый редутъ и сѣдловина между правымъ и лѣвымъ редутомъ на Высокой были уже заняты японцами. По всему гребню сѣдловины и праваго редута уже набросанъ былъ японцами окопъ изъ мѣшковъ и земли.

Къ 5 час. 30 мин. дня Высокая гора была во власти японцевъ“ [1]).

„Такимъ образомъ, Высокая и прилегающая къ ней позиціи были очищены послѣ 9 дневнаго упорнаго и кровопролитнаго боя, во время котораго японцы потеряли, по ихъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, 104 офицера и 2.261 нижнихъ чина убитыми и 184 офицера и 5.029 нижнихъ чиновъ ранеными [2]).

Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что въ дѣлѣ обороны Высокой горы принимали большое и непосредственное участіе самъ начальникъ Западнаго фронта, полковникъ Ирманъ; онъ и полковникъ Третьяковъ какъ-бы одухотворяли оборону: вмѣстѣ обсуждали различные вопросы, воодушевляли войска, водили ихъ въ бой.

Вотъ что пишетъ о его дѣйствіяхъ 22 ноября Ножинъ:

„Гарнизонъ Высокой, воодушевляемый полковникомъ Ирманомъ и Сейфулинымъ, удерживалъ гору и таялъ.

Какъ всегда, а въ этотъ день въ особенности, начальникъ Западнаго фронта, полковникъ Ирманъ, поражалъ и восхищалъ всѣхъ, безусловно всѣхъ, кто его только не видѣлъ въ этотъ день и въ эти часы, своей безграничной, выдающейся храбростью. Верхомъ на статномъ конѣ, съ обнаженной шашкой въ рукахъ онъ подбодрялъ и лично, подъ страшнымъ огнемъ, велъ войска на Высокую. Доводилъ ихъ до самой вершины и, благословивъ на смертный бой, спускался внизъ.

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 598.
[2]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 490.

Богъ хранилъ героя-офицера, который своимъ примѣромъ воодушевлялъ войска, шедшія на вѣрную смерть“ [1]).

„При описаніи сентябрьскаго штурма мы уже указывали на важное стратегическое и тактическое значеніе Высокой; поэтому, не останавливаясь здѣсь вновь на разсмотрѣніи этого вопроса, тѣмъ болѣе, что разгромъ нашей эскадры наглядно засвидѣтельствовалъ, что, не создавъ на ней въ первую очередь долговременный фортъ, мы совершили непростительную ошибку, скажемъ только, что паденіе Высокой произвело на гарнизонъ угнетающее впечатлѣніе. Девятидневный бой на Высокой потребовалъ отъ гарнизона столько сверхъестественной энергіи и поглотилъ столько жертвъ, что силы его окончательно были надломлены. Съ паденіемъ Высокой исчезла послѣдняя надежда отстоять Артуръ, и недаромъ генералъ Кондратенко, отчаявшись вернуть Высокую, произнесъ пророческую фразу: „Ну, теперь начинается агонія Портъ-Артура“ [2]).

Событія въ декабрѣ и сдача крѣпости.

„Съ началомъ декабря дѣло обороны П.-Артура пошло, какъ по наклонной плоскости. Какъ лопаются назрѣвшіе нарывы, взрывались японцами мины подъ нашими фортами и укрѣпленіями. Паденіе Артура въ недалекомъ будущемъ сознавалось каждымъ, кто былъ на участкѣ отъ батареи лит. Б до Курганной батареи; но все же каждое утро вглядываемся мы въ туманную даль сѣвера, ищемъ, ждемъ выручку; смотримъ и въ обратную сторону на безконечное море—не окажется ли наша Балтійская эскадра. Но все напрасно: на сѣверѣ нахально, безнаказанно совершаютъ передвиженія японскія войска и обозы, на югѣ не менѣе нахально разгуливаютъ японскія суда“ [3]).

Какой ужасной, безотрадной тоской звучатъ эти строки одного изъ храбрѣйшихъ защитниковъ крѣпости.

Вечеромъ 2-го декабря на форту № II въ бетонномъ казематѣ разрывомъ 11-дм. снарядомъ былъ убитъ генералъ Кондратенко и съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько офицеровъ. Смерть этого выдающагося генерала, богатыря мысли и дѣла, ускорила событія.

---

[1]) Ножинъ, стр. 118.
[2]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 492—493.
[3]) Голицынскій, стр. 81.

Вотъ что пишутъ Шварцъ и Романовскій, доблестные защитники Артура, по поводу этой смерти:

„Погибли выдающіеся дѣятели обороны и ея душа генералъ Кондратенко. Среди гарнизона смерть его произвела удручающее впечатлѣніе. Никто не могъ себѣ представить обороны крѣпости безъ генерала Кондратенко, такъ какъ всѣмъ была извѣстна его изумительная по энергіи дѣятельность днемъ и ночью съ рѣдкими часами отдыха. Всѣ понимали, что энергичная и продолжительная оборона крѣпости всецѣло была обязана этой изумительной энергіи, бьющей черезъ край и, какъ оказалось, безграничной. Поэтому понятно, что смерть его являлась для крѣпости невознаградимой утратой“ [1]).

А вотъ отзывъ полковника Третьякова:

„Съ ген. Кондратенко погибъ почти весь цвѣтъ офицеровъ атакованнаго фронта.

Сильное впечатлѣніе на гарнизонъ произвела смерть ген. Кондратенко. Всѣ пріуныли, тѣмъ болѣе, что не видѣли, кѣмъ можно было бы его замѣнить“ [2]).

Офиціальная исторія гласитъ такъ:

„Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ крѣпости не было человѣка, который не былъ бы пораженъ извѣстіемъ о смерти генерала. Его значеніе въ дѣлѣ обороны крѣпости видно изъ сдѣланнаго въ предыдущихъ главахъ описанія всѣхъ событій, а также изъ того рѣшительнаго перелома къ худшему, который произошелъ непосредственно вслѣдъ за его смертью“ [3]).

Тяжелымъ отзвукомъ донеслась до Руси вѣсть о смерти ген. Кондратенко. Прикованный тяжелымъ недугомъ къ постели, стоя на краю могилы, всѣмъ извѣстный ген. Драгомировъ писалъ:

„И вотъ судьба послала тебя, наконецъ, на *твое мѣсто* и приставила тебя къ *твоему* дѣлу.

И, Боже! какъ стремительно и съ какимъ ослѣпительнымъ блескомъ ты, скромный, вознесся яркой звѣздой надъ моремъ военныхъ головъ своихъ и чужихъ, чиновныхъ и нечиновныхъ

Кто тебя зналъ при началѣ осады, и кто во всемъ мірѣ не узнавалъ тебя больше и больше, по мѣрѣ того, какъ она близилась къ роковому своему исходу.

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 530.
[2]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.
[3]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 651.

И работалъ ты, какъ послѣдній рядовой, и сдѣлалъ въ три мѣсяца то, на что работающимъ съ прохладою мало было бы и шести лѣтъ.

Но, горе! Взлетѣлъ ты быстро, но падучей звѣздой. Все прекрасное—недолговѣчно...

Слава твоя неувядаема, но потеря невознаградима! Плачьте близкіе и присные, плачь вся Россія, зане потеряла ты большого человѣка, какого скоро можетъ и не наживешь!

Раздвиньтесь же, православные, прежде него въ той невѣрной землѣ за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившіе; раздвиньтесь, до него труждающіеся и обремененные; дайте мѣсто новому пришельцу на Ниву Божію: трудился онъ, былъ смиренъ сердцемъ и доблестенъ не меньше васъ, но духомъ и разумомъ былъ больше васъ...

И когда совершатся времена, услышите вы Гласъ Велій: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы; претерпѣли вы до конца и пріидите во спасеніе на лоно Мое".

Вѣчная тебѣ память, Романъ Сидоровичъ, явилъ ты въ себѣ русскаго человѣка во весь ростъ; вѣчная тебѣ за то слава! Пухомъ земля тебѣ!"

Не буду утомлять читателя подробнымъ описаніемъ гибели фортовъ.

5 декабря японцы взорвали фортъ № II, который все-таки оборонялся до вечера и только около 11 ч. вечера остатокъ гарнизона вышелъ изъ форта въ количествѣ 21 человѣка.

„Вторымъ долговременнымъ укрѣпленіемъ, взятымъ японцами на атакованномъ фронтѣ, былъ фортъ № III; онъ погибъ 15 декабря.

Пріемъ, примѣненный для овладѣнія имъ, былъ основанъ также на предварительномъ взрывѣ бруствера форта и на послѣдовавшемъ непосредственно затѣмъ штурмѣ.

Между тѣмъ, постоянныя работы по всему сухопутному фронту и недостатокъ пищевыхъ продуктовъ способствовали изнуренію гарнизона и быстрому развитію цынги и другихъ болѣзней.

Съ 1-го по 14-е декабря въ госпитали поступило больныхъ 71 офицеръ и 1.790 нижн. чиновъ. Общее количество гарнизона все уменьшалось, а такъ какъ близость японцевъ къ укрѣпленіямъ атакованнаго фронта требовала постояннаго пополненія убыли, то на форты и укрѣпленія уже часто посылались люди,

только что выписавшіеся изъ госпиталя, не вполнѣ окрѣпшіе, а слѣдовательно, и не способные къ перенесенію той тяжелой обстановки, которая создалась въ это время“ [1]).

18 декабря погибло и такъ стойко, такъ геройски оборонявшееся укрѣпленіе № 3.

Послѣдній бой произошелъ 19 декабря. Японцы штурмовали Большое Орлиное Гнѣздо.

„Около 4-хъ часовъ дня произошелъ большой взрывъ. Большая бомба попала въ кучу ручныхъ бомбочекъ и взорвала ихъ. Капитанъ Голицынскій былъ раненъ и унесенъ съ горы. Лишенные главнаго средства обороны—бомбочекъ, жалкіе остатки гарнизона съ подпоручикомъ Гринцевичемъ спустились съ горы [2]), которую немедленно заняли японцы и принялись тамъ устраиваться [3]).

20 декабря генералъ Стессель сдалъ крѣпость японцамъ.

Различно отнесся гарнизонъ къ сдачѣ: у однихъ желаніе жить вспыхнуло яркимъ пламенемъ и герои, съ презрѣніемъ нѣсколько мѣсяцевъ смотрѣвшіе въ лицо смерти, стали обыкновенными людьми; на другихъ напало чувство апатіи и они безразлично смотрѣли на событія. Но большинство было искренно опечалено и поражено неожиданно свалившимся несчастіемъ.

„Съ какою мукою и душевной болью“, пишетъ израненный герой Б. Орлинаго Гнѣзда, капитанъ Голицынскій: „со слезами на глазахъ смотрѣли мы утромъ 20-го на уѣзжавшихъ съ бѣлымъ флагомъ парламентеровъ“ [4]).

А вотъ слова такого искренняго и сердечнаго человѣка, какъ полковникъ Третьяковъ:

„Послѣ объявленія о сдачѣ Портъ-Артура много нужно было труда, чтобы сохранить порядокъ въ крѣпости.

Солдаты чувствовали, что произошло небывалое событіе, унизительное для славнаго русскаго войска и русскаго царства.

„Неужто сдаемся, ваше высокоблагородіе“, обращались ко мнѣ наши люди, когда я обходилъ роты. „Да, братцы“, отвѣчалъ я: „начальство приказало сдаваться, но 5-й полкъ въ этой сдачѣ не виноватъ, и вы со спокойной совѣстью можете говорить всѣмъ и каждому, что 5-й полкъ всегда смѣло смотрѣлъ смерти въ

---

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 668—669.

[2]) По показанію подпоручика Гринцевича, послѣ этого взрыва у него осталось 3 человѣка.

[3]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 602.

[4]) Голицынскій, стр. 93.

глаза и безропотно умиралъ за Царя и Родину. Всѣ это знаютъ, и никто не посмѣетъ бросить вамъ въ глаза и тѣни упрека.

Вы какъ были, такъ и есть истинные герои, извѣстные и японцамъ и всей обширной и дорогой нашей родинѣ и всему міру Божьему. Ваша совѣсть должна быть чиста, какъ это свѣтлое небо". Многіе плакали, и я отъ слезъ, перехватывавшихъ мнѣ горло, почти не могъ говорить. Стоявшій возлѣ меня дряхлый старикъ, единственный посторонній свидѣтель нашего волненія, сорвалъ съ головы свою старую шляпченку и, восторженно махая ею въ воздухѣ, закричалъ: „братцы, слава 5-му полку, ура!" Но его никто не поддержалъ.

Мнѣ такъ тяжело вспомнить это страшное время нашего несчастія, что я не могу продолжать дальше моего разсказа" [1]).

А вотъ душу надрывающія слова нашихъ раненыхъ, которыя приводитъ въ своемъ дневникѣ сестра милосердія О. А. фонъ-Баумгартенъ:

„Сестрица", спрашиваютъ они меня, глотая слезы: „отчего сдаютъ Портъ-Артуръ? Не лучше-ли было его взорвать, чѣмъ сдавать? Мы здоровыми не сдавались въ плѣнъ; такъ теперь насъ сдаютъ больными! Сестрица, сестрица, поймите, какъ намъ тяжело; сколько мы здѣсь перестрадали, все надѣялись, на выручку, и вотъ до чего мы дожили! Отчего насъ не убило! Мы бы предпочли, чтобы насъ всѣхъ перерѣзали, задушили, чѣмъ попасть въ руки непріятеля. Вотъ какое намъ вознагражденіе за всѣ наши страданія! Сестрица, сестрица, зачѣмъ сдаютъ Портъ-Артуръ? Мы не хотимъ его сдавать!" [2]).

„Такимъ образомъ, оборона сухопутнаго фронта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся геройская защита Портъ-Артура закончились.

Верховный судъ, разбиравшій дѣло о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ, вынеся свой приговоръ старшему начальнику и осудивъ въ его лицѣ инициативу принятаго рѣшенія и осуществленія сдачи крѣпости, вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ, что крѣпость Портъ-Артуръ, осажденная съ моря и суши превосходными силами противника, выдержала небывалую по упорству въ лѣтописяхъ исторіи оборону и удивила весь міръ доблестью своихъ защитниковъ" [4]).

---

[1]) Третьяковъ. Военный Сборникъ 1909 года.
[2]) О. А. фонъ-Баумгартенъ. Дневникъ сестры милосердія, стр. 301.
[4]) Военно-Историч. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 720.

Санитарная часть.

Я не считаю себя въ правѣ закончить повѣствованіе о грандіозной борьбѣ за П.-Артуръ, если не коснусь дѣятельности врачей, сестеръ милосердія и всего санитарнаго персонала. Правда, ихъ скромныя, незамѣтныя фигуры заслоняются богатырями-защитниками, но, надо признаться, что ихъ работа на пользу страждущему воинству была весьма почтенна. Касаясь ихъ дѣятельности, я въ то же время постараюсь выяснить и санитарныя условія, въ какихъ находился гарнизонъ въ различные періоды обороны.

„Въ санитарномъ отношеніи, Портъ-Артуръ оказался далеко не въ тѣхъ условіяхъ, какія наука должна предъявлять къ осажденной крѣпости.

Вслѣдствіе вѣковой привычки китайскаго населенія, городъ былъ грязенъ до нельзя; протекавшая черезъ старый городъ, мимо центральнаго базара, горная рѣченка Таучинъ служила китайцамъ мѣстомъ, куда они выливали подлежавшія вывозу нечистоты.

Особую тревогу вызывало водоснабженіе города, такъ какъ водокачка находилась внѣ раіона фортовъ и, слѣдовательно, легко могла быть разрушена или перейти въ руки непріятеля. Другимъ источникомъ водоснабженія служилъ водоопрѣснитель, но производительность его равнялась всего лишь 8 тысячамъ ведеръ въ сутки. Затѣмъ, въ городѣ имѣлись колодцы, водой которыхъ, главнымъ образомъ, и пользовалось населеніе, но вода въ колодцахъ была крайне неудовлетворительнаго качества. Такимъ образомъ, съ санитарной точки зрѣнія, Портъ-Артуръ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ продолжительной тѣсной осадѣ“ [1]).

„Оказавшіеся въ Портъ-Артурѣ запасы нельзя не признать абсолютно большими, но, для свыше 40.000 защитниковъ, они все же оказались недостаточными.

Ко дню перерыва сообщенія въ складахъ имѣлось: муки—127.287 пуд.; пшеницы въ зернѣ—555.850 пуд.; крупы—80.319 пуд. (по другимъ свѣдѣніямъ 60.644 пуд.), сухарей—64.529 пуд.; чаю—5.366 пуд.; сахару—10.139 пуд.; консервовъ—867.322 пор-

---

[1]) В. Б. Гюббенетъ Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ, стр. 5—7.

ціи (вмѣстѣ съ доставленными во время войны) и овощей сушеныхъ 8.947½ пудовъ. Указанное количество консервовъ обезпечивало гарнизонъ всего лишь на три недѣли, а потому на образованіе запасовъ мяса было обращено особое вниманіе.

Къ 14 мая комиссіей было куплено и доставлено въ крѣпость всего 526 головъ крупнаго скота (вѣсомъ отъ 7—12 пудовъ), 400 барановъ и 192 свиньи.

Къ сожалѣнію, быстро наступившія событія не позволили расширить реквизицію скота въ надлежащихъ размѣрахъ: съ окончаніемъ реквизиціи, количество быковъ было доведено до 1.101 и барановъ до 746 головъ.

Еще менѣе гарнизонъ оказался обезпеченъ вещевымъ довольствіемъ. Готовой обуви и теплой одежды для войскъ въ интендантскихъ складахъ вовсе не оказалось, а для снабженія формируемыхъ военно-врачебныхъ заведеній при вещевомъ складѣ имѣлось имущества лишь на 3 запасныхъ госпиталя“ [1]).

Медицинское снабженіе вполнѣ соотвѣтствовало составу гарнизона, но, какъ мы увидимъ ниже, вслѣдствіе громаднаго количества раненыхъ, его не хватило.

Несмотря на всѣ эти затрудненія, медицинскій персоналъ бодро принялся за работу и за время осады постепенно были открыты и функціонировали слѣдующія врачебныя заведенія: 2 подвижныхъ полевыхъ госпиталя, 8 запасныхъ полевыхъ госпиталей, морской госпиталь, двѣ больницы Краснаго Креста, плавучій лазаретъ Монголія и маленькая желѣзнодорожная больница: „Въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ дѣятельности были госпитали, сформированные еще въ мирное время: они имѣли свой постоянный личный составъ и оборудованныя и приспособленныя для нихъ зданія“ [2]).

Перевязочные пункты въ первыхъ бояхъ за мѣстность впереди крѣпости устраивались на скорую руку, въ мѣстахъ не вполнѣ удобныхъ. Но со времени тѣснаго обложенія крѣпости была назначена комиссія, которая, объѣхавъ фронтъ крѣпости, установила надлежащимъ образомъ эти пункты.

„Въ самое тяжелое время осады, между фортомъ III-мъ и укрѣпленіемъ 3-мъ, функціонировалъ до послѣдняго дня осажденной крѣпости маленькій перевязочный пунктъ, въ самомъ

---

1) В. Б. Гюббенетъ. Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ стр. 9—11.

2) Тамъ же, стр. 60.

опасномъ мѣстѣ атакованнаго фронта, въ которомъ работалъ 25-го полка докторъ Заменгофъ.

Кто изъ защитниковъ сѣверо-восточнаго фронта не знаетъ этого маленькаго человѣка, съ окладистой бородкой, въ большихъ очкахъ, посѣщавшаго ежедневно фортъ III-й, укрѣпленіе 3-е и Курганную батарею“ [1]).

„Какъ показали событія, этотъ пунктъ былъ расположенъ очень удачно и принесъ большую пользу многочисленнымъ раненымъ, прошедшимъ черезъ него“ [2]).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о работѣ санитарнаго персонала.

„Полковые врачи съ октября были перегружены работой, такъ какъ раненые выписывались изъ госпиталей, лишь только могли продолжать пользоваться амбулаторнымъ леченіемъ. При полкахъ иногда числилось одновременно отъ 300 до 400 больныхъ и раненыхъ.

Во время тѣсной осады крѣпости у каждаго ординатора находилось на пользованіи до 120 раненыхъ; что же касается госпиталей № 5 подвижного и № 11 полевого, гдѣ были сосредоточены больные, то здѣсь на каждаго ординатора приходилось болѣе ста пятидесяти человѣкъ.

Само собой разумѣется, что прежде всего жестокіе бои предъявили усиленное требованіе на хирурговъ. Между тѣмъ число ихъ было относительно не велико; всего полевыхъ хирурговъ въ П.-Артурѣ оказалось пять“ [3]).

Но, несмотря ни на какія затрудненія, врачи работали самоотверженно. Желаніе предоставить всего себя на пользу гарнизона дошло до того, что „въ концѣ декабря (17) одинъ изъ врачей, младшій врачъ 16-го полка Пруссъ, подалъ начальнику боевого участка (у Курганной батареи) рапортъ, съ просьбою назначить его командующимъ ротою за неимѣніемъ офицеровъ. Судьба рапорта, къ сожалѣнію, неизвѣстна“ [4]).

Къ счастью, судьба была милостива къ врачамъ: только два врача умерло да двое были ранены.

О студентахъ-медикахъ выпускного курса Военно-медицин-

---

[1]) Ножинъ, стр. 390.
[2]) Гюббенетъ, стр. 76.
[3]) Тамъ же, стр. 58—59.
[4]) Тамъ же, стр. 59.

ской Академіи и Московскаго университета докторъ Гюббенетъ говоритъ:

„Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ помянуть добромъ молодыхъ товарищей, которые, окончивъ полный курсъ наукъ, движимые патріотическимъ чувствомъ, отправились на войну. Ихъ отличная подготовка и самоотверженное отношеніе къ исполненію долга дѣлаютъ честь старѣйшей медицинской школѣ, которая привила имъ высокіе нравственные идеалы. Архангельскій, Агапьевъ и Штуцеръ вполнѣ самостоятельно и успѣшно примѣнили свои знанія на практикѣ, исполняя ординаторскія обязанности въ теченіе всей осады“ [1]).

„О фельдшерахъ долженъ сказать, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ работа ихъ заслуживала полной похвалы, а самоотверженная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ даетъ право сказать, что и среди фельдшеровъ были герои.

Изъ общаго числа фельдшеровъ ранено было 38, а убито 8.

Говорить много о работѣ сестеръ милосердія едва-ли нужно— она достаточно оцѣнена и въ сочиненіяхъ, посвященныхъ войнѣ, и въ разсказахъ тысячъ лицъ, которыхъ раны или болѣзни привели на больничную койку. Работой этихъ самоотверженныхъ тружениць и въ П.-Артурѣ несомнѣнно могутъ гордиться Общины, ихъ воспитавшія. Въ теченіе 8-ми мѣсячной осады, онѣ во всю ширь проявили превосходное знаніе своего дѣла, любовь и усердіе къ работѣ, стойкость характера, пренебреженіе къ опасности и самую строгую дисциплину. Не легко имъ было совершать свой подвигъ, многія изъ нихъ надорвали свое здоровье, а сестрѣ Евгеньевской Общины Варварѣ Николаевнѣ Максимовичъ, даже суждено было пострадать отъ непріятельской пули. Кромѣ нея, двѣ сестры, Подгайская и Веневитинова, были контужены“ [2]).

Наряду съ сестрами Краснаго Креста, за ранеными ухаживали и доброволицы, изъ мѣстныхъ обывательницъ. Среди доброволицъ выдѣлялась группа лицъ, обслуживавшихъ Дальнинскую больницу Краснаго Креста. Эти лица работали въ больницѣ, когда она еще находилась въ г. Дальнемъ, а потому онѣ еще до осады успѣли примѣниться къ требованіямъ, предъявляемымъ къ сестрамъ, воспитаннымъ въ Общинахъ. Затѣмъ, немало беззавѣтныхъ тружениць дали тѣ 110 доброволицъ, которыя, желая

---

[1]) Гюббенетъ, стр. 61.

[2]) Тамъ же, стр. 62, 64—65.

помогать раненымъ, прошли подготовительные курсы, организованные врачами въ маѣ мѣсяцѣ“ [1]).

„Описывая дѣятельность нашего персонала“, говоритъ въ своемъ дневникѣ сестра милосердія фонъ-Баумгартенъ: „считаю своимъ долгомъ посвятить хоть нѣсколько строкъ дѣятельности и самоотверженію добровольныхъ сестеръ. Сестра Соболева, какъ днемъ, такъ и ночью, работала въ операціонной и перевязочной. Въ отдѣленіи огромную пользу принесла сестра Соколова, а также сестра Новожилова; благодаря тому, что обѣ онѣ живутъ въ госпитальномъ зданіи, съ той минуты, какъ только стали подвозить раненыхъ, онѣ безъ отдыха находились при больныхъ.

Сестра Курилова на второй день штурма также прибѣжала; вѣчно бодрая и вѣчно веселая, порхала по отдѣленію, угощала раненыхъ собственнымъ виномъ и своимъ неутомимымъ щебетаніемъ вызывала улыбку даже у самыхъ слабыхъ. Слышишь въ палатѣ хохотъ, такъ и знаешь—сестра Курилова тамъ въ палатѣ.

Остальныя сестры, поочередно, являлись въ отдѣленіе и старались помочь, гдѣ только могли“ [2]).

„Артурскія сестры, безотносительно, общинныя или добровольныя, были дѣйствительно сестрами милосердія, сестрами самоотверженія.

Сколько тысячъ раненыхъ и больныхъ—тяжело, ужасно, невыносимо страдавшихъ, нашли облегченіе на рукахъ этихъ незамѣтныхъ, но великихъ подвижницъ.

Величіе души русской женщины въ Артурѣ развернулось во всю необъятную ширь своей обаятельной красоты.

Если въ мирное время каждая женщина, входящая въ госпиталь и работающая тамъ въ качествѣ сестры милосердія,—однимъ своимъ присутствіемъ вноситъ колоритность въ однообразную, гнетущую больничную обстановку, то кѣмъ же она была для раненыхъ въ домѣ ихъ страданій во время осады.

Сестры скрашивали существованіе мучениковъ долга, усыпали имъ незримыми цвѣтами торную тропу къ выздоровленію и широко развернувшійся путь изъ Артура въ невѣдомый міръ.

Да, сестры напоминали друзей, близкихъ: мать, сестру, невѣстку... Сестры сѣяли надежду, дарили бодрость, вливали энергію“ [3]).

---

[1]) Гюббенетъ, стр. 65.

[2]) Фонъ-Баумгартенъ, стр. 142.

[3]) Ножинъ, стр. 385—387.

Пусть-же тѣ господа, которые въ какой-то непонятной злобѣ на все свое, родное, распространяли столько клеветы и выливали столько грязи на сестеръ милосердія, устыдятся своей лжи и преклонятся передъ самоотверженіемъ русской женщины.

„Посильную дань святому дѣлу облегченія страждущихъ принесли и жены солдатъ, которые, то появлялись у больничныхъ коекъ, какъ сидѣлки, то стирали и чинили бѣлье, или исполняли другую работу въ госпиталяхъ“ [1]).

Теперь перейдемъ къ вопросу о раненыхъ. Начиная съ Цзиньчжоускаго боя и до начала тѣсной осады, т. е. за май, іюнь и іюль мѣсяцы, гарнизонъ потерялъ убитыми: 36 оф. и 1.414 н. чин.; ранено: 101 оф. и 4.720 ниж. чиновъ; безъ вѣсти пропало: 5 оф. и 235 н. чиновъ; всего убыло: 142 оф. и 6.369 н. чин., т. е. 61% оф. и 34% нижнихъ чиновъ, это всего за 13 боевыхъ дней.

За 5 мѣсяцевъ тѣсной осады бои длились 43 дня, а бомбардировки фортовъ и города повторялись 129 дней; изъ нихъ 53 дня тотъ или другой участокъ крѣпостного раіона обстрѣливался 11 дм. бомбами. За это время гарнизонъ потерялъ: убитыми 113 оф. и 3.980 н. чиновъ; ранеными 414 оф. и 19.425 н. чиновъ; безъ вѣсти пропало 11 оф. и 852 н. чин.; всего убыло 538 оф. и 24.257 н. ч., т. е. 70% оф. и 64% н. чиновъ.

Общая убыль за все время военныхъ дѣйствій 680 оф. и 30.626 н. чиновъ, т. е. 75,5% оф. и 78,8% н. чиновъ.

Такимъ образомъ, Квантунскія войска за первые три мѣсяца обороны теряли на передовыхъ позиціяхъ въ среднемъ около 70 чел. въ день и за время тѣсной осады (за 140 дней) потери возросли въ $2^1/_2$ раза, давая въ среднемъ убыль въ 173 человѣка; за время же самыхъ боевъ въ дни осады (43 дня боя) гарнизонъ терялъ ежедневно въ среднемъ по 451 чел.; наибольшія потери гарнизонъ несъ при штурмахъ.

Больше всѣхъ потерялъ славный 5-й В.-С. стрѣлковый полкъ: кромѣ осады, на своихъ плечахъ, какъ извѣстно, онъ выдержалъ Цзиньчжоускій бой; въ этомъ полку офицеры ранены всѣ по нѣсколько разъ, въ томъ числѣ и командиръ полка, доблестный полковникъ Третьковъ; всего болѣе 100%; стрѣлковъ 92,1% (2.802 н. ч.); не даромъ 5-й полкъ получилъ прозвище „многострадальнаго“. Затѣмъ слѣдуетъ 4-я В.-С. стрѣлковая дивизія—90%, 7-я В.-С. стрѣлковая дивизія—66,1%, Квантунская крѣпост-

---

[1]) Гюббенетъ, стр. 66.

ная артиллерія—53,7°/₀, полевая артиллерія—23,7°/₀. По сравненіи съ Маньчжурской полевой арміей цифры эти прямо колоссальны: въ ней самый большой процентъ потерь дала 6-я В.-С. стрѣлковая дивизія—36,7°/₀.

Въ то время, какъ въ полевой арміи процентъ потерь отъ артиллерійскихъ снарядовъ незначителенъ (2°/₀—5°/₀), здѣсь эти раненія, относящіяся, большею частью, къ тяжелымъ, даетъ преобладающій процентъ (41°/₀—53°/₀), при чемъ, по мѣрѣ того, какъ осада затягивалась, процентъ тяжелыхъ ранъ все повышался и повышался.

Несмотря на такія ужасныя потери и тяжелыя раны, нашъ русскій солдатъ, какъ и всегда, безропотно переносилъ страданія, съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, все время памятуя о врагѣ и о своемъ долгѣ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Вотъ что пишетъ фонъ-Баумгартенъ:

„Славные наши раненые солдатики! Какіе они терпѣливые и благодарные. Напримѣръ, Тотминъ, стрѣлокъ 14-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, лишившійся глаза и руки. Несмотря на слабость и невыносимыя страданія, онъ все хочетъ дѣлать самъ, подобно ребенку. Подойдешь его покормить: „никакъ нѣтъ, сестричка“, говоритъ онъ: „спасибо; я самъ“. Подойдешь приподнять его и опять-таки получишь одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Я самъ“. А спросишь его: „Тотминъ, какъ поживаешь?“—„Хорошо, сестричка, спасибо“.

„Въ жизнь не забуду эти безпомощные страдальческіе взгляды, это умѣнье геройски отдать свою жизнь за свое отечество.

„Сестричка, подойди сюда; сестричка, я чувствую, что умираю. А все же удалось отплатить японцу за свою жизнь!“ Съ подобными словами умиралъ не одинъ артурецъ!

Второй раненъ въ голову; пуля застряла въ мозгу. Онъ потерялъ сознаніе, все пытался убѣжать и не перестаетъ кричать:

„На ура, ребята, бросьтесь на ура, скорѣе, ребята!“ Трое изъ нашихъ ходячихъ больныхъ съ трудомъ его сдерживаютъ.

Третій раненъ въ область сердца; сквозное пулевое раненіе; минуты его сочтены, но онъ въ полномъ сознаніи и не перестаетъ утѣшать своихъ товарищей. Подхожу къ нему, спрашиваю его, не нуждается ли онъ въ чемъ-нибудь. „Нѣтъ, сестричка, спасибо; ничего больше теперь мнѣ не нужно; дѣло свое сдѣлалъ; уло-

жилъ, ей-Богу, уложилъ, человѣкъ пять японцевъ; теперь не обидно и умереть".

Намъ разсказывали, что въ больницѣ Краснаго Креста произошелъ курьезный случай.

Одному больному извлекли безъ хлороформа часть челюсти. Въ продолженіи всей операціи больной не кричалъ. Врачъ у него спрашиваетъ: „Неужели тебѣ не было больно?"

„Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, только прошу Васъ, не вставляйте мнѣ обратно вынутую челюсть" [1]).

„По дорогѣ въ Красный Крестъ встрѣтилъ раненаго солдата, отъ котораго узналъ, что капониръ № 3 пришлось оставить; не было мочи держаться; артиллерійскимъ огнемъ разрушены всѣ прикрытія; отступили за валъ.

Солдатъ этотъ раненъ въ спину шрапнельной пулей, которая засѣла въ позвоночникѣ. Говоритъ: „хотѣлъ было остаться въ строю, но докторъ прогналъ въ госпиталь".

„Досадно"—говоритъ онъ:—„когда въ прошлый разъ меня ранило, я по крайней мѣрѣ зналъ, за что; тогда уложилъ я человѣкъ 15 японцевъ. А на этотъ разъ такъ, ни за что... Но, ничего: поправлюсь и отомщу же имъ" [2]).

„Въ палатахъ съ черепными раненіями лежитъ тяжело раненый Лушниковъ, рядовой 28-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка; раненъ въ голову шрапнелью; его принесли 8-го сентября на носилкахъ; въ рукахъ онъ держалъ полковую икону. Поневолѣ обратила вниманіе на его сіяющую физіономію; какъ-то странно показалось: повязка вся пропитана кровью; видъ истощенный, лицо блѣдное, а самъ не перестаетъ радостно смѣяться.

„Чему вы такъ радуетесь?"—спрашиваю его,—„неужели у васъ не болитъ голова?"

„Голова-то, сестричка, что! Пускай пропадаетъ; а вотъ, слава Богу", икону спасъ, не отдалъ ее на смѣхъ нехристу!" [3]).

Это ли не воинскія добродѣтели, которыя преподалъ русской арміи безсмертный Суворовъ въ своемъ знаменитомъ катехизисѣ? Кромѣ потерь отъ раненій, гарнизонъ терялъ людей и отъ болѣзней.

„Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, врачамъ уда-

---

[1]) Фонъ-Баумгартенъ, стр. 99, 115—116, 135.

[2]) Ларенко, стр. 405.

[3]) Фонъ-Баумгартенъ, стр. 183.

лось поддерживать въ войскахъ удовлетворительное санитарное состояніе въ теченіе всей первой половины осады; когда же наступили тяжелые октябрьскіе дни, никакія мѣры не могли быть дѣйствительны.

Но, несмотря на эти мѣры, и въ лѣтніе мѣсяцы заболѣваемость среди гарнизона, хотя медленно, но повышалась. Такъ въ іюлѣ общая заболѣваемость была 2.829 чел.—8,3% списочнаго состава гарнизона; въ августѣ заболѣло 2.846 чел. (9,6%), а въ сентябрѣ 3.369 чел. (11,6%).

Одною изъ главныхъ причинъ заболѣваемости была скученность войскъ.

Мѣстомъ отдыха служили блиндажи, т. е. помѣщенія вырытыя въ землѣ, низкія, сырыя, холодныя; въ нихъ было тѣсно, душно; въ лучшемъ случаѣ все ихъ убранство состояло изъ наръ, на которыя, близко одинъ къ другому, ложились защитники крѣпости. Тутъ же сушилось мокрое бѣлье и платье, хранились снаряды и съѣстные припасы, стояли бочки съ водой, сюда-же приносили раненыхъ, здѣсь дѣлали имъ перевязки, здѣсь многіе изъ нихъ отошли въ вѣчность. Тяжелъ былъ отдыхъ въ этихъ подземельяхъ. Но пребываніе въ нихъ требовалось военными обстоятельствами, несмотря на крайнюю антисанитарную обстановку, ухудшавшуюся изо дня въ день. Въ августѣ неубранные, послѣ штурмовъ, трупы, благодаря жаркой погодѣ, стали разлагаться и заражать воздухъ зловоніемъ.

Насколько велико было зловоніе и насколько мы были безсильны отъ него избавиться, можно судить по тому, что 20 августа по укрѣпленному раіону былъ отданъ приказъ (№ 563), которымъ предлагалось часовымъ затыкать ноздри паклей, смоченной въ разбавленномъ скипидарѣ [1]).

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ зарегистровано больныхъ 4233, изъ нихъ 2.432 были отправлены въ госпиталя. Среди нихъ преобладали больные инфекціонными болѣзнями; послѣднія распространялись не только среди войскъ, находившихся на позиціяхъ, но и среди раненыхъ, бывшихъ въ госпиталяхъ“ [2]).

Въ октябрѣ и даже въ концѣ сентября мѣсяца среди гарнизона появилась цынга, этотъ страшный бичъ осажденныхъ крѣпостей. Болѣзнь эта развивалась съ поразительной быстротой

[1]) Гюббенетъ, стр. 29—30, 58, 145, 147 и 149.
[2]) Тамъ же, стр. 118.

Развитію ея содѣйствовали, какъ скученность размѣщенія людей, такъ и недостаточность питанія.

„Несмотря на значительныя ограниченія въ выдачѣ свѣжаго мяса, въ серединѣ іюля уже почти весь рогатый скотъ былъ съѣденъ; оставалось еще нѣсколько десятковъ головъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

Наконецъ, 19 іюля послѣдовалъ приказъ (пр. по кв. у. р. за № 444), разрѣшающій приступить къ довольствію кониной. Этотъ приказъ не могъ не произвести самаго удручающаго впечатлѣнія на гарнизонъ. Отпускъ конины былъ установленъ въ 1/2 фунта на человѣка, 4 раза въ недѣлю. Но и конину нужно было расходовать экономно, такъ какъ лошади были нужны для подвоза на позицію воды, пищи снарядовъ и т. п.

Кромѣ того, перевязочный матеріалъ во многихъ госпиталяхъ, приходилъ къ концу; послѣдній отпускъ изъ полевой аптеки былъ почти весь истраченъ, да и въ полевой аптекѣ къ 1 сентября не оставалось запасовъ; а потому въ сентябрѣ пришлось крайне экономно тратить имѣвшіеся остатки. Асептическая марля примѣнялась только для тампоновъ, они прикрывались тонкимъ слоемъ гигроскопической ваты, поверхъ ея накладывалась юта (пенька) и щипанный канатъ. Вмѣсто марлевыхъ бинтовъ примѣнялись бинты, приготовленные изъ разныхъ матерій, скупленныхъ въ гордѣ: газа, ситца, коленкора разныхъ цвѣтовъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что процентъ смертности отъ инфекціонныхъ заболѣваній былъ громадный: такъ въ № 5 п. подв. госпиталѣ изъ 235 дезинтериковъ, прибывшихъ за сентябрь, умерло 32, т. е. 13,6%, изъ 80 бришно-тифозныхъ умерло 18, т. е. 22,5%, изъ 36 цынготныхъ умерло 5, т. е. 14%.

Цынга дала огромный процентъ смертности, до 41,7%.

Въ октябрѣ цифра заболѣвшихъ дошла до 4.233 (15,6%), а въ ноябрѣ до 5.435 (21,7%, изъ нихъ въ госпитали были приняты только страдавшіе заразными болѣзнями—1.611; остальные болѣли при своихъ частяхъ.

Къ 15 декабря картина размѣщенія раненыхъ и больныхъ въ крѣпости представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ 14 госпиталяхъ было размѣщено 7.728 больныхъ и раненыхъ, въ лазаретахъ и околоткахъ—2.884, въ слабосильныхъ командахъ 2.264, да амбулаторно для перевязокъ посѣтили пріемные покои полковъ 2.900 ч.

Въ періодъ капитуляціи П.-Артуръ представлялъ изъ себя

одинъ сплошной госпиталь: въ 39 зданіяхъ, болѣе или менѣе поврежденныхъ бомбардировками было собрано 13.776 больныхъ и раненыхъ. Нижніе чины, числившіеся по вѣдомостямъ на позиціи, въ дѣйствительности были почти всѣ больны цынгою: ихъ мѣсто было въ госпиталяхъ, но послѣдніе были переполнены и уже не могли принимать заболѣвавшихъ" [1]).

„Наличность гарнизона къ этому дню исчисляется въ 32.400 человѣкъ, изъ коихъ 6.458 больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Сколько изъ остальныхъ 25.942 человѣкъ находилось на позиціяхъ и сколько изъ нихъ было еще способно носить оружіе—точно не извѣстно. По свѣдѣніямъ хирурга 3-го армейскаго Сибирскаго корпуса дѣйств. ст. сов. Гюббенетъ, собраннымъ имъ на мѣстѣ къ концу осады, число больныхъ и раненыхъ, находившихся 20 декабря въ госпиталяхъ, лазаретахъ и слабосильныхъ командахъ, простиралось до 13.856 человѣкъ; кромѣ того, при частяхъ войскъ состояло больныхъ въ тотъ же день 5.809 человѣкъ. Слѣдовательно, всего больныхъ и раненыхъ къ 20 декабря въ гарнизонѣ крѣпости состояло 19.665 человѣкъ. Отнимая эту цифру отъ общей наличности гарнизона (32.400), получимъ, такимъ образомъ, что ко дню сдачи крѣпости боеспособныхъ было всего лишь 12.735 человѣкъ, кромѣ моряковъ, коихъ насчитывалось къ 13 декабря 2.193 человѣка" [2]).

„Если же исходить изъ другого расчета, основываясь на данныхъ „Перечня частей войскъ къ 13 декабря 1904 года", то число защитниковъ на позиціяхъ и въ резервѣ къ 13 декабря было равно 12.573 человѣкамъ. Принимая же во вниманіе, что убыль съ 13 по 20 декабря при штурмахъ форта № III, укрѣпленія № 3 и въ другихъ мѣстахъ была 1.036 человѣкъ, слѣдуетъ признать, что къ 20 декабря на позиціяхъ оставалось не болѣе 11.500 человѣкъ.

Далѣе, по изслѣдованію доктора Кефели, завѣдывавшаго однимъ изъ перевязочныхъ пунктовъ атакованнаго фронта, большинство людей находившихся на позиціяхъ 1-го участка, были больны цынгою, при чемъ къ 28 ноября общее количество цынготныхъ доходило до 21% наличнаго состава, а къ 12 декабря оно увеличилось до 40½%. Такъ какъ на другихъ участкахъ люди находились въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ, то несо-

---

[1]) Гюббенетъ, стр. 114—116, 121, 140, 145, 151.
[2]) Военно-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 717.

мнѣнно, что при такомъ прогрессированіи болѣзни къ 20 декабря уже болѣе половины защитниковъ было поражено этой болѣзнью“ [1]).

„Исходя изъ всего этого, будетъ весьма близкимъ отъ истины, если мы скажемъ, что „въ декабрѣ не болѣе 8—10% всего гарнизона можно было еще считать здоровыми“ [2]).

Въ заключеніе этой главы мы постараемся привести нѣкоторыя данныя о нравственномъ состояніи гарнизона, памятуя, что всѣ великіе полководцы міра придавали нравственному элементу на войнѣ особое, первенствующее, значеніе.

Первый ударъ нравственнымъ силамъ гарнизона былъ нанесенъ извѣстіемъ о нашей неудачѣ въ бою при Цзиньчжоу.

„Сознаніе, что мы отрѣзаны, повліяло на гарнизонъ угнетающе; невольно у каждаго появился рой мыслей и сомнѣній, не безпокоившихъ его прежде. Неподготовленность крѣпостныхъ верковъ, недостатокъ боевыхъ припасовъ, возможность наступленія голода и появленія эпидемій—все это приковывало къ себѣ вниманіе артурцевъ, подавляло ихъ духъ, разстраивало ихъ нервы.

Показателемъ угнетеннаго душевнаго состоянія гарнизона за май можетъ служить то обстоятельство, что за короткій промежутокъ времени 5 офицеровъ покончили жизнь самоубійствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ припадкѣ душевнаго разстройства кричали, что японцы берутъ ихъ въ плѣнъ.

Нижнихъ чиновъ за май и іюнь застрѣлилось 9“ [3]).

„Августовскіе штурмы, длившіеся непрерывно 6 дней, показали предѣлъ человѣческимъ силамъ: штурмы были прекращены вслѣдствіе полнаго истощенія моральныхъ силъ наступающихъ войскъ.

Мы за эти штурмы понесли большія потери.

Однако, какъ ни велики были эти потери, онѣ не повліяли угнетающе на гарнизонъ. Напротивъ, блестящіе, отбитые августовскіе штурмы оказали большую услугу дѣлу обороны крѣпости. Они подняли духъ войскъ до отличнаго состоянія: нижніе чины, воочію убѣдившись въ огромныхъ потеряхъ непріятеля, увѣровали въ неприступность крѣпостныхъ верковъ и въ возможность держаться въ крѣпости до прибытія обѣщанной выручки“ [4]).

[1]) Военно-Истор. Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 717.
[2]) Гюббенетъ, стр. 158.
[3]) Тамъ же, стр. 17.
[4]) Тамъ же, стр. 27—28.

Чѣмъ больше затягивалась оборона, тѣмъ больше падали нравственныя силы защитниковъ.

„Рядомъ съ истощеніемъ физическихъ силъ гарнизона“, говоритъ Гюббенетъ: „истощалась и нервная система; многіе, находясь продолжительное время въ крайне возбужденномъ нервномъ состояніи, которое вполнѣ соотвѣтствовало суммѣ получаемыхъ извнѣ впечатлѣній и переживаемыхъ внутреннихъ волненій (обманутыхъ надеждъ и пр.), дошли до того, что стали галлюцинировать“ [1]).

„Вчера, говорятъ, прибыла пустая шаланда. Воображеніе у артурцевъ настолько развито, что на дняхъ, какъ разсказываютъ, на двухъ передовыхъ батареяхъ сосчитали на одной сто, а на другой сто одинъ отдѣльныхъ выстрѣла, приписывая ихъ Куропаткинской артиллеріи“ [2]).

„Чрезмѣрныя страданія порождаютъ флегматизмъ и только тогда сознаешь, что наилучшая философія—молчаніе. У насъ теперь полная атрофія чувствительности, то-есть состраданія. Безразлично, вѣдь, не сегодня, такъ завтра, все равно умремъ...

Встаешь утромъ и какъ-то невѣришь, что еще живешь... Наше теперешнее существованіе походитъ на существованіе приговоренныхъ къ смертной казни. Смерть сама по себѣ насъ не страшитъ, но ждать ее тяжело... Скорѣе бы ужъ пришелъ конецъ, скорѣе бы насъ убили!“ [3]).

„Паденіе „Высокой“—предпослѣдній актъ великой трагедіи, разыгравшейся на Квантунѣ—произвело удручающее впечатлѣніе на весь гарнизонъ.

Эта бойня прекратилась только потому, что люди съ нашей стороны устали убивать: истощивъ свои уже подорванные силы, они впали въ полную прострацію и „Мертвый холмъ“ остался въ рукахъ японцевъ!“ [4]).

„Съ трудомъ проходя между ранеными, лежавшими въ коридорахъ“, пишетъ Гюббенетъ: „я невольно обратилъ вниманіе на необычную тишину и спокойствіе, въ какомъ они пребывали въ ожиданіи очереди перевязки; приподнимая шинели одного, другого, третьяго, чтобы выбрать болѣе нуждающагося въ скорой

---

[1]) Гюббенетъ, стр. 159.
[2]) Фонъ-Баумгартенъ, стр. 279.
[3]) Тамъ же, стр. 265 и 295.
[4]) Гюббенетъ, стр. 43—44.

помощи, я убѣдился, что всѣ раненые, даже только что принесенные, впали въ глубокій сонъ. Утомленные и ослабленные организмы были въ полной простраціи.

Высокій воинскій духъ защитниковъ палъ, нравственная подавленность усугублялась физическимъ изнеможеніемъ — слѣдствіе 10-ти дневной борьбы не на животъ, а на смерть“ [1]).

„Все то, что переживалъ и чувствовалъ въ это время гарнизонъ, выражено въ нѣсколькихъ строкахъ дневника подполк. Рашевскаго отъ 26 ноября:

„Неопредѣленность нашего нынѣшняго положенія и отсутствіе какихъ-либо точныхъ свѣдѣній создаетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ нелѣпыхъ, но заманчивыхъ слуховъ, въ родѣ того, что со стороны Киньчжоу у Самсона слышали пушечные выстрѣлы. Всѣ хватаются съ жадностью за всякій слухъ, всѣ изнервничались, устали, извелись безконечной осадой и томительнымъ безнадежнымъ ожиданіемъ выручки“ [2]).

„Полуразрушенная крѣпость уже не могла опираться на матеріальную силу; она гордо держалась лишь величіемъ русскаго воинскаго духа, воплощеніемъ котораго являлась обаятельная личность Кондратенко, доблестнаго вождя, не даромъ прозваннаго „душою обороны“ [3]).

Но смерть унесла Кондратенко и вскорѣ послѣдовала сдача крѣпости.

„Нервное возбужденіе, хотя бы постоянно поддерживаемое внѣшними раздражителями, въ которыхъ въ П.-Артурѣ не было недостатка, не можетъ длиться безъ конца; реакція должна была наступить и она была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ предшествующій періодъ возбужденія сильнѣе истощилъ нервную систему. Даже такіе возбудители, какъ взрывы фортовъ въ декабрѣ, лишь временно выводили людей изъ апатичнаго состоянія, изъ того полнаго равнодушія, когда человѣкъ перестаетъ интересоваться самимъ собою и окружающимъ: артурецъ сталъ безучастнымъ къ тому, что было до него всего дороже, за что страдалъ, что наполняло всю его жизнь за 11 долгихъ, тягостныхъ мѣсяцевъ, за что готовъ былъ умереть — за судьбу П.-Артура! Вѣсть объ отправкѣ парламентера для переговоровъ о капитуляціи еще разъ

---

[1]) Гюббенетъ, стр. 45 и 119.

[2]) Военно-Историческая Комиссія, т. VIII, ч. 2, стр. 645.

[3]) Гюббенетъ, стр. 50.

ударила обмирающій гарнизонъ по больному мѣсту. Но и этотъ послѣдній ударъ, самый тяжкій изъ всѣхъ, не могъ уже вывести нервную систему изъ прострацiи: вмѣсто энергичныхъ дѣйствій и протеста, честно сражавшійся артурецъ — безсильно разрыдался!

Приказаніе одного человѣка, правда того, который, находясь во главѣ войскъ, столько тяжелыхъ мѣсяцевъ словомъ и дѣломъ ободрялъ защитниковъ крѣпости, не вызвало протеста...

Однимъ росчеркомъ пера было нанесено тягчайшее оскорбленіе національному достоинству и чести русскаго оружія...

Только черезъ двое сутокъ, прострація стала постепенно проходить, обмершіе нервные центры снова ожили и вновь стали мыслить и понимать, что случилось нѣчто ужасное, неслыханное и невиданное въ русской военной исторіи—крѣпость сдана... Но теперь было уже поздно... оставалось только смириться съ убійственною дѣйствительностью!“ [1]).

Портъ-Артуръ и Севастополь.

При описаніи геройскихъ подвиговъ гарнизона Портъ-Артура невольно является желаніе сравнить эти событія съ другой обороной, прославившей русскую армію, русскаго солдата ровно 50 лѣтъ тому назадъ! Это—Севастополь! Удивительно похожи другъ на друга эти двѣ славныя страницы исторіи русской арміи: именно доблестью русскаго солдата, высокимъ воинскимъ духомъ!

По длительности своей оборона Портъ-Артура занимаетъ слѣдующее, послѣ Севастополя, мѣсто: Севастополь—346 дней; Портъ-Артуръ, считая со дня перерыва сообщеній съ сѣверомъ, оборонялся 240 дней. Слѣдующія по продолжительности обороны: маленькой французской крѣпости Бичъ—220 дней и Парижа—134 дня.

Но, при сопоставленіи Портъ-Артура съ Севастополемъ, надо имѣть въ виду, что первый, отрѣзанный отъ всего міра, долженъ былъ черпать силы и нравственную энергію для обороны исключительно въ себѣ самомъ; второй—ни одного дня не былъ отрѣзанъ отъ Россіи и постоянно получалъ подкрѣпленія,

---

1) Гюббенетъ, стр. 51—52 и 160.

какъ людьми такъ и боевыми припасами и продовольствіемъ; наконецъ, за нимъ стояла вся Россіи. По упорству обороны, о чемъ можно судить по потерямъ, понесеннымъ осажденными и осаждающими, оборона Портъ-Артура, безъ сомнѣнія, стоитъ на первомъ мѣстѣ. Подъ стѣнами Портъ-Артура была разбита цѣлая японская армія, общія потери которой по 1 декабря достигли до 110 тысячъ человѣкъ; ко дню же капитуляціи крѣпость была окружена новою японскою арміей, численностью около 100 т. человѣкъ. И это сдѣлалъ гарнизонъ всего въ 42 т. человѣкъ. Подъ Севастополемъ въ началѣ мая 1855 года союзники имѣли 168 т. ч., а гарнизонъ Севастополя 80 т. ч., если не считать арміи князя Горчакова, которая могла свободно маневрировать. За время всей 11-мѣсячной осады союзники потеряли около 75 т. ч.; при этомъ надо принять во вниманіе холеру, производившую сильныя опустошенія въ лагерѣ союзниковъ.

Замѣчательно похоже начало дѣйствій. Японцы производятъ высадку у Бидзево такъ же безпрепятственно, какъ и союзники 26 сентября 1854 года на Крымскомъ полуостровѣ. Для защиты Портъ-Артура ген. Стессель даетъ бой у Цзиньчжоу; для защиты Севастополя князь Меньшиковъ встрѣчаетъ врага на Алминской позиціи. Оба сраженія имѣютъ сходство: въ обѣихъ случаяхъ слишкомъ растянутая позиція, несоотвѣтствующая числу войскъ; и тѣ и другіе берутъ позицію обходомъ нашего лѣваго фланга при содѣйствіи артиллеріи флота.

И Севастополь, и Портъ-Артуръ были неготовы къ войнѣ и представляли собой довольно легкую добычу для врага, но онъ въ обоихъ случаяхъ былъ очень остороженъ: какъ союзники послѣ сраженія при Алмѣ не штурмуютъ беззащитный Севастополь, такъ и японцы послѣ ночного нападенія на флотъ, въ ночь съ 26 на 27 января 1904 года, не пытаются произвести дессантъ и взять открытой силой слабо укрѣпленный Портъ-Артуръ. Оба противника теряютъ время, въ теченіи коего съ обѣими крѣпостями совершается, благодаря энергіи и таланту отдѣльнаго лица, удивительная метаморфоза. Тотлебенъ и Кондратенко, воспользовавшись ошибкой противника, превращаютъ слабыя укрѣпленія, по мѣрѣ силъ и возможности, въ грозныя твердыни, заставляющія врага стоять подъ стѣнами крѣпости около года.

Генералъ Богдановичъ пишетъ:

„Благодаря его находчивости и самоотверженію, почти открытый городъ, облекшись въ броню, сопротивлялся почти круглый

годъ всѣмъ усиліямъ новѣйшей поліорцетики, и принявъ на свой щитъ удары направленные на Россію, заставилъ нашихъ враговъ купить успѣхъ дорогою цѣною. Сроднясь душою съ знаменитымъ городомъ, Тотлебенъ, Гекторъ новой Трои, проводилъ дни и ночи въ траншеяхъ и подкопахъ, постоянно въ первыхъ рядахъ защитниковъ Севастополя, и запечатлѣлъ собственною кровью свой незабвенный подвигъ“ [1]).

Не то-ли самое мы можемъ сказать про Кондратенко, лишь съ тою разницей, что онъ свой подвигъ запечатлѣлъ смертью. Въ самой оборонѣ крѣпости видна большая разница. Гарнизонъ Севастополя, опираясь на полевую армію, ведетъ оборону активно: все время даются большія сраженія—у Балаклавы, Инкермана, на рѣчкѣ Черной. Сама инженерная оборона ведется также активно: впереди крѣпости, съ цѣлью помѣшать осаднымъ работамъ противника, строятся ложементы, завалы, знаменитые Селенгинскій и Волынскій редуты и Камчатскій люнетъ. Все это сильно задерживаетъ ходъ осадныхъ работъ, но стоитъ большихъ потерь: подъ Инкерманомъ мы теряемъ 10—12 т. ч.; при р. Черной больше 8 т. ч. Потери эти больше, чѣмъ у союзниковъ, что объясняется активностью нашихъ дѣйствій: атакующій всегда теряетъ больше обороняющагося. Но, какъ я сказалъ раньше, Севастополь получалъ все время подкрѣпленія. Предоставленный же своимъ собственнымъ силамъ, малочисленный гарнизонъ Портъ-Артура не можетъ позволить такой себѣ роскоши, и если не считать вылазокъ небольшими партіями и контръ-апрошныхъ работъ, пассивно отбиваетъ штурмы японцевъ. Зато и разница въ потеряхъ: за всю осаду гарнизонъ Севастополя потерялъ 102 т. ч.; подъ Портъ-Артуромъ наши потери—31 т. ч.

Какъ подъ Севастополемъ, такъ и подъ П.-Артуромъ, непріятель все время бомбардируетъ крѣпость. Въ обоихъ случаяхъ враги оказались сильнѣе насъ какъ по числу орудій, такъ и по количеству боевыхъ запасовъ. Правда, за пятьдесятъ лѣтъ техника ушла далеко впередъ и въ 1854 году никто и не смѣлъ думать о такомъ могущественномъ орудіи, какъ 11-дм. гаубица; изъ этого ясно, что положеніе П.-Артура было тяжелѣе.

Въ ночь съ 11-го на 12-е февраля 1855 года французы штурмуютъ Селенгинскій редутъ; невольно напрашивается сравненіе съ атакой ген. Накамура Курганной батареи 13-го ноября 1904 г.

---

[1]) М. И. Богдановичъ. Восточная война 1863—1866 годовъ, т. III, стр. 47.

6 іюня союзники идутъ на штурмъ Малахова кургана; разыгрывается жестокій бой, но, благодаря доблести войскъ, штурмъ отбитъ.

Въ критическую минуту, ген. Хрулевъ хватаетъ двѣ роты Сѣвцевъ и съ возгласомъ: „благодѣтели! за мной!“ ведетъ ихъ и выбиваетъ уже ворвавшихся французовъ. Какъ не сравнить ген. Хрулева съ полк. Ирманомъ и Третьяковымъ, отбивавшими геройски штурмы горы Высокой. А ген. Горбатовскій, такъ доблестно отбившій августовскіе штурмы на Восточномъ фронтѣ, развѣ не достоинъ стать рядомъ съ Хрулевымъ? Относительно дѣйствій флота надо сказать, что въ Севастополѣ его не существовало; однако, оставшіеся пароходы „Херсонесъ“ и „Владиміръ“ все время содѣйствуютъ сухопутнымъ войскамъ, рискуя собой, а въ сраженіи при Инкерманѣ 24 октября 1854 года прикрываютъ отступленіе войскъ. Знаменитые адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ руководятъ на бастіонахъ дѣйствіями войскъ и идутъ рука объ руку съ сухопутнымъ начальствомъ; такой суровый „морской волкъ“, какъ Нахимовъ, ежедневно присылаетъ къ постели раненаго молодого полковника Тотлебена свѣжіе цвѣты. Къ сожалѣнію, этого не было въ П.-Артурѣ; между моряками и сухопутными войсками существовала какая-то рознь и только въ Цзиньчжоускомъ бою помогала канонерская лодка „Бобръ“.

„Однако, стоило начаться августовскимъ штурмамъ, какъ моряки, покинувъ свои суда, приняли энергичное участіе въ ихъ отбитіи, а выказанная ими при этомъ высокая воинская доблесть сразу же положила конецъ всякой розни, моряки и гарнизонъ по-братски, рука объ руку, стали защищать сухопутный фронтъ крѣпости, и вскорѣ уже трудно было сказать, гдѣ кончились подвиги гарнизона и начинались подвиги моряковъ, настолько они слились въ одно органическое цѣлое, одухотворенное высокой идеей отстоять крѣпость во что бы то ни стало.

Подвиги личнаго состава Портъ-Артурской эскадры на веркахъ крѣпости невольно воскрешаетъ въ нашей памяти доблестную самоотверженную службу ихъ дѣдовъ 50 лѣтъ тому назадъ, когда герои Синопа, видя невозможность борьбы съ противникомъ на морѣ, также покинули свои суда и, перейдя на сушу, своей блистящей службой вписали въ исторію нашего флота славное имя Севастополя. Однако, сравнивая оборону Севастополя съ обороной Портъ-Артура, во второмъ случаѣ нельзя не обратить вниманіе на отсутствіе той же солидарности въ дѣй-

ствіяхъ, которая существовала между начальствомъ сухопутныхъ силъ Севастополя и высшими начальниками Черноморской эскадры“ [1]).

Относительно доблести русскаго офицера и солдата, должно сказать, что со временъ Севастополя они не измѣнились; въ нихъ по прежнему живетъ тотъ высокій воинскій духъ, благодаря которому русскіе штыки прошли побѣдоносно черезъ всю Европу и побывали въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Азіи. Эта доблесть развернулась во всю русскую мощь и ширь въ П.-Артурѣ. Какъ въ Севастополѣ, старый николаевскій солдатъ геройски встрѣчалъ бѣшеныя атаки французскихъ зуавовъ и шотландскихъ кольдстримовъ, такъ и въ Артурѣ, подъ градомъ снарядовъ, теперешній молодой солдатъ доблестно отбивалъ безумные штурмы японцевъ. Какъ подъ Севастополемъ матросъ Шевченко заслонилъ своею грудью лейтенанта Бирилева, такъ и въ Артурѣ остатки 1-й роты 14 полка идутъ розыскивать тѣло погибшаго на редутъ № 1 своего командира, капитана Россина. Это ли не высшая воинская добродѣтель?

Голицынскій, Верховскій, Кириленко, Нельгинъ, Дударовъ, Ясенскій—развѣ эти офицеры не герои? Я назвалъ только нѣсколько именъ, а ихъ было много; и правъ былъ ген. Стессель, телеграфируя: „у меня всѣ герои“. Да, эти люди не посрамили земли русской и дрались также доблестно, какъ ихъ дѣды и отцы подъ Севастополемъ!

Несмотря на затрудненія въ подвозѣ, благодаря сквернымъ дорогамъ и распутицѣ, интендантская часть подъ Севастополемъ была удовлетворительна, войска почти ни въ чемъ не нуждались. Историкъ осады Севастополя въ ужасѣ говоритъ, что цѣны въ Севастополѣ страшно поднялись, что фунтъ бѣлаго хлѣба стоилъ 10 копѣекъ, фунтъ сахару—40 коп., коровьяго масла—15 коп. Что бы онъ сказалъ, если бы прочелъ слѣдующія строки: „въ декабрѣ за индѣйку платили отъ 35 руб. до 50 руб., за корову—800—900 руб.; за свинью пуда въ четыре-пять—400 руб. даже стоимость фунта луку или чесноку доходила до 5 руб.“ [2]).

Санитарная часть въ Севастополѣ стояла неизмѣримо ниже, чѣмъ въ П.-Артурѣ. Правда, что за 50 лѣтъ медицина, а, особенно, хирургія сдѣлала громадный шагъ впередъ; правда, что

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 229—230.
[2]) Гюббенетъ, стр. 154.

въ нашей арміи подъ Севастополемъ свирѣпствовала холера, и, вообще, желудочныя заболѣванія, но въ Артурѣ свирѣпствовалъ еще злѣйшій бичъ—цынга. Въ Артурѣ невозможна была эвакуація больныхъ и раненыхъ—этотъ лучшій способъ борьбы со смертностью въ арміи, а подъ Севастополемъ она была на лицо. Несмотря на это, уже въ началѣ ноября 1854 года изъ 126 т. ч. въ госпиталяхъ лежало однихъ больныхъ 27 т. ч.; Симферополь представлялъ сплошной госпиталь. Знаменитый нашъ хирургъ Н. И. Пироговъ, прибывъ въ Севастополь, пришелъ въ ужасъ отъ тѣхъ антисанитарныхъ условій, въ которыхъ находились наши раненые и больные. И всѣ эти страданія нашъ русскій солдатъ переносилъ тихо, безропотно и съ истинно христіанскимъ смиреніемъ.

Вотъ что пишетъ профессоръ Гюббенетъ, находившійся почти все время осады въ Севастополѣ: „Съ трепетнымъ чувствомъ печали и глубочайшаго уваженія проникъ я въ это скопище страдальцевъ. И когда смотрѣлъ на блѣдныхъ, опаленныхъ порохомъ нашихъ храбрецовъ, съ разбитыми и окровавленными членами, но съ выраженіемъ спокойствія, покорности, даже нѣкотораго довольства на лицѣ, я невольно подумалъ: „съ такой арміей можно завоевать міръ"! [1]).

Какъ сходны эти слова со словами другого доктора Гюббенета о защитникахъ П.-Артура, которыя я приводилъ раньше. Но, какъ и въ П.-Артурѣ, къ концу осады нравственныя силы бойца были окончательно подорваны.

„По свидѣтельству очевидца: въ городѣ господствуетъ общее истощеніе. Солдаты не ослабѣли въ исполненіи своего долга; но, безчувственные ко всему, дѣйствуютъ почти безсознательно, какъ автоматы, и ежели, по прежнему, пренебрегаютъ опасностью, то лишь потому, что, помышляя постоянно о смерти, они равнодушны ко всему, и даже къ самой смерти" [2]).

И союзники, такъ же, какъ и японцы, ожидая еще долгаго сопротивленія, были поражены очищеніемъ Севастополя.

---

1) Богдановичъ, т. IV, стр. 170.
2) Тамъ же, т. III, стр. 282.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какой-же выводъ мы можемъ сдѣлать изъ всего нами сказаннаго? Какую роль сыгралъ П.-Артуръ? Каково было его стратегическое значеніе? Какое слово сказалъ П.-Артуръ въ смыслѣ значенія крѣпостей? Наконецъ, чѣмъ объяснить столь продолжительную оборону не вполнѣ законченной крѣпости?

На эти вопросы даютъ полные, вполнѣ основательные отвѣты, Шварцъ и Романовскій. Я приведу ихъ цѣликомъ.

„Занятіе Россіей Маньчжуріи и быстрый ростъ Японіи въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ естественно породили вопросъ о поддержаніи нашего престижа на берегахъ Тихаго океана и оборонѣ нашихъ дальне-восточныхъ владѣній. Отдаленность послѣднихъ отъ метрополіи и слабая ихъ населенность вызвали необходимость или построить тамъ цѣлый рядъ сильныхъ опорныхъ пунктовъ и держать постоянно наготовѣ значительныя вооруженныя силы, что, очевидно, было связано для государства съ огромными и непосильными расходами, или же вынести эту оборону впередъ и, пріобрѣтя на берегахъ Тихаго океана незамерзающій портъ, создать базу для сильной активной эскадры. Въ послѣднемъ случаѣ, мы не только угрожали операціоннымъ линіямъ японцевъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдаляли центръ тяжести могущихъ возникнуть военныхъ операцій ближе къ востоку, что давало намъ необходимый выигрышъ во времени.

Поэтому можно быть того или другого мнѣнія о нашей политикѣ на Дальнемъ Востокѣ послѣ 1894 года, но разъ мы заняли Маньчжурію и приступили къ постройкѣ Восточно-Китайской желѣзной дороги,—рѣшеніе занять и укрѣпить Портъ-Артуръ было вполнѣ цѣлесообразно, ибо, организовавъ въ Портъ-Артурѣ базу для нашего флота, мы серьезно угрожали морскимъ путямъ Японіи, а созданіемъ на Квантунѣ сильной маневренной крѣпости одновременно угрожали съ лѣваго фланга операціон-

ной линіи японской арміи, высадившейся въ Кореѣ и сильно затрудняли возможность японскаго дессанта на Ляодунскомъ полуостровѣ. Все это должно было заставить японцевъ считаться съ Портъ-Артуромъ, связывало имъ руки съ самаго начала военныхъ операцій и, затягивая послѣднія, давала намъ возможность сосредоточить нашу армію гдѣ-либо въ Ляоянскомъ или Мукденскомъ раіонахъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, было стратегическое значеніе Портъ-Артура въ минувшую войну, и отсюда понятно, какимъ огромнымъ коэффиціентомъ должна была войти эта крѣпость при выработкѣ плана военныхъ дѣйствій противъ Японіи. Къ сожалѣнію, остановившись на мысли занять и укрѣпить Портъ-Артуръ, мы не приступили къ ея исполненію настолько рѣшительно и энергично, какъ того требовали обстоятельства и въ результатѣ война застала крѣпость въ полузаконченномъ видѣ, а какъ база для флота, по своей необорудованности, онъ заставлялъ во всѣхъ отношеніяхъ желать лучшаго. Въ довершеніе всего, въ силу сложившихся обстоятельствъ, наша эскадра отказалась отъ какой-либо активной роли въ начавшейся войнѣ и такимъ образомъ главная цѣль, которая преслѣдовалась занятіемъ Портъ-Артура—угрожать морскимъ сообщеніямъ Японіи—осуществлена не была. Однако, даже одно присутствіе въ Портъ-Артурѣ нашихъ судовъ настолько тревожило японцевъ, что они рѣшили овладѣть крѣпостью во чтобы то ни стало и назначили для этой цѣли значительныя силы, сильно ослабивъ этимъ свою Маньчжурскую армію.

Хотя, какъ сухопутная крѣпость, Портъ-Артуръ также былъ далекъ отъ совершенства и слабо былъ обезпеченъ артиллерійскими снарядами, а отчасти и продовольствіемъ, но, даже при такихъ условіяхъ оказалъ осаждающему длительное и упорное сопротивленіе.

Несмотря на цѣлый рядъ упорнѣйшихъ штурмовъ, несмотря на превосходство осадной артиллеріи, среди которой, вопреки ожиданіямъ, появились такія могучія орудія разрушенія, какъ 28-см. гаубицы, крѣпость выдержала 5 мѣсяцевъ осады и пала лишь тогда, когда противникъ, поведя минную войну, превратилъ атакованныя имъ долговременныя укрѣпленія въ груду развалинъ.

Въ общемъ итогѣ, Артуръ въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ приковалъ къ себѣ не менѣе 150 тысячъ японцевъ и этимъ далъ

намъ возможность сосредоточить въ Маньчжуріи силы, не только не уступавшія по численности японскимъ, но къ Мукденскимъ боямъ даже ихъ нѣсколько превосходившія, несмотря на подходъ къ арміямъ Оямы арміи генерала Ноги изъ подъ Портъ-Артура.

Такимъ образомъ, если въ минувшую войну Артуръ, какъ база для эскадры, не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, то, какъ сухопутная крѣпость Артуръ сыгралъ выдающуюся роль, а принимая во вниманіе состояніе его верковъ и другія обстоятельства обороны, приходится признать, что крѣпость дала даже значительно больше, чѣмъ могла; по крайней мѣрѣ японцы вполнѣ были увѣрены, что овладѣютъ ею гораздо скорѣе и длительность обороны спутала ихъ первоначальные планы.

Различные техническіе вопросы, выяснившіеся и затронутые борьбой за Портъ-Артуръ, подлежатъ спеціальному изслѣдованію, и разсмотрѣніе ихъ не составляло цѣли нашего труда, но, во всякомъ случаѣ, на основаніи опыта обороны Портъ-Артура можно съ увѣренностью сказать, что, несмотря на развитіе артиллеріи, несмотря на разрушительность современныхъ снарядовъ, значеніе укрѣпленныхъ пунктовъ не только не умалилось, а скорѣе возросло и Портъ-Артуръ, который нельзя было считать современной крѣпостью, въ полномъ смыслѣ слова, доказалъ, что золотой вѣкъ крѣпостей не миновалъ, и, будучи построены на важныхъ по своему стратегическому значенію пунктахъ, онѣ всегда явятся важными союзниками полевой арміи и облегчатъ дѣйствія послѣдней.

Однако, какую бы роль ни сыграла современная техника въ дѣлѣ обороны Портъ-Артура, продолжительность и упорство послѣдней объясняется, главнымъ образомъ, безпримѣрнымъ мужествомъ, доблестью и самоотверженіемъ гарнизона крѣпости.

Тяжелый крестъ выпалъ на долю русскаго солдата при оборонѣ Портъ-Артура, но до послѣдней минуты онъ несъ его съ высокимъ самоотверженіемъ, смѣло глядя въ глаза смерти, и безропотно умиралъ на угрюмыхъ скалахъ Портъ-Артура, обильно политыхъ его кровью, въ сознаніи своего долга передъ Царемъ и родиной.

Даже въ послѣднія недѣли осады, когда весь гарнизонъ понялъ, что началась агонія крѣпости, и потерялъ послѣднюю надежду на помощь извнѣ, среди него царила строгая дисциплина и вообще въ теченіе всей обороны, несмотря на всѣ ужасы

войны и лишенія, случаи ея нарушенія были настолько рѣдки, что насчитывались лишь единицами, и ихъ было даже меньше, чѣмъ въ мирное время.

Словомъ, до послѣдней минуты русскій солдатъ свято исполнялъ свой долгъ и, истекая кровью, не выпускалъ изъ слабѣющихъ рукъ винтовки, готовый до послѣдняго вздоха служить своей далекой родинѣ.

Какъ бы ни было тяжело для русскаго національнаго чувства паденіе Портъ-Артура, Россія въ правѣ гордиться подвигами многострадальнаго гарнизона Портъ-Артура, ибо, изучая оборону крѣпости, нельзя не признать, что могущество современной артиллеріи и успѣхи современной техники не сломили въ рядахъ русской арміи тотъ духъ беззавѣтнаго мужества, который вписалъ въ ея лѣтописи имена Полтавы, подвиги Суворовскихъ чудо-богатырей и цѣлый рядъ другихъ побѣдъ и сдѣлалъ имя русскаго солдата грознымъ для его враговъ.

Не отсутствіе доблести у русскаго солдата, а неудовлетворительная подготовка къ войнѣ, ошибки высшаго командного персонала и техническія упущенія были причиной нашихъ неудачъ въ русско-японскую войну и заставили русскую армію сойти съ пути побѣдъ. Поэтому печальный опытъ русско-японской войны не можетъ быть преданъ забвенію; устранивъ упорной работою мирнаго времени обнаруженные имъ недочеты, мы можемъ съ твердою вѣрою взирать на будущее, и русская армія снова станетъ той грозной, непобѣдимой силой, для которой нѣтъ невозможнаго!“ [1]).

„На вопросъ, чѣмъ же объяснить стойкость артурскаго гарнизона, его геройское самопожертвованіе, которыя заставили весь міръ удивиться, можно сказать лишь одно: тѣмъ русскимъ духомъ, тѣмъ патріотизмомъ и воинственнымъ самолюбіемъ, которые уцѣлѣли въ каждомъ русскомъ человѣкѣ, тѣмъ духомъ и той вѣрой, что наше отечество велико не однимъ пространствомъ, и что на каждомъ изъ насъ, въ тяжелую годину, лежитъ извѣстный, святой долгъ предъ нашимъ отечествомъ, тѣмъ духомъ, который таится въ каждомъ изъ насъ и проявился въ Артурѣ не только въ каждомъ солдатѣ, но и въ каждомъ мирномъ жителѣ, даже каждой простой женщинѣ, въ каждомъ под-

---

[1]) Шварцъ и Романовскій, т. II, стр. 620—623.

росткѣ. Имъ жили и дышали всѣ; онъ заставилъ безропотно, бодро переносить всю тяжесть осады, голодъ и холодъ“ [1]).

Совершенно умѣстно здѣсь привести афоризмъ нѣмецкаго писателя Фабера: „Любовь къ отечеству обнаруживается въ самыхъ разнообразныхъ чертахъ; но только въ Россіи она героическая“.

По окончаніи войны иностранцы, да и наша печать, пораженные и удивленные успѣхами японцевъ и неудачами, доселѣ непобѣдимой Русской арміи, стали приписывать арміи нашихъ враговъ какія-то, до тѣхъ поръ, неизвѣстныя и невиданныя качества. Но послушаемъ лучше участника защиты горы Высокой, героя Цзиньчжоу, полковника Третьякова, видавшаго не разъ японскія войска въ самыхъ различныхъ положеніяхъ и имѣвшаго больше случаевъ изучить ихъ свойства и качества, чѣмъ какіе-либо досужіе корреспонденты. Онъ пишетъ:

„Напрасно приписываютъ имъ большія знанія и большое искусство въ военномъ дѣлѣ. Большой храбрости я въ нихъ также не вижу; такого же мнѣнія о нихъ и наши стрѣлки.

Японецъ очень остороженъ, онъ не любитъ бравировать смѣлостью. Правда, онъ идетъ въ атаку настойчиво, но на это вліяютъ много причинъ: прежде всего первоначальный успѣхъ, во вторыхъ, малочисленность нашего гарнизона и затѣмъ, съ неидущими въ атаку, у нихъ расправляются безъ церемоній, шрапнелью.

Побили насъ наши ошибки, а не японцы, а разъ мы ихъ исправимъ, то японцы неминуемо будутъ побиты нами. Въ этомъ я не сомнѣваюсь ни секунды, такъ какъ хорошо знаю свойства и всей японской арміи, и отдѣльнаго японскаго солдата“ [2]).

Но не надо спокойно закрывать глаза на происходящія нынѣ событія на Дальнемъ Востокѣ. Японія—государство большое, сильное, одухотворенное энергіей и патріотизмомъ. Въ настоящее время между Россіей и страной Восходящаго Солнца заключенъ миръ. Между Петербургомъ и Токіо царитъ полное entente cordiale, но японцы, несмотря на глубокій миръ, продолжаютъ съ лихорадочной поспѣшностью свои вооруженія, и многіе умные и

---

1) Ларенко, т. II, стр. 787—788.
2) Третьяковъ. Военный Сборникъ, 1909 г.

дальновидные люди говорятъ, что вопросъ Дальняго Востока не кончился въ Портсмутѣ, а только временно затихъ. Одни сознаютъ это своимъ острымъ умомъ, другіе — своей чуткой душой. Стихами г. Лаврецкаго я закончу свое повѣствованіе.

„Берегись, моя родина, врагъ твой хитеръ
И тебѣ непонятенъ и страненъ;
Приготовь же ему свой могучій отпоръ;
Отомсти; онъ и такъ уже раненъ,
Но, хотя онъ усталъ, истомленъ онъ борьбой,
И хотя тяжела его рана,
Берегись, моя родина, онъ за спиной
Вновь плететъ тебѣ сѣти обмана.
Неужели ты вѣришь, что проченъ съ нимъ миръ,
Миръ неслыханный нами донынѣ?
Нѣтъ, не кончилъ нашъ врагъ побѣдный свой пиръ
На обломкахъ Артурской твердыни.
И на этомъ пиру кровь твоихъ сыновей,
Какъ вино, налита имъ въ бокалы,
И печальныя слезы твоихъ матерей
Въ кудряхъ женъ его—словно опалы.
Посмотри: на маньчжурскихъ поляхъ и горахъ
Поднимаются скорбныя тѣни
И, построясь, въ прозрачныхъ, воздушныхъ рядахъ,
Ждутъ побѣдныхъ и славныхъ сраженій.
И изъ безднъ океана встаютъ моряки
Съ стономъ прискорбнымъ, какъ говоръ прибоя;
Въ этомъ стонѣ—печаль безконечной тоски,
Жажда мщенья и славнаго боя.
Ждутъ погибшіе честно въ печальныхъ бояхъ,
Ждутъ, не зная отрады, покоя,
Шлютъ по вѣтру они, на попутныхъ волнахъ,
Какъ мольбу, завѣщаніе боя...
И ты, родина, ранена; рана твоя,
Можетъ быть, и легка, но больнѣе:
Въ ней—по славѣ, величью былому тоска,
По погибшей великой идеѣ.
Но позоръ пораженій, войны безъ побѣдъ
Неужели-жъ о мщеніи забудемъ?...
Нѣтъ, готовься, Россія! И павшихъ завѣтъ

Въ этомъ мщеньи съ тобою да будетъ,
Но теперь берегись: то затишье—не миръ;
Это—чуткій покой предъ грозою...
О, не дай же окончить врагу его пиръ,
Орошенный твоею слезою!" [1]).

Составилъ П. Орловъ.

---

[1]) Военный Голосъ 1906 г. № 6.

СХЕМЫ

КЪ ЧАСТИ II-й ТРУДА

«БОЕВАЯ РАБОТА РУССКОЙ АРМІИ».

Схемы заимствованы изъ атласа къ исторіи войны
Полковника В. Черемисова.

СХЕМА № 1.

Расположенiе войскъ передъ началомъ наступленiя Маньчжурской Армiи 22 сентября.

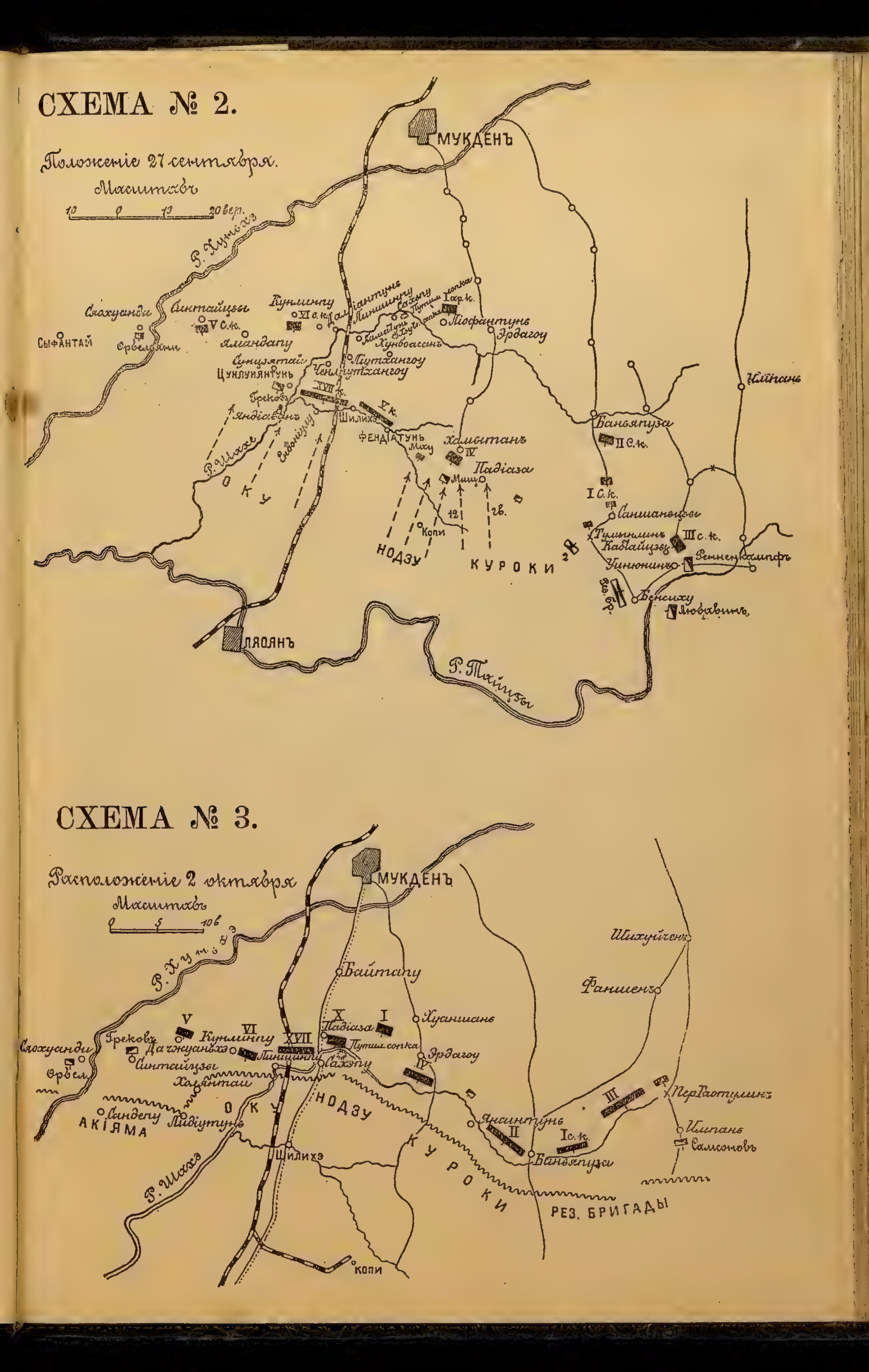

СХЕМА № 2.
Положеніе 27 сентября.
Масштабъ
10 0 10 20 вер.
МУКДЕНЪ
Р. Хунъ-хэ
Сяохуанди
Сифантай
Орбельяни
Синтайцзы
V с.к.
Кунлинпу
VI с.к.
Ямандапу
Цунлуиянтунь
Грековъ
XVII
Шилихэ
Фендiатунь
Хамытанъ
IV
Падiаза
Мицу
Копи
12
2в.
Р. Шахэ
О К У
НОДЗУ
К У Р О К И
Тiофантунь
Эрдагоу
I ар. к.
Хунбоассинь
Банъяпуза
II с.к.
I с.к.
Саншанецзы
III с.к.
Уинюнинъ
Ренненкампфъ
Бенсиху
Любавинъ
Климпань
ЛЯОЯНЪ
Р. Тайцзы
СХЕМА № 3.
Расположеніе 2 октября
Масштабъ
0 5 10в
МУКДЕНЪ
Р. Хунъ-хэ
Байтапу
Шихуйченъ
Фаншенъ
Хуаншанъ
X
I
Падiаза
Путилова сопка
Эрдагоу
IV
Сяохуанди
Орбель
Грековъ
V
VI
Кунлинпу
XVII
Синтайцзы
Линшинпу
Сахэпу
Хаянтаи
Сандепу
АКIЯМА
Лидиутунь
О К У
НОДЗУ
К У Р О К И
Шилихэ
Р. Шахэ
Янантунь
II
I с.к.
III
Банъяпуза
Пертаотулинъ
Кимпань
Самсоновъ
РЕЗ. БРИГАДЫ
копи

СХЕМА № 4.

расположенія 2-й Маньчжурской арміи

вечеромъ 15. января 1905 г.

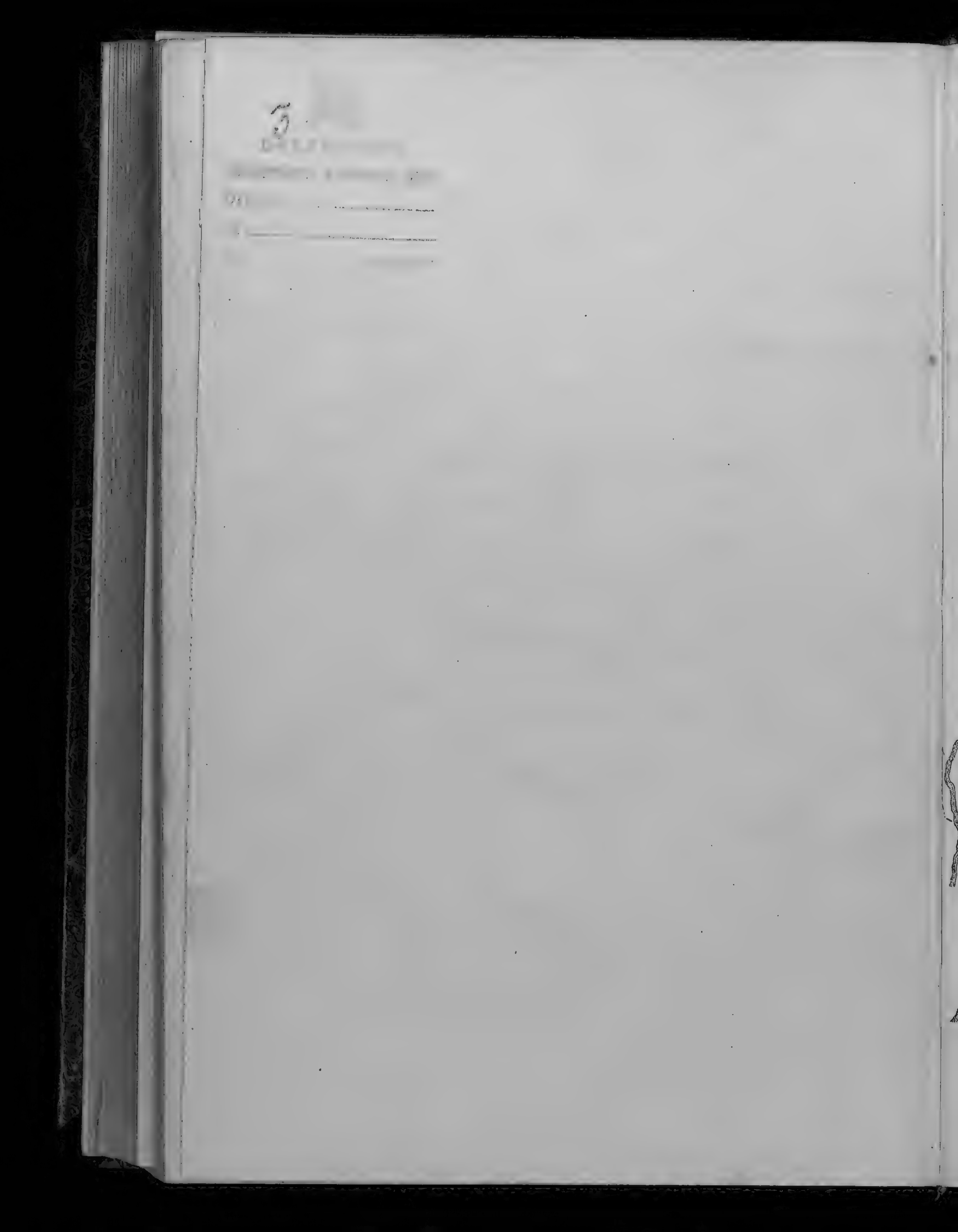

СХЕМА № 5.
Положеніе передъ Мукден-скими боями.
Масштабъ:
10 0 10 20 вер.
ТЕЛИНЪ
СИНМИНТИНЪ
КАОЛИТУНЬ
Пинлопу
Ст. Хушитай
Пухэ
Тава
Ташичао
Импер. мог.
Таминтунь
Фулинъ
Мучанъ
Кіузань
Фушунъ
Чинта
Импань
МУКДЕНЪ
Чансамутунь
Шихуйчень
Кудяза
Синцзинтинъ
Масловъ
Мааяпу
Бейтапу
XVI к.
Цаенза
I с.к.
II армія
III армія
I армія
Сыфантай
Чжантань
Хоуантай
Шахэ
Ст. Шахэ
Шанланиза
Сандепу
Мацзяндань
Тюпинтай
Шидахеза
Пер. Гаотулинъ
Пер. Ванфунлинъ
Пер. Вайдалинъ
Пер. Папанлинъ
Кандолисанъ
Баньяпуза
Пер. Далинъ
Экк
Цинхэчень
Баумгартенъ
Гаолинцы
Любавинъ
Нодзу
Оку
Куроки
Хаматанъ
Сашичауза
Тапу
Янтай
Балама
Уванюлу
Талантоцзы
Шагоуцзы
Давань
Мамакай
Бейдагоу
Сяобейхе
Ноги
Тасаминъ
ЛЯОЯНЪ
БЕНСИХУ
Кавамура
Цзянчанъ
Р. Ляохе
Р. Шахэ
Озеро Огия

Каолитунь
Г. Л. Биргеръ
Кон. отр. Грековъ
Талинтунь
Саминпу
Ст. Хуншитай
Имиер. могилы
МУКДЕНЪ
Мадяпу
Вейтапу
Сухудяпу
Тусампу
Цантапу
Сандіаза
Цаенза
Туэльпу
Паншань пу
III армія
Р. Ляохе
Н
О
Г
И
Таухуза
Сыфантай
Св. к.
Чжантань
XVII к.
Чжанжуанцза
Х к.
Холентай
Хуанди
Вейтацзы
Чжантаньхенань
Цзиньшандунь
Р. Шаhе
Хегоутай
9
8
5
О
К
У
СХЕМА № 6.
Располож. II арміи къ 16 февр.
Наступл. арміи Ноги.
0
8 вер.

СХЕМА № 7.

Положеніе 19-го февраля.

0 4 8 верстъ

Изъ Синминтина
Пинлопу
Тасинтунь
Ташичао
Хохунтай
Ливуанпу
Юхуантунь
Ст.
Янсынтунь
I с. к.
Сатхоза
Мадяпу
Сахетунь
Сухудяпу
Байацзышинь
Суятунь
Тасинтунь
Импер. могилы
Фулинь
МУКДЕНЪ
Кіузань
Р. Хуньхе
Фіншунь
Импанъ
Г. М. Масловъ
Шихуйченъ
Даниловъ
Любавинъ
Ренненкампфъ
Бахинскій
Путиловская сопка
I ар. к.
IV к.
Сахепу
Р. Шахе
II к.
Кандолисанъ
III корпусъ
Пер. Гаотулинъ
Баумгартенъ
Тумановъ
Пер. Вейдалинъ
Пер. Уанфулинъ
Пер. Далинъ
Баньяпуза
III армія
3-я див.
1
7
9
8
5
НОГИ
ОКУ
НОДЗУ.
КУРОКИ
КАВАМУРА

Цаохотунь
Паодаотунь
Ташичао
Люцзвихуань
Пудзофань
Падяза
Сантайцза
Шадіаза
Тахэнтунь
Хохунтай
Фансытунь
г. Бернгросъ
Сахэдза
Хоуха
Р. Пухэ
Сандяфеуръ
Тюхуаюень
Матюанза
Ендіахуань
Нюсинтунь
Прав. кол.
Средн. кол. г. Топор...
Цъгуантунь
Хуансутэнь
Кудяза
Ст.
МУКДЕНЪ
Ливуаньпу
Юхуантунь
Каулантай
Саминпу
Яндяганза
Чансынтунь
Яндягоу
Ландюнтунь
Гуаньцзяпуцза
Янсытунь
Фугонтунь
Кангыатунь
Кол. г. Церпицкій
Кудяза
Сатхоза
Сяосатоза
Мадяпу
Р. Хуньхэ
Цхоцзуантунь
Мадяпу
Синандао
Мамахуса
Левая
Тунхайза
Эльтхайза
Сахудяпу
СХЕМА № 8.
Положеніе войскъ западнаго фронта 20-го февр.
Тусампу
Печензы
Цинтапу
Татай
Суятунь
Ст.
Тасудяпу
Масштабъ:
2 1 0 2 4 вер.

СХЕМА № 9.
Положеніе къ утру 25го февр.
Масштабъ:
2 0 2 4 вер.
МУКДЕНЪ
Я П О Н Ц Ы
К У Р О К И
К А В А М У Р А
Н О Д З У
О К У
Н О Г И
N
S
Р. Пухэ
Р. Хуньхэ

№ 10.

ПЛАНЪ ПОРТЪ-АРТУРА.

